

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ LXXXV, № 1.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО

ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

АКАДЕМИКА

М. И. Сухомлинова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1908.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

О ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ, КАКЪ ПАМЯТНИКЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ¹⁾.

Лѣтописи принадлежатъ безспорно къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ нашей древней словесности, какъ по многочисленности своей, такъ и по внутреннему достоинству. Разсѣянные по всему пространству Россіи, онѣ не рѣдкость и въ библіотекахъ иностранныхъ: въ Парижѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ и въ другихъ Европейскихъ городахъ находятся списки Русскихъ лѣтописей ²⁾. Достоинство содержанія лѣтописныхъ сборниковъ составляетъ причину того, что на нихъ обращали и обращаютъ особенное вниманіе при изученіи нашей старины. Въ ряду литературныхъ памятниковъ лѣтопись служитъ наиболѣе полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ образованности и быта нашихъ предковъ. Возникнувъ изъ требованій дѣйствительности, она шла рука объ руку съ жизнью народа, измѣняла и мѣсто, и видъ, и духъ свой съ измѣненіемъ мѣста и характера народной дѣятель-

1) Ученыя Записки Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, книга III, Спб. 1856 г., и отдѣльно, Спб. 1856 г.

2) Ср. Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы, хранящихся въ библіотекахъ Германіи и Франціи, составл. С. Строевымъ. 1841. Отдѣленіе III, стр. 79 и слѣд.—Несторъ, Шлепсера. I, стр. чг.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

ности. Не случайно произошло появленіе лѣтописи, какъ памятникъ литературнаго: такъ же естественно было и ея прекращеніе. Если и допускають въ послѣднемъ обстоятельствѣ вліяніе выѣшнее, мѣры запретительныя, то самое употребленіе этихъ мѣръ показываетъ, что условія быта нашего стали уже иныя, отличавшія его отъ періода древняго, котораго правдивымъ свидѣтелемъ была непрерывная лѣтопись.

Непрерываемая послѣдовательность въ дѣлѣ лѣтописномъ служить доказательствомъ его необходимости, вызываемой, безъ сомнѣнія, временемъ и обстоятельствами. Тѣмъ охотнѣе занимался составленіемъ лѣтописей и тѣмъ чаще справлялись съ ними, чѣмъ обширнѣе былъ кругъ потребностей, которымъ могли онѣ удовлетворять. А этотъ кругъ былъ довольно значителенъ по самому существу лѣтописи — у насъ, какъ и у другихъ народовъ. Желаніе и нужда отмѣчать событія, кажущіяся почему либо важными, весьма естественны для человѣка, на какой бы степени образованія онъ ни находился. Поэтому краткія указанія замѣчательнѣйшихъ происшествій, первообразъ лѣтописей, принадлежать у многихъ народовъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ письменности. Въ первоначальномъ своемъ видѣ лѣтописныя указанія представляются не чѣмъ инымъ, какъ календарными замѣтками. Народы или части ихъ, не знающіе письменъ, употребляютъ обыкновенно «черты и рѣзы», отмѣчая ими на кускахъ дерева мѣсяцы и даже дни со всѣми праздниками: такого рода календари извѣстны какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы. Письмена замѣняютъ собою черты и рѣзы, и даютъ возможность сохранить вполне воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. Въ потребности сохранить его заключается первый зародышъ лѣтописей. Съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтають все болѣе и болѣе достоинства, изъ календарныхъ замѣтокъ становятся лѣтописями въ настоящемъ смыслѣ слова.

Возбуждаемая невольнымъ стремленіемъ человѣка удержать воспоминаніе о быломъ, лѣтописная дѣятельность рано находить участіе и опору въ лицахъ, стоящихъ во главѣ обще-

ства. По мѣрѣ того, какъ опредѣляется у народа общественное устройство, возникаетъ и потребность упрочить его сохраненіемъ памяти о томъ, что освящено давнимъ обычаемъ. Наши древніе князья повелѣвали вносить въ лѣтопись все, что случилось при нихъ, доброе и недоброе, съ совершенною истинною и безъ всякихъ украшеній: «первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣваючи вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ» ¹⁾. Свидѣтельство Русской лѣтописи подтверждается подобными распоряженіями правительственныхъ лицъ у различныхъ народовъ, даже самыхъ несходныхъ по общественному быту. У одного изъ древнѣйшихъ народовъ Азіи были такъ называемые исторіографы правой руки и исторіографы лѣвой руки: первые — для записыванья рѣчей государей, вторые — для записыванья ихъ дѣлъ. Совершенно такой же обычай существовалъ и на западѣ Европы. Въ средніе вѣка при дворѣ Британскомъ находились свѣдущіе люди, которые обязаны были записывать замѣчательные поступки и слова своихъ государей. Для избѣжанія лести записки эти могли быть обнародываемы не иначе, какъ по смерти уже владѣтельнаго лица и его дѣтей ²⁾. Такое сходство учрежденія въ обществахъ совершенно противоположныхъ одно другому заставляетъ искать его источника въ необходимости имѣть лѣтопись, признаваемой правительственными лицами вообще, безъ различія народностей.

Всѣ важныя событія въ жизни народа, мѣры внутренняго управленія и сношеній внѣшнихъ вносились въ лѣтопись. Къ ней обращались въ случаѣ несогласія князей и городовъ между собою, для рѣшенія возникавшихъ тяжбъ и приобрѣтенія отыскиваемыхъ правъ. Крамола жителей Бреста въ 1289 г. запесена по волѣ князя въ лѣтопись. «Берестьяни, говоря лѣтописнымъ языкомъ, учпили бяхуть коромолу» — призвали къ себѣ

1) Русская лѣтопись по Никонову списку. Часть V, 1789, стр. 28.

2) Mémoires de littérature, tirez des registres de l'Académie royale des Inscriptions et belles lettres. Tome XV. Paris, 1743, p. 587.

на княженіе Юрія Львовича вмѣсто законнаго князя Мстислава Даниловича. За это Мстиславъ оставилъ на нихъ «ловчее», подать, какой не бывало «изъ вѣка», и велѣлъ написать такую грамоту: «Се азъ князь Мъстиславъ уставляю ловчее на Берестяны и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лунѣ меду, а по двѣ овцѣ, и проч. А хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ Богомъ. А вопсалъ есмь въ *лѣтописецъ* коромолу ихъ»¹⁾. Во время спора Василя Темнаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ о великокняжескомъ престолѣ «царь повелевъ своимъ княземъ судити князей Рускихъ, и много пребысть межи ихъ (ихъ). Князь великій по отечеству и по деденству искаше стола своего; князь же Юрій Дмитреевичъ, дядя его, *лѣтописцы* и старыми списки и духовною отца своего»²⁾. Подобное значеніе имѣли *лѣтописи* и въ западной Европѣ. Братъ Карла V по поводу несогласія съ патріархомъ Александрійскимъ велѣлъ внести въ *лѣтописи* поступки патріарха: «*dux Aurelianensis contra ipsum tantam indignationem concepit, quod eidem vivae vocis oraculo inhibuit ne consiliis regiis, nec quocunque alio ubi ipse principaler esset, compareret, statuens quod viae ejus superfluae in Annalibus dicerentur*»³⁾. Когда въ 1408 г. возникъ споръ между герцогомъ Орлеанскимъ и графинею Неверскою о владѣніи землею Куся, судьи обратились къ *лѣтописямъ*, веденнымъ при церкви св. Діонисія (*Chroniques de Saint-Denys*), и на основаніи ихъ свидѣтельства парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу графини⁴⁾.

Возвращаясь къ русской словесности, замѣчаемъ, что при всей необходимости имѣть *лѣтописи*, пригодныя въ практическомъ отношеніи, древнѣйшими памятниками являются *лѣтописи*, далеко превышающія требованія одной житейской пользы.

1) Полное собраніе Русскихъ *лѣтописей*. Т. II, 1843, стр. 223—225.

2) Русская *лѣтопись* по Никонову списку. V, стр. 110.

3) *Mémoires tirez des registres de l'Académie des inscriptions*. Tome XV, p. 595, b.

4) Тамъ же, стр. 594—595.

Польза общая постоянно имѣлась въ виду; но понятіе ся было гораздо обширнѣе, нежели выгода какого-либо лица или даже области, ихъ перевѣсъ надъ стороною противною. Интересы высшіе, духовные являются на первомъ планѣ въ нашей древней лѣтописи: благо всей земли Русской, нравственное достоинство человѣка-христіанина, благотворное дѣйствіе подвиговъ, совершенныхъ предками — вотъ предметы, которые наиболѣе занимали лѣтописцевъ и вызывали ихъ къ общепользующей дѣятельности, какъ полагали авторы. Общій взглядъ, пропикающій лѣтопись, отражается и въ частностяхъ, опредѣляя выборъ того или другаго произшествія для описанія. Такъ, говоря о жестокой казни, постигшей мучителя Оеодорца, лѣтописецъ приводитъ такую причину внесенія событія въ лѣтопись: «Се же спсасомъ, да не наскочають ꙗѣци на святительскый санъ, но его же позоветь Богъ: всякъ бо даръ свыше сходяй отъ Тебе, отца свѣтомъ. Его же благословлять человѣци, будетъ благословенъ: его же прокленуть человѣци, будетъ проклятъ»¹⁾. Здѣсь частный случай вошелъ въ лѣтопись не только для того, чтобы сохранить память о зломъ епископѣ, погибшемъ въ 1169 году, но и съ цѣлію представить важность святительскаго сана и необходимость высшаго призванія къ нему, безъ котораго ничтожны всѣ усилія и заботы.

Довольно простаго чтенія лѣтописей, чтобы замѣтить господствующее въ нихъ направленіе. Правда, въ многочисленныхъ спискахъ ихъ встрѣчаются статьи, имѣвшія прямое отношеніе къ дѣйствительности, къ удобствамъ и выгодамъ жизни. Таковы: Русская Правда, договоры съ Греками, грамоты князей и тому подобныя памятники, помѣщенные въ лѣтописяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ находится много другаго рода извѣстій и статей, довольно обширныхъ; къ нимъ принадлежатъ: житія святыхъ, поученія и т. д. Внесеніе ихъ въ лѣтопись показываетъ обширное значеніе послѣдней, совмѣстившей въ себѣ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 152.

предметы разнородные. Подобное совмѣщеніе могло произойти только отъ цѣлей литературныхъ, отъ намѣренія лѣтописца помѣщать въ своемъ трудѣ вещи достопамятныя вообще, не предназначая его для какого либо исключительнаго употребленія; отъ желанія подѣлиться съ другими плодомъ своей начитанности и своихъ размышленій, и т. п. Составъ лѣтописи во всѣхъ извѣстныхъ доселѣ спискахъ заставляетъ признавать ее произведеніемъ литературнымъ. Съ этой точки зрѣнія разсматривается она и въ предлагаемомъ изслѣдованіи.

I.

Списки русскихъ лѣтописей.

При опредѣленіи свойствъ древней лѣтописи, какъ памятника литературнаго, всего надежнѣе руководствоваться самою древнею лѣтописью. Изъ разсмотрѣнія состава ея должны вытекать всѣ положенія касательно начала лѣтописной дѣятельности у насъ, ея дальнѣйшаго хода и различныхъ видоизмѣненій. Это же разсмотрѣніе должно опредѣлить самое понятіе древней лѣтописи, ея объемъ, содержаніе и характеръ. Поэтому прежде всего необходимо указать тотъ письменный памятникъ, который имѣетъ право назваться «древнею Русскою лѣтописью», и долженъ служить главнѣйшимъ источникомъ при изслѣдованіи особенностей ея, какъ произведенія литературнаго.

Списки лѣтописей нашихъ принадлежатъ нѣсколькимъ вѣкамъ, начиная съ XIV и до XVII. Отъ первой половины XIV вѣка мы имѣемъ списокъ лѣтописи сѣверной, Новгородской. Отъ второй половины XIV вѣка — такъ называемые списки Лаврентьевскій, писанный въ 1377 году и заключающій событія до 6813 (1305) года, и Ипатьевскій, оканчивающійся 6800 (1292) годомъ. Карамзинъ назвалъ Лаврентьевскій списокъ лучшимъ и

древнѣйшимъ, и мнѣніе его сдѣлалось общепринятымъ, будучи подкрѣплено прекраснымъ изданіемъ Тимковскаго. Нельзя признать Лаврентьевскій списокъ безусловно лучшимъ по внутреннему достоинству, но древность его неоспорима. Мнѣніе противное не выдерживаетъ критики. Арцыбашевъ полагалъ, что «Лаврентьевскій списокъ, не дающій знать о прибытіи Рюрика въ Ладогу и называемый древнѣйшимъ, отнюдь не таковъ», основываясь на слѣдующемъ мѣстѣ Кіевской лѣтописи подъ 1198 (1199) годомъ: князь Рюрикъ заложилъ 10 іюля «стѣну камену подъ церковью святаго Михаила у Днѣпра, иже на Выдобычи, о нейже мнози не дерзнуша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися: 100 бо и 11 лѣтъ имать отнелѣ же создана бысть церкви, и въ толико лѣтъ мнози же самодержци преидоша, держащѣи столъ княженія Кіевского, отъ того же боголюбиваго Всеволода, иже созда церковь ту, родовъ четьри, и ни единъ же вослѣдова любви его къ мѣсту тому» ¹⁾. Слѣдственно, замѣчаетъ Арцыбашевъ, Кіевская лѣтопись сочиняема была 1309 г. и старѣе Лаврентьевскаго списка 68 годами ²⁾. Но въ лѣтописи положительно говорится, что сто одиннадцать лѣтъ прошло не отъ 1198 года, какъ принимаетъ Арцыбашевъ (1198+114=1309), а до 1198, т. е. до заложения стѣны отъ времени построения церкви Всеволодомъ (1198—111=1087). Арцыбашевъ руководствовался выпискою, помѣщенною у Карамзина, т. III, примѣч. 153, гдѣ заложение стѣны относится къ 1198, въ иныхъ же спискахъ о немъ упоминается подъ 1199, изъ котораго если вычтемъ 111, получимъ 1088. Дѣйствительно, подъ 1088 годомъ читаемъ: «священа бысть церкы святаго Михаила монастыря Всеволожа» ³⁾.

Къ XV и XVI вѣкамъ относятся списки Софійской лѣтописи и Кенигсбергскій. Къ XVI—XVII в.: Воскресенскій, Ростовскій, Никоновскій.

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. II, 152—153.

2) Повѣствованіе о Россіи, Арцыбашева. I, 16.

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 89.

Мы назвали только списки наиболее замѣчательные; другіе же изъ извѣстныхъ принадлежатъ болѣею частью къ категоріи названныхъ нами ¹⁾. Между списками: Лаврентьевскимъ, Ипатьевскимъ, Кенигсбергскимъ и однородными съ ними находится весьма близкое сходство въ повѣствованіи до начала XII вѣка. Они не списаны одинъ съ другаго, а имѣли общій источникъ, какъ можно полагать по тому, что они взаимно дополняютъ себя и исправляютъ. Если въ XIV вѣкѣ было уже нѣсколько списковъ одной и той же лѣтописи, то значить самая лѣтопись составлена гораздо ранѣе. Списки Лаврентьевской категоріи, если можно допустить такое условное названіе, рѣзко отличаются отъ списковъ Новгородскихъ и содержаніемъ и способомъ изложенія. Списки: Софійскій, Воскресенскій, Никоновскій и однородные съ ними по отношенію къ древней лѣтописи, заключающіе въ себѣ повѣствованіе съ древнѣйшихъ временъ до начала XII вѣка и гораздо далѣе, составлены по спискамъ Лаврентьевской категоріи съ различнаго рода дополненіями и вставками, частью изъ древнихъ лѣтописей, частью позднѣйшими. Источникомъ ихъ служили также и лѣтописи Новгородскія. Слѣдовательно, списки категоріи Софійской позднѣе по составу своему списковъ двухъ первыхъ категорій. Постараемся указать нѣкоторые замѣчательныя особенности различныхъ списковъ, на сколько это нужно для рѣшенія вопроса о древнемъ текстѣ лѣтописи. При сличеніи ограничиваемся періодомъ до начала XII вѣка, именно до 1110 года, такъ какъ съ этого времени оказывается различіе между главнѣйшими списками, дающее знать о нѣкоторомъ измѣненіи въ дѣлѣ лѣтописномъ. Оставляя списки сходные между собою до начала XII вѣка, считаемъ нужнымъ указать на взаимное отношеніе списковъ: Лаврентьевскаго (и однородныхъ съ нимъ), Новгородскихъ, Софійскихъ, Воскресенскаго, Ростовскаго, Никоновскаго.

1) О многочисленныхъ спискахъ Русскихъ лѣтописей см. Ученыя Записки Казанскаго университета, 1843, книжка II и III, стр. 3—53.

Сличая Лаврентьевскій списокъ съ «первою Новгородскою лѣтописью», держась названія, даннаго Археографическою Коммиссіею, получаемъ слѣдующія данныя.

Въ Новгородской лѣтописи, обнимающей до 1110 года 94 года, не описано сорокъ шесть лѣтъ. Изъ нихъ только восемь не описано въ Лаврентьевской лѣтописи; остальные же описаны съ большею или меньшею подробностью.

Нѣкоторыя извѣстія въ Новгородской лѣтописи представляются какъ бы сокращеніями извѣстій Лаврентьевской, или, наоборотъ, Новгородская является какъ бы источникомъ Лаврентьевской, распространившей краткую замѣтку лѣтописи Новгородской:

Лаврентьевская лѣтопись. *1-я Новгородская лѣтопись.*

Въ лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимѣрь, на Новѣгородъ, и зая Новѣгородъ, и поимъ Новгородѣ и имѣнье ихъ, поиде Полотъску опять; и пришедшю ему къ Судомири рѣцѣ, и Ярославъ изъ Кыева въ 7 день постиже и ту, и *побѣди Ярославъ Брячислава*, и Новгородѣ вѣроти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полотъску.

Въ лѣто 6545. *Заложилъ Ярославъ* городъ великій *Киевъ*, у него же града суть Златая врата; заложилъ же и *церковь святая Софья*, митрополію, и посемъ церковь на золотыхъ вѣротѣхъ. . . . И при семъ нача

Въ лѣто 6529 (1021). Побѣди Ярославъ Брячислава.

Въ лѣто 6545 (1037). Заложилъ Ярославъ городъ Киевъ и церковь святая Софія.

Лаврентьевская летопись.

1-я Новгородская летопись.

вѣра хрестыянская плодится и
разширяти. . . . И бѣ Ярославъ
любя церковныя уставы и т. д.
и т. д.

Въ лѣто 6569. *Придоша По-*
ловци первое на Русьскую землю
воевать, Всеволодъ же изиде
противу имъ *мѣсяца февраля въ*
2 день; и бившимъся имъ, по-
бѣдиша *Всеволода*, и воевавшие
отъидоша. Се бысть первое зло
отъ поганыхъ и безбожныхъ
врагъ. Бысть же князь ихъ
Искаль (Сокаль).

Въ лѣто 6569 (1061). При-
доша Половци первое, и по-
бѣдиша Всеволода, мѣсяца
феуаря въ 2.

Въ такомъ же отношеніи между собою извѣстія подъ го-
дами: 6547, 6551, 6562, 6568, 6575, 6576, 6586, 6599,
6601, 6605, 6609. Разница въ объемѣ повѣствованія огромная:
такъ извѣстіе подъ 6601 годомъ занимаетъ въ Лавр. четыре
страницы, а въ Новг. двѣ неполныя строки.

Иногда то же самое событіе описывается съ другими по-
дробностями или въ другихъ выраженіяхъ:

Лаврентьевская летопись.

1-я Новгородская летопись.

Въ лѣто 6524. Приде Яро-
славъ, и стааа противу оба полъ
Днѣпра. . . . И воевода нача
Святополчъ, ѣздя възлѣ бе-
регъ, укаряти Новгородцѣ, гла-
голя: «что придосте съ хромъ-
цемъ симъ, о вы плотници су-
ще? а поставимъ вы хоромомъ

Подъ 6524 (1016) . . . (На-
чала недостаетъ) . . . а вы плот-
ници суще, а прпставимъ вы
хоромъ рубити. И нача Днѣпръ
мързнути. И бяше Ярославу
мужъ въ пріязнь у Святоплѣка,
и посла къ нему Ярославъ
нощью отрокъ свои, рекъ къ

Лаврентьевская летопись.

1-я Новгородская летопись.

рубити нашимъ». Се слышавше Новгородци рѣша Ярославу: «яко заутра перевеземъся на не; аще кто не поидеть съ нами, сами потнемъ». Бѣ бо уже въ заморозъ; Святополкъ стояше межи двѣма озеромъ, и всю ночь пилъ бѣ съ дружиною своею; Ярославъ же заутра исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И высѣдъ на брегъ, отринуша лодѣ отъ берега, и поидоша противу собѣ, и сступаша на мѣстѣ. Бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромъ Печенѣгомъ помогати, и притиснуша Святополка съ дружиною къ озеру, и вступиша на ледъ, и обломися съ ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, Святополкъ же бѣжа въ Ляхы. Ярославъ же сѣде Киевѣ на столѣ отъни и дѣдни. И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28 ¹⁾.

Въ лѣто 6600. Предивно бысть Полотъскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутѣнь, станяше по улици, яко человекци рищюше бѣси; аще кто вылѣ-

нему: оль си! что ты тому велиши творити? меду мало варено, а дружины много. И рече ему мужъ тѣ: рчи тако Ярославу, даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати. И разумѣ Ярославъ, яко въ ночь велить сѣцися; и тѣмъ вечерѣ перевозися Ярославъ съ вои на другыи полъ Двѣпра, и лодѣ отринуша отъ берега, и тои нощи поидоша въ сѣцю. И рече Ярославъ дружинѣ: знаменайтеся, повивайте собѣ убрусы голову. И бысть сѣчи злѣ, и до свѣта побѣдиша Святополка. И бѣжа Святополкъ въ Печенѣгы, а Ярославъ иде Киеву, и сѣдѣ на столѣ отця своего Володимира; и нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривнѣ, а смердомъ по гривнѣ, а Новѣгородъчемъ по 10 всѣмъ; и отпусти я домовъ вся ²⁾.

Въ лѣто 6600 (1092). Наиде рана на Полочаны, яко нѣкакѣ бѣше ходити по уличамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта видѣти; да аще кто изъ

1) Полное собраніе Русскихъ летописей, I, стр. 61.

2) Тамъ же. III, стр. 1.

Лаурентьевская летопись.

1-я Новгородская летопись.

заше изъ хоромны, хотя видѣти, абые узавенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху; и не смяху излзати изъ хоромъ. Посемъ же начаша въ дне являтися на копяхъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и т. д. ²⁾).

истьбы вылѣзеть, напрасно убьенъ бываше невидимо ¹⁾).

Подъ нѣкоторыми годами сообщаются извѣстія совершенно различныя:

Лаурентьевская летопись.

1-я Новгородская летопись.

Въ лѣто 6558. Преставися княгиня Ярославля.

Въ лѣто 6558 (1050). Родися Святослѣкъ.

Въ лѣто 6585. Поиде Изяславъ въ Ляхы. Всеволодъ же поиде противу ему. Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 дній, и бѣжа Тмутороканю къ Романови. Всеволодъ же иде противу брату Изяславу на Воынь, и створпста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣдѣ Киевѣ, мѣсяца іуля 15 день. Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ ³⁾).

Въ лѣто 6585 (1077). Преставися Оедоръ, архиепископъ Новгородскыи.

Различіе въ выборѣ собыгій зависятъ болышею частью отъ

1) Тамъ же. III, стр. 3.

2) Тамъ же. I, стр. 92.

3) Тамъ же. I, стр. 85.

мѣстности лѣтописцевъ. Житель Кіева болѣе обращаетъ вниманіе на то, что происходило близко его родины, въ южной Россіи; Новгородецъ болѣе интересуется событіями сѣверной Руси и въ особенности самого Новгорода. Подъ 6616 г. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о построеніи церковей Кіевскихъ, а Новгородская объ украшеніи св. Софіи. Св. Софія имѣла большое значеніе въ исторіи Новгорода, и въ лѣтописи Новгородской съ точностью упоминаются обстоятельства, касающіяся Софійскаго храма. Не смотря на обычную краткость выраженія, рѣзко отличающую лѣтопись сѣверную отъ южной, Новгородская лѣтопись не скупится на подробности, когда рѣчь идетъ о св. Софіи. Подъ 6553 г. сказано въ Лаврентьевской: «заложи Володимерь святую Софью Новѣгородѣ». Въ Новгородской извѣстіе этого года читается полнѣе: «сѣгорѣ святая Софія, въ субботу, по заутрѣни, въ часъ 3, мѣсяца марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія, Новѣгородѣ, Володимиромъ княземъ». При разсказѣ о несчастіи, постигшемъ Новгородъ, въ Лаврентьевской лѣтописи господствуетъ тотъ же спокойный тонъ, которымъ отличается все повѣствованіе. Но иначе передаетъ печальную вѣсть лѣтопись Новгородская; горестное чувство высказывается въ ней живо, хотя сжатый разсказъ, соответствующій характеру самой лѣтописи, не даетъ простора для изліянія душевныхъ движеній. Подъ 6574 (1066) въ Лаврентьевской лѣтописи такъ говорится о взятіи Новгорода: «заратися Всеславъ, сынъ Брячиславъ, Полочскѣ, и зая Новѣгородъ, Ярославичи же тріе, совокупивше вой, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ», и т. д. ¹⁾. Изъ ряда извѣстій Лаврентьевской лѣтописи въ Новгородской находится только одно — самое взятіе Новгорода, безъ дальнѣйшаго хода войны: «приде Всеславъ и възя Новѣгородъ, съ женами и съ дѣтми. И колоколы съима у святыхъ Софіѣ. О велика бѣда въ часъ тыи! И понекадила съима». Впрочемъ различіе тона и способа выраженія никакъ

1) Тамъ же. I, стр. 71.

нельзя приписать намеренному равнодушію лѣтописцевъ къ судьбѣ другого края своего отечества. Колпчество свѣдѣній о Новгородской исторіи, находящихся въ Лаврентьевской лѣтописи, служить доказательствомъ участія авторовъ ея къ событіямъ сѣверной Руси. Въ свою очередь Новгородская лѣтопись не забываетъ Кіева, и иногда сообщаетъ о Кіевскихъ дѣлахъ то, чего не отмѣчено и въ лѣтописи Лаврентьевской. Подъ 6617 (1109) г. въ Лаврентьевск.: «преставися Евпраксія, дщи Всеволожа, мѣсяца іулія въ 10 день, и положена бысть въ Печерскомъ монастырѣ у дверій, яже ко угу; и сдѣлаша надъ нею боюконку, идѣже лежитъ тѣло ея. Въ то же лѣто мѣсяца декабря въ 2 день Дмитръ Иворовичъ взя вѣжѣ Половечскыѣ у Дону». Въ Новгородской подъ тѣмъ же годомъ: «бысть вода велика въ Днѣпрѣ, и въ Деснѣ, и въ Припѣтѣ. И коняша трыпезницу *Печерскаго* монастыря. Въ то же лѣто заложена бысть церкви княземъ Святоплкомъ, *Кыевъ*». Здѣсь Новгородская лѣтопись дополняетъ Лаврентьевскую, какъ въ иныхъ случаяхъ Лаврентьевская дополняетъ Новгородскую. Въ послѣдней: «въ лѣто 6560 (1052) преставися Володимиръ, сынъ Ярославъ, въ Новѣгородѣ, мѣсяца октября въ 4». Въ Лаврентьевск.: «преставися Володимеръ, сынъ Ярославъ старѣйшій, Новѣгородѣ, и положенъ бысть въ святѣй Софїи, юже бѣ самъ создалъ».

Отъ лѣтописей Новгородской и Лаврентьевской переходимъ къ находящимся съ ними въ связи сборникамъ *Софійскимъ*. Составъ такъ называемой 1-й Софійской лѣтописи показываетъ, что образцомъ ея былъ списокъ Лаврентьевской категоріи. Въ ней описываются болѣею частью тѣ же предметы, въ такой же послѣдовательности и съ такою же полнотою, какъ и въ Лаврентьевской. Тѣмъ не менѣе очевидны расхождство между ними и позднѣйшій составъ Софійской. Въ текстѣ ея находится нѣсколько вставокъ; недостаетъ нѣсколькихъ извѣстій, но вмѣстѣ съ

тѣмъ есть и такія, которыя не отмѣчены въ Лаврентьевской; инія описанія сокращены, другія добавлены. Послѣднія заставляютъ полагать, что при составленіи обѣихъ лѣтописей отчасти одними и тѣми же источниками пользовались не одинаково; отчасти же употребляли и различные источники. Передъ началомъ повѣствованія съ означеніемъ годовъ, т. е. передъ словами «въ лѣто 6360. Наченшу Михайлу царствовати, начася прозывати Русьская земля», вставлены двѣ небольшія статьи. Въ одной говорится, что Кіевъ получилъ названіе отъ Кія, какъ Римъ отъ царя Рима, Антиохія отъ Антиоха, Селевкія отъ Селевка, Александрія отъ Александра. О Кіѣ сказано: «его же древле нарицають перевозника бывша, иніи же яко и ловы дѣяше около града своего», а нѣсколько выше повторены слова Лаврентьевской лѣтописи: «ипии же не съвѣдуше глаголють, яко Кій есть перевозникъ былъ». Вторая вставка носитъ заглавіе: «о началѣ Русьскыя земля и о князѣхъ, како и откуда быша». Въ ней упоминается о счастливыхъ бывшихъ временахъ, когда князья не собирали большихъ имѣній, не налагали вирь и продажъ; дружина воевала чужія земли; жены ходили въ серебрѣ и не носили золотыхъ обручей. Но «за наше несытство — замѣчаетъ лѣтописецъ, современный Монгольскому игу — повелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣми суть; а мы злыхъ своихъ не останемъ».

Годы 6510—6518 не описаны въ Софійской лѣтописи; въ Лаврентьевской подъ двумя изъ нихъ краткія извѣстія: «въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ сынъ Изяславъ, внукъ Володимеръ. Въ лѣто 6515. Перенесени святія въ святую Богородицю». Наоборотъ, подъ 6375 годомъ, не описаннымъ въ Лаврентьевской, въ Софійской замѣтка: «тишина бысть».

Извѣстіе подъ 6599 есть самое сжатое сокращеніе повѣствованія Лаврентьевской лѣтописи — о перенесеніи мощей св. Θεодосія. Такое же сокращеніе и въ извѣстіяхъ 6601 и 6605 гг., подъ которыми помѣщенъ рассказъ Василия, внесенный въ Несторову лѣтопись. Съ другой стороны нѣкоторые годы описаны

въ Софійской подробнѣе. Такъ, подъ 6529 (1021) г. въ Лаврентьевской: «приде Брячиславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимѣрь, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и пр. (см. выше, стр. 9). Въ Софійской: «Попде Брячиславъ князь, сынъ Изяславъ, внукъ Володимеровъ, съ вои изъ Полотьска на Новъгородъ, и взя Новъгородъ, и поимъ Новгородци, и имѣніе ихъ, и весь полонъ и скоты, поиде къ Полотьску. И пришедшю ему къ Судимирѣ рѣцѣ, великій же князь Ярославъ слышавъ ту вѣсть, и совкупи воля многи, изъ Кіева въ седмый день постиже ту, и побѣди Брячислава, а Новгородци отпусти къ Новугороду, и полонъ отъ него отъя, елико бѣше Новгородскія волости; а Брячиславъ бѣжа къ Полотьску. И отътолѣ призва къ себѣ Брячислава, и давъ ему два города Всъвячъ и Видбескъ, и рече ему: «буди же со мною заодиинъ». И воеваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся днѣ живота» ¹⁾. Въ такомъ же видѣ это извѣстіе находится и въ Нпконовской лѣтописи.

Дополненія къ лѣтописи Лаврентьевской заимствованы преимущественно изъ лѣтописей Новгородскихъ. Таковы извѣстія подъ 6538, 6586 и другими годами. Въ Лаврентьевской: «въ лѣто 6538 (1030) Ярославъ Бѣлзъ взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Семъ же лѣтъ иде Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ. Въ се же время умре Болеславъ великій въ Лясѣхъ, и бысть мятежъ въ земли Лядскѣ: вставше людѣ пзбиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть въ нихъ мятежъ» ²⁾. Въ Новгородской второй: «въ лѣто 6538. Преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и бѣше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше» ³⁾. Въ Софійской: «въ лѣто 6538. Великій князь Ярославъ Бѣлзъ взялъ. Того же лѣта родися Ярославу четвертый сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Того же лѣта иде великій князь Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ. И прииде къ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. V, стр. 134.

2) Тамъ же. I, стр. 64.

3) Тамъ же. III, стр. 122.

Новугороду, собра отъ старость и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ. Того же лѣта преставися архіепискупъ Ноугородскый Акимъ; бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учааше. Въ се же время умре князь великый Болеславъ въ Лясѣхъ, и бысть мятежь въ земли Лятской, и вѣставше людѣ, избѣша епискупы, и попове, и боляре своя» ¹⁾. Все это и въ такомъ же порядкѣ помѣщено и въ Никоновской.

Въ Софійской больше заимствованій изъ хроникъ Византійскихъ, нежели въ Лаврентьевской, что составляетъ новую черту сходства съ Никоновской. Но въ послѣдней выписки изъ Греческихъ лѣтописей пространныя, а въ Софійской ограничиваются нѣсколькими строками или даже словами. Обширное описаніе событій 6479 (971) года начинается въ Лаврентьевской словами: «приде Святославъ въ Переяславецъ, и затворишася Болгаре въ градѣ» ²⁾, а въ Софійской: «царствова Василей и Коньстантинъ въ Цариградѣ. И приде Святославъ въ Переяславецъ, и затворишася Болгаре въ градѣ» ³⁾. Подъ 6376 (868) г. въ Лаврентьевской: «Поча царствовати Василій» ⁴⁾; въ Софійской: «нача царствовати Василіе, сынъ Михайловъ, лѣтъ 18 и мѣсяць 11. При семъ трусь бысть въ Цариградѣ 40 днѣй, поченъ на святого Полукта» ⁵⁾.

Особенность состава Софійской лѣтописи обозначается въ способѣ занесенія отдѣльных повѣствованій. Такъ статьи, названныя въ рукописи: «убіеніе Бориса князя» и «убіеніе Глѣбово» ⁶⁾ суть полныя выписки изъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго монаху Іакову. Въ Лаврентьевскомъ тѣ же выписки значительно сокращены. Разсказъ о Варягѣ и сынѣ его ⁷⁾, пострадавшихъ въ 983 году за вѣру, изложенъ въ Софійскомъ

1) Тамъ же. V, стр. 136.

2) Тамъ же. I, стр. 29.

3) Тамъ же. V, стр. 108.

4) Тамъ же. I, стр. 9.

5) Тамъ же. V, стр. 89.

6) Тамъ же. V, стр. 125 и слѣд.

7) Тамъ же. V, стр. 113—114.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

сообразнѣ съ повѣствованіемъ, находящимся въ прологахъ, и т. п. Во многихъ спискахъ Софійской лѣтописи находятся: Русская Правда, Судебникъ царя Константина, и другія вносныя статьи.

Названіе Софійскаго временника придается въ рукописяхъ и лѣтописи *Воскресенской*; но она представляетъ значительныя отличія отъ Софійской. Гораздо болѣе сходства имѣетъ она до начала XII вѣка съ Лаврентьевскою и Ипатьевскою, отличаясь отъ нихъ позднимъ составомъ и большимъ количествомъ вставокъ. Оканчивается 1347 годомъ. Съ Новгородскими же лѣтописями сходства не представляетъ. Она напечатана въ 1793 г. при Академіи Наукъ съ рукописи, принадлежащей Академіи и называющейся: «Лѣтописецъ Воскресенскій»; по каталогу, напечатанному въ 1818 г., значится подъ № 10. Изданіе сдѣлано съ соблюденіемъ самаго близкаго сходства съ рукописью. Удержаны даже явныя ошибки писцовъ и знаки препинанія, затрудняющіе чтеніе. Только сокращенія, надстрочные знаки и буквы, которыхъ нѣтъ въ гражданской печати, замѣнены полнымъ написаніемъ словъ и буквами употребительными. Въмѣсто: бѣ, рѣ, егыпѣж, властодрѣжа, какъ въ рукописи, напечатано: бысь, рядь, Египѣя, властодрѣжа. Но буквы употребительныя оставлены безъ перемѣны и въ очевидныхъ неpravильностяхъ, какъ на примѣръ: «посла къ Рогволодоу (= Рогволоду) Полотѣцкомоу»; «Игорь совокупн [воды (= вои) многи Варяги Русь и Поляне и Словѣны и Кривичи». Чтобы видѣть, до какой степени простиралась точность издателей даже въ знакахъ препинанія, приведу нѣсколько строкъ, по рукописи и по печатному изданію.

Рукоп. (л. 124).

Печатн. (I, стр. 63).

Поланомъ же живѣщимъ ѿ	Поляномъ же живущимъ о
себѣ. и владѣющимъ роды сво-	себѣ. и владѣющимъ роды сво-

<p>ими. иже и до сее братии бѣа- хоу Полане. и живахѣ кождо на своихъ мѣстѣхъ с родомъ своимъ и быша три братіа....</p>	<p>ими. еже и до сее братии бѣа- хоу Поляне. и живяху кождо на своихъ мѣстехъ с родомъ своимъ и быша три братіа....</p>
---	---

Въ рукописи отдѣлены одно отъ другаго только тѣ слова, между которыми есть знакъ препинанія; остальные писаны слитно. Къ изданію не приложено рѣшительно никакихъ объясненій или замѣтокъ; нѣтъ даже предисловія, такъ что самое имя издателя остается неизвѣстнымъ. Новое изданіе Воскресенской лѣтописи готовится Археографическою Коммиссіею въ ожидаемомъ VII томѣ Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей ¹⁾).

Въ число рукописей, по которымъ издается Воскресенская лѣтопись, включенъ списокъ *Ростовскій*. По составу своему онъ весьма любопытенъ, и потому считаемъ пужнымъ сказать о немъ подробнѣе, тѣмъ болѣе, что онъ еще не извѣстенъ въ печати. «Ростовскій лѣтописецъ» писанъ въ концѣ XVII вѣка; принадлежалъ нѣкогда князю Сергію Дмитріевичу Кантемиру; подаренъ имъ Бантышъ-Каменскому, отдавшему рукопись на всегда Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Теперь Ростовскій списокъ принадлежитъ Московскому Архиву Министерства иностранныхъ дѣлъ, и оттуда взять на время въ Археографическую Коммиссію. Извѣстіемъ подъ 7047 годомъ объ уродѣ о двухъ головахъ и четырехъ ногахъ, рожденномъ въ Новгородѣ, прерывается хронологическая послѣдовательность. Непосред-

1) Воскресенскій списокъ описанъ г. Перевощиковымъ въ его сочиненіи о Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ. Гораздо подробнѣе описанъ онъ въ Библиографическомъ обзорѣ Русскихъ лѣтописей, *Д. Полнова*, 1850, стр. 75—84. *Г. Полонинъ* говоритъ о Воскресенскомъ спискѣ въ своихъ Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи, IV, 71—75.

ственно за этимъ извѣстіемъ слѣдуетъ: «в лѣто 6956. Бысть брань между митрополитомъ Геронтіемъ и Вассьяномъ» и т. д. Далѣе идутъ другія извѣстія, и за описаніемъ прибытія Іоанна IV-го въ Новгородъ помѣщена «о началѣ Рѣси выписка ис печатнаго исторіа Кіевскаго». Потомъ повѣствованіе о различныхъ происшествіяхъ, частью въ хронологическомъ порядкѣ, частью отдѣльными статьями, до кончины Θεодора Алексѣевича. Далѣе вписаны ярлыки, нѣсколько другихъ статей, какъ то: житіе князя Іоасафа, и наконецъ сказаніе «о царѣ Казаринѣ и его царицѣ», которымъ и заключается рукопись.

Отличительнымъ виѣшнимъ признакомъ Ростовскаго списка можно считать: красивое письмо, раздѣльное написаніе словъ и употребленіе знаковъ препинанія. Въ другихъ спискахъ обыкновенно употребляется одна точка, въ разныхъ значеніяхъ, или же и двоеточіе въ значеніи теперешней точки. Въ Ростовскомъ есть и точки, и запятыя, и точки съ запятыми, и двоеточія, и знакъ восклицательный, постоянно слѣдующій за глаголомъ: *удивляться*. Вотъ примѣръ изъ описанія путешествія Апостола Андрея: «и поиде по Днепру в верхъ и пріиде в Слованы, идѣже нѣтъ великій Новъградъ. и видѣ тѣ люди сѣща како есть обычаи имѣтъ, и како мыются в бани: и ѡдивиса имъ! и иде в Вараги, и пріиде въ Римъ, и исповѣда елико научи, и елико видѣ. и рече имъ: дивно видѣх землю Словенскѣ, идѣщѣ ми сѣмо. видѣх бани древланы, и в них много каменій, и пережгут камен тои рѣмано, и идѣт в баню и разволокутъся и ѡдѣтъ нази, и облиются квасом кислым. и возмѣт на ся прѣтіе младое, и бѣются сами. и того ся добѣют, едва излѣзут еле живи, и облиются водою стѣденою, и тако оживут, и то творять по вса дни, не мѣчими никим же: но сами ся мѣчат. и то творять омовеніе себѣ, а не мѣченіе: и то слышавше Римляне дивляхъся! Андрееви же бывшу в Римѣ», и т. д.

По содержанію своему Ростовскій списокъ представляется позднѣйшею переработкою Воскресенскаго. Во многомъ между обоими списками совершенное сходство и въ расположеніи ча-

стей, и въ самыхъ выраженіяхъ. Но, держась текста Воскресенской лѣтописи, Ростовскій списокъ въ иныхъ случаяхъ дополняетъ ее новыми извѣстіями, въ другихъ сокращаетъ ея разсказъ или вовсе пропускаетъ цѣлыя статьи.

Списокъ начинается перечнемъ лѣтъ, слѣдующимъ непосредственно за заглавіемъ: «Лѣтописецъ»: отъ Адама до потопа лѣтъ 2242; отъ потопа до раздѣленія языковъ 530, и т. д. Изъ Русскихъ происшествій отмѣчены приходъ Рюрика и крещеніе Русской земли: «а въ Россіи нача княжити Рюрикъ 6370. Отъ предложенія книгъ до крещенія Россіанъ 123. А отъ крещенія до конца 7-я тысящи лѣтъ 504». За тѣмъ идетъ «повѣсть временныхъ лѣтъ» съ различными измѣненіями сравнительно съ текстомъ списковъ болѣе древнихъ.

Добавленія въ родѣ слѣдующихъ: Въ Воскресенскомъ читаемъ: «О Оугрѣхъ. В лѣто 6406. Идоша Оугри мимо Києвъ горою» ¹⁾ и т. д. Въ Ростовскомъ: «О Ъгрѣхъ. В лѣто 6395. Леонъ црѣвова снъ Василіевъ, иже и Левъ прозвася и братія его Александръ, иже царствоваста лѣт 25. Вкуиѣ се лѣта собираютца: отъ перваго лѣта Олгова, понеже седѣ в Києвъ», и пр. Здѣсь помѣщены: перечень лѣтъ до битвы при Калкѣ; имена князей, отъ дѣтей Владимира Мономаха до сына Іоанпа III, князя Ивана, и названія митрополій Греческихъ и епископій Русскихъ. Начало этого добавленія находится въ Лаврентьевской лѣтописи: «Въ лѣто 6395. Леонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 п 6» ²⁾. Все остальное — въ Сочійской первой лѣтописи подъ 6395 годомъ и далѣе до 6406 г. ³⁾.

Въ Воскресенскомъ списокѣ: «В лѣто 6558. Священа церковь святая Сооия в Новѣгородѣ на возъдвиженіе честнаго креста, повелѣишемъ великаго князя Ярослава. Того же лѣта преставися княгини Ярославля Оев. 10. В лѣто 6559. Постави Яро-

1) Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I часть, 1793, стр. 76.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 10.

3) Тамъ-же. V, 90—91.

славъ Дариона (= Иларіона) митрополитомъ Русинамъ свяѣи Соѣи в Кіевѣ собравъ епископы. В лѣто 6560. Преставися князь великий Володимерь Ярославичъ в Новѣ городѣ», и пр. ¹⁾. Вѣ Ростовскомъ: «вѣ лѣто 6558. ѣщена бысть ѣрковь ѣтыя Софїи вѣ Новѣ городѣ, на воздвиженїе честнаго креста повелѣнїемъ великаго князя Ярослава и сына его Владиміра. Святилъ архїепископъ Лука Новгородскїй, а дѣлаша ю 7 лѣтъ, а служили вѣ ту 7 лѣтъ священники во Іоакимѣ и Анны. И устроивъ церковь, приведоша иконописцы изъ Царя града, и начаша подписывати церковь и во главѣ написаша образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со благословящею рукою, и во утрїй день видѣ архїепископъ Лука образъ Спасовъ не благословящею рукою. Писцы же писаша по 3 утра, на 4-е же утро гласъ бысть отъ образа Господня, глѣющъ: писари, писари, о писари, не пишите мене со благословящею рукою, но пишите мене сжатою рукою: азъ бо вѣ той рудѣ моей держу Новѣ градъ, и егда рука моя распрострется, тогда будетъ скончанїе Нову граду. Того же лѣта преставися княгиня Ярославля Февраля вѣ 10 день. Вѣ лѣто 6559 постави Ярославъ митрополита Иларіона Русина во свяѣи Софїи Кіеву, собравъ свои епископы. И се да скажемъ, чесо ради прозвася печерскїй монастырь. Боголюбивому князю Ярославу любящу Берестовое», и т. д. — все сказанїе о началѣ Печерскаго монастыря, заключающееся словами: «се же написахомъ и положихомъ, вѣ кое лѣто поча быти монастырь сей, и что ради зовется Печерскїй, а о житїи Θεодосїевѣ паки скажемъ». Добавленїе подѣ 6558 г. читается вѣ Новгородской 3-й лѣтописи ²⁾, а подѣ 6559 г. повѣсть о монастырѣ Печерскомъ вѣ томъ же видѣ — вѣ Лаврентьевской лѣтописи ³⁾. Добавленїя подѣ 6568 (6567), 6578 и другими годами — о епископахъ Новгородскихъ: Лукѣ, Θεодорѣ

1) Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, 188.

2) Полное собранїе Русскихъ лѣтописей. V, 211.

3) Тамъ же. I, 67—69.

и др. заимствованы изъ Новгородскихъ лѣтописей ¹⁾. Изъ приведенныхъ данныхъ можно видѣть, что Ростовскій списокъ составлялся при помощи троякаго рода списковъ: прежде всего Воскресенскаго, потомъ списковъ Лаврентьевской категоріи и Новгородскихъ.

Бесѣда Греческаго миссіонера съ Владимиромъ, во всей подробности внесенная въ списокъ Воскресенскій, занимая тамъ 14 страницъ ²⁾, передана въ Ростовскомъ въ нѣсколькихъ строкахъ. А именно: «нача фѣлософъ глѣти ѿ начала нбѣ и земли вса по раду, ѿ Адама до потопа, ѿ потопа до преселеніа Вавѣлонскаго, ѿ преселеніа Вавѣлонскаго до Дѣда цѣра и до Авгѣста и до Рѣтва Хрѣтова, и до крѣщеніа его и до стѣрти Гдѣни, и воскрѣніи и на нбса возшествіи. Семѣ же глѣющѣ, Владимѣръ же сладѣ послѣшаше. И рече Владимѣръ: что ради ѿ жены родиса» и пр. Отсюда разсказъ сходенъ съ помѣщеннымъ въ Воскресенскомъ спискѣ.

Пропущено въ Ростовскомъ все то, что находится въ Воскресенскомъ до начала временника Нестора. Выпущены: статья о Кіѣ, основателѣ Кіева, подобно Антіоху, основателю Антіохіи, и обращеніе къ читателямъ ³⁾ — вставки, находящіяся и въ Софійской лѣтописи; доказательство родства Рюрика съ Августомъ; похвала Владимиру Святому и т. п. ⁴⁾.

Къ спискамъ позднѣйшимъ относятся, не столько по составу, сколько по языку, списокъ *Никоновскій*. По составу своему онъ представляетъ много общаго со списками древними, хотя и не можетъ быть включенъ въ ихъ число. Въ Никоновскомъ

1) Тамъ же. III, 122, 212 и др.

2) Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, 126—140.

3) Тамъ же. 69—70.

4) Руская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, стр. 71—72, 161—162

рядъ погодныхъ извѣстій и отдѣльныя статьи, внесенныя въ лѣтопись, находятся въ томъ же видѣ, какъ и въ Лаврентьевскомъ. Изъ отдѣльныхъ частей можно указать на повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря и на сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ. Последнее изложено совершенно одинаково въ обоихъ спискахъ; чего нѣтъ въ Лаврентьевскомъ, а есть въ другихъ: Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и т. д., того нѣтъ и въ Никоновскомъ. Описаніе однихъ и тѣхъ же событій въ Никоновскомъ иногда подробнѣе, нежели въ Лаврентьевскомъ, что указываетъ отчасти на большее число источниковъ, отчасти же на позднѣйшую редакцію. Въ первомъ случаѣ Никоновскій списокъ можетъ служить дополненіемъ Лаврентьевскому. Такъ годы 6372, 6373, 6375 и другіе, не описанные въ Лаврентьевскомъ, описаны въ Никоновскомъ. Подъ 6375 г. отмѣчены слѣдующія событія: «возвратишася Аскольдъ и Диръ от Царяграда в мале дружинѣ, и бысть в Києвѣ плачь велиі. Того же лѣта бысть в Києвѣ гладъ велиі. Того же лѣта избиша множество Печенегъ Оскольдъ и Диръ. Того же лѣта избежаша от Рюрика из Новагорода в Києвъ много Новгородцкихъ мужей» ¹⁾. Подобныя замѣтки дѣлаются обыкновенно во время близкое къ событію: въ XVI вѣкѣ нельзя было записать по памяти, что въ 867-мъ году былъ голодъ въ Києвѣ.

Замѣчательная особенность Никоновскаго списка въ сравненіи съ другими состоитъ въ большемъ числѣ пространныхъ выписокъ изъ Греческихъ хроникъ. Одна выписка подъ 1054 годомъ помѣщена на шести печатныхъ страницахъ, между тѣмъ какъ Русскія событія этого года занимаютъ не болѣе одной страницы.

Языкъ Никоновскаго списка новѣе языка списка Лаврентьевскаго. Въ этомъ легко убѣдиться изъ сравненія разсказа ихъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ Лаврентьевскомъ: «Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володи-

1) Русская лѣтопись по Никонову списку. I, 17.

меръ же възвратися въ Кыевъ съ побѣдою и съ славою великою.... Повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сие, яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ. И бѣ жива съ князи околними миромъ.... и бѣ миръ можю ими и любви. Живяше же Володимеръ въ страстѣ Божьи» ¹⁾, и т. д. Въ Никоновскомъ: «Сотвори отрока того великимъ велможею, такожъ и отца его великимъ величествомъ почте, и весь родъ его. И иде в Киевъ радуяся со славою и побѣдою.... Бѣ же Володимеръ милостивъ и щедръ и даровитъ, и сие слово присно глаголя, яко сребромъ и златомъ не имамъ добыти дружины, но дружиною добуду сребра и злата. И сие зело любляше Владимиръ дружину, и с ними думая о божественней державе Руской, и о всемъ земскомъ устроеніи. Живяше же в мире и в любви и со околными странами, и с короли.... і бѣ любя Володимеръ зело божественныхъ словесъ прочитание, и сихъ сладостию много наслаждашеся; и бѣ всегда в страстѣ божественнемъ, и в тихости, и во умиленіи, и в слезахъ; и ко всемъ челоукомъ кротость и тихость велиа» ²⁾.

Никоновскій списокъ простирается до 1630 года. Онъ изданъ при Академіи Наукъ, въ 8 частяхъ, 1767—1792 г. Изданіе перваго тома и предисловіе къ нему принадлежать Шлецеру; сотрудникомъ Шлецера при изданіи былъ академическій переводчикъ Башиловъ.

На основаніи предложеннаго сличенія нѣсколькихъ списковъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Большою, сравнительно съ другими, древностью состава отличаются списки Лаврентьевской категоріи и Новгородскіе, а

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 53 и 54.

2) Руская лѣтопись по Никонову списку. I, стр. 107 и 109.

потому въ этихъ двухъ родахъ списковъ надобно искать текста древней лѣтописи.

2) Списки Лаврентьевской категоріи и Новгородскіе составлены независимо одни отъ другихъ: поэтому можно допустить одинаково древнее появленіе лѣтописной дѣятельности на югѣ и на сѣверѣ Россіи, въ Кіевѣ и въ Новгородѣ. Древнѣйшій списокъ Новгородскихъ лѣтописей начинается 1016 годомъ, слѣдовательно въ немъ недостаетъ 163 лѣтъ сравнительно съ Лаврентьевскимъ, начинающимъ счетъ лѣтъ съ 852 года. Притомъ въ Новгородскомъ сохранился только краткія замѣтки о событіяхъ древняго періода, а весьма часто выставлены одни годы вовсе безъ отмѣтокъ, между тѣмъ какъ въ Лаврентьевскомъ подробныя описанія расположены послѣдовательно, образуя одно цѣлое. Поэтому древняя лѣтопись во всей полнотѣ и какъ литературное произведеніе можетъ быть изучаема преимущественно по спискамъ Лаврентьевской категоріи, а не по Новгородскимъ.

3) Такъ какъ въ спискахъ древнѣйшихъ по составу и независимыхъ одинъ отъ другаго: Лаврентьевскомъ, Кенигсбергскомъ, Ипатьевскомъ и др., текстъ лѣтописи до начала XII вѣка одинъ и тотъ же, а въ послѣдствіи къ нему присоединяются добавленія и вставки, то его должно признать наиболѣе близкимъ къ первоначальной лѣтописи. Говорю: наиболѣе близкимъ, потому что со времени написанія древней лѣтописи до XIV вѣка, къ которому относятся древнѣйшіе списки, текстъ ея очевидно подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ отъ переписчиковъ и составителей сборниковъ. Кто знакомъ съ нашей древней словесностью, тотъ знаетъ, до какой степени списки ея произведеній принимаютъ отпечатокъ времени, образованности и даже мѣстнаго говора переписчиковъ.

4) Позднѣйшіе списки составлены подъ вліяніемъ двухъ главныхъ источниковъ: древнихъ отечественныхъ лѣтописей и Византійскихъ хроникъ. Изъ Русскихъ лѣтописей источниками служили преимущественно списки Лаврентьевской категоріи, п

къ нимъ уже прибавлялись свѣдѣнія, заимствованныя изъ лѣтописей Новгородскихъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что

5) Названіе «древней Русской лѣтописи» всего справедливѣе можно придать повѣствованію до начала XII вѣка, преимущественно по тексту списковъ Лаврентьевской категоріи. Признавая достоинство древней редакціи, мы вовсе не отвергаемъ важности списковъ позднѣйшихъ. Въ Никоновскомъ, Воскресенскомъ и другихъ находится много такихъ извѣстій, которыя пропущены въ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и п., и признаются вполне достовѣрными. Мы полагаемъ только, что списки Лаврентьевской категоріи превосходятъ другіе меньшею примѣсью посторонняго разсказа къ древнему, меньшимъ количествомъ вставокъ, а равно и древностью состава. Такимъ образомъ списки Лаврентьевской категоріи имѣютъ преимущество передъ другими не только по своей древности, но и по содержанію, по достоинству не только вѣшнему, но и внутреннему.

Для вѣрной оцѣнки внутренняго достоинства древней лѣтописи необходимо подробное обзорѣніе ея состава. Обращаемся теперь къ этому обзорѣнію, какъ къ главной задачѣ нашего труда.

II.

Начало и ходъ лѣтописанія въ Россіи.

Разсматривая составъ древней лѣтописи, замѣчаемъ, что большая часть и событій древнихъ и событій относительно позднѣйшихъ описана однимъ и тѣмъ же авторомъ. При описаніи двухъ съ половиною вѣковъ не замѣтно, при немногихъ исключеніяхъ, рѣзкаго различія ни въ духѣ разсказа, ни во взглядѣ лѣтописца, ни въ способѣ выраженія. Кромѣ того есть частныя указанія на то, что и свѣдѣнія о временахъ самыхъ

древнихъ внесены въ лѣтописъ въ томъ видѣ, какой придалъ имъ лѣтописецъ XI—XII вѣка. Событія, напримѣръ, временъ Олега, въ томъ видѣ, какъ они находятся въ древнихъ спискахъ лѣтописи, не могли быть внесены въ нее ранѣе второй половины XI вѣка. Подъ 882 годомъ говорится: «се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославъ даяше Варягомъ» ¹⁾. Ярославъ умеръ въ 1054 году, слѣдовательно извѣстіе лѣтописи во всемъ своемъ объемѣ никакъ не ранѣе 1054 года. Такого же рода извѣстія съ присоединеніемъ словъ: *до сего дне* и п., какъ слѣдующее: «я погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне» ²⁾, и многія другія.

Впрочемъ подобные факты ни сколько не даютъ права думать, чтобы всѣ извѣстія о древнемъ періодѣ впервые внесены въ лѣтописъ уже въ XI вѣкѣ. Напротивъ: лѣтописецъ XI вѣка пользовался болѣе древними источниками, какъ устными, такъ и письменными; но немногое заимствовалъ изъ нихъ безо всякаго измѣненія.

Только во второй половинѣ XI вѣка начинается повѣствованіе очевидца или современника событій. Но съ появленіемъ лѣтописца современника, характеръ лѣтописи существенно не измѣняется. Единство, отличающее древнюю лѣтописъ и дающее ей видъ стройнаго цѣлаго, заставляетъ признавать въ ней трудъ одного лица, писавшаго сперва по преданію старины, потомъ по живому свидѣтельству современности.

Составленіе древней лѣтописи приписывается, по общепринятому мнѣнію, преподобному Нестору, иноку Кіево-Печерскому. Несторъ не былъ первымъ Русскимъ лѣтописцемъ: до него уже въ разныхъ мѣстахъ Россіи люди грамотные вели краткія лѣ-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 10.

2) Тамъ же. I, 23.

тописи, слѣды коихъ сохранились въ замѣткахъ, вошедшихъ въ составъ древней лѣтописи и относящихся къ событіямъ X—XI в. Были даже опыты лѣтописи подробной, излагающей событія въ нѣкоторой связи, какъ на примѣръ лѣтопись Іоакимовская ¹⁾. Но она извѣстна въ небольшомъ отрывкѣ и притомъ остается памятникомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ до самого Нестора. Поэтому трудъ Нестора необходимо признать древнѣйшимъ образцемъ лѣтописи полной, послѣдовательной, справедливо называемой «лѣтописью литературною» ²⁾.

Нельзя отвергать важнаго значенія лѣтописи, явившейся уже въ началѣ XII вѣка въ видѣ стройнаго, литературнаго цѣлаго; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться, что ея значеніе будетъ тѣмъ неоспоримѣе, чѣмъ болѣе докажется ея самостоятельность. Поэтому прежде всего необходимо указать, на сколько возможно, было ли самое начало лѣтописной дѣятельности у насъ явленіемъ самобытнымъ, вытекавшимъ изъ условій Русскаго быта, или же она есть слѣдствіе подражанія иностранному образцу, бывшему въ рукахъ Русскаго писателя XI вѣка.

Происхожденіе Русскихъ лѣтописей объясняемо было различно. Признавая въ немъ участіе Византійской хронографіи, ученые допускаютъ это участіе не въ одинаковой степени. По мнѣнію однихъ, вліяніе Византійское было полное и рѣшительное: составъ, внѣшнюю форму и внутренній характеръ лѣтописи наши получили отъ хроникъ Византійскихъ. По мнѣнію другихъ, вліяніе Византіи было умѣреннѣе: имъ объясняются многія частности, но въ цѣломъ лѣтопись остается оригинальнымъ произведеніемъ Русской словесности.

Шлецеръ въ своемъ изслѣдованіи о Русскихъ лѣтописяхъ

1) Содержаніе Іоакимовской лѣтописи съ выписками изъ нея предложено *Татищевымъ* въ его «Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ», и пр., 1768, книга I, часть I, глава 4, стр. 29—51. — «Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской» *П. Лазовскаго* издано отдѣльно и помѣщено во второй книгѣ Ученыхъ Записокъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

2) Ср. *Временникъ Московск. историч. общества*, 1850, книга 5, статья *Былеева*: О разныхъ видахъ Русскихъ лѣтописей, стр. 4, 21 и слѣд.

задаетъ себѣ вопросъ: какъ Нестору пришла мысль написать временникъ? — и рѣшаетъ его тѣмъ, что Несторъ былъ знакомъ съ Византійскою литературою. «Четыре Византійскихъ историка, говоритъ онъ, Кедринъ, Скилицій, Ксифилинъ и Зонара, жили въ Несторово столѣтіе. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы онъ не зналъ ихъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ. Весь временникъ его сдѣланъ на покрой Византійскій; цѣлыя мѣста изъ послѣднихъ, переведенныя слово въ слово, внесъ онъ въ свое твореніе; также очевидно подражалъ и въ хронологическомъ расположеніи.... Такимъ образомъ этотъ Руссъ вздумалъ быть историкомъ своего народа» ¹⁾.

Со времени критики Шлецера мнѣніе его о началѣ Русскихъ лѣтописей было раздѣляемо многими. Крайняго предѣла своего оно достигло въ признаніи, что «первый лѣтописецъ нашъ былъ никто иной, какъ переводчикъ одного изъ Византійскихъ хронографовъ. Кончивъ переводъ, трудолюбивый монахъ помѣстилъ въ приличныхъ мѣстахъ собственныя свои свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя народныя и монастырскія преданія, обозначилъ главнѣйшія происшествія, случившіяся въ его монастырѣ» ²⁾.

Другіе ученые хотя и признаютъ, что временникъ Русскій составленъ по примѣру хроникъ Византійскихъ, однако полагаютъ, что «мысль къ дѣянію могла родиться въ Несторѣ отъ бесѣдъ съ собратіями своими о происшествіяхъ Россійскихъ; ибо преподобный Θεодосій, поучая иноковъ Печерскихъ избѣгать лѣности и долгаго сна, а упражняться въ пѣніи церковномъ и въ чтеніи книгъ, именно требовалъ, чтобы они занимались притомъ и *преданіями отческими*» ³⁾.

Какъ бы ни было сильно вліяніе Византіи, оно не исключало и самостоятельной дѣятельности, одновременной съ нимъ или даже предварившей его. Сближаясь во многомъ съ хрони-

1) Несторъ, *Шлецера*, I, стр. 31 и 32.

2) Сборникъ князя Оболенскаго. 1840, № 11, стр. 46—47.

3) Оборона лѣтописи Русской, *Буткова*, стр. 172—173.

ками Византійскими, лѣтописи наши во многомъ и несходны съ ними. Самая форма нашихъ лѣтописей, хотя и не чуждая Византійской хронографіи, въ болѣе близкомъ отношеніи находится къ формѣ западно-европейскихъ анналь. Еще Шлецеръ замѣтилъ, что «Русскіе временники, подобно *Англо-Саксонскимъ*, имѣють странный обычай означать и тотъ годъ, въ которомъ ничего не сдѣлалось» ¹⁾. Эта мнимая странность весьма удовлетворительно объясняется внесеніемъ годовъ въ лѣтопись изъ пасхальныхъ таблицъ. Полагають, что «всеѣ Русскія лѣтописи самымъ названіемъ «лѣтописей», «лѣтописцевъ», «временниковъ», «повѣстей временныхъ лѣтъ» и т. п., изблѣчаютъ свою первоначальную форму: ни одно изъ этихъ названій не было бы имъ прилично, если бы въ нихъ не было обозначено время каждаго событія, если бы лѣта, годы не занимали въ нихъ такого же важнаго мѣста, какъ и самыя событія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наши лѣтописи сходны не столько съ писателями Византійскими, сколько съ тѣми временниками (*annales*), которые ведены были издавна, съ VIII вѣка, въ монастыряхъ Романской и Германской Европы—независимо отъ историческихъ образцовъ классической древности. Первоначальной основой этихъ анналовъ были пасхальныя таблицы», и т. д. ²⁾.

Разнообразіе во взглядѣ ученыхъ показываетъ, что вопросъ о началѣ Русскихъ лѣтописей еще не рѣшенъ окончательно. Средства къ болѣе или менѣе полному рѣшенію его заключаются въ данныхъ, извлекаемыхъ главнѣйшимъ образомъ изъ самой же лѣтописи. Составъ ея обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу Византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и Славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является Русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней

1) Несторъ, *Шлецера*, I, стр. 259.

2) Извѣстія 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. II: Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ, стр. 70—71.

происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и большею частью краткихъ, не значительно въ сравненіи съ извѣстіями Русскими, изложенными съ большими подробностями. Трудно признать дополненіемъ къ хронографу лѣтопись по древнимъ спискамъ, когда не считаютъ имъ и лѣтопись въ спискахъ позднѣйшихъ, въ которыхъ несравненно болѣе заимствованій изъ Греческихъ источниковъ. Если лѣтопись позднѣйшая, составленная по древней Русской, заключаетъ въ себѣ много выписокъ изъ Греческихъ хронографовъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ мысли, что и древняя лѣтопись, явившись самостоятельно, *впоследствии* обогатилась замѣтками о событіяхъ Греческихъ. Составитель ея могъ имѣть подъ рукою хронографы и пользоваться ими для цѣли, лично ему принадлежащей. Выписки изъ хронографовъ въ спискахъ позднихъ признаются дополненіемъ къ тексту Русской лѣтописи, а не наоборотъ. Тѣмъ справедливѣе принять это и въ отношеніи къ древнимъ спискамъ, что въ нихъ извѣстія Греческія гораздо явственнѣе обнаруживаются *добавленіями*, внесенными въ лѣтопись съ цѣлію пояснить основной рассказъ о событіяхъ Русской земли. Вставки изъ Византійскихъ лѣтописей въ списокъ Никоновскомъ не сливаются съ самымъ текстомъ; онѣ легко могутъ быть исключены, и характеръ повѣствованія о Русскихъ происшествіяхъ черезъ то не измѣнится. Въ спискахъ же Лаврентьевской категоріи отбросить мѣста изъ лѣтописей Византійскихъ, значитъ лишить рассказъ полноты, скрыть взглядъ лѣтописца, замѣчаемый въ намѣренномъ сопоставленіи событій отечественныхъ съ чужеземными.

Участіе Византійскихъ образцовъ въ появленіи Русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлено формою, въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтопись имѣетъ форму погоднаго рассказа: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ Византійскихъ, какъ на примѣръ въ хроникѣ Теофана, писателя начала IX вѣка.

Въ ней счетъ годовъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей Римскаго и Персидскаго, и управленія епископовъ: Римскаго, Константинопольскаго, Іерусалимскаго, Александрійскаго и Антіохійскаго. Событія въ хроникѣ Теофана излагаются въ подобной формѣ:

Κόσμου ἔτη 5817	Τῆς θείας σαρκώσεως ἔτη . . . 317	Ῥωμαίων βασιλέως Κωνσταντίνου 32 ἔτη	Περσῶν βασιλέως Σαβώρης 70 ἔτη	Ῥώμης ἐπισκόπου Σίλβεστρος 28 ἔτη	Κωνσταντινουπόλεως ἐπισκόπου Αλέξανδρος 23 ἔτη	Ιεροσολύμων ἐπισκόπου Μακάριος 20 ἔτη	Ἀλεξανδρείας ἐπισκόπου Εὐστάθιος 18 ἔτη	Ἀντιοχείας ἐπισκόπου Ἀλέξανδρος 23 ἔτη
		21	23	25	6	11	11	19

Τούτῳ τῷ ἔτει Ἰουδαῖοι τε καὶ Πέρσαι τὸν χριστιανισμόν ἐρῶντες ἀχμάζοντα κατὰ τὴν Περσίδα διαβάλλουσι Σαβώρη Περσῶν βασιλεῖ Συμεῶνα ἀρχιεπίσκοπον Κτησιφώντος καὶ τὸν Σελευκείας, ὡς φίλους τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων καὶ μνηυστάς τῶν Περσικῶν πραγμάτων Τῷ δ' αὐτῷ ἔτει Ἑλένην τὴν μακαρίαν μετὰ χρημάτων ἀπέστειλεν εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα ὁ θεῖος Κωνσταντῖνος πρὸς τὸ ἀναζητῆσαι τὸν ζωοποιὸν τοῦ Κυρίου σταυρὸν Τῷ δ' αὐτῳ ἔτει, и т. д.

Κόσμου ἔτη 5818	Τῆς θείας σαρκώσεως ἔτη 318	Р. β. Κωνσταντῖνος	Π. β. Σαβώρης	Р. ε. Σίλβεστρος	Κ. ε. Ἀλέξανδρος	Ι. ε. Μακάριος	Αλ. ε. Ἀλέξανδρος	Αντ. ε. Εὐστάθιος
		22	24	26	7	12	20	12

Τούτῳ τῷ ἔτει Κωνσταντῖνος ὁ μέγας κατὰ Γερμανῶν καὶ Σαρματῶν καὶ Γότθων στρατεύσας νίκην ἤρατο κραταιὰν διὰ τῆς τοῦ τιμίου σταυροῦ δυνάμεως, καὶ τούτους ἐρημώσας εἰς ἐσχάτην αὐτοὺς κατήγαγε δουλείαν. Τῷ δ' αὐτῷ ἔτει, η τ. δ.

Нѣкоторые годы выставлены безъ описанія событій. Такъ въ самомъ началѣ хроники:

Κόσμου ἔτη 5777—5778—5779	Τῆς δ. σφρ. 277—278—279	Р. β. Διοκλη- τιανοῦ ἔτος 1 2 3	Π. β. Οὐα- ράχου ἔτος 15 16 17	Р. ε. Γαΐου ἔτος 7 8 9	Ι. ε. Υμε- ναίου ἔτος 13 14 15	Αλ. ε. Θεω- νᾶ ἔτος 11 12 13	Αντ. ε. Τυράν- νου ἔτος 2 3 4
			Π. β. Οὐαρά- νου ἔτος 4 1				

Τούτῳ τῷ ἔτει Διοκλητιανὸς Μαξιμιανόν τὸν Ἑρκούλιον καινωνὸν ἀνεδείξατο τῆς αὐτοῦ βασιλείας τῷ τετάρτῳ αὐτοῦ χρόνῳ ¹⁾).

Если написать года отъ сотворенія міра въ сплошную строку, то представится нѣкоторое сходство съ нашею лѣтописью, а именно: κόσμου ἔτη 5777. ἔτη 5778. ἔτη 5779. ἔτη 5780. Τούτῳ τῷ ἔτει Διοκλητιανὸς, η τ. δ.

Такую форму повѣствованія дѣйствительно находимъ у Ге-

1) Theophanis Chronographia. Parisiis, 1655, стр. 19—22 и 4.—Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae, 1839. Theophanes. I, стр. 36—40 и 7—8.

оргія Синкелла, служившаго образцомъ Теофану. У Синкелла въ началѣ многихъ извѣстій отмѣчается: *χρόνου ἔτη* и т. д.; по года безъ событій не выставлены. Кедришъ, описывая времена Римской имперіи, говоритъ, что въ первый годъ царствованія такого-то императора случилось то-то, во второй—то-то, и т. д.; онъ означаетъ въ началѣ извѣстій и года отъ сотворенія міра, но не такъ послѣдовательно, какъ Синкеллъ. Обычай Кедрина выставять при годахъ индикты: *τῷ δὲ 6540 ἔτει, ἰνδὶκτιῶνος 15; τῷ δὲ 6547 ἔτει, ἰνδὶκτιῶνος 7*, и т. п., не чуждъ и Русской лѣтописи: «въ лѣто 6360, индикта 15»; «въ лѣто 6601 индикта 1 лѣто». У другихъ лѣтописцевъ Византійскихъ наблюдается порядокъ времени, а не порядокъ собственно годовъ, т. е. событія излагаются преимущественно въ хронологической послѣдовательности, а не во внутренней связи между собою. Годы не выставляются въ началѣ разсказа ни у Іоанна Зонары, ни у Георгія Амартола, которымъ, безспорно, пользовался авторъ древней лѣтописи. Да если бы и предположить, что Византійскій образецъ имѣлъ форму погоднаго разсказа, то для чего въ Русской лѣтописи помѣщены годы безъ описанія? Казалось бы, всего проще было выставять только тѣ годы, при которыхъ есть замѣтки. Такимъ образомъ поступали составители сборниковъ позднѣйшихъ: они пропускали вовсе годы, не отмѣченные событіями. Въ Лаврентьевскомъ: «въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеря Анна. Въ лѣто 6520. Въ лѣто 6521. Въ лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ» и т. д. Въ Воскресенскомъ: «въ лѣто 6519. Преставися Анна царица. Въ лѣто 6522. Ярославу соущю въ Новѣ городѣ» и пр.

Большое количество пустыхъ годовъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи придаетъ ей видъ, напоминающій не столько хроники Византійскія, сколько средневѣковые анналы западной Европы. Такъ лѣтописи Вейнгартенскія имѣютъ сзѣдующую форму:

792. Karolus rex fossatum jussit facere.

793. 794. 795. 796. 797. 798.

799. Kerolt occiditur.

800. 801.

802. Eginō Veronensis episcopus obiit.

803. 804. 805.

806. Haito Waldoni successit.

807. 808. 809.

810. Leo papa obiit.

811. Haito episcopus super mare transivit ¹⁾.

Такая же форма господствует и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неописанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для внѣшняго порядка лѣтописей. Обычай приписывать замѣтки къ заранѣ выставленнымъ годамъ до того укоренился, что давалъ поводъ къ довольно оригинальнымъ недоразумѣніямъ: одни и тѣ же извѣстія, части одного и того же предложенія размѣщались иногда подъ нѣсколькими годами. Въ списокѣ XIV в. хроники Козьмы Пражскаго одинъ періодъ, заключающій въ себѣ извѣстіе о событіи одного года, разбитъ на шесть частей, приписанныхъ къ шести годамъ. Козьма Пражскій говоритъ, что у Болеслава родился сынъ того же имени, но вовсе не похожій на отца, и противоположность между ними выражаетъ посредствомъ нѣсколькихъ сравненій, а именно: *Do rubo uva, de spinis rosa, de tribulis ficus gignitur generosa: videlicet de fratricida prodit christicola, de lupo agnus, de tyranno modestus — de impio Boleslao pius nascitur secundus Boleslaus*. Въ списокѣ же Пражскомъ эти слова расположены такимъ образомъ:

Anno dominicae incarnationis 952. de rubo uva, de spinis
rosa.

Anno dominicae incarnationis 953. de tribulis ficus gignitur
generosa.

1) Monumenta Germaniae historica, ed. Pertz, I, 65.

Anno dominicae incarnationis 954. videlicet de fratricida
prodit chisticola.

Anno dominicae incarnationis 955. de lupo agnus.

Anno dominicae incarnationis 956. de tyranno modestus.

Anno dominicae incarnationis 957. de impio Boleslao pius
nascitur secundus Boleslaus ¹⁾).

Если случалась даже подобная разстановка замѣтокъ по годамъ, то не удивительно, что одно и то же событіе означено въ нѣкоторыхъ спискахъ подъ различными годами. Весьма много примѣровъ тому, что происшествія отмѣчаются нѣсколькими годами раньше или позже въ однихъ спискахъ сравнительно съ другими.

Въ анналахъ Вейнгартенскихъ подъ 867 годомъ: terrae motus. Papa Nicolaus obiit et nimia superfluitas imbrum. Въ анналахъ Фульдскихъ подъ 868 г. говорится еще о дѣйствіяхъ папы Николая, а потомъ о чрезмѣрномъ разлитіи рѣкъ по причинѣ проливныхъ дождей, о коихъ въ другихъ анналахъ упоминается подъ предъидущимъ годомъ, и мн. др.

Подобное же различіе въ показаніи годовъ замѣчается и между списками нашихъ лѣтописей.

Смерть Ольги, сестры Всеволода, означена въ одномъ спискѣ подъ 1183 г., въ другомъ подъ 1181 г., въ обоихъ — 4 іюля.

Въ Лаврентьевскомъ: Въ лѣто 6691. Преставися благовѣрная княгини Ольга, нареченная чернечьскы Еуфросипья, мѣсяца іюля въ 4 день; и положена бысть въ святѣй Богородици въ Володымери.

Въ Ипатьевскомъ: Въ лѣто 6689. Преставися благовѣрная княгини Ольга, сестра Всеволожа великого, нареченая чернечьскы Офросѣнья, мѣсяца іюля въ 4 день; и положена въ святѣй Богородици Золотоверхой, и т. п.

Внѣшній видъ лѣтописей западныхъ объясняется, какъ мы сказали, посредствомъ наскальныхъ таблицъ съ замѣтками о

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 45.

происшествіяхъ. При поразительномъ сходствѣ какого-либо явленія въ письменности нашей и западно-Европейской естественно предполагать для него одну и ту же причину. Нельзя отказать въ вѣроятности мнѣнію, что замѣтки на таблицахъ, составляющія анналы, дѣлаемы были и на Руси. Чтобы опредѣлить степень достовѣрности этого мнѣнія и его фактическую основу, обратимъ вниманіе на связь пасхальныхъ таблицъ съ дѣятельностью лѣтописною.

Празднованіе Пасхи положительно опредѣлено въ IV вѣкѣ на 1-мъ Никейскомъ соборѣ, и многіе христіанскіе писатели, преимущественно Александрійцы, занимались пасхальными вычисленіями. Древнѣйшіе опыты этого рода принадлежатъ Теофилу, бывшему епископомъ въ Александріи съ 385 по 412 годъ, и Кириллу, архіепископу Александрійскому († 444 г.). Трудъ послѣдняго послужилъ образцомъ для Діонисія. Монахъ Діонисій († 556 г.), прозвѣщемъ Малый (Exiguus), приобрѣлъ большую извѣстность своимъ «Cyclus paschalis», составленнымъ по примѣру Александрійцевъ, какъ свидѣлствуетъ самъ авторъ. «Quia vero — говоритъ онъ — S. Cyrillus primum Cyclum (95 annorum) ab anno Diocletiani 153 coepit et ultimum in 247 terminavit, nos a 348 anno ejusdem tyranni potius quam principis inchoantes, nolimus circulis nostris memoriam impii et persecutoris innectere, sed magis elegimus ab incarnatione Domini nostri Jesu Christi annorum tempora praeannotare»¹⁾ etc. Въ послѣдствіи пасхаліей много занимался Беда, прозванный Venerabilis († 735 г.). Таблицы Діонисія и Беды распространились по монастырямъ и церквамъ западной Европы. На краяхъ пасхальныхъ таблицъ и дѣлались первоначальныя замѣтки о происшествіяхъ, развившіяся съ теченіемъ времени въ стройное лѣтописное повѣствованіе.

При постоянныхъ сношеніяхъ Византіи съ древнею Россіею

1) Geschichte der Römischen Literatur, von Baehr, Supplement-Band. 2 Abtheilung. Carlsruhe, 1837, стр. 418, прим. 4.

не замедлили появиться и у насъ вычисленія пасхальныя, занимавшія Греческихъ писателей. Уже въ XII столѣтіи Кирикъ, извѣстный своими вопросами Нифонту, написалъ «Ученіе, имже вѣдати челоувѣку числа всѣхъ лѣтъ». Здѣсь изложены: «хитрость числомъ недѣльнымъ», «ученіе о индиктѣ», «о високостныхъ лѣтехъ», «о велицемъ кружѣ», и т. п. ¹⁾. Составленіе пасхальныхъ таблицъ было у насъ въ большемъ обычаѣ, какъ можно судить по числу, въ которомъ сохранились онѣ, будучи разсѣяны по разнымъ рукописямъ. Сверхъ того пасхальныя разысканія составляли предметъ особенныхъ обширныхъ сочиненій. Къ числу ихъ принадлежитъ «Полная наука пасхалии», рукопись XVII в., на 672 листахъ, хранящаяся въ Императорской Публичной библіотекѣ ²⁾. Въ этой рукописи между статьями, составляющими науку пасхалии, находится «великій миротворный кругъ», съ показаніемъ индикта, круга солнца и луны и т. п., съ перваго года отъ сотворенія міра по 2472 по Р. Х. Годы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ:

Отъ Адама лѣта	Индиктъ	Кругъ солнца	Вруцѣ- лѣто	Кругъ луны	Спра- ва	Златое число	Осно- ваніе	Епак- та	Ключъ гран.
6601	1	21	5	8	Ч	11	1	20	Ш
6602	2	22	6	9	И	12	12	9	С
6603	3	23	7	10	Г	13	23	28	Г

Означеніе индиктъ при нѣкоторыхъ годахъ лѣтописи показываетъ знакомство ея автора съ пасхальными таблицами. Два случая подъ 6360 и 6601 г. уже указаны нами. Третій находимъ въ самомъ концѣ разсказа, вопреки обычаю лѣтописцевъ выставлять годы въ началѣ: «се же бысть исходящую

1) Труды общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть IV, книга I, 1828, стр. 122—129.

2) По печатному каталогу рукописей Толстова :отд. I, № 199; по рукописному Публичной библіотеки: отд. I, № 320

лѣту 6604, индикта 4, напoлы». Четвертый и всего полнѣе указывающій на таблицы есть слѣдующій: «въ лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. Въ се же лѣто преставися Володимеря», и пр. Въ участіи пасхальныхъ таблицъ въ дѣлѣ лѣтописномъ удостовѣряетъ и слѣдующее мѣсто Псковской лѣтописи подъ 6497 г.: «бысть же крещена Руская земля въ 9-е лѣто княженія Володимерова. Купно же отъ Адама до крещенія Рускаго лѣтъ 6496, индикта 1, ключъ граицы Р, кругъ солнца числа 28, вѣруцѣлѣто 7, а лунѣ кругъ 17, а Жидомъ пасха апрѣля 5 въ пятокъ, а христіаномъ пасха апрѣля 8» ¹⁾; и другія мѣста въ лѣтописяхъ.

Но наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ связи пасхальныхъ таблицъ съ лѣтописью могли бы служить безспорно самыя таблицы съ замѣтками о случившемся. Въ этомъ отношеніи весьма любопытное свидѣтельство представляетъ харатейная рукопись Синодальной библіотеки, въ листѣ, № 325 — по прежнему каталогу. Она писана въ XIV вѣкѣ и заключаетъ въ себѣ собраніе разныхъ службъ. Въ срединѣ ея помѣщено нѣсколько пасхальныхъ таблицъ, изъ которыхъ въ одной приписаны къ ключевымъ буквамъ замѣтки. Таблица ²⁾ обнимаетъ 532 года великаго индиктіоннаго круга; за исключеніемъ годовъ Рождества и страданія Христова, всѣ замѣтки относятся къ 13-му индиктіону (877—1408 г.); самая ранняя изъ нихъ при 1015 г., самая поздняя при 1340 годѣ. Считаю нужнымъ передать вполнѣ эти въ высшей степени любопытныя замѣтки, присоединивъ къ нимъ соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей.

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. IV, 175.

2) Снимокъ съ этой таблицы помѣщенъ въ концѣ сочиненія. См. *Приложеніе къ стр. 40.*

Б	КБ	Г	Л	Н	З	КЗ	Е	А	КА	В	А	КА	Ф	КФ	З	Е	КЕ	Г		
А	П	Н	Щ	П	Н	А	П	Н	А	Щ	Н	А	Щ	Н	К	Щ	П	В	Щ	
Б	К	Х	О	З	Ж	О	З	Ж	О	З	Ж	Х	З	Ж	Х	Дмитрий родиса	Дмитрий оубить	Х	О	
Г	Ф	Н	С	Ж	Н	С	Ж	Н	С	Ж	Ф	С	Ж	Юрьева рать	Ф	Андр оженяса	Шевкагъ оубить	Н	А	
Е	Л	Е	Ш	А	Е	Ш	А	Е	Ш	Т	Е	Ш	Т, Г	А	Ярослав, Михай- ло ро	Т	А	Ж	Т	
С	Ю	Ч	К	А	Ч	К	А	Ч	С	А	Ч	С	А	Ч	С	К	Ю	С	К	
З	Р	Г	Т	У	Г	Т	У	Р	Г	У	Р	Г	У	Р	Г	Борисъ прест кназь	Р	Г	Т	
А	Н	А	Щ	Н	А	Щ	Н	Б	Щ	П	Б	Щ	П	Н	Серен з	тагата зима	Н	А	П	
Г	Ж	Ф	С	Ж	Ф	Н, С	Ж	Ф	Н	А	Ф	Н	С	Ж	Васили Костро умр	Андрѣи кнѣзь прѣ	вѣка Васили стагъ	Н	С	
А	У	Ж	Щ	У	Ж	Щ	У	М	А	У	М	Ж	У	М	Ж	Щ	М	Ж	Щ	
Е	Е	Ш	Т	Е	Ш	Т	А	Ж	Т	А	Ж	Т	А	Е	Тетакъ	А	Е	Ш	А	
С	Ч	С	А	Ч	С	А	Ч	С	К	Ю	С	К	Ю	Ч	К	А	кнѣзь Иванъ ве- сновагъ	К	А	
Л (р)	П	К	Щ	П	Н	Щ	П	Н	А	П	Н	А	Щ	Н	Неврюкво	А, Б	Н	Б	Щ	
Б	Б	Х	О	Б	Х	О	Рѣтво Хѣо З	Ж	О	З	Ж	О	З	Ж	Х	З	Ж	Х	О	
Г	Ф	Н	А	Ф	Н	С	Ж	Н	С	Ж	Н	С	Ж	Ф	Семенъ	Ж	Ф	Н	А	
А	М	А	У	М	Ж	У	М	Ж	Щ	М	Ж	Щ	У	Ж	Щ	У	Ж	Щ	У	
С	Ю	С	К	Ю	Ч	К	А	Ч	К	А	Ч	С	А	Ч	С	А	Токта оумре	кнѣзь Иванъ умр. пожар вел	С	К
З	Р	Г	Т	Р	Г	Т	У	Р	Г	У	Р	Г	У	Р	Г	У	Избакъ сѣде	Р	Г	
А	Н	А	П	Н	А	Щ	Н	А	Щ	П	Б	Щ	П	Н	дороговъ	П	П	Щ	П	
Б	Ж	О	З	Ж	О	З	Ж	Х	З	Ж	Х	О	Б	Х	О	Торжекъ взать	Х	О	З	
Д	М	Ж	Щ	У	Ж	Щ	У	Ж	Щ	У	М	А	У	М	Ж	на Ловоти стояли	А	Ж	Щ	
Е	Е	Ш	А	Е	Ш	Т	Е	Ш	Т	А	Ж	Т	А	Ж	Кашиньска ра	Кавадѣнво	Е	Ш	А	
С	Ч	К	А	Ч	С	А	Ч	С	А	Ч	С	К	Ю	С	погиблукъ гѣ	Михаило оубить	Ч	К	А	
З	Г	Г	У	Р	Г	У	Р	Г	У	Р	Г	Т	Р	Олеандръ кнѣзь прес	Т	дорого моръ	Г	Т	У	
К	Ж	Х	О	Б	Х	О	Б	Х	О	З, Д	Ж	О	З	Андрѣи Суздаис	О	Токта сѣде	Ж	Х	З	
Г	Ф	Н	Ж	Ф	Н	А	Ф	Н	С	Ж	Н	С	Ж	Тотарьско	Н	Дюденово	Ф	С	Ж	
А	Ж	Щ	У	К, мз	А	У	М	Ж	У	М	Ж	Щ	М	Ж	Дмитрий пре	У	Ж	Щ	У	
Е	Ш	Т	А	Ж	Т	А	Ж	Т	А	Е	Ш	А	Е	Дмитр Нѣмцъ вѣ	А	Дмитрий сѣгъ	Ш	Т	Е	
З	Р	Г	Т, З	Р	Г	Т	Р	Г	Т	У	Р	Г	У	Р	Г	У	Р	Г	У	

Порядка:	Въ клѣткѣ:	Подъ годомъ:	З а м ѣ т к и:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
5-го	27-й	1015	<i>Борисъ.</i>	Подъ 1015 г. въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ «о убьеніи Борисовъ».
13-го	3-й	1215	<i>Юрьева ратъ.</i>	Подъ 1216 г. въ Новгородской первой лѣтописи подробно говорится о войнѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Юріемъ (III, 34—35).
—	18-й	1230	<i>Дороговъ.</i>	Подъ 1230 г. въ Новгородск. 1-й: «купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и по болшую, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра», и пр. (III, 45—47).
—	25-й	1237	<i>Татарьско.</i>	Подъ 1237 г. въ Лавр.: «того же лѣта, на зиму, придоша на Рязаньскую землю лѣсомъ безбожніи Татары» и т. д. (I, 196). Въ Новг. подъ 1238.
14-го	12-й	1252	<i>Незрюево.</i>	Подъ 1252 г. въ Воскресенскомъ списокѣ: «прииде Неврюи и Котья и Олобуха Храбрыи на землю Суздальскую со многими вой» (Воскресенск. II, 230).
—	23-й	1263	<i>Олеѣндръ кнѣз прес.</i>	Подъ 1263 г. въ Лавр.: «преставися великій князь Александръ, сынъ Ярославль» (I, 204).
—	24-й	1264	<i>Андрѣи Суз- далс.</i>	Подъ 1263 г. въ Воскресенскомъ: «преставися князь Андрѣи Ярославичъ Суждальски» (Воскр. II, 238).
—	27-й	1267	<i>Дмитр Нѣмцъ взя.</i>	Подъ 1268 г. въ Новгородскихъ: «пособи Богъ князю Дмитрію и Новгородцемъ: бывшу великому снятью, гониша Нѣмецъ

Порядка:	Въ клѣткѣ:	Подъ годомъ:	З а м ѣ т к и:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
15-го	3-й	1271	<i>Андр оже- ниса.</i>	біюще до Раковора, въ три пу- ти, 7 верстъ, яко и коневѣ не- гдѣ ступити трупомъ Нѣмец- кимъ» (III, 60 и IV, 41). Подъ 1270 г. въ Новг.: иде князь Ярославъ въ Володимиръ, и от- толѣ иде въ орду, а въ Новѣ- городѣ остави Андрея Вороты- славича» (III, 62). Быть мо- жетъ, замѣчена женитьба этого Андрея.
—	4-й	1272	<i>Ярослав Ми- хаило ро.</i>	Подъ 1272 г. въ Воскр. «преста- вился великий князь Ярославъ Ярославичъ. По преставлени- и жъ сего родися сынъ Михайлъ» (Воскр. II, 251).
—	7-й	1275	<i>Серен з.</i>	Подъ 1275 г. въ лѣтописяхъ нѣтъ этой замѣтки о погодѣ. Слово «серень» употребляется въ лѣтописяхъ: «бѣшетъ серень (= мгла, туманъ) великъ, яко- же вои не можахуть зрѣти перейти днемъ до вечера» (II, 129).
—	8-й	1276	<i>Василий Ко- стро умр.</i>	Подъ 1276 г. въ Новг.: «пре- ставился великій князь Василий Ярославичъ, и положенъ бысть у святаго Ѳеодора на Костромѣ (III, 63).
—	10-й	1278	<i>Тетакъ.</i>	Подъ 1278 г. въ Воскресенскомъ: «князь великий Дмитрій Але- ксандровичъ взя Тетяковъ.... Подъ городомъ подъ Тетяко- вымъ, минуше вси горы вы-

Порядка:	Въ кѣткѣ:	Подъ годомъ:	Замѣтки:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
15-го	14-й	1282	Семенъ.	<p>сокіа, Яськіе и Черкаскіе, близъ воротъ Желѣзныхъ» (Воскр. II, 255 и 291). Желѣзныя ворота — Дербентъ; Дедяковъ или Тетяковъ — нынѣ Дивенъ или Дедухъ. См. Карамзина Ист., т. IV, прим. 157. Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг. и Воскр. упоминаются два лица этого имени: «князь Андрей Александровичъ съ Семеномъ Толигнѣвичемъ цареви би челомъ на брата своего на Дмитрея, и въздыну (въздвигнулъ) рать Татарскую, и взяша Переяславль на щить.... Тогда же князь Андрей Александровичъ поиде изъ Новгорода, пойма съ собою Новгородцевъ Семена Михайловича и иныхъ мужъ старѣйшихъ.... Приде Семенъ Михайловичъ въ Торжекъ, и сѣде въ Торъжку засадою, а обиліе попроводи все въ Новъгородъ» (III, 64.—V, 199 — 200. — Воскрес. II, 259 — 260. О первомъ замѣчено въ Воскрес. подъ 1283: «тогда убиша на Костромѣ Семена Тонлиевича кормолника лстиваго бояре княже Дмитриевы» (II, 260).</p>
—	21-й	1289	Кашиньска ра	<p>Подъ тѣмъ же годомъ въ Софійской первой: «князь Дмитрей</p>

Порядка:	Въ кѣткѣ:	Подъ годомъ:	З а м ѣ т к и:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
15-го	22-й	1290	<i>погиб блок лѣт.</i>	Ростовскій нача вѣдати всю свою отчину, и ходи къ Каши-ну ратию» (V, 201). Подъ 1291 г. въ Новг.: «помроша кони въ Новѣгородѣ, мало ся оста. Того же лѣта побѣи морозъ обиліе по всеи волости Новгородской» (III, 65).
—	24-й	1292	<i>Токта съде.</i>	Подъ 1291 г. въ Воскр.: «побѣди Тохта Телебугу» (II, 266).
—	25-й	1293	<i>Дюденево.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «отпусти царь брата своего Дуденя съ множествомъ рати на Дмитрея; города поймаша: Володимерь, Москву, Дмитровъ, Волокъ и ины грады; положиша всю землю пугу» (III, 65).
—	26-й	1294	<i>Дмитрии прѣ</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «преставися князь Дмитрій въ Волоцѣ» (III, 66), т. е. князь Ростовскій Дмитрій Борисовичъ.
16-го	2-й	1298	<i>Дмитрии родиса.</i>	Подъ 1299 г. въ Воскр. и Лавр.: «родися князю Михаилу Тверскому сынъ Дмитрій» (I, 208.— Воскр. II, 270).
—	6-й	1302	<i>Борисъ прест князь.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Воскр.: «преставися князь Борисъ Андрѣевичъ на Костромѣ» (II, 272) — сынъ великаго князя Андрея Ярославича.
—	7-й	1303	<i>Талатъ зима.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «бысть зима тепла, не бысть снѣга черезъ всю зиму, и не

Порядка:	Въ кѣткѣ:	Подъ годомъ:	З а м ѣ т к и:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
16-го	8-й	1304	<i>Андрѣи кнѣзь прѣ.</i>	добыша люди хлѣба» и т. д. (III, 68). Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «преставися великий князь Андрей Александровичъ» (III, 68).
—	16-й	1312	<i>Токта оумре.</i>	{ Подъ 1313 г. въ Софійск. 1-й: «царь Тохта умре, а Озбякъ сѣде на царствѣ» (V, 205).
—	17-й	1313	<i>Избавъ съде.</i>	
—	19-й	1315	<i>Торжекъ взатъ.</i>	Подъ 1345 г. въ Новг.: «поиде князь Михаило къ Торжку; Новгородци же съ Новоторжци изыдоша противу на поле.... бысть сѣча зла; избиша много добрыхъ мужъ и бояръ Новгородскихъ.... останокъ людій въ городѣ (Торжкѣ) нача продаяти» (князь Михаилъ) (III, 71).
—	20-й	1316	<i>на Ловоти стогаи.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Троицкой: «князь великій ходилъ на Ловоть; и поиде ратью къ Новугороду, и заблудиша во злыхъ лѣсѣхъ и въ болотѣхъ, дондеже придоша на Ловоть, и ту стояша, и бысть въ нихъ гладъ» и т. д. (Карамз. IV, прим. 223).
—	21-й	1317	<i>Каваднѣво.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Воскр.: «прииде изъ орды великий князь Юрьи Даниловичъ на великое княжение, и приведе с собою Татары, <i>Кавадыа</i> и Астрабыла» (II, 279).
—	22-й	1318	<i>Михаило оубитъ.</i>	Подъ 1319 г. въ Новг., какъ и въ другихъ: «уби царь въ ордѣ князя Тферьского Михаила» (III, 72).

Порядка:	Въ кѣткѣ:	Подъ годомъ:	З а м ѣ т к и:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
16-го	23-й	1319	<i>дорого моръ.</i>	Подъ 1318 г. въ Никоновскомъ спискѣ: «тое же зимы бысть моръ во Твери на люди» (Никон. III, 115). — Въ Псковской 1-й подъ 1314 г.: «язби мразъ всяко жито, и бысть <i>дорогость</i> люта; бѣше же та драгость много время» (IV, 184). Не къ этой ли продолжительной дороговизнѣ относится замѣтка?
—	25-й	1321	<i>ѣлице побилю.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «внезапу померче солнце, и тма бысть яко въ зимнюю ночь, и паки наполнися помалу» (III, 72).
—	27-й	1323	<i>Дмитрии сталъ.</i>	Подъ 1322 г. въ Новг.: «ходи князь Дмитрій Михайловичъ въ орду, и подъя великое княженіе» (III, 72).
17-го	2-й	1326	<i>Дмитрии оубитъ.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «уби царь въ ордѣ князя Дмитрія Михайловича» (III, 73).
—	3-й	1327	<i>Шевкала оубитъ.</i>	Подъ тѣмъ же годомъ въ Псковской: «великій князь Тферскій Александръ Михайловичъ язби Тотары на Тферя, великихъ пословъ, Шевкала князя бесерменскаго и дружину его» (IV, 185).
—	8-й	1332	<i>вѣка Василю сталъ.</i>	Подъ 1331 г. въ Новг.: «прииде архіепископъ Новгородскій Василю владыка въ Новъгородъ изъ Волинской земли» (III, 76).

Порядка:	Въ кѣткѣ:	Подъ годомъ:	З а м ѣ т к и:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
17-го	11-й	1335	кнѣзь Иванъ весновалъ.	Подъ тѣмъ же годомъ въ Софійской: «пріѣха въ Новъгородъ великій князь Иванъ Даниловичъ» (V, 220, 6).
—	14-й	1338	в лѣтѣ $\text{с}^{\text{м}}\text{с}.$	= въ лѣто 6046, вмѣсто 6846 = 1338.
—	15-й	1339	в лѣтѣ $\text{м}^{\text{з}}.$	= въ лѣто 47, вмѣсто 6847 = 1339.
—	16-й	1340	кнѣзь Иванъ умр. По- жар вели.	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «преставися князь великій Иванъ Даниловичъ, на Москвѣ. Того же лѣта. . . . бяше великъ и лють пожаръ, съ бурей и съ вихремъ, яко мнѣти уже кончина» (III, 79).

Предложенное сличеніе показываетъ согласіе табличныхъ замѣтокъ съ свидѣтельствомъ лѣтописей. Если какое-либо событіе отмѣчено на таблицѣ годомъ раньше или годомъ позже, нежели въ лѣтописи, то совершенно то же находимъ и въ показаніяхъ различныхъ лѣтописей. Весьма часто день событія указанъ одинаково въ нѣсколькихъ спискахъ, а годъ въ одномъ списокѣ обозначенъ предъидущій, въ другомъ — послѣдующій. Краткость и отрывочность не чужды и нѣкоторымъ лѣтописямъ, преимущественно сѣвернымъ. Стоитъ только, по образцу самихъ же таблицъ, отмѣтившихъ годы 6846 и 6847, замѣнить пасхальные знаки годами, присоединить къ нѣкоторымъ изъ нихъ табличныя замѣтки, и передъ нами явится лѣтопись въ такой же формѣ, какую имѣетъ она во многихъ спискахъ.

Возьмемъ для примѣра 16-й порядокъ таблицы, заключающій въ себѣ годы съ 1297 по 1324. Выразивъ пасхальныя

буквы цифрами, соответствующими 13-му индиктиону, получимъ слѣдующій рядъ извѣстій:

Въ лѣто 6805. Въ лѣто 6806. Дмитрий родися. Въ лѣто 6807. Въ лѣто 6808. Въ лѣто 6809. 6810. Борисъ преставися князь.

Въ лѣто 6811. Талая зима.

Въ лѣто 6812. Андрей князь преставися.

Въ лѣто 6813. 6814. 6815. 6816. 6817. 6818. 6819.

Въ лѣто 6820. Тохта умре.

Въ лѣто 6821. Избѣжъ сѣде.

Въ лѣто 6822.

Въ лѣто 6823. Торжекъ взятъ. 6824. На Ловоти стояли.

6825. Кавадѣво. Въ лѣто 6826. Михайло убить.

Въ лѣто 6827. Дорого морь.

Въ лѣто 6828. 6829. Солнце погнбло.

Въ лѣто 6830. 6831. Дмитрій сѣлъ.

Совершенно такого же рода многія извѣстія лѣтописныя, какъ напримѣръ:

Въ лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестію; и заложена бысть Святая Софія Кыевъ.

Въ лѣто 6526. Въ лѣто 6527.

Въ лѣто 6528. Родися Володимиръ сынъ у Ярослава.

Въ лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава.

Въ лѣто 6530. Въ лѣто 6531. Въ лѣто 6532. Въ лѣто 6533. Въ лѣто 6534. Въ лѣто 6535. Въ лѣто 6536.

Знаменіе зміево на небеси явися ¹⁾.

Подобныя замѣтки явились въ лѣтописи, безъ всякаго сомнѣнія, по личному желанію лѣтописцевъ, независимо отъ Византійскаго вліянія. Эти-то краткія замѣтки были первыми зародышами бытописанія. Самое удобное мѣсто для ихъ появленія представляли пасхальныя таблицы съ готовыми годами: нужно

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. III, 1.

было написать одно только слово, и память о событіи сохранена. Впрочемъ мы не утверждаемъ, чтобы всѣ древнія извѣстія обозначаемы были впервые непременно на пасхальныхъ таблицахъ, и не иначе, какъ черезъ нихъ, перешли въ лѣтопись. Мы полагаемъ только, что многія извѣстія въ лѣтописяхъ весьма сходны по свойству и по формѣ съ пасхальными замѣтками; что послѣднія по всѣмъ соображеніямъ древнѣе первыхъ, и служили для нихъ пособіемъ, и что лѣтописныя извѣстія сходныя съ табличными замѣтками принадлежать къ древнѣйшимъ и самостоятельнымъ.

Такимъ образомъ и общій характеръ древней лѣтописи, открывающійся даже при простомъ чтеніи, и внѣшній ея видъ заставляютъ признать ее произведеніемъ самостоятельнымъ по мысли и отчасти по исполненію. Но это признаніе можетъ получить должную силу только по разсмотрѣніи состава лѣтописи въ подробностяхъ, не по одному общему впечатлѣнію, производимому ею на читателя.

Полнаго объема своего лѣтопись достигла съ теченіемъ времени: въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Признавая постепенность въ образованіи лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, считаемъ нужнымъ указать, на сколько возможно, путь, по которому шла лѣтопись въ своемъ послѣдовательномъ развитіи.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находятся единство внутреннее и единство внѣшнее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами, и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Я говорю о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема

они ни были, примыкають къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись остается непременно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ прямое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значить и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого-либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполнѣ у мѣста только на пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ смыслъ по отношенію къ кругу церковныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенно особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму.

Первыми начатками лѣтописанія по данной формѣ должны быть признаны, безъ сомнѣнія, тѣ извѣстія, которыя отличаются отъ другихъ, во первыхъ, сообщеніемъ событій наиболѣе древнихъ, во вторыхъ — краткостью. Обычай подробно описывать достойное замѣчанія образовался позднѣе: если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ нѣсколькихъ словахъ, другое оставлено подробностями, то съ большою вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихъ древнѣйшими, какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго близкаго къ событію, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святія (т. е. иконы) въ святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519. Преставися царица Володимеряя Анна.

Въ лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ.

Въ лѣто 6541. Мьстиславичъ Еустафій умре.

Въ лѣто 6546. Ярославъ иде на Ятвягы.

Въ лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву; и т. п.

Само собою разумѣется, что древность этихъ замѣтокъ относительная; онѣ древнѣе всѣхъ другихъ извѣстій, относящихся къ тѣмъ же годамъ; но во времени появленія ихъ разница огромная: они являлись до Нестора такъ же, какъ и при немъ и послѣ него. Замѣтка 6481 года гораздо древнѣе находящейся подъ 6541 г.; но между ними то общее, что они одинаково современны отмѣченному каждой изъ нихъ событію, о которомъ сообщаютъ самое раннее извѣстіе.

Первоначальныя краткія замѣтки мало по малу увеличивались въ своемъ объемѣ¹⁾. Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи. Образцы троякаго рода дополненій представляетъ текстъ древнѣйшихъ списковъ. Уже въ самыхъ краткихъ замѣткахъ упоминалось иногда не объ одномъ только происшествіи. Такъ подъ 6525 годомъ замѣчено: «Ярославъ иде въ Кыевъ, и погорѣша церкви». Обыкновеннымъ же признакомъ накопленія извѣстій служить повтореніе выраженій: «въ семь же лѣтъ», «въ си же времена», и т. п., какъ напрямѣръ:

Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ къ Ляхомъ, и зал грады ихъ: Перемышль, Черзепъ и ныи грады, иже суть и до сего

1) Соображенія о первыхъ листкахъ нашей лѣтописи предложены въ статьѣ *И. И. Срезневскаго*: «Памятники X вѣка до Владимира Святаго». Извѣстія 2-го Отдѣленія Академіи. Томъ III, стр. 56 — 57.

дне подъ Русью. *Въ семъ же лѣтъ* и Вятичи побѣди и възложи на нь дань отъ плуга, якоже и отецъ его имаше.

Въ лѣто 6579. Воеваша Половци у Ростовьця и у Неятина. *Въ се же лѣто* выгна Всеславъ Святополка изъ Полотьска. *Въ се же лѣто* побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. *Въ си времена* приде волхвъ, и т. д.

Тоже самое замѣчаемъ и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ: «Въ лѣто 6620. Въ лѣто 6621. Ходи Ярославъ на Ятвягы, сынъ Святопѣльчъ; и пришедъ съ войны, поя дѣчерь Мъстиславию. *Томъ же лѣтъ* преставися Святопѣлкъ, а Володимиръ сѣде на столѣ Кіевѣ. *Въ се лѣто* преставися Давыдъ Игоревичъ. *Семъ же лѣтъ* побѣди Мъстиславъ, на Бору, Чюдъ. *Въ то же лѣто* заложена бысть церкы Новѣгородѣ, святаго Николы. *Въ то же лѣто* погорѣ онъ полъ и т. п. (III, 4).

Подобнаго рода дополненія такъ живо указываютъ на современную имъ Русскую дѣйствительность, что устраняютъ всякую мысль о подражаніи иностранному образцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ есть въ древнихъ спискахъ и такія дополненія и даже краткія извѣстія, которыя обнаруживаютъ весьма раннее вліяніе Византіи на развитіе нашей лѣтописи, возникшей самостоятельно. Сюда относятся извѣстія, подобныя слѣдующимъ:

Въ лѣто 6375. Въ лѣто 6376. Поча царствовати Василій (т. е. Василій Македонянинъ).

Въ лѣто 6394. Въ лѣто 6395. Леонъ царствова сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6, и др.

Самый перечень лѣтъ въ началѣ погоднаго разсказа составленъ при участіи Византійской хроники. За словами: «отселѣ почнемъ и числа положимъ» слѣдуетъ перечень: «отъ Адама до потопа лѣтъ 2242; а отъ потопа до Оврама лѣтъ 1000 и 82; а отъ Аврама до исхоженія Моисѣева лѣтъ 430; а отъ исхоженія Моисѣева до Давыда лѣтъ 600 и 1..... А отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго

лѣта Святославля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8, а Володимеръ лѣтъ 37», и т. д. — до смерти Святополка. (I, 7—8). Вторая половина перечня составлена, безспорно, Русскимъ лѣтописцемъ, но этого нельзя сказать о первой, находящейся и въ хроникахъ Византійскихъ въ подобной формѣ: «Суть убо отъ Адама до потопа лѣтъ 2042.... Отъ Авраама до исхода Израилева лѣтъ 509, от-потопа лѣтъ 1579; въкупѣ от-Адама до Давыда лѣтъ 4470. Давыдъ роди Соломона, дръжавъ царство за 40 лѣтъ; Соломонъ роди Ровоама, царствовавъ лѣтъ 40; Ровоамъ царствова лѣтъ 17, Авіа лѣта 3» и т. д.¹⁾

Считать года отъ сотворенія міра Русскому лѣтописцу не было никакого повода. Въ Византіи же этотъ счетъ явился вслѣдствіе историческихъ причинъ. Въ первые вѣка христіанства были еще въ Греціи пламенные защитники язычества, силившіеся доказать превосходство его надъ новою религіею. Главное основаніе мнѣніямъ своимъ поставляли они въ новизнѣ христіанства сравнительно съ языческими вѣрованіями. Чтобы противоdѣйствовать неправымъ притязаніямъ приверженцевъ старины, христіанскіе писатели обратились къ хронологическимъ изслѣдованіямъ, и посредствомъ ихъ доказывали глубокую древность Ветхаго Заветъа, состоящаго въ непосредственной связи съ Новымъ. Доводы противниковъ теряли всю свою силу, когда доказано было, что Моисей жилъ многими вѣками ранѣе Троянской войны, имѣвшей такое важное значеніе въ преданіяхъ языческихъ. Таціанъ, Евсевій, Климентъ Александрійскій и другіе писатели занимались хронологическими разысканіями²⁾. Трудами ихъ воспользовались позднѣйшіе хронисты.

Займствованія изъ Византійскихъ источпиковъ не многимъ увеличивали объемъ древней лѣтописи. Несравненно болѣе спо-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. Приложеніе. стр. 246—248.

2) *Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Chronicon Paschale*. II. Bonnae. 1832. Praefatio. p. 21—22.—*Geschichte der Römischen Litteratur*, von Bähr. Supplement-Band. I. Abtheilung. 92 и слѣд.

собствовали ей возрастанію собственные труды Русскихъ лѣтописцевъ, то распространявшихъ прежнія краткія извѣстія о какомъ-либо предметѣ, то придававшихъ къ нимъ извѣстія о другихъ предметахъ. Три слѣдующія извѣстія, стояція рядомъ, какъ бы опредѣляютъ до нѣкоторой степени способъ распространенія первоначальныхъ краткихъ замѣтокъ:

Въ лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву.

Въ лѣто 6549. Иде Ярославъ на Мазовъшаны въ лодьяхъ.

Въ лѣто 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославъ, на Ямь, и побѣди я; и помроша кони у вой Володимеръ; яко и еще дышущимъ конемъ съдираху хъзы съ нихъ: толикъ бо бѣ моръ въ конихъ. (I, 66).

Что древнія извѣстія со временемъ растространялись, на это много доказательствъ представляетъ сравненіе однихъ списковъ съ другими. Въ Лаврентьевскомъ подъ 6411 годомъ: «Игореви възрастѣшу, и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Ольгу» (I, 12). Въ Переяславскомъ лѣтописцѣ: «Игореви възрастѣшу и хождаше по Ользѣ и всю волю его творѣ. Приведоша емоу женоу ѿ Плескова именемъ Олгу, остроумную и корень и основаніе вѣрѣ Христіанстей, и намъ вождь»¹⁾. Много примѣровъ распространенія гораздо большаго находится въ Никоновскомъ и вообще въ позднѣйшихъ спискахъ

Присоединеніе же подробныхъ описаній къ начальнымъ замѣткамъ открывается и въ древнѣйшемъ текстѣ. Подъ 6500 годомъ: «Иде на Хорваты. Пришедшу бо ему съ войны Хорватскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы» и т. д. Здѣсь подробно описывается борьба Русскаго силача съ Печенѣжскимъ, такъ, что все, сказанное подъ 6500 годомъ, состоитъ изъ краткой замѣтки о походѣ на Хорватовъ и подроб-

1) Временникъ Московск. Историч. Общества. 1851. книга 9. Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. стр. 8.

наго разсказа о единоборствѣ. Такого же рода извѣстіе подѣ 6530 годомъ: «Приде Ярославъ къ Берестію. Въ сиже времена Мстиславу сущю Тмудороканю поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожьскій Редедя, изиде противу тому» и т. д. Слѣдуетъ описаніе единоборства Мстислава съ Редедю. — Въ подобныхъ извѣстіяхъ рѣзко отдѣляется первая часть, состоящая изъ краткой замѣтки, отъ второй, описывающей событіе съ подробностями. Очевидна неодновременность ихъ появленія, а вмѣстѣ и большая древность первой части въ сравненіи со второю.

Сверхъ указанныхъ нами способовъ составъ лѣтописи дѣлался все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣже предметы, о которыхъ упоминалось подѣ ея годами. Еще ранѣ XII вѣка были у насъ описанія жизни Святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ приданію ей внѣшней полноты и внутренняго значенія.

Мѣста, заимствуемая изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ разсказомъ. Такъ къ замѣткѣ 6559 года: «постави Ярославъ *Ларіона* митрополитомъ Русина» присоединена повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ *Иларіона*. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи, непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидяты на свою паству, помещено поученіе его — замѣчательный памятникъ Русской словесности XI вѣка, и т. п.¹⁾

Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщили лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразіе, за-

1) Русскія Достопамятности. Часть I, стр. 3 и слѣд. — Эти списки — Бекетовскій и Котельницкій; имъ пользовался Тимковскій при изданіи Несторовой лѣтописи; оба списка сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 году.

мѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Такъ какъ эти сборники до сихъ поръ остаются самымъ древнимъ памятникомъ нашего бытописанія, то они достойны изученія во всей полнотѣ, со всѣми особенностями своего состава. Не имѣя права по своему произволу сокращать памятникъ, переданный намъ древностью, мы должны разсматривать его въ томъ видѣ, въ какомъ сохранился онъ въ важнѣйшихъ рукописяхъ.

III.

Займствованія въ древней лѣтописи.

Расширеніе лѣтописи внутреннее и внѣшнее совершалось совокупно: одинъ и тотъ же писатель могъ и подробно излагать событія, о которыхъ были только краткія замѣтки, и вносить въ свою лѣтопись сказанія древнія, чтимыя уже его предками. Поэтому оригинальная и заимствованная части лѣтописи могутъ быть и разсматриваемы въ совокупности. Но мы находимъ болѣе удобнымъ предварительно обозрѣть главнѣйшія заимствованія и потомъ перейти къ оригинальному разсказу лѣтописи. Это обозрѣніе тѣмъ умѣстнѣе, что оно можетъ познакомить съ характеромъ образованія нашихъ лѣтописцевъ, съ кругомъ ихъ начитанности и умѣньемъ пользоваться ея плодами. Изъ источниковъ, послужившихъ къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы слѣдующіе: 1) Книги Св. Писанія, 2) Палей, 3) Исповѣданіе вѣры, сходное съ находящимся у Михаила Синкелла, 4) Жизнеописанія Св. Кирилла и Меодія, 5) Житіе Владимира Св., 6) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, 7) Поученія Θεодосія, 8) Разсказъ Василія, 9) Хроника Георгія Амартола, 10) Сочиненіе Меодія Патарскаго, 11) Договоры Русскихъ князей съ Греками.

1. Книги Св. Писанія.

1) Книги Св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнное чтеніе предковъ нашихъ. «Иже бо книги часто чтеть,— говоритъ лѣтописецъ — то бесѣдуетъ съ Богомъ или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, житія святыхъ отецъ, въспріемлетъ душа велику ползу». (I, 66). Мысль и чувство, возвышающіяся надъ обыкновенными, облекались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частью тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ повѣствованія. Уклоненіе отъ праваго пути тревожитъ набожное чувство, и оно выражается словами воспитавшаго его Св. Писанія. «Володимерь же посла къ Блуду, — рассказываетъ лѣтописецъ — воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «попріай ми; аще убью брата своего, имѣти ты хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене; не язъ бо почалъ братью бити, по онъ; азъ же того убоявъся придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: «азъ буду тобѣ въ сердце и въ пріязньство». О злая лестъ человѣческа! *Якоже Давидъ глаголетъ: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лестъ*». (I, стр. 32—33).

Тѣмъ живѣе должно было выражаться чувство вѣры, что оно было для тогдашняго Русскаго общества чувствомъ новымъ, ибо, хотя давно совершилось крещеніе Россіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держалось еще язычество со всѣми своими обычаями. Передавая то, что происходило въ его время, лѣтописецъ не могъ умолчать о бытѣ язычниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Россіи. Но говорить о немъ нельзя было равнодушно христіанину, проникнутому сознаниемъ превосходства свѣта надъ тьмою, еще не вполне разсѣянною. Упомянутіе о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ пробуждало мысль о противоположныхъ и неизмѣримо высшихъ понятіяхъ и дѣйствіяхъ, открываемыхъ божественнымъ ученіемъ Христа. Подъ вліяніемъ такой мысли яви-

лись заключительныя слова въ слѣдующемъ описаніи: «Яко же се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящеся о сихъ, ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы; поймають мачехи своя, ятрови, и ины обычая отецъ своихъ творять. *Мы же христіане, елико землю, иже впрують въ святую Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся, во Христа облекохомся*» (стр. 7). Здѣсь весьма естественно приведеніе текста писателемъ-христіаниномъ. Оно напоминаетъ благодарное воззваніе къ Христу у одного изъ западно-Европейскихъ средневѣковыхъ писателей, передававшего обычай еще памятнаго ему язычества. Исчисляя мѣсяцы, Беда говорить: «Halegmonath mensis sacrorum. Blotmonath mensis immolationum, quod in eo pecora, quae occisuri erant, diis suis voverent. Gratia Tibi, bone Jesu, qui nos ab his vanis avertens tibi sacrificia laudis afferre donasti¹⁾».

Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта: изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давыда, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осіи, Амоса, Даніила, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланій апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изреченій, вставленныхъ въ самый рассказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книгъ Притчей, какъ напримѣръ разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ (стр. 34—35). — Такое же изобиліе мѣстъ изъ Св. Писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣтописцевъ Евронейскихъ, отъ Георгія Амартола до Григорія Турскаго. Иногда вся рѣчь ихъ состоитъ изъ длиннаго ряда текстовъ.

2. Палея.

Слово *палея* — παλαιά, женскій родъ прилагательнаго παλαιός, обыкновенно соединяется со словомъ διαθήκη: ἡ παλαιά

1) См. Geschichte der deutschen Sprache, von Jacob Grimm. 1853. стр. 57.

διαθήκη — Ветхій Завѣтъ, какъ ἡ καινὴ διαθήκη — Новый Завѣтъ. Иногда же оно употребляется безъ своего существительнаго, по съ тѣмъ же значеніемъ *Ветхаго Завѣта*. Такое употребленіе извѣстно какъ въ Греческихъ рукописяхъ, такъ и въ Славянскихъ, въ которыхъ παλαιά или переводилось словомъ *ветхій* безъ существительнаго, или же оставалось безъ перевода: *палеа*, *палыа*, и п. — такъ же въ смыслѣ Ветхаго Завѣта. Въ примѣръ перваго можно привести слѣдующее мѣсто изъ сочиненій Аѳанасія Александрійскаго († 373) въ подлинникѣ и въ древнемъ переводѣ:

<p>Τίς πρῶτος, προετύπωσε ἐν τῇ παλαιᾷ τοὺς δύο λαοὺς, λέγω δὲ τὸν ἐξ Ἰουδαίων καὶ ἐξ Ἑθνῶν¹⁾.</p>	<p>Кто пръвѣе прообрази въ <i>ветхомъ</i> двоа люди, глѣю же: иже ѿ Иудеи и ѿ азыкъ²⁾.</p>
---	---

Примѣръ втораго употребленія встрѣчается въ Славянскомъ переводѣ хроники Георгія Амартола. Въ 15-й главѣ отдѣла «о христіанскихъ царяхъ», названной «Богословіемъ о Св. Троицѣ», собраны свидѣтельства о Св. Троицѣ, находящіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ: «вѣдати, ꙗко въ *Ветъсьмъ Завѣтъ* чѣѣи ѣдиносоущи Трѣци чительско повченъи расѣѣно бѣи». Свидѣтельства приводятся такого рода: «сътворимъ члѣвѣка по образу нашему и по подобію (Быт. I, 26); рече Гѣ Гѣи и моѣмоу: сѣди одесною мене (Псал. СІХ, 1) и т. п., а въ заключеніи сказано: «и инѣми многими *Палета* проповѣдаѣтъ, ꙗко не ѣдино лице знаменуоуѣтъ вѣчѣства, нѣ тремъ ѣстъствомъ ѣдиноѣ же соущѣства»³⁾.

Подъ именемъ *Палета*, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ Славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ Іудеевъ и отчасти противъ Магометанъ. Изъ Ветхаго Завѣта вошли въ

1) S. Athanasii opera omnia. Parisiis, 1698. Томъ 2-й, стр. 282. Вопросъ 63 и др.

2) Торжественникъ, рукопись Румянцевскаго музеума. № 435, л. 564 об.

3) Хронографъ Амартола, рукопись XIII — XIV в., Московской духовной академіи, л. 221 об. — 223.

Палею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Мойсея, Иисуса Навина, Судей, Руоу и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давидѣ помѣщено собраніе его пророчествъ. Въ такомъ видѣ Палея находится въ харатейномъ спискѣ начала XV вѣка (6914 г., какъ сказано въ послѣсловіи), принадлежащемъ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Этимъ спискомъ преимущественно руководствуемся мы при сличеніи Палеи съ лѣтописью.

Связь между ними не подлежитъ сомнѣнію: большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ — о предложеніи вѣру Владимиру — находится и въ Палеѣ. Отзывъ Греческаго миссіонера о вѣрѣ Болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками Палеи противъ Магометанства. Въ лѣтописи читаемъ: «Посемъ же прислаша Грьци къ Володимеру философа, глаголюще сиче: слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, учаще тя пріяти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человекъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на не же пусти Господь каменье горящее, и потопа я, и погрязоша. Яко и сихъ ожидается день погибели ихъ, егда придетъ Богъ судить земли и погубить вся творящая безаконья и скверны дѣющія; си бо омывають оходы своя, въ ротъ вливають и по брадѣ мажются, поминають Бохмита; тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще, отъ совокупленья мужьска и женьска вкушаютъ» (стр. 36 — 37). Въ Палеѣ подобныя обвиненія Магометанъ встрѣчаются при описаніи различныхъ событій, упомянутыхъ въ Библии, сопровождаемомъ многими отступленіями и толкованіями. Такъ при описаніи 5-го дня творенія и свойствъ замѣчательныхъ породъ птицъ и рыбъ, объ одной изъ послѣднихъ замѣчено: «рыба, зовемая мюрома (моурوما) не чѣа ксть дѣйствомъ и зѣло скверна; кгда оубо настанетъ нерестъ (нерость) кы, тогда оубо ищетъ ѣдовитоѣ змиѣ на смѣшеннѣ; прилоучиже в то время змии в днѣ кы ради потребы, оузрѣвше же ю мюрона и такъ смѣшается.... съ ѣдовитымъ гадомъ. Тѣмже и не чѣтъ ѣ бессумѣрньскыи (бесоурменьски) закошъ, понеж, креспу Бохмита своего обати суще,

оставляютъ 8бо подружы свои и сами са содомъскы смѣшаютъ; тогож рад чѣтать свои оходъ паче лица и сѣца» (л. 21 об.—22). За повѣствованіемъ о Хамѣ, видѣвшемъ обнаженнаго Ноя слѣдуютъ слова: «Хамо же плема раздѣлис в всѣ поганьскыи языкъ, и пригаша вѣру Бохмичю, паже оскверни землю, ... иже в Жидовьскаго хлапа вѣроваша; но си вса послѣди скажю». (л. 57 — 57 об.). И дѣйствительно потомъ говорится «о вѣрѣ Бохмичѣ» — при описаніи гибели Содома и Гоморры, въ которомъ находится слѣдующая укоризна вѣрующимъ въ Бохмита: «Постыдите же са оубо вы и пострамитеса, вѣры Бохмичѣ оканьнии Агаране. Разумѣите же оубо, что ради погубленъ бы Сodomъ и Гоморъ: злаго ради права, иже вы ныне держите . . . вы хлапи нарекостеса, вѣровавше в Жидовьскаго хлапа Бохмита». (л. 69).

Нельзя не замѣтить связи между приведенными мѣстами: авторъ обѣщаетъ сказать «послѣди», и выполняетъ свое обѣщаніе. Взаимное отношеніе укоровъ магометанству показываетъ, что они—не случайныя выписки изъ какого либо памятника, на примѣръ изъ лѣтописи, а части обдуманнаго цѣлаго, явившіяся вслѣдствіе главной мысли, положенной въ основаніе труда. Замѣтимъ такъ же, что въ лѣтописи сравненіе поклонниковъ Бохмита съ жителями Содома и Гоморры не имѣетъ надлежащаго смысла, который открывается только посредствомъ сличенія съ Палеею. Еще одно обстоятельство, заслуживающее вниманія: въ лѣтописи, какъ и въ Палей, невыгодныя отзывы о слугахъ Бохмита принадлежатъ Христіанину, имѣющему цѣлью показать превосходство своей вѣры надъ магометанскою.

Сами же Болгары, по свидѣтельству лѣтописи, говорили Владимиру такъ: «вѣруемъ Богу, а Бохмичъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, а по смерти съ женами похоть творити блудную. Дастъ Бохмичъ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ, избереть едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, да будетъ ему жена; сдѣ же, рече, достоятъ блудъ творити всякъ. На семъ свѣтѣ аще

буде кто убогъ, то и тамо; и ина многа лєсть, ея же не лѣѣ
пєати срама ради». (стр. 36). Хотя этихъ словъ въ Палєѣ нѣтъ,
но по связи ихъ съ приведенными выше, считаемъ умѣстнымъ
здѣсь же указать на ихъ источникъ. Они заимствованы изъ Ви-
зантийскихъ жизнеописаній Могамеда, древнѣйшій образецъ ко-
торыхъ принадлежитъ Теофану († 817). Эти біографіи извѣстны
и въ Славянскихъ переводахъ. Въ хроникѣ Амартола говорится
о происхожденіи, судьбѣ и ученіи Магомеда, который училъ, что
въ раю «плѣтьскаа пища и питиѣи и смѣшеніѣи жєпскон боудеть....
И аще кто кєсть здѣ богатъ или нищъ, такожде и въ гредоу-
щѣмъ вѣцѣ... Научихъ обрѣзатисє.... заповѣда же имъ все кже
закономъ повелѣноє ясти, развѣ свинныхъ мєсѣ; вина же всако
не пити.... И женамъ ихъ быти с ними (въ раю) и сѣпретати имъ
власы (*друг. списк.*: и требити власы имъ), и всачьскыи оугаж-
дати тѣмъ сластолюбивымъ тѣлесемъ»¹⁾. Въ Никоновскомъ спискѣ
помѣщено «сказаніе о хулнєи вѣре Срацынстей», въ которомъ
говорится, что жєспророкъ *Моамедъ* положилъ «обрѣзоватисѣ;
не суботствовати; свинныхъ же мясѣ не ясти; вино, еже пити, от-
пюдъ отрече». Въ будущей жизни, по его ученію, женамъ Сра-
цынъ «быти с ними безстрастно, и помєтати имъ храмы, и вся-
ческии угажати, рече. Юдѣомъ же и Християномъ в дровъ мѣсто
огнемъ подложенномъ быти. Самаряномъ же, рече, смѣтиє изно-
сити і мотылу ихъ из рая. Кждо же, якоже и здѣ жилъ єсть,
или в богатствє или в нищєтѣ, тѣмъ же образомъ и онамо жити»²⁾.
У Мусульманъ єсть преданіє, что тотъ, кому суждена наимєнь-
шая степень райскаго блаженства, будєть обладать 80,000
слугъ и 72 женами, свєрхъ тѣхъ, которые принадлежали ему
на землѣ³⁾.

За указаніємъ ложности ученія Магометапъ, Панистовъ, Ю-

1) Хроника Амартола, рукопись Синодальной бібліотеки. № 148. л. 311
об. — 318.

2) Русская лѣтопись по Никонову списку. I. 96—103.

3) Les livres sacrés de l'Orient. Paris. 1842. Observations historiques et criti-
ques sur le mahométisme. стр. 502.

деевъ помѣщена въ лѣтописи проповѣдь Греческаго миссіонера, въ которой съ особенной подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ Св. Писаніи. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ лѣтописъ, то Адамъ и Ева, впервые увидѣвшіе смерть, не знали, чѣмъ дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока не прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую; увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Аранъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, бросившись за идолами: это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ, и т. п. Несходство лѣтописныхъ извѣстій съ Библіею объясняется посредствомъ Палеи: въ ней встрѣчается большая часть добавленій лѣтописи сравнительно съ Библіею. Многое въ лѣтописной передачѣ проповѣди миссіонера находится какъ въ Палей, такъ и въ Библіи. Сличая соответствующія мѣста, замѣчаемъ, что лѣтописецъ, пользуясь Палеею, имѣлъ постоянно въ виду книги Ветхаго Завета. Это ясно изъ того, что инныя подробности имѣютъ болѣе сходства съ повѣствованіемъ библейскимъ, другія — съ Палеею, какъ напри-

Бытія III, 1—7 (по рукописи XIV в. Троицко-Сергіевой лавры л. 3).

Змѣи же бѣ мудрѣиши всѣхъ звѣрии, сущихъ по земли, ꙗже створи Гбъ Бѣ, и рече змѣи къ женѣ: что ꙗко вама рече Бѣ: не ꙗматаи ѿ всего древа, сущаго въ раі. И рече жена къ змѣи: ѿ всего древа, сущаго въ раі, ꙗдѣвъ, а ѿ плода же

Палея (л. 36 об.—37 об.).

Змѣи же бѣ мѣриши всѣхъ звѣрии, сущихъ (соущихъ) по всей земли... Дѣволъ, ѿпадѣ славы Бѣи и свѣтлости, огрѣшивъ помысла своего и задрѣвъ своего пагубы, и не стерпѣвъ видѣти Бѣмъ почощена члѣва, и преложиша на лѣсть...

Лѣтописъ, I, 38.

Видѣвъ же дѣволъ, ꙗко почти Богъ челоѣка, възавидѣвъ ему, преобразися въ змѣю, и приде къ Евзѣ и рече ей: почто не ꙗста отъ древа, сущаго посредѣ раѣ? И рече жена къ змѣи: рече Богъ: не ꙗмата ꙗсти, оли да умрета смертю. И рече

<p>дрегу, еже есть посредѣ раиз, реч Бѣ, не мозита исти от него, ни имата прикоснутиса смь, да не оумрета. И реч змиѣ к женѣ: не смѣртью оу- мерета, вѣдѣаше бо Бѣ, ѣко в он же днѣ снѣ- ста ѿ него, ѿверзетася очи ваю и будета ѣко Бѣ разумѣвающа добро и зло. І видѣ жена древо ѣко добро въ снѣдѣ і угодно бы очѣ- ма видѣти и красно разумѣти, и взявши ѿ плода его снѣсть и дасть же і мужю своему с собою, и снѣста. И ѿверзостася очѣ обѣма, и разумѣста, ѣко нага ѣста; и сшиста лист- вѣе смоковное, и ство- риста себѣ оба преподѣ- саніи.</p>	<p>приступи змиѣ к женѣ... и рече: все ли повелѣно исти суще в рай древо?.. ѿ всего повелѣ намѣ Бѣ, рече, исти, развѣ ѣдинога древа, кже ѣсть посредѣ раиз. Ре- че бо Бѣ: ѿ плода кго не мозита исти, ни имата, реч, прикосну- тиса кмь; ози, то смѣр- тию оумрета... Дѣи во- же... оусты змиѣвы... рече к женѣ: ни смѣр- тию оумрѣта но тѣмъ ваю не повелѣ Бѣ исти, да не будета ѣко Бѣ: в он же бо днѣ снѣста и ѿверзетася очѣ ваю, и будета ѣко Бѣ ра- зумѣюще добро и зло... Си же видѣвъ, добрѣ красно бы древо, взѣ ѿ плода кго и снѣсть... и дасть мужевѣ своему, и снѣде ѿверзостася очѣ... и разумѣста... ѣко нага ѣста... и сши- ста собѣ листовникъ смо- ковникъ и створиша со- бѣ преподѣсаніи.</p>	<p>змиѣ к женѣ: смертию не умрета; вѣдѣаше бо Богъ, яко въ онъ же день яста отъ него, отверзетася очѣ ваю, и будета яко и Богъ, ра- зумѣюще добро и зло. И видѣ жена, яко до- бро древо въ ядѣ, и взявши снѣсть, и дасть мужю своему, и яста, и отверзостася очѣ има, и разумѣста, яко нага ѣста, и съшиста листов- нѣмъ смоковнѣмъ пре- посаніе.</p>
---	---	---

Почти все то, чего нѣтъ въ Библии, читается въ одномъ и томъ же видѣ и въ лѣтописи и въ Псалмѣ, а именно:

Псалмъ, гл. 48 — 48 об.

Лѣтопись, I, 38.

<p>Реч же Каинъ брату своему Авелю: поидѣвъ оубо на поле; и бы внигда имъ быти на поле. и</p>	<p>И рече Каинъ: «изидѣе на поле» Авелю. Яко изидоста, воста Каинъ и хотѣше убити ѣ, и не</p>
---	---

оумысли Каинъ на Авела брата
свогго оубити, и (не оумѣлише како
оубити и: не бѣ) не бѣ кто г уби-
валъ (кто кого оубивалъ), но на-
оучи сатона, рече: возми камень
и оудари въ главу. Онъ же возьмъ
камень и оуби брата свогго... И
порадовася сатона, и реч: азъ
къмъ кму сотворихъ изъ породы
изгнану быти, и се оуже болше
зло ввергохъ, и плачь има налѣ-
зохъ. И плакажеса Адамъ и Ева
надъ Авелемъ 30 лѣтъ, и не съгни
тѣло его, и не оумѣласта его по-
гresti. И повелѣниемъ Бгмъ при-
лѣтѣста двѣ горлицы, едина же
къю оумре, и другая же иско-
павъши гмоу и вложи в ню оумр-
пюю и погребе: то видѣвъ, Адамъ
и Ева (и) погребоста Авеля, и
оуста сии плачь.

умяше, како убити и, рече ему
сатона: возми камень и удари и.
Вземъ камень и уби и... И дья-
волъ радовашеся, рѣка: се, его же
Богъ почти, азъ створихъ ему от-
пасти Бога, и се нынѣ плачь ему
налѣзохъ. И плакастася по Авели
лѣтъ 30, и не съгни тѣло его, и
не умѣласта его погresti. И пове-
лѣниемъ Божьимъ птенца 2 при-
летѣста, единъ ею умре, единъ же
ископа яму, и вложи умершаго, и
погребе и. Видѣвша же се Адамъ
и Ева, ископаста яму, и вложи-
ста Авеля, и погребоста съ пла-
чемъ.

Въ такомъ же отношеніи къ палеѣ находятся и многія дру-
гія добавленія лѣтописи. По всей вѣроятности, они вошли въ нее
изъ палей, а не наоборотъ. Въ палею же внесены изъ различ-
ныхъ источниковъ, и болѣе всего изъ такъ называемой «малой
книги Бытія» — ἡ λεπτή Γένεσις, откуда заимствовали многое
Синкеллъ, Кедринъ и другіе Византійскіе хронисты. Въ числѣ
вопросовъ Афанасія Александрійскаго, писанныхъ къ князю
Антиоху, есть слѣдующій:

Τινὸς οὕτω τότε ἀποθανόντος,
πόθεν ἔμαθεν ὁ Καὶν φονεῦσαι τὸν
Ἀβελ; Ὁ διάβολος αὐτῷ κατ' ὄναρ
ὑπέδειξεν, ποίῳ τρόπῳ θανατῶσαι
τὸν ἀδελφόν ¹⁾.

Никомъ же еще не ъмръшѣ,
ѡкуда навѣкиѣ Каинъ оубити
Авеля? Діаволъ емъ во снѣ показа,
кимъ образомъ ъмртвити брат сво-
его ²⁾.

1) S. Athanasii Opera. Parisiis. 1698. III, 281. Quaestio 57.

2) Рукопись Румянцевскаго Музеума. № 435, л. 564.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Въ «главахъ раввина Елеазара» находится описаніе погребенія Авеля. Передаемъ это описаніе по латинскому переводу у Фабриція: *Considebant autem Adam et uxor ejus fientes et lugentes propter eum, et nesciebant quid faciendum esset Abeli, quia non assueti erant sepulturae. Venit autem illuc corvus quidam, atque sumpsit quandam e sociis suis, quem in terra defodit et abscondidit coram illorum oculis. Dixit Adam: «uti corvus iste, sic quoque faciam». Illico sumpsit cadaver Abelis, defodit in terra atque abscondidit ¹⁾».*

Подъ именемъ «главъ раввина Елеазара» извѣстно Еврейское сочиненіе, частью историческаго содержанія, частью вымышленнаго. Историческій разсказъ обнимаетъ время до Мардохея и Есѣири, передавая преимущественно дѣянія патриарховъ. Полагаютъ, что это сочиненіе несправедливо приписывается раввину Елеазару, сыну Гирканову ²⁾.

Превосходнымъ пособіемъ при изслѣдованіи мѣстъ апокрифическихъ можетъ служить «*Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti*», Фабриція, изд. въ Гамбургѣ, 1-я часть въ 1722 году, 2-я ч. въ 1741 г.

Лѣтописное изложеніе исторіи Ветхаго Завѣта заключается сборникомъ пророчествъ: 1) объ отверженіи Жидовъ, 2) о призваніи странъ, 3) о воплощеніи Божіемъ, 4) о страданіяхъ Иисуса Христа, 5) о распятіи Его, 6) о воскресеніи Его. Въ палеѣ за повѣствованіемъ о Давыдѣ помѣщенъ такъ же сборникъ пророчествъ, принадлежащихъ впрочемъ одному Давыду, а не разнымъ пророкамъ, какъ въ лѣтописи. Пророчества расположены въ такомъ порядкѣ: 1) о Св. Троицѣ, 2) о потаенныхъ вещахъ, 3) о Пресвятой Дѣвѣ, 4) о воплощеніи Иисуса Христа, 4) о вочеловѣченіи Его, 6) о срътеніи, 7) о крещеніи, 8) о преображеніи, 9) о чудесахъ, 10) о Лазарѣ четверодневномъ, 11) о вшествіи Иисуса Христа въ Іерусалимъ, 12) о сонмищѣ Жидовскомъ, 13) объ Іудѣ, 14) о тайной вечерѣ, 15) о страсти Господней,

1) *Fabricii: Codicis pseudepigraphi Veteris Testamenti volumen alterum*, p. 47.

2) *Wolfii: Bibliotheca Hebraea*. 1715. T. I, 172—174.

16) о распятіи и о крестѣ, 17) о положеніи во гробѣ, 18) о сошествіи въ адъ, 19) о воскресеніи, 20) о вознесеніи Іисуса Христа, 21) о сошествіи Св. Духа на Апостоловъ, 22) о собраніи языковъ, 23) объ отверженіи Жидовъ, 24) о призваніи странъ. Почти всѣ пророчества Давыда, приводимыя въ лѣтописи, находятся и въ палеѣ. Вѣроятно, оба сочиненія заимствовали изъ общаго источника; но едва ли онъ заключался въ проповѣди миссіонера, расположившаго пророчества сообразно съ своею цѣлью. — Въ одномъ изъ списковъ слова Иларіона о законѣ и благодати¹⁾ находится рядъ пророчествъ совершенно въ томъ же видѣ, какъ и въ лѣтописи; отсюда можно бы заключить, что пророчества внесены въ лѣтопись изъ слова Иларіона, который и привелъ ихъ въ систематическій порядокъ. Но такое заключеніе опровергается какъ составомъ списка и свойствомъ падающихъ въ немъ вставокъ, такъ и свидѣтельствомъ самого слова. Пророчества вставлены въ рукопись непосредственно за прекраснымъ противоположеніемъ двухъ началъ въ Іисусѣ Христѣ и не имѣютъ внутренней связи съ этимъ противоположеніемъ. Самъ авторъ говоритъ: «еже поминати въ писаніи семъ пророческая проповѣданія о Христѣ, то излиха есть», потому что объ этомъ «въ ихъ книгахъ писано» (стр. 225). Слѣдовательно, свидѣтельство самого Иларіона заставляетъ считать собраніе пророчествъ не его трудомъ. Поэтому скорѣе можно допустить позднѣйшее внесеніе ихъ изъ лѣтописи въ слово, нежели наоборотъ.

Признавая въ лѣтописномъ изложеніи библейской исторіи преимущественное участіе палеи, мы должны упомянуть о мнѣніи, по которому лѣтописецъ нашъ руководствовался въ этомъ случаѣ другимъ источникомъ. Полагаютъ, что «можно разложить весь рассказъ философа анонима, повѣствующаго св. князю Владиміру библейскую исторію. Это сотканіе отрывковъ удостовѣрить, что не Свящ. Писаніе, во времена Нестора едва ли вполнѣ

1) Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1844. Часть 2-я, стр. 232 и стр. 289—290, прим. 7.

переведенное, по тотъ же Георгій (т. е. Георгій Амартолъ) руководствовалъ нашего лѣтописателя въ семь случаѣхъ¹⁾. Нѣкоторыя частности въ лѣтописномъ разсказѣ встрѣчаются и у Амартола. Такъ извѣстію лѣтописи: «нарече Адамъ скотомъ и птицамъ имена, звѣремъ и гадомъ; и самѣма ангелъ повѣда имена» (стр. 38) находимъ соотвѣтствующее не въ палеѣ, а у Амартола: «Адамъ по повелѣнію Бѣю створи имена всѣмъ чѣтверьножи-намъ, и птицамъ, и гадомъ, и рыбамъ, и своимъ чадомъ; своего же имени и жевѣ кго англъ Гѣъ реч има»²⁾. Слова лѣтописи: «възведе и на гору *Вамиску* и показа ему землю обѣтованную, и умре Моисій ту на горѣ» (стр. 41) объясняются изъ Амартола: «взиде на гороу Варимьскоую, иже и *Авамиска*, и показа кму Гѣъ всю землю обѣщанноюу»³⁾. Но большая часть сходнаго въ лѣтописи и у Амартола находится и въ Библии, которою руководствовался такъ же Амартолъ, посвятившій библейской исторіи обширный отдѣлъ въ своей хроникѣ. Амартолъ начинаетъ свою лѣтопись съ сотворенія человѣка; у него нѣтъ извѣстій о первыхъ дняхъ творенія, и между прочимъ о паденіи Сатанаила, о которомъ говорится въ палеѣ точно такъ же, какъ въ лѣтописи. О Моисѣѣ Амартолъ рассказываетъ уже со времени явленія его передъ Фараономъ, между тѣмъ какъ въ палеѣ исторія Моисея начинается съ его дѣтства, причемъ названа дочь Фараона — *Фермуфъ*, какъ названа она и въ лѣтописи; имени дочери Фараона нѣтъ въ Библии.

Не только въ передачѣ библейской исторіи, но и въ начальномъ извѣстіи о столпотвореніи лѣтопись наша представляетъ сходство съ палесю. Представляемъ это извѣстіе въ томъ видѣ, въ какомъ находится оно у Амартола, въ палеѣ и въ лѣтописи. Сличеніе трехъ текстовъ любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ отчасти на способъ, какимъ лѣтописецъ нашъ пользовался различными источниками, бывшими у него подъ рукою.

1) Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть IV, книга I. 1828. II. *Строева*: О Византійскомъ источникѣ Нестора, стр. 171.

2) Хроника Амартола, рукопись XIV в. Моск. Д. Акад., л. 18 об.

3) Тамъ же, л. 54 об. — 65.

Хроника Амартола (руко-
пись М. Д. Акад.).

(Еверъ) роди Нек-
тана и Фалека. При
томъ единогѣующую,
іако гѣа Гѣ, родоу
члвѣкомѹ, сборъ ксть
на кдино мѣ, гѣмонъ
Сенаръ. Таче столпъ
создати до нѣбъ по-
мыслиша, и около кго
градъ Вавилонъ, кже
есть размѣшеніе.

Въ другихъ спискахъ,
вмѣсто: глагола Го-
сподь—глагола Іосифъ,
рече Іосиппъ (т. е. Іо-
сифъ Флавій), *и вмѣсто*
сборъ есть--сбпается.

Столпъ оубо создаса
за 40 лѣт, бѣ полна не
свершенъ. По размѣше-
нии Бѣ же вѣтромъ
великъ разруши и,
и ксть помежи Асоура
и Вавилонѹ влѣт многа
хранимъ останокъ кго.

Палей.

Л. 57 об. Аверъ же
роди Фалѣка. При семъ
же столпотворениѣ бѣ.
По потопѣ оубо члв-
комъ множающимся....
обрѣтоша поле на земли,
нарѣцаемъи Сенаръ,
единого же языка
соуще вси.... И рѣша
другъ къ другу:....

Л. 58. Съзижемъ
столпъ до нѣбе... и на-
чаша здати столпъ....
Дѣлаемоу столпу 40
лѣтъ, и не свершенъ
бѣ. И сниде Гѣ видѣтъ
столпа, и реч Гѣ: се
родъ единый и языкъ
ихъ единый. И смѣси Бѣ
языки и раздѣли на
70 и на единый языкъ;
2 (=72-й) языкъ, Ада-
мовъ,.... не отать бы
(отъ Евера).

Л. 61 об. По раздѣ-
леніи оубо языкъ Бѣ
вѣтромъ великимъ раз-
руши столпъ, и ксть
останокъ кго межи
Асоура и Вавилонѹ, на
поли, нарицаемъи Се-
наръ. Ксть же оста-
нокъ столпа въ высоту
и в ширѣ мѣра егъ 5.000
и 400 и 30 и 3 локоть.

Литопись, I, 2—3.

Бысть языкъ единый,
и умножившемъся че-
ловѣкомъ на земли,
помыслиша создати
столпъ до небесе, въ
дни Нектана и Фалека;
и собрашася на мѣстѣ
Сенаръ поли здати
столпъ до небесе, и
градъ около его Вави-
лонъ, и создаша столпъ
за 40 лѣтъ, не свер-
шенъ бысть. И сниде
Господь Богъ видѣти
градъ и столпъ, и рече
Господь: се родъ единый
и языкъ единый. Исѣмѣ-
си Богъ языки, и раз-
дѣли на 70 и 2 языка,
и разсѣя по всей земли.
По размѣшеніи же
языкъ Богъ вѣтромъ
великимъ разруши
столпъ; и есть останокъ
его промежю Аскура и
Вавилонѹ, и есть въ
высоту и въ широту
локоть 5433.

Сличая всё сходныя мѣста въ палеѣ и въ лѣтописи, приходишь къ заключенію, что большая часть ихъ перешла изъ палеи въ лѣтопись ¹⁾, и только немногія внесены изъ лѣтописи въ палею. Священная исторія въ лѣтописи заимствована, повидимому, изъ палеи, а не обратно, ибо въ послѣдней она составляетъ цѣлое, изложенное съ опредѣленнымъ намѣреніемъ; въ лѣтописи же она представляется эпизодомъ, хотя и весьма умѣстнымъ, искусно связаннымъ съ общемою нитью повѣствованія. Космографія въ палеѣ имѣетъ болѣе сходства съ находящеюся у Синкелла, нежели съ тою, которая помѣщена у Амартола и въ нашей лѣтописи. Свѣдѣнія же, касающіяся Русской земли и сопредѣльных ей странъ, перешли въ космографію палеи, по всей вѣроятности, изъ лѣтописи. — Все это показываетъ, что лѣтопись подвергалась дополненіямъ, вставкамъ, и въ свою очередь служила матеріаломъ для пополненія другихъ памятниковъ, и уже послѣ нѣсколькихъ измѣненій приняла тотъ видъ, въ которомъ сохранилась въ спискахъ наиболѣе древнихъ.

3. Исповѣданіе вѣры.

Символь вѣры, приводимый въ лѣтописи, какъ преподанный Владимиру по крещеніи, есть сокращеніе того самаго символа, который гораздо пространнѣе излагается въ Греческихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ въ «исповѣданіи вѣры» Михаила Синкелла. Михаилъ, синкелль ²⁾ Іерусалимскаго патріарха Ѳомы,

1) Въ статьѣ кн. Оболенскаго «О греческомъ кодексѣ Георгія Амартола», помѣщенной въ Чтеніяхъ Моск. историч. общ. 1846. № IV, сказано: «какъ хроника Амартола служила несомнѣнно источникомъ для лѣтописи преподобнаго Нестора, такъ и палея І. Дамаскина, по всей вѣроятности, находилась у него также въ рукахъ», стр. 88. Но что заимствовалъ изъ нея Несторъ, не опредѣлено. Замѣчанія на эту статью предложены г. Ундольскимъ въ Москвитинѣ. 1846. № 4, стр. 219—220.

2) *Du Cange: Glossarium mediae et infimae graecitatis.* Lugduni. 1688. p. 1470—1472: «συγχελλος—concellaneus, domesticus—dignitas ecclesiastica. Syncellorum porro dignitas magna fuit, adeo ut sub Romano Argyro confessus praerogativam in sacris liturgiis supra metropolitam sibi arrogare ausi fuerint», etc.

другъ Θεодора Студита († 826 г.), подобно ему пострадавшій отъ иконоборцевъ, составилъ изложеніе вѣры, извѣстное подъ названіемъ *λίβελλος περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως* ¹⁾. Оно весьма рано переведено на Славянскій языкъ: въ Святославовомъ сборникѣ 1073 г. между другими статьями находится «Михаила Сунькела Иероусалимьскаго написаниѣ о правѣи вѣрѣ». Для объясненія символа, помѣщеннаго въ лѣтописи, приведемъ его сравнительно съ Греческимъ подлинникомъ и древнимъ Славянскимъ переводомъ. Это сравненіе можетъ до нѣкоторой степени возстановить текстъ лѣтописи, показывая, какое изъ чтеній различныхъ списковъ должно быть признано правильнымъ. Сопоставляясь съ подлинникомъ, мы переносимъ въ текстъ нѣкоторые изъ вариантовъ.

<i>Исповѣданіе Михаила Сунькела 2).</i>	<i>Сборникъ Святослава (рукопись Синодальной библіотеки), л. 20 об. - 23 3).</i>	<i>Лѣтопись, I, 48.</i>
<p>Πιστεύω εἰς ἕνα Θεόν πατέρα ἀγέννητον, καὶ εἰς ἕνα υἱὸν γεννητὸν, καὶ εἰς ἓν πνεῦμα ἅγιον ἐκπόρευτον, τρεῖς ὑπο- στάσεις τελείας, νοεράς, διακρουμένας ἀριθμῶ καὶ ὑποστατικῆς ιδιότητιν, ἀλλ' οὐ θεότητι. δι- ακροῦνται γὰρ ἀδιακρίτως καὶ συνάπτονται ἀσυγ- χτως. πατὴρ γὰρ ἀ- νυπόστατος ὁ πατὴρ, ἀεὶ ὢν καὶ μένων ἐν τῇ πατρότητι, ἀγέννητος,</p>	<p>Вѣроужъ въ єдино҃го Бѣа, въ Оѣа нерождена и въ єдино҃го Сѣа рож- дена, и въ єдинѣ Дѣхъ Сѣиѣи исходьныи, трии собьства сѣвършена, разоумна, раздѣляема числомъ и собьствъ- ныими свойства, нѣ не бѣжствомъ. Раздѣляють бо са нераздѣленѣи сѣвъкоуплятьсѣ не- измѣнно. Оѣъ бо свокъ- собьствънѣ собьствънѣ Оѣъ, присносый прѣбы-</p>	<p>Вѣрую въ единого Бога Отца нерожева, и въ единого Сына ро- жена, въ единѣ Святыи Духъ исходящъ, три собьства свершена, мы- слена, раздѣляема чи- сломъ и собьственнымъ собьствомъ, а не бже- ствомъ. Раздѣляетъ бо ся нераздѣлно и совъ- купляется неразмѣсно. Отецъ бо — Богъ Отецъ, присносый пребываетъ во отчѣствѣ, нероженъ,</p>

1) *Fabricii*: Bibliotheca Graeca. Hamburgi. 1721. T. X, стр. 220.

2) *Montfaucon*: Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. Parisiis. 1715.
Michaelis Syncelli libellus de orthodoxy fide, стр. 90—93.

3) По копіи Святослава ССборника въ Румянцовскомъ музеумѣ, подъ № 356, л. 21 об. — 23 об.

ἀναρχος, ἀρχὴ καὶ αἰτία
τῶν πάντων, μόνῃ τῇ
ἀγεννησίᾳ διαφέρων τοῦ
υἱοῦ καὶ τοῦ πνεύματος
καὶ τῷ εἶναι πατρί.

ἐξ οὗ γεννᾶται μὲν ὁ υἱὸς
πρὸ πάντων τῶν αἰώ-
νων, ἐκπορεύεται δὲ τὸ
πνεῦμα τὸ ἅγιον ἀχρό-
τως καὶ ἄσωμάτως· ἀμα
γὰρ πατὴρ, ἀμα υἱός,
ἀμα πνεῦμα. υἱὸς αὐτο-
πόστατος ὁ υἱός, ὁμοού-
σιος, καὶ συνἀναρχος
τῷ πατρὶ τῷ γεννήτορι,
τῇ γεννήσει μόνῃ δια-
φέρων τοῦ πατρὸς καὶ
τοῦ πνεύματος. πνεῦμα
αὐτοπόστατον τὸ πνεῦ-
μα τὸ ἅγιον, τῷ πατρὶ
καὶ τῷ υἱῷ ὁμοούσιον
καὶ συναίδιον... τοῦ μὲν

πατρὸς ἢ πατρότης, τοῦ
δὲ υἱοῦ ἢ υἱότης, τοῦ δὲ
ἁγίου πνεύματος ἢ ἐκ-
πόρευσις. οὔτε γὰρ ὁ
πατὴρ εἰς υἱὸν ἢ πνεῦ-
μα μεταβαίνει, οὔτε ὁ
υἱὸς εἰς πατέρα ἢ πνεῦ-
μα, οὔτε τὸ πνεῦμα εἰς
υἱὸν ἢ εἰς πατέρα· ἀκί-
νητοι γὰρ ιδιότητες....
οὐ τρεῖς θεοί· εἰς γὰρ
θεός, ἐπεὶ καὶ μία θεό-
της ἐν τρισὶ προσώ-
ποις.... βουλῇσει πατὴρ
τε καὶ πνεύματος τὸ

ванъ въ оцѣствѣ, нерож-
денъ, безъ начала, на-
чало и вина въсѣмъ еди-
нѣмъ нерождениемъ
различнѣмъ съ Сѣномъ и
съ Дѣхомъ, и кже быти
Оцѣ.

Отъ негоже раж-
дается оубо Сѣнъ,
прѣжде всѣхъ вѣкъ,
исходитъ же и Сѣи
Дѣхъ безвѣременнѣ и
бесплътнѣ. Идеже и
Оцѣ, тоуже и Сынъ, тоу
идеже и Сѣи Дѣхъ. Сѣнъ
своисобственнѣ Сѣнъ,
единосоущнѣ и събез-
начальнѣ Оцѣю родивъ-
шоуоумоу, рождениемъ
тъчѣмъ различоумъ отъ
Оца и отъ Дѣа. Дѣхъ
своисобственнѣ Сѣи Дѣхъ,
Оцѣю и Сѣоу единос-
соущнѣмъ и съприсно-
соущнѣмъ....

Оцѣю оцѣство, а Сѣоу
сѣновѣство, а Сѣоуоу-
моу Дѣоу исходъ. Не
бо ни Оцѣ въ Сѣа ни
въ Дѣхъ прѣмѣноукъ-
са, ни Сѣнъ въ Оца
или въ Дѣхъ, ни Дѣхъ
въ Сѣа или въ Оцѣ;
бесъ подвига бо соутъ
своинства....

Не три бози, единъ
бо Бѣ, имже и единос-
бжѣство въ трѣхъ ли-
цахъ.... (Богъ изво-
ливъ) хотѣниемъ Оца и

безъначаленъ, начало
и вина всѣмъ, единѣмъ
нерождениемъ старѣй-
сый Сыну и Духови.

Отъ негоже рожа-
ется Сынъ прежде всѣхъ
вѣкъ, исходитъ же
Духъ Святый безъ вре-
мене и безъ тѣла. Вкупѣ
Отець, вкупѣ Сынъ,
вкупѣ Духъ Святый
есть. Сынъ подобосу-
щенъ и събезначаленъ
Отцѣ, рождениемъ точѣю
разньствуя Отцѣю и
Духу. Духъ есть пре-
святый, Отцѣю и Сыну
подобносоущенъ и при-
сносоущенъ.

Отцѣю бо отецѣство,
Сыну же сыновѣство
Святому же Духу ис-
хоженѣе. Ни Отець бо
въ Сынъ ли въ Духъ
преступае, ни Сынъ во
Отца и въ Духа, и Духъ
ни въ Сынъ ли во Отець;
не подвижена бо свой-
ствія.

Не три бози, единъ
Богъ, понеже единос-
бжѣство въ трѣхъ ли-
цахъ. Хотѣниемъ же
Отца и Духа свою спа-

οἰκτιρον ἀνασώσασθαι
πλάσμα, ἐκ τῶν πα-
τρῶν κόλπων ὅθεν οὐκ
ἠπέστη κατελθὼν, καὶ
τὴν παρθενικὴν μήτραν
τῆς πανάγνου οἰοῖται θεὸς
σπύρος εἰσδύς, καὶ σάρ-
κα ἐμψυχομένην ψυχῇ
λογικῇ τε καὶ νοεῖν μὴ
προϋποστάσῃ προσελι-
θῶς, προῆλθε θεὸς σέ-
σαρκωμένος, γεννηθεὶς
ἀρόρητως, καὶ τὴν παρ-
θενίαν τῆς τεκούσης
φυλάξας ἀδιάφθορον. οὐ
συρμόν, οὐ σύγχυσιν, οὐ
τροπὴν ὑπομείνας. ἀλλὰ
μείνας ὅπερ ἦν, γέγονεν
ὅπερ οὐκ ἦν, προσλαβὼν
τὴν τοῦ δούλου μορφήν
ἀληθεῖα οὐ φαντασίᾳ,
κατὰ πάντα πλὴν τῆς
ἁμαρτίας ἡμῖν ὁμοιω-

θεῖς... ἐκὼν γὰρ ἐγεν-
νήθη, ἐκὼν ἐπεινῆσεν,
ἐκὼν ἐδίψησεν, ἐκὼν ἐκο-
πίσεν, ἐκὼν ἐδειλία-
σεν, ἐκὼν ἀπέθανεν.
ἀληθῶς καὶ ἀφαντα-
σίᾳστος πάντα τὰ φυ-
σικὰ, καὶ ἀδιάβλητα
πάντα τῆς ἀνθρωπότη-
τος. σταυρωθεὶς τε καὶ
θανάτου γευσάμενος ὁ
ἀναμάρτητος, καὶ ἀνα-
στάς τῆς ἰδίας σαρκὸς
οὐκ ἰδούσης φθοράν....
εἰς οὐρανοὺς συναγαγὼν
κακὰ ἔθηκεν ἐν δεξιᾷ τῷ

Сѣаго Дѣа своеѣ обно-
вити зѣданиѣ, отъ очѣ
ѣдрѣ, отъ нпхѣже не
отѣстоупи, сѣшьдѣ, и
дѣвнчѣскыя прѣчи-
стыя, акы божьскоѣ
сѣма, вѣшьдѣ, и плѣть
вѣдѣшеноу доушеѣ сло-
весьноѣ и разоумьноуѣ
не прѣже сѣставлены
примѣ, проиде Бѣ
вѣплѣштень, роди-
вѣшса неиздреченьѣ,
и дѣвѣство родивѣша
сѣхранивѣ. не истѣ-
лѣнѣ, не измоута, ни
сѣзынниѣ, ни сѣврата
подѣимѣ; нѣ прѣбывѣ,
ѣже бѣ, бысть ѣже не
бѣ, примѣ рабиѣ об-
разѣ истинноѣ, а не
матежѣмъ, вса чѣскы,
развѣ грѣха, намѣ
сѣподобьса...

Хота бо родиса, хота
аѣтка, хота жада, хота
троуждаса, хота бога-
шеса, хотя оумьре.
Вѣ истинноу и не ма-
тежьмъ вса кѣствѣ-
ныя и безазорьныя
страсти члѣчество бес-
страсти. Пропатѣ же и
сѣмьрти вѣкоуси без-
грѣшныи, и вскрѣ-
сноувѣ вѣ своѣи кмоу
плѣти, не видѣвѣши ис-
тѣлѣныя... (чловѣчѣ-
скоѣ сжштинѣ) на не-
беса сѣ собож вѣзнесе,

сти тварь, отческихъ
ядрѣ, пхѣже не от-
ступи, сѣшедѣ, и вѣ
дѣвнчѣское ложе пре-
чистое, акы Божье сѣ-
ма, вшедѣ, плоть сѣду-
шевну, словесну же и
умну, не преже бывшю
примѣ, изиде Богѣ во-
площень, родившиса
непзречѣньѣ, и дѣвѣ-
ство мати сѣхрани не-
тѣлѣнно. Не смятенье,
ни размѣшенье, ни из-
мѣненѣя пострадавѣ. но
пребывѣ еже бѣ, бысть
еже не бѣ, примѣ рабиѣ
зракѣ истинноу, а не
мечтаньемѣ, вса чѣски,
развѣ грѣха, намѣ по-
добны бывѣ.

Волею бо родиса, во-
лею взалка, волею вѣжа-
да, волею трудиса, во-
лею устрашиса, волею
умре. Истинноу, а не
мечтаньемѣ вся естѣ-
ственная и неоклеве-
таны страсти чело-
вѣчѣства. Распятѣ же
сѣ, смерти вкуси без-
грѣшныи, вскрѣсѣ вѣ
своѣи плоти, не ви-
дѣвши истѣлѣныя. На
небеса взиде и сѣде
одесную Отца. При-
детѣ же паки сѣ сла-

πατρός. ἥξει δ' αὖ πάλιν κρίναι ζῶντας καὶ νεκρούς, ἐν τρόπῳ ἀνῆλθε, μετὰ τῆς ιδίας

σαρκός... Πρὸς τούτους ἐν βάπτισμα ὁμολογῶ δι' ὕδατος καὶ πνεύματος... προσέρχομαι τοῖς ἀχράντοις μυστηρίοις, πιστεύων αὐτὰ ἀληθῶς εἶναι σῶμα καὶ αἷμα... δεῖχομαι τὰς ἐκκλησιαστικὰς παραδόσεις... προσκυνῶ τὸ ξύλον τοῦ τιμίου σταυροῦ... καὶ πάντα τύπιν τοῦ σταυροῦ, τὰ ἱερὰ τε σκεύη... προσκυνῶ καὶ τιμῶ... τὰς σεπτάς... εἰκόνας... προσκυνῶ καὶ τιμῶ τὰ τῶν ἁγίων πάντων λείψανα.

посади одесноуж Оѣа. Придѣть же пакы въ славѣ сждитъ живымъ и мъртвымъ, имъ же образомъ възиде съ своихъ плѣтьж... .

Къ семуу кдиномоу крштити исповѣдан водоу и Дѣомъ... Пристоупаѣ къ прѣчистымъ тайнамъ, и вѣроуи въ истинноу соушта тѣло и крвь... . Прикнѣ же прѣквнаи прѣдании... . Покланаѣся дрѣвоу чьстнааго крѣста... . и всемоу образу... . крѣста; стѣимъ съсоудомъ... . Покланаѣся и чѣтоу... чьстнымъ... . образомъ... . Покланаѣся и чѣтоу Стѣихъ всѣхъ моштьмъ.

вою судити живымъ и мертвымъ: якоже взиде съ своею плотью, тако снитеть.

Къ симъ едино крещенье исповѣдаю водоу и Духомъ. Приступаю къ пречистымъ тайнамъ, вѣруа во истину тѣло и кровь. Приемлю церковная преданья, и кланяюся честнымъ иконамъ. Кланяюся древу честному кресту, и всякому кресту; святымъ мощемъ и святымъ съсудомъ.

За приведенными словами слѣдуетъ у Михаила Синкелла заключеніе, а въ лѣтописи — извѣстіе о соборахъ, начинающееся такъ: «вѣруи же и семи сборъ святыхъ отецъ» (стр. 49—50), п сходство между двумя памятниками прекращается. Хотя и у М. Синкелла говорится вкратцѣ о соборахъ, но только о шести, а не о семи, и притомъ означаетъ, въ какомъ храмѣ былъ каждый изъ нихъ, а не предметъ совѣщаній, какъ дѣлается это въ лѣтописи.

Для свѣдѣнія о соборахъ находилось уже въ XI—XII в. довольно много источниковъ. Въ сборникѣ Святослава непосредственно за исповѣданіемъ Михаила Синкелла помѣщена статья «о стѣихъ и мирьскыхъ шести съборѣхъ». Въ ней

сперва исчисляются лица, бывшія на соборахъ, а потомъ описываются причины и дѣйствія соборовъ. Лица названы тѣ же, что и въ лѣтописи, за исключеніемъ Петра Монаха, на шестомъ соборѣ, не упоминаемаго въ сборникѣ. Въмѣсто: «Тимоѳей Александрскій, держаи намѣстѣкъ Дамасово, папы Римскааго», въ лѣтописи: «отъ Рима Дамасъ, а отъ Олексанѣдрія Тимоѳей», и нѣсколько такого рода упоминаній отсутствующихъ папъ.

Подробныя свѣдѣнія о семи соборахъ заключаются въ посланіи патріарха Фотія къ Болгарскому царю Михаилу ¹⁾. Такъ какъ оно писано въ Болгарію, то могло быть весьма рано и переведено на Болгарскій языкъ и сдѣлаться извѣстнымъ на Руси въ подлинникѣ или въ Болгарскомъ переводѣ. Въ посланіи приводится символъ вѣры въ такомъ же видѣ, какъ и теперь читается въ нашей церкви, и затѣмъ пространно описываются дѣянія вселенскихъ соборовъ: о каждомъ изъ нихъ сказано столько же, сколько въ лѣтописи обо всѣхъ вмѣстѣ. Лица упоминаются у Фотія вообще тѣже, что и въ лѣтописи, но съ большею полнотою и точностью. Присутствовавшихъ на четвертомъ соборѣ Фотій исчисляетъ такъ: Анатолій Цареградскій (τῆς βασιλίδος πόλεως); 2 епископа и 1 пресвитеръ, занимавшіе мѣсто папы Льва; Максимъ Антиохійскій и Ювеналь Іерусалимскій. Въ лѣтописи названы только: «Левонтій Римскій, Анатолій Царягорода, Увеналій Ерусалимскій», и т. п. У Фотія Римскій епископъ упоминается прежде всѣхъ другихъ только однажды, въ лѣтописи же — постоянно, сообразно съ цѣлью показать, что прежде бывало на общихъ соборахъ и *Римское* духовенство.

Описаніе соборовъ находится такъ же у Георгія Амартола и у другихъ Византійскихъ хронистовъ.

На основаніи какого-либо Византійскаго сочиненія составлено лѣтописное повѣствованіе о соборахъ. Русскою добавкою кажется обвиненіе Латынянъ въ томъ, что они землю называютъ матерію: «землю глаголють матерію: да аще имъ есть

1) Photii, S. Patriarchae Constantinopolitani, Epistolae, per Richardum Montacutum latine redditae et notis subinde illustratae. Londini. 1651. стр. 3 и слѣд.

земля мати, то отецъ имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо, таже землю». Обвиненіе западнаго духовенства въ томъ, что «ови попове единою женою оженѣвся служатъ, а друзіи до семье жены поймаючи служатъ», могло возникнуть только до преобразованій Гильдебранда, послѣдовавшихъ въ 1074 году ¹⁾.

Можно замѣтить еще, что слова: «якоже глаголетъ Василій» относятся не къ предъидущему, какъ они отнесены Тимковскимъ, а за нимъ и археографическою комиссіею, а къ послѣдующему. Въ изданіяхъ того и другой читается: «Сего бо апостоли не предаша; предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловать, и иконы предаша. Лука бо евангелистъ первое напсавъ посла въ Римъ, яко же глаголетъ Василій; икона на первый образъ приходитъ» (стр. 49) ²⁾. Евангелистъ Лука дѣйствительно написалъ образъ Богоматери, и притомъ не одинъ, а нѣсколько, какъ извѣстно изъ церковнаго преданія. Василию же Великому принадлежатъ слова, слѣдующія за его именемъ и переданныя не точно какъ въ лѣтописи: «икона на первый образъ приходитъ», такъ и въ чтеніи, предлагаемомъ Тимковскимъ: «яко на первый образъ приходитъ». Въ книгѣ о Св. Духѣ, гл. 18, Василій Великій говоритъ: «διότι ἡ τῆς εἰκόνης τιμὴ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει» ³⁾. Ближе къ подлиннику, нежели въ самыхъ спискахъ лѣтописи, переведено это мѣсто въ припискѣ XVI в. на полѣ одного изъ нихъ, Хлѣбниковскаго, а именно: «почесть образа на первообразное приходитъ». Вѣрнѣе чтеній Лаврентьевскаго и другихъ списковъ чтеніе Никоновскаго и его изданія: «предали суть святіи Апостоли крестъ целовати, сицежъ и иконы предаша: Лука бо Евангелистъ первое посла в Римъ, написавъ, яко же глаголетъ Василій: иконная честь на первый образъ приходитъ» ⁴⁾.

1) Чтенія Моск. историч. общества. 1847. № 5. Статья *Бюляева*: О Несторовой лѣтописи, стр. 39.

2) Лѣтопись Несторова, изд. *Тимковскаго*. 1824, стр. 79.

3) S. Basilii opera. Parisiis. 1839. Т. III, р. 52.

4) Русская лѣтопись по Никонову списку. I, 90.

Важное значеніе символа, изложеннаго въ лѣтописи, указано въ Исторіи христіанства въ Россіи до Владимира. «Мы думаемъ, говоритъ авторъ, что этотъ символъ есть дѣйствительно тотъ самый, который исповѣдали нѣкогда уста и сердце просвѣтителя Россіи, и потому есть драгоцѣннѣйшій памятникъ нашей церковной старины, какъ договоры первыхъ князей Кіевскихъ съ Греческими императорами — драгоцѣннѣйшіе памятники нашей старины гражданской. Нынѣ соглашаются, что помянутые договоры отнюдь не выдуманы самимъ лѣтописцемъ, а точно существовали, дошли до него въ письмени, въ подлинникахъ или въ копіяхъ съ подлинниковъ, и только внесены имъ въ лѣтопись: почему же не сказать того же самого и объ исповѣданіи вѣры. . . . Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, никакого основанія считать этотъ символъ сочиненіемъ самого лѣтописца» ¹⁾. Буквальное сходство символа съ исповѣданіемъ Михаила Синкелла, прибавимъ мы, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что лѣтописный символъ есть произведеніе не оригинальное Русское, а переводное.

4. Жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянскихъ.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи Угровъ и войнѣ съ Моравами и Чехами, принадлежащими къ племени Славянскому. Для Славянъ-то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были св. книги, отчего и грамота прозвалась Славянская, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтопись сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки, о гоненіи на святыхъ братьевъ, и наконецъ о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпалъ

¹⁾ Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владимира. Соч. архимандрита Макарія. 1846, стр. 361.

преимущественно изъ такъ называемыхъ Паннонскихъ жизнеописаній.

Самый богатый источникъ для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по-Славянски въ Панноніи. Полагають, что житіе Св. Кирилла писано ученикомъ его, Климентомъ, епископомъ Болгарскимъ. Житіе Св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ, а на томъ основаніи, что въ житіи Меѳодія большею частью пропускается то, что подробно описано въ житіи Кирилла, можно бы въ обоихъ произведеніяхъ видѣть трудъ одного и того же автора. Достоинство житій, какъ матеріала для историческихъ изслѣдованій, опредѣлено профессоромъ Горскимъ въ превосходной статьѣ его «о Св. Кириллѣ и Меѳодіи», помѣщенной въ *Москвитяинѣ*, 1843 г. № 6. Въ ней исторія Славянскихъ первоучителей въ первый разъ изложена систематически по Славянскимъ же источникамъ, свидѣтельство которыхъ оцѣнено со всею ученою основательностью. Оба житія во всемъ своемъ объемѣ напечатаны Шафарикомъ въ памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ ¹⁾.

Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Паннонскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другаго какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заключается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти Русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однихъ мысляхъ, но и въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ инья удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи. Для подтвержденія сказаннаго приведемъ свидѣтельство лѣтописи вполнѣ, а изъ житій

1) *Památky dřevního písemnictví Jihoslovánův*. V Praze. 1851. Здѣсь помѣщены отдѣльными статьями: *Život sv. Konstantína*, *Život sv. Methodia*, и др.— Объ изданіи Шафарика см. Извѣстія 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. Томъ I, стр. 293 и слѣд.

Меоодія и Кирилла, по изданію Шафарика, только мѣста, соотвѣтствующія лѣтописному разсказу.

Житіе Меоодія. Прилучиша са въ ты дѣни Ростиславъ, князь Словенѣскъ съ Сватополкомъ, и посласта изъ Моравы къ царю Михаилу, глаголюща тако, іако Божіею милостию здрави есмы, и соуть во нь вѣшли оучители мнози христіане, изъ Влаахъ и изъ Грекъ и изъ Немець, оучаще ны различъ, а мы Словени проста чадъ, и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истинноу и разоумъ сказалъ. То добрѣ, владыко, послѣ такъ моужь, иже ны исправитъ всякоу правдоу. Тогда царь Михаилъ рече къ филосооу Коньстантиноу: слышиши ли, философѣе, рѣчь сію? Инъ сего да не можетъ сѣтворити развѣ тебе. Тѣмъ дамъ ти дари мнози, и, поимъ братъ свои, игоумень Методѣи, и иди же. Вы бо еста Селоунианина, да Селоушине все чисто Словенскы бесѣдоуютъ. Тогда не смѣста са отрѣци ни Бога, ни царя. . . . но великоу слышавъша рѣчь, на молитвою са наложиша и съ инѣми, иже бѣхоу того же доуха, егоже и си. Да тоу глви Богъ филосооу Словенскы книги, и абіе оустрои въ писмена и бесѣдоу съставъ, поутѣ са атъ Моравьскаго, поимъ же Методіа.

Житіе Кирилла. И абіе сложи писмена и начеть бесѣдоу писати Евангелъскоу: испрѣва бѣ Слово, и Слово бѣ оу Бога. . . . Вѣскорѣ же

Лѣтопись, I, стр. 11—12.

Словѣномъ жиущимъ крещенымъ, и княземъ ихъ, Ростиславъ и Святополкъ и Коцель послаша ко царю Михаилу, глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ свѣтлыя книги; не разумѣемъ ни Гречьску языку, ни Латыньску; ѡни бо ны онако учать, а ѡни бо ны и онако; тѣмъ же не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся (*отъ житіи Кирилла: събравъ же съборъ царь*), и сказа имъ рѣчи вся Словѣнскихъ князь. И рѣша философы: есть мужъ въ Селуни, именемъ Левъ; суть у него сынове разумиви языку Словѣнску, хитра 2 сына у него философа. Се слышавъ царь, посла по ня въ Селунь ко Лвови, глаголя: послѣ къ намъ вѣскорѣ сына своя Меоодія и Костянтина. Се слышавъ Левъ, вѣскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: се прислалася ко мнѣ Словѣнська земля, просящи учителя собѣ, иже бы могъ имъ протолковати свѣтлыя книги; сего бо желаютъ. Умолена быста царемъ, и поидоша въ Словѣнскую землю къ Ростиславу и Святополку и Къцѣлови. Сима же пришедъшема,

вьсь църковный чинь пріемъ, на-
оучи к оутръници, и часовомъ, и
вечерни, и павечерници, и таияѣи
слоужбѣ.

Житіе Меѳодія. Блхоу же етера
много чадь, яже хоуліахоу Словень-
скыя книги, глаголюще, яко не
достойтъ ни которому же азыкоу
имѣти боуковъ снхъ, развѣ Евреи
и Грекъ и Латинъ, по Пилатовоу
писанію, еже на крестѣ Господни
написана. Еже апостоликъ пилатны
и треазычныи нарекъ, проклатъ...
Пославъ же Коцель къ апостоли-
коу, проси Меѳодія, блаженнаго
оучителя нашего, да бы емоу от-
пустилъ... И посла и, написавъ
епистолію сію: «Аньдрѣянъ епи-
скопъ и рабъ Божіи къ Ростисла-
воу и Коцелю... Ся же единъ
храните обычаи, да на мыши прывое
чтоуть Апостолъ и Евангеліе
Римскы, таче Словенскы, да са
исполнить слово книжное: яко
въсхвалять Господа вси азыци, и
другици: вси възъглаголють
языки различни величіи Божіа,
якоже дасть имъ Духъ Святъи
отвѣщевати. Аще же кто отъ
сѣбранныхъ вамъ оучитель и слы-
шущихъ слоухи и отъ истинны от-
вращающихъ на бладѣ, начистъ
дръзнову въ пнако разтырацати вы,
гада книги азыка вашего, да боу-
детъ отлоученъ, но токмо въ соудъ
даны церкви, дондеже са испра-
вить; ти бо соуть волѣци, а не
овца, аже достойтъ отъ плодъ
ихъ знати и хранитися ихъ. Вы
же, чада възлюбленнаи, послу-
-

начаства съставлявати писмена азъ-
буковная Словѣнски, и преложи-
ста Апостолъ и Евангеліе. Ради
быша Словѣни, яко слышаша ве-
личья Божья своимъ языкомъ. По-
семъ же преложишта Псалтырь и
Охтанкъ, и прочая книги. Нѣдѣи
же начаша хулити Словѣнскыя
книги, глаголюще: яко не до-
стойтъ ни которому же языку имѣ-
ти буквѣи своихъ, развѣ Еврѣи, и
Грекъ, Латинъ, по Пилатову пи-
санію, еже на крестѣ Господни
написа. Се же слышавъ папезъ
Римскій, похули тѣхъ, иже ропъ-
шутъ на книги Словѣнскыя, река:
да ся испознитъ книжное слово,
яко въсхвалять Бога вси азыци;
другое же: вси възъглаголють
языки величія Божья, якоже дасть
имъ Святый Духъ отвѣщевати.
Да аще кто хулитъ Словѣнскую
грамоту, да будетъ отлученъ отъ
церкве, донде са исправятъ; ти бо
суть волѣци, а не овца, яже достойтъ
отъ плода знати я, хранитися ихъ.
Вы же, чада Божья, послушайте
ученья и не отпните наказанья
церковнаго, якоже вы наказалъ
Меѳодій учитель вашъ. Костян-
тинъ же възвратився въспять, и
иде учить Болгарьскаго азыка, а
Меѳодій оста въ Моравѣ. Посемъ
же Коцель князь постави Меѳедья
епископа въ Паніи, на столѣ свя-
таго Ондровника апостола единого
отъ 70, ученика святаго апостола
Павла.

шаєте оученія Божія и не отри-
нете казанія церковнаго, да са об-
рацете истинниі поклонници Бо-
жїи, Отцоу нашему небесному,
съ всѣми сватыми. Аминь.»....

Прежде же (т. е. до путешествія
въ Константинополь) отъ оученикъ
своихъ посажъ два попы скоро-
писца зѣло, преложи въборзѣ вса
книгы исполнѣ, развѣ Макъкавец,
отъ Греческа азыка въ Словенскѣ,
шестію мѣсацъ, наченъ отъ марта
мѣсаца до двюдесяте и шести
дѣне октабры мѣсаца. Скончав же
достонною хвалоу и славою Богоу
въздасть, дающему таковою бла-
годѣть и поспѣхъ. И сватое възно-
шеніе тинное съ клиросомъ своимъ
възнесъ, сътвори памать сватаго
Димитріа.

Меоодій же посади два попа
скорописца зѣло, и преложи вся
книги исполнѣ отъ Гречьска языка
въ Словѣнескѣ 6-ю мѣсяцъ, наченъ
отъ марта мѣсяца до двудесяту и
6-ю дѣнь октябры мѣсяца. Оконь-
чавъ же достойно хвалу и славу
Богу въздасть, дающему такую
благодать епископу Меоодію, на-
столюнику Анѣдроникову.

Внимательное сличеніе предложенныхъ сказаній привело
автора изслѣдованія о Кириллѣ и Меоодіи къ заключенію, что не
жизнеописатель пользовался лѣтописью, а лѣтописецъ жизне-
описаніемъ. На это указываютъ въ лѣтописи сокращенная пере-
дача словъ папской буллы и пропускъ замѣчаній о книгахъ
Маккавейскихъ и объ окончаніи перевода къ дню Св. Димитріа
Солунскаго. Послѣднее обстоятельство важно было въ жизне-
описаніи Меоодія, уроженца Солунскаго, но для Русскаго лѣто-
писца не имѣло особеннаго значенія ¹⁾).

5. Житіе Владимира Святаго.

Въ повѣствованіи о крещеніи Владимира и всей земли Рус-
ской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору «житія блаженнаго

1) Москвитянинъ. 1843. № 6. О Св. Кириллѣ и Меоодіи, стр. 432—433,
прим. 34.

Володимера». Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, Русскому писателю XI вѣка ¹⁾. Извѣстія лѣтописи подъ 6495, 6496, 6497, 6504 и 6523 годами заимствованы преимущественно изъ житія Владимира. Судя потому, что много изъ помѣщеннаго въ лѣтописи подъ численными годами въ житіи не находится, можно бы полагать, что житіе есть позднѣйшее извлеченіе изъ лѣтописи. Къ такому же выводу склоняетъ и сравненіе нѣкоторыхъ извѣстій объ одномъ и томъ же предметѣ въ обоихъ памятникахъ. Въ лѣтописи: «посла Володимеръ ко цареви Василью и Костянтину, глаголя сие: се градъ ваю славный взяхъ; слышу же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же п сему створи хъ И послушаста царя, посласта сестру свою, сановники нѣкія и презвитери; она же не хотяше ити: яко въ полонѣ, рече, иду, лучи бы ми сдѣ умрети. И рѣста ей братья: еда како обратитъ Богъ тобою Рускую землю въ покаянье, а Гречскую землю избавишь отъ лютыя рати: видиши ли, колько зла створиша Русь Грекомъ? и пниѣ, аще не идеши, то же имуть створити намъ; и одва ю принудиша. Она же, сѣдъши въ кубару, цѣловавши ужики своя, съ плачемъ поиде чрезъ море, и приде къ Корсуню» (стр. 47). Въ Житіи: «Онъ же, вземъ градъ, посла къ царемъ, къ Василію и къ Костянтину, въ Царьградъ, глаголя има: се градъ вашъ славный взяхъ; слышахъ же, яко имаета сестру дѣвою, — дайте ю за мя; аще ли мн ея не даста, азъ и Царюграду тако створю по сему. И посласта царя Анну, сестру свою, и с нею воеводы и прозвутеры, и пріидоша в Корсунь» ²⁾.—Въ лѣтописи: «повелѣ (Владимиръ) всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотыицы кунами. Устрой же и се, рекъ: яко немощни и болни не могутъ долѣзти двора моего; повелѣ пристроити кола: въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разно-

1) Объ Іаковѣ см. Историческія чтенія 2-го отд. Акад. 1852 и 1853 гг., стр. 32—64 и 99—116.

2) Христіанское чтеніе. Часть II, 1849, стр. 330.

личный, медъ въ бчелкахъ, и въ другихъ квасъ, — возити по городу, въпрашающимъ: кдѣ боліи и нищъ, не могли ходити? тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля: устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходить. при князи и безъ князя: бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины; бѣше по изобилію отъ всего», и т. д. (стр. 54). Въ житіи: «Бяху же нищи приходяще на дворъ его по вся дни, и приімаху, кто чего требоваше; а недужнымъ, не могущимъ ходити, повелѣ слугамъ, да в дома приносятъ имъ. И многы створи добродѣтели» ¹⁾). Подобныя мѣста могутъ казаться въ житіи сокращеніями изъ пространнаго разсказа лѣтописи. Но съ другой стороны есть и въ житіи такія извѣстія, какихъ не находимъ въ лѣтописи. Такъ въ послѣдней говорится о низверженіи одного Перуна, а въ житіи читаемъ: «Волоса идола, его же именовашу скотѣя бога, велѣ в Почайну рѣку въврещи; Перуна же повелѣ привязати к коневу, къ хвосту» и т. д. Въ лѣтописи нѣтъ такъ же и сравненія Владимира съ Моисеемъ и т. п. Притомъ житіе, даже и въ позднѣйшихъ спискахъ, очевидно подвергавшихся измѣненіямъ, имѣетъ видъ отдѣльной статьи, а не извлеченія. Сравнительно съ лѣтописью въ житіи недостаетъ извѣстій политическихъ, которыя были бы неумѣстны въ сказаніи о томъ, какъ крестился Владимиръ. Если предполагать, что житіе составилось посредствомъ выписокъ изъ лѣтописи только тѣхъ происшествій, которыя имѣютъ религіозное значеніе, то чѣмъ объяснить пропускъ сѣмвола вѣры, внесеннаго въ лѣтопись уже въ древнѣйшихъ ея спискахъ? Это мнимое опущеніе всего вѣроятнѣе объясняется тѣмъ, что житіе составлено независимо отъ лѣтописи, и что къ нему присоедиленъ сѣмволъ уже впоследствии, когда лѣтописецъ изъ нѣсколькихъ источниковъ составлялъ одно цѣлое.

1) Тамъ же, стр. 332.

Житіе Владимира издано въ Христiанскомъ чтенiи 1849 г. въ числѣ трехъ памятниковъ Русской духовной литературы XI вѣка (стр. 328—335). Ученый издатель признаетъ, что не авторъ житiя позаимствовалъ что-либо у лѣтописца, а напротивъ, Несторъ воспользовался готовымъ уже сочиненiемъ, и внесъ его въ свою лѣтопись. Такое заключенiе основывается на признакахъ древности, находящихся въ житiи, и на особенностяхъ выраженiя, обличающихъ въ лѣтописцѣ позднѣйшаго повѣствователя въ сравненiи съ авторомъ житiя. Слова житiя: «се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше *мы* симъ образомъ» измѣнены въ лѣтописи такъ: «иже прелщаше симъ образомъ *человѣкъ*», и т. п. ¹⁾.

6. Сказанiе о Борисѣ и Глѣбѣ, составленное монахомъ Іаковомъ.

Лѣтописное изложенiе судьбы Бориса и Глѣба (стр. 57—60) представляетъ, какъ мы уже замѣтили, сокращенiе сказанiя о Борисѣ и Глѣбѣ, принадлежащаго тому же монаху Іакову, которому приписываютъ и житiе Владимира. Отношенiе сказанiя къ лѣтописи разсмотрѣно въ изслѣдованiи о древнихъ жизнеописанiяхъ Русскихъ князей, помѣщенномъ во 2-мъ томѣ Извѣстiй 2-го отдѣленiя Академiи Наукъ ²⁾.

7. Поученiя Св. Ѳеодосiя.

Въ лѣтописи подъ 6575 (въ иныхъ спискахъ подъ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученiй преподобнаго Ѳеодосiя Печерскаго († 1074). Описанiе событiй перваго года начинается такъ: На Русскую землю пришли иноплеменики —

1) Тамъ же, стр. 308—309.

2) Оно напечатано и въ Историческихъ Чтенiяхъ о языкѣ и словесности въ зазданiяхъ втораго отдѣленiя Академiи 1852 и 1853 гг., записка *И. И. Срезневскаго*: Древнiя жизнеописанiя Русскихъ князей X—XI вѣка, стр. 92—96 и др.

Половцы, Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ враговъ на Алту; но по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганыхъ: Русскіе князья бѣжали, а Половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Оеодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплемениковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи. Въ предлагаемомъ сличеніи пользуемся спискомъ, находящимся въ Румянцовскомъ музеумѣ и имѣющимъ названіе: «поученіе блаженнаго Оеодосія, игумена печерскаго, о казняхъ Божіихъ».

Рукопись Румянцовскаго музеума,
№ 435, л. 340—342.

Наводитъ Бѣ по гнѣвоу своему казнь каку либо или поганыхъ, зане не встанемъ к Бѣу, а оусобнаа рать бываетъ ѿ соблажненія дѣвола и ѿ злыхъ члѣкъ. Бѣ бо не хочетъ зла члѣкомъ, но блага, а дѣволъ радуется всемоу злому, творимому въ члѣвѣхъ. Искони бо тои есть врагъ намъ: хочетъ оубиства и кровопролитыа, подвизаа свары и оубиства и зависти и братоненавидѣнія и на клеветы. Странѣ оубо съгрѣшившии кси либо, казнить Бѣ смертию, или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или бездождемъ и инѣми различными казньми: аще ли, покаившеся боудемъ в немже ны Бѣ велитъ быти. Гл҃гоеть бо намъ прорѣкомъ: обратитеса ко мнѣ всемъ ср҃дцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ, въ всею волю Бж҃ію твораще. Да аще бы-

Лѣтопись, I, стр. 72—73.

Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменикы на землю, и тако скрушеннымъ имъ въспоманутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненія дѣвола. Богъ бо не хочетъ зла члѣвомъ, но блага; а дѣволъ радуется злому убійству и кровинпролитію, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнне, клеветы.

Земли же согрѣшившии которѣй либо, казнить Богъ смертию, ли голодомъ, ли наведеніемъ поганыхъ, ли ведромъ¹⁾, ли гусеницею, ли инѣми казньми: аще ли, покаившеся будемъ въ немже ны Богъ велитъ жити (въ другихъ спискахъ: быти). Глаголетъ бо пророкомъ намъ: обратитеса ко мнѣ всѣмъ ср҃дцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да

1) Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лаврентьевскаго, вмѣсто *ведромъ*—*вредомъ*; но чтеніе Лаврентьевскаго вѣрнѣе, соответствующе слову *бездождемъ* въ поученіи.

хом в заповѣдехъ Бжїихъ пребыли, то и сдѣ ходяще приїмемъ бл҃гаа земнаа, и по ѿшествїи сего свѣта жизнь вѣчнѹю. Но мы прїю акы свинїи в калѣ греховнѣмъ валагас, грѣхи кѣ грѣхомъ прилагающе, въ всемъ гнѣваще Бж҃е, злое пред очима его творяще по вса дни. Того ради прорѣкомъ гл҃тъ к намъ: разумѣхъ, реч, яко жестоци и каменосерди і лениви есте творити волю; того ради оудержахъ ѿ васъ дождь и предѣлъ единъ одождихъ, а др҃гаго не одождихъ, и ише земля нивъ вашихъ, и поразихъ вы различными казнѣми. То и тако не обратистеся ко мнѣ: сего ради винограды ваша и древа всакаа, носацаа плодъ, и нивы, и все истрохъ, гл҃еть Гб҃е, а злобъ вашихъ не могу истерти; но посылаю на вы помалоу различныа напасти, нѣкли покаивѣшеся вѣстагнестеся ѿ злобъ вашихъ. Послахъ на вы смр҃ти тяжкїи и на скотъ вашъ, и ѿихъ ѿ васъ оутѣхѣ всакоу пища вашего; но и тоу не обратистеся ко мнѣ, но рѣсте: моужаемся еще. Доколѣ не насытитеся злобъ вашихъ. Вы оубо ѡклонившеся ѿ пѣти моихъ, гл҃еть Гб҃е, и сами погибосте со своіми безаконїи, и ины многи съблзанисте. Сего ради боудѣ свидѣтель скоро на противныа, и на прелюбодѣа, и на клевоущаа именемъ моихъ, и лишающаа мзды наемникоу, и насильствѣющаа сиротѣ, соудъ неправъ. Почто презрѣсте словеса моя, и оуклонистеся ѿ закона моего, и не схранисте оправданїи моихъ. Обратітес ко мнѣ, гл҃тъ Гб҃е, и азъ

еще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ.

Но мы на злое вѣзвращаемся, акы свинья въ калѣ грѣховнѣмъ присно ваяющеся, и тако пребываемъ. Тѣмже пророкомъ намъ глаголетъ: разумѣхъ, рече, яко жестокъ еси и шїа желѣзная твоя. Того ради удержахъ отъ васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, ише, и поразихъ вы зноемъ и различными казнѣми. То и тако не обратистеся ко мнѣ. Сего ради винограды вашѣ, и смоковые ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могу истерти. Послахъ на вы различныа болѣзни и смерти тяжкїа, и на скоты казнь свою послахъ, то и ту не обратистеся, но рѣсте: мужаемся.

Доколѣ не насытитеся злобъ вашихъ. Вы бо уклонистеся отъ пути моего, глаголетъ Господь, и соблазнисте многи. Сего ради буду свѣдѣтель скоръ на противныа, и на прелюбодѣица, и на клевоущаа именемъ моимъ во лжю, и на лишающаа мзды наемника, насильствующаа сиротѣ и вдовици, и на уклоняющаа судъ кривѣ.

Почто не въздержаетеся въ грѣсѣхъ вашихъ, но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ. Обратитеся ко мнѣ и обращающа кѣ вамъ,

обращоусѧ къ вамъ, и ѿверзѸ хлѣби
ѣбныѧ, и възвращоу ѿ васъ гнѣвъ
мой, дондеже въ всемъ изобилюете,
и дамъ всако обилие вамъ, и долга
лѣта ваша створю. Но вы при
неправдѣ пребываете, словеса гдѣ
лжива. Оусты же чтите мѧ, гдѣ
Гдѣ, а срѣдце ваше далече отстоитъ
ѿ мене: того ради ихже просите и
не приѣмете, и боудетъ бо, речъ, егда
призовете мѧ и не послушаю васъ;
взыщутъ мене зли и не обращутъ;
не восхотѣша бо, речъ, поутемъ
моимъ ходити.

Да того ради затворяетъ Бгъ
ѣбо и не поущаетъ дожда; ово ли
злѣ ѿверзаетъ, градъ поущаѧ и
мразомъ плоды погоубляѧ, и землю
зномъ тома, нашихъ ради безако
нныѧ. Аще ли сѧ покаемъ ѿ злѣ
нашихъ, то акы чадомъ подастъ Бгъ
всѧ блага, и одождитъ намъ дождь
ранъ и позднъ, и наполнитсѧ гдѣ
ваша пшеницы, и въздамъ вамъ за
лѣта, яже проузи и хроустове.
Сила моя великаѧ, юже послахъ на
вы, гдѣ Гдѣ Вседержитель. Се
слышаще, подвигнемсѧ на добро;
взыщете судъ, избавите обиди
маго, и на покааніе приидѣте,
не въздающе зла за зло, ни кле
веты за клевету; но любовію
приплетемсѧ Гдѣ, постомъ и рыда
ніемъ и слезами омывающе пре
грѣшеніѧ наша. Но, словомъ нари
цающе хрѣтіѧне, а поганскі жи
вуще. Се бо не поганскі ли творимъ:
аще кто ѡсрашетъ червѣца, или
червицу, то възвращаючисѧ, ли

глаголетъ Господь, и азъ отверзу
вамъ хлѣби небесныѧ и отвращоу
отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже все
обилуетъ вамъ; и не имутъ изне
мощи виногради ваши, ни нивы.
Но вы отяжасте на мѧ словеса вама,
глаголюще: суетенъ работаяи Богу.
Тѣмъ же усты чтутъ мѧ, а сердце
ихъ далече отстоитъ мене: сего
ради ихже просимъ не приѣмлемъ;
будетъ бо, рече, егда призовете
мѧ, азъ же не послушаю васъ;
взыщете мене зли и не обрящете;
не восхотѣша бо ходити по путемъ
моимъ.

Да того ради затворяется небо,
ово ли злѣ отверзается, градъ въ
дождя мѣсто пускаѧ, ово ли мразомъ
плоды узнобляѧ, и землю
зномъ томя нашихъ ради злѣ.
Аще ли сѧ покаемъ отъ злѣ на
шихъ, то акы чадомъ своимъ дасть
намъ всѧ прошенія, и одождитъ
намъ дождь ранъ и позднъ, и
наполнятся гдѣ ваша пшеницы,
прогдѣются точила винная и маслѣ
ная, и въздамъ вамъ за лѣта, яже
пояша пружи, и хроустове, и гусе
ниціѧ. Сила моя великаѧ, юже по
слахъ на вы, глаголетъ Господь
Вседержитель. Сѧ слышаще, въстѧ
гнемсѧ на добро; взыщѣте суда,
избавите обидимаго; на покааніе
придемъ, не въздающе зла за зло,
ни клеветы за клевету; но любовію
приплѣнимсѧ Господи Бозѣ нашемъ,
постомъ и рыданіемъ, слезами
омывающе всѧ прегрѣшенія, не
словомъ нарицающеся хрестіѧни,
а поганскы живуще. Се бо не по

свинию, ли конь лысь; то се не поганьскі ли есть: се бо по діаволу наоученю кобь сію держать. Дроузні зачиханью вѣрѣють, еже бываеть многажды ва здравие главѣ.

Но сими діаволь лстѣтъ и друугими правы, и всаческими лстѣми пребавляеми отъ Бога: влѣхвованіемъ, чародѣаніемъ, блоудом, запопством, рѣзоиманіемъ, приклады, татбою и лжею, завистью, клеветою, трѣбами, скоморохі, гоусльми, сонѣлми и всакими играми и дѣлеса неподобными. Видим бо и іна злаа дѣла: вси дрызливии на піанство и на блоуд и на игры злыа, ихже нѣ лзѣ хрїтіаномъ тако творити, и т. д.

ганьски ли живемъ, аще въ стрѣчу вѣрующе: аще бо кто усящеть черноризца, то възвращается, ли единецъ, ли свинью; то не поганьскы ли се есть: се бо по дьяволу наоученю кобь сію держать; друзіи же и закиханью вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ.

Но сими дьяволь лстѣтъ и друугими правы, всячьскыми лстѣми превабляа ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла; а церкви стоятъ, егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всячскыа, и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ.

За тѣмъ говорятъ въ поученіи о томъ, что подобно стоять въ церкви благоговѣнно, и что воздѣвать къ небу можно только руки, не взимающія нечистыхъ прибытковъ. Далѣе слѣдуютъ слова: «я се, излюбленная чада, будете вѣдуще: св. отци наши уставили посты дии по наущенію Господню и по заповѣди св. апостолъ» и т. д. За такимъ началомъ предлагаются наставленія о томъ, что праздники должно проводить сообразно съ ихъ святостью, а не въ пиршествахъ и въ особенноти не въ пьянствѣ.

Все предъидущее, до приведенныхъ словъ, извѣстно пока только въ одномъ спискѣ Румянцовскаго музеума. По свидѣтельству митрополита Евгенія, поученіе о казняхъ Божіихъ встрѣчается въ древнихъ прологахъ. Мы не нашли его въ древнѣйшихъ прологахъ, даже и въ тѣхъ, въ которыхъ помѣщено подъ

З мая житіє Оеодосія. Слово же о пьянствѣ извѣстно въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ коихъ весьма замѣчателенъ находящійся въ «Златой чепи», рукописи XIV вѣка, принадлежащей Троицко-Сергіевой лаврѣ (л. 43 об.—45). Въ Златой цѣпи поученіе Оеодосія названо «словомъ св. отецъ о пьянствѣ», вѣроятно, по своему началу: «св. отци уставивша постныя дни по наученію Господню» и т. д.

Отдѣльность слова о пьянствѣ отъ предъидущаго видна изъ того, что въ древнихъ рукописяхъ оно помѣщено особенною статьею, какъ цѣлос, а не отрывокъ. Но едва ли такимъ же цѣлымъ произведеніемъ должно считать и приведенное лѣтописцемъ: онъ могъ привести поученіе не вполнѣ, отъ себя уже заключивъ его словами: «сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всячскыя, и *нахоженіе ратныхъ*, по Божью повелѣнью», которыми весьма удачно связывалось поученіе съ общою нитью разсказа.

Подъ 6582 годомъ лѣтописецъ приводитъ отрывки изъ поученія Оеодосія о постѣ (стр. 79), сказавши, что преподобный Оеодосій имѣлъ обычай поучать братію при наступленіи поста.

На Оеодосія, какъ на автора поученія о казняхъ, внесеннаго въ лѣтопись, указалъ Востоковъ: «Можетъ быть, говоритъ онъ, самъ Несторъ передаетъ намъ въ своей лѣтописи слова благочестиваго наставника своего Оеодосія, вперившіяся въ его память» ¹⁾. Займствованіе Несторомъ изъ поученія Оеодосія признаетъ и преосвященный Макарій, полагая, что поученіе написано по случаю нашествія Половцевъ въ 1067 году на Русскую землю ²⁾.

1) Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, стр. 686.

2) Извѣстія 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. Т. IV, выпускъ 6-й. 1855 г. Статья преосвященнаго *Макарія*: Преподобный Оеодосій Печерскій, какъ писатель, стр. 275 и др.

8. Разсказъ Василія.

Въ числѣ событій, описанныхъ подѣ 6605 (1097) годомъ, главное мѣсто занимаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ.

Подлинный разсказъ Василія начинается, какъ можно полагать съ большою вѣроятностью, отъ словъ: «Василькови же сущю Володимери, и *мнѣ* ту сущю, присла по *мя* князь Давыдъ» и пр. (стр. 112). При описаніи же предъидущаго лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполне, передавая по своему его содержаніе. На это указываетъ то обстоятельство, что различіе по изложенію между разсказомъ и другими мѣстами лѣтописи замѣчается преимущественно во второй части разсказа, именно съ приведенныхъ словъ. Въ первой же части изъ выраженій, которыя считаютъ не принадлежащими лѣтописцу, находятся только три: «мѣсяць грудень, рекше ноябрь», «любезнивъ», «сколота». Но слово *любезнивъ* встрѣчается въ лѣтописи и подѣ 971 годомъ: «посли къ нему (Святославу) дары, искусымъ и, *любезнивъ* ли есть злату ли наволокамъ» (стр. 30).

Во второй части способъ изложенія представляетъ сходство съ такъ называемою «Ипатьевскою лѣтописью» и съ состоящимъ въ нѣкоторой связи съ нею Словомъ о полку Игоревѣ. Выраженія, подобныя слѣдующему: «любю налѣзу собѣ славу, а люблю голову свою сложю за Русскую землю», обычны и въ Ипатьевской лѣтописи, употребляются и въ Словѣ о полку Игоревѣ: «хощю главу свою приложити, а люблю пснати шеломахъ Дону» и т. п.

Объ отношеніи сказанія Василія къ лѣтописному повѣствованію извѣстно нѣсколько мнѣній въ нашей исторической лите-

ратурѣ. Карамзинъ полагалъ, что Василій, священникъ или монахъ, житель Червенской или Вольнской области *дополнилъ Историю*, зная лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія ея извѣстія ¹⁾. То же допускаетъ и г. Кубаревъ, приписывая вкратцѣ рассказанное сочинителю лѣтописи, а подробное дополнителю ²⁾. По мнѣнію же Буткова, *самъ Несторъ внесъ* въ свой временникъ рассказъ Василія ³⁾. Г. Бутковъ начало сказанія Василіева опредѣляетъ словами: «Василкови же сущю Володимери», и т. д. ⁴⁾. Бѣляевъ полагаетъ, что оно начинается гораздо ранѣе, словами: «И приде Святополкъ съ Давыдомъ Киеву, и ради быша людѣ вси» и пр. ⁵⁾ (стр. 109). Профессоръ Соловьевъ признаетъ, что сказаніе заимствовано изъ лѣтописи Вольнской, которой первая часть не дошла до насъ, кромѣ отрывка объ ослѣпленіи Василька ⁶⁾.

9. Хроника Георгія Амартола.

Лѣтописцы наши пользовались Византійскими источниками: на это указываютъ и составъ лѣтописей и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто ими то или другое свѣдѣніе. Между Византійскими хронистами всѣхъ ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ—Георгій Амартолъ. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники, по разнымъ поводамъ и изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Допуская

1) Исторія Карамзина, т. II, примѣч. 184.

2) Русскій историческій сборникъ, т. IV, книжка 4. *Кубарева*: Несторъ, стр. 385 и др.

3) *Буткова*: Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, стр. 210 и др.

4) Современникъ, 1850. № 9, отд. III. Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ. II. Б., стр. 22.

5) Чтенія Моск. историч. общества. 1847. № 5. *Бѣляева*: О Несторовой лѣтописи, стр. 65—67.

6) Исторія Россіи, *Соловьева*, т. III, стр. 131—132.

справедливость подобнаго заключенія, считаемъ сообразнымъ съ нашею цѣлью обозрѣть содержаніе историческаго труда Амартола съ указаніемъ заимствованій изъ него въ нашей древней лѣтописи.

Характеръ лѣтописи Георгія Амартола опредѣляется цѣлью, съ какою она предпринята, степенью образованности автора и отчасти его общественнымъ положеніемъ. Что касается до цѣли труда и образованности автора, то объ этомъ положительныя свидѣтельства находятся въ самомъ содержаніи хроникъ. О судьбѣ же Георгія извѣстно только то, что онъ жилъ и писалъ въ половинѣ IX вѣка; былъ монахомъ и архимандритомъ; изъ смиренія прозвалъ себя *γρησινικὸς ἀμαρτωλός* ¹⁾. Памятникомъ его литературной дѣятельности осталась лѣтопись, составленная по различнымъ писателямъ и толкователямъ, и называющаяся: *Χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφορῶν χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συντεθὲν ὑπὸ Γεωργίου ἀμαρτωλοῦ μοναχῆς*; въ Славянскомъ переводѣ — «Временникъ въпростѣ ѿ различныхъ же хронографъ же и сказатель събранъ же и сложенъ Геωργіемъ грѣшникомъ мнихомъ».

Текстъ греческій до сихъ поръ еще неизвѣстенъ въ печати, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ, какъ напримѣръ, предисловія, помѣщеннаго въ первомъ изданіи Фабриціевой бібліотеки, и т. п. Славянскій переводъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ ²⁾. При сравненіи съ лѣтописью мы пользовались преимущественно двумя изъ нихъ: однимъ, XIII—XIV в., принадлежащимъ Московской духовной академіи, другимъ, XIV в., находящимся въ Синодальной бібліотекѣ подъ № 148. Академическій списокъ не полонъ, оканчивался описаніемъ царствованія Юстиніана, доведеннымъ до пятаго вселенскаго собора. Свѣдѣнія объ этомъ списокѣ сообщены г. Снегиревымъ въ «Замѣча-

1) *Fabricii: Bibliotheca Graeca*, 1801, т. VII, стр. 463.

2) См. Чтенія М. историч. общества 1846. № 4. Смѣсь. *Князя Оболенскаго: О Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола*, стр. 74—76.—*Essai de chronographie byzantine*, par *Muralt*, p. XVIII—XXIII.

ніяхъ о Георгіѣ Амартолѣ», помѣщенныхъ въ Трудахъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ, часть V, стр. 255—264.

Составляя хронику, Георгій Амартолѣ имѣлъ опредѣленную цѣль и придавалъ труду своему опредѣленное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно, во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и церкви, торжество православія надъ еретиками. Пресоблаждающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою сообразно со свойствомъ описываемыхъ предметовъ.

Хроника начинается краткимъ обзоромъ замѣчательнѣйшихъ лицъ древняго міра, частью историческихъ, частью мифическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія Вавилонскаго царства, исторія Римской монархіи въ періодъ языческой и наконецъ исторія Византійскаго государства до смерти царя Михаила — ἕως τελευτῆς Μιχαήλ, υἱοῦ Θεοφίλου — «до оумертвѣнія Михаила, сѣна Феофила». Слѣдовательно, Амартолѣ писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 г., къ которымъ принадлежатъ и походы Руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями

Въ первой части хроники говорится объ Адамѣ, Сивѣ, Кроноѣ, Семирамидѣ, и т. д., до Александра Македонскаго. Послѣ Крона, пишетъ Амартолѣ, царствовалъ Нинъ, который женился, по Персидскому обычаю, на матеря своей — Семирамидѣ. Отъ него родился «Зороастръ, рекше Зорозвъздникъ, славный Перскій звѣздозаконникъ». Нинъ основалъ Ниневію: названія странъ и народовъ обыкновенно объясняются Амартоломъ изъ именъ отдѣльныхъ лицъ. Не только царства и города, но даже зданія получаютъ имена отъ своихъ основателей. Такъ все, сообщаемое

объ Артаксерксѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: По Камбизѣ царствовали Артаксерксъ. При немъ былъ нѣкто въ Италійской епархіи именемъ *Пала*; онъ создалъ огромный домъ, какого не бывало еще въ той странѣ, и назвалъ его *палато* (др. сп. *палатіонъ*): отъ этого дома и царское жилище стало называться *палатою*.

Послѣ Артаксеркса царствовалъ Ромулъ—«Ромъ, яже созда Римъ градъ». Правленіе Ромула, умертвившаго Рема, было несчастливо: въ Римѣ не прекращались землетрясенія и не умолкала ропотъ народа. Пнеія сказала, что бѣдствія не кончатся до тѣхъ поръ, пока Ромулъ не сядетъ на престолѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ. Тогда Ромулъ велѣлъ сдѣлать золотой кумирецъ, положилъ его на престолѣ, гдѣ сидѣлъ нѣкогда Ремъ, и затихла людская молва. Но судъ Божій совершился надъ братоубійцею: его пзрубили въ куски.

Всего подробнѣе говорится о подвигахъ Александра Македонскаго, и въ особенности о походѣ его на Іудею и обращеніи съ Еврейскимъ народомъ; весьма пространно описывается самая одежда первосвященника при встрѣчѣ Александра. Къ исторіи Александра примыкаетъ описаніе чудесной жизни Врахмановъ, которые не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножкины; питаются овощами и сладкою водою. Женщины у нихъ живутъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ се неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки, именно для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Врахманская не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастьемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ къ Богу.

Совеѣмъ другаго рода быть Спрійцевъ, Вавилонянъ, Амазонокъ, и т. п. Описаніе его вошло въ нашу лѣтопись, и мы приводимъ это описаніе сравнительно съ подлинникомъ Амартола и древнимъ Славянскимъ переводомъ.

Excerpta e chronico G. Hamartoli e cod. Barocc. 194. fol. 60 v).

Ἀμέλει γέ τοι καὶ ὁ μέγας Κτισάρχος ὁ καὶ ὁμαίων Γρηγορίου τοῦ μεγίστου καὶ Θεολόγου, διαφόρων ἐθνῶν καὶ ἡθῶν καὶ τρόπων καὶ νόμων ἐξήτησιν ποιούμενος σύντομον, τοιαύδε φησὶν «ἐν γὰρ ἐκάστη χώρᾳ καὶ ἔθνεϊ ἐν τοῖς μὲν ἔγγραφος νόμος ἐστίν, ἐν τοῖς δὲ ἡ συνήθεια νόμος γὰρ ἀνόμοις τὰ πάτρια δοκεῖ».

Ὡν πρῶτοι Σῆρες, οἱ τὸ ἄκρον τῆς γῆς οἰκοῦντες, νόμον ἔχουσι τὸ πατρῶον ἔθος μὴ πορνεύειν ἢ μοιχεύειν, ἢ κλέπτειν, ἢ λοιδορεῖν, ἢ φονεύειν, ἢ κακοურγεῖν τὸ σύνολον.

Νόμος δὲ παρὰ Βακτριανοῖς ἦτο· Βραχμάνες καὶ Γνησιώτες, ἡ

Хронографъ Амартола, рукопись Моск. д. акад. л. 31 об.—32.

Ище же и великоу Кесарин, братъ великаго Григория, различно яко обычаи и правы и законъ исповѣдаѣ, въпростѣ ѿ тацѣхъ вѣщаваѣтъ: «ибо комоуждоу языкоу, ѿвѣмъ исписанъ (законъ) естъ, друугымъ же ѿбычаи; законъ бо безаконьникомъ ѿчѣствиѣ мнитсѣ».

О нихъ же первѣе Сирия, и живуще на конецъ земли, законъ имоуть — оцѣ своихъ обычаи: не любодѣяти, ни прѣлюбодѣяти, ни красти, ни клеветати, ни оубити, ни злодѣяти весма.

Законъ жи оу Вактириниѣ, гѣмнии Врахмане и Островници:

Лѣтѣписъ. I, стр. 6—7.

Глаголетъ Георгій въ лѣтѣнисаньи: «ибо комоуждо языку, ѿвѣмъ исписанъ законъ естъ, другимъ же обычаи, зане безаконьникомъ отечѣствіе мнитсѣ»²⁾.

Отъ нихъ же первѣе Сирия, живущіи на конецъ земли, законъ имуть — отецъ своихъ обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли злодѣяти весьма.

Законъ же Уктириянѣ, глаголеми Врахмане Островници³⁾:

1) Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum oxoniensium descripsit A. I. Cramer. Vol. IV. Oxonii. 1837, p. 236—237.

2) Т. е. «а беззаконники считаютъ закономъ обычаи предковъ (отеческіе)»; τὰ πάτρια—mores, instituta maiorum—невѣрно переведено словомъ: *отечество*, которому соотвѣтствуетъ въ Греческомъ: ἡ πατρίς — patria.

3) *Островници* соотвѣтствуетъ Γνησιώτες. — νησιώτης значить *островскій*, отъ ἡ νῆσος—островъ. *Островами* назывались въ древности *отдаленныя страны* вообще. Такъ Бытія X, 32: ἀπο τούτων διεσπάρησαν νῆσοι τῶν ἐθνῶν ἐπὶ τῆς γῆς μετὰ τὸν κατακλυσμὸν — по древнему переводу: «ѿ сихъ разсѣшасѣ *островы* страннии на земли по потопѣ».

ἐκ προγόνων παιδεία
τε καὶ εὐσέβεια, μὴ
κρεοφαγεῖν, ἢ οἶνοπο-
τεῖν, ἢ λαγνεύειν, ἢ
παντοίαν κακίαν δια-
πράττεσθαι διὰ πολὺν
φόβον Θεοῦ καὶ πίστιν.

Καίτοιγε τῶν παρα-
κειμένων αὐτοῖς μιχι-
φονούντων καὶ αἰσχρο-
πραγούντων, ἐμμανῶς
τε καὶ ὑπερφυῶς ἐν δέ-
τοῖς ἐσωτέροις μέρεσι
τούτων ἀνδρωποβοροῦν-
τες μάλιστα καὶ κατεσ-
θιόντες ἀλλήλους ὡς οἱ
κύνες.

Ἄλλος δὲ νόμος οὗτος
Χαλδαίοις τε καὶ Βα-
βυλωνίοις, μητρογαμεῖν
καὶ ἀδελφοτεκνοφθορεῖν
καὶ μιαιφονεῖν καὶ πᾶ-
σαν θεωριστῇ πράξιν ὡς
ἀρετὴν ἀποτελεῖν καὶ
πόρρω τῆς χώρας αὐτῶν
γένωνται.

Ἔτερος δ' αὖ Περσῶν
νόμος ὡς οἱ κύνες.

иже ѿ прадѣдъ пока-
заниемъ, и бл҃гоутѣ-
емъ, мас не ядоуще,
ни вина пьюще, ни
блѹда твораше, ни зла
когого твораше, страха
ради многа и Б҃іа
вѣрѣти.

Таче прилежащемъ к
нимъ Индапомъ, оуби-
стводѣвци исквернино-
твораше и гиѣвлви
паче кестства. Въ ноу-
трнѣйшии же странѣ
ихъ члѣвкы ядоуще, и
страннѣи оубивають;
паче же ядаты яко
пси.

Етеръ же законъ
Халдѣкмъ и Вавило-
наномъ: мѣтри поимати,
с братними чады блѹ-
удъ дѣяти, и оубивати.
И всако бѣстоудное
дѣлание яко добродѣ-
дѣтель мнатьсѣ дѣлю-
ще, любо аще и далече
страны свояа соуще.

Инъ же законъ Гѣ-
лѣомъ: женѣ в нихъ

еже отъ прадѣдъ по-
казаньемъ, благочесть-
емъ, мясъ не ядуще, ни
вина пьюще, ни блуда
творяще, страха ради
многа.

Ибо таче прилежа-
щимъ къ нимъ Ин-
домъ, убійстводѣи-
цамъ, сквернотворяще
и гиѣвлви паче естѣ-
ства. Въ нутрнѣйшии
же странѣ ихъ чело-
вѣкъ ядуще, и странѣ
ествующихъ убиваху;
паче же ядаты яко пси²⁾.

Етеръ же законъ Хал-
дѣемъ, Вавилоняномъ:
матери поимати, съ
братними чады блудъ
дѣяти, пубивати. И вся-
кое богостудное дѣлание
яко дѣтельсѣ³⁾ мнатьсѣ
дѣюще, любо далече
страны свояа будутъ⁴⁾

Инъ же законъ Гѣ-
лѣомъ: женѣ въ нихъ

1) Шаецеръ основывался на словахъ Кедрина: κατεσθίουσιν ὡς Κῆρες, и т. д. переводя это мѣсто такъ: «ѣдятъ человѣчину и подобно Кабу закаляютъ и по-
жирають чужестранцевъ». Онъ замѣчаетъ при этомъ: «во всѣхъ спискахъ:
яко пси; ни одинъ переписчикъ не зналъ славнаго Каба» (Несторъ, I, 236). Но
слова *яко пси* буквально переведены изъ Амартала: ὡς οἱ κύνες.

2) *Дителъ* во всѣхъ спискахъ въ смыслѣ *добродѣтели* (ἀρετῆς), подобно
тому, какъ въ старославянскомъ слово *дѣтѣмъ* употребляется въ смыслѣ
ἀρετῆς — *virtutis*.

3) *Περσῶν* — въ другихъ спискахъ: πᾶσι Γηλαίοις.

4) Т. е. богопротивныя дѣла считая добродѣтелью, не оставляють ихъ и
будучи далеко отъ своей страны, виѣ ея.

οικοδομεῖν, καὶ τὰ ἀνδ-
ρων ἔργα πράττειν· ἀλλὰ
καὶ πορνεύειν ὡς ἂν βού-
λονται μὴ κωλύμεναι
παντελῶς ὑπὸ ἀνδρῶν
αὐτῶν ἢ ζηλουμέναι· αἱ
ὑπάρχουσαι καὶ πολε-
μικώταται καὶ θηρῶσαι
τὰ μὴ λίαν ἰσχυρώτατα
τῶν θηρίων· ἔρχουσι δὲ
καὶ τῶν ἰδίων ἀνδρῶν
καὶ κυριεύουσιν·

Ἐν δὲ Βρεττανίᾳ πλεί-
στοι ἄνδρες μιᾷ συγκα-
θεύδουσι γυναῖκί· καὶ
πολλὰι γυναῖκες ἐνὶ ἑται-
ρίζονται ἀνδρά, καὶ τὸ
παράνομον ὡς νόμον κα-
λὸν καὶ πατρῶον πράτ-
τουσιν ἀζήλωτον καὶ
ἀκώλυτον.

Ἀραζόνες δὲ ἄνδρες
οὐκ ἔχουσιν, ἀλλ' ὡς
τὰ ἄλογα ζῶα ἀπαξ
τοῦ ἐνικυτοῦ περὶ τὴν
ἐαρινὴν ἰσημερίαν ὑπε-
ρέβαιναι γίνονται, καὶ μιγ-
νόμεναι τοῖς γειτνιῶσιν
ἄνδρασιν, ὡς πανηγυρί-
τινι καὶ μεγάλην ἐορτὴν
τὸν καιρὸν ἐκείνον ἡγοῦν-
ται· ἐξ ὧν καὶ κατὰ
γαστέρος συλλαβῶσαι

ωрють и зижють хра-
мы и моужьскаѣ дѣла
творат; но и любы тво-
рити ꙗко хотать, не-
въздержими ѿ моужь
своих весма, ли зазрять.
В нихъ же соуть и
храбрыя жены ловити
звѣризѣлокрѣпки. Вла-
дѣють же и моужисвои-
ми и оудоблають имъ.

Въ Вретаниѣ же
мнози моужѣ съ еди-
ною женою спать, и
многы жены съ еди-
нѣмъ моужемъ похоти-
ствуютъ; и незаконни-
ѣко законъ оѣъ тво-
рають незавѣстно, ни
въздержимо.

Амазоняне же моужа
не имють, но акы
скоть бесловесныи
единою лѣтмъ къ веш-
нимъ днемъ оземьст-
вни боудут, и счата-
ются съ окрѣтыми
нихъ моужѣ: ꙗко нѣко-
торѣство и велико
праздньство время то
мнать. Ѿ нихъ же за-
ченъше въ чрвьѣ, пакы

орють, зижють хоромы,
мужьская дѣла творять;
но любы творять елико
хощеть, не въздерже-
ми отъ мужей своихъ
весма, ни зазрять. Въ
нихъ же суть храбрыя
жены ловити звѣрь
крѣпко. Владѣють же
жены мужи своими и
доблають ими ¹⁾).

Во Врѣтаниѣ же
мнози мужи съ единою
женою спять, и многы
жены съ единымъ му-
жемъ похотѣствуютъ;
безаконная — законъ
отець творять неза-
вѣстно, ни въздер-
жанъно.

Амазоняне же мужа
не имють, но акы скотъ
безсловесный единою
лѣтмъ къ вешнымъ
днемъ оземьственни ²⁾
будуть, и считаются съ
окрестными мужи: ꙗко
нѣкоторое имъ торжѣ-
ство и велико праздни-
ство время тѣмъ мнать.
Отъ нихъ зачешимъ
въ чрвьѣ, пакы разбѣг-
нутыя отсюду вси. Во

1) Оудобляти (= оудолѣти, оуделѣти) — Старославянск., соотвѣтствуетъ Греч. νικῶν, vincere, одолѣть, овладѣть.

2) Оземьственни — въ другихъ спискахъ: «единою лѣта въ врѣме весны отлучаются». Оземьственъ — υπέρριος, peregrinus. Оземьствовати значило изгнать: «Праклину боларину оурѣзавше носъ, а мѣри ѿго изыка, оземьствоваши».

<p>παιδιδρομοῦσιν οἷα καὶ παῖσαι· τῷ δὲ καὶ τῷ τῆς ἀποκρίσεως τὸ μὲν ἄρρεν φονεύουσι· τὸ δὲ θᾶλυ ζωογονοῦσι, καὶ ἐπιμελῶς ἐκτρέφουσιν.</p>	<p>разбѣгнууться ѿтоудѣ вси. Въ время же хо- тащымъ родити, аще родиться утроча, по- гоубать ꙗ, аще дѣвчскъ полъ, то пи- тають ꙗ.</p>	<p>время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубять; аще дѣвическъ полъ, то въздоять, прилежнѣ възпитають.</p>
---	---	---

Сказаніе Амартола о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ напечатано Строевымъ по списку библіотеки Толстова, отд. I, № 89, въ Трудахъ общества исторія и древностей Россійскихъ, ч. IV, кн. 1, въ статьѣ: «О Византійскомъ источникѣ Нестора», стр. 177—178; археографическою комиссіею—по двумъ спискамъ, по каждому отдѣльно, въ приложеніяхъ къ 1-му тому полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, стр. 241—242.

Шлецеръ полагалъ, что Несторъ перевелъ это сказаніе изъ Кедрина, писателя половины XI вѣка ¹⁾. Дѣйствительно, въ хроникѣ Кедрина находится описаніе быта разныхъ народовъ, слѣдующее также за извѣстіемъ о Врахманахъ ²⁾: но оно не представляетъ такого поразительнаго сходства съ нашею лѣтописью, какъ сообщаемое Амартоломъ. Такъ о бытѣ Халдеевъ и Вавилонянъ Кедринъ говоритъ только: ἑτερος νόμος Χαλδαίοις καὶ Βαβυλωνίοις ἀσελγείας ἀνάμεστος καὶ αἰσχρουργίας — «законы Халдеевъ и Вавилонянъ исполнены безстыдства и мерзости», и т. д. Самъ Шлецеръ чувствовалъ недостаточность хроники Кедрина для объясненія лѣтописнаго извѣстія и приводилъ еще свидѣтельства изъ Евсевія († 340) и Кесарія († 369), брата Григорія Богослова.

Второй отдѣлъ хроники Георгія Амартола посвященъ исторіи ветхозавѣтной. Основною повѣствованія служитъ Библія, но

1) Шлецера: Несторъ, Русскія лѣтописи. I, 232 и 236.

2) Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae. 1838. Georgius Cedrenus. Tomus prior. p. 269—270.

разсказъ Амартола во многомъ удаляется отъ библейскаго. Несходство между ними состоитъ въ извѣстіяхъ историческихъ, почерпнутыхъ Амартоломъ изъ другихъ источниковъ, въ различныхъ толкованіяхъ и сужденіяхъ и наконецъ въ томъ примѣненіи прошедшаго къ настоящему, которымъ обваруживается взглядъ Византійскаго лѣтописца. Добавленія историческія заимствованы частью изъ Іосифа Флавія, частью изъ книгъ апокрифическихъ. Къ числу прибавокъ послѣдняго рода принадлежатъ разсказы о Сивиллѣ, о врачебныхъ книгахъ Соломоновыхъ и т. п. Царица Саванская, говоритъ Амартоль, которая называется у Еллиновъ Сивиллою, желая испытать мудрость Соломона, представила ему нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, одинаково одѣтыхъ и причесанныхъ, и предложила узнать, кто изъ нихъ какого пола. Мудрый царь приказалъ всѣмъ имъ умыться, и по движеніямъ ихъ узналъ, къ какому полу они принадлежали: мальчики крѣпко терли свои лица, дѣвочки же — гораздо нѣжнѣе. Находчивость Соломона изумила царицу.

Къ историческимъ добавленіямъ въ хроникѣ Амартола относятся также извѣстія о времени жизни и поступкахъ замѣчательныхъ людей міра языческаго. Въ ней говорится о Прометѣѣ, Орфеѣ, Гомерѣ, Гезіодѣ, Ликургѣ, Эпаминондѣ; о древнихъ философахъ: Пивагорѣ, Анаксагорѣ, и особенно подробно — о Платонѣ и Аристотелѣ. О Платонѣ Амартоль отзывается съ большимъ уваженіемъ, именуя его «мужемъ, славнымъ въ Еллинахъ, премудрымъ Платономъ». По мнѣнію Амартола, мысли Платона отличаются возвышенностью и чистотою: онъ училъ, что душа бессмертна, будучи образомъ Божіимъ; что она должна властвовать надъ страстями. Совершенно другой взглядъ на вещи имѣлъ Аристотель, который возсталъ противъ своего великаго учителя Платона, не устыдясь его державныхъ словъ — «ни о словесѣхъ его державныхъ устыдѣса». Амартоль называетъ Аристотеля «блудникомъ», и приписываетъ ему весьма невыгодное вліяніе на народную нравственность.

Гдѣ всего виднѣе личность Амартола, это въ разсужденіяхъ,

замѣчаніяхъ и обращеніяхъ, которыя встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ его лѣтописи. Печальная судьба Моисея, умершаго у самыхъ предѣловъ обѣтованной земли, вызвала сочувствіе Амартола, посвятившаго выраженію своей скорби нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ. Отъ исторіи Моисея Амартоль часто обращается къ своему времени, для котораго видитъ въ ней примѣръ въ высшей степени поучительный. Назидательное значеніе ея подкрѣплено цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія.

«По селицѣ исправленіи мнозѣ — говоритъ Амартоль — и толюкою моудростию и трезвѣннѣмъ мало въздрѣмавъса, не оулоучи прошеннѣ; како мы, нже стопы таковыа добродѣтели или разоума не стажавъше, не воину бдѣти имамъ, и възрыдаемъ, и възплачемъ себе весма, и раби неключими быти мнимъ. Сего ради предъоутвержамъ Гѣ глаше: нгда вса повелѣнаа вамъ створите, тогда рцѣте яко неключими раби ксмъ, и нже бѣ намъ створити, створихомъ. И се вѣдыа, бжтвѣныи Исаия къ Гѣу рече: вса наша оправданнѣ, яко соукно раздрано предъ Тобою. Также и стѣпѣвецъ предобродѣтелиа Двѣдъ гла: рѣхъ Гѣви: Бѣ мой ксп ты, яко блгѣхъ моихъ не требоуши. Тѣмъ и оучитъ, гла: работайте Гѣи съ страхомъ и радоуютѣ кмоу с трепетомъ Слыши оубо, что глѣ прркъ, о добрыхъ размышлѣа: ѿ страха Твоего, Гѣ, въ чревѣ приахомъ, поболѣхомъ и родихомъ дѣхъ сѣниа; о скверныхъхъ: лица аспидова извергоша и кроспа паоуча ткоуть. О сихъ размышлѣающе, възлюблѣнии, с разоумомъ боремъса, яко и паче да не престанемъ, ѿ чѣнаго онаго и бѣчѣваго моужа разоумно възпоминающе» (л. 69 об.—70 об.).

Такое же изліяніе чувствъ и мыслей автора сопровождаетъ и многія другія повѣствованія.

Изъ разсматриваемаго отдѣла хроники заимствовано свѣдѣніе о раздѣленіи земли между потомками Ноя съ перечисленіемъ странъ трехъ частей свѣта. Соотвѣтствующее мѣсто изъ Амартола напечатано въ названной выше статьѣ Строева,

стр. 178—179, и при первомъ томѣ лѣтописей, стр. 239—240.

Сверхъ космографическаго очерка, источникомъ для лѣтописи представляется находящійся въ томъ же отдѣлѣ разсказъ о несчастивыхъ обычаяхъ Еллиновъ. Подробное изложеніе этого предмета у Амартола послужило, вѣроятно, основаніемъ для слѣдующаго краткаго извѣстія лѣтописи: «На 70 и единъ языкъ раздѣлишася, и разидошася по странамъ, и каждо своя норовы пріяша. По дьяволу ученью, ови рощенемъ, кладеземъ и рѣкамъ жряху, и не познаша Бога. Посемъ же дьяволъ въ большее прельщеніе вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзія мраморяны, а иные золаты и сребрены; клапяхуся имъ, и привожаху сыны своя и дщери, и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена. Началникъ бо бѣше кумиротворенью Серухъ, творяше бо кумиры во имяна мертвыхъ человѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другомъ храбрымъ, и волѣхвомъ, и женамъ прелюбодѣицамъ» (стр. 39). Начало злыхъ обычаевъ Амартолъ приписываетъ Серуху: «тѣ первѣи начать Юлиньскаго оученика; древлебывъшимъ храбромъ и гѣмономъ, ли створшимъ что мужьскою добродѣтелею и помнити достопѣ ихъже, — коумирными столпы почтисъ яко бѣи нѣмъ чтаху и жраху имъ, пеже яко члѣмъ мертвомъ бывъшемъ». Упомянувъ о Серухѣ, Амартолъ говоритъ, что люди замышленіемъ своимъ честь и славу Божию возложили на небо, и на солнце, и на луну, и на звѣзды; богами стали называть людей, пныхъ по смерти, другихъ еще при жизни. Не только на людей перенесли имя Божіе, но и на звѣрей и гадовъ и даже на камни и деревья. И если спрашиваютъ у поработенныхъ соблазномъ, почему они признаютъ богамъ умершихъ людей, то получаютъ въ отвѣтъ: потому называемъ ихъ богамъ, что они «человѣкомъ угодниці быша», а именно: Посейдонъ открылъ искусство мореплаванія, Аполлонъ — музыку, Аѳина — ткацкѣ, Артемидѣ — звѣриный ловъ, и т. п. Но въ такомъ случаѣ, возражаетъ Амартолъ, слѣдуетъ называть богамъ и другихъ изоб-

рѣтателей: Финикіянъ, Гомера, Зенона, и т. д. Ибо Финикіянѣ изобрѣли писмена, Гомеръ изобрѣлъ героическую поэзію, Зенонъ — діалектику, Кораксъ — реторику, Триптолемъ — пшеничное сѣмя, Ликургъ и Солонъ — законы.

По различію боговъ, далѣе говоритъ Амартолъ, и различныя жертвы приносятся имъ. Египтяне боготворятъ тельца и «волнатога козла, и тѣми жътери Диѡви жертвою приносятъ»; Ливійцы почитаютъ овцу; Индійцы въ Діовиса вѣрують и «съ притчею кмоу вино наричють», принося жертвы. «Инии же рѣкамъ и стоуденцемъ, паче же всѣхъ Югоуптане водоу почтоша, и ба нарекоша. Тѣмъ тольма преумножиса идолобѣсовъствіе во вса языкы, не точыю воломъ, и козломъ, и псомъ, и трепасткомъ оугажахоу, но и чесновиткоу и лоуку» (л. 41).

За библеискою исторіею слѣдуетъ краткое, отчасти составленное также по Библии, обозрѣніе царствованія Навуходоносоры и его преемниковъ, и царей Индійскихъ, Персидскихъ и другихъ, владѣвшихъ Вавилономъ. Въ нашу лѣтопись перешло изъ этого отдѣла хроники только извѣстіе о знаменіяхъ, являвшихся въ Іерусалимѣ при Антиохѣ († 174 до Р. Х.).

Хроника Амартола, по рукописи М. Д. Академіи, л. 128 об.

Антиохъ жъ ѡблада соущагъ градъ въ Югоуптѣ, и вса плѣни. Стмоу же граду живоущю всѣмъ миромъ.... ключиса по всемоу граду въскорѣ за днии ѿ явлатиса на въздоусѣ, на конихъ рипиюще, въ ѡружьи, златына ѡдежа пмоуще, и полци ѡбогмо бывающа, и ѡроужию двизаниа и златына красоты блистаниа всактымъ видомъ ѡблечены въ брѣна.

Лѣтопись. I, стр. 71.

Якоже древле при Антиохѣ въ Іерусалимѣ ключиса внезапно по всемоу граду за 40 дній являтися на въздухѣ на конихъ рипиющимъ, въ оружьи, златы имуща одежѣ, и полки обоамо являемы, и оружье двизающимся. Се же проявляше нахоженъе Антиохоу на Іерусалимѣ.

Сего ради молахоуся, да бл҃го боу-
детъ г҃лавлѣмонъ; г҃лавлѣкъ же про-
г҃лавлаше злоѣ пришествіѣ Антиш-
хово.

Исторія «Римскихъ царствъ» начинается Юліемъ Цезаремъ, котораго Амартоль называетъ падменнымъ и жестокимъ: «облада Ромьскыми скипетры съ мною гордынею и боукствою, тѣмъ и диктаторъ нарицашес, кже ксть сказанѣмо кдиновластець». Повѣствованіе заключается царствованіемъ Константина Великаго до принятія имъ христіанской вѣры; послѣднее изъ описываемыхъ событій есть крещеніе Константина, его матери и подданныхъ.

Римская исторія, излагаемая Амартоломъ, разсматриваетъ преимущественно церковныя событія, и потому скорѣе можетъ быть названа исторіею церкви во времена императоровъ, нежели политическою исторіею Римскаго царства. Объ Августѣ сказано только, что онъ покорилъ Египетъ, построилъ нѣсколько городовъ, и въ честь его одинъ изъ мѣсяцовъ названъ августомъ. Вслѣдъ за этимъ помѣщено весьма подробное извѣстіе о рожденіи Христа Спасителя. Послѣ весьма краткихъ замѣтокъ о Неронѣ слѣдуетъ пространное описаніе дѣйствій св. Петра, его состязаній съ Симономъ волхвомъ, и мученической кончины апостоловъ Петра и Павла. О Клавдіи замѣчено, что онъ царствовалъ послѣ Гая, умертвилъ убійцъ Гаевыхъ, и самъ отравленъ былъ женою. Затѣмъ помѣщено обширное разсужденіе о монашеской жизни, въ которомъ разсматриваются начало ея и значеніе, и опровергаются несправедливыя нападки ея противниковъ. Этотъ эпизодъ заслуживалъ особеннаго вниманія нашихъ книжниковъ, какъ можно судить потому, что онъ включаемъ былъ въ различные сборники особою статьею подъ заглавіемъ: «О Клавдіи црїи и о посничьскомъ бголюбивѣмъ жителствѣ, како и ѿкоудохъ бысть».

Въ числѣ историческихъ повѣствованій, внесенныхъ въ хронику, находятся слѣдующія: объ Авгарѣ, желавшемъ имѣть изображеніе Спасителя, о распятіи евангелиста Луки, о кончинѣ Іакова, брата Господня, и т. п. Подвиги мучениковъ, которыми такъ богатъ періодъ гоненій на христіанство, излагается съ особенною подробностью.

Событія другого рода, описываемыя Амартоломъ, суть большею частью различныя бѣдствія и необыкновенныя явленія природы. О Галіенѣ сказано въ хроникѣ, что онъ «наипервыя коньскыхъ чинъ оустави; пѣши бо болма въ Римьстѣмъ блѣху; оубьень же бы ѿ воинникъ», и эти скудныя извѣстія дополняются описаніемъ мора, поразившаго родъ человѣческой во времена Галіена. При немъ, говоритъ Амартолъ, Богъ послалъ гнѣвъ свой на всю вселенную. Изъ земли и изъ моря подымались заразительныя пары и дымъ, причинявшіе неисцѣлимые болѣзни. Народу гибло безъ числа, и всюду раздавались рыданія и вздохи; отъ множества умирающихъ, мертвецы оставались безъ погребенія; «ни оужикы, ни друугы, ни ивѣхъ кыхъ соу-сѣдъ пощадаше». Послѣ Тацита царствовали Провъ и Флоріанъ: «съ оубо Провъ, вредооумень створивъсѣ, оуби Флорыана. При томъ, дѣждю бывъшю, пшеница с водою смѣшенъ много спадѣ, ꙗкоже събравше соу-сѣкы великыя створиша. Также и при Аврипианѣ крѣхти сребрны испадоса». Выборъ подобныхъ предметовъ для описанія опредѣляетъ взглядъ Амартола на вещи, показываетъ, какимъ явленіямъ въ исторіи народовъ придавалъ онъ особенное значеніе.

Въ описаніи царствованія Домиціана главное мѣсто занимаетъ рассказъ о волхвѣ Аполлоніи Тіанскомъ, перешедшій и въ нашу лѣтопись (стр. 16—17). Онъ приводится и Строевымъ (стр. 179—181), и археографическою комиссіею (стр. 243—255). Въ статьѣ князя Оболенскаго: «О Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола» къ Славянскому переводу, Сербской редакціи, приложенъ Греческій текстъ по синодальной рукописи XII вѣка (стр. 79—81).

Въ лѣтописи вошло еще извѣстіе о звѣздѣ въ видѣ копья, являвшейся въ Іерусалимѣ при Неронѣ. У Амартола: «тѣмъ имъ (Іудеямъ) страшнаго показываше, хотаще быти имъ плѣненикъ проповѣдоуя . . . по семъ явиса звѣзда надъ градомъ образомъ копья». Въ лѣтописи: «по семъ же при Неронѣ пари въ томъ же Іерусалимѣ возсія звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженіе рати отъ Римлянъ» (стр. 71).

Другихъ заимствованій изъ этого отдѣла не замѣтно. Можно полагать, что свѣдѣнія о Римской исторіи, кое-гдѣ встрѣчающіяся въ разныхъ спискахъ, почерпнуты изъ хронографа Амартола. Вѣроятно, чтеніе хроники или другаго подобнаго ей произведенія дало возможность Русскому автору сдѣлать такое сравненіе своего князя съ Греческимъ императоромъ: «се есть новѣйшій Костянтинъ¹⁾ великаго Рима, иже крестивъ ся самъ и люди своя: тако и съ створи подобно ему» (стр. 56). Но развѣ только въ этомъ сравненіи и выразилось знакомство писавшаго о жизни и крещеніи Владимира съ Византійскими хронографами. Въ другихъ же обстоятельствахъ принятіе христіанской вѣры Константиномъ, по описанію Амартола, и св. Владимира, по описанію нашего лѣтописца, руководимаго домашнимъ источникомъ, представляетъ болѣе различія, нежели сходства, и послѣднее заключается въ самыхъ событіяхъ, а не въ ихъ изложеніи.

И Константинъ, и Владимиръ поражены болѣзнію предъ крещеніемъ, и исцѣляются отъ нея при совершеніи таинства; но болѣзни ихъ различны. Константинъ, какъ говоритъ Амартолъ, занемогъ жестокимъ недугомъ; напрасно обращался онъ и къ волхвамъ, и къ врачевнымъ пособіямъ. Жрецы предложили ему послѣднее средство: умертвить нѣсколькихъ дѣтей и искупаться въ ихъ теплой крови. Но видъ матерей тѣхъ младенцевъ, которые обречены были на жертву, тронулъ Константина. Онъ сказалъ: лучше умру отъ тяжелой болѣзни, нежели куплю вы-

1) Тоже сравненіе употребляетъ Григорій Турскій, говоря о крещеніи Хлодoveя (Chlodoveus): *Procedit novus Constantinus ad lavacrum, deleturus leprae veteris morbum, etc.*

здоровленіе цѣною крови невинныхъ дѣтей. Состраданіе его было награждено небеснымъ видѣніемъ: ему явились во снѣ апостолы Петръ и Павелъ, и сказали: призови Сильвестра; онъ укажетъ тебѣ источникъ, цѣлебный не только для тѣла, но и для души. Этимъ источникомъ была купѣль крещенія, изъ которой Константинъ вышелъ здоровымъ, оставя въ водѣ струпы, подобные рыбной чешуѣ. Совершенно иначе, какъ извѣстно, описаны въ нашей лѣтописи болѣзнь и исцѣленіе Владимира.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ описаніи крещенія народа Русскаго замѣтна самостоятельность нашего автора, не смотря на то, что ему весьма легко было подчиниться вліянію Византійца, описавшаго крещеніе Константина. Владимиръ подобно Константину былъ просвѣтителемъ своего народа, а потому при литературной обдѣлкѣ преданія о Владимирѣ удобно было воспользоваться Греческимъ повѣствованіемъ о царѣ, сдѣлавшемъ для своей земли тоже самое, что Владимиръ сдѣлалъ для Русской. Самый призывъ народа ко крещенію не одинаково переданъ Византійскимъ и Русскимъ авторами. Амартолъ говоритъ, что народъ, увидѣвъ чудесное исцѣленіе Константина, воскликнулъ: великъ Богъ христіанскій; мы всѣ теперь вѣруемъ въ него, и желаемъ креститься. Царь же сказалъ имъ: «члѣвѣска бо поудима, бжѣтвѣна же волна соутъ, ибо блгою волею и любовью чѣстимъ кѣсть. Тѣмъ не поужею, но соудомъ свободнымъ повелѣваемъ крѣпкимъ быти хотащимъ, а не страхомъ члѣвчѣмъ приводитиса къ Бжѣпп работѣ» и т. д. Въ нашей лѣтописи такимъ образомъ говорится о призваніи народа Русскаго ко крещенію: «Володимеръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, ли нищъ, ли работенъ, противенъ мнѣ да будетъ. Се слышавше, людѣ съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли» (стр. 50).

Въ повѣствованіи о временахъ христіанскихъ еще живѣе, нежели въ предъидущихъ отдѣлахъ хроники, обнаруживается религиозное направленіе. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартолъ при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго. Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій, упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны — описаніе ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣлъ распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя икопоборцами, изложены съ особенною подробностью и энергіею. Обличая ложность началъ, руководившихъ изступленными еретиками, Амартолъ расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Упрекъ ѣдкій Константину Копрониму выраженъ такою игрою словъ: «не бо бѣ *христианинъ*, но *хрсіанинъ* (ὁ χρυσός — золото) и хрѣсолатръ, сирѣчь златѣль и златоу слоужитель, или, истиннѣе и свойственнѣе рещи, идолослоужитель». Въ исторіи Константина Великаго описано весьма подробно препіе Сильвестра съ Жидами, которые были торжественно обличены и силою слова святаго мужа, и чудомъ, совершеннымъ въ присутствіи всего народа.

Такое же мѣсто, какъ подвиги Сильвестра при Константинѣ, занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими. Къ св. Макарію, говоритъ Амартолъ, пришелъ слѣпецъ, чтобы просить исцѣленія. Святаго не было на ту пору дома. Слѣпецъ въ уныніи, но съ живою вѣрою, просилъ привести его къ той стѣнѣ, у которой обыкновенно почиваетъ подвижникъ. Когда его привели туда, онъ взялъ немного «отъ сухаго бернѣя», копмъ смазана была стѣна, смѣшалъ его съ водою, помазалъ глаза, омылъ ихъ водою изъ источника, откуда пилъ воду св. Макарій, и глаза слѣпаго открылись: онъ возвратился домой безъ вожатаго. Не только люди, даже звѣри знали чудодѣйственную силу Макарія. Однажды гіена принесла дѣтей своихъ, слѣпыхъ, и бросила къ ногамъ Макарія; святой узналъ, что она

просила о прозрѣніи, и исцѣлилъ принесенныхъ отъ слѣпоты. Вскорѣ потомъ гѣна съ дѣтьми пришла опять къ святому, держа въ зубахъ овечью кожу, и положила ее у дверей, какъ знакъ благодарности.

Между сказаніями о чудесахъ и подвигахъ святыхъ, о соборахъ и еретикахъ, встрѣчаются извѣстія другаго рода; но они, хотя и кажутся отдѣльными повѣствованіями, въ сущности суть только дополненія къ предмету, на коемъ сосредоточивается вниманіе автора. Такъ, въ хроникѣ довольно подробно говорится о воспитаніи Аркадія и Гонорія, сыновей императора Θεодосія. При этомъ сообщается нѣсколько любопытныхъ случаевъ, показывающихъ отношеніе Арсенія, избранныя въ наставники, къ своимъ питомцамъ и взглядъ на воспитаніе Θεодосія, требовавшяго, чтобы наставникъ пользовался всѣми своими правами. Но весь этотъ разсказъ вошелъ въ хроникѣ какъ эпизодъ изъ жизни Арсенія: авторъ не держится даже хронологическаго порядка, говоритъ о судьбѣ Арсенія по смерти Θεодосія, и потомъ снова обращается къ царствованію Θεодосія. Воспитаніе будущихъ императоровъ, Аркадія и Гонорія, такъ же какъ и нѣкоторые обстоятельства изъ жизни Іоанна Златоуста и другихъ отцевъ церкви, принадлежать къ числу описаній, довольно живо изображающихъ Византійскій бытъ.

Но не изображеніе внутренняго быта было главною задачею Амартола: цѣль у него была, какъ мы видѣли и какъ самъ онъ говоритъ, совершенно другая. Изъ пропшесствій, стоящихъ повидимому внѣ этой цѣли, онъ избиралъ такія, которыя казались ему необыкновенными, чудесными. Такимъ образомъ лѣтопись его есть въ нѣкоторомъ смыслѣ лѣтопись чудесъ, изъ коихъ одни совершаются высшею силою посредствомъ избранниковъ Божіихъ, другія же виѣшнейю силою природы. Къ числу послѣднихъ принадлежать замѣтки, подобныя слѣдующимъ. При Константинѣ Великомъ въ «Камбанипстіи странѣ» было землетрясеніе, разрушившее 13 городовъ; и солнце исчезло въ третьемъ часу дня, такъ что звѣзды явились на небѣ. Въ «Мп-

литиннистѣи странѣ» собрались змѣи во множествѣ, пачали биться, пзбили другъ друга, и смрадъ отъ тѣлъ ихъ наполнилъ всю страну. При Юстипѣ Оракіянинѣ зловѣщая звѣзда являлась на небѣ въ теченіе 26 дней и почей, и было страшное землетрясеніе; «Помѣиинскыи же градъ Моусикъинскыи страны» разсѣлся пополамъ, и половина его провалилась въ землю; люди изъ подъ земли вzywали о помощи, но напрасно: ее невозможно было подать. И жена нѣкая пришла отъ Киликіи «гиганьтородяца», ростомъ на цѣлый локоть превосходявшія самаго высокаго человѣка.

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ Амартоль описывалъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ рассказываетъ о Фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. «Прииде ѿ запада члѣвъ пѣкыи, — говоритъ онъ — ходьць въ Константиинъ градъ, имѣе пса чрьмна и слѣпа, иже, повелѣваемъ ѿ ходца, творааше чюдеса прѣславна: прѣдстоищуу же народу, ходцоу въземлющуу ѿ многихъ прьстениъ златы, и сребрьшы, и мѣдны, и желѣзны, и все смѣшакъ и закрывакъ прьстию, и псоу повелѣвае, възымааше оусты и давааше комоуждо свои прьстень, такожде и златныкы различныхъ црѣи смѣшены подавааше на име. И къ симъ прѣдстоищуу народу мужи и жени въпрашакъ показовааше въ чрѣвѣ имоущенъ по законуу и безъ закона. и прелюбодѣк, и блуднице, и добровольныхъ, и милостивыхъ, и нерасоудниихъ, и немилостивыхъ, — съ истиною всѣхъ обличааше; тѣмже глѣахоу: доухъ пытливыи имать» и т. п.

Въ лѣтопись изъ послѣдняго отдѣла перешли въ сокращеніи извѣстія о чудныхъ явленіяхъ. У Амартола:

Лѣтопись. I, 71.

Априліа же мѣа течениѣ звѣздамъ бысть на въздоусѣ, и падающею на землю, иакоже видеши мнѣти кончинѣ быти. Абикъ же и соуша бы многа и гладъ великъ...

Посемъ же бысть при Костянинѣ иконоборци, сына Леонова, теченіе звѣздное бысть на небѣ, оторваху бо ся на землю, яко впадшимъ мнѣти кончину; тогда же

Въ Сиріи же бы̑ троусь и много падениѣ, ꙗкоже овѣмъ ѿ градовъ до конца низложеномъ быти, овѣмъ же ѿ полоу, овѣмъ же ѿ горъ на подлежащата мѣста равнаа съ стѣнами и съ храминами вынезачпоу прѣложеномъ безъ врѣда, ꙗко на пырищи двѣ. И земля Месопотоміискаа на г̑ пырища растрыгшисе, и друугаа израстьши бѣла и пѣсьнаа земля, изыде прѣславна ѿ срѣды сеѣ мьскъ, члѣчъскымъ гласомъ вѣщаѣ и провъзвѣщаѣ нашьствіѣ ꙗзыкомъ; еже и бы̑ помалѣ. (л. 345 об. — 346. Синод. пис.).

въздухъ възліяся по велику. Въ Сиріи же бысть трусь великъ; земли разсѣдшися трій поприщъ, изыде дивно изъ землѣ мѣска, челоувѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдаючи наитѣ ꙗзыка; еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю.

Другія извѣстія, о явленіи блистающаго при Юстиніанѣ и рожденіи ребенка съ рыбимъ хвостомъ при Маврикіи, см. въ статьѣ Строева, стр. 181, 4 и 5. Въ лѣтописи эти три извѣстія, и еще нѣкоторые другія, слѣдуютъ одно за другимъ (стр. 71), а въ рукописи они находятся въ разныхъ мѣстахъ, именно на л. 288, 293 и 345. Въ лѣтописи поставлены они рядомъ очевидно потому, что признаны однородными, а сопоставить ихъ лѣтописецъ могъ только при знакомствѣ со всею хроникой, а не съ однимъ какимъ-либо отрывкомъ или даже цѣлымъ отдѣломъ ея.

Какъ въ этомъ отдѣлѣ, такъ и въ другихъ отдѣлахъ хроники есть нѣсколько выраженій, сходныхъ съ лѣтописными. О Святославѣ сказано въ лѣтописи: «легко ходя аки пардусъ, войны мнози творяше» (стр. 27). Амартолъ говоритъ объ Александрѣ Македонскомъ: «скачѣ аки пардусъ съ многою силою на вѣсточныа страны». Въ лѣтописи о Святополкѣ: «прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой» (стр. 63). У Амартола о Домиціанѣ: «нелѣпою смѣртію и мерзвкою и скверною испроверже житѣе». Объ Юліанѣ: «прободевымъ кивотъ съ испроверже невѣдоущю ꙗмоу, кто и оуби», и др.

Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что иныя заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращенія и отчасти своими словами, другія же, пространныя, выписаны почти дословно. Источникомъ служилъ скорѣе Славянскій переводъ, нежели подлинникъ. По крайней мѣрѣ въ лѣтописи не замѣчается такихъ особенностей выраженія, которыя, уклоняясь отъ Славянскаго перевода, сходны были бы съ Греческимъ текстомъ, и которыя весьма обычны въ другихъ памятникахъ. Такъ извѣстно, что переводы Св. Писанія позднѣйшіе отлпаются отъ древнихъ большею и буквальною вѣрностью Греческому тексту. Но такой буквальной вѣрности въ лѣтописныхъ извлеченіяхъ изъ Амартола нѣтъ. Напротивъ, всякое отступленіе отъ подлинника въ лѣтописи объясняется такимъ же отступленіемъ и въ переводѣ. Именительные падежи: ἡ ἐκ προγόνων παιδεία τε καὶ εὐσεβεία — постановленіе предковъ и благочестіе — переведены и въ хронографѣ, и въ лѣтописи творительными: «иже (еже) отъ прадѣдъ *показаніемъ* и *благочестіемъ*». Причастіе κατεσθίουτες переведено изъяснительнымъ наклоненіемъ: *ядятъ*; неопредѣленное наклоненіе ἀποτελεῖν причастіемъ: *дѣюще*, и т. п. Различные списки переводовъ принадлежатъ къ двумъ разрядамъ: Болгарскому и Сербскому. Текстъ лѣтописи представляетъ болѣе сходства съ переводомъ Болгарской редакціи, нежели съ Сербскимъ. Въ этомъ можно удостовѣриться при сличеніи тѣхъ отрывковъ, которые помѣщены въ приложеніяхъ къ первому тому лѣтописей, въ двухъ колоннахъ: въ лѣвой — по Сербскому переводу, въ правой — по Болгарскому.

Хроникѣ Георгія Амартола назвалъ своимъ источникомъ самъ древній лѣтописецъ нашъ, сказавши однажды, передъ описаніемъ быта различныхъ народовъ: «глаголетъ *Георгій* въ лѣтописанъ». Лѣтописецъ не прибавляетъ прозвища *грининъ* или

другаго пояснительнаго слова, которое бы опредѣленно указывало, о какомъ Георгіи здѣсь упоминается. Такъ же точно подъ однимъ именемъ Георгія ссылались на Амартола и Византійскіе лѣтописцы, какъ на примѣръ Михаилъ Глика и другіе. А что Глика имѣлъ въ виду именно Георгія Амартола, доказываетъ сходство приводимаго имъ мѣста съ находящимся у Амартола.

Амарт. акад. л. 19—19 об.

Κατὰ δὲ τὸν Γεώργιον πρῶτος
ἐξεῦρεν ὁ Σηθ γράμματα Ἑβραϊκά,
καὶ τὰ σημεῖα τοῦ ἔρανος, καὶ τὰς
τροπὰς τῶν ἐνιαυτῶν καὶ τοὺς μῆνας
καὶ τὰς ἐβδομάδας, καὶ τοὺς ἄστρους
καὶ τοὺς πέντε πλανήταις ἐπέθηκεν
ὀνόματα, ὥστε γνωρίζεσθαι ¹⁾).

Сифъ же наипервѣе грамоту
Жидовскую (обрѣте) и премдрѣтъ,
и знаменія нбсьнага, и правы д
годиниы лѣтоу, и мѣи, недѣли; и
звѣздамъ створи имена и ѣ звѣздъ
блзньныхъ, да члвци знаютъ
ихъ точю.

Фабрицій искалъ этого мѣста у Георгія Сянкелла, но не нашель, замѣтивъ: «alius a Syncello, apud quem ista non regione» ²⁾). Иначе читается оно и у Георгія Кедрина.

Какъ Фабрицій источникомъ для Глика считалъ Сянкелла, такъ Шлецеръ для Нестора — Георгія Кедрина, не отрицая впрочемъ возможности открыть источникъ болѣе близкій къ нашей лѣтописи, нежели хроника Кедрина. Слова: «глаголетъ Георгій» казались Шлецеру позднѣйшимъ искаженіемъ надлежащаго чтенія: «глаголетъ Кесарій, братъ Григорія», хотя въ лѣтописи названъ не Григорій, а Георгій.

«Слова: *Кесарій, братъ великаго*, выпущены — говоритъ Шлецеръ — во всѣхъ Русскихъ спискахъ; почему нѣсколько лѣтъ вотьще я искалъ источника, считая всегда сочинителемъ *Георгія*. Впрочемъ кажется, что Несторъ бралъ болѣе пзъ *Кедрина*, который выписывалъ у *Кесарія*: по крайней мѣрѣ оставилъ онъ послѣднему всѣ астрологическія бредни». О космографіи, нахо-

1) Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae. 1836. Michael Glycas. стр. 228.

2) Codex pseudepigraphus veteris testamenti. I, стр. 147.

дящейся въ лѣтописи, Шлецеръ замѣчаетъ: «вѣроятно, что съ нѣкоторыми выпущеніями *Кедринъ* списывалъ *Синкелла*, а *Несторъ Кедрина*; но можетъ быть, кому нибудь удастся отыскать еще четвертаго или пятаго Византійскаго историка, съ которымъ Несторъ болѣе согласуется, нежели съ *Кедриномъ*» ¹⁾).

Въ 1813 г. Кругъ и Ермолаевъ открыли, что источникомъ для нашей лѣтописи служила хроника Георгія Амартола. Въ письмѣ Дивова къ графу Румянцову отъ 13 марта 1814 г. упоминается о рукописи XVI в., заключающей въ себѣ Славянскій переводъ Амартола.

Преосвященный Иннокентій, епископъ Пензенскій († 1819 г.), въ своемъ «Начертаніи церковной исторіи» называетъ въ числѣ писателей IX в. и Георгія Амартола: «*Георгій*—говоритъ онъ—по проименованію *грѣшникъ* (*ἁμαρτωλός*), по происхожденію Грекъ, по должности архимандритъ. Его *лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра до Михаила III*, составленное на основаніи пѣяснителей Св. Писанія и многихъ лѣтосчисленій, не столько богатое повѣствованіями, сколько разсужденіями о догматахъ вѣры, свидѣтельствами Св. отцевъ, было источникомъ для исторіи *Кедрина*, *Феофана*, *Глики*, и другихъ писателей. Достоинство его усугубляется тѣмъ наипаче, что оно служитъ ключемъ ко многимъ темнымъ и труднымъ мѣстамъ древнихъ писателей» ²⁾).

Въ 1819 году г. Строевъ узналъ древній Славянскій переводъ хронографа подъ заглавіемъ: «*Временникъ въпростѣ отъ различныхъ хронографъ и сказатель, собранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ монахомъ*». По мнѣнію Круга и другихъ ученыхъ, авторомъ Временника признанъ Византійскій лѣтописецъ Георгій Амартолъ. Г. Строевъ высказалъ это мнѣніе и подкрѣпилъ его выписками изъ хронографа въ статьѣ своей о Византійскомъ источникѣ Нестора, вышедшей въ 1828 году.

1) Несторъ, соч. *Шлецера*. I, стр. 236 и 14—15.

2) Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка; изд. 3-е. Отдѣленіе второе, стр. 21.—Первое изданіе вышло въ 1817 году.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Статья г. Снегирева: «Замѣчанія о Георгіѣ Амартолѣ» состоитъ преимущественно изъ описанія Славянскаго перевода хроники, находящагося въ библіотекѣ Московской духовной академіи. При описаніи обращено вниманіе на внѣшнюю форму рукописи и на нѣкоторыя выраженія. У Георгія Амартола читаемъ: «Коуръ (= Киръ) скоро посла *была* своего къ нему (Даніялу), да съ честью приведутъ н». Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «уже не вѣжду брата моего съ Черниговскими *былями*» п т. п. ¹⁾.

Со времени открытія Славянскаго перевода хроники Амартола утвердился взглядъ на нее какъ на одинъ изъ источниковъ нашей древней лѣтописи ²⁾. Если и у другихъ Византійскихъ хронистовъ встрѣчаются мѣста, находящіеся и у Нестора, и у Амартола, то это происходитъ отъ того, что изъ лѣтописи Амартола, какъ древнѣйшей, заимствовали весьма много послѣдующіе Византійскіе лѣтописцы: Кедринъ, Теофанъ, Глика и другіе ³⁾.

10. Сочиненіе Меоодія Патарскаго.

На Меоодія Патарскаго ссылается лѣтописецъ нашъ при разсказѣ о нашествіи Половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтописецъ, пришли изъ пустыни Естривской. Меоодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и «по сихъ 8 колѣнъ, къ кончинѣ вѣка» выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюряты Новгородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ «зайдуче луку моря», въ которыхъ вѣчный кликъ и говоръ, и люди сѣкутъ гору, «хотяще высѣчися». Это и сѣть люди, заключенные

1) Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть V. 1830, стр. 255—264. Ср. *Кедрина* (I, 240) о томъ же: ὁ δὲ Κύρος ἀκούσας ταῦτα ἔπεμψε πρὸς αὐτὸν τοὺς μεγιστάνας αὐτοῦ, ὅπως μετὰ τιμῆς ἀγάγῳσιν αὐτόν — Cyprius hoc audito principes suos ad Danielum mittit, qui eum honorifice adducerent.

2) О хроникѣ Амартола см. Ученыя записки Казанскаго университета. 1843, книжка II и III, стр. 111—133.

3) *Fabricii Bibliotheca Graeca*, ed. Harles. VII, 463 и XII, 30.

Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненія того же Меоодія. Таковъ ходъ разсказа во всѣхъ спискахъ лѣтописи кромѣ Лаврентьевскаго, въ которомъ между словами: «заклененія въ горѣ Александромъ Македонскимъ нечистыя человѣки» (стр. 100) и «се же хочу сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ» (стр. 107) вставлено поученіе Владимира Мономаха.

Упомянутый въ лѣтописи авторъ, Меоодій Патарскій былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ Малоазіатской области Ликіи, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ (который нѣкогда славился оракуломъ Аполлона, предсказывавшимъ ежегодно въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ), наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклиціана около 311 года¹⁾.

Сочиненія Меоодія пользовались большимъ уваженіемъ у послѣдующихъ писателей, начиная отъ блаженного Иеронима. Меоодій написалъ: Толкованія на книгу Бытія и на Пѣснь пѣсней; О воскресеніи мертвыхъ, противъ Оригена; Разговоръ о дѣвственности и цѣломудріи — Συμπόσιον τῶν δέκα παρθένων — въ подражаніе разговору Платона, какъ показываетъ самое названіе, и др. Не смотря на вычурность выраженія и темноту аллегорій, сужденія Меоодія признаются здравыми, чуждыми погрѣшностей, замѣчаемыхъ у многихъ древнихъ писателей, преимущественно въ ученіи объ ангелахъ хранителяхъ, о перво-родномъ грѣхѣ и о другихъ подобныхъ предметахъ²⁾.—Авторъ начертанія церковной исторіи сообщаетъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о сочиненіяхъ Меоодія. Вотъ слова его: «*Меоодій, сперва въ Олимпѣ, что въ Ликіи, потомъ въ Тирѣ епископъ и около 303 года мученикъ. По Епифанію, мужъ словесный. и сильный поборникъ истины. Съ ясностію и чистотою написалъ оя о воскресеніи противъ Оригена, о свободномъ произволеніи, о*

1) *Fabricii Bibliotheca Graeca*. T. VII. 1801, стр. 260—272.

2) *Nouvelle bibliothèque des auteurs ecclésiastiques*, par. L. Ellies du Pin. 1690. T. I, стр. 195—200.

составленномъ и нѣсколько книгъ противъ Порфирія. Сіи впрочемъ творенія его остались только въ извлеченіяхъ Епифанія, Дамаскина и Фотія. Но *бесѣда о чистотѣ, слово о Симеонѣ и Аннѣ*, или на день срътенія, *слово о мученикахъ и о недѣлю Вайи* пощажены временемъ, и, по строгомъ изслѣдованіи, большею частію относятся къ его сочиненіямъ, кромѣ послѣдняго: хотя впрочемъ и на сіе изслѣдователи не даютъ рѣшительнаго мнѣнія, колеблясь между симъ писателемъ и Златоустомъ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ именемъ Меѳодія Патарскаго означаетъ сборникъ различнаго рода предсказаній: *περί τῶν ἀπὸ συστάσεως κόσμου συμβάντων, καὶ τῶν μελλόντων συμβαίνειν εἰς τὸ ἔξῃς*, — по заглавію Славянскаго перевода: «слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ». Въ Словѣ говорится объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая; объ убіеніи Капномъ Авеля, надъ которымъ Адамъ и Ева плакали будто бы сто лѣтъ; о потопѣ и столпотвореніи Вавилонскомъ; о разселеніи и завоеваніяхъ потомковъ Агари; объ освобожденіи Израильтянъ отъ ига Агарянъ Гедеономъ; о подвигахъ Александра Македонскаго, о заключеніи имъ нечистаго племени въ горахъ; о бѣдствіяхъ Христіанъ отъ Турковъ, и наконецъ объ антихристѣ и концинѣ міра.

Предсказанія обыкновенно издаваемы были въ Латинскомъ переводѣ; въ подлинникѣ же напечатаны они въ Базельскомъ изданіи, которымъ мы и пользуемся. Въ переводѣ подлинникъ передается не буквально, а *per periphrasin*, что происходитъ, какъ кажется, не отъ желанія переводчика передавать по своему мысли оригинала, а отъ того, что самый подлинникъ имѣлъ первоначально другой видъ, а не тотъ, который находимъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ.

Славянскій переводъ извѣстенъ въ нѣсколькихъ спискахъ, повидимому составляющихъ два разряда. Къ первому принадлежатъ списки близкіе къ подлиннику, сохраняющіе его порядокъ въ изложеніи предметовъ, съ нѣкоторыми выпусками. Таковы:

1) Начертаніе церковной исторіи. I, стр. 139—140.

Синодальный, № 38, отрывки изъ котораго приведены Карамзинымъ въ 64 примѣчаніи ко 2-му тому исторіи и Чертковымъ въ Русскомъ историческомъ сборникѣ, Т. VI, стр. 154—156; Синодальный № 682, по которому предлагаемъ мѣсто, заимствованное лѣтописцемъ; Публичной Библіотеки Отд. I, № 60, по описанію же рукописей Толстова, составленному Строевымъ Отд. III, № 56, и т. п. Заглавіе ихъ большею частію такое: «Слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ и извѣстно сказаніе отъ прѣваго человѣка до скопчанія вѣка». Второй разрядъ составляютъ списки, значительно уклоняющіеся отъ подлинника, со многими пропусками и вставками, отчасти изъ книгъ апокрифическихъ и другихъ, отчасти изъ Византійскихъ преданій. Сюда относятся: списокъ, находящійся въ сборникѣ Публичной Библіотеки, 1602 г., Отд. XVII, № 82, по печати же описан. библ. Толстова — Отд. II, № 229, 8, съ заглавіемъ: «Слово св. отца нашего Меодія епископа о (отъ) созданія Адамля и о второмъ пришествіи, и о Михайловѣ царствѣ, и о антихристѣ»; списки въ сборникахъ Троицко-Сергіевой Лавры, и другіе.

Славянскій переводъ по всей вѣроятности сдѣланъ съ Греческаго текста, а не съ Латинскаго. Такъ можно полагать уже по самому началу, одинаковому въ различныхъ спискахъ и сходному съ началомъ Греческаго текста. Въ началѣ его читаемъ: ἐξελθόντες ὅτε Ἀδάμ καὶ ἡ Εὕα ἡ γυνὴ αὐτοῦ ἐκ τοῦ παραδείσου, παρθένοι ἐτύγγον; Славянскій переводъ пачинается такъ: «Егда пзыдоста изъ рая Адамъ и Ева дѣвственна бѣста» или «вѣдомо буди, яко дѣвою бѣ Адамъ и Ева», и т. д. Въ Латинскомъ же переводѣ объ этомъ упоминается уже въ третьей главѣ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чтеніе Славянскаго перевода ближе къ Латинскому, нежели къ Греческому, что зависить опять отъ того же, что текстъ подлинника, изданный въ XVI вѣкѣ, представляетъ нѣкоторыя позднѣйшія измѣненія сравнительно съ древнимъ спискомъ, служившимъ образцомъ для Славянскаго переводчика, а можетъ быть, и для Латинскаго.

Изъ «Слова о царствѣ языкъ» заимствованы въ лѣтописи

пзвѣстія, означенныя именемъ Меоодія. Предлагаемъ, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ обоихъ переводахъ, тѣ мѣста пзъ сочиненія Меоодія Патарскаго, которыя послужили основаніемъ для лѣтописныхъ пзвѣстій:

Monumenta S. Patrum orthodoxographa.
Basileae. 1569.

Рукопись Синодальной би-
бліотеки № 682.

Стран. 94—95. (Αλέ-
ξανδρος) ἀνῆλθεν ἕως τῆς
θαλάσσης τῆς ἐπονομα-
ζομένης Ἑλίου χώρα
ἐνθα ἑώρακεν ἔθνη ἀκά-
θαρτα. καὶ εἶδεν ἐκεῖ τῶν
υἱῶν Ἰάφεθ ἀπογόνους
ἐσθίωντας ἀκάθαρτα.
μυσαρᾶ καὶ βδελύγματα.
καὶ κώνωπας καὶ μύας
καὶ ὄφεις. καὶ νεκρῶν
σάρκας, ἐκτρώματα, ἔμ-
βρυα, καὶ οὐ μόνον ταῦτα,
ἀλλὰ πᾶν εἶδος θηρίου
ἀκαθάρτου. τοὺς νεκροὺς
οὐκ ἔθαπτον, ἀλλὰ οἱ
πλείους ἥσθιον αὐτοῦς.
ταῦτα δὴ εἰ ὁ Ἀλέξανδ-
ρος ἑλλην ἦν, πῶς ὁ θεὸς
αὐτοῦ εἰσήκουσεν. πάντα
συναθροίσας ὁ Αλέξαν-
δρος διὰ τὰ ὑπ' αὐτῶν
ἐναγῶς καὶ μυσαρῶς
γινόμενα βδελύγματα.
φοβηθεὶς μή πως ἀφεί-
σει ἐν τῇ γῇ τῇ ἀγίῳ
καὶ μίανωσιν αὐτήν, ἐκ
τῶν μυσαρῶν αὐτῶν
ἐπιτηδεύμάτων, ἐδεδήθη
τοῦ Θεοῦ ἐκτενῶς καὶ
ὑποστάξῃ αὐτοῦ, ἥγαγε

Сmp. 104—105 ...et
descendit usque ad mare
quod vocatur Regio so-
lis, ubi conspexit gentes
immundas et aspectu
horribiles. Sunt autem
ex filiis Japhet nepotes,
quorum immundiciem
videns exhorruit, come-
debant enim hi omnem
canticorum speciem,
omne coinquinabile, id
est, canes, mures, ser-
pentes, morticinorum
carnes, abortiva, infir-
mabilia corpora, et ea
quae in alvo nondum
per lineamenta coagu-
lata sunt, vel ex aliqua
parte membrorum pro-
ducta. Compago formam
figmenti possit perficere,
formam vel figuram ex-
primere jumentorum,
nec non etiam et omnem
speciem ferarum immun-
darum, mortuos autem
nequaquam sepeliunt,
sed saepe comedunt il-
los. Haec vero universa
contemplatus Alexander

Л. 288—289 об.
Сеп... сниде до мора,
нарицаемаго слнѣчнаа
страна, идѣже видѣ не-
чистыя языки и сквер-
ны, снѣве же снѣвъ Іа-
фетовѣх и вноуци его,
гноушахоуса их, ихже
нечистотоу видѣвъ
Алѣсандрѣ. Іадахоу бо
всак нечистын вид и
прочаа животнаа, мер-
скаѣ же и сквернаа: ко-
мара, и мѣхы, и зміа,
и мртвы плотн, пзво-
рогы младыхъ, единаче
не до конца сверше-
ныхъ или образѣ сво-
емѣ имоущихъ за свер-
шено знаменіе, и не
токмо же скѣскыа, но
и вса виды звѣрен не-
чистыхъ. Мертвеца же
не погребашѣ, но и тѣхъ
тадахоу. Сѣа вса видѣвъ
Алѣсандрѣ ѿ нихъ не-
подобнѣ и мерзѣцѣ
дѣема, и оубога, да
не когда нападоут на
землю сѣую, и осквер-
нат ю мерскыи сво-

πάντας αὐτοὺς, καὶ τὰς
γυναικας αὐτῶν, καὶ τὰ
τέκνα αὐτοῦ. καὶ πάσας
τὰς παρεμβολὰς αὐτῶν.
καὶ ἐξήγεγεν αὐτοὺς ἐκ
τῆς γῆς αὐτῶν. καὶ κα-
τεδιώξεν ὀπίσω αὐτῶν,
ἕως οὗ εἰσῆχθησαν ἐν
τοῖς περάσι τοῦ βορρᾶ.
καὶ οὐκ ἔστιν οὔτε εἴσο-
δος, οὔτε ἔξοδος, ἀπὸ
ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν.
δι' ἧς δυνήσεται τις περᾶ-
σαι ἢ ἡσελεῖν. αὐθις
οὖν παρεκάλεισε τὸν θεὸν
ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ὑπῆ-
κουσε τῆς δεήσεως αὐτοῦ.
καὶ προσέταξε κύριος ὁ
θεὸς δύο ὄρους ὧν οὐ
προσηγορία μᾶζοι τοῦ
βορρᾶ. καὶ ἐπλησίασαν
ἄχρι πηχῶν δεκαδύο.
καὶ κατεσκεύασε πύλας
χαλκὰς, καὶ ἐπέχρισεν
αὐτοὺς ἀσύγχυτον. ἵνα
ἐὰν βούλωνται ἀνοίξαι
ἐν σιδήρῳ, μὴ δυνήθωσι
ἢ διαλύσαι αὐτάς πυρὶ.
ἢ γὰρ φύσις τοῦ ἀσυγ-
χύτου. οὐδὲ σιδήρου
ὕφισταται κατὰ λυσιν,
οὐδὲ πυρὸς διαλύσιν. . . .
ἐν δε ταῖς ἐοχάταις ἡμέ-
ραις τῆς συντελείας τοῦ
κόσμου, ἐξελεύσεται Γῶγ
καὶ Μαγῶγ. οἱ τινες εἰσὶν

Magnus, ab eis immu-
diter et sceleriter fieri,
timens, ne quando exi-
lientes in terram sanc-
tam et illam contami-
nent a pollutionibus et
iniquissimis affectioni-
bus, deprecatus est Do-
minum Deum, ut con-
jungeret montes, et prae-
cipiens congregavit eos,
omnesque mulieres eo-
rum et filios et omnia
scilicet castra eorum, et
eduxit eos de terra
Orientali, et conclusit,
minans eos donec in-
troissent in finibus aqui-
lonis, et non est introitus
nec exitus ab oriente
usque in occidentem,
per quem aliquis possit
ad eos transire vel ipse
exire. Continuo ergo
supplicatus est Domi-
num Deum Alexander,
et exaudivit ejus obse-
crationes, et praecepit
Dominus Deus duobus
montibus quibus est vo-
cabulum Ubra aquilo-
nis, et adjuncti proxi-
maverunt ad invicem
usque ad duodecim cu-
bitos, et construxit por-
tas aereas inter illas, et

ими начинами. Помо-
лѣс Александръ БГѢ
прилѣжно, и собра всѣхъ
ихъ, и женъ и чадъ ихъ,
и, спроста реши, вса
полкы ихъ, и изведе ихъ
ѿ вѣстока, и погнавъ
слѣдъ ихъ до предѣлъ сѣ-
верныхъ. Имже нѣ по-
хода ѿ вѣстока до за-
пада, за еже не пренти
никимъ ѿ нихъ: понеже
бѣ Александръ помо-
лѣвса БГѢ, и оуслы-
шавъ его, повелѣ ГѢ
БГѢ двѣма горама,
имаже имена Мазивора¹⁾, и приближа-
стася дрѣгъ дрѣгоу ꙗко
лактія бѣ и сотвори
врата мѣдна, и помаза
ихъ асингитомъ, ꙗко да
аще помыслатъ ѿврести
желѣзомъ не възмо-
гоутъ; (аще ли растопити
огнемъ, то и тако не
возмогѣтъ); но абие ѿ
нихъ огонь оугаснетъ.
Ество же асингитово
ни желѣзнаго расщече-
нія боится, ни огненаго
растопления. . . . В по-
слѣдѣннаа дни и времена
ихъ изыдоутъ на землю
ИлѣвѢ ѿ странъ сѣ-
верныхъ Гогъ и Магогъ,

1) Мазивора — удержано Греческое название μᾶζοι βορρᾶ — ubera aquilonis, отъ ὁ μᾶζος — сосецъ и ὁ βορρᾶς, родъ βορρᾶ — бореи, сѣверъ.

ἔθνη καὶ βασιλεῖς, οὓς
καθεῖρξεν Ἀλέξανδρος ἐν
τοῖς περάσι τοῦ βορρᾶ.

Cmp. 98.τότε
ἀνοιχθήσονται αἱ πύλαι
τοῦ βασιλέως καὶ ἐξελεύ-
σονται αἱ δυνάμεις αἱ
οὔσαι καθειργμέναι ἔσω-
θεν.... τὰ γὰρ ἐξερχό-
μενα ἔθνη ἐκ τοῦ βορρᾶ
ἐσθίουσι σάρκας ἀνθρώ-
πων, καὶ πίνουσιν αἷμα
θηρίων, καὶ πᾶν ἀκάθαρ-
τον αἰσθίουσιν. ὄφεις καὶ
σκορπίους καὶ πάντα τὰ
μυσαρὰ καὶ βδελυκτά.
θηρία καὶ ἑρπετὰ ἔρποντα
ἐπὶ τῆς γῆς. τάτε κτη-
νώδη καὶ τὰ νεκρά σώ-
ματα, καὶ τὰ ἐκτρώματα
τῶν γυναικῶν, σφάζουσι
νήπια, καὶ πρᾶχῶσουσι
ταῖς μητράσιν αὐτῶν,
καὶ ἐψίσουσι τὰ κρέη αὐ-
τῶν....

superinduxit eas Assu-
rim, ut si voluerint eas
patefacere cum ferro,
ut non possint aut dis-
solvere per ignem, nec
valeant utrumque, sed
statim ignis omnis in-
stinguitur. Talis est enim
natura Assurim, quia ne-
que ignis suscipit reso-
lutionem.... In novis-
simo die consummatio-
nis mundi exiet Gog et
Magog.... Hi.... reges
consistunt reclusi intrin-
secus portarum....

Cmp. 112.tunc
reserabuntur portae
aquilonis et ingredien-
tur virtutes gentium
illarum, quas conclusit
intus Alexander Mag-
nus.... Gentes namque
qui exient ab Aquilone,
comedent carnes homi-
num, et bibent sangui-
nem bestiarum sicut
aquam, et comedent
immunda: serpentes,
scorpiones et universa
abominabilia et horri-
bilia bestiarum, et rep-
tilia qui reptant super
terram, jumentorum
etiam et corpora mor-
tuum, et abortiva mu-
lierum, et necabunt pue-
ros et largientur eos
matribus suis ut come-
dant eos....

и пр. Сіа прѣтвіи затво-
рени быша вноутрь
врат, аже постави Але-
ксандръ прѣ.

.I. 299. О затворе-
ныхъ Татарехъ. Тогда
ѡврѣзѣтсѣ врата сѣ-
вернаа, и пзыдѣт силы
язычскія, ꙗже баху
затворени вноутрьоу-
доу.... Языци бо ис-
ходящии ѡ сѣвера снѣ-
дат плоти члѣвскія, и
пїют кровь звѣремъ, ꙗко
воду, и снѣдат нечп-
стаа: и змїа, и скоро-
піа, и вса мерзѣскія и
гноусныа звѣра, и гады
ползоущаа по земли,
скѡскія же мртвеца и
изворогы женѣскія; и
заколют младенца и
дадат ихъ мѣтремъ ихъ,
и снѣдат ихъ....

Приведенное сказаніе передается въ лѣтописи слѣдующимъ образомъ: «Яко же сказаетъ Меѳодій Патарійскій: и взиде на восточныя страны до моря, нариченное Солнце мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечпстыя, отъ племени Афетова, ихъ же нечистоту видѣхъ; ядяху скверпу всяку: комары и мухы, котки, змѣи; и мертвецъ не погребяху, но ядяху, и женскыя пзворогы, и скоты вся нечпстыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя стравы въ горы высокіи; и, Богу повелѣвшю, ступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть. И ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотятъ огнемъ взяти, не възмогутъ и жеци; вещь бо сунклитова спца есть: ни огонь можетъ вжечи его, ни желѣзо его приметь. Въ послѣднія же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Етривъскыя, изидуть и сп скверніи языки, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божію» (стр. 107). Нѣсколько выше, говоря о восьми колѣнахъ, лѣтописецъ приводитъ также слова Меѳодія Патарскаго: «Меѳодій же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 исѣче» (стр. 99). У Меѳодія читаемъ: «Гедеонъ съсѣче плѣкы ихъ, и ѿгна ихъ ѿ вѣселенныа въ поустьна Еѳривъскѣѣ (εις τὸ ἔθριβον), из неж же бѣхѣ, и оставше ѿ колѣнъ, изыдошѣ въ поустьна вѣнатрънѣѣ».

Сочиненіе Меѳодія Патарскаго, послужившее однимъ изъ источниковъ для нашей лѣтописи, долгое время считалось несомнѣнно принадлежащимъ автору, именемъ котораго оно обозначается какъ въ Греческихъ, такъ и въ Славянскихъ памятникахъ. Подлинникъ имѣетъ заглавіе: τοῦ ἁγίου Μεθοδίου Πατράρχου ἐπισκόπου и т. д.; въ древнихъ Славянскихъ переводахъ сочиненіе Меѳодія называется «Словомъ св. отца нашего Меѳодія, епископа Патарскаго». Несторъ называетъ Меѳодія — «Меѳодій Патарійскій», а позднѣйшій лѣтописецъ — «Меѳодій,

епископъ Патаромскій» (стр. 216). Въ старинныхъ мшеяхъ, изданныхъ въ Венеціи, восхваляется Меоодій Патарскій, какъ авторъ слова, заключающаго въ себѣ великія предсказанія: «hic plane admirabilis Dei sacerdos et martyr libros nobis abs se laboratos, omni refertos scientia ac utilissimos reliquit. Quin et de futuris clarissime vaticinatus est, summaque praedixit perspicuitate: regnorum scilicet utrinque mutationes, gentium excursiones, locorum ac provinciarum vastationes, orthodoxos item reges et haereticos mundique consummationes et antichristum, ejusque regnum et mundi destructionem, ac omnis humanae carnis interitum; haec inquam omnia vir eximius clarissime vaticinatus est» ¹⁾).

Подъ именемъ Меоодія Патарскаго предсказанія помѣщались и въ «ббліотекахъ отцевъ», но издатели допускали это имя только по преданію, ссылаясь на прежнія изданія. Уже въ XVII столѣтіи сомнѣвались въ справедливости преданія, и это сомнѣніе скоро перешло въ рѣшительное отрицаніе. Ученые, единодушно отвергая принадлежность сочиненія Меоодію Патарскому, приписываютъ оное другимъ писателямъ этого имени, указывая то на Меоодія исповѣдника, то на Меоодія патріарха, жившаго въ XIII столѣтіи. Первый получалъ названіе исповѣдника за свою ревность въ защищеніи иконопочитанія, и въ послѣдніе годы своей жизни былъ патріархомъ Константинопольскимъ († 846). Въ одномъ изъ списковъ авторомъ названъ именно «святой Меоодій патріархъ»: τῷ ἁγίῳ Μεθοδίου πατριάρχῳ περὶ τῶν ἀπὸ συστάσεως κόσμου συμβάντων καὶ τῶν μελλόντων συμβαίνειν εἰς τὸ ἔξῃς ²⁾. Другой Меоодій—Methodius junior—бывшій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ патріархомъ въ Константинополѣ въ 1240 году, не могъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ³⁾, быть авторомъ слова уже и по тому одному, что оно извѣстно было Русскому писателю болѣе древнему, жившему въ XI—XII в.

1) Maxima bibliotheca veterum patrum. Lugduni. 1677, стр. 673.

2) Fabricii Bibliotheca graeca. VII. 273—274.

3) Scriptorum ecclesiasticorum historia litteraria, autore G. Cave. Oxonii. 1740. T. I, стр. 153.

Сверхъ сборника предсказаній, извѣстны въ Славянскомъ переводѣ и другія сочиненія Меодія Патарскаго. Древнѣйшимъ переводчикомъ Меодія считаютъ Русскаго митрополита Никифора († 1121), автора замѣчательныхъ посланій къ Владимиру Мономаху ¹⁾.

11. Договоры русскихъ князей съ греками.

По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ (стр. 13); подъ 912 г. — другой договоръ Олега съ тѣми же царями (стр. 13—16); подъ 945 г. — договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его, Константиномъ и Стефаномъ (стр. 19—23); подъ 971 г. — договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ (стр. 31).

Договоры состоятъ изъ статей, болѣею частію переведенныхъ съ Греческаго. Они были предметомъ нѣсколькихъ специальныхъ изслѣдованій ²⁾, опредѣлившихъ до нѣкоторой степени и отношеніе договоровъ къ лѣтописи, въ которую внесены они, какъ замѣчательные памятники нашей старины.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтописца, а въ цѣли заимствованій — искусство его, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе всего вносимаго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ Русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычай-

1) Памятники Русской словесности XII вѣка, стр. 156. — Русскія достопамятности. I, стр. 59.

2) Историческія чтенія 2 отд. Академіи, 1852—1853 г., стр. 7—31. Извѣстія Академіи, т. III, стр. 257—295. — О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. *Н. Лавровскаго*. 1853 г.

ности пуждались въ объясненіи для людей мыслящихъ, не вовсе равнодушныхъ къ причинамъ событій.

Между источниками первое мѣсто занимаютъ книги Св. Писанія, главнѣйшій и необходимый источникъ вѣрованій и убѣжденій всякаго христіанскаго общества и его органа — писателя. Затѣмъ самъ собою представлялся вниманію лѣтописца произведенія его соотечественниковъ, родныя ему по слову и по духу. Въ связи съ памятниками Русскими находятся памятники литературы Византійской, черезъ посредство которой Русское общество ознакомилось съ идеями христіанскими. Нравственная связь Византіи съ древнею Россіею имѣла такую силу, что Русскому писателю весьма естественно было искать у Византійцевъ объясненія событій, не вполне объяснимыхъ помощью однихъ домашнихъ источниковъ.

Въ способѣ пользоваться источниками, какъ отечественными, такъ и иностранными, замѣтно единство, однаковость пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ свидѣтельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а приводитъ изъ него извлеченіе, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія.

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіяся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанію самостоятельному.

IV.

Самостоятельная часть древней лѣтописи.

Особенности древней лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи — въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во-вторыхъ, въ способѣ сообщенія

данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Упоминаніе однихъ происшествій и опущеніе другихъ, большее или меньшее сочувствіе при передачѣ событій, случайность или обдуманность въ приведеніи извѣстій, и т. п. — вотъ предметы, разсмотрѣніе конхъ знакомитъ съ отличительными свойствами литературнаго труда. Разнообразіе подобныхъ предметовъ приводится къ двумъ главнымъ отдѣламъ — къ обзорѣнію того, *что* и *какъ* передано потомству писателемъ. Этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы будемъ держаться и въ разсмотрѣніи лѣтописи, какъ самостоятельнаго памятника нашей древней словесности.

Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: «се повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла *Руская земля*, и кто въ ней поча первое княжити». Такъ читается начало лѣтописи въ большей части списковъ. Судьба Русской земли раскрывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Передъ изложеніемъ происшествій собственно Русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ Русскому народу Славянахъ: Моравахъ, Чехахъ, Сербяхъ и другихъ; затѣмъ — о племенахъ, вошедшихъ уже въ Несторово время въ составъ народа Русскаго: Полянахъ, Древлянахъ, Новгородцахъ, и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго Русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою Русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большею точностью, безъ всякихъ украшеній, съ коими являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ. Несторъ, называя положительно мѣста поселенія княжескаго рода, объясняетъ даже имя народа, давашаго Русской землѣ князей: «идоша за море къ Варягомъ къ Руси: сие бо ся зваху тѣ Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свее, друзіи же Урмане, Анъглыне, друзіи Гъте, тако и си. И избрашася 3 братя съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Тру-

ворь. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни» (стр. 8—9). Въ этихъ словахъ передано только то, что прямо идетъ къ дѣлу, и что въ высшей степени достоверно.

Извѣстія о послѣдующихъ князьяхъ сообщаются такъ же съ точностію, которая возрастаетъ по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его *походы*: двигаясь къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ—Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностію, причемъ приведенъ и пространный договоръ съ Греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на Грековъ и договорѣ съ ними и о войнѣ Игоря съ Древлянами. Вся исторія Святослава есть *исторія походовъ* на Козаръ, Ясовъ, Печенѣговъ, Грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава описываются *междоусобія* сыновей его: Ярополка, Олега, Владимира. Большая часть извѣстій о княженіи Ярослава состоитъ изъ описаній: *войны* этого князя съ Святополкомъ и съ Ляхами и Печенѣгами, призванными Святополкомъ; *борьбы* Ярослава съ Брячиславомъ, внукомъ Владимировымъ, и Мстиславомъ; *единоборства* Мстислава съ княземъ Касожскимъ; походы Ярослава на Ятвяговъ, Литву, Мазовшанъ, и т. п.

Подъ 1061 годомъ упоминается впервые о *нашествіи Половцевъ* на Русь; подъ 1067 г. говорится весьма подробно о *набѣгахъ Половецкихъ*, и приводится поученіе Феодосія, объясняющее причину несчастія, постигшаго Русскую землю. Начиная съ 1061 года и по 1110 г., почти при половинѣ годовъ находятся извѣстія о *Половцахъ*, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщенные подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описаніе несчастныхъ слѣдствій борьбы съ непріятелями идетъ рядомъ съ описаніемъ *раздоровъ княжескихъ*, которыхъ самая полная, вѣрная и печальная картина представлена въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая дѣйствительность, лѣтопись Нестора была бы самою грустною повѣстью, если бы не передавала другой, свѣтлой стороны въ жизни того времени. Эта свѣтлая сторона — вѣра, двигавшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и лучшей части его современниковъ. Самыя бѣдствія получали другой смыслъ въ воззрѣніи религіозномъ. Страданія, понесенныя во имя вѣры, представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а побѣдою духа надъ силою внѣшнею, залогомъ будущаго блаженства. Примѣры подвиговъ вѣры дѣйствуютъ благотворно, а потому описаніе ихъ не могло не имѣть высокаго значенія для лѣтописца, не могло не найти мѣста въ его трудѣ, посвященномъ замѣчательнымъ событіямъ родины.

Разсказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи съ сказаніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной *подвижниками* противъ враговъ ихъ душевнаго блага, силившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе — о Варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Не соглашаясь почитать боговъ, чтимыхъ большинствомъ, Варягъ говорилъ: «не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изгнѣеть; не едятъ бо, ни пьютъ, ни молятъ, по суть дѣлани руками въ деревѣ. А Богъ есть единъ, ему же служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо и землю, звѣзды, и луну, и солнце и человѣка — далъ есть ему жить на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть» (стр. 35).

Въ самомъ обширномъ объемѣ излагаетъ лѣтописецъ княженіе Владимира, утвердившаго христіанство въ Русской землѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ Владимира можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи; подвиги его изображены съ наибольшою подробностью и съ живымъ сочувствіемъ. Описывая дѣйствія Владимира, его отношенія къ новообращенному народу, лѣтописецъ не забываетъ и предметовъ внѣ области вѣры, имѣвшихъ привлекательность для современнаго Владимиру Русскаго общества; описываетъ и пиры съ дружиною, сохранившею обычаи ста-

рины, и схватки съ врагами, вызывавшими Русскихъ удалцовъ перевѣдаться съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ — писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ — христіанина и *Русскаго* писателя XI вѣка.

Жизнь первыхъ иноковъ монастыря Печерскаго представлена лѣтописцемъ какъ высокій образецъ единодушія и правдивнаго совершенства. Единственною и крѣпкою связью, соединявшею иноковъ въ святое братство, была любовь, самая искренняя и безкорыстная. Въ любви пребывали они, говоритъ лѣтописецъ, младшіе покорялись старшимъ, и не возвышали предъ ними голоса, а внимали ихъ словамъ; старшіе любили младшихъ, наставляли и утѣшали, какъ чада возлюбленныхъ; если братъ впадалъ въ преступленіе и подвергался наказанію, то три или четыре брата раздѣляли между собою наказаніе, чтобы облегчить виновнаго. Были въ числѣ ихъ и мужи, обладавшіе свойствами непостижимымъ. Заболѣвалъ ли кто, дитя или взрослый, обращались къ Даміану, и недугъ проговяемъ былъ силою молитвъ святаго мужа. Сокрытое для людей обыкновенныхъ ясно было для Матвѣя прозорливаго. Необычайнымъ терпѣніемъ изумлялъ всѣхъ Исаакій, нѣсколько лѣтъ страдавшій жестокою болѣзью, изнурившюю его до того, что онъ долженъ былъ, какъ дитя, учиться ходить, ѣсть, говорить; но за то и враги, пораженные силою его воли, признали его побѣдителемъ, и самыя стихіи повиновались ему.

Дѣйствія силы высшей всего скорѣе обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу; поэтому сооруженіе *церкви* считалось важнымъ событіемъ и тщательно отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно-Европейскими. Въ средніе вѣка въ Европѣ самое зданіе церкви имѣло особенное значеніе: когда всюду грозила опасность, одна церковь представляла надежный пріютъ; тотъ, кто, страшась преслѣдованій, постоянно окружалъ себя тѣлохранителями, вступалъ одинъ

безбоязненно въ церковь; даже преступника не рѣшались умертвить, если онъ взять въ церкви. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также монастыри. Подобно другимъ Европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіе Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что «при семъ нача вѣра хрестыанская плодитися и разширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти» (стр. 65). Въ такомъ же духѣ замѣчаніе Амартола: «по Львѣ же прѣтова Константинъ, снѣ нго, при нѣмже бл҃гочыстия оученикѣ приѣхъ начело дръзати, и слово Бж҃іе простыратисе, и монастыре съ всаѣмъ пространствомъ съзыдатисе».

Между древними монастырями Россіи первое мѣсто занимаетъ обитель Печерская, основанная и устроенная Русскими, между тѣмъ какъ другіе монастыри учреждались преимущественно монахами Греческими, переселявшимися въ Россію. Съ первыхъ лѣтъ своего существованія Кіевская обитель сдѣлалась средоточіемъ монашеской жизни въ Россіи, и получила народное значеніе не только для юга, но и для сѣвера и вообще для всей Русской земли. Поэтому въ лѣтописи Всероссійской, какъ справедливо называютъ лѣтопись Несторову, сказаніе о Печерскомъ монастырѣ является вполне умѣстнымъ, будучи разсматриваемо и безъ отношенія къ южному происхожденію лѣтописца и пребыванію его въ Кіевѣ. Печерскій монастырь не былъ только мѣстомъ уединенія отшельниковъ; онъ оказывалъ вліяніе и на бытъ общественный: князья обращались къ инокамъ за благословеніемъ на войну, за совѣтомъ въ мирное время, съ просьбою о содѣйствіи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Θεодосій, Нпковъ и ихъ преемники принимали участіе въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ это видно изъ житія Θεодосія, описаннаго Несторомъ, и изъ другихъ памятниковъ нашей древней словесности ¹⁾.

1) Ср. Буткова: Оборона лѣтописи Русской, стр. 206—207.—О значеніи Печерскаго монастыря въ исторіи духовнаго образованія Россіи см. Шевырева: Исторія Русской словесности, преимущественно древней. 1846. Т. I, часть 2, лекція 6, стр. 14 и слѣд.

Народъ чтить обитель, какъ святыню, и стекался въ нее изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи.

Сверхъ повѣствованія о христіанскихъ подвижникахъ, свѣтлая сторона картины, изображаемой лѣтописью, заключается въ *преданіяхъ древности*, не умолкнувшихъ еще во времена лѣтописца. Воспоминаніе объ Ольгѣ, Владимірѣ, Ярославѣ и ихъ предшественникахъ составляетъ для нашего лѣтописца прекрасное прошедшее, передаваемое во всей простотѣ и естественности; поэтический колоритъ приданъ разсказу преданіями народа, коимъ не могъ не сочувствовать народный писатель.

Ко временамъ Олега относятся преданія о завладѣніи Кіевомъ, о походѣ на Грековъ и о смерти Олега. Завладѣніе Кіевомъ произошло такимъ образомъ, что Олегъ «пришу подѣ Угорское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко гость есмь; идемъ въ Греки и отъ Олга и отъ Игоря княжича, да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ. Асколдъ же и Диръ придоста; выскакавъ же вси прочіи изъ лодья . . . и убиша Асколда и Дира»; а Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ (стр. 10).

Княженіе Ольги, которая, по отзыву бояръ Владимировыхъ, была «мудрѣйши всѣхъ чловѣкъ», богато преданіями, въ особенности ея война съ Древлянами, кончившаяся покореніемъ Древлянской земли. Последнее событіе этой войны, сожженіе Коростеня, описано съ наибольшою подробностью въ такъ названномъ лѣтописцѣ Переяславскомъ. Желая положить конецъ войнѣ, Ольга говоритъ Древлянамъ: у васъ нѣтъ теперь ни меду, ни кожъ; но малаго у васъ прошу для избавленія отъ головной болѣзни: дайте мнѣ отъ двора по 3 голубя и по 3 воробья; у васъ вѣдь есть эти птицы, въ другихъ же мѣстахъ ихъ нѣтъ, а въ чужую землю не посылаю; и это вамъ въ родъ и родъ, а тяжкой дани, какаѣ была при мужѣ моемъ, не хочу налагать на васъ, потому что вы уже изнемогли ¹⁾.

1) Временникъ Московскаго историческаго общества. 1851, книга 9-я. Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго, изд. кн. Оболенскимъ, стр. 12.

Изъ эпохи Владимира, героя народныхъ былинъ, рассказано въ лѣтописи такъ же нѣсколько преданій, преимущественно о борьбѣ Русскихъ съ чужеземцами. Печенѣжскій богатырь, встрѣтившій своего противника «середняго тѣломъ» насмѣшкою, погибъ отъ руки Русскаго силача. Осажденные Печенѣгами, Русскіе призвали пословъ Печенѣжскихъ и привели ихъ «къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша ведромъ и льяша въ латки, и яко свариша кисель, и поимше придоша съ ними къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. Людье же наляша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше повѣдаша вся бывшая»; князья Печенѣжскіе удивились, встали отъ города и ушли во свояси, и т. п. ¹⁾).

Въ преданіяхъ старины, удержанныхъ лѣтописью, Русскіе князья являются большею частью побѣдителями, а не побѣжденными, какими правдивая лѣтопись представляетъ ихъ не однократно во времена Половцевъ. Въ печальную годину Половцевыхъ набѣговъ весьма естественно было дорожить воспоминаніемъ о счастливомъ времени первыхъ князей, коихъ доблестные подвиги приводились въ примѣръ и писателями вѣковъ послѣдующихъ. Вассіанъ писалъ Іоанну III: «поревнуй прежебывшимъ прародителемъ твоимъ великимъ княземъ: не точію Рускую землю обороняху отъ поганыхъ, но иныя страны приимаху подъ себе, еже глаголю: Игоря, и Святослава, и Владимира» ²⁾).

Что касается до перваго начала преданій, то можно думать, что они слагались въ племенахъ Русскихъ, какъ при содѣйствіи

1) Въ Исторіи Русскаго народа, *Полеваго*, ч. 2, стр. 267—274, приводится слѣдующій «рицъ поэмъ, въ коихъ изложена древняя исторія»: 1) завоеваніе Кіева Хазарами, 2) смерть Аскольда и Дира, 3) походъ Олега къ Царьграду, 4) смерть Олега, 5) походъ Игоря къ Царьграду, 6) мщеніе за смерть Игоря, 7) крещеніе Ольги, 8) походъ Святослава въ Булгарію, 9) исторія Рогнеды Полоцкой, 10) битва съ Печенѣгами, 11) спасеніе Бѣлгорода, 12) походъ Мстислава на Касоговъ.—Ср. *Поюдина*: Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи. Т. I, стр. 175—189.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI, стр. 227.

пришлыхъ Норманновъ, такъ и независимо отъ нихъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, древнѣйшими поэтическими сказаніями обязаны мы исключительно Норманнамъ. Но справедливѣе, кажется, допустить, что элементъ Норманскій пришелъ въ соприкосновеніе съ народнымъ Русскимъ, т. е. Славянскимъ, какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи, которая сопутствуетъ народу на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Были, безъ сомнѣнія, повѣрья сходныя у Славянъ Русскихъ и у Варяговъ-Руси; сходство могло быть въ иныхъ случаяхъ полное, въ другихъ только нѣкоторое — въ основной мысли, обставленной неодинаковыми подробностями. По крайней мѣрѣ многія черты лѣтописныхъ сказаній встрѣчаются въ народныхъ произведеніяхъ Славянскихъ племенъ, не подвергавшихся Норманскому вліянію.

Самое преданіе о смерти Олега, при поразительномъ сходствѣ съ Исландскою сагою, не чуждо, по мысли, и міру Славянскому. Олегъ, вспомнивъ о конѣ, отъ котораго долженъ былъ умереть по предсказанію кудесника, пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали кости коня «голы и лобъ голъ, и посмѣяся рка: отъ сего ли лѣба смерть мнѣ взята? и вступивъ ногою на лобъ; и выныкнути змѣя, и уклюну и въ ногу, и съ того разболѣвся умре» (стр. 16). Исландское преданіе говоритъ о подобномъ же предсказаніи вѣщуньи (Völva) — лица, играющаго весьма важную роль въ древнемъ Скандинавскомъ бытѣ. Вѣщунья предсказала Норвежскому герою Орварду Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе коихъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи роковаго времени погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося отъ повислой гривы Факсомъ (Faxius). Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокій ровъ, надъ коимъ сдѣлалъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Оддъ отправился въ далекія путешествія. Послѣ ряда блистательныхъ подвиговъ во многихъ странахъ, между прочимъ въ Россіи, гдѣ будто бы женился на Русской принцессѣ (*ducta in uxorem Silkisife, Herraudi Russiae regis*

filia), онъ возвратился въ Норвегію—ровно черезъ триста лѣтъ. По возвращеніи въ отечество Орваръ Оддъ замѣтилъ, что многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблекли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи; лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса, говоритъ Оддъ, вращая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерца, выскочивъ изъ конской головы, уязвила героя въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всѣму тѣлу ¹⁾. —Таже мысль о неизбежности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ Сербскомъ преданіи о «суженомъ днѣ» суѣен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку *суждено* — по нашему: *на роду написано* — какою смертью умереть, и отъ *суженія* невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суѣеца се не може утећи». Рассказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ (гатар) предсказалъ смерть отъ змѣи. Царь, желая спасти свою дочь отъ рока, сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который не могло зайти даже насекомое, и никуда не выпускалъ ее изъ дома. Но когда насталъ «суѣен дан», она захотѣла винограду; слуги принесли ей большую кпсть, въ коей скрывалась змѣйка, и эта-то змѣйка укусила царскую дочь, постигнутую суженымъ днемъ, и «зада јој суѣену смрт» ²⁾.

Приписывающіе Скандинавскій характеръ древнѣйшимъ преданіямъ полагаютъ, что князей нашихъ сопровождали скальды, что на пирахъ Владимира пѣли они свои эпическія, лирическія и драматическія пѣсни, умолкнувшія со введеніемъ христіанства ³⁾. Но пзвѣстій о скальдахъ, подобныхъ Скандинавскимъ, не сообщаютъ намъ лѣтописи, по свидѣтельству которыхъ не пѣвцы, а дружина, «мужи отии», одобряли подвиги князей. Въ войнѣ 1149 года князь Андрей Юрьевичъ оказалъ необыкновенную

1) *Thormodi Torfaci Historia rerum Norvegicarum in quatuor tomos divisa. Hafniae. 1711. Т. I, стр. 265—266, 273—274.*

2) *Караџић, Српски рјечник. 1852. стр. 724.*

3) *Полевая, Исторія Русскаго народа. Т. II, стр. 265.*

храбрость, и «мужпотни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче всѣхъ бывшихъ ту» (I, стр. 140). Мнѣніемъ дружины дорожили и Владимиръ Св. и Владимиръ Мономахъ.

Образовавшіяся изъ двухъ стихій, пародной и запесенной Варягами, преданія переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, поддерживаемыя видимыми памятниками существованія людей, о которыхъ говорила молва. Такими памятниками были у насъ, какъ и всюду, преимущественно могилы; могилы Аскольда и Дира, Игоря, Олега Святославича († 977), Святополка были еще во времена Нестора; а обыкновенно, чѣмъ древнѣе могила, тѣмъ болѣе преданій окружаетъ ее.

Въ ряду описаній, болѣе или менѣе пространныхъ, составленныхъ по преданію и по другимъ источникамъ, встрѣчаются въ лѣтописи и *замѣтки краткія*, подобныя первымъ начаткамъ лѣтописной дѣятельности — замѣткамъ пасхальнымъ. Краткія замѣтки сообщаютъ извѣстія о построеніи церквей, о знаменіяхъ небесныхъ, о походахъ на враговъ, о другихъ предметахъ, какъ напр. о разливѣ рѣкъ, о саранчѣ, и т. п. Иныя замѣтки составляютъ отдѣльныя и единственныя извѣстія при нѣкоторыхъ годахъ, другія примыкаютъ къ описаніямъ подробнымъ, но не имѣютъ съ ними никакой связи. Отдѣльныя замѣтки изъ двухъ-трехъ словъ попадаютъ въ древнѣйшей части лѣтописи: послѣ извѣстія подъ 1058 годомъ: «побѣди Изяславъ Голяди», встрѣчается только одно въ такой же степени краткое, именно подъ 1082 г.: «Осень умре, Половечскій князь». Но за то подъ иными годами всѣ извѣстія состоятъ изъ ряда краткихъ замѣтокъ, какъ напримѣръ:

Въ лѣто 6613. Увалися верхъ святаго Андрея.

Постави митрополитъ епископа Аппилохія Володимерю мѣсяца августа въ 27 день.

Томъ же лѣтѣ явился звѣзда съ хвостомъ, на западѣ, и стоя мѣсяць.

Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ, и побѣди Торкы и Берендѣѣ (стр. 119).

Въ лѣто 6588. Заратишася Торци Переяславьстїи на Русь, Всеволодъ же посла сына своего Володимера, Володимеръ же шедъ побѣди Търкы.

Въ лѣто 6589. Бѣжа Игоревичъ Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ, мѣсяца мая 18 день; и придоста Тматороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тматорокани (стр. 87).

Въ лѣто 6616. Заложена бысть церкви святаго Михаила, Золотоверхая, Святополкомъ княземъ....

Въ се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ и въ Деснѣ и въ Припѣтѣ.

Въ семъ же лѣтѣ вложи Богъ въ сердце Теоκληсту игумену Печерьскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Оеодосья въ сѣнаникъ....

Въ се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца іулія въ 11.

Въ се же лѣто кончаша верхъ святаго Богородици на Кловѣ, заложенъй Стефаномъ, игуменомъ Печерьскимъ (стр. 120—121).

Пространное описаніе событій 1091 года заключается слѣдующими замѣтками:

Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣлющую звѣриныя за Вышегородомъ, заматавшимъ тенета и кличапомъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье.

Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша.

Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе (стр. 92).

Передавая различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣдѣнія и о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣтокъ о годѣ ихъ рожденія, изъ описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребенія. Чаше, нежели о рожденіи, встрѣчаются замѣтки о смерти, повторяющіяся иногда подъ нѣсколькими годами сряду: «въ лѣто 6508. Преставися Мальфрѣдъ. Въ се же лѣто преставися и Рогънѣдъ.

Въ лѣто 6509. Преставися Изяславъ. Въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ», и т. п.

За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ *отзывы*, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ, и не смотря на всю краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ († 1065) лѣтописецъ говоритъ: «бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратень, возрастомъ же лѣплъ и красенъ лицомъ, и милостивъ убогимъ». О Глѣбѣ († 1078): «бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогимъ, и страпнолюбивъ, тѣшанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ». Митрополитъ Іоаннъ II († 1090), по словамъ лѣтописца, былъ «мужъ хыгръ книгамъ и ученью, милостивъ убогимъ и вдовцамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, кнпгамъ святыми утѣшаа печальныя». Преемникъ же его, Іоаннъ скопецъ — «скопчичина», вовсе не похожъ былъ на своего предшественника: «бѣ же се мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ».

О князѣ Изяславѣ († 1078) лѣтописецъ отзывается такъ: «бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, не-злюбивъ нравомъ, криваго пенавидѣ, любя правду; не бѣ бо въ немъ лсти, но простъ мужъ умомъ, не вздая зла за зло». Эта похвала вовсе не состоитъ изъ общихъ мѣстъ, примѣнимыхъ ко всякому доброму князю, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Она прямо вытекаетъ изъ образа дѣйствій Изяслава, упоминаемыхъ непосредственно за похвалою ему. Изяславъ, говоритъ лѣтописецъ, не воздалъ зла за зло: ибо сколько зла ни сдѣлали ему Кіевляне: и самого его выгнали, и домъ его разграбили, — но онъ не отомстилъ имъ за это. Такъ же братья его изгнали его, и онъ ходилъ по чужой землѣ, блуждая; но когда одинъ изъ братьевъ пришелъ къ нему побѣжденный, Изяславъ не напомнилъ ему о прежнихъ его злыхъ поступкахъ, но принялъ его ласково и вступилъ съ нимъ въ искренній и дружескій союзъ.

Будучи правдивымъ отголоскомъ мнѣнія современниковъ, похвалы, находящіяся въ лѣтописи, всегда состоятъ въ связи съ личными свойствами тѣхъ, къ которымъ относятся. Поэтому, при всей краткости, они даютъ понятіе объ особенностяхъ характера и дѣйствиі замѣчательныхъ людей древней Россіи. Въ лѣтописи нѣтъ такихъ безцвѣтныхъ очерковъ, которые бы сглаживали всѣ черты различія между изображаемыми лицами. И Ярополкъ и Мстиславъ были князья, достойные уваженія, по отзыву лѣтописи; но достоинства были не одни и тѣже. О Ярополкѣ († 1086) лѣтописецъ говоритъ: «бѣше блаженный съ князь тихъ, кроткъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородицы отъ всего своего имѣнья, по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! пріими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братама моима, Борису и Глѣбу, отъ чюжую руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражіи». Другими свойствами отличался Мстиславъ († 1036), какъ видно изъ слѣдующаго отзыва: «бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма очима, храборъ на рати, милостивъ, любяше дружинну повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше». —

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествіяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣятелей, лѣтопись сообщаетъ и нѣкоторыя *черты быта внутренняго*: говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ общества, о нравахъ и обычаяхъ, о понятіяхъ большинства и людей съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Эти черты разсѣяны по разнымъ мѣстамъ лѣтописи.

Въ завѣщаніи Ярослава видно господство семейнаго начала въ древне-Русскомъ княжескомъ бытѣ. Умирающій Ярославъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно

живуще —, аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающесе, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, послушающе брать брата. Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто, а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль», и т. д. (стр. 69).

О любознательности Ярослава и мѣрахъ къ распространенію образованія свидѣтельствуютъ слѣдующія слова лѣтописи: «и бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писыцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книги многы, и сняска, ими же поучащесе вѣрніи людѣ, наслажаются ученья божественнаго» (стр. 65).

Нравы, обычаи и вѣрованія предковъ нашихъ обнаруживаются въ начальномъ извѣстіи о бытѣ Славянъ Русскихъ: Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и другихъ племенъ, въ подробномъ повѣствованіи о волхвахъ, и т. п. Волхвъ — замѣчательное лицо въ древнемъ Русскомъ бытѣ, оказывавшее сильное вліяніе на массы. Въ словахъ и поступкахъ волхвовъ, и въ дѣйствіяхъ въ пользу и противъ нихъ, отражается тогдашній бытъ съ нѣкоторыми даже видоизмѣненіями его по различнымъ классамъ общества. Волхвы утверждали подобныя вещи: что Днѣпръ потечетъ назадъ, и земли перейдутъ съ мѣста на мѣсто, такъ что Русская земля станетъ тамъ, гдѣ была Греческая, а Греческая тамъ, гдѣ была Русская; что женщины держатъ подъ кожею жито, рыбу и медъ; что боги, коимъ служатъ волхвы, черны вѣдомъ, съ крыльями и хвостами; что боги подземные восходятъ въ воздушную высь и подслушиваютъ живущихъ на небѣ, и т. п. Люди здравомыслящіе находили, что волхвы морочатъ людей сущюю ложью, потому что, говоря словами Яна, собесѣдника Несторова, «створилъ Богъ человѣка изъ земли, сставленъ костями и жылами отъ крове» и кромѣ костей, жилъ и крови

нѣтъ ничего въ человѣческомъ тѣлѣ. Не смотря на противодѣйствіе князей, епископовъ и воеводъ, народъ питалъ къ волхвамъ полное довѣріе, приводилъ къ нимъ женъ, матерей, сестеръ, передавался весь на сторону волхва, такъ что только князь со своею дружиною оставался на сторонѣ епископа (стр. 75—78).

Несторъ, по общепринятому мнѣнію, признается представителемъ лѣтописной дѣятельности въ Россіи, древнѣйшимъ и достойнѣйшимъ авторомъ литературной лѣтописи. Такъ какъ лѣтопись наша, разсматриваемая какъ видъ словесности, представляетъ много общаго съ лѣтописями другихъ Европейскихъ народовъ, какъ въ способѣ составленія, такъ и въ содержаніи и характерѣ, то при разсмотрѣніи Русской лѣтописи слѣдуетъ принимать въ соображеніе и однородныя съ нею произведенія въ литературахъ западно-Европейскихъ. Сравненіе Нестора съ другими представителями лѣтописанія въ Европѣ можетъ нѣсколько содѣйствовать вѣрному и полному опредѣленію свойствъ самого Нестора, какъ писателя. Поэтому позволяемъ себѣ указать нѣкоторыя черты произведеній тѣхъ изъ Европейскихъ лѣтописцевъ, которые могутъ идти въ сравненіе съ Несторомъ. При выборѣ послѣднихъ, мы имѣемъ въ виду преимущественно три ихъ качества: древность, внутреннее достоинство ихъ трудовъ и отношеніе къ другимъ лѣтописцамъ своего народа — такое же или сходное съ тѣмъ, въ коемъ Несторъ находится къ позднѣйшимъ Русскимъ лѣтописцамъ. Сообразно съ этими условіями избираемъ слѣдующихъ писателей: Козьму Пражскаго († 1125), Ламберта Гершфельдскаго († 1077) и Григорія Турскаго († 595). Всѣ три писателя, подобно Нестору, принадлежали къ наиболѣе образованному классу современнаго имъ общества, т. е. къ духовенству: первый былъ настоятелемъ церкви Пражской — *ecclesiae Pragensis decanus*; второй — монахомъ и

священникомъ; третій — епископомъ. Козьма Пражскій болѣе всѣхъ другихъ лѣтописцевъ Чешскихъ имѣетъ право на сравненіе съ Несторомъ: это ясно само собою, не нуждаясь въ доказательствахъ. Не такъ необходимъ выборъ Ламберта изъ всѣхъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ; но мы допустили его на томъ основаніи, что лѣтопись Ламберта единодушно признается учеными одною изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Германскихъ, какъ по основательности сужденій о событіяхъ и прагматизму, такъ и по художественности изложенія. Козьма Пражскій и Ламбертъ Гершфельдскій близки къ Нестору по времени жизни; Григорій Турскій удаленъ отъ нихъ на нѣсколько столѣтій; но одними хронологическими соображеніями нельзя руководствоваться при сравненіи Русскихъ литературныхъ памятниковъ съ иностранными. Часто то, что въ другихъ Европейскихъ литературахъ возникаетъ почти одновременно въ какую либо эпоху, у насъ является гораздо позднѣе: таково, напримѣръ, введеніе у насъ схоластики, драматическихъ представленій, стихотворной формы, и т. п. сравнительно со временемъ развитія ихъ на западѣ Европы. Григорій Турскій, есть тотъ лѣтописецъ, который впервые изложилъ въ полнотѣ и послѣдовательности судьбу своего отечества съ древнѣйшихъ временъ; безъ него Французы, какъ утверждаютъ Французскіе же писатели, не знали бы ничего о своей первоначальной исторіи: лѣтописцы позднѣйшіе были большею частью его продолжатели или послѣдователи. Вотъ причина, почему Григорій Турскій, древнѣйшій представитель лѣтописной дѣятельности въ мірѣ Романскомъ, можетъ быть сравниваемъ съ Несторомъ, представителемъ лѣтописанія въ Россіи, подобно тому, какъ могутъ быть сравниваемы съ Несторомъ Ламбертъ, первостепенный лѣтописецъ Германскій, и Козьма Пражскій, стоящій во главѣ лѣтописцевъ западно-Славянскихъ. Чтобы ограничить себя въ выборѣ сравниваемыхъ предметовъ, постараемся указать только тѣ изъ особенностей повѣствованія трехъ Европейскихъ лѣто-

писцевъ, которыя находятся въ наибольшемъ соотношеніи съ лѣтописью нашего Нестора ¹⁾).

Какъ у Нестора, такъ и у Козьмы Пражскаго и Ламберта, лѣтописныя извѣстія состоятъ частью изъ *краткихъ замѣтокъ*, частью изъ подробныхъ описаній. У Григорія Турскаго различіе между тѣми и другими не такъ рѣзко обнаруживается, потому что въ ней не приняты порядокъ повѣствованія изъ года въ годъ. Въ *краткихъ замѣткахъ* упоминается о вещахъ разно-

1) Лѣтопись Козьмы Пражскаго состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой излагается исторія Богеміи съ древнѣйшихъ временъ до 1039 года; во второй съ 1039 до 1092 г. и въ третьей — съ 1092 до 1125 г. Въ лѣтописи Ламберта Герпфельдскаго рѣзко отличается первая половина, простирающаяся до 1040 г., отъ второй, оканчивающейся 1077 годомъ. Лѣтопись Григорія Турскаго раздѣляется на 10 книгъ; въ первой книгѣ помѣщенъ краткій очеркъ всеобщей исторіи до смерти Мартина, епископа Турскаго, т. е. до 397 г.; въ остальныхъ девяти книгахъ излагается исторія Франковъ до 591 года. — Лѣтопись Козьмы Пражскаго издава Пелцелемъ и Добровскимъ въ 1783 г. въ 1-мъ томѣ *Scriptores rerum Bohemicarum*. Это изданіе важнѣе всѣхъ прежнихъ изданій. Новѣйшее изданіе принадлежитъ *Kenke* (Кюепке), въ «памятникахъ» *Periza—Monumenta Germaniae historica*, edid. *Pertz*. Tomus XI, Scriptorum tomus IX. 1851. стр. 1—132. Критическое обозрѣніе лѣтописи К. Пражскаго находится въ сочиненіи *Илацкаго*: *Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber*. Prag. 1830, стр. 1—35. — Лѣтопись Ламберта издава также въ *Monumenta Germaniae historica*, ed. *Pertz*. Tomus VII, Scriptorum tomus V. 1844. стр. 134—263, подъ названіемъ: *Lamberti Hersfeldensis annales*. Названіе *Hersfeldensis* усвоено ему отъ имени монастыря въ Герпфельдѣ (*Hirschfeld*) — *monasterium Hersfeldense*. До поправки, сдѣланной Вайтцемъ, Ламберта называли обыкновенно: *Lambertus Schafnaburgensis* или *Aschafnaburgensis*, *Lambert von Aschaffenburg*, Ламбертъ Ашаффенбургскій, подъ именемъ котораго извѣстенъ онъ и въ нашей исторической литературѣ. Невѣрность произошла отъ того, что слова Ламберта подъ 1058: «ego presbiter ordinatus sum Aschafnaburg» въ старинныхъ изданіяхъ читаются такъ: ego presbiter a *Scafna*burg, и пр. — Изданіе лѣтописи Григорія Турскаго сдѣлано было въ 1699 г. *Рюинаромъ*. Ученое предисловіе издателя, показывающее надлежащую точку зрѣнія на издаваемую лѣтопись, перепечатывалось и въ послѣдующихъ изданіяхъ. Лѣтопись Григорія Турскаго помѣщена въ собраніи *Буке*: *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, par *Martin Bouquet*. Tome second. Paris. 1739. стр. 75—390. — Новѣйшее изданіе ея — въ *Patrologiae cursus completus*. Tomus 71. Parisiis. 1849. — Переводовъ было нѣсколько, но иные непонятнѣе подлинника. Лучшій принадлежитъ Гизо и помѣщенъ имъ въ *Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France*, par *Guizot*. Paris. 1823. Лѣтопись Григорія Турскаго въ изданіи Гизо занимаетъ первый томъ весь, а второй до 152 стр.

родныхъ: о нашествіи непріятелей, о явленіяхъ небесныхъ, о бракѣ государей, объ избраніи и смерти епископовъ, и т. п. Такъ въ лѣтописи Козьмы Пражскаго читаемъ:

Anno dominicae incarnationis 933. Ungari, orientales Francos et Alamaniam atque Galliam devastantes, per Italiam redierunt.

A. d. i. 939. Luduicus rex Gerpigam viduam Gisalberti duxit uxorem.

A. d. i. 942. Sidus simile cometae per 14 noctes visum est, et immensa mortalitas boum secuta est.

A. d. i. 1043. Tanta fames fuit in Bohemia, ut tertia pars populi interiret fame.

A. d. i. 1045. Obiit Gunter monachus 7 idus octobris.

У Ламберта встрѣчаются такого рода извѣстія:

1045. Dux Gotefridus a rege in dedicionem acceptus, in Gibe-kestein missus est custodiendus, sicque regnum brevi tempore quietum et pacatum mansit. Petrus Ungariorum rex Ouban, aemulum atque insidiatorem regni sui, captum decollavit. Bruno Wir-ciburgensis episcopus obiit; cui Adalbero successit. Cathelo Citi-censis episcopus obiit; cui Eppo successit. Adalbrandus Premensis archiepiscopus obiit; cui Adalbertus successit.

1060. Rex nativitatem Domini Wormaciae celebravit; ubi et sinodus indicta fuerat, sed excusantibus se per infirmitatem et pestilentiam, quae tunc temporis vehementer grassabatur in Gallia, ad effectum non pervenit. Sizzo Verdensis episcopus obiit; cui Richbertus successit. Gebehardus Ratisponensis episcopus obiit; cui Otto successit. Counradus Spirensis episcopus obiit; cui Einhart successit.

Подъ 1070 годомъ внесены одна за другою замѣтки, совершенно не относящіяся къ предъидущему повѣствованію: Adalbero Wormaciae episcopus, propria, ut fertur crassitudine praefocatus, interiit; cui Adalbertus successit. Aribo diaconus occisus est a propriis servis suis.... Silvestrium arborum eadem quae priore anno sterilitas permansit. Sed vinearum tanta fertilitas fuit, ut plerisque in locis prae multitudinē vix colligi vindemia posset, и т. п.

Козьма Пращскій, Ламбертъ и Григорій Турскій описываютъ событія частію по преданію и другимъ источникамъ свѣдѣній о древнемъ періодѣ, частью же какъ современники и очевидцы. Ламбертъ для древнѣйшей части лѣтописи воспользовался анналами своего монастыря, не распространяя ихъ краткихъ замѣтокъ. Козьма Пращскій и Григорій Турскій описываютъ старину своего народа довольно подробно, руководствуясь во многомъ народными преданіями. По выбору преданій и извѣстій о старинѣ, эти лѣтописцы находятся не въ одинаковомъ отношеніи къ Нестору.

Несторъ сообщаетъ преимущественно такія свѣдѣнія, которыя по его понятіямъ не заключали въ себѣ ничего не вѣроятнаго и подтверждались фактами, которыхъ онъ самъ могъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ. Таково его описаніе быта племенъ, слившихся впослѣдствіи въ одинъ народъ—Русскій. Поляне, говоритъ лѣтописецъ, имѣли обычай своихъ отцовъ, тихій и кроткій; стыдѣнье къ снохамъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и родителямъ, къ свекровьямъ и деверямъ; брачный обычай имѣли: не ходилъ зять по невѣсту, а приводили ее свечера, а на другой день приносили, что давали за нею. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне одинъ обычай имѣли: жили въ лѣсахъ, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и снохами; браковъ у нихъ не было, но сходились они на игрища, на плясанье, и тамъ умыкали женъ себѣ, кто съ какою сговорился; а имѣли они и по двѣ и по трѣ жены. Если кто умиралъ, творили надъ нимъ тризну, потомъ дѣлали большую кладу, и на нее клали мертвеца и сожигали; потомъ собирали кости, складывали ихъ въ судину малую, и ставили при пути, что дѣлаютъ Вятичи и теперь — «еже творять Вятичи и нынѣ» и т. д. (стр. 6).

Сообщая преданія, Несторъ не выбираетъ изъ нихъ только того, что сообразно съ его личнымъ намѣреніемъ, а оставляетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ ходили они въ народѣ. Въ этомъ удостовѣряетъ и самый тонъ разсказа преданій и сличеніе ихъ съ объясненіями, которыя весьма часто предлагаются лѣтопис-

цемъ, выражая собою его личный взглядъ на событіе, переданное имъ со словъ народа. Единственная, кажется, причина внесения въ лѣтопись большей части преданій, заключается въ томъ, что они имѣли особенный интересъ не для лѣтописца собственно, а для всѣхъ его современниковъ, повторявшихъ сказанія отцовъ.

Козьма Пражскій также считалъ нужнымъ въ началѣ лѣтописи рассказать о древнѣйшемъ бытѣ своего народа; но въ выборѣ предметовъ для изображенія замѣтна особенная цѣль, чуждая нашему лѣтописцу. Первобытное состояніе Чеховъ описано въ идиллическомъ родѣ. По словамъ Козьмы Пражскаго, между древнѣйшими обитателями Богеміи не было ни вражды, ни ненависти; никто ничего не называлъ *своимъ*, а все у нихъ было *общее*: какъ свѣтъ солнца и влага воды доступны всѣмъ и каждому, такъ у всѣхъ были общіе поля, лѣса и даже жены. У одного изъ старшинъ счастливаго племени, Крока, было три дочери, изъ коихъ младшая, Любуша, прославилась своею мудростью. Уступая желанію народа, она отдала руку свою и власть Премыслу, начавшему собою рядъ Чешскихъ государей. Послы Любуши застали Премысла за полевою работою; зная напередъ судьбу свою, онъ охотно принялъ предложеніе; замѣнивъ скромное платье земледѣльца одеждою, свойственною его новому сану; но приказалъ сохранить обувь, въ которой обрабатывалъ землю. Окружающіе его спросили: для чего же беречь вещь, нигде не годную? Для того, отвѣчалъ онъ, чтобы потомки наши помнили свое происхожденіе, и никогда не дошли бы до гордаго угнетенія людей, ввѣренныхъ имъ отъ Бога. Последующія извѣстія до самаго принятія Богемцами христіанства также не имѣютъ исторической петины: онъ взялъ ихъ, какъ самъ говоритъ, изъ баснословныхъ разсказовъ стариковъ — *senum fabulosa relatione*.

Козьма Пражскій видимо увлекся желаніемъ представить картину, противоположную правамъ ему современнымъ. По крайней мѣрѣ онъ съ большимъ прискорбіемъ и негодованіемъ говоритъ о *своемъ времени*. Оно, по сознанію автора, несравненно хуже времени *прошлаго*: пестина и прямота потеряли свои права; добро-

дѣтельные люди сошли въ могилу или перестали дѣйствовать; мѣста ихъ заняли челоуѣкоугодники, не знающіе правды сами и не признающіе ее въ другихъ. Нельзя сказать правды объ умершихъ: еще опаснѣе высказать ее о живыхъ, ибо за правое слово легко нажить себѣ враговъ между людьми, у которыхъ всегда одинаковый отвѣтъ князю: *ita, domine; ita est, domine; ita fac, domine*. Поэтому гораздо безопаснѣе рассказывать сны, коихъ никто не станетъ повѣрять, нежели описывать дѣйствія теперешнихъ людей¹⁾.

Желая представить старину въ радужномъ свѣтѣ, Козьма Пр. вошелъ въ общую колею писателей о мнимомъ золотомъ вѣкѣ, п тѣмъ лишилъ рассказъ свой необходимыхъ чертъ народности, которыя съ такою живостью являются у Нестора. Стыднѣе къ снохамъ и свекровямъ, зятя и деверья, тризны и клады весьма живо напоминаетъ Русскій бытъ — дѣйствительный, а не вымышленный; между тѣмъ какъ счастливое состояніе древнихъ Чеховъ, изображенное Козьмою Пражскимъ, есть только развитіе общей темы утопистовъ, не имѣющее народнаго колорита. Не будучи убѣжденъ въ истинѣ преданій, сообщаемыхъ въ хроникѣ, Козьма Пражскій представляетъ читателямъ рѣшить, достоверно или вымышленно то, что рассказано имъ о древнихъ временахъ²⁾. Слѣдовательно, онъ передаетъ то, чему не вѣритъ самъ; вотъ черта, которою онъ отличается отъ Нестора.

Въ этомъ отношеніи ближе къ Нестору Григорій Турскій, передающій народныя преданія и повѣрья безъ особеннаго выбора и со всею естественностью и простотою, обличающими ихъ народное происхождение. Въ первой книгѣ исторія Франковъ приводитъ прекрасное преданіе о счастливой четѣ, извѣстной подъ именемъ: *duo amantes*. Одинъ изъ вельможъ Овернскихъ — рассказываетъ Григорій Турскій — вступилъ въ бракъ съ дѣвушкою, давшею обѣтъ цѣломудрія. Когда, послѣ свадебнаго

1) *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, стр. 261 и 195—196. — *Monumenta*, ed. *Pertz*, стр. 125 и 101—102.

2) *Scriptores*, стр. 34. — *Monumenta*, стр. 44.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

ппра, они заняли, по обычаю, брачное ложе, дѣвушка оборотилась къ стѣнѣ и зарыдала. Мужъ просилъ открыть причину горькихъ слезъ, и она объявила ему о своемъ обѣтѣ. Онъ пытался увѣщаніями поколебать ея рѣшимость; но убѣжденный ея вдохновенными рѣчами, сказалъ: пусть будетъ по твоему: они подали другъ другу руку, и спокойно уснули. И много лѣтъ потомъ спали на одномъ ложѣ, пребывая въ цѣломудріи. Когда дѣвушка скончалась, мужъ, опуская ее въ гробъ, воззвалъ къ Богу: «возвращаю Тебѣ данное мнѣ сокровище такимъ же чистымъ, какимъ получилъ его отъ Тебя». При этихъ словахъ дѣвушка улыбнулась во гробѣ и сказала: «зачѣмъ же ты говоришь то, о чемъ тебя не спрашиваютъ». Вскорѣ и онъ послѣдовалъ за своею женою. Ихъ похоронили на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; но съ разсвѣтомъ дня народъ увидѣлъ, что гробницы ихъ сблизились сами собою, какъ бы въ знакъ того, что могила не должна раздѣлять соединенныхъ Небомъ. Григорій Турскій заключаетъ преданіе словами: *hos usque hodie Duos Amantes vocitare loci incolae voluerunt*¹⁾, соотвѣтствующими Несторовымъ: *и до сего дне, и нынѣ, якоже и до сего дне словеть*, и т. п. —

Однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, описанныхъ съ наибольшею подробностью, являются у трехъ разсматриваемыхъ лѣтописцевъ *войны внутреннія и внѣшнія*. Самое содержаніе своей лѣтописи Григорій Турскій опредѣляетъ такъ: *«scripturus bella regum cum gentibus adversis, martyrum cum paganis, ecclesiarum cum haereticis»*²⁾. Въ повѣствованіи о войнахъ, коими такъ богата исторія Галліи, о причинѣ и ходѣ ихъ выражается духъ Европейскаго общества V и VI в. Простота въ отношеніяхъ областей между собою, готовность воевать изъ за самой

1) *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, par M. *Bouquet*. Т. II, стр. 151—152. Есть одно южно-Русское преданіе, сходное съ приведеннымъ. Мужа хоронили у церкви, жену—у колокольни; на могилѣ мужа посадили яворъ, на могилѣ жены—тополь: «стали жъ ихъ могилы та присуватися, ставъ яворъ до тополи та прихиятися».

2) *Bouquet*. *Prologus*. стр. 139.

ничтожной причины, жестокость въ военныхъ дѣйствіяхъ — характеризуютъ общественный бытъ описываемаго времени и придаютъ разсказу Григорія Турскаго оригинальность и свѣжесть. Какъ легко было найти поводъ къ войнѣ, видно уже изъ одной ссоры владѣльцевъ Турингіи, Германфрида и Бальдерика. Однажды Германфридъ, прійдя къ обѣду, увидѣлъ, что половина стола не накрыта, и спросилъ у жены, что это значитъ. Она отвѣчала: кто лишаетъ себя половины царства, тотъ долженъ быть доволенъ столомъ вполонину накрытымъ. Подстрекаемый подобными выходками, Германфридъ вооружился противъ своего брата, и тайно послалъ къ Теодорикъ сказать: «если ты умертвишь его, мы страну раздѣлимъ пополамъ». Теодорикъ обрадовался предложенію, и они вмѣстѣ отправились на войну, разбили Балдерика, и послѣ побѣды Теодорикъ возвратился восвояси. Но Германфридъ, забывъ клятву, не исполнилъ обѣщаннаго Теодорикъ, и между ними возникла страшная вражда¹⁾.

Вражды и смуты, внутреннія и внѣшнія, усиливались съ каждымъ годомъ, и Григорій Турскій изливаетъ свою скорбь о бѣдствіяхъ, въ которыя ввергають его отечество войны и междоусобія; онъ видитъ въ нихъ наступленіе золъ и несчастій, предсказанныхъ словами Спасителя: «предастъ на смерть брать брата, и отецъ сына; и возстанутъ дѣти на родителей, и будутъ убивать ихъ»²⁾. Безпрестанныя войны пріучали народы къ кровопролитію, а грубость нравовъ была причиною жестокихъ поступковъ и въ мирное время. Въ лѣтописи Григорія Турскаго разсказывается и о томъ, какъ отецъ задушилъ своего сына, и о томъ, какъ живой былъ заключенъ въ гробъ, наполненный костями мертвыхъ, и о подобныхъ тому жестокостяхъ.

Содержаніе всей третьей части лѣтописи Козьмы Пр. составляютъ преимущественно *раздоры и битвы* Чешскихъ владѣтелей, какъ между собою, такъ и съ сосѣдними державами, Польшей и

1) *Bouquet*. II, стр. 188, IV.

2) Тамъ же. II, книга V. Prologus. стр. 232.

Германіей. Внутреннія и вѣшнія безпокойства, вражда и ненависть, ужасныя преступленія и ужасныя наказанія одно за другимъ описываются въ хроникѣ. Убіиства, отрѣзываніе носа и въ особенности ослѣпленіе упоминаются какъ весьма обыкновенные способы наказанія и мести. Только страхъ Божій и благочестіе, сохранившіеся у немногихъ, удерживали отъ безчеловѣчныхъ поступковъ. Брячиславъ въ порывѣ гнѣва на одного изъ своихъ приближенныхъ не изувѣчалъ его только потому, что считалъ большимъ грѣхомъ испортить то, что сдѣлано рукою самого Бога; обращаясь къ виновному, Брячиславъ сказалъ: «ego si non Deum offendere metuerem, uti meritus es, profecto oculos tibi eruerem; sed nolo, quia grande nefas est corrumpere, quod Dei digitus operatus est in homine»¹⁾).

Изъ событій, относящихся не ко вѣшнему быту народа, а ко внутреннему, особенно любопытны дѣйствія Брячислава, описанныя въ самомъ началѣ 3-й кнпки лѣтописи Козьмы Пр. Брячиславъ распространялъ христіанскія понятія въ народѣ и истреблялъ слѣды язычества; онъ выгналъ изъ Богеміи всѣхъ гадалей и вѣщунговъ; вырубилъ и сжегъ священныя деревья и рощи, боготворяемыя народомъ; уничтожилъ жертвы, приносимыя у источниковъ, а также тѣзны по умершимъ и другіе обычаи быта языческаго. Противодѣйствовать подобнымъ обычаямъ долженъ былъ не одинъ князь или епископъ и въ Россіи XI вѣка; въ XI-мъ же вѣкѣ происходила борьба Брячислава съ язычествомъ, не вполне отвергнутымъ Чехами.

Въ лѣтописи Ламберта наиболѣе пространныя описанія посвящены также *войнамъ и междоусобіямъ*. Часто повторяются въ ней слова: *atrox pugna coorta est, anceps pugna fuit*, и т. п. Безпрестанное повтореніе однихъ и тѣхъ же лицъ, то воюющихъ между собою, то готовыхъ заключить миръ, могло бы придать хроникѣ однообразіе и лишить ее занимательности; но выборъ

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 202. — Monumenta, ed. Pertz. XI. Scriptorum IX, стр. 103.

главнаго предмета для изображенія и описаніе нѣкоторыхъ любопытныхъ особенностей тогдашняго быта сообщаютъ интересъ разсказу, возбуждая вниманіе и участіе читателя. Ламбертъ всего подробнѣе описываетъ войны Генриха IV съ Саксонцами и распрія его съ Гильдебрандомъ. Свиданіе ихъ во дворцѣ Матильды есть одно изъ самыхъ драматическихъ событій въ исторіи среднихъ вѣковъ; Ламбертъ передаетъ его со многими интересными подробностями. Роковой день годовщины отлученія отъ церкви былъ уже близко, а жестокая зима сдѣлала Альпы непроходимыми. Генрихъ рѣшается на все, беретъ опытныхъ вождей, и предпринимаетъ опасный и невѣрный путь черезъ вершины Альповъ, покрытыя снѣгами и льдомъ. Часто оказывается рѣшительная невозможность идти далѣе; тогда онъ ползетъ, упираясь руками и ногами, и не будучи въ состояніи держаться на скользкой массѣ, падаетъ въ обрывъ, откатываясь на большое пространство. Жену Генриха и другихъ женщинъ одѣтыхъ въ бычачьи кожи, путники тащили за собою, также какъ и лошадей, конемъ связали ноги. Впрочемъ трудности далекаго пути не были новостью для Генриха, который не задолго предъ тѣмъ скрывался отъ враговъ въ густомъ и дикомъ лѣсу, содрогаясь при каждомъ шумѣ вѣтра.

Вообще тайныя путешествія по мѣстамъ непроходимымъ были весьма обычны въ то время, когда непрерывныя войны оставляли немногія мѣстопребыванія безопасными для людей богатыхъ и знатныхъ¹⁾. Страхъ отъ угрожающей всюду опасности, ожиданіе новыхъ набѣговъ и чувство самосохраненія заставляли всегда быть наготовѣ къ смѣлымъ подвигамъ, и развивали пріимчивый духъ и страсть къ приключеніямъ. Самое устройство тогдашняго общества поддерживало эту страсть и даже давало ей право законности. Живымъ доказательствомъ тому служитъ разсказъ о Балдуинѣ Фландрскомъ и сыновьяхъ его, Бал-

1) Ср. разсказъ о двухъ отрокахъ и т. п. — въ лѣтописи Ламберта, стр. 251—252, 211—313 и др.

дуинѣ и Робертѣ. Во Фландріи былъ законъ, освященный давностью, состоявшій въ томъ, что одинъ изъ сыновей владѣтеля признавался наслѣдникомъ отца и получалъ всю область, между тѣмъ какъ другіе обязаны были или покориться владѣтельному брату и провести жизнь въ неизвѣстности, или же собственными подвигами добыть себѣ область въ чужой землѣ. Повинуясь древнему закону, Балдуинъ отдалъ всю Фландрію старшему своему сыну, Балдуину, а меньшаго, Роберта, отправилъ искать себѣ счастья въ чужихъ краяхъ. Послѣ многихъ приключеній, изъ коихъ нѣкоторыя могли бы найти мѣсто въ романѣ, Робертъ возвратился на родину, вступилъ въ сраженіе съ братомъ, и, оставшись побѣдителемъ, завладѣлъ всею Фландріею¹⁾.

Не только свѣтскіе владѣтели, но и духовные должны были помогать правъ своихъ вооруженною рукою; не разъ говорится въ лѣтописи Ламберта: *inter milites regis et milites episcopi seditio facta est*, и т. п. Впрочемъ во многихъ отношеніяхъ жизнь высшихъ духовныхъ особъ похожа была на жизнь свѣтскихъ вельможъ. Честолюбіе и удовлетвореніе его силою оружія были обыкновенными явленіями въ бытѣ представителей духовенства. Въ 1063 году въ день праздника Рождества Христова произошла кровавая схватка между камераріями епископа Гильденгеймскаго и аббата Фульдскаго. Причиною ея было мѣстничество, не чуждое и нравамъ западныхъ Европейцевъ: въ собраніяхъ духовенства первое мѣсто подлѣ архіепископа Могонтскаго занималъ обыкновенно аббатъ Фульдскій; но епископъ Гильденгеймскій пожелалъ присвоить себѣ эту честь. Утушенная распря возобновилась съ новою силою въ день Пятидесятницы. Враждующіе ворвались въ церковь съ обнаженными мечами, и во время богослуженія началась кровопролитная борьба. вмѣсто молитвъ и пѣсней духовныхъ раздавались крики сражающихся и вопли умирающихъ; епископъ сталъ на возвышенномъ мѣстѣ и подобно полководцу возбуждалъ своихъ къ битвѣ; на алтарѣ Господнемъ

1) Monumenta Germaniae historica, ed. Pertz. T. VII. Scriptorum V. стр. 180—183.

закалались ужасныя жертвы, и во храмѣ текли рѣки крови, пролитой не по зову истинной вѣры, какъ бывало нѣкогда, а по чувству жестокости ко врагамъ ¹⁾).

Съ разсказами о военныхъ тревогахъ, о подвигахъ храбрости, удивлявшихъ современниковъ, соединяются въ разсматриваемыхъ лѣтописяхъ повѣствованія о событіяхъ еще болѣе удивительныхъ — о *чудесахъ, знаменіяхъ, видѣніяхъ*.

Изъ четырехъ Европейскихъ лѣтописцевъ всего рѣже встрѣчаются описанія необыкновенныхъ явленій у Нестора, всего чаще у Григорія Турскаго. Въ лѣтописи послѣдняго почти столько же упоминается чудесъ, сколько обыкновенныхъ происшествій, и первыя иногда описываются съ большею подробностью, нежели послѣднія. Надлежащая точка зрѣнія на этотъ предметъ въ связи съ внутреннимъ состояніемъ тогдашняго общества указана Рюинаромъ въ ученомъ предисловіи къ изданной имъ лѣтописи Григорія Турскаго.

Съ сказаніями о чудесахъ сливаются извѣстія о необыкновенныхъ явленіяхъ природы виѣшней, о бѣдствіяхъ народа и т. п. Въ лѣтописяхъ Ламберта и Козьмы Пражскаго неоднократно упоминается о знаменіяхъ небесныхъ и бѣдствіяхъ земли: голодѣ, стужѣ, смертныхъ болѣзняхъ, и т. п. Въ самой послѣдовательности этихъ извѣстій замѣтно нѣкоторое сходство между древнею нашею лѣтописью и лѣтописью Григорія Турскаго. Несчастія слѣдовали въ Галліи одно за другимъ: обрушилась скала и задавила многихъ изъ окрестныхъ жителей; нѣсколько разъ вокругъ солнца являлись три или четыре свѣтила, которыя народъ (*rustici* — ср. Нестор. «невѣгласи») называетъ солнцемъ, говоря: вотъ три, вотъ четыре солнца на небѣ; однажды солнце такъ потемнѣло, что видѣлась только четвертая часть его, да и та была мрачна и безцвѣтна, и звѣзда, которую называютъ кометою, съ лучомъ (хвостомъ) подобнымъ мечу, являлась въ теченіе цѣлаго года. И много было другихъ знаменій: въ церковь

1) Тажъ же, стр. 163—164.

во время служенія влетѣлъ жаворонокъ, и потушилъ крыльями всѣ свѣчи; другая птица сдѣлала тоже самое въ базиликѣ св. Андрея. Когда наступила предвѣщаемая язва, во всей странѣ была такая смертность на людей, что невозможно было сосчитать множество погибшихъ, и т. д. ¹⁾).

При разсказѣ о дѣйствіяхъ достопамятныхъ лицъ всѣ три лѣтописца описываютъ иногда и *свойства* этихъ лицъ, не только нравственныя, но и физическія. Отзывы лѣтописцевъ большею частью кратки, и своею краткостью, а равно и выборомъ чертъ для краткой характеристики сближаются съ отзывами нашего лѣтописца.

Ламбертъ говоритъ объ Антонѣ, архіепископѣ Колонскомъ: «crebris jejuniis corpus suum macerabat et in servitutum redigebat. Pernoctabat plerumque in orationibus, et per ecclesias, uno tantum puero contentus comite, nudis pedibus discurrebat. Multa illius in pauperes, in peregrinos, in clericos, in monachos benignitas, mira liberalitas erat» ²⁾).

Какъ близки эти похвалы къ словамъ нашей лѣтописи: «бѣаше постникъ и въздержникъ; егда приснѣаше зима и мрази лютіи, стояше въ прабошняхъ, въ черевьяхъ протоптаныхъ, яко примерзѣнѣша позѣ его къ камени, и не движаше ногами, дондеже отпояху заутреню; бѣ милостивъ убогимъ и странволюбивъ; въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци» ³⁾—качества одинаково удивительныя и драгоцѣнныя какъ для Русскаго лѣтописца, такъ и для Германскаго.

О епископѣ Гюнтерѣ Ламбертъ отзывается такъ: «lingua promptus et consilio, litteris eruditus tam divinis quam humanis, tum statura et formae elegantia ac totius corporis integritate ita ceteris eminens mortalibus, ut in illo Hierosolimitano itinere ex urbibus et agris spectandi ejus studio profluerent». Объ Адалъ

1) Bouquet. II, liber IV. стр. 218—219, XXXI.

2) Monumenta, ed. Pertz. VII. Scriptorum V. стр. 238.

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 81, 84, 85, 92.

берѣ: «*vir per omnia dignus spectaculo; erat enim fortitudinis magnae, edacitatis nimiae, crassitudinis tantae, quae aspicientibus horrorem magis incuteret quam admirationem*» etc.¹⁾.

По этимъ немногосложнымъ отзывамъ можно представить себѣ различіе между упоминаемыми лицами. Но сказанное Ламбертомъ о Гильдебрандѣ далеко не знакомитъ насъ съ характеромъ знаменитаго Римскаго первосвященника. При извѣстіи о его избраніи достоинства новаго папы выражены Ламбертомъ такъ: «*elegerunt Hildebrandum, sacris litteris eruditissimum et in tota ecclesia, tempore quoque priorum pontificum, omni virtutum genere celeberrimum*»²⁾. Въ слѣдующемъ за этими словами пространномъ повѣствованіи о Гильдебрандѣ разсѣяны многіе черты, довольно живо рисующія личность его; но эти черты не выходятъ на первый планъ, а теряются въ массѣ подробностей вовсе не характеристическихъ.

Отзывы Козьмы Пражскаго сходны съ Ламбертовыми по выбору выхваляемыхъ качествъ. Болеслава II Козьма Пражскій называетъ: «*vir christianissimus, fide catholicus, pater orphanorum, defensor viduarum, gementium consolator, clericorum et peregrinorum pius susceptor, ecclesiarum Dei praecipuus fundator*»; сестру его Младу: «*virgo Deo devota, sacris litteris erudita, christianae religioni dedita, humilitate praedita, alloquio blanda, pauperibus et orphanis faulrix larga, ac omni morum honestate decorata*»³⁾. Славникъ, отецъ Адальберта, выхваляется въ такихъ выраженіяхъ: «*erat enim vir laetissimus ad omnes facie, in consiliis serenissimus mente, alloquiis blandissimus, locuples divitiis, quam secularibus, tam spiritualibus. In domo illius honestas fulgebat et sincera dilectio, judiciorum rectitudo et procerum multitudo. In operibus ejus erat legum cognitio, pauperum refectio, moerentium consolatio, peregrinorum receptio, viduarum et orphanorum*

1) Тамъ же, стр. 171.

2) Тамъ же, стр. 194.

3) *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, 47. *Monumenta*, ed. *Pertz*. XI. *Scriptorum* IX, стр. 48.

defensio»¹⁾. Тогдагъ или Теадагъ (Thegdagus, Theadagus), третій епископъ Пражскій, былъ по выраженію Козьмы Пражскаго — «corpore virgineus, moribus aureus, actibus purpureus».

Не одни заслуги вождей церкви и народа обращали на себя вниманіе Козьмы Пражскаго: нѣжная красота женщинъ нашла въ немъ также своего описателя, иногда довольно пламеннаго. Нашъ лѣтописецъ только случайно, вскользь упоминаетъ о женской красотѣ, говоря, что Святославъ отдалъ приведенную имъ Гречанку за сына своего Ярополка «красоты ради лица ея» (стр. 32). Козьма Пр. напротивъ того любитъ расточать похвалы прекрасному полу. О Юднѣ, дочери Оттона, Козьма Пр. говоритъ: «pulchritudine sub Phoebo cunctis quae sunt praelata puellis». Необыкновенная красавица была также Божена, плѣнившая Яромира; возвращаясь съ охоты онъ увидѣлъ ее у колодца, любовался ея станомъ, и огонь любви запылалъ въ сердцѣ Яромира. Да и нельзя было не плѣниться прелестною дѣвушкою, когда она — вѣжнѣ лебедя, бѣлѣ снѣга, прекраснѣ яхонта: «erat enim corporis ejus habitudo insignis, nive candidior, mollior signo, nitidior ebore antiquo, pulchrior saphiro»²⁾.

Но не въ подобныхъ отзывахъ, а въ описаніяхъ пространнѣхъ обнаруживается умѣнье Козьмы Пр. отмѣчать характеристическія особенности изображаемыхъ лицъ. Искусное очертаніе характеровъ, открывающихся въ различныхъ обстоятельствахъ, удачно собранныхъ въ лѣтописи Козьмы Пр., составляетъ одно изъ ея неотъемлемыхъ литературныхъ достоинствъ. Читатель видитъ передъ собою не одинъ перечень именъ и событій, а людей движимыхъ тою или другою страстью. Весьма живо очерченъ характеръ Врагислава, человѣка уклончиваго и притворнаго, изобрѣтающаго самыя утонченныя средства для достиженія своихъ цѣлей. Съ особеннымъ же искусствомъ изображены характеры князя Снятигнева и епископа Гебгарда.

1) Scriptores. I, 54. Monumenta, стр. 51.

2) Scriptores. I, 81, 72. Monumenta, стр. 62, 58.

Спитигневъ былъ чрезвычайно пылокъ и рѣшителенъ. Со-страдательный къ несчастію ближнихъ, склоняющійся на просьбу бѣдной вдовы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ помнитъ обиды, даже давнія, и не пропускаетъ случая отомстить за нихъ. Въ первый же день по восшествіи на престолъ Спитигневъ издалъ повелѣніе выгнать всѣхъ Нѣмцевъ до единого изъ предѣловъ Богеміи; не пощадилъ даже матеря своей, родомъ Нѣмки. Онъ изгналъ такъ же одну аббатиссу, укорявшую его пѣкогда за обиду, имъ самимъ нанесенную. Не смотря на свою злопамятность, онъ былъ, какъ говоритъ Козьма Пражскій, хорошимъ христіаниномъ, много времени посвящалъ молитвѣ, особенно въ теченіе великаго поста.

Еще рѣзче противоположность качествъ: дерзости и смиренія, запальчивости и кротости, совмѣщавшихся въ епископѣ Гебгардѣ. Насильно постриженный въ монахи, онъ бросилъ келію и вступилъ въ военную службу, болѣе сродную съ его наклонностями. Смерть епископа Пражскаго заставила Гебгарда снова облечься въ монашескую одежду. Затѣмъ послѣдовало избраніе его въ епископы. Первымъ подвигомъ новаго епископа въ самый день посвященія было то, что онъ подошелъ къ одному изъ воинновъ, сидѣвшему на берегу Рейна, и столкнулъ его въ рѣку, говоря: снова крещаю тебя, Вильгельмъ. Несчастный Вильгельмъ долго оставался подъ водою и едва не погибъ въ волнахъ Рейна. Уже эта одна выходка знакомитъ нѣсколько съ личностью Гебгарда. Его жестокость и дерзость видны изъ поступковъ съ Моравскимъ епископомъ и съ папскимъ посломъ, такъ что только представительство Матильды удержало за нимъ епископскую кафедру. Подвергаясь въ Римѣ опасности потерять санъ, Гебгардъ по возвращеніи на родину спокойно и весело рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Римѣ, и о томъ, какъ Матильда выручила его изъ бѣды; между прочимъ сказалъ, поглаживая себя по бородѣ: а какова у меня борода — право, годилась бы и Цезарю. Ему отвѣчали на это: о если бы вмѣстѣ съ бородой ты привезъ и другой характеръ. Исполнились ли желанія

Пражанъ или нѣтъ, но, по свидѣтельству Козьмы Пражскаго, въ числѣ поступковъ Гебгарда было много такихъ, которые вполнѣ достойны его сана. Разгульный и свирѣпый вопль, не умѣющій сдерживать себя въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, смиренно исполняетъ обязанности служителя церкви, омываетъ ноги двѣнадцати странникамъ, даетъ пищу и одежду сорока нищимъ, и т. п. ¹⁾.

Лѣтопись Григорія Турскаго заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ описаній, исполненныхъ поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ простоты. Бытъ и нравы людей представлены весьма живо, и если авторъ не заботился о характеристикѣ изображаемыхъ лицъ, то самая подробность изображенія даетъ возможность составить понятіе объ ихъ характерѣ. Подобно всѣмъ другимъ лѣтописцамъ, Григорій Турскій упоминаетъ о достоинствахъ замѣчательныхъ лицъ, и въ концѣ 10-ой книги его лѣтописи находится даже списокъ Турскихъ епископовъ съ показаніемъ ихъ заслугъ. Но гораздо опредѣлительнѣе, нежели изъ краткихъ отзывовъ, читатель знакомится съ различными личностями изъ самаго разсказа лѣтописи. Весьма удачно очерченъ характеръ Теодорика въ 3-й книгѣ, и въ особенности живо — характеръ Фредегунды въ 8-й книгѣ исторіи Франковъ.

Вообще касательно предметовъ, изображаемыхъ четырьмя Европейскими лѣтописцами, въ томъ числѣ и нашимъ Несторомъ, можно замѣтить, что главное мѣсто въ лѣтописяхъ занимаетъ *описаніе быта внѣшняго, а не внутренняго*. Войны, междоусобія, дѣйствія, предпринимаемыя для защиты себя отъ враговъ или для приобрѣтенія добычи, и т. п. казались особенно важными для лѣтописцевъ, сообщавшихъ о нихъ подробныя извѣстія. Миръ внутренній, мысль, руководившая тѣмъ или другимъ событіемъ, значеніе описываемыхъ явленій въ умственной и нравственной жизни народа — не изображались и не указыва-

1) Scriptores. I. 129 и слѣд.; 146, 161, 180 и др. Monumenta. стр. 76, 83, 89, 96 и др.

лись въ лѣтописяхъ. Если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и занимаютъ видное мѣсто предметы, относящіеся къ міру внутреннему, къ вѣрованіямъ и понятіямъ народнымъ (какъ напримѣръ религіозныя распри правовѣрныхъ съ еретиками, подробно изложенныя у Григорія Турскаго), то даже и въ подобныхъ предметахъ ограничиваются сводомъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ догматическое преніе, не опредѣляя идеи, выраженной въ нихъ и значенія ея въ умственной жизни народа. Авторы не забываютъ подробностей, не имѣющихъ прямого отношенія къ главному предмету разсказа; но не выводятъ заключенія о сущности описываемаго событія, не отдѣляютъ отъ него всего посторонняго и случайнаго.

Причина такого преобладанія внѣшняго надъ внутреннимъ заключается въ томъ, что лѣтопись была живымъ выраженіемъ близкаго къ ней по времени и по духу, отчасти же и современнаго ей, общества; лѣтописцы, изображая дѣйствительность, брали изъ нея черты, имѣвшія наибольшее значеніе для общества, среди котораго составлялась лѣтопись. Этотъ выборъ происходилъ не преднамѣренно, а какъ бы самъ собою: писатель въ средніе вѣка не былъ раздруженъ съ современнымъ ему бытомъ большинства; многія происшествія производили совершенно одинаковое впечатлѣніе какъ на лѣтописца, такъ и на всѣхъ его современниковъ. Онъ описывалъ то, что возбуждало общее сочувствіе, а въ теченіе многихъ вѣковъ событія внѣшнія, очевидныя для всѣхъ, привлекали общее вниманіе гораздо болѣе, нежели міръ внутренній, невидимый для массъ, но доступный проницательному уму. Съ развитіемъ просвѣщенія, съ тѣхъ поръ когда исторія образовалась въ стройную, систематическую науку, раскрытіе и объясненіе міра внутренняго, міра идей и чувствъ, признано ея существенною задачею. Требовать же выполненія ея отъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ значитъ идти наперекоръ самой исторіи и по понятіямъ, усвоеннымъ современною намъ наукою, судить о явленіяхъ вѣковъ отдаленныхъ, для коихъ

необходима иная точка зрѣнія, потребны иныя основанія при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній.

Что перевѣсъ внѣшняго надъ внутреннимъ въ повѣствованіи нельзя ставить въ укоръ средневѣковымъ лѣтописцамъ, лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что подобный же перевѣсъ замѣчается и въ образцовыхъ твореніяхъ классической древности, почитаемыхъ до такой степени совершенными, что съ ними не рѣшаются и сравнивать труды писателей послѣдующихъ. Шлецеръ только потому затруднился Русскія лѣтописи назвать лѣтописями, что такое названіе казалось ему слишкомъ громкимъ, напоминая собою знаменитое произведеніе Тацита¹⁾. Ученые находятъ, что и древніе историки изображали жизнь только въ ея внѣшней дѣйствительности, забывая о ея внутренней, духовной сторонѣ; описывали одни внѣшнія, видимыя событія, предлагали біографіи и исчисляли дѣйствія поэтовъ, художниковъ, законодателей и другихъ замѣчательныхъ лицъ, не сознавая, что отдѣльныя произведенія наукъ и искусствъ суть проявленія одной и той же творческой идеи, которая, развиваясь во времени, должна имѣть и свою внутреннюю исторію²⁾.

Отъ содержанія древней Русской лѣтописи, въ которое вошли довольно разнообразныя предметы, обращаемся къ способу изложенія этихъ предметовъ, принимая слово *изложеніе* въ об-

1) Шлецера, Несторъ. I, стр. 4—5.

2) Ср. Charakteristik der antiken Historiographie von Hermann Ulrici, Berlin. 1833. стр. 344: «Demnächst haben wir zu zeigen gesucht, dass die antike Historiographie fortwährend an der Wirklichkeit hing, die einzelne, sinnliche Erscheinung verfolgte und zur Erkenntniss zu bringen suchte, überhaupt aber das Leben in seiner äussern Wirklichkeit (Realität) aufzufassen und darzustellen strebte; dass ihr daher eine philosophische Behandlungsweise, die Auffassung des Leben von seiner geistigen, ideellen Seite fremd gewesen, und in ihrer künstlerischen Behandlungsart eben nur praktische Wissenschaft mit darstellender Kunst, beide an die Wirklichkeit gebunden, sich vereinigt haben» etc. См. тамъ же, стр. 174—175 и др.

ширномъ смыслѣ. Не только языкъ и слогъ, но и послѣдовательность, въ которой событія излагаются въ лѣтописи, направленіе, господствующее въ ней, степень участія, принимаемаго авторомъ въ повѣствованіи, и т. п. должны быть приняты во вниманіе при опредѣленіи того, какимъ образомъ лѣтописецъ пользовался своими матеріалами, въ какой мѣрѣ его воззрѣніе на предметы и искусство въ ихъ описаніи выразились въ его произведеніи.

Послѣдовательность, строго наблюдаемая въ лѣтописи, есть хронологическая; года описываются одинъ за другимъ; въ событіяхъ одного года принять также порядокъ времени, именно порядокъ мѣсяцевъ:

Въ лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка.

Въ лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда....

Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море, мѣсяца іюня въ 10. Томъ же мѣсяци братья створиша миръ межи собою, въ Увѣтичыхъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася....

Въ лѣто 6609. Преставися Всеславъ, Полотъскыи князь....

Въ лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичъ изъ Кыева мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ престави Ярополкъ Ярослава и ятъ я.... Томъ же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20 приде Мстиславъ съ Новгородци.... Въ то же лѣто бысть знаменье на небеси мѣсяца генваря въ 29 день» (стр. 116—117).

Происшествія, находящіеся во взаимной связи, признаваемой самимъ лѣтописцемъ, описываются въ разныхъ мѣстахъ только потому, что случились не въ одинъ и тотъ же годъ. Сообщивъ извѣстія о знаменіяхъ, явившихся въ 1102 году, лѣтописецъ прибавляетъ, что знаменія бываютъ или къ худу, или же къ добру, какъ были они въ этомъ случаѣ, предвѣщая войну, которую дѣйствительно предприняли Русскіе князья противъ Половцевъ. Но о самой войнѣ лѣтописецъ находитъ неумѣстнымъ упомянуть здѣсь же; онъ обѣщаетъ говорить о ней подѣ

слѣдующимъ годомъ, то есть подъ тѣмъ, въ который она происходила, а вмѣсто нея упоминается о событіяхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ предъидущему. Причина предпочтенія ихъ походу противъ Половцевъ заключается единственно въ томъ, что они случились въ тотъ же самый годъ, какъ и знаменія. Вотъ подлинные слова лѣтописца: «знаменья бываютъ ова на зло, ова ли на добро; на придущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи — умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ, еже и бысть, *яко же скажемъ послѣже въ пришедшее мѣто. Въ се же мѣто* преставися Ярославъ Ярополчичь. . . *Въ се же мѣто* ведена бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава» (стр. 117—118).

Такъ какъ многія событія весьма тѣсно связаны между собою и при упоминаніи одного изъ нихъ нельзя было не упомянуть хотя вкратцѣ и о другомъ, то и въ лѣтописи иногда говорится, но только вскользь, о происшествіяхъ, случившихся не въ описываемомъ году, какъ напримѣръ подъ 996 годомъ о Владимирѣ: «праздновавъ князь дній 8, възвращашеться Кыеву, и ту пакы стваряше празникъ великъ, сзывая безчисленное множество народа; видя же люди хрестьяны суша, радовашесе душею и тѣломъ, — и тако *по вся мѣта* творяше» (стр. 54). Предсказаніе смерти Олегу приводится не въ тотъ самый годъ, когда Олегъ узналъ судьбу свою отъ кудесника, а нѣсколькими годами позже, подъ 912 годомъ читаемъ: «и припѣ осень, и *помяну Олегъ конь свой*, яже бѣ поставилъ кормити, не всѣда пань. Бѣ бо преже въпрошалъ вольхвовъ кудесникъ: отъ чего ми есть умырети?», и когда узналъ, что долженъ умереть отъ коня, то повелѣлъ «не водити его къ нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя его, дондеже и на Греки иде. И пришедшу ему къ Кіеву, и *пробысть 4 мѣта, на 5 мѣто помяну конь свой*, отъ него же бяху рекли вольстви умерети Олгови» (стр. 16). Причина несвоевременнаго внесенія извѣстія въ лѣтопись та, что предсказаніе получило значеніе для лѣтописца уже тогда, когда оно исполнилось; лѣтописцу не казалось важнымъ впечатлѣніе, произведенное на

Олега словами кудесника, и объ этомъ онъ упоминаетъ только мимоходомъ; главное же для него было то, что Олегъ умеръ по предсказанію волхвовъ, и что, слѣдовательно, ихъ предсказанія могутъ сбываться. Последнее обстоятельство имѣло для лѣтописца особенную важность, какъ видно изъ ряда приводимыхъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, по мнѣнію лѣтописца, ту дивную вещь, что иногда сбываются чары волхвовъ. Такимъ образомъ разсказъ о чудесной смерти Олега не измѣняетъ общепринятому порядку лѣтъ: подъ 912 годомъ онъ помѣщенъ потому, что именно въ этомъ году исполнилось предсказаніе волхва; все же, происходившее за нѣсколько лѣтъ прежде, упомянуто только для объясненія главнаго предмета — не болѣе. Замѣчаніе о Святополкѣ: «коли идяше на войну или инамо, поли поклонивъся у гроба Феодосіева и молитву вземъ у игумена, ту сущаго, тоже идяше на путь свой» — прибавлено какъ поясненіе того, что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь въ 1107 году. Отсутствіе въ лѣтописи многихъ и весьма любопытныхъ свѣдѣній зависить отчасти отъ того, что они не приходились *кстати* въ разсказѣ, слѣдующемъ порядку *времени*.

Отъ строгаго соблюденія порядка годовъ въ лѣтопись вошли нѣкоторые эпизоды въ родѣ извѣстій о подвигахъ Мстислава въ описанія княженія Ярослава или разсказа о Бонякѣ, прерывающаго повѣствованіе объ Олегѣ. «Олегъ — говоритъ лѣтописецъ — вбѣже въ Стародубъ и затворися ту.... и вылѣзе изъ града, хотя мира, и вѣдѣста ему миръ, рекъше сие: иди къ брату своему Давыдови, и приидѣта Кіеву на столъ отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыевѣ: ту достойно спятися и порядокъ положити. *Олегъ же обѣщаея* се створити, и на семъ цѣловаша крестъ. Въ се же время приде Бонякъ съ Половци къ Кыеву» и т. д. (стр. 98). За тѣмъ говорится подробно о нашествіи Половцевъ, о происхожденіи ихъ, приводится свидѣтельство Меѳодія Патарскаго, и послѣ всего этого слѣдуетъ продолженіе прерваннаго раз-

сказа: «*Омови обѣщавишюся* ити къ брату своему Давыдови» и пр. (стр. 107).

Впрочемъ авторъ соединяетъ эпизодъ съ продолжающимся повѣствованіемъ, говоря: «но мы на предняя взвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали». Также точно, приведя поученіе Θεодосія, лѣтописецъ обращается къ описанію Половецкихъ набѣговъ, и начинаетъ его словами: «мы же на подлежащее възвратимся» (стр. 73). Употребленіе подобныхъ выраженій при переходѣ отъ одного предмета къ другому показываетъ, что лѣтописецъ понималъ требованія послѣдовательности и старался удовлетворить имъ, насколько это возможно было при стѣснительной формѣ погоднаго описанія событій. Иногда связь между предъидущимъ и послѣдующимъ выражается словами: «скажемъ же», «и се да скажемъ», «се же хоцю сказати» и пр.: «Θεодосій игуменъ печерьскый преставися: скажемъ же о успеньи его мало» и т. п. (стр. 79). —

Въ большей части древнихъ Европейскихъ лѣтописей при изложеніи событій наблюдается порядокъ хронологическій. У Ламберта разсказъ идетъ изъ году въ годъ, а въ каждомъ годѣ событія описываются по порядку мѣсяцевъ. Такая условная симметрія въ высшей степени не удобна, и потому Ламбертъ не рѣдко отступаетъ отъ нея, дозволяя себѣ значительные эпизоды. При этомъ онъ, подобно нашему лѣтописцу, не упускаетъ изъ виду главной нити разсказа, съ которою старается такъ или иначе связать эпизодическія повѣствованія. Отступленія чаще всего заключаются словами: *sed ad coeptum, unde digressi sumus, redeamus; ad coeptum potius revertamur*¹⁾, — вполнѣ соответствующими выраженію: «на предняя возвратимся», постоянно употребляющемуся въ подобныхъ случаяхъ нашими лѣтописями.

По мнѣнію Козьмы Пражскаго каждое событіе должно имѣть определенное мѣсто; онъ неоднократно говоритъ: *quantum conflictum habuerit in loco suo declarabitur; — de quibus in suis*

1) Monumenta, et Pertz. VII. Scriptorum V. стр. 225, 184 и др.

locis satis copiose tractabitur, и т. д. Мѣсто событіямъ, какъ видно изъ хроникъ, опредѣлялось *временемъ*, въ которое они происходили. Такъ, политическую исторію Брячислава Козьма Пражскій прерываетъ описаніемъ чуда, ибо чудо совершено Венцеславомъ и Адальбертомъ надъ узниками *въ ту самую ночь*, когда происходило событіе, на коемъ прерванъ рассказъ, и т. д. Слѣдовательно, слова Козьмы Пражскаго: «на своемъ мѣстѣ» выражаютъ тоже самое, что и «*послѣ же скажемъ*» нашего лѣтописца, т. е. когда дойдемъ до *времени*, въ которое это случилось. Но вмѣсто однообразнаго: «се же скажемъ» Козьма Пражскій употребляетъ различныя фразы, въ сущности выражающія одну и ту же мысль: *nec tacere cupio; nec praetereundum censeo*, и т. п.¹⁾

Послѣдовательность, которую Григорій Турскій признаетъ необходимою въ лѣтописи, указана имъ самимъ: *Prosequentes ordinem temporum* — говоритъ онъ — *mixte confuseque tam virtutes sanctorum, quam strages gentium memoramus*. Но авторъ часто измѣняетъ обѣщанному порядку времени: прерываетъ рассказъ посторонними извѣстіями, дѣлая это или по чувству уваженія къ лицамъ, о которыхъ желалъ говорить прежде, нежели о другихъ предметахъ, или же просто по забывчивости, въ чемъ откровенно и сознается. Разговоръ свой съ Сальвіемъ онъ приводитъ не тогда, когда бы слѣдовало, оправдывая себя тѣмъ, что забыть какое-либо происшествіе и потомъ рассказать о немъ не вовремя — вовсе не есть преступленіе: «*et licet — говоритъ онъ — de beati Salvii episcopi conlocutione superius memorare debueram, sed quia mente excessit, esse sacrilegium non arbitror, si in posterum scribatur*»²⁾. Въ лѣтописи Григорія Турскаго гораздо менѣе послѣдовательности въ изложеніи, нежели въ лѣтописяхъ Ламберта, Козьмы Пражскаго и нашего Нестора. По напвности довольно забавной, съ которою объясняется допущеніе

1) *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, стр. 139, 140, 161, 162 и др. *Monumenta*, стр. 80, 81, 89, и др.

2) *Bouquet*, *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. II, 264.

эпизодовъ, въ Григоріи Турскомъ можно узнать предшественника Жуанвила.

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопоставлялись происшествія, лишенныя внутренней связи между собою, не смотря на краткость и какъ бы случайность многихъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе — изъ безцвѣтныхъ описаній; она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человекомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои *понятія* и *чувства*, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности.

Понятія его выражаются въ указаніи *причинъ* происшествій и преимущественно въ *объясненіи* ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ большей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остался вѣренъ общему мнѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человека начитаннаго и разсудительнаго, лѣтописецъ, указывая ея неосновательность, выражаетъ *свое мнѣніе*, основанное на свидѣтельствахъ вполне достовѣрныхъ.

По словамъ лѣтописца, князья X и XI в. воюють между собою и предпринимають походы, увлекаясь желаніемъ расширить свою область или получить богатую дань, или же слѣдуя ложнымъ совѣтамъ, и т. п. Дружина сказала Игорю: отроки Свѣнелдовы изодѣлись оружіемъ и портами, а мы наги; пойди, князь, съ нами въ дань, и ты добудешь и мы: и послушалъ Игорь, «иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани,

насиляше имъ, и мужи его». Спустя почти полтора столѣтій возникла распря между Ярославичамъ: двое изъ братьевъ вооружились на старшаго въ родѣ Изяслава, заставили его удалиться изъ Кіева, а самъ сѣли на столъ на Берестовомъ, преступивъ заповѣдь отнюю: «Святославъ же бѣ начало выгнанью братню, *желая большее власти*». Въ 1085 году Ярополкъ хотѣлъ идти на Всеволода, «послушавъ злыхъ совѣтниківъ». и т. д.¹⁾ Эти причины такъ естественны для тогдашняго общества, что представить другія, болѣе сложныя, значило бы измѣнить духу времени, удалиться отъ простоты древняго быта.

При сужденіи о причинахъ событій, указываемой въ лѣтописи, необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ кажется маловажнымъ и наивнымъ, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вслѣдствіе различныхъ условий ихъ быта, съ коими находится въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Приведемъ любопытное въ этомъ отношеніи замѣчаніе профессора Бѣляева. Онъ говоритъ: «съ перваго взгляда рассказъ Несторовъ о войнѣ Ярополка съ Олегомъ (въ 977 г.) представляетъ эту войну не болѣе, какъ слѣдствіемъ мести Свенельда за смерть сына (въ 975 г.)... Вся вина Свенельдяча состояла въ ловлѣ звѣрей въ чужомъ лѣсу: «ловъ дѣющу Свенальдичу, гна по звѣрп въ лѣсѣ: и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему: Свенальдичъ: и заѣхавъ, убя я, бѣ бо ловы дѣя Олегъ» (I, 31). По нашимъ теперешнимъ понятіямъ, это самая ничтожная причина, показывающая не болѣе, какъ прихоть Олегову; но не такъ это понимали наши предки въ X столѣтіи; тогда охота за звѣрями имѣла священныя права, нарушение которыхъ посягало на первыя и важнѣйшія условія независимой жизни; припомнимъ, что еще при Несторѣ знали и свято хранили ловища и перевѣсища Ольги. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ даже въ XIII вѣкѣ (напр. грам. 1265 г. съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ) помѣщались особыя

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 23, 78, 83.

статьи о ловлѣ звѣрей Новгородскими князьями, и для этого отводились особыя мѣста. Послѣ этого Олегъ имѣлъ полное право убить Свепельдича, который самовольно, нарушая права охоты и лова звѣрей въ ловищахъ княжескихъ, святотатственно пренебрегалъ княжескими правами, такъ сказать смѣялся надъ властію удѣльнаго князя и, конечно, дѣлалъ это не безъ согласія Кіевского государя, который искалъ только предлога начать войну съ братомъ» и т. д.¹⁾

Вышею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствию небесной силы — Богъ влагаетъ ихъ въ умъ и сердце человѣка. Рѣшимость Русскихъ князей защищать родную землю лѣтописецъ выражаетъ словами: *вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи*. Знаменитый представитель нашей церкви, Иларіонъ, первый митрополитъ изъ природныхъ Русскихъ, получилъ свой высокій санъ потому, что «*Богъ князю вложи оъ сердце, и постави и митрополитомъ въ святой Софѣи*»²⁾. Богъ благословляетъ оружіе защитниковъ отечества и поражаетъ ужасомъ враговъ: «*Богъ великій вложи ужастъ велпку въ Половцѣ и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Русскихъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; наши же съ весельемъ на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ*»³⁾. Несчастія, постигающія людей, допускаются Богомъ, какъ справедливое наказаніе за грѣхи и беззаконія: «се бо на ны Богъ попусти поганымъ — говоритъ лѣтописецъ — не яко милоуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ: спмъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да нѣколи смирившеса вспомянемъся отъ злаго пути своего»⁴⁾.

1) Чтенія Московск. общества исторіи и древностей. 1847. № 5. Изслѣдованіе *Быляева* «о Несторовой лѣтописи». стр. 32—33.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 117, 67.

3) Тамъ же. стр. 118.

4) Тамъ же. стр. 95.

Неминуемой казни подвергается тотъ, кто «преступаетъ крестъ», т. е. нарушаетъ клятву, скрѣпленную цѣлованіемъ креста. Съ другой стороны тотъ, кто вѣренъ данному слову, привлекаетъ на себя благословеніе Божіе. Изяславъ и братья его поступили вѣроломно: цѣловали «крестъ честный къ Всеславу» и говорили: приди къ намъ, не сотворимъ тебѣ зла; онъ переѣхалъ въ ладѣ черезъ Днѣпръ, и былъ схваченъ, приведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ порубъ съ двумя сыновьями. Вскорѣ за вѣроломнымъ поступкомъ послѣдовало вторженіе Половцевъ: Изяславъ бѣжалъ въ Ляхи, а Всеславъ сѣлъ въ Кіевѣ. Все это произошло не случайно: такимъ стеченіемъ событій «Богъ показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ приметъ казнь, и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную: понеже велика есть сила крестная»¹⁾. Сверхъ общаго значенія для всего христіанскаго міра, крестъ имѣлъ для современниковъ лѣтописца еще значеніе особенное, какъ символъ единства Русской земли, залогъ внутренняго мира и дружнаго противодѣйствія врагамъ отечества. Князья, враждовавшіе между собою и на полѣ брани и подъ домашнимъ кровомъ, забывали вражду свою у креста, и только «спла крестная» могла возстановлять единодушіе, нарушаемое кровопролитными усобицами.

Ненависть и вражда между братьями и родственниками приписываются кознямъ дьявола: «въздвиге дьяволъ котору въ братья сѣй Ярославичихъ: бывши распри межю ими» и пр. Но дьяволъ можетъ дѣйствовать только на маловѣрныхъ и малодушныхъ; на твердыхъ же въ вѣрѣ и чистыхъ мыслію и совѣстью онъ не въ силахъ оказывать вліяніе, и въ борьбѣ съ ними остается побѣжденнымъ. Наущенія дьявола въ такой же степени опасны, какъ и совѣты злыхъ людей, а потому всякій вѣрующій и правомыслящій можетъ остаться невредимымъ отъ вражескихъ козней. Злые люди дѣйствуютъ за одно съ винов-

1) Тамъ же, стр. 72—74.

ипкомъ зла, стараясь поселить въ душахъ преступныя чувства и памѣренія: «приде Ярополкъ изъ Ляховъ, и сѣде Володимери, и пересѣдѣвъ мало днѣ, иде Звенигороду; и не дошедшу ему града, и прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадѣя, отъ дѣволя наученія и отъ злыхъ челоуѣкъ». Хотя бѣсы и подвигаютъ людей на зло, но помышлений челоуѣческихъ они не знаютъ: «бѣсп бо не вѣдятъ мысли челоуѣческое, но влагаютъ помыслъ въ челоуѣка, тайны не свѣдуше. Богъ единъ свѣсть помышленья челоуѣчская, бѣси же не свѣдаютъ ничтоже»¹⁾.

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и на небѣ происходят не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою челоуѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ челоуѣческихъ. Такая вѣра въ родство челоуѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является челоуѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными пуждами, — есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи. Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: *знаменіе* — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое: «*знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ми на добро*» — говорятъ лѣтописецъ²⁾.

Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи находится слѣдующее извѣстіе съ объясненіемъ: «Въ се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять, дній 5; *се же знаменіе не добро бысть*: на 4-е бо лѣто *пожже Всеславъ градъ*»³⁾.

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. стр. 78, 88, 76.

2) Тамъ же. I. стр. 117.

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. стр. 70.

Въ знаменіяхъ искалп пророческаго смысла всё — и простолудины, и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ такъ же принималъ общее мнѣніе, какъ видно и изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій, и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ *явленія небесныя обратилъ на добро*: «видяще знаменья, *благотърпи*и челоувѣци съ въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро»¹⁾. Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затмѣнія, народъ говорилъ, что солнце съѣдено: такъ думали во времена Нестора; отголосокъ такого же мнѣнія сохраняется и доселѣ въ устахъ народа въ слѣдующемъ повѣр'ѣ о зарѣ, съѣдающей солнце: «заря, заряница, красная дѣвица, по бору ходила, болѣсть говорила, травы собирала, корни вырывала, мѣсяцъ скрала, солнце съѣла: чуръ ее колдунью, чуръ ее вѣдунью»²⁾. Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя «невѣголосамі» тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затмѣніи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событіями земными, коимъ будто бы служить оно предзнаменованіемъ.

Описавъ цѣлый рядъ необыкновенныхъ явленій, Несторъ говоритъ, что они случились не къ добру, и въ доказательство приводятъ однородныя извѣстія изъ хроники Георгія Амартола. Въ это же время — говоритъ нашъ лѣтописецъ подъ 1064 годомъ — было знаменье на западѣ: звѣзда превеликая, съ лучами вида кроваваго, восходящая съ вечера по заходѣ солпечномъ. Это проявляло (проявляше) не добро: послѣ того было много усобицъ и нашествіе поганныхъ на Русскую землю; ибо звѣзда цвѣта кроваваго (акы кровава) проявляетъ кровопролитье. Въ то же время рыболовы выволокли неведомъ изъ Сѣтомля дитя, на

1) Тамъ же. стр. 117.

2) См. «Солнечныя затмѣнія, видѣнныя въ Россіи до XVI вѣка», статья Мельникова въ Отечественныхъ Запискахъ. 1842. № 6.

которое мы смотрѣли до вечера; оно было таково: «на лица ему срамніи удове, много не лѣзъ казати срама ради». Предъ сѣмъ же временемъ и солнце измѣнилось: не блестѣло болѣе, а сдѣлалось какъ мѣсяцъ; «его же не вѣгласи глаголють снѣдаему сущу. Се же бывають снѣда знаменья не на добро, *мы бо по сему разумѣмъ*». Древле, при Антиохѣ, въ Иерусалимѣ являлись на воздухѣ вооруженные всадники, и это проявляло нашествіе Антиоха на Иерусалимъ. Потомъ при Неронѣ въ томъ же Иерусалимѣ возсіяла надъ городомъ звѣзда въ видѣ копья, проявлявшая нашествіе Римлянъ. При Юстиніанѣ явилась на западѣ звѣзда, которую называютъ блистаницею; потомъ было теченіе звѣздамъ, такъ что всѣ думали, что падаютъ звѣзды; и солнце не пускало лучей: все это проявляло крамолы, недуги и морь. При Маврикіи же случилось вотъ что: одна женщина родила дитя безъ рукъ и безъ ногъ, съ рыбьимъ хвостомъ; тогда же родился шестиногій несть, и т. п. При Константинѣ иконоборцѣ было теченіе звѣздное на небѣ. Въ Сиріи было страшное землетрясеніе, земля разсѣлась на три поприща, и вышла изъ земли кобылица, говорившая человѣческимъ языкомъ и предрекавшая нашествіе враговъ, которое и случилось дѣйствительно: Сарацины сдѣлали нашествіе на Палестину, и т. д. ¹⁾).

Объясненія, подобныя приведенному, встрѣчаются довольно часто въ древней лѣтописи, выражая собою взглядъ лѣтописца. Первое изъ нихъ находится при описаніи быта Русскихъ племенъ, заключающемся извѣстіемъ о Вятичахъ, сожигающихъ мертвые тѣла. Затѣмъ слѣдуютъ слова: такой же обычай и у Кривичей и у другихъ язычниковъ, не знающихъ закона Божія, но сдѣлавшихъ самъ себѣ законъ. Говоритъ Георгій въ лѣтописаньи: у всякаго народа есть или письменный законъ, или обычаи предковъ, почитаемые закономъ, и т. д. — о правахъ Сирійцевъ, Вавилонянъ и другихъ народовъ ²⁾). Это мѣсто займ-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. стр. 71.

2) Тамъ же, стр. 6—7.

ствовано также у Амартола; оно приведено нами выше и въ подлинникѣ и въ переводѣ (стр. 88—91). Лѣтописецъ помѣстилъ его вслѣдъ за описаніемъ быта своихъ соотечественниковъ, вѣроятно, потому, чтобы разпообразіемъ правовъ и обычаевъ у многихъ народовъ объяснить несходство въ правахъ и обычаяхъ племенъ Русскихъ. Въ наше время было бы излишне доказывать или объяснять общезвѣстную истину, подобную той, что у всякаго народа свои обычаи; но въ XI—XII в., когда этнографическими свѣдѣніями обладали не многіе, писатель, убѣжденный въ необходимости христіанскаго закона, могъ найти нужнымъ, описывая образъ жизни своего народа, независимый отъ закона вѣры, привести извѣстія о другихъ народахъ, не знающихъ закона Божія и живущихъ по своимъ стародавнимъ обычаямъ. Какъ не требуетъ доказательствъ то, что всякій народъ живетъ по своему, такъ ясно само-собою и то, что счастье и несчастье, добро и зло перемѣшаны въ жизни, и потому, описывая жизнь какъ она есть, необходимо говорить и о хорошихъ поступкахъ и о дурныхъ; а между тѣмъ Григорій Турскій считалъ нужнымъ объяснять эту простую истину многими примѣрами, заимствованными изъ Св. Писанія и сочиненій различныхъ историковъ. Внимательный читатель Библіи — говоритъ онъ — замѣтитъ, что нечестивый Финеесъ умеръ при Самуилѣ праведномъ и Голіафъ при Давидѣ; что въ то время, когда Илія удерживалъ дождь, и скудость бѣдной вдовы превратилъ въ богатство, бѣдствія тяготѣли надъ народами и несчастная земля изнемогала отъ засухи, и т. д. ¹⁾.

Преданіе о смерти Олега лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что предсказанія волхвовъ, иногда, къ общему удивленію, сбываются. Такъ именно въ царствованіе Доміціана волхвъ Аполлоній Тіанскій дѣлалъ бѣсовскія чудеса, ходя изъ города въ городъ. Пришедъ въ Византію, изгналъ оттуда множество змѣй и скорпіоновъ. Пришедъ въ Антиохію, избавилъ ее отъ скорпіоновъ и

1) *Bouquet*, Recueil des historiens. II, 154—155.

комаровъ такимъ образомъ: сдѣлалъ изъ мѣди скорпіона, зарылъ его въ землю, поставилъ надъ нимъ небольшой столбъ, и приказалъ народу ходить по городу, махать палками и кричать: «безъ комара граду» (ἀκώνωπον τῇ πόλει); и отъ этого исчезли и комары и скорпіоны. Будучи вопрошенъ о землетрясеніяхъ, угрожающихъ городу, Аполлоній написалъ со вздохомъ: горе тебѣ, несчастный городъ, тебя разрушатъ землетрясенія и пожары. И Апастасій Божія града говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и доселѣ прибѣгаютъ къ дѣйствіямъ Аполлонія для уничтоженія вредоносныхъ птицъ и четвероногихъ, для удержанія опустошительнаго разлива рѣкъ, и т. п. Еще болѣе: бывали и такіе случаи, что пророчествовалъ объ истинномъ Богѣ люди, подобные Валааму, который не отличался ни хорошею жизнію, ни правою вѣрою, Саулу, Каіафѣ и другимъ, и т. д.¹⁾

Какъ преданія народа, такъ и рассказы отдѣльных лицъ лѣтописецъ сопровождаетъ обыкновенно объясненіями. Больше всего отъ Новгородцевъ приходилось ему слышать о вещахъ диковинныхъ, требовавшихъ подтвержденія въ ихъ достовѣрности. Такъ, одному Новгородцу случилось прійти въ Чудь и обратиться къ кудеснику за волхвованьемъ. Кудесникъ по обычаю сталъ призывать бѣсовъ, но они не являлись, и кудесникъ сказалъ: бѣсы не смѣютъ прійти — на тебѣ есть что-то, чего они боятся. Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ былъ крестъ, и снялъ его: тогда бѣсы ринулись въ храмину и открыли Новгородцу то, о чемъ онъ желалъ узнать. На вопросъ его, отчего бѣсы бѣгаютъ креста, волхвъ отвѣчалъ: «то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся». А что за бози у васъ и гдѣ они живутъ? спросилъ Новгородецъ. «Въ безднахъ, — сказалъ кудесникъ — суть же образомъ черни, крилаты, хвосты пмуще, всходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небеси суть: еще кто умретъ отъ вашихъ людей, то възносимъ есть на небо; еще ли отъ нашихъ умираетъ,

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 16—18.

то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну». Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что волхвы дѣйствуютъ по наученію бѣсовъ; больше всего волхвуютъ женщины, ибо искони дьяволъ прельстилъ жену; но и между мужчинами бываютъ чародѣи, и въ примѣръ приводитъ Іаннія и Іамврія волхвовъ, современныхъ Моисею; также Симопа волхва, бывшаго во времена апостоловъ: онъ заставлялъ псовъ говорить по-человѣчески, измѣнялся и самъ, являясь то старикомъ, то юношею, и «иного премѣняше во иного образъ» и т. д. ¹⁾).

Разсказъ Гюряты Роговича Новгородца о дивныхъ людяхъ, заключенныхъ въ скалѣ, Несторъ поясняетъ свидѣтельствомъ Меоодія Патарскаго о народѣ, заключенномъ Александромъ Македонскимъ. Выше мы привели свидѣтельство Меоодія и въ подлинникѣ и въ переводахъ Латинскомъ и Славянскомъ (стр. 118—120).

Объясняя преданія и разсказы, лѣтописецъ не оставляетъ безъ объясненія и самыхъ словъ, именно — названій народовъ и городовъ ²⁾). Народы, по свидѣтельству лѣтописца, получили свои названія большею частью отъ мѣстъ, на которыхъ поселились, и преимущественно отъ рѣкъ: «отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и *прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ*: иные сѣли на рѣкѣ Моравѣ и прозвались Моравами; другіе сѣли на Двинѣ и прозвались Полочанами, отъ рѣки Полоты, впадающей въ Двину; Бужане получили такое имя, «зане сѣдоша по Бугу»; Древляне — «зане сѣдоша въ лѣсѣхъ»; Поляне — «занеже въ полѣ сѣдяху». Иные народы получили имена отъ вождей: въ Ляхахъ — «въ Лясѣхъ» — было два брата, Радимъ и Вятко; Радимъ поселился на берегахъ Сожи, и отъ него прозвались Радимичи; Вятко съ родомъ своимъ поселился по Окѣ, и отъ него прозвались Вятичи. Роговолодъ пришелъ изъ за моря и поселился въ Полотскѣ, а Туръ въ Туровѣ, и отъ

1) Тамъ же. стр. 77.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей I, стр. 3, 5, 12, 32, 53, 4.

Тура получили названіе свое Туровцы. Переяславль одолженъ и именемъ своимъ и самымъ существованіемъ подвигу храбраго отрока побѣдившаго Печенѣжипа. Видя паденіе своего богатыря, «Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимерь же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и *Переяславль*, зане *перя славу* отроковъ отъ». Никоновская лѣтопись, сообщающая весьма часто имена лицъ, упоминаемыхъ безъ имени въ древнѣйшихъ спискахъ, называетъ отрока *Яномъ Усмошвецомъ*, говоря о немъ какъ о богатырѣ, подобномъ *Александру Поповичу* или *Рахдаю удалому*¹⁾. Кіевъ получилъ свое названіе отъ *Кія*, одного изъ трехъ владѣтельныхъ братьевъ въ племени Полянъ. Люди «несвѣдущіе» полагали, что Кій былъ перевозчикомъ; такое мнѣніе произошло оттого, что черезъ Днѣпръ былъ перевозъ и весьма часто говорили: «на перевозъ на Кіевъ». Этотъ переходъ часто повторяемой фразы въ собственное имя напоминаетъ образованіе слова *Стамбулъ* изъ *εἰς τὴν πόλιν* — «въ городъ». Лѣтописецъ не соглашается съ общимъ мнѣніемъ, опровергая его тѣмъ, что если бы Кій дѣйствительно былъ перевозчикомъ, то не ходилъ бы въ Константинополь и не принялъ бы отъ царя великой чести.

Чтò составляетъ особенное достоинство Нестора въ извѣстіяхъ о странахъ и народахъ, это — ясность, полнота и точность сообщаемыхъ имъ географическихъ свѣдѣній о сѣверѣ Европы и о мірѣ Славянскомъ. Великая заслуга нашего лѣтописца давно уже признана и доказана Шлецеромъ. «Внутренность земель, — говорятъ Шлеперъ — лежащихъ по сую сторону Балтійскаго моря отъ Вислы, была неизвѣстна; Несторъ первый открываетъ сей міръ, бывший до тѣхъ поръ сокрытымъ; извѣстій его не много, но за то они вѣрны, опредѣленны и съ точностію означены. До Нестора не было географіи Европейскаго сѣвера, которая достойна бы была сего названія»²⁾.

1) Русская лѣтопись по Никонову списку. I, стр. 107 и 111.

2) *Шлецеръ*, Несторъ I, стр. 41 и 38.

Какъ Несторомъ, такъ и другими Европейскими лѣтописцами, опредѣляется взаимная связь событій и высказываются мнѣнія о нихъ. Въ этомъ отношеніи не мало замѣчательныхъ данныхъ представляютъ лѣтописи Козьмы Пражскаго и Ламберта, называемаго древнѣйшимъ авторомъ *прагматической* исторіи въ Германіи. Но и у Ламберта связь событій и сужденіе о нихъ не раскрываются послѣдовательно, ограничиваясь обыкновенно нѣсколькими намеками, дающими поводъ къ недоразумѣнію. Такого рода отзывъ его о законѣ безбрачія, произведшемъ сильное движеніе во всемъ католическомъ мірѣ. Противъ декрета папскаго — говоритъ Ламбертъ — вооружались лица духовныя, обвиняя папу въ томъ, что онъ забылъ слова Спасителя: «не всѣ могутъ снести сіе, но тѣ, коимъ дано» (Мат. XIX, 11) и Апостола: «лучше вступать въ бракъ, нежели разжигаться» (I Кор. VII, 9). Но папа настаивалъ на своемъ. Архіепископъ же Могонтскій дѣйствовалъ умѣреннѣе, зная, какъ трудно уничтожить укоренившійся вѣками обычай и по началамъ раждающейся церкви пересоздать одряхлѣвшій міръ. Судя по этимъ словамъ можно бы подумать, что и Ламбертъ принадлежалъ къ числу недовольныхъ; но далѣе онъ называетъ браки духовныхъ незаконными и противными церковнымъ постановленіямъ, чѣмъ и обнаруживается его собственный образъ мыслей о мѣрѣ Гильдебранда¹⁾.

Неожиданное счастье приписываетъ Ламбертъ особенной милости Божіей, а волненія общественныя — дѣйствію нечистой силы. Наущеніемъ же сатаны объясняется поступокъ префекта Квинтія, который, будучи отлученъ папою, ворвался съ оруженосцами въ церковь и вытащилъ изъ нея папу за волосы. Ламбертъ отвергаетъ обвиненіе, взводимое на Гильдебранда въ томъ, что будто бы Матильда день и ночь держитъ его въ своихъ объятіяхъ. Неправедливость клеветы доказывается, по мнѣнію

1) Monumenta Germaniae historica, ed. Pertz. VII. Scriptorum V. стр. 217 — 218 и 257.

Ламберта, во-первыхъ, образомъ жизни Матильды, которая постоянно окружена многолюднымъ обществомъ, такъ что порочная связь не могла бы избѣжать огласки; во-вторыхъ, добродѣтелями паны, его усердіемъ къ церкви, знаменіями и чудесами, совершаемыми по его молитвамъ.

Козьма Пражскій причиною однихъ событій почитаетъ сдѣленіе обстоятельствъ, причиною же другихъ — дѣйствіе силы таинственной и притомъ враждебной человѣку. Древній змій, — говоритъ онъ — врагъ роду человѣческому, никогда не дремлющій и постоянно нарушающій спокойствіе другихъ, не стерпѣлъ мирной жизни братьевъ, короля Вратислава и епископа Гебгарда, и посѣлялъ между ними вражду¹⁾. Такой же взглядъ выражается словами нашей лѣтописи: «воздвиге дьяволъ котору въ братья».

Явленія небесныя отмѣчались всѣми Европейскими лѣтописцами, какъ событія необыкновенныя, имѣющія сокровенный смыслъ. Разсказъ о дѣйствіяхъ Геприха въ 1074 г. Ламбертъ прерываетъ извѣстіемъ о двухъ огненныхъ столбахъ, видѣнныхъ на небѣ. Въ числѣ происшествій 1066 г. упоминается о кометѣ и вслѣдъ за тѣмъ о жестокой битвѣ на сѣверѣ Европы. Хотя Ламбертъ прямо не называетъ послѣдняго событія слѣдствіемъ перваго, но ихъ сопоставленіе указываетъ на то, что онъ допускалъ между ними нѣкоторую связь. Онъ говоритъ: *in festis paschalibus per quatuordecim fere noctes continuas cometa apparebat. Quo in tempore atrox et lacrimabile nimis praelium factum est in partibus aquilonis, in quo rex Anglisaxonum tres reges cum infinito eorum exercitu usque ad internitionem delevit*²⁾.

Григорій Турскій рѣшительно высказываетъ мысль, что затмѣнія солнца суть кары за пороки и пролитіе невинной крови: «*tunc et sol teter apparuit, ita ut vix ab eo pars vel tertia elu-*

1) *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, 178.—*Monumenta*, ed. *Pertz*. XI. *Scriptorum* IX, 95.

2) *Monumenta historica*, ed. *Pertz*. VII. *Scriptorum* V. стр. 207, 173.

ceret; credo pro tantis sceleribus et effusione sanguinis innocentis»¹⁾. Смерть короля Теодобальда предвѣщали, по мнѣнію Григорія Турскаго, чудныя явленія, а именно: на деревѣ бузинѣ (*sambucus*) выросли виноградныя кисти и въ кругѣ луны явилась звѣзда, двигался къ ней на встрѣчу²⁾.

Иныя изъ причинъ, приводимыхъ лѣтописцами, довольно наивны; другія показываютъ наблюдательность и умѣнье понимать вещи. Но при всемъ достоинствѣ западныхъ лѣтописцевъ у нихъ нѣтъ такой послѣдовательности въ объясненія событій сомнительныхъ, какою отличается наша древняя лѣтопись. Поясненія, находящіяся въ другихъ лѣтописяхъ, не всегда умѣстны; съ другой стороны, часто остаются вовсе безъ поясненій такія извѣстія, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ читателѣ. Нашъ лѣтописецъ объясняетъ вещи, дѣйствительно и наиболѣе нуждающіяся въ истолкованіи. Онъ не былъ довѣрчивъ къ слухамъ и впечатлѣніямъ: зналъ ли онъ о какомъ-либо происшествіи по молвѣ народной, слышалъ ли о немъ отъ людей достойныхъ вѣроятія, былъ ли даже самъ очевидцемъ его, онъ старался дать себѣ отчетъ въ этомъ происшествіи, если оно почему бы то ни было казалось не вполне сообразнымъ съ обыкновеннымъ ходомъ вещей. Слова лѣтописца при опредѣленіи причины событій: «мы посему разумѣмъ» показываютъ, что онъ обсуживалъ то, что вносилъ въ свою лѣтопись, составлялъ ее съ разборчивостью, помѣщая въ ней только такія свѣдѣнія, которыя доступны были его разумѣнію, удовлетворяли требованіямъ мыслящаго человѣка.—

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвлеченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣнія о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу Русской земли, а потому мысли его исполнены одушевленія, соединяясь съ *чувствами*, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе.

1) *Bouquet*. Recueil des historiens. II, стр. 160.

2) Тамъ же, стр. 207.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ разсказъ, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ словахъ: «Олеѣ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвши, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестіянску, *ея же крове озищеть Богъ отъ руку ею*, и отвѣтъ дати има за погубленіе душа хрестіянскы» ¹⁾. Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему и встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига.

Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага Русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ Русскихъ вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія: «си бысть предѣтекущія крестьянстѣй земли акп деньница предѣ солнцемъ и аки зоря предѣ свѣтомъ; си бо съяше аки луна въ пощи; тако и си въ невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтяшеса, аки бисеръ въ калѣ: кални бо бѣша, грѣхъ не омовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлю святою и совлечеса грѣховныя одежа ветхаго челоуѣка . . . Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Русіи сынове, ибо по смерти моляше Бога за Русь» и т. д. ²⁾. Ольга была предшественницею Владимира на поприщѣ хрестіанскомъ. При Владимирѣ вся земля Русская просвѣщена хрестіанскою вѣрою; оставалось укрѣпить вѣру въ новообращенномъ народѣ, что возможно было только посредствомъ образованія, и преемникъ Владимира св., Ярославъ, заботится о просвѣщеніи своего народа ученіемъ книжнымъ.

Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣннымы лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое вы-

¹⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 86.

²⁾ Тамъ же. стр. 29.

ражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владимира и Ярослава, принадлежащемъ къ числу самыхъ счастливыхъ образцовъ въ нашей древней лѣтописи. «Яко же бо се нѣкто землю разореть, — говоритъ лѣтописецъ — другой же насѣетъ, ни же пожинають и ядятъ пищу бескудну, тако и съ: отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій; а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученья книжного; книгами бо кажемъ и учимъ есмы пути покаянью; мудрость бо обрѣтаемъ отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, папаяюще вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаемъ есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваля е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ; азъ призвахъ страхъ Господень; мопъ свѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость; мною цареви царствуютъ и силнии пишутъ правду» и т. д. ¹⁾).

Общественное благо потрясаемо было набѣгами вражескими и междоусобіями князей; описаніе и тѣхъ и другихъ несчастій сопровождается изліяніемъ горестнаго чувства. Половцы пришли на землю Русскую, и на Руси открылась печальная картина: «ови ведутся полонени; друзіи посѣкаемы бывають; друзіи на месть даемы бывають, горкую смерть пріемлюще; друзіи трепечють, зряще убиваемыхъ; друзіи голодомъ уморяемы и водною жажею; ови вляжемы и пятами пхаемъ, и на зимѣ держимъ и ураняемъ». Участіе свое къ народному бѣдствію и свое воззрѣніе на него лѣтописецъ выражаетъ такимъ образомъ: «праведно и достойно есть, тако да накажемъся, тако вѣру имемъ, кажемъ есмы: подобаше намъ преданымъ быти въ руку языку странну и безаконнѣйшу всея земля. Рцѣмъ велегласно: праведенъ еси, Господи, и прави суди твои. Рцѣмъ по оному разбойнику: мы достойная, яже сдѣяхомъ, пріяхомъ. Рцѣмъ и со Ювомъ: яко

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 65—66.

Господеви любо бысть, тако и бысть; буди имя Господне благословено въ вѣки. Да нахоженъемъ поганыхъ и мучими ими Владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахомъ: прославлени бывше, не прославихомъ; почтени бывше, не почтохомъ; освятившеся, не разумѣхомъ; куплени бывше, не поработали; породившеся, не яко отца постыдѣхомся. Согрешихомъ и казнимъ есмы; яко же створихомъ, тако и стражемъ: городи вси опустѣша и села; преидемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нонѣ видимъ; нивы, поростыше, звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣмъся на милость Божью; кажетъ бо ны добрѣ благый Владыка: не по безаконью нашему створи намъ и по грѣхомъ нашимъ въздастъ намъ» ¹⁾ и пр.

Внутреннія смуты такъ же печалили мыслящаго лѣтописца; онъ вполне сочувствовалъ горю тѣхъ князей, которымъ «печаль бысть отъ сыновей своихъ, яко начаша стужати, *хотя власти, оуз сся, оуз же другоу*». Согласіе между братьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастья Русской земли и по поводу братолюбія Изяслава доказываетъ необходимость любви. Доводы его отличаются истиннымъ чувствомъ и силою: «по истинѣ, аще что створилъ есть въ свѣтѣ семь етеро согрѣшенъе, отдастъся ему, занеже *положи главу свою за брата своего, не жслая болшее волости*, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду. О сяковыхъ бо Господь рече: . . . да кто положить душу свою за други своя. Соломонъ же рече: братья въ бѣдахъ пособива бываютъ. Любы бо есть выше всего, яко же Іоанъ глаголетъ: Богъ любви есть; пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ. . . . Аще кто речеть: люблю Бога, а брата своего ненавижда, ложь есть: не любяй бо брата своего, его же видить, Бога, егоже не видять, како можетъ любить? сію заповѣдь имамы отъ Него, да любяй Бога любить брата своего. Въ любви бо все свершается: любве ради и грѣси разсыпаются; любве бо ради сниде Господь на землю и распятъся за ны грѣшныя;

1) Тамъ же, стр. 95.

вземъ грѣхы наша, пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовское; любви ради мученици прольша крови своя; любви же ради сій князь проль кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню» ¹⁾).

Въ выраженіи мыслей и чувствъ лѣтописца обращаютъ на себя вниманіе три особенности: во-первыхъ то, что они состоятъ преимущественно изъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія; во-вторыхъ то, что они суть именно размышленія и изліянія чувствъ, а не поученія въ собственномъ смыслѣ (какъ называютъ ихъ нѣкоторые изслѣдователи), и въ-третьихъ то, что они имѣютъ самое прямое отношеніе къ предметамъ, изображаемымъ въ лѣтописи.

Касательно первой особенности замѣтимъ, что она совершенно въ духѣ средневѣковой литературы: въ произведеніяхъ лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ безпрестанно встрѣчаются выраженія Св. Писанія. Въ лѣтописи Григорія Турскаго весьма много картинъ свѣтской жизни; но авторъ часто прибѣгаетъ къ текстамъ даже при описаніи мірскихъ событій. Говоря о бытѣ Франковъ, поклонявшихся лѣсамъ, водамъ, животнымъ, и приносявшихъ имъ жертвы, Григорій Турскій приводитъ мѣста противъ идолопоклонства изъ Исхода, Второзаконія, Псалтрянъ, пророковъ: Іереміи, Аввакума, Исаіи, и мн. др. ²⁾).

Вторая особенность нѣсколько противорѣчитъ тому мнѣнію, что будто бы характеръ нашей лѣтописи есть по преимуществу поучительный — вслѣдствіе сильнаго вліянія Византійскихъ образцовъ. Поученія собственно, находящіеся въ лѣтописи, принадлежатъ не самому лѣтописцу, а другому писателю — Θεοδοсію; близкія къ нимъ по духу похвалы Владимиру св. и Борису и Глѣбу — также не произведенія лѣтописца. Въ остальныхъ частяхъ мѣстахъ лѣтописи, заключающихъ въ себѣ какую-либо мысль или чувство, не замѣтно исключительной цѣли автора поуч-

1) Тамъ же. стр. 93 и 87.

2) *Bouquet. Recueil des historiens*, II, стр. 167—168.

чать читателей. Внимательные читатели безъ сомнѣнія извлекали назиданіе изъ словъ лѣтописца; но не только изъ тѣхъ, въ коихъ выражаются его христіанскія понятія и чувства, и притомъ словами Св. Писанія, а въ такой же степени и изъ многихъ другихъ, не выдающихся рѣзко изъ послѣдовательнаго разсказа.

Едва ли можно предположить, что лѣтописецъ и самый трудъ свой предпринялъ единственно съ цѣлью представить рядъ поучительныхъ картинъ. Если бы составитель лѣтописи смотрѣлъ на нее какъ на сборникъ поучительныхъ разсказовъ, то, вѣроятно, не внесъ бы въ нее ни разговора Русскаго князя съ магометанами, ни преданій о хитростяхъ княгини и жестокихъ поступкахъ ея съ Древлѣнами, ни тому подобныхъ вещей, не имѣющихъ вовсе назидательнаго характера. Другое дѣло трудъ, принятый исключительно съ назидательною и благочестивою цѣлью, каковы поученія духовенства: въ нихъ обыкновенно опускается все то, что противорѣчитъ общему назидательному духу. Если на это возразить, что лѣтопись по самой сущности своей, т. е. для того, чтобы быть въ полномъ смыслѣ слова *лѣтописью* — описаніемъ случившагося въ теченіи многихъ лѣтъ, требовала внесенія разнородныхъ извѣстій; то съ другой стороны представляются образцы лѣтописей, явившихся съ цѣлью поучительною собственно, и сравненіе ихъ съ нашею лѣтописью показываетъ, что въ способѣ ея изложенія не видно такого рѣшительнаго намѣренія поучать, какое ясно выражается въ другихъ лѣтописяхъ. Въ сочиненіи Амартола, напримѣръ, религіозный взглядъ на вещи, стремленіе открывать въ событіяхъ назидательную сторону составляетъ одну изъ существенныхъ особенностей повѣствованія. Разница въ этомъ отношеніи между историческимъ трудомъ Амартола и нашею лѣтописью — очевидна; въ послѣдней вовсе нѣтъ такого рода поученій отъ лица автора къ читателю, какими изобилуетъ хроника Амартола. Въ хроникѣ Амартола многія повѣствованія сопровождаются довольно пространными поученіями, начинающимися обыкновенно характеристиче-

скими словами: «тѣмъ научаемся» — выраженіемъ неупотребительнымъ въ нашей лѣтописи.

Обращенія нашего лѣтописца къ своимъ современникамъ, подобныя слѣдующему: «да никто же не дерзнетъ рещи, яко ненавидима Богомъ есмы. Да не будетъ! Кого бо тако Богъ любить, яко же ны възлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, яко же ны прославилъ есть и възнеслъ? никого же» — нельзя приписывать одному Византійскому вліянію уже потому, что подобныя воззванія и притомъ въ формѣ именно наставленія встрѣчаются и у лѣтописцевъ западныхъ и даже у Козьмы Пражскаго, который обращался къ своимъ современникамъ чаще съ укоромъ и насмѣшкою, нежели съ наставленіемъ. Но и Козьма Пражскій дѣлаетъ иногда примѣненіе къ современности съ цѣлью указать назидательный примѣръ: таково заключеніе разсказа о Спитигневѣ и вдовѣ. Когда Спитигневъ былъ на пути по случаю военныхъ дѣйствій, его остановила бѣдная вдова и умоляла защитить ее отъ угнетеній. Спитигневъ сказалъ: разберу дѣло твое послѣ, когда ворочусь. Вдова усилила просьбу: если же ты, возразила она, не воротишься съ похода, кто тогда освободитъ меня? и для чего упускаешь награду, которую можешь получить отъ Бога? Спитигневъ тронулся словами и воплемъ вдовы, прекратилъ свой путь и справедливымъ судомъ избавилъ ее отъ притѣснителя. Извѣстіе объ этомъ поступкѣ Козьма Пражскій сопровождаетъ обращеніемъ къ сильнымъ міра: «quid ad haec vos, o moderni principes, dicitis, qui tot viduarum, tot pupillorum ad clamores non respicitis, sed eos tumido fastu superbiendo despicitis» ¹⁾).

Вліяніе Византійской литературы на нашу древнюю лѣтопись оспаривать нельзя; по оно принадлежало болѣе тѣмъ высокимъ писаніямъ, которыя переданы намъ Византією, нежели пропзведеніямъ ея національныхъ писателей; по крайней мѣрѣ

1) *Scriptores rerum Bohemicarum*. I, стр. 136. — *Monumenta*, ed *Pertz*. XI, scriptorum IX, стр. 78.

вліяніе послѣднихъ было слабѣе того, какое оказывали первыя. Византійскія хроники послужили нашему лѣтописцу для знакомства съ исторіею церкви, отчасти съ гражданскою исторіею, съ понятіями географическими и этнографическими; свѣдѣнія, заимствованныя изъ хроникъ, дополняютъ самостоятельный рассказъ лѣтописи, но не замѣняютъ его; мѣста же Св. Писанія приводятся отъ лица самого лѣтописца, который до того усвоилъ ихъ себѣ, что пользовался ими какъ своимъ собственнымъ словомъ для выраженія мысли и чувства. Духъ произведеній, къ которымъ прибѣгали наши лѣтописцы, не могъ не отразиться и въ ихъ собственныхъ трудахъ, и характеръ послѣднихъ, по преимуществу серьезный, исполненный преданности Богу и сѣтованія объ уклоненіи отъ путей Его, образовался подъ вліяніемъ писаній пророческихъ и другихъ божественныхъ книгъ. При постоянномъ чтеніи ихъ лѣтописцами, такой характеръ явился бы и самъ собою, независимо отъ Византіи; но Византійская литература, и не хроники собственно, а творенія отцевъ церкви, духъ этихъ твореній способствовалъ развитію библейскаго вліянія на нашу древнюю словесность, и слившись съ нимъ въ одно цѣлое, образовалъ то начало, которое преобладало въ ней, и въ части ея — лѣтописи, и которому даютъ обыкновенно названіе Византійскаго.

Что не изъ простаго подражанія хроникамъ возникли въ нашей лѣтописи отступленія, по духу назидательныя; доказывається всего очевиднѣе третьею ихъ особенностью, т. е. тѣмъ, что они находятся въ самой тѣсной связи съ описаніемъ событій Русскихъ, между тѣмъ какъ, напримѣръ, у Амартала поученія предлагаются большею частью по поводу событій, описываемыхъ въ библейской исторіи. Упомянутое о казни, постигшей первосвященника Илію, дало Амарталу поводъ высказать слѣдующія правоученія: «аще оубо архикрѣви старцю славноу, ꙗкоуже лѣтъ ꙗко прѣстоꙗвшю и бес порока Бѣу работавшю, ничтоже сего възможе извести ѿ гнѣва Бѣа коѣ мы приемемъ ѿпоущениѣ, толико добродѣтели оноу далече соуще, и, ꙗкѣромъ

сгрѣшающемъ, молчимъ и не радимъ, ище же, могоуще прѣти имъ и ѿтергнути, ко злому паче переходимъ. Да ніктоже глѣтъ, тако мнози и ваще Илии своихъ не берегоуще чадъ, ничтоже пострадаша, яко же онъ. Пострадаша оубо мнози многожды и поущше того, аще и мы не свѣдаемъ винты ѿ многога нечювствіа: ѿкоудоу оубо напрасныа смѣти; ѿкоудоу лютии одержимии педоузи, намъ и чадомъ нашимъ; ѿкоудоу платежа, и скорби, и скрущенія? . . . И мы оубо, кгда согрѣшаемъ, да посмотримъ, аще достойни есмы мѣти, и аще что створихомъ, да помиловани будемъ, аще ли покажемъса, ли ѿстоупихомъ ѿ злыхъ нашихъ дѣлъ: оуклонибоса отъ зла и створи благо» ¹⁾). Изъ внезапнаго надепія Соломона, предавшагося грѣху, — говоритъ Амартолъ — мы научаемся тому, что не должно прославлять человека прежде его смерти; ибо многіе подвижники, удивлявшіе всѣхъ строгою жизнію, неожиданно низпали съ высоты своей ²⁾, и т. п. У Амартола изъ частнаго случая дѣлается общее примѣненіе, которое нисколько не объясняетъ описываемаго происшествія; у Нестора же такъ называемыя «поученія» служатъ самымъ прямымъ объясненіемъ историческаго разсказа.

Если бы нашъ лѣтописецъ былъ только рабскимъ подражателемъ, то его заимствованія лишены были бы примѣненія къ Русскому быту, такъ что то, что сказано Византійцемъ о какомъ-либо историческомъ лицѣ или событіи, отнесено бы было къ Русскому міру безо всякой внутренней связи съ нимъ. Но мы замѣчаемъ совершенно противное въ нашей лѣтописи: всякое кажущееся отступленіе связано въ ней съ главною нитью повѣствованія. Такъ слова пророка: «преложю праздники ваша въ плачь и пѣсни ваша въ рыданье» и др. приводятся по случаю того, что два нашествія Половцевъ на Русь были въ праздники Вознесенія Господня и св. Бориса и Глѣба ³⁾). Разсужденіе

1) Временникъ Георгія Амартола, харатейная рукопись Московской духовной академіи. л. 79—80.

2) Тамъ же. л. 97.

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 95.

непокорности волѣ отеческой и начинается и оканчивается чертами Русской дѣйствительности: «Святославъ сѣде Кыевѣ,—говорить лѣтописецъ—прогнавъ брата своего, *преступивъ заповѣдь отцю, паче же Божью*. Велій бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего, ибо сперва преступиша сынове Хамови на землю Сивоу, и по 400 лѣтъ отмыщеніе пріѣша отъ Бога; отъ племени бо Сивоа суть Еврѣи, иже, избивше Хапанѣйско племя, воспріѣша свои жребіи и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и пріѣ убіиство; *не добро бо есть преступати предѣла чужего*» ¹⁾. Свидѣтельства, приведенныя выше (стр. 179—180), о любви, заповѣдованной Богомъ, помѣщены въ лѣтописи потому, что Русскій князь Изяславъ пролилъ кровь свою за брата—любви ради, свершая заповѣдь Господню; самыя слова: «пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовское», не составляютъ распространенія предъидущей фразы: «распяться за ны грѣшныя», заключая, быть можетъ, въ себѣ живой намекъ на современность—на клятву, запечатлѣваемую крестомъ и водворяющую едиподушіе и любовь.

У лѣтописца нашего не находимъ псумѣстныхъ подражаній; заимствованія его оправдываются описанными имъ Русскими происшествіями, дававшими право и какъ бы заставлявшими лѣтописца говорить словами писателей, бывшихъ въ подобномъ ему положеніи. Начитанный въ Библии инокъ Кіевскій, будучи свидѣтелемъ нашествія Половцевъ, разорившихъ Кіевъ и поругавшихся надъ святыней, могъ выразить свое чувство словами пророка, призывавшаго гнѣвъ Божій на враговъ отечества, положившихъ истребить самое имя роднаго пророку и священнаго города. Но странно было бы Кіевскому лѣтописцу чувство скорби объ изгнаніи пзъ Кіева Изяслава братомъ его Всеволодомъ выражать только потому, что Византійскій лѣтописецъ выразилъ свое чувство и мнѣніе о смерти Израильскаго царя Факея отъ руки преемника его Осія, и т. п.—

1) Тамъ же. стр. 78.

Чувство лѣтописца, какъ бы сильно оно ни было, никогда не переступаетъ мѣры справедливости, не переходитъ въ пристрастіе. Описываетъ ли подвиги своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Несторъ не увлекается ни слѣпою любовью, ни безпощадною ненавистью. Чувства его не безотчетны; они основываются на вѣрномъ взглядѣ на вещи: похвалы и порицанія находятъ положительное подтвержденіе себѣ въ самомъ повѣствованіи. Иногда они выражаются посредствомъ сравненія съ лицами, увѣковѣченными сказаніемъ библейскимъ: такъ Владимиръ св. сравнивается въ лѣтописи съ Соломономъ, и первому отдается преимущество передъ послѣднимъ; но только въ одномъ отношеніи и по определенной причинѣ.

Замѣтивши о Владимирѣ, что онъ «бѣ женолюбець, яко же и Саломанъ», лѣтописецъ прибавляетъ: «мудръ же бѣ (Соломонъ), а наконецъ погibe; се же (Владимиръ) бѣ невѣголось, а наконецъ обрѣте спасенье» ¹⁾. Съ Соломономъ сравниваетъ своего князя такъ же и Козьма Пращскій; по словамъ его, Брячиславъ превосходилъ мужествомъ въ бояхъ Гедеона, тѣлесною силою Самсона, мудростью Соломона: «quadam speciali praerogativa sapientiae praeciret Solomonem» ²⁾. Видно, что Козьма Пращскій взялъ идеалы различныхъ доблестей и ради риторической фигуры примѣнилъ ихъ къ Чешскому князю; но громкія похвалы не вполне оправдываются излагаемою исторіею Брячислава.

Предметъ, возбуждающій живѣйшее сочувствіе нашего лѣтописца есть отечество — «земля Русьская», о которой говоритъ онъ съ постояннымъ участіемъ; но это участіе обнаруживается само собою, въ содержаніи и тонѣ разсказа какъ о временахъ ея славы, такъ и о годинѣ бѣдствій, коихъ лѣтописецъ былъ свидѣтелемъ. Съ прискорбіемъ описываетъ онъ несчастія, наносимыя Русскою землѣ Половцами и внутренними раздорами, и даетъ названіе «мужей смысленныхъ» тѣмъ, которые призывали кня-

1) Тамъ же. стр. 34.

2) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 105. — Monumenta. XI, scriptorum IX. стр. 67.

зей къ единодушію и къ дѣтельными мѣрамъ противъ враговъ: «рѣша има *мужи смыслени*: почто вы распря ямата межи собою, а поганія губять землю Русьскую; послѣди ся уладита, а нонѣ пойдита противу поганымъ, любо съ миромъ, любо ратью» ¹⁾. Онъ признаетъ необходимость борьбы со врагами отечества, называя «доброю» мысль, подвигающую на святую брань: «вложи Богъ *мысль добру* въ Русьскыѣ князи — умыслиша дерзнути на Половцѣ и пойти въ землю ихъ» ²⁾.

Но и сама земля Русская, священная для лѣтописца, не изображается имъ въ свѣтѣ ложномъ, съ украшеніями, скрывающими истину. Первый приводимый въ лѣтописи отзывъ о Русской землѣ чуждъ всякаго пристрастія; нельзя не признать искренности въ писателѣ, передавшемъ потомству достопамятныя слова: «рѣша Руси Чудь, Словѣни и Кривичи: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ» ³⁾. Иначе поступали другіе лѣтописцы: они старались осыпать свое отечество, въ особенности при первомъ извѣстіи о немъ, похвалами преувеличенными и искусственными. Козьма Пражскій говоритъ, что Богему, основателю Богеміи, стоило большаго труда найти удобное мѣсто для жительства; послѣ долгихъ странствованій онъ открылъ наконецъ счастливую землю, лучше которой нельзя отыскать на всемъ земномъ шарѣ. Восторгъ свой при видѣ чудной земли онъ выражаетъ такими словами: «haec est illa, haec est illa terra, quam saepe me vobis promississe memini: terra obnoxia nemini, feris et volatilibus referta, nectare mellis et lactis humida et, ut ipsi perspicitis, ad habitandum aëre jocunda. Aquae ex omni parte copiosae, et ultra modum piscosae. Hic vobis nihil deerit, quia nullus vobis oberit» ⁴⁾.

Подобными же фразами Мартинъ Галлъ, Польскій лѣтопи-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 93.

2) Тамъ же, стр. 117.

3) Тамъ же, стр. 8.

4) Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 7.—Monumenta. XI, scriptorum IX, стр. 33.

сецъ XII в., восхваляетъ свое отечество: «Patria, ubi aër salubris, ager fertilis, silva melliflua, aqua piscosa, milites bellicosi, rustici laboriosi, equi durabiles, boves arabiles, vaccae lactosae, oves lanosae» ¹⁾).

Похвалы обоихъ лѣтописцевъ сходны между собою по своей безцвѣтности, и не имѣютъ большаго значенія сравнительно съ отзывомъ нашей лѣтописи, мѣткимъ и оригинальнымъ, какъ народная пословица.

Любя отечество, Несторъ боялся клеветы и на враговъ его, и повѣствуя о дѣйствіяхъ непріятельскихъ, не искажалъ истины въ событіяхъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательнъ рассказъ о войнѣ Русскихъ съ Поляками въ 1018 г., описанной какъ нашимъ лѣтописцемъ, такъ и Мартиномъ Галломъ.

Несторъ говоритъ: «приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава съ Ляхы; Ярославъ же, совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, приде Волюню, и стаха оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода, именемъ Будый, нача укаряти Болеслава, глаголя: да то ти прободемъ трѣскою черево твое толстое, бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могли сѣдѣти, но бяше смыслень. И рече Болеславъ къ дружинѣ своей: аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну. Всѣдъ на конь, вбрѣде въ рѣку и по немъ вои его; Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава; Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новгороду; Болеславъ же вниде въ Кыевъ съ Святополкомъ» ²⁾ и т. д. Въ этихъ словахъ нельзя не замѣтить отчетливости и безпристрастія: съ точностью указаны и племена, принимавшія участіе въ войнѣ, и число убѣжавшихъ мужей; побѣдителемъ названъ непріятель — Болеславъ. Насмѣшка надъ нимъ совершенно въ духъ времени, напоминая собою, по замѣчанію Карамзина ³⁾, насмѣшку короля Французскаго надъ тучностію Вильгельма Завое-

1) Martini Galli Chronicon, ed. *Bandtkie*. 1824, стр. 17.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 62.

3) Исторія Карамзина. т. II, примѣч. 13.

вателя ¹⁾, и перебранки, которыми начинаются битвы у Гомера. Личного негодованія лѣтописецъ не выражаетъ: онъ признаетъ даже достоинство въ противникѣ, называя его «смысленнымъ».

У Мартина Галла напротивъ того нѣтъ ни обстоятельности въ приводимыхъ извѣстіяхъ, ни чувства справедливости къ непріятелямъ, ни умѣренности въ отзывахъ о своихъ соотечественникахъ; вмѣсто безпристрастнаго: «смысленный» встрѣчаемъ оскорбительное названіе: *ignavissimus*, и т. п. По словамъ Мартина Галла, Болеславъ, вступивши въ Россію, разсѣялъ Русскихъ передъ лицомъ своимъ, какъ вѣтеръ разсѣваетъ пыль; Русскій князь удилъ рыбу въ то время, когда получено извѣстіе о приближеніи враговъ; узнавши о грозномъ нашествіи и обращаясь въ бѣгство, «*in ignominiam suae gentis proverbium protulisse fertur*»—говоритъ Мартинъ Галлъ; но самихъ словъ Русскаго князя не приводитъ. Болеславъ обнажилъ мечъ и ударялъ имъ въ золотыя ворота, говоря: «*sicut in hac hora aurea porta civitatis ab isto ense percutitur, sic in nocte sequenti soror regis ignavissimi, mi dari prohibita, corrumpetur*». Овладевъ Кіевомъ и всѣми его сокровищами, Болеславъ возвращался восвояси; князь

1) Въ 1087 г. во время войны за Вексинъ Вильгельмъ Завоеватель заболѣлъ въ Руанѣ такъ сильно, что долго не оставлялъ постели. По этому поводу Французскій король сказалъ въ насмѣшку, что и женщины никогда не страдаютъ такъ долго родами, и что если Вильгельмъ разрѣшится наконецъ отъ бремени, то принятіе родильной молитвы отпразднуетъ съ большимъ блескомъ. Раздраженный Вильгельмъ велѣлъ сказать Французскому королю, что братъ молитву придетъ во Францію, и вмѣсто блестящихъ свѣтильниковъ принесетъ съ собою нѣсколько тысячъ копій. Въ «*Chronique de Normandie*», которая до 1106 г. есть ничто иное, какъ переложеніе въ прозу такъ называемаго «*Roman de Rou*» (*Rou*—испорченн. *Rollon*) рассказано это такимъ образомъ: «*Il advint comme Dieu vout que le Roy et Duc Guillaume enchut en maladie et y fut longuement. Et lui manda Philippe roy de France se en Northmandie femme n'avoit si longuement geu de gesine, et que se il relevoit jamais il deveroit avoir beau luminaire à se relever. Si en eut Guillaume desplaisir que il le ramponoit: et il manda que quant il releveroit que le roy le sçauroit bien, et que il yroit en France oir la messe de ses relevailles, et y feroit allumer mille torches sans are, dont les lumignons seroient de bois, et si y auroit mil gaulles garnies d'arciers es bouts pour lesdites torches allumer.*» (Recueil des historiens des Gaules et de la France, par Bouquet. T. XIII. стр. 240).

рѣшился его преслѣдовать съ Половцами и Печенѣгами (cum Plaucis et Pincinaturis). На берегахъ Буга произошло сраженіе; у Болеслава было немного войска, у противниковъ же — чуть не во сто разъ болѣе; но онъ не оробѣлъ: произнесъ къ воинамъ длинную рѣчь (римованной прозой); какъ кровожадный левъ ворвался въ ряды непріятельскіе, и — невозможно описать всѣхъ бѣдствій, нанесенныхъ имъ врагу, и исчислить несмѣтное множество погибшихъ. Вся прибрежная равнина загромождена была трупами, и въ Бугѣ текла уже не вода, а кровь.

Оставляя въ сторонѣ вѣрность разсказа историческую и основываясь на одномъ способѣ изложенія, читатель можетъ сдѣлать опредѣленный выводъ о томъ, въ повѣствованіи котораго изъ лѣтописцевъ обнаруживается болѣе желанія передать сущую правду безъ всякихъ умышленныхъ невѣрностей и прикрасъ.

Безпристрастіе и преобладаніе мысли, сдерживающей увлеченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества лѣтописи Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ *ровности изложенія*: у него нѣтъ порывовъ и витіеватыхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ; но за то она исполнена внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли.

Описанія сраженій и побѣдъ, нечаянной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота изложенія.

Жестокая битва Ярослава съ Печенѣгами описана безо всякаго пристрастнаго увлеченія и съ самою строгою точностью: «Ярославу сущю Новѣгородѣ — говоритъ лѣтописецъ — вѣсть

приде ему, яко Печенѣзи остоять Кыевъ; Ярославъ събра вой многъ, Варягы и Словѣни, приде Кыеву и вниде въ городъ свой. И бѣ Печенѣгъ безъ числа. Ярославъ выступи изъ града и исполни дружину: *постави Варягы посреди, а на правый сторонѣ Кыяне, а на лѣвый кривъ Новгородци*. Печенѣзи приступати начаша, и сступишася на мѣстѣ, идѣже стоятъ нынѣ святая Софья, митрополя Русьская; *бѣ бо тогда поле оны града*. И бысть сѣча зла, и *одва одолѣ къ вечеру Ярославъ*; и побѣгоша Печенѣзи разнѣ, и не вѣдахуся камо бѣжати, тонуху въ Сѣтомли, ниѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне» ¹⁾.

Описаніе смерти Ростислава, отравленнаго вѣроломнымъ другомъ, отличается совершенно спокойнымъ тономъ: «Ростиславу сущю Тмуторокани, и емлющю дань у Касогъ и въ инѣхъ странахъ, сего же убоявшееся Грыци, послаша съ лестью Котопана. Оному же пришедшу къ Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтишеть и Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопанъ: княже! хочю на тя пити; оному же рекшю: пій; онъ же пспивъ половину, а половину дасть князю пити, дотиснувъся пальцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ раствореніе смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семага. Оному же испившю, Котопанъ же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко въ сій день умереть Ростиславъ, яко же и бысть; сего же Котопана побиха каменемъ Корсунстїи людье. Бѣ же Ростиславъ мужъ добль, ратень, возрастомъ же лѣпъ и красень лицомъ, и милостивъ убогимъ: и умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица» ²⁾.

Какъ по мотиву преданія — объ отравѣ отъ челоуѣка близкаго и довѣреннаго, такъ и по спокойствію, которое можно бы назвать эпическимъ, рассказъ лѣтописца напоминаетъ тѣ народныя пѣсни, въ коихъ говорится объ отравѣ брата сестрою, мужа женою и т. п. Въ одной изъ пѣсенъ рассказывается, какъ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 65.

2) Тамъ же. стр. 71—72.

«сестра брата известъ думала:
выходила посередъ двора,
наливала чару прежде времени,
подносила брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ меня.
Пила, братецъ, наливаячи,
тебя, братецъ, поздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
у коня грива загорѣлася;
сходить молодець съ добра коня,
вынималъ свою саблю острую,
и соималъ съ сестры буйну голову:
«не сестра ты мнѣ родимая,
а змѣя ты подколодпая».
Онъ клалъ дрова среди двора
и онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
что до самаго до пепла;
онъ развѣялъ пухъ по чисту полю;
заказалъ всѣмъ тужить и плакать»¹⁾).

Къ нѣкоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное сочувствіе, и оно выразилось въ повѣствованіи о нихъ, но выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій. Въ мѣстахъ, проникнутыхъ чувствомъ, рѣчь лѣтописца дѣлается не короче, какъ это бываетъ у многихъ писателей, а напротивъ того—длиннѣе: не мгновенную вспышку страсти передаетъ онъ, а чувство глубокое и постоянное, поддерживаемое многими обстоятельствами жизни и многими дѣйствіями людей.

Бѣдствія, постигнувшія Русскую землю съ нашествіемъ Половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чув-

1) Сказанія Русскаго народа, собранныя *Сахаровымъ*. 1841. Т. I, книга третья, стр. 202.

ство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній. «Половци воеваша много — говоритъ лѣтописецъ — и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестыанска стражюще: печальни, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ, опустнѣвши лица, почернѣвши тѣлеса; пезнаемою страною, языкомъ испаленымъ, називающе и боси, ногы имуще сбодены терпьемъ. Со слезами отвѣшеваху другъ къ другу глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другіа: «азъ сего села»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе, и вздыхающе, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная»¹⁾.

Особенною теплою чувства пропитана рѣчь лѣтописца въ тѣхъ случаяхъ, когда самое содержаніе ея такого свойства, что могло возбуждать умиленіе въ людяхъ, современныхъ изображаемому произшествію. Вѣрность духу времени составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ нашей древней лѣтописи. Въ лѣтописи выражается участіе къ тому, къ чему не могли быть равнодушны Русскіе люди XI—XII в., не лишенные нравственнаго и умственнаго развитія—въ той степени, въ какой оно возможно было сообразно съ условіями вѣка.

Общую печаль о смерти добраго князя (Изяслава) лѣтописецъ изображаетъ такъ: «изиде противу ему весь городъ Кіевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и, съ пѣснями попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лѣ слышати пѣнья во плачѣ, велицѣ вопли: плакабоя по немъ весь градъ Кіевъ. Ярополкъ же идяше по немъ плачася съ дружиною своею: отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своя? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою»²⁾.

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 96.

2) Тамъ же. стр. 86.

Чувство глубокой привязанности предки наши выражали за-
вѣщаніемъ быть погребенными рядомъ съ тѣмъ, къ коимъ пи-
тали расположеніе, желали «лечь у ихъ гроба» — какъ бы въ
залогъ духовнаго союза, не нарушаемаго и могилой. Лѣтописецъ
говоритъ о трогательномъ желаніи съ полнымъ сочувствіемъ;
самый слогъ показываетъ, что слова идутъ прямо отъ души.
Кончина великаго князя Всеволода и любовь къ нему отца его
описаны въ лѣтописи слѣдующимъ образомъ: «Всеволодъ лю-
бимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю къ нему: сыну мой!
благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты по-
койши старость мою; аще ти подасть Богъ пріяти власть стола
моего по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ, то егда
Богъ отведеть тя отъ житія сего, *ляжеша, идѣже азъ лягу, у
гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее*. Се же сбысться
отца его, яко же глаголаъ бѣ. Сему пріимшю послѣже всея
братья столъ отца своего, по смерти брата своего, се же, Кыевѣ
княжа, быша ему печали болше, паче неже сѣдящю ему въ
Переяславѣ: сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему отъ сы-
новецъ своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея,
овъ же другоѣ; се же смиривая ихъ, раздаваше волость имъ.
Въ сихъ печали всташа и недужи ему, пряснѣваше старость къ
симъ; разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего Володи-
мера Чернигову; пришедшю Володимеру, видѣвъ и велми болна
суца, и плакавъся. Пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну
его меньшему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко, и
приложися ко отцемъ своимъ»¹⁾. — Оеодосій пришелъ однажды,
говоритъ лѣтописецъ, «въ домъ Яневъ къ Яневи и къ подружью
его Марьи: *Оеодосій бо бѣ любя я, занеже живяста по заповѣди
Господни и въ любви межи собою пребывааста; единою же ему
пришедшю къ нима, и учашеть я о милостыни къ убогимъ, о
царствіи небеснѣмъ, о смертнѣмъ часѣ*. И се ему глаголющю о
положеніи тѣла въ гробѣ има, рече ему Яневая: кто вѣсть, кдѣ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 92—93.

си мя положить? Рече же ей Θεодосій: по истинѣ, *идѣ же лягу азъ, ты и ты положена будеши*. Се же събысться»¹⁾, и т. д.

V.

Языкъ и слогъ древней лѣтописи.

Въ языкѣ и слогѣ древней лѣтописи ясно различаются два элемента: Церковно-Славянскій и Русскій, отдѣляющіеся одинъ отъ другаго довольно рѣзко.

Первый является въ мѣстахъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія; не говоря о сплошныхъ выпискахъ, эти мѣста большею частью прибавляются къ словамъ лѣтописца, и приставка такъ очевидна, что они составляютъ какъ бы вторую половину фразы, выражающей полную мысль. Связью служатъ обыкновенно слова; *не вѣдый яко, не вѣдуще яко*, и т. п., которыми лѣтописецъ соединяетъ мѣста заимствованныя съ собственною рѣчью, какъ на примѣръ: «Онъ же (Святославъ) не послуша матере, творяще норовы поганьскія, *не вѣдый*, аще кто матере не послушаетъ, смертию да умереть». Или: «рече Борисъ: ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ; похваливъсь велми, *не вѣдый яко* Богъ гордымъ противится, смѣреннымъ даетъ благодать». Или: Половцы «словеса хулная глаголаху на святія иконы, насмѣхающа, *не вѣдуще, яко* Богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено въ горну»²⁾).

Приведеніе текста всегда уместно, оправдываясь самимъ предметомъ, по поводу котораго встрѣчается. Такъ словами Св. Писанія выражена та мысль, что Богъ слышалъ молитву благочестиваго князя, сообщаемую лѣтописью. О Ярополкѣ сказано, что онъ «моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой!

1) Тамъ же. стр. 91.

2) Тамъ же. стр. 27, 86, 99.

пріими молитву мою, и дажь ми смерть, яко же двѣма братама моима Борису и Глѣбу, отъ чюжую руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражіи. Его же прошенія не лиши его благый Богъ: въспрія благая она, иже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце челоуѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его»¹⁾).

Преобладающій элементъ въ языкѣ лѣтописи — въ разсказѣ событій, который и составляетъ лѣтопись собственно — есть Русскій. Въ лѣтописи сохранены многія замѣчательныя особенности древняго Русскаго языка.

По изобразительности, по живости и силѣ, по древности и т. п. обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова и выраженія²⁾:

Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача *думати* (=совѣщаться), повѣда имъ рѣчь цареву. 19.

Начаша *думати* дружина Ратибора со княземъ Володиме-ромъ о погубленьи Итларевы чади. 97.

Моляшеся за сына и за люди, *кормящи* сына своего до мужьства его и до возраста его. 27.

И поча *нарубати* мужѣ лучшіѣ, и отъ снхъ засели грады. 52.

И ведоша въ вежѣ къ *сърдоболемъ* своимъ. 96.

Она же *хотящи домови*, приде къ патреарху, благословеньи просящи *на домъ*. 26.

Есть у мене единъ сынъ меншей *дома*, а съ четырьмя есмь вышелъ. 53.

Пойди, княже, на конихъ *около*: стоятъ бо Печенѣзи въ по-розѣхъ. 31.

Принесе и къ собѣ въ келью и служаше *около* его. 83.

И палѣзоша Ольга *высподи* трупья. 32.

За маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. 30

1) Тамъ же. стр. 88—89.

2) Цыфра при словахъ изъ лѣтописи означаетъ страницу I-го тома Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей.

Отъ года бо и до года пребывъ, умре. 89;—*дній бо есть отъ года и до года* 300 и 60 и 5. 79.—

Предлогъ за въ значеніи: *въ продолженіе* времени:

Аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто. 75.

Пождѣте, да же вы куны сберутъ, *за мѣсяць*; ждаша *за мѣсяць*, и не дасть имъ. 33.—

Наши же съ весельемъ, на конѣхъ и пѣши, потекоша къ нимъ. 118.

И постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по *крилома*. 64.—

Созва Володимеръ боляры своя и старци градскіѣ, и рече имъ:да что *ума придасте?* что отвѣщаете. 45.

Рече кудесникъ: конь, его же любииши, отъ того ти умрети. Олегъ же *пріимъ въ умъ* си, рече: николи же всяду на конь. 16.

И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: *азъ буду тобѣ въ сердце* и въ пріязньство. 33.

Да отселѣ *имемъся въ едино сердце*. 109.

Все взяша Ляхове у него, *показавше ему путь* отъ себе. 78.

А жены и дѣти *одаша на щиты*. 72.

Въ едину бо ночь *бысть безъ вѣсти*. 75.

Митрополита *ужасть обиде*. 78.

Се поручаю игуменьство Стефану, *не дай его въ обиду*. 80.

Бѣ бо Глѣбъ.... *теплъ на вѣру* и кротокъ. 85.

И *взяста* межи собою *распря* и *которы*. 93.

И конемъ ихъ *не бѣ спѣха* въ ногахъ. 118.—

Внезапу свѣтъ восья, *яко зракъ вынимая чловѣку*. 82.

Бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, *яко на кони стояще досящи*. 65.

Нѣкоторые выраженія часто повторяются въ лѣтописи, напоминая собою подобное же повтореніе, любимое народною поэзією:

Рече же имъ Ольга: *люба ми есть рѣчь ваша*. 24.

Люба бысть рѣчь си дружинѣ. 30.

И бысть любя рѣчь князю и всѣмъ людемъ. 46. —

И рече Блудъ Ярополку: видиши, колько вой у брата твоего? нама ихъ не перебороти, твори миръ съ братомъ своимъ. И рече Ярополкъ: *такъ буди. 33.*

Рече Редедя къ Мьстиславу: что ради губивѣ дружину межн собою? но съидевѣ ся сама боротъ. И рече Мьстиславъ: *такъ буди. 63.*

Зоветь вы князь Володимерь, реклъ тако: обувшеса, въ теплѣ избѣ заутрокавше у Ратибора, приѣдите ко мнѣ. И рече Итларь: *такъ буди. 97. —*

Се же слышавъ царь, *радъ бысть*, и посла къ нему дары. 30.

Володимерь же, *радъ бывъ*, заложн городъ. 53.

Древляне же, *ради бывше*, внидоша въ градъ. 25. —

Бысть сѣча зла, *яка же не была въ Руси. 62.*

Бысть Іоанъ мужъ хытръ книгамъ и ученью.... и сякого не *бысть прежде въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ. 89. —*

Лѣтописью удержаны древнія пословицы, поговорки и выраженія близкія къ нимъ по мѣткости и наглядности:

Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: *аще ся взвадитъ волкъ въ овцъ, то выноситъ все стадо*, аще не убьютъ его; тако и се: аще не убьемъ его, то вся ны погубить. 23.

Рѣша Новгородци Святополку: се мы, княже, присланы къ тобѣ, и рекли ны тако: не хотимъ Святополка, ни сына его; *аще ли 2 глазъ имѣетъ сынъ твой*, то пошли и. 117.

Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: *Пищаницы волчьа хвоста бѣгаютъ. 36.*

Створи миръ Володимерь съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: *толи не будетъ межю нами мира, ои камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонутн. 36 ¹⁾.*

1) Какъ въ приведенныхъ словахъ выражается мысль о вѣчномъ мирѣ

Рѣша дружина Игорева: ...еда кто вѣсть, кто одолѣть, мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земля ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обѣча смерть всѣмъ. 19.

Рече Ольга: *уже мнѣ мужа своего не крестити*; но хочу вы почтити наутрѣя предъ людѣми своими. 24.

Разгнѣвася Ярославъ.... пославъ къ Новгородцемъ рече: *уже мнѣ сихъ не крестити*. 61.

Рече Святославъ: *уже намъ нѣкамо ся дѣти*, волею и неволею стати противу. 30.

Святославъ рече дружинѣ своей: потягнемъ, *уже намъ не лѣзъ камо ся дѣти*. 74.

Рече Добрыня Володимеру: съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ даши намъ не даяти, *пойдемъ искатъ лапотниковъ*. 36.

Есть притѣча въ Руси и до сего дне: *погибоша аки Обръ*. 5.

Есть притча и до сего дне: *бѣда аки въ Роднѣ*. 33.

Посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: пойдита на Половци, да *любо будемъ живи, любо мертви*. 118.

Рѣша вои (Святославу): идѣ же глава твоя, ту и *свои главы сложимъ*. 30.

Аще лишена будевѣ, то оба: *азъ сложю главу свою за тя*. 86.

Утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои *отъ мала до велика*. 86.

Въ филологическомъ отношеніи замѣчательны:

такъ въ одной Южнорусской пѣснѣ мысль о вѣчной разлукѣ выражается тѣмъ, что сынъ обѣщаетъ возвратиться къ матери тогда, когда перо станетъ тонуть, а камень—выплывать:

Сыну мой, коли приѣдешъ до насъ?
Тогдѣ я, нене, приѣду до васъ,
Якъ павине перье насподъ потоне,
А млиновыи камень наверхъ выплыне.

(Сборникъ украинскихъ пѣсень, изд. Максимовичемъ. 1849. стр. 107, прим. 135).

1) Будущее время съ глаголомъ *хотѣть*:

Онъ же (Святославъ) не внимаше того, глаголя: како азъ *хочю* инъ законъ *пріяти* единъ, а дружина сему смѣяться начеть. 27.

Аще убью брата своего, *имѣти* ты *хочю* (друг. список.: *начну*) во отца мѣсто, и многу чesъ возьмешъ отъ мене. 32.

Аще не подѣступите завтра къ городу, *предатися хотятъ* (друг. список.: *имутъ*) людье Печенѣгомъ. 28.

2) Образование сложныхъ времепъ посредствомъ причастій, прошедшаго и настоящаго:

Азъ esмь мужъ его, и *пришелъ esмь* въ сторожѣхъ. 28.

Ини же не свѣдуше рекоша, яко Кій *esтъ* перевозникъ *былъ*. 4.

Призва старѣйшину конюхомъ, рка: кдѣ *esтъ* конь мой? Онъ же рече: *умерлъ esтъ*. Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, рка: конь *умерлъ*, и я живъ. 16.

Иже бѣ *поставилъ* кормити. 16.

Бѣша бо мнози *погибли* на полку. 30.

Яко же преже *почали бяхомъ*. 8.

Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ *бяху убили* мужа ея. 25.

Суть кости его и доселѣ тамо *лежаще*. 87

Бѣ бо *умѣя* печенѣжскы. 28.

И бѣ *володѣя* единъ въ Руси. 32.

Бѣ бо ловы *дѣя* Олегъ. 31.

3) Употребленіе причастій:

Была суть три братья: Кій, Щекъ, Хоривъ, пже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ *платяче* дань родомъ ихъ Казаромъ. 9.

Похорони воп въ лодьяхъ, а другія назадъ остави, а самъ приде *нося* Игоря дѣтска. 10.

И живяше Олегъ мпръ *имѣя* ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ. 16.

4) Отдѣленіе, непостоянное впрочемъ, мѣстоименій, слившихся вполѣдствіи съ глаголомъ:

Они же пережыгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша
ся *мыти*. 25.

Уже намъ нѣкамо *ся дѣти*. 30.

Прешедѣше ту *ся вселиша*, и платять дань Руси; повозъ
везуть и до сего дне. 36.

Вся гради ваши *предашася* мнѣ, и *ялися* по дань.... Дерев-
ляне же рѣкоша: ради *ся* быхомъ *яли* по дань, но хоцещи
мыщати мужа своего. 25.

Ся же *ся* злоба *сключи*. 94.

Ср. *яже* *ся* бѣ *родилъ*. 63.

5) Употребленіе именъ числительныхъ:

И всѣхъ лѣтъ княженья Святославлѣ, *лѣтъ 20 и 8*. 31.

И *бѣста 12* отрока съ ппмъ. 75.

2 части дани *иде*та Кіеву, а третьяя Вышегороду. 25.

Аще *ли 2* *главъ* имѣеть сынъ твой. 117.

Одоѣ Святославъ *въ трехъ тысячахъ*, а Половецъ бѣ *12*
тысячъ. 74.

6) Опущеніе предлоговъ:

Иде Вольга *Новгороду*. 25.

Волхвъ *явился Ростовъ*. 92.

Придоста *Тмутороканю*, и *яста* Ратибора, и *сѣдоста* *Тмито-*
рокани. 87.

Томъ же мѣсяци братья створиша миръ межи собою. 116.

Томъ же *лѣтъ* совокупншася вся братья. 117.

7) Предлоги въ сложеніи съ глаголами:

Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль. 72.

Заратишася Торци Переяславьстѣи на Русь. 87.

Егда же *подъпняхуться*, начыняхуть роптати на князь. 54.

8) Неопредѣленное наклоненіе, выражающее дѣйствіе необ-
ходимое:

Помяну конь свой, отъ него же бяху рекли волсви *умрети*
Олгови. 16.

Повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру *потещи* вспять,
и землямъ *преступати* на пна мѣста. 75.

Сице нама бози молвять, *не быти* нама живымъ отъ тебе. 76.

Нама *стати* предъ Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже. 76.

9) Повелительное наклоненіе глагола *мочь*:

Не мози ихъ держати въ градѣ. 34.

Не мози повѣдати никомуже отъ братѣи. 90.

Ср. *Не мозѣте* погубити Русьскыѣ земли. 112.

10) При именахъ собирательныхъ множественное число, но не исключительно:

На Бѣлеозерѣ *сѣдять* *Весь*. 5.

Русь поидоша противу имъ.... Половци же слышавше, яко *идеть* Русь. 118.

Дружина сему смѣяться *начнутъ*. 27.

И рекоша дружина князю. 73.

Другая половина людей *приде* отъ погреба. 90.

А *прокъ*¹⁾ ихъ *пробылоша* и до сего дне. 65.

11) Образование предложений; предложения главныя и придаточныя; ихъ взаимное отношеніе. Общій характеръ лѣтописнаго языка, выразившійся въ устройствѣ рѣчи вообще — въ особенностяхъ синтаксическихъ.

Вмѣсто придаточныхъ предложений большею частью употребляются главныя. Они соединяются между собою союзомъ *и*, иногда же — союзомъ *а*:

Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, *и* приде Кіеву, цѣлова мать свою и дѣти своя, *и* съжались о бывшемъ отъ Печелѣгъ, *и* собра вой, *и* прогна Печелѣги въ поле, *и* бысть миръ. 28.

Совокупишася вся братья... *и* прислаша Половци слы отъ всѣхъ князій ко всей братѣи, просяще мира; *и* рѣша имъ Русскыи князи: да аще хотите мира, да совокупимся у Сакова; *и* послаша по Половцѣ, *и* сняшася у Сакова, *и* створиша миръ съ

1) *Прокъ*—остальные, прочіе; въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей вмѣсто *прокъ* поставлено *прочи*, *останокъ* и т. п. Церковно-Славянск. *прокъ* соотвѣтствуетъ Греч. λοιπός—reliquus.

Половци, и пояша тали межи собою, мѣсяца септября въ 15 день, и разидошася разнѡ. 117.

Всѣ извѣстія подѣ 1031 г. состоятъ изъ ряда короткихъ предложеній, соединенныхъ союзомъ и:

Въ лѣто 6539. Ярославъ и Мстиславъ собраста вой много, идоста на Ляхы, и заляста грады Червеньскыя опять, и повоеваста Лядьскую землю, и многы Ляхы приведоста, и раздѣлиста и, и посади Ярославъ своя по Рсп, и сѹть до сего дне. 64—65.

Святославъ же прія дары и поча думати съ дружиною своею, рѣка сице: аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ; а Руска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратыш, а кто ны поможетъ. 30.

Приде ему вѣсть изъ Кыева отъ сестры его Передѣславы си: отецъ ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися его повелику. 61.

Впрочемъ придаточныя предложенія не вовсе чужды языку лѣтописи; они соединяются съ главнымъ или посредствомъ причастій, служащихъ сказуемымъ, или посредствомъ относительныхъ мѣстоименій и союзовъ: *атъ, яко, да, бо*.

Взяша главу его и во лбѣ его сѣдѣлаша чашю, *оковавшие лобъ его, и пяху по немъ*. 31.

Другая половина людей приде отъ погребѣ, *отворивше погребъ*; и рекоша дружина князю: се зло есть, посла ко Всеславу, *атъ, призвавшие лестью къ оконцю, пронзуть и мечемъ*. 73.

Положите хлѣбъ предъ нимъ, а не вкладайте въ руки ему, *атъ самъ ѣстъ*. 83.

Узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему: Свѣналдичъ; и *запхавъ* уби и, *бѣ бо ловы днѣя* Олегъ. 31.

Предложенія съ союзомъ *бо* соотвѣтствуютъ *вводнымъ* позднѣйшаго синтаксиса, какъ напримѣръ:

Сѣде въ Новѣгородѣ, и посла ко Рогѣволоду Полотъску, глаголя: хочу пояти дѣчерь твою собѣ женѣ. Онъ же рече дѣчеря своей: хочеш ли за Володымера? она же рече: не хочу розути робячпца, но Ярополка хочу. *Бѣ бо Рогѣволодъ пришезъ*

изъ заморья, имаше власть свою въ Полотыскъ..... И придоша отроки Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дѣчери Рогъволожѣ, князя Полотьскаго. 32.

Предложенія придаточныя причастныя выражаются и въ формѣ дательнаго самостоятельнаго — падежа весьма употребительнаго какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ сложнаго предложенія:

Что ради погубиста толико человекъ? *Онѣма же рекшема*, яко ти держать обилѣе, да еще истребивѣ сихъ, будетъ гобино; еще ли хочещи, то передъ тобою вынемевѣ житю, ли рыбу, ли ино что. Янѣ же рече: по истинѣ лжа то, и т. д. 75.

Повелѣ бити я и потергати брадѣ ею. *Сима же тепенома и брадѣ ею потерганы* проскъпомъ, рече има Янѣ: что вама бози молвятъ? *Онѣма же рекшема*: стати намъ предъ Святославомъ. И повелѣ Янѣ вложити рубль въ уста има, п т. д. 76.

Основана бысть церкви Печерская игуменомъ Θεодосѣемъ и епископомъ Михайломъ, *митрополиту Георію тогда сущю въ Грѣцѣхъ, Святославу Киевѣ съдящю*. 78—79.

При связи посредствомъ мѣстоименія, въ придаточномъ предложеніи часто повторяется слово, къ которому относится мѣстоименіе:

Приходившю ему ко царю, яко же сказаютъ, яко велику честь пріялъ *отъ царя, при которомъ приходивъ цари*. 4

Заложѣ Ярославъ *городъ великій, у него же града* суть золотая врата. 65.

Какъ повторяются отдѣльныя слова, такъ повторяются и цѣлыя фразы, съ легкими измѣненіями въ словахъ:

Ини сѣдоша по Двинѣ и *нарекошася Полочане рѣчки ради*, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, *отъ сея прозвашася Полочане*. 3.

И *положена* бысть въ печерскомъ монастырѣ *у дверей, яже ко угу, и сълаша надъ нею божонку, идѣже лежитъ тѣло ея*. 121.

Въ се же лѣто преставися Янѣ..... *отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, сже и описахъ въ лѣтописаньи семъ, отъ него же слышахъ*. 120.

Умре Болеславъ великій въ Лясахъ, *и бысть мятежъ въ земли Лядскѣ*: вставше людѣ избиша епископы, и попы, и бояры своя, *и бысть въ нихъ мятежъ*. 64.

Подобныя повторенія едва ли можно объяснять, отчасти по слѣдамъ Шлецера и Миклошича, единственно ошибками, невѣжествомъ и умничаньемъ переписчиковъ. Съ одной стороны, переписчики не до такой степени произвольно обращались съ текстомъ, чтобы совершенно исказить его; съ другой стороны, приведенныя особенности такъ постоянны, что съ большею справедливостью могутъ быть отнесены (хотя и не вполне) къ древнему лѣтописцу, нежели къ тѣмъ людямъ, черезъ руки которыхъ проходилъ текстъ его до XIV в.

Повтореніе фразъ, выражающихъ одну и ту же мысль, составляетъ отличительную черту языковъ, еще необработанныхъ грамматически. Это изобиліе слова служитъ признакомъ разговорнаго элемента, вліянія живой рѣчи, стремленіе которой сдерживается мало по малу въ письменномъ употребленіи языка. Замѣчаютъ, что человѣку, особенно же въ началѣ его умственнаго образованія, свойственно въ устной рѣчи прибавлять къ главной мысли множество мыслей дополнительныхъ; онъ не скупится на слова, и не стѣсняется повтореніемъ того, что уже сказано, будучи управляемъ въ этомъ случаѣ не столько строгими требованіями ума, сколько движеніемъ чувства. Въ богатствѣ мыслей дополнительныхъ филологи видятъ зародышъ грамматическихъ категорій, которыя съ теченіемъ времени достигаютъ блестящаго развитія во многихъ языкахъ¹⁾. Какъ бы то ни было, есть основаніе допустить, что для выраженій нашего лѣтописца, повидимому многословныхъ, скорѣе всего должно искать причины въ современномъ ему состояніи Русскаго письменнаго языка. По крайней мѣрѣ, ни чѣмъ инымъ не объясняется такъ естественно повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ

1) *Humboldt*: Sur la nature des formes grammaticales en général, etc. Paris. 1827. стр. 51—52. — *W. Humboldt's Gesammelte Werke*. Berlin. Siebenter Band. 1852. стр. 334.

писателемъ, который вообще не любитъ лишнихъ словъ, и передаетъ мысли самымъ точнымъ образомъ, уклоняясь отъ всего того, что не идетъ прямо къ дѣлу. Извѣстно, что синтаксисъ языка развивается вмѣстѣ съ развитіемъ народа. Фразы, въ началѣ не подчиняемыя другому закону, кромѣ движенія души въ ту минуту, когда пишутся строки, принимаютъ впоследствии болѣе стройный видъ, располагаются по требованіямъ грамматики, округляются и образуютъ плавную рѣчь.

Въ отношеніи условій правильности, предлагаемыхъ теоріею, синтаксисъ у писателей послѣдующихъ обыкновенно бываетъ совершеннѣе, нежели у ихъ предшественниковъ. Но, вырабатываясь синтаксически, языкъ теряетъ первобытную свѣжесть и свой естественный колоритъ; выраженія, исполненныя жизни, хотя и не расположенныя симметрически, уступаютъ мѣсто менѣе яркимъ, иногда даже безцвѣтнымъ, искусственно связаннымъ въ одно цѣлое.

Для нагляднаго подтвержденія этой истины въ отношеніи къ языку нашей древней лѣтописи, слѣдуетъ разсказъ ея сравнить съ разсказомъ писателей послѣдующихъ. Изъ нихъ останавливаемся на авторахъ Степенной Книги и на Ломоносовѣ и Карамзинѣ. Въ «Степенной Книгѣ» представляются любопытныя образцы старинной передачи лѣтописнаго разсказа, измѣненнаго сообразно съ тогдашними литературными требованіями. Ломоносовъ и Карамзинъ также пользовались Несторомъ, передавая слова его по своему, болѣе или менѣе близко къ подлиннику. Притомъ и Ломоносовъ и Карамзинъ признаются образцовыми для своего времени писателями по слогу. Первый пользовался Несторомъ въ своемъ опытѣ Русской исторіи, довед. до 1054 года, второй—въ «Исторіи Государства Россійскаго».

Несторъ ¹⁾.

Рече имъ Ольга: «да глаголете, что ради придосте сѣмо»?
Рѣша же Древляне: «посла ны Дерьвьска земля, рькуще сиче:

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. I. стр. 24.

мужа твоего убихомъ, быше бо мужъ твои аки волкъ восхнѣшая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да пойдѣ за князь нашъ за Малъ»; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: «люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крестити; но хочю вы почтити наутрѣи предъ людьми своимѣи, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающесея; азъ утро пошлю по вы, вы же рыцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодѣ; и възнесутъ вы въ лодьи»; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму волюку и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: «зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «не ѣдемъ на конѣхъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ — понесѣте ны въ лодьи». Рѣша же Кіине: «намъ неволя; князь нашъ убиенъ, а княгини наша хоче за вашъ князь»; и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегѣбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящесея; и припесоша я на дворъ къ Ользѣ; несѣше врипуша я въ яму и съ лодьею. Припкѣши Ольга и рече имъ: «добра ли вы честь?». Они же рѣша: «пусти ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати я живы; и посыпаша я. —

Степенная книга ¹⁾.

Глаголя къ нимъ: «добре, яко приидоста сѣмо, о мужіе! глаголите же, что ради приидосте? Они же рекоша: «приидохомъ, о госпоже! Деревская земля посла насъ възвѣстити тебѣ, яко князь твой отягча насъ данію, а довола не имый, сего ради убиенъ бысть. Наши же князи добры суть, и ты пойдѣ за нашего князя Мала», иже тако зовомъ бѣ. Ольга же глагола къ нимъ: «любовна ми суть словеса ваша, никтоже бо можетъ мертвого воскресити, тако ни азъ могу мужа своего возставити господствующаго вамъ, его же вы убисте; нынѣ же идите въ лодію вашу, и заутра, егда пошлю по васъ, и вы величающесея рцѣте

¹⁾ Книга Степенная (изд. Миллеромъ). 1775. Часть I, стр. 10—11.

посланнымъ отъ меня по васъ: «мы пѣши не идемъ, и на конѣхъ не всядемъ: но понесите насъ на главахъ вашихъ взявши съ лодією. Егда понесутъ вы, и тогда велию честь отъ мене пріимите предъ людьми моими». Они же, послушавше ея, идоша въ лодію свою; и завтра посла по нихъ. Древляне же гордящися сѣдяху въ лодіи, и глаголаша, якоже Ольгою научены, веляху нести себе и съ лодією на главахъ. Кіевстии же людие насмѣхающися безумію ихъ, яко повинующеся, и глаголаху: «князя не имамы, а княгиню поемлете за вашего князя, и пѣсть нынѣ нашей воли»; и взяша ихъ съ лодією на главы и принесоша ихъ на теремный дворъ, вже бѣ виѣ града Кіева. Ольга же зряше изъ терема. И вринуша ихъ живыхъ во уготованную имъ глубокую яму, глаголюще: «угодна ли есть вамъ честь сія?». Они же ввержеши вопіяху: «о, горе намъ! аще и убихомъ Игоря, а блага не обрѣтохомъ, но наче горшая злая праведно по дѣломъ нашимъ постигоша насъ»; и живы засыпаны быша.

Ломоносовъ ¹⁾.

Ласково отвѣчала представшимъ предъ нею съ дерзостною рѣчью, что они отъ Древлянской земли посланы ей сказать: «мужа твоего убили мы за отягченіе насъ безмѣрною данію, которою однако еще не довольствовался, какъ волкъ насъ разхищая. Наши князи добронравны; обогатили свое владѣніе земледѣльствомъ; и тебѣ прилично посягнуть за князя нашего Мала». «Люба мнѣ рѣчь ваша, сказала премудрая Ольга, уже не воскресить мнѣ своего супруга. Въ оказаніе моего благоизволенія къ вашему князю и къ вамъ, окажу вамъ честь и преимущество предъ людьми своими. Нынѣ возвратитесь въ судно ваше спокойно, а завтра умѣйте имъ показать свое преимущество». Въ слѣдующій день пришли посланные отъ Ольги на берегъ, къ Древлянскому судну, прося ихъ по княгининѣ повелѣнію въ городъ на изготовленную для нихъ почесть. Древляне величаясь отвѣтство-

1) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина. 1850. Т. III. стр. 164—166.
Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

вали: «не хотимъ ни пѣши, ни на коняхъ итти съ вами; вы въ ладѣ нашей на головахъ своихъ насъ понесите». Повинуясь раболѣпно, посланные съ такимъ страннымъ позорищемъ вошли на дворъ теремной. Ольга, смотря съ высоты его и смѣясь глупой гордости, величаніе ихъ въ горестъ превратила. Въ уготовленную на дворѣ нарочную яму повелѣла съ ладьею Древлянъ вдругъ повергнуть, и приближаясь, спросила: «довольно ль пріятна имъ оказанная на сватовствѣ почестъ?». Древляне съ раскаяніемъ и страхомъ въ ямѣ кричали, что Игорева смерть не принесла имъ пользы, и что за ихъ злодѣяніе предапы достойной казни. Оная совершена вскорѣ — засыпаніемъ ихъ живыхъ въ землѣ по Ольгину повелѣнію.

Несторъ ¹⁾.

Въ си же времена Мъстиславу сущю Тмудорокани, поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожьскый, Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мъстиславу: «что ради губивѣ дружину межи собою? но съидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣши ты, то возмеша имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мъстиславъ: «такъ буди». И рече Редедя ко Мъстиславу: «не оружьемъ ся бьевѣ, но борбою». И ястася бороти крѣпко; и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мъстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мъстиславъ: «о пречистая Богородице! помози ми; аще бо удолѣю сему, сзижду церковь во имя Твое». И се рекъ, удари имъ о землю, и вынзе ножъ, зарѣза Редедю. Шедъ въ землю его, взя все имѣнье его, жену его и дѣти его, и дань възложи на Касогы. И пришедъ Тмудороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тмудорокани.

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 63.

Степенная Книга ¹⁾.

Бысть же нѣкогда, подвигнуся ему изъ Тмуторокани съ воинствомъ своимъ на Касоги, князь же Касожскій, именемъ Редедя, устремися противу ему такоже съ воинствомъ своимъ... и глагола къ Мстиславу: «почто намъ бранію пагубѣ предати многія люди? Оставимъ каждо насъ люди наша, и сами единъ со единымъ снидемся и боремся; и кто одолѣетъ, той обѣ державѣ со всѣмъ достояніемъ прійметъ».... Мстиславъ не отречеса самъ единъ братися со иноплеменникомъ за вся люди своя... И начаша братися, и яко одолѣвати мняся Редедя, и тогда благоразумный Мстиславъ.. глаголя: «о пресвятая Госпоже Владычице! помози ми;... егда же поможеши ми, и тогда въ Тмуторокани воздвигну церковь во имя Твое—истинныя Божія Матере». И абіе услышана бысть молитва его, и низложи сопостата своего безбожнаго Редедю, и удари ямъ о землю, и ножемъ своимъ закла его.... и пріять всю область его и жену его, и чада его, все имѣніе его; и дань возложи на Касоги. И пріиде въ Тмуторокань, чудесну побѣду нося помощію пресвятыя Богородица, сяже имени и церковь воздвиже, якожъ обѣщася.

Ломоносовъ ²⁾.

Около сихъ временъ Мстиславъ, господствуя въ Тмутараканѣ, ходилъ на Касоговъ. Редедя, князь ихъ, сталъ противу со своею силою, и выслалъ ко Мстиславу вызывать его на единоборство, съ условіемъ, что побѣдителю взять безъ большаго кровопролитія имѣніе, жену, дѣтей и землю побѣжденнаго; и чтобъ поединку быть безъ военнаго оружія, борьбою. Согласялись въ томъ оба соперники, сошлись между обѣими войсками, и въ борьбѣ сѣпились. Долгое время сомнительно казалось одолѣніе. Наконецъ Мстиславъ, чувствуя силъ своихъ ослабѣніе противъ Редедя, превосходящаго возрастомъ и крѣпостію, въ потѣ и въ одышкѣ возопилъ отъ сердца: «подай мнѣ одолѣніе, Божія Мати—храмъ

1) Книга Степенная. Часть I, стр. 214—215.

2) Сочиненія Ломоносова, изд. 1850. Т. III, 238—239.

въ честь Тебѣ воздвигну». Съ тѣмъ словомъ ударилъ о землю противоборца, и пожъ вонзилъ въ горло. Потомъ вскорѣ съ побѣдою вступилъ въ его землю, наложилъ дань, и плѣненную жену побѣжденнаго съ дѣтьми привелъ въ Тмутаракань съ собою. Обѣщанная за одолѣніе церковь заложена и вскорѣ построена. —

Нельзя не согласиться, что слогъ и синтаксисъ у писателей послѣдующихъ обработаниѣ слога и синтаксиса у лѣтописца. У нихъ не повторяются одни и тѣ же слова и предложенія, какъ напр. «понесѣте ны *въ лодѣ*; и възнесутъ вы *въ лодѣ*; и отпусти я *въ лодѣ*»; или «п помяну Олегъ конь свой, *иже бѣ поставилъ кормити*... и призва старѣйшипу конюхомъ, рка: кдѣ есть конь мой, *его же бѣхъ поставилъ кормити*»; два предложенія не заключаютъ въ себѣ совершенно одинаковой мысли, подобно слѣдующимъ: «*неправо молвятъ* волсви, по все то *лжа есть*» и т. п.; нѣтъ отрывочныхъ предложеній, однообразно соединяемыхъ между собою союзомъ *и*, — по крайней мѣрѣ подобное соединеніе предложеній встрѣчается гораздо рѣже, нежели въ лѣтописи, и т. п. Но за то въ позднѣйшихъ памятникахъ нѣтъ и живыхъ слѣдовъ разговорной рѣчи, удержанныхъ языкомъ лѣтописи. Въ послѣднемъ преобладаетъ разговорный элементъ, ослаблявшійся постепенно въ письменной словесности и наконецъ исчезнувшій подъ сильнымъ вліяніемъ книжнаго. Чтобы ясно представить взаимное отношеніе двухъ элементовъ, стоитъ только сравнить между собою выраженія, подобныя слѣдующимъ: «добра ли вамъ честь? *Пуци ны Игоревы смерти*», и «аще убихомъ Игоря, но паче горшая злая постигоша насъ»; — «*взя* все имѣнье его, жену его и дѣти его» и «*плѣненную жену побѣжденнаго съ дѣтьми привелъ съ собою*»; — «*внесоша и и положиша и на коврѣ, и приде Ярополкъ, надъ нимъ плакася*» и «*на коврѣ положенное тѣло увидѣвъ Ярополкъ възрыдалъ горестно*», и т. д.

12) Преобладаніе разговорнаго элемента, замѣчаемое въ составѣ и связи предложеній, въ слогѣ лѣтописи вообще, обнаруживается и въ способѣ размѣщенія предложеній и словъ. Выникая

въ лѣтописный порядокъ словъ и предложеній, чувствуешь естественность его образованія подѣ влияніемъ живыхъ впечатлѣній. Какъ въ бѣгомъ разговорѣ слова слѣдуютъ одно за другимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ возникаютъ въ умѣ говорящаго, такъ и въ лѣтописи не видно постоянной системы словорасположенія, а слова передаютъ мысли въ той неуловимой вполнѣ послѣдовательности, въ которой движутся сами мысли, быстро смѣняясь одна другими. Въ нѣкоторыхъ предложеніяхъ составныя части не слиты въ одно цѣлое, какъ бы сохраняя свою первоначальную отдѣльность, происшедшую отъ того, что они вписывались по мѣрѣ появленія въ головѣ мыслей, въ нихъ выраженныхъ, какъ напримѣръ:

Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина, въ святѣй Софѣи, собравъ епископы. 67.

Отъ Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, отъ царицѣ Гръкынѣ. 69.

И воевода нача Святополчъ, ѣзди възлѣ берегъ, укаряти Новгородцѣ. 61.

Въ се же лѣто умре Брячиславъ... и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати отъ вѣлхованья. 67.—

Сказуемое большею частью предшествуетъ подлежащему:

Нача изнемагати Мъстиславъ.—Бѣ бо великъ и силенъ Редедя. 63.—Преставися Вячеславъ Смоленскѣ.—Иде Всеволодъ на Торкы.—Побѣди Изяславъ Голяди.—Преставися Игорь, сынъ Ярославъ.—Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать.—Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю.—Иде Святославъ на Ростислава.—На 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ. 70.—

Вмѣстѣ съ тѣмъ:

Судиславъ преставися, Ярославъ братъ.—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрія своего изъ поруба. 70.—

Дополненіе полагается и послѣ и прежде дополняемаго:

Ярославъ совокупи воя многы. 64.

Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, и крестиша кости ея, и положиша я въ церкви святыя Богородица. 67.

Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложѣ. 27.

Ярославъ Бѣлзъ взялъ. 64.

Бысть буря велика, и разби корабли Руси, и князь *корабль разби вътрѣ*, и взя князя въ корабль Иванъ Творимиричъ. 66.—

Иногда слова располагаются по требованію благозвучія, какъ и въ произведеніяхъ народной словесности. Такой порядокъ встрѣчается преимущественно въ словахъ, выражающихъ чувство, подобно отзывамъ и причитаньямъ:

Бѣ же Мъстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицомъ, великыма очима; храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину по-велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. 65.

Ярополкъ же пдяше по немъ, плачяся съ дружиною своею: отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своя? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою. 86.

13) Слѣды живой народной рѣчи являются преимущественно въ разговорѣ лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи. Форма *разговора* составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей лѣтописнаго изложенія. Обыкновенно объясняютъ ее вліяніемъ библейскаго способа повѣствованія; по мнѣнію же нѣкоторыхъ ученыхъ, она произошла отъ двухъ причинъ: отъ вліянія Библии и отъ драматической формы южныхъ Русскихъ пѣсень, которая могла отозваться и въ произведеніи лѣтописца, жившаго на югѣ Россіи¹⁾.— Библейское вліяніе на нашу древнюю словесность не подлежитъ сомнѣнію; Шлецеръ справедливо замѣтилъ, что источника разговорной формы въ лѣтописи надобно искать въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, а не въ хроникахъ Византійскихъ²⁾.— Употребляющаяся въ Библии форма разговора представляетъ большое сходство съ изложеніемъ нашей лѣтописи. Въ книгѣ Бытія, напримѣръ, читаемъ (XXIX, 3—8): «Напаахъ стада и паки полагаахъ камень на оустіе кладѣза на мѣстѣ своемъ. *Рече*

1) *Шевирева*: Исторія Русской словесности, преимущественно древней. Т. I, часть 2, стр. 94—95.

2) *Шлецера*: Несторъ. Часть I. Введеніе. стр. 6а.

же имъ Іаковъ: братіе, откъдоу есте вы? *Си же рѣша*: ѿ Ха-
раана. *И рече*: знаете ли Лавана, сына Нахорова? *Рѣша ему*:
знаемъ. *Рече же имъ*: здравъ ли есть? *Си же рѣша*: здравъ есть.
И еще емоу глаголащоу, се Рахиль, дъщи его, градѣше съ ов-
цами отца своего. *И рече Іаковъ*: еще есть длѣгъ день (дне много),
не оу часть събрати скота; напоивше овца, шедше напаѣте ихъ.
Си же рѣша: не можемъ, дондеже съберемса (соберутса) въси
пастыріе ѿвалити камень ѿ оустіа кладенцѣ, да напоимъ овца»¹⁾,
и мн. др. Въ лѣтописи: «*Рече има Янъ*: коему Богу вѣруета?
Она же рекоста: антихристу. *Онъ же рече има*: то кдѣ есть?
Она же рекоста: сѣдять въ безднѣ. *Рече има Янъ*: Богъ есть
на небеси, сѣдя на престолѣ, славимъ отъ ангелъ», и т. д. (стр. 76);
или «Въстужиша людѣ въ градѣ и *рѣша*: не ли кого, иже бы
моглъ на ону страну дойти... *И рече единъ отрокъ*: азъ преиду.
И рѣша: иди. Онъ же изиде изъ града» и пр. (стр. 28).

Но независимо отъ вліянія библейскихъ образцовъ, разгово-
рная форма находится въ прямой связи съ синтаксическими
особенностями Русскаго языка, современнаго лѣтописцу. Чѣмъ
проще синтаксическая основа письменнаго языка, тѣмъ ближе
онъ къ устной рѣчи, которую передаетъ безъ многихъ и рѣзкихъ
измѣненій. Лѣтописцу же очень часто приходилось передавать
живую рѣчь по самому содержанію его произведенія: онъ описы-
валъ сношенія людей между собою, которыя могли происходить
не иначе, какъ только посредствомъ разговора.

Самое рѣшеніе на какое-либо дѣйствіе, обдумываніе его вы-
ражалось иногда въ формѣ разговора, какъ бы безъ вѣдома
лѣтописца—единственно вслѣдствіе той неоспоримой истины, что
мысль и слово связаны другъ съ другомъ неразрывно. Какъ на-
родная поэзія однимъ и тѣмъ же словомъ выражаетъ понятія:
мыслить и *говорить* (гадать, думать-гадать и т. п.), какъ на
языкѣ лѣтописномъ *думать* значить *совѣщаться*, разговаривать,

1) Рукописи Румянцовскаго Музеума: № 27, л. 59; № 28, л. 20; № 29 л.
23—23 об.—Слова: *рече же имъ, си же рѣша (они же рѣша)* соотвѣтствуютъ сло-
вамъ: εἶπε δὲ αὐτοῖς, οἱ δὲ εἶπαν, и пр., часто повторяемымъ въ Греческомъ текстѣ.

такъ и внутреннее обсуживаніе какого-либо предмета, безмолвная бесѣда съ самимъ собою передается лѣтописцемъ въ видѣ дѣйствительной бесѣды; слова размышляющаго какъ бы обращаются къ слушателю, и въ началѣ ихъ употребляется замѣчательное «*рекъ въ себѣ*» или однозначашее съ нимъ «*помысли въ себѣ*»: «Видѣвъ же мало дружины своєю, *рече въ себѣ*: «еда како прельстивше избѣють дружину мою и мене»; бѣша бо многі погыбли на полку; и *рече*: поиду въ Русь, приведу болѣ дружины. 30.— «Володимеръ же нача *размышляти*, *река*: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столѣ прежде отца его былъ. И *размысливъ*, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову». 93.—Ср. «Святополкъ же оканьный *помысли въ себѣ*, *рекъ*: се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба? И пріемъ *помысли* Каяновъ, съ лестью посла къ Глѣбу». 58.

Нѣкоторыя предложенія имѣють разговорную форму только потому, что не испытали синтаксическаго измѣненія, обычнаго въ языкѣ, обработанномъ литературою; иногда чьи-либо слова приводятся не отъ лица, сказавшаго ихъ, а отъ самого лѣтописца, и не смотря на то приводятся въ первомъ лицѣ и во второмъ, а не въ третьемъ, какъ бываетъ это въ послѣдствіи въ придаточныхъ предложеніяхъ. Таково соединеніе слѣдующихъ предложеній:

Посласта ко Ольгови и Давыдови, глаголюща: поидѣта на Половци; и послуша Давыдъ, а *Олегъ не востотъ* сего, вину *река*: не *сдравлю*. 118.

Посла *Святополкъ и Володимеръ къ Ольгови*, глаголюща сие: се *ты не шелъ еси съ нама* на поганыя, иже погубили суть землю Русьскую; а се *у тебе* есть Итларевичъ—любо убій, любо и дай *нама*: то есть ворогъ Русьскѣй земли. 97.

Посла *Мьстиславъ по Ярославъ*, глаголи: *сяди* въ своемъ Киевѣ, *ты еси* старѣйшей братъ, а *мнѣ* буди си сторона. 64.

Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: *приди, да вынемъ и*; игумень же приде съ двѣма братама. 90.

Придоша людье Ноугородьскіи, просяще князя *собѣ*: *аще не поидете къ намъ, то нальземъ князя собѣ*. 29.

Вынесоша Игоря, и «се есть сынъ Рюриковъ». 10.

Въ трехъ послѣднихъ примѣрахъ связь между предложеніями подразумѣвается; но грамматически она не выражена.—

Въ соотношеніи съ приведенными фактами находится то обстоятельство, что союзы, вырабатывающіеся въ языкѣ по мѣрѣ развитія синтаксиса, въ лѣтописи не оказываютъ еще постоянного дѣйствія на предложенія, коимъ служатъ связью:

Въ си же времена мнози чловѣци умираху различными недугы, якоже *глаголаху* продающе корсты, *яко продахомъ* корсты отъ Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ. 92.

И *повель* осѣдлати конь, *да тѣ вижю* кости его. 16.

Подобное значеніе союзовъ свойственно древнему періоду многихъ языковъ, съ теченіемъ времени развившихъ, подобно Русскому, грамматическія формы до высокой степени разнообразія и богатства.—

Усовершенствованіе синтаксиса повело за собою и измѣненіе въ составѣ періодовъ; главныя предложенія во многихъ случаяхъ перешли въ придаточныя, чужія слова вмѣсто перваго и втораго лица стали передаваться въ третьемъ, разговорная форма вышла изъ употребленія. Слова лѣтописца въ позднѣйшей передачѣ приняли слѣдующій видъ:

Несторъ ¹⁾

Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичъ: «подъступимъ заутра въ лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичъ умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны иматъ Святославъ». Яко бысть заутра, всѣдше въ лодью противу свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разнѣ отъ града: и изиде Ольга со унуки и съ людьми къ лодьѣ. Видѣвъ же се князь Печенѣжскій, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичу, и рече: «кто се приде?» И рече ему: «лодья оная страны». И рече князь Печенѣжскій:

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 28.

«а ты князь ли еси?» Онъ же рече: «азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь съ сторожъхъ, по мнѣ идетъ полкъ со княземъ безъ числа множество» — се же рече грозя имъ. Рече же князь Печенѣжскій къ Прѣтичу: «буди ми другъ». Онъ же рече: «такое творю». И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжскій князь Прѣтичу конь, саблю, стрѣлы: онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечъ. Отступиша Печенѣзи отъ града, и т. д.

Ломоносовъ ¹⁾.

Притичъ боевода... велмъ всѣми ладьями приступить къ Кіевскому берегу, чтобы хотя избавить изъ рукъ Печенѣжскихъ Олгу со внуками, увезти на другую сторону. При наступленіи дня затрубили на ладьяхъ Россіяне, и дерзостно устремились къ приступу; люди въ городѣ подняли крикъ великой. Въ ужасъ пришли Печенѣги, представляя себѣ пришествіе самаго великаго князя. Отступаютъ отъ города въ разныя стороны; и Ольгѣ со молодыми князьями свободной проходъ къ ладьямъ отворился. Видя сіе князь Печенѣжскій, спросилъ о шумъ, и услышалъ отвѣтъ отъ Притича, что онъ военачальникъ передоваго войска Святослава, которой со всею военною силою за нимъ въ близости слѣдуетъ. Пришелъ въ страхъ Печенѣжъ, заключилъ миръ съ Притичемъ, давъ ему въ знакъ коня, саблю и стрѣлы; а отъ него взаимно принялъ латы, щитъ и саблю. И такъ совершеннымъ отступленіемъ Печенѣжскимъ Кіевъ избавился отъ тѣснаго облежанія.

Карамзинъ ²⁾.

Воевода рѣшился спасти хотя семейство княжеское — и Печенѣги, на разсвѣтъ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обрадованные жители отвѣчали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріатели

1) Сочиненія Ломоносова, изд. 1850. Т. III, глав. VII, стр. 175—176.

2) Исторія Государства Россійскаго, изд. 1851. Т. I, стр. 175—176.

разсѣялись въ ужасѣ, и великая княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и *спросилъ у него, князь ли онъ?* Хитрый воевода *объявилъ себя начальникомъ передовой дружины* Святославовой, увѣряя, что сей герой съ многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за нимъ. Обманутый *Печенѣжъ предложилъ миръ*: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ воеводѣ саблю, стрѣлы и коня: воевода князю щитъ, броню и мечъ. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города.—

И у позднѣйшихъ писателей приводятся иногда слова лицъ, принимавшихъ участіе въ событія; но въ приведеніи замѣтенъ выборъ: удерживаются только нѣкоторыя выраженія, казавшіяся авторамъ по чему-либо замѣчательными, другія же передаются въ обыкновенный формѣ повѣствованія. Разсказъ о поединкѣ на мѣстѣ будущаго Переяславля состоитъ у лѣтописца изъ ряда разговоровъ, изъ коихъ позднѣйшими писателями оставлено весьма немного выраженій. Словамъ лѣтописи: «Володимеръ же приде въ товары, посла биричи по товаромъ, глаголя: «нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ?» и не обрѣтеса никдѣ же; и поча тужити Володимеръ» — соотвѣтствуютъ у Ломоносова: «Владимиръ, не вѣдая въ полкахъ своихъ чрезвычайнаго усилка, велѣлъ спрашивать чрезъ кличеевъ»; — у Карамзина: «Владимиръ велѣлъ бирючамъ въ станѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка: не сыскалось ни одного, и князь Россійскій былъ въ горести». Слѣдующее обращеніе старика ко Владимиру: «княже! есть у мене единый сынъ меншей дома, а съ четырьмя есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто имъ ударилъ; единою бо ми и сварящую, и оному мнущую усніе, разгнѣвався на мя, преторже череву руками» — передано Ломоносовымъ въ третьемъ лицѣ: «нѣкто ремесленный человѣкъ ременищикъ, явившись, сказалъ, что есть у него сынъ, коего никто не одаливалъ

съ ребячества, и что онъ осердясь деретъ сырыя воловыя кожи»; у Карамзина же удержана лѣтописная форма: «я вышелъ въ поле съ четырьмя сынами, а меньшій остался дома. Съ самага дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня, онъ разорвалъ на-двое толстую воловью кожу». Слова лѣтописца: «рече ему Володимеръ: можеша ся съ нимъ бороти» переданы Ломоносовымъ такъ: «можешь съ Печепѣжскимъ богатыремъ бороться, сказалъ Владимиръ», а Карамзинымъ вовсе опущены, и т. п. ¹⁾.—

Въ отношеніи *внутренняго свойства разговоровъ*, приводимыхъ въ лѣтописи, отличительными признаками ихъ должны быть названы: простота, вѣрность духу времени и естественность, т. е. сообразность со свойствами лицъ и настроеніемъ ихъ при тѣхъ обстоятельствахъ, по поводу коихъ приводятся слова и разговоры. Въ способѣ сообщенія ихъ не видно ни малѣйшаго желанія придавать искусственную обдѣлку словамъ собесѣдниковъ, просто и прекрасно выражающимъ мысли, вполне соответствующія быту тогдашняго времени.

Нельзя придумать разговора проще и наивнѣе, и по мысли, и по выраженію, того, который происходитъ между Олегомъ и Радимичами: «Посла Олегъ къ Радимичемъ, рѣка: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте. И въдаша Ольгови по шыягу, якоже и Козаромъ даяху». 10.—Живою бесѣдою отзывается объясненіе Ольги съ послами Древлянскими: «Воззва е Ольга къ собѣ: добри госте придоша; и рѣша Древляне: придохомъ, княгине. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Древляне: посла ны Деревьска земля» и пр. 24.

Истинное чувство выражается въ словахъ князя, тронутаго видомъ мертваго брата: «вижь сего ты, еже еси хотѣлъ» (стр. 32), и въ восклицанія пронзеннаго Ярополка:—«Ярополкъ, говорить

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 52—53.—Сочиненія Ломоносова, Т. III, стр. 224.—Исторія Карамзина. Т. I, стр. 224—225.

лѣтописецъ, прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадѣя: лежащу и ту на возѣ, саблею съ коня прободе и; тѣгда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю и возпи великимъ гласомъ: охъ, то тѣ мя враже улови (стр. 88).

Совѣщаніе князя Владимира съ дружиною Ратибора въ высшей степени естественно и сообразно съ духомъ времени: «начаша думати дружина Ратибора со княземъ Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади. Володимеру же не хотящю сего створити, отвѣща бо: «како се могу створити, ротѣ съ ними ходивъ?». Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: «княже! нѣту ти въ томъ грѣха: да они всегда къ тобѣ ходяче ротѣ, гублять землю Русскую, и кровь хрестіянску проливають безперестани» (стр. 97).

Простую и вмѣстѣ трогательную рѣчь повелѣ Изяславъ съ пришедшимъ къ нему братомъ. «Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Кіеву, цѣловавшася и сѣдоста; Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: брате, не тужи; видяши ли, koliko ся мнѣ сключи? первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша; и пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю—брату своему; не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ—не створихъ зла ничтоже. И нынѣ, брате, не туживѣ: аще будетъ нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма, аще лишена будеѣ, то оба; азъ сложю главу свою за тя» (стр. 86). Невольно вѣришь задушевности этихъ словъ и дѣйствию ихъ, выраженному въ заключеніи лѣтописца: «и се рекъ, *утъши* Всеволода, и повелѣ сбирати вой отъ мала до велика» и т. д.

По простотѣ и естественности изложенія ближе многихъ иностранныхъ лѣтописцевъ находится къ Нестору Григорій Турскій, если только чужой и мертвый языкъ можно сравнивать съ живою, народною рѣчью, если выраженія подобныя: *simus*

unianimes могутъ напомнить древнія Русскія: «имемся въ едино сердце» и подобныя. У Григорія Турскаго многія черты описываемаго времени сохранены во всей свѣжести и наивности; нѣтъ высокопарныхъ рѣчей, наполненныхъ сентенціями и ослабляющихъ впечатлѣніе отъ событія; преданія, живущія въ устахъ народа, излагаются большею частью безъ риторическихъ прикрасъ. Часто употребляется разговорная форма, какъ напримѣръ: «Гундобальдъ (Gundobaldus), не зная о коварствѣ брата, послалъ къ нему, говоря (misit ad eum dicens): прійди помочь мнѣ, ибо Франки двинулись противъ насъ, и вступили въ землю нашу, съ тѣмъ, чтобы взять ее; будемъ же единомушны, чтобы не испытать того, чему подверглись другіе народы. Пойду съ войскомъ, сказалъ тотъ, и помогу тебѣ» ¹⁾, и мн. др. Связью для приводимыхъ словъ разговора служить обыкновенно «ait», подобно нашему «и рече»: Aregisilus ait Munderico: quousque hic resides tamquam unus ex insipientibus? Numquid poteris diu regi resistere! Ecce ablato tibi cibo, cum te fames oppresserit, ultro egredieris, et traderis in manus inimicorum. et morieris quasi unus ex canibus... Tunc ille, his mollitus sermonibus, ait: si egredior, comprehensus a rege interficior et ego, et filii mei, et omnes amici qui mecum sunt congregati. Cui Aregisilus ait: Noli timere, sed si vis egredi, accipe sacramentum de hac culpa, et sta securus coram rege, etc. ²⁾).

Въ лѣтописи Григорія Турскаго много текстовъ и длинныхъ выписокъ изъ Св. Писанія: сверхъ того, встрѣчаются мѣста изъ древнихъ писателей, приводятся слова Саллюстія, стихи Виргилія. Но къ міру древнему Французскій лѣтописецъ не питалъ сочувствія, считая, какъ самъ говоритъ, «презрительнымъ для христіанскаго писателя занятіемъ описаніе гнѣва Юноны или любовныхъ похожденій Юпитера». Слогъ Латинской рѣчи Григорія Турскаго грубъ и неизященъ, отличаясь тѣмъ невыгод-

1) Bouquet. Recueil des historiens, т. II, стр. 178.

2) Тамъ же. стр. 193.

нымъ для стилиста свойствомъ, которое называютъ *rusticitas*. Самъ авторъ признаетъ въ своемъ слогѣ это свойство, говоря въ заключеніи своей лѣтописи, замѣчательномъ и по слогу и по мысли, слѣдующее: Quos libros licet stilo rusticiori conscripserim, tamen conjuro omnes sacerdotes Domini, qui post me, humilem, ecclesiam Turonicam sunt recturi, per adventum Domini nostri Jesu-Christi, ac terribilem reis omnibus judicii diem, si numquam confusi de ipso judicio discedentes cum diabolo condemnandi estis, ut numquam libros hos abolere faciatis, aut rescribi, quasi quaedam legentes, et quasi quaedam praetermittentes; sed ita omnia vobiscum integra inlibataque permaneant, sicut a nobis relictas sunt. Quod si te, sacerdos Dei, quicumque es, Martianus noster septem disciplinis erudiit, id est, si te in grammaticis docuit legere, in dialecticis altercationum propositiones advertere, in rhetoricis genera metrorum agnoscere, in geometricis terrarum linearumque mensuras colligere, in astrologicis cursus siderum contemplari, in arithmeticis numerorum partes colligere, in harmoniis sonorum modulationes suavium accentuum carminibus concrepare: si in his omnibus ita fueris evercitatus, ut tibi stilus noster sit rusticus, nec sic quoque deprecor, ut avellas quod scripsi. Sed si tibi in his quiddam placuerit, salvo opere nostro te scribere versu non abnuo¹⁾.—

Несравненно изящнѣе латынь лѣтописца Германскаго, Ламберта; слогъ его служить даже, по мнѣнію ученыхъ, несомнѣннымъ доказательствомъ образованности и вкуса автора, основательно знакомаго съ древними Римскими писателями. Лѣтопись Ламберта изобилуетъ выраженіями и оборотами, взятыми у Саллюстія, Тита-Ливія, Тацита, Цицерона, Плинія, Варрона, Горация, Виргілія, Теренція, Лукреція. Знакомство съ классическою литературою соединяется въ Ламбертѣ съ начитанностью въ Св. Писаніи; онъ часто прибѣгаетъ къ выраженіямъ библейскимъ и мысли свои облакаетъ въ образы, заимствованные изъ

1) Тамъ же, стр. 389.

Ветхаго и Новаго Завѣта. Слова Исаи или Іереміи стоятъ иногда рядомъ съ словами Виргилія или Горация; но перевѣсъ остается всегда на сторонѣ языка Св. Писанія: имъ выражается постоянно главная и душевная мысль автора.

Соединеніе элемента библейскаго съ древне-Латинскимъ составляетъ одну изъ яркихъ особенностей слога Ламберта; въ строкахъ, которыя мы сейчасъ приведемъ, находятся заимствования: съ одной стороны, изъ писаній Моисея, Давыда, евангелиста Маттея, апостола Павла; съ другой—изъ одъ Горация и комедій Теренція; первыя напечатаны курсивомъ, вторыя—капиталью. Ламбертъ говоритъ подъ 1071 годомъ: *in coemptionem exigui honoris AUREOS MONTES cottidie PROMITTEBANT* ¹⁾ *secularesque emptores largitionis suae immoderantia excludebant, nec venditor tantum audebat exposcere, quantum emptor paratus erat exsolvere. Mirabatur mundus, unde tantus pecuniarum scateret fluvius, unde Cresi et Tantalі opes in privatos homines congestae fuissent, et eos potissimum homines, qui crucis scandalum et paupertatis titulum praeferrent et praeter simplicem victum et vestitum nihil rei familiaris habere se mentirentur. Ista dominici agri zizania, haec vineae Dei arida sarmenta et stipula aeternis ignibus praeparata* ²⁾ *totum sacri gregis corpus quasi tabo quodam infecerant, et secundum apostolum modicum fermentum totam corruperat massam* ³⁾, *ita ut omnes similes aestimaremur, nec esse in nobis putaretur, qui faceret bonum, non esse usque ad unum* ⁴⁾. Propter hoc prin-

1) Terentii *Phormio*. Actus I, scena 2. *Geta* (servus Demiphontis):

. evenit senibus ambobus simul,
iter illi in Lemnum ut esset, nostro in Ciliciam
ad hospitem antiquom: is senem per epistolas
pellexit, modo non montis auri pollicens.

2) Matth. XIII, 40: Sicut ergo colliguntur zizania, et igni exuruntur: ita erit in consummatione saeculi huius.

3) Pauli apost. ad Corinth. I, V, 6: non est bona gloriatio vestra. An nescitis paululo fermenti totam massam fermentari?

4) Psalmus XIV, 3: Unusquisque recessit, omnes simul putidi facti sunt; non est qui faciat bonum, non est vel unus.

cipes regni ad instituendam in Galliis divini servitii scolam Transalpinos monachos evocabant, nostrates autem, quicumque in illorum instituta ultro concedere noluissent, de monasteriis cum ignominia eiciebant. Ego tamen animadverti, nostras quam illorum consuetudines regulae sancti Benedicti melius congruere, si tam TENACES PROPOSITI ¹⁾ tamque rigidi paternarum nostrarum traditionum aemulatores vellemus existere ²⁾.

Такимъ же слогомъ говорятъ и другія лица, выводимыя въ лѣтописи Ламберта, какого бы рода они ни были: въ рѣчахъ ихъ, а равно и въ способѣ выраженія мыслей и чувствъ самого лѣтописца, не представляется различія, подобнаго тому, какое замѣчаемъ въ нашей лѣтописи между разговорами, отзывами, размышленіями.

Но что сближаетъ ее нѣсколько съ лѣтописью Ламберта, это—господствующая въ послѣдней ровность изложенія. Ламбертъ не измѣняетъ плавнаго и спокойнаго теченія рѣчи ни восторженными восклицаніями и панегириками, ни жолчными выходками и укоризнами. Онъ не заботится о риторическомъ уборѣ фразъ; не пестритъ слога образами, взятыми изъ древней мифологіи: при описанія сраженій у него нѣтъ ни Марсовъ, и Беллонъ. Разсказъ его производитъ сильное впечатлѣніе именно тѣмъ, что передаетъ событія большею частью вѣрно (судя впрочемъ по одному *изложенію*, а не съ точки зрѣнія исторической критики), не давая имъ преувеличенныхъ размѣровъ. Въ исторіи войны Генриха съ Саксонцами встрѣчаются описанія, подобныя слѣдующему: Кончилась битва, и Генрихъ, немного спустя по захожденія солнца, возвращался въ лагерь среди торжественныхъ восклицаній войска, радуясь побѣдѣ надъ безпокойнѣйшими

1) Horatii, lib. III, carm. 3:

justum ac tenacem propositi virum
non civium ardor prava jubentium,
non vultus instantis tyranni
mente quatit solida, etc.

2) Monumenta Germaniae historica. VII, Scriptorum V, стр. 189.

Сборникъ II Отд. II. А. II.

врагами. Воины хвалились другъ передъ другомъ, что того-то и того пзъ первыхъ вельможъ Саксонскихъ поразили собственною рукою. Но когда пришли на сборное мѣсто, открылось, что у одного погибъ въ сраженіѣ отецъ, у другаго братъ, у иного родственникъ, и тогда радость превратилась въ печаль; плачь и вопли раздались по всеѣмъ лагерямъ. На слѣдующій день убитыхъ зарываютъ въ землю; кто пзъ нихъ познатіѣе и побогаче, отправляютъ въ страну, откуда былъ родомъ; раненымъ даютъ помочь, а тѣхъ, коихъ рапы сдѣлали неспособными къ битвѣ, отсылаютъ въ отечество, для излѣченія, и т. д. ¹⁾. Этими словами изображена простая, вѣрная и вмѣстѣ печальная картина.

Ровность рассказа не нарушаетъ и встрѣчающаяся иногда у Ламберта пронія — образъ выраженія, песвойственный нашему лѣтописцу. У послѣдняго она проглядываетъ въ весьма немногихъ случаяхъ, и притомъ въ словахъ не самого автора, а другихъ лицъ. Такъ какъ на вопросъ Яна волхвамъ: «что вамъ божи молвать?» волхвы отвѣчали: «не быти нама живымъ отъ тебе», то Янъ сказалъ: *«то ти сама право поведали»*. Какъ бы съ намѣреніемъ повторяется и вопросъ Владимира Жидамъ объ ихъ отечествѣ. Гдѣ же земля ваша? спросилъ Владимиръ. Жиды отвѣчали: въ Іерусалимѣ. Онъ опять спросилъ: да тамъ ли она — *«то тамо ли есть?»*, и Жиды должны были сознаться, что Іерусалимъ уже не ихъ земля, пбо имъ владѣютъ христіане ²⁾.

У Ламберта пронія является не сама собою, а съ особенною цѣлью автора, въ его собственной рѣчи. О виновникѣ кровопролитія въ стѣнахъ церковныхъ Ламбертъ отзывается такъ: *tum vero urgebat et ille apostolicae sanctitatis ac Mosaicae mansuetudinis episcopus, qui tanti sanguinis effusione manus suas Deo consecraverat et violatae ecclesiae injurias truculentius atque immitius quam rex suas persequabatur*. Желая положить конецъ утомительной войнѣ съ Саксонцами, Генрихъ призывалъ къ содѣйствію всеѣхъ вельможъ государства; на зовъ его, говоритъ

1) Тамъ же, стр. 228.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, стр. 76 и 86.

Ламбертъ, *multi quidem episcoporum protinus ad eum convenerunt, sed hi consiliis praebendis paratiores quam stipendiis faciendis* ¹⁾. —

Противоположность, довольно рѣзкую по способу изложенія, сравнительно съ нашею лѣтописью представляетъ лѣтопись Козьмы Пражскаго. Слогъ Козьмы Пражскаго носить яркіе слѣды школьнаго образованія автора. Не простотою и естественностью, которыя идутъ такъ къ разсказу о древнѣйшихъ временахъ народа, а искусственнымъ краснорѣчіемъ отличается повѣствованіе Чешскаго лѣтописца. Искусственность обнаруживается всюду: въ изобиліи риторическихъ фигуръ, въ употребленіи риемы и стихотворной формы, въ составѣ приводимыхъ рѣчей, въ заимствованіи образовъ изъ міра языческой древности. Чуждался простоты и однообразія, Козьма Пражскій избѣгаетъ словъ и оборотовъ, постоянное употребленіе коихъ составляетъ одну изъ особенностей лѣтописнаго слога, у насъ, какъ и въ западно-Европейскихъ литературахъ. Въмѣсто обычнаго въ лѣтописяхъ западныхъ слова: *obiit*, соотвѣтствующаго нашему: *преставился*, Козьма Пражскій употребляетъ выраженія описательныя и переносныя: *Prziemisl jam plenus dierum, postquam jura instituit legum, quem coluit vivus ut Deum, raptus est ad Cereris generum. Cui Nezamisl successit in regnum. Hunc ubi mors rapuit, Mnata principales obtinuit fascies. Quo decedente ab hac vita, Vogin suscepit rerum gubernacula. Hujus post fatum Vnislav rexit ducatum. Cujus vitam dum rumpunt Parcae, Crezomisl locatur sedis in arce. Hoc, sublato e medio, Neklan ducatus potitur solio. Hic ubi vita decessit, Hostivit throno successit.*—*Wenceslaus ab ineunte aetate hanc fragilem vitam mutavit aeternitate.* — *Izzo, quintus episcopus Pragensis ecclesiae, transit ab hoc mundo bravio fruiturque jocundo* ²⁾.

Созвучіе окончаній постоянно встрѣчается въ хроникѣ

1) Monumenta Germaniae historica. VII, Scriptorum V, стр. 164 и 207.

2) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 22—23, 63, 86.—Monumenta, ed. Perz. Tomus XI, Scriptorum IX, стр. 39, 55, 64.

Козьмы Пражскаго; почти вся она написана рямованною прозою. Нѣсколько примѣровъ мы уже привели; число ихъ можетъ быть увеличено подобными выраженіями: *foemina rimosa virilia judicia mente tractat dolosa*;—*Tunc dux torsit caput a munere nefando et solvit ora talia fando*.... *ad hoc flagicium nec potest dignum excogitari praejudicium, nec par supplicium*;—*Cui prae caeteris prosperitas operis, proceritas corporis et formae pulchritudo, ac virium sapientiaeque magnitudo, in adversis fortitudo, in prosperis temperata inerat mansuetudo*¹⁾,—и множествомъ другихъ. Созвучіе окончаній, какъ намѣренная прикраса слога, является въ нашей исторической прозѣ уже въ позднѣйшій ея періодъ, именно въ сказаніи Авраамія Палицына.

Въ такой же почти степени, какъ рѣма, нравился Козьмѣ Пражскому и стихотворный размѣръ. И мысли собственныя, и мысли чужія, и сцены патетическія, и вещи самыя обыкновенныя Козьма Пражскій передаетъ иногда въ стихотворной формѣ. О смерти Оттона III Козьма Пражскій говоритъ:

eodem anno
Caesar ab hoc mundo migravit tercius Otto,
vivat ut in coelis, ubi vivit quisque fidelis.

Любуша стихами предсказываетъ судьбу стольнаго города Богемія:

urbem conspicio fama quae sidera tanget,
est locus in silva, villa qui distat ab ista
terdenis stadiis, quem Wlitava terminat undis.

Болеславъ, умирая, призываетъ къ себѣ сына, и передаетъ ему свою послѣднюю волю; не смотря на то, что едва уже владѣетъ языкомъ и переводитъ дыханіе, умирающій произноситъ длинную рѣчь, и заключаетъ ее стихами изъ Фарсалии Лукана:

1) S. r. Bohemic., стр. 12, 33, 81.—Monumenta, стр. 35, 44, 62.

diviciae plebis sunt laus et gloria regis,
nec sibi, sed domino gravis est, quae servit, egestas¹⁾.

Стихами же описывается битва Нѣмцевъ съ Чехами; стихами извѣщается о смерти Гебгарда; стихами Матильда прогоняетъ мужа; даже разбойники, напавшіе на беззащитныхъ монаховъ, стихами требуютъ выдачи сокровища.

Лица, описываемыя въ хроникѣ Козьмы Пражскаго, обыкновенно говорятъ другъ другу рѣчи. И Любуша, и Болеславъ, и люди гораздо менѣ замѣчательные произносятъ рѣчи и слышать ихъ отъ другихъ; но между этими рѣчами нѣтъ яркаго различія, а оно должно бы существовать непременно. Въ нихъ обнаруживается не личность говорящихъ, а личность самого лѣтописца, его образованность, далеко превосходящая степень развитія, на которой находилось общество, изображаемое въ хроникѣ.

Когда толпа, недовольная рѣшеніемъ Любуши, потребовала себѣ правителя, Любуша созываетъ народъ, и обращается «ad agrestes viros» съ рѣчью, которую могли бы уразумѣть только слушатели, вполне знакомые съ гражданскими понятіями образованнаго быта. O plebs miseranda nimis, — говоритъ Любуша — quae libera vivere nescit, et quam nemo bonus nisi cum vita amittit, illam vos non inviti libertatem fugitis, et insuetae servituti colla sponte submittitis. Heu tarde frustra vos poenitebit, sicut poenituit ranas, cum hydrus, quem sibi fecerant regem, eas necare coepit. Aut si nescitis, quae sint jura ducis, tentabo vobis dicere paucis. Inprimis facile est ducem ponere, sed difficile est positum deponere, и т. д.²⁾. Переданная Козьмою Пражскимъ рѣчь нисколько не напоминаетъ словъ Любуши, приводимыхъ въ древнѣйшемъ памятникѣ Чешской словесности — «Судѣ Любушиномъ». Тамъ говоритъ она:

1) S. r. Bohem. стр. 72, 20, 66.— Monumenta стр. 58, 38, 56.— М. А. Lucani, *Pharsalia*. liber III. vers. 151 et 152:

damna movent populos, si quos sua jura tuentur:
non sibi, sed domino gravis est, quae servit, egestas.

2) S. r. Bohemicarum, стр. 14—16.— Monumenta, стр. 36—37.

moji kmetie, lesi i vladyky,
se bratroma rozřešite pravdu....
budeta im oba v jedno vlasti,
či sie rozdělita rovnu měru.
Moji kmetie, lesi i vladyky,
rozřešite moje vypovědi,
budetě li u vas po rozumu;
ne budetě l' u vas po rozumu,
ustavite ima novy nalez,
ky by směřil rozvadiena bratry ¹⁾.

Козьма Пражскій часто прибѣгаетъ къ фигурамъ и сравненіямъ, заимствуемымъ изъ древней мифологіи. Удовольствія, сопровождавшія свиданіе Любуши съ Премысломъ, описываются слѣдующимъ образомъ: *inter se consertis dextris cum magna laetitia tecta subeunt, thoris discumbunt, Cerere et Baccho corpora reficiunt, cetera noctis spatia Veneri et Himenaeo indulgent*, и т. д. ²⁾. Чехъ, окончивъ странствованіе, призываетъ своихъ спутниковъ совершить возліаніе *пенатамъ*. Князь Чешскій Владиславъ, въ рѣчи своей, возбуждаетъ духъ народа воспоминаніемъ прежней славы и картиною настоящихъ бѣдствій, при чемъ упоминаетъ и о Церерѣ, и о Ларахъ, и о Вулканѣ. Дѣйствія воиновъ,

1) Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache, von Šafarik und Palacky. Prag 1840. стр. 46—47.—Polyglotta Kralédvorského rukopisu, vyd. V. Hanky. v Praze. 1852. стр. 111—113. По-Русски эти слова переданы г. Бергомъ (тамъ же, стр. 206) такъ:

гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
разрѣшите братьевъ по закону....
Вмѣстѣ-ль стануть безъ раздѣла править,
изъ на части ровныя раскинуть.
Гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
коли вамъ по разуму придется;
а не то —законъ поставьте новый,
да разсудить разлученныхъ братьевъ.

2) Scriptores rerum Bohemicarum, стр. 19.—Monumenta, стр. 38.

современныхъ лѣтописцу, сравниваются съ нападеніемъ Геркулеса на Лернейскую гидру.

Замѣчательна смѣсь понятій христіанскихъ съ языческими въ заключеніи второй кнѣги: *Sicque inflicta ab hoste vulnera matri ecclesiae curata sunt antidoto justitiae, statum fidei catholicae regente papa tertio Clemente, Jesu Christo Domino nostro cum Patre et Spiritu Sancto regnante per omnia secula seculorum. Amen. Siste gradum, Musa, chronicis es jam satis usa. Carmine completo dic lector amice valet¹⁾.*

Оканчивая свой разсказъ, Козьма Пражскій также обращается къ музѣ, по обычаю писателей многихъ вѣковъ и народовъ. Въ обращеніи его сквозь риторическую оболочку проглядываютъ и неподдѣльное чувство. Восьмидесятилѣтній писатель слышитъ призывъ богини, вѣчно юной и вѣчно милой юношамъ; но бремя годовъ заставляетъ его не внимать сладкому голосу, на который должны откликнуться другіе — писатели новаго поколѣнія²⁾.—

Вообще о хроникѣ Козьмы Пражскаго должно замѣтить, что она, показывая начитанность и талантъ автора, чужда той простоты въ изложеніи, которая составляетъ драгоцѣнную принадлежность лѣтописнаго повѣствованія. Простота всегда и вездѣ имѣетъ свои неоспоримыя права, и нельзя предпочесть ей самыя блестящія искусственныя украшенія. Но говоря объ искусственности въ изложеніи, мы не можемъ поставить ее безусловно въ упрекъ автору. Напротивъ того, держась наиболее справедливой точки зрѣнія, то есть, судя о писателѣ по условіямъ его вѣка и современной ему образованности, мы должны признать въ Козьмѣ Пражскомъ не только замѣчательнаго лѣтописца, но до нѣкоторой степени и писателя-художника. Риторическая оправа его разсказу дана школьнымъ образованіемъ; талантъ же автора соощилъ произведенію разнообразіе и занимательность.

1) *Scriptores rerum Bohemicarum*, I, 194.—*Monumenta*, стр. 101.

2) *Script. rer. Bohem.* I, 277—278. — *Monumenta*, стр. 130—131.

Мы имѣли въ виду литературный характеръ хроники. Историческое ея значеніе опредѣлено Чешскимъ историкомъ Палацкимъ, который, приписывая знаменитому лѣтописцу Богеміи вѣрный историческій тактъ и умѣнье пользоваться такими затруднительными источниками, каковы преимущественно народныя саги, называетъ Козьму Пражскаго писателемъ достопочтеннымъ, истымъ Геродотомъ своего отечества.

VI.

Заключение.

По обзорѣни состава древней лѣтописи, укажемъ въ бѣгломъ очеркѣ тѣ черты, на основаніи коихъ мы старались опредѣлить особенности лѣтописи, какъ произведенія литературнаго.

Начало лѣтописной дѣятельности у насъ представляется явленіемъ самостоятельнымъ по мысли и по формѣ. Замѣтки о событіяхъ были слѣдствіемъ желанія записывать то, что казалось замѣчательнымъ для грамотныхъ предковъ нашихъ. Форма первоначальныхъ замѣтокъ должна была быть въ высшей степени простою, а трудно найти для того времени что-либо проще и удобнѣе въ этомъ отношеніи, какъ пасхальныя таблицы. Рядъ годовъ въ нихъ уже сведенъ въ одно цѣлое; стоило только вписать по нѣскольку словъ въ клѣтки таблицъ, и по нимъ легко было съ перваго взгляду припомнить замѣчательные случаи.

Возникнувъ самостоятельно, лѣтопись наша увеличивалась постепенно въ своемъ внѣшнемъ объемѣ и приобрѣтала внутреннее значеніе и характеръ. Развѣтіе ея совершалось двумя путями: во-первыхъ, не одни только краткія замѣтки, а и повѣствованія довольно подробныя входили въ ея содержаніе; во-вторыхъ, дѣлаемы были заимствованія изъ постороннихъ сочиненій. Заимствованія были также двоякаго рода: одни изъ писаній соотечественниковъ лѣтописца; другія — изъ произведеній или со-

племенниковъ его, какъ напр. изъ житія Кирилла и Меѳодія, или писателей Греческихъ, какъ напр. изъ хроники Георгія Амартола.

Древнѣйшимъ составителемъ полной лѣтописи, дошедшей до насъ въ объемѣ цѣлаго произведенія, былъ, по общепринятому мнѣнiю, преподобный Несторъ, монахъ Кіево-Печерской обители. Заслонивши своимъ превосходнымъ произведеніемъ труды своихъ предшественниковъ, онъ удержалъ усвоенную ими форму погоднаго записыванья событій. Его «повѣсть временныхъ лѣтъ» по формѣ своей есть въ такомъ же полномъ смыслѣ *лѣтопись*, какъ и древнія Новгородскія лѣтописи, и тѣ начатки лѣтописной дѣятельности, которыя замѣчаются задолго до него — еще въ X столѣтіи.

Главный предметъ лѣтописи Нестора есть Русская земля, и Несторъ вѣренъ своему предмету въ теченіе всего разсказа, почему и заслуживаетъ названія древнѣйшаго лѣтописца Русскаго народа, представителя лѣтописанія въ Россіи. Сообразно съ судьбою Русской земли, въ лѣтописи представляется двѣ стороны: свѣтлая — въ изображеніи минувшаго, и темная — въ описаніи печальной дѣйствительности, современной лѣтописцу. Разсказъ о древнѣйшихъ временахъ, прославленныхъ подвигами Олега, Ольги, Владимира, смѣняется повѣствованіемъ о вторженіяхъ Половецкихъ, о несчастіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Но и среди этихъ несчастій жила утѣшительная мысль, дававшая силу для борьбы съ ними, при сознаніи ихъ необходимости, и питавшая надежду на избавленіе отъ ужасныхъ бѣдствій. Тяжелое впечатлѣніе, производимое ими, умѣрялось мыслию, что все совершается по волѣ Бога, что гнѣвъ Его падаетъ и на тѣхъ, кого Онъ любитъ, и падаетъ для того, чтобы удержать ихъ отъ неправаго пути и воззвать къ жизни новой, истинно-счастливой.

Убѣжденіе во всемогуществѣ, правосудіи и милосердіи Промысла и живое чувство преданности Ему выражаются постоянно въ лѣтописи. Слова лѣтописца: «вложилъ Богъ мысль добрую»

показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на событія. Признавая высшую причину ихъ, онъ говоритъ и о поводѣ къ нимъ обыкновенномъ—о земныхъ расчетахъ, цѣляхъ и замыслахъ, передаваемыхъ въ такомъ видѣ, который уже самъ по себѣ ручается за ихъ достовѣрность, будучи вполне вѣренъ духу времени.

Лѣтописецъ былъ человѣкъ мыслящій: обстоятельства сомнительныя подвергалъ разсмотрѣнію, обсуживалъ ихъ, повѣрялъ различными данными; доказательства свои основывалъ большею частью на примѣрахъ, заимствуемыхъ изъ Библіи и писателей Византійскихъ.

Многія изъ объясняемыхъ происшествій были такъ близки душѣ автора, что рѣчь его становилась одушевленнѣе и выражала не только ясную мысль, но и теплое чувство. При всей силѣ и независимости своей оно не было въ разладѣ съ понятіями и убѣжденіями лѣтописца; мысль и чувство его были одинаково вѣрны истинѣ, усвоивъ за ними неотъемлемо два замѣчательныя свойства: здравомысліе и безпристрастіе.

Внутренняя сосредоточенность лѣтописца и отсутствіе порывовъ и вспышекъ отразился и въ тонѣ лѣтописнаго повѣствованія: оно отличается плавностію и ровностію рѣчи, и своимъ спокойнымъ теченіемъ приближается къ тону эпическихъ произведеній, духъ коихъ обыкновенно не исчезаетъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ исторіи народа, возникающихъ уже по созданію народнаго эпоса.

Достоинства нашего лѣтописца обозначаются особенно рѣзко при сравненіи его съ представителями лѣтописанія въ западной Европѣ. Между тѣмъ и другими находятъ весьма много общаго. Содержаніе ихъ лѣтописей составляютъ преимущественно описанія битвъ, вторженій непріятельскихъ, внутреннихъ междоусобій. Главною причиною событій признается Европейскими лѣтописцами еднотушно — промыслъ Божій, его невѣдомые и непреложные пути. Въ этомъ отношеніи на западныхъ хронистовъ не оказало никакого вліянія даже знакомство ихъ съ древ-

нимъ языческимъ міромъ, отъ коего заимствовали они много свѣдѣній, но не подчинились его идеямъ, которыя потеряли все свое значеніе въ сравненіи съ идеями высшими, христіанскими. Безусловное предпочтеніе христіанскихъ понятій всѣмъ другимъ, выраженнымъ древними писателями, обнаруживается у всѣхъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, хотя и не одинаковымъ образомъ. У Ламберта оно очевидно изъ того, что все, одобряемое имъ, находитъ, по его мнѣнію, подтвержденіе въ Библии, и часто излагается словами Св. Писанія; заимствованія же изъ классическихкихъ писателей играютъ роль второстепенную, служа украшеніемъ слога — не болѣе. Григорій Турскій энергически высказываетъ мысль о превосходствѣ христіанскаго міра надъ языческимъ, мысль, которая, по замѣчанію ученыхъ, была въ высшей степени благотворна для развитія современнаго ему общества¹⁾.

Не только въ общихъ чертахъ содержанія и въ основной идеѣ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ сходятся западно-Европейскіе хронисты съ лѣтописцемъ Русскимъ. Особенно любопытно согласіе ихъ въ такихъ вещахъ, въ коихъ выражается духъ времени, измѣнившійся въ послѣдствіи подъ вліяніемъ многихъ причинъ, изъ коихъ самая важная заключается въ успѣхахъ просвѣщенія. Затмѣніямъ, разливамъ рѣкъ, неурожаямъ, случаямъ диковиннымъ и т. п. придавали таинственное значеніе и западные лѣтописцы, свидѣтели шумнаго движенія, совершавшагося въ центрѣ Европы, знакомые, по описаніямъ Тацита, Тита Ливія и другихъ историковъ, съ судьбами лицъ и народовъ, восходившихъ на высоту величія и падавшихъ съ нея

1) Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France... par Guizot, Paris. 1823. Histoire des Francs, par Grégoire de Tours. стр. XII. Приведа слѣдующія слова Григорія Турскаго о преданіяхъ міра языческаго: «Je méprise toutes ces choses qui tombent en ruines, et m'applique bien plutôt aux choses divines, aux miracles de l'Evangile»,—Гизо говоритъ: «le peuple partageait ce sentiment; c'était celui des meilleurs hommes de l'époque, de tous ceux qui conservaient quelque énergie morale, quelque goût vraiment actif pour le développement intellectuel».

вслѣдствіе причинъ историческихъ, независимо отъ какого-нибудь огненнаго столба или затмѣнія. Нашъ лѣтописецъ, признавая, что «знаменія бывають или на добро, или на зло», старается подкрѣпить свою мысль послѣдовательными доказательствами, чего не находимъ у другихъ лѣтописцевъ.

Нѣтъ у нихъ и той искренности чувства, которая слышится въ правдивомъ разсказѣ Нестора; стоитъ только сравнить любое свидѣтельство Нестора съ описаніемъ, напримѣръ, дѣйствій папы у Ламберта или съ другимъ какимъ-либо описаніемъ у западныхъ лѣтописцевъ, и обратить вниманіе не на то даже, *что* говорятъ эти хронисты, а на то, *какъ* они говорятъ, чтобы убѣдиться въ разумномъ и благородномъ безпристрастіи нашего лѣтописца.

Возвышаясь нѣкоторыми свойствами надъ своими Европейскими собратами, лѣтописецъ нашъ долженъ въ свою очередь уступить имъ въ иныхъ случаяхъ. Главнѣйшее преимущество западныхъ хронистовъ заключается, какъ полагаемъ, въ большей образованности ихъ — вслѣдствіе знакомства съ древнимъ міромъ. Хотя начитанность въ древней литературѣ не потрясла основныхъ убѣжденій Европейскихъ лѣтописцевъ, по она имѣла вліяніе на содержаніе ихъ произведеній, обогативъ его многими интересными подробностями. Описаніе жизни свѣтской съ ея пестрой обстановкой, съ ея запутанными интригами, могло явиться въ хроникахъ западныхъ отчасти подъ вліяніемъ древнихъ образцовъ, коему авторы подчинялись невольно, вовсе не желая подражать, а только привыкнувъ находить въ историческихъ повѣствованіяхъ много такого, чему подобнаго не встрѣчали въ священныя книги. Какъ бы то ни было, нельзя отрицать, что направленіе внимательно читаемыхъ книгъ отражается въ большей или меньшей степени въ собственномъ сочиненіи читателя. Нашему лѣтописцу представлялись идеи доблести и нравственной чистоты преимущественно въ образахъ библейскихъ, въ образахъ невиннаго страдальца Авеля, добродѣтельныхъ Мардохея и Есфирь, цѣломудренной Сусанны, и т. д. Порокъ изображается

въ Библія такимъ же сильнымъ словомъ, съ сохраненіемъ того же серіознаго тона: какъ преступное уклоненіе отъ истиннаго пути, порокъ возбуждаетъ праведный гнѣвъ, изливаемый въ величественномъ, обличительномъ словѣ. Для того, чтобы внести въ лѣтопись изображенія, по духу своему, совершенно противоположныя библійскимъ, описывать игру страстей съ ея послѣдствіями, часто комическими, лѣтописцу должно было бы отвергнуть преданіе, уклониться отъ условій своего быта и образованности, разорвать связь съ своими высокими образцами. Но воображенію западно-Европейскихъ писателей, легко могли представиться и картины другаго рода; западнымъ хронистамъ не безызвѣстны были поступки Тиверія, и дѣйствія Катилины, и политическія интриги, съ такимъ искусствомъ переданныя Римскими историками, и наконецъ образы Делія, Хлои, Цинтіи и т. д., воспѣтыхъ Гораціемъ, Проперціемъ и другими поэтами. Вліяніе, хотя и посредственное, древнихъ классическихъ образцовъ послужило одною изъ причинъ той занимательности, которою отличаются западныя хроники въ сравненіи съ нашею лѣтописью.

Впрочемъ и нашей лѣтописи нельзя отказать въ занимательности, способной овладѣть вниманіемъ читателя. Это зависитъ не столько отъ содержанія, какъ въ западныхъ хроникахъ, сколько отъ живой, народной рѣчи, въ которой оно излагается. Дѣйствіе слова въ этомъ случаѣ обаятельно: оно заставляетъ насъ отрѣшиться отъ своего времени и перенестись въ міръ давноминувшій, изображаемый въ лѣтописи. Читая и перечитывая разговоры князей между собою, съ дружиною или съ чужеземцами, невольно входяшь въ интересы древняго Русскаго быта, привыкаешь находить и наслажденіе и занимательность въ простыхъ, но задушевныхъ словахъ предковъ нашихъ.

Знакомство съ древнимъ міромъ западныя лѣтописцы пріобрѣли посредствомъ знанія Латинскаго языка. Это знаніе, много содѣйствуя ихъ образованности, сопряжено было и съ невыгодными послѣдствіями, изъ коихъ самое рѣшительное было — отчужденіе отъ родного языка. Въ лѣтописяхъ западныхъ из-

рѣдка и случайно попадаются два-три слова на непонятномъ народу языкѣ. Въ хроникѣ Козьмы Пражскаго одна фраза, кажущаяся народною, признавалась сперва двусмысленною: ее читали и *a panos auras*, т. е. *et usque ad noctem, eia igitur*, и *ana nos auras*, т. е. *est enim nox, eia igitur*, — а потомъ и вовсе не Чешскою, а Греческою: *an ὄνος λύρας* ¹⁾). Въ нашей лѣтописи слова служатъ не только общимъ выраженіемъ мысли, а передаютъ ее со всѣми оттѣнками, во всей свѣжести, простотѣ и естественности, вполнѣ свойственными какъ самой мысли, такъ и быту того времени, къ которому относится рассказъ лѣтописца.

Народность языка составляетъ безспорно то драгоцѣнное свойство нашей лѣтописи, которое ставитъ ее неизмѣримо выше хроникъ писателей западныхъ, излагавшихъ преданія своей старины на языкѣ иностранномъ, съ коимъ ознакомились путемъ искусственнымъ и который совершенно чуждъ былъ изображаемой ими старины. Языкъ западныхъ лѣтописцевъ ученые называютъ искаженіемъ Латинскаго языка, занимающимъ въ исторіи послѣдняго самое невыгодное мѣсто. Языкъ Русской лѣтописи, напротивъ того, признается сокровищницею древней Русской рѣчи, удержавшею въ себѣ множество мѣткихъ и прекрасныхъ выраженій, которыя должны быть воззваны къ жизни художественнымъ чувствомъ писателей. Онъ является не бѣднымъ остаткомъ, а роскошнымъ началомъ письменнаго употребленія Русскаго слова, и потому составляетъ существенную принадлежность исторіи Русскаго языка.

ПОСОБІЯ ПРИ ИЗУЧЕНІИ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

I.

Несторовой лѣтописи посвящено нѣсколько изслѣдованій въ нашей ученой литературѣ. При разработкѣ лѣтописи изслѣдователи имѣли въ виду преимущественно ея историческое значеніе,

1) Script. rer. Bohemic. I, стр. 143, l. — Monumenta, стр. 81, примѣч. 15.

ограничиваясь немногими замѣчаніями о ея характерѣ литературномъ.

Критическій разборъ состава Несторовой лѣтописи, изданіе ея и переводъ представлены въ сочиненіи *Шлецера*: Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. 4 Bände. Göttingen. 1802—1809. Трудъ Шлецера доведенъ до 980 года. На Русскій языкъ переведенъ *Языковымъ* подъ заглавіемъ: «Несторъ, Русскія лѣтописи на древне-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя А. Л. Шлецеромъ». 3 части. СПб. 1809—1819. Взглядъ и метода Шлецера разсмотрѣны въ сочиненіи *Попова*: «Шлецеръ. Разсужденіе о Русской исторіографіи», помѣщенномъ въ Московскомъ Сборникѣ на 1847 годъ, стр. 399—483.

Въ 1836 году вышло сочиненіе *В. Перевощикова*: «О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ», напечатанное снова, съ перемѣнами и добавленіями, въ «Трудахъ Россійской Академіи», 1841. ч. IV, стр. 77—130. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Въ первомъ обстоятельно описаны списки лѣтописей: Лаврентьевскій, Кенигсбергскій, Ипатьевскій и др. Въ третьемъ представлены извлеченія изъ лѣтописей. Во второмъ изложены заключенія автора, который желалъ, говоря его словами, «показать, кто были наши лѣтописатели по 1240 годъ, что именно они сочинили, и каковы ихъ творенія по содержацію, по *филологическимъ* и *эстетическимъ* свойствамъ». Показанія автора объ ихъ свойствахъ весьма кратки и ограничиваются общими чертами, но большею частью вѣрными. О Несторѣ замѣчено, что онъ «дѣянія Россіянь рассказываетъ токмо важнѣйшія, преимущественно военныя; гражданскія весьма рѣдко и кратко. Не смотря на сіе, при внимательномъ чтеніи его творенія, можно составить, если не полное, то ясное понятіе о степени просвѣщенія, образѣ правительства, обычаяхъ и нравахъ Славянъ и Варяговъ, о состояніи Россіи вообще подъ управленіемъ князей, о дѣяніяхъ и характерахъ сихъ послѣднихъ; можно провидѣть причины и слѣдствія происшествій. Несторъ

судить о поступкахъ людей всегда справедливо. Разговоры и рѣчи, которыя влагаешь онъ въ уста дѣйствующихъ особъ, приличны имъ, обстоятельствамъ и духу времени. Многія картины его живописны. Что принадлежитъ до слововыраженія Несторова, то можно сказать о немъ вообще, что оно есть смѣсь церковнаго языка съ народнымъ; Несторъ писалъ какъ говорилъ и начинался въ книгахъ» и т. д. (XXXV, стр. 101—103). Перевосинокъ полагаетъ, что Несторъ кончилъ лѣтопись 1074 годомъ (XXXIII, стр. 99—100). По мнѣнію же другихъ трудъ Нестора оканчивается позднѣе: Татищевъ полагалъ, что 1093 годомъ; Карамзинъ, равно какъ и большая часть послѣдующихъ писателей,—1110¹⁾; Бутковъ — 1113; Миллеръ — 1115; Шлецеръ — 1116.

Въ 1839 году г. *Погодинъ* издалъ историческое изслѣдованіе о Несторѣ. Оно помѣщено и въ «Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ М. Погодина о Русской исторіи», 1846, т. I, стр. 3—229. Авторъ опредѣляетъ источники лѣтописи и видъ, въ коемъ она дошла до насъ, и доказываетъ ея достовѣрность.

1) 1110 годъ принимается на основаніи доказательствъ, подобныхъ слѣдующимъ, приведеннымъ въ статьѣ г. *Бѣляева*: О Несторовой лѣтописи, стр. 71—72:

- 1) Съ 1110 г. начинаютъ большія разногласія въ спискахъ: Лаврентьевскомъ, Радзивилловскомъ, Ипатьевскомъ, въ чемъ никакъ нельзя, обвинять переписчиковъ, которыя до 1110 года не допускали же такихъ разногласій.
- 2) Повтореніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ и формъ изложенія, помѣщенныхъ прежде; напр. Ипатьевскій списокъ подъ 1111 годомъ повторяетъ со всѣми подробностями княжескій съѣздъ на Долобѣ-скѣ, описанный у Нестора подъ 1103 годомъ; даже самая рѣчь Мономаха одна и та же, только въ Ипатьевскомъ списокѣ подновлена и распространена противъ помѣщенной у Нестора; или подъ 1113 г. описаніе знаменія, бывшаго въ 19 день марта, есть повтореніе такого же описанія у Нестора подъ 1064 годомъ.
- 3) Слогъ продолженія и точка зрѣнія на происшествія рѣшительно не походятъ на Несторовскіе; стоитъ только сравнить какой-либо Несторовъ панегирикъ съ любымъ панегирикомъ его продолжателей, чтобы убѣдиться въ невозможности приписать Нестору продолженіе лѣтописи послѣ 1110 года.

Въ сочиненіи г. *Буткова*: «Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навіта скептяковъ», СПб., 1840, рѣшаются вопросы: о степени образованности лѣтописца и его вѣка (стр. 1—29 и 157—176), о средствахъ Нестора къ собранію матеріаловъ для лѣтописи (стр. 195—208), о связи съ лѣтописью другихъ сочиненій Нестора (стр. 188—194) и др. Статья того же автора: «Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, лѣтописцѣ Русскомъ» напечатана въ *Современникѣ*, 1850, № 9, отд. III, стр. 1—52. Она имѣетъ въ виду опроверженіе мнѣній о Несторовой лѣтописи, высказанныхъ г. Казанскимъ. Замѣчанія г. *Казанскаго* и отвѣты его на возраженія см. *Временникъ*, 1849, кн. 1 и 3; 1850, кн. 10; 1852, кн. 13;—*Отечественныя Записки*, 1851, т. LXXIV, отд. VIII, стр. 80—99. Цѣль статей Казанскаго показать, что части лѣтописи, изданной Археографическою Комиссіею подъ названіемъ «древняго текста лѣтописи Нестора», не всѣ одинаково древни и не принадлежатъ одному и тому же автору.

Въ сочиненіи *Кубарева*: «Несторъ, первый писатель Россійской исторіи, церковной и гражданской» (помѣщенн. въ *Русскомъ Историческомъ Сборникѣ*. 1842. Томъ IV, книжка 4) доказы-вается, что «Несторъ есть сочинитель извѣстной намъ лѣтописи, и что ни внутреннее содержаніе оной, ни вліяніе постороннихъ отношеній не сильны отнять у него сей чести». Въ заключеніе авторъ говоритъ: «я оставлю читателя его собственному эстетическому чувству: я поведу его въ галерею картинъ, по разнообразію и изяществу плѣнительныхъ для воображенія и чувства». Эти картины выбраны изъ княженія Ольги, Святослава и Владимира, и слѣдуютъ за отрывками изъ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ и жизнеописанія св. Феодосія, какъ доказательство, что всѣ три произведенія принадлежатъ Нестору.—Въ связи съ изслѣдованіемъ о Несторѣ находятся сочиненіе *того же автора*: «О патерикѣ Печерскомъ», помѣщенн. въ *Чтеніяхъ Моск. Историческаго Общества*. 1846—47 г. № 9. Отдѣлъ изслѣдованій, стр. 1—22.

Въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» 1843 г.

(книжка II и III) помѣщены двѣ статьи г. *Иванова* о Русскихъ лѣтописяхъ. Первая подъ названіемъ: «Краткій обзоръ Русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ» (стр. 3—57) заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о пятидесяти двухъ спискахъ, поступившихъ въ Археографическую Комиссію, и о нѣсколькихъ лѣтописныхъ сборникахъ въ библіотекахъ Московскихъ: Синодальной, Типографской, бывшей Погodiна, бывшей Царскаго и Общества исторіи и древностей.— Во второй обширной статьѣ подъ заглавіемъ: «Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ» (стр. 58—396) говорится въ началѣ о спискахъ хронографовъ (стр. 62—77); большую же часть статьи составляетъ подробное изложеніе мнѣній о началѣ и древности Русской лѣтописи, о Византійскомъ вліяніи на нее, и изслѣдованій о Несторовой лѣтописи. Рассмотрѣны мнѣнія, труды и заслуги ученыхъ, занимавшихся лѣтописями: Байера, Татищева, Миллера, Шлецера, Карамзина, Эверса, П. Строева, барона Розенкампа, взгляды послѣдователей скептической школы и, наконецъ, сочиненія Погodiна и Буткова, изслѣдованія коихъ о Несторовой лѣтописи разсматриваются съ особенною подробностью. Указаны и труды другихъ изслѣдователей нашей старины.

Изслѣдованіе г. *Бяльева*: «О Несторовой лѣтописи» (напечатанное въ 1847 году) представляетъ послѣдовательное обзорѣніе Несторовой лѣтописи, сопровождаемое указаніемъ ея источниковъ и историческими объясненіями, въ коихъ обращено особенное вниманіе на взаимныя отношенія князей, открывающіяся изъ лѣтописи. Авторъ опредѣляетъ и литературное достоинство лѣтописи. Какъ образецъ взгляда, господствующаго въ изслѣдованіи, можно привести слѣдующую характеристику Нестора: «Несторъ поступилъ съ большою отчетливостію въ описаніи Изяславова княженія, столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ и произведшаго большой переворотъ въ политическомъ устройствѣ древней Руси; онъ не только добросовѣстно передалъ

политическую исторію того времени, но удачно познакомил насъ и съ другими сторонами народной жизни. Его описаніе Кіево-печерскаго монастыря и тамошнихъ иноковъ, прославившихся подвигами благочестія, заслуживаетъ полное изученіе и превосходно очеркиваетъ религіозную сторону народной жизни; а рассказы о волхвахъ и кудесникахъ, явившихся въ Новгородѣ, Ростовѣ, Кіевѣ и Бѣлѣ-озерѣ, и производившихъ большія движенія въ народѣ, указываютъ намъ на нравственную и умственную сторону народнаго духа. Изъ всѣхъ этихъ описаній, съ перваго взгляда кажущихся приставными и лишними, вытекаетъ полная и стройная исторія Руси XI вѣка; здѣсь мы видимъ, какъ возможность многихъ политическихъ событій утверждается на нравственныхъ явленіяхъ, и какъ, наоборотъ, сіи послѣднія получаютъ свою достовѣрность отъ первыхъ. Здѣсь заслуга и умъ Нестора—неоцѣнимы; онъ во всѣхъ фазахъ жизни умѣлъ подмѣтить движеніе и борьбу стараго съ новымъ и новаго со старымъ, борьбу элемента Скандинавскаго съ Славянскимъ и христіанства съ язычествомъ, и передалъ эту борьбу съ изумительною точностію. Несторово описаніе Изяслава кияженія заслуживаетъ глубокое изученіе; этотъ періодъ времени есть одинъ изъ важнѣйшихъ во всей Русской исторіи: до Изяслава, можно сказать, наша лѣтописная Русь, т.-е. смѣсь пришельцевъ съ туземцами, только знакомилась сама съ собою, и каждая сторона только еще пыталась свои силы, но при Изяславѣ это знакомство разрѣшилось борьбою разностороннихъ идей, которая надолго установила ходъ событій въ нашей исторіи. Несторъ вполне понялъ важность этого времени, и посему не удовольствовался одною исторіею Кіева, какъ дѣлалъ прежде; но, по возможности, распространилъ свой взглядъ на всю Русь и преимущественно сосредоточилъ свое вниманіе на обще-Русскихъ событіяхъ. Говоря о Несторѣ, какъ о вѣрномъ и глубокомысленномъ историкѣ, нельзя пропустить безъ вниманія и художническую сторону его лѣтописи. Посмотрите, какъ у него величественно и характерно описаніе похоронъ Изяслава (подъ 1078 г.—I, 86);

сколько правды, сколько современности и художническаго достоинства въ этомъ, повидимому, безыскусственномъ разсказѣ, и т. д. (стр. 55—56).—Статья Бѣляева помѣщена въ Чтеніяхъ Московск. Историч. Общества, 1847, № 5, въ отдѣлѣ «Изслѣдованій».—

Сверхъ спеціальныхъ изслѣдованій о Несторѣ, должны быть названы и труды ученыхъ, касающіеся лѣтописи какъ части излагаемаго ими обширнаго цѣлаго. Сюда принадлежать: «Исторія Государства Россійскаго» *Карамзина*;—«Исторія Русскаго народа» *Полевого*;—«Повѣствованіе о Россіи» *Арицы-башева*.

Въ исторіи *Карамзина*, въ первомъ томѣ и въ шести начальныхъ главахъ второго—съ многочисленными примѣчаніями, находится много указаній весьма важныхъ по отношенію къ Несторовой лѣтописи.

Въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» проф. *Соловьева* обозрѣвается составъ нашихъ лѣтописей и указываются «религіозныя, нравственныя, политическія и научныя понятія» древняго лѣтописца и его продолжателей. См. Т. III, 1852, стр. 114—149.

Въ «Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней», профессора *Шевырева* (Томъ I, часть 2. 1846, стр. 65—128) вся седьмая лекція посвящена Нестору. Въ ней говорится объ источникахъ лѣтописи, о формѣ ея изложенія и языкѣ, объ отношеніи къ западнымъ хроникамъ, и т. п. «Языкъ Нестора—говоритъ авторъ—въ грамматическихъ формахъ носятъ слѣды самаго сильнаго вліянія грамоты Словено-Болгарской, т.-е. нашей древней церковной.... Но несмотря на то, въ языкѣ Нестора пробивается сильно живая устная рѣчь. Полногласіе Русскихъ словъ, повтореніе предлоговъ, будущее время вмѣсто настоящаго и другіе обороты указываютъ на народную стихію». Отличіе Нестора отъ западныхъ лѣтописцевъ представлено такъ: «Въ Несторѣ, какъ и во всѣхъ древнихъ лѣтописцахъ нашихъ, замѣчается отсутствіе личности, которая, напротивъ, такъ гос-

подстываетъ въ западныхъ лѣтописателяхъ. Въ Виль-Гардунѣ виденъ смѣлый предводитель ватаги Французскихъ смѣльчаковъ, занятый только водвореніемъ въ Константинополь и презирающій все Византійское; въ Джіованни Виллани—обанкротившійся купецъ, который богомольнымъ странникомъ явился въ Римъ, влюбился въ великолѣпіе его древнихъ памятниковъ, и гордое славолубіе языческаго Рима перенесъ на преданія своего отечества; въ Фруасарѣ—трубадуръ, искатель приключеній и любовникъ, который бродитъ по феодальнымъ замкамъ, угождаетъ дамамъ и рыцарямъ, собираетъ и записываетъ ихъ рассказы. Отсюда, изъ этой личности проистекаетъ заманчивость хроникъ Запада; всегда личныя страсти оживляютъ ихъ повѣствованіе... Нашъ лѣтописецъ Несторъ и его послѣдователи не имѣютъ этой выгоды западныхъ лѣтописцевъ. Въ немъ видимъ мы лицо безстрастное, челоуѣка, не увлекаемаго никакимъ пристрастіемъ. Но эта личность уступаетъ мѣсто другой великой личности и становится за нее: личности самаго народа Русскаго. Да, нашъ Несторъ—это сама народная совѣсть, принявшая образъ лѣтописца; это—народныя уста, которыми высказалась первоначальная жизнь нашего отечества» (стр. 95—97).—

Въ сочиненіяхъ, разсматривающихъ другіе предметы, а не лѣтописи собственно, встрѣчаются иногда весьма цѣнныя замѣчанія, поясняющія нѣкоторыя части лѣтописи. Указанія на подобныя сочиненія находятся на страницахъ предлагаемаго изслѣдованія.

II.

Языкъ Несторовой лѣтописи разсмотрѣнъ *Миклошичемъ* въ трудѣ его: *Über die Sprache der ältesten Russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's*. Wien. 1855 (Aus dem Novemberhefte des Jahrganges 1854 der Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften besonders abgedruckt). Авторъ разсматриваетъ фонетику и формы склоненія и спряженія—lautlehre (стр. 5—36) и formenlehre

(стр. 37—41); синтаксиса же не касается. Цѣль труда—возстановить древній текстъ въ его надлежащемъ филологическомъ видѣ. При этомъ авторъ, какъ самъ говоритъ, руководствовался слѣдующими основаніями.

1) Несторъ держался опредѣленныхъ правилъ въ употребленіи языка, хотя во многихъ случаяхъ и безсознательно. Непослѣдовательность, съ которою на одной и той же страницѣ одно и то же слово писалось различнымъ образомъ, должна быть отнесена не къ Нестору, а къ невѣжественнымъ переписчикамъ.

2) Взглядъ самого Нестора на языкъ, коимъ онъ писалъ, выраженъ имъ въ словахъ: «Словѣнскъ языкъ и Рускій—одинъ». Поэтому при филологическомъ возстановленіи древняго текста необходимо положить въ основу языкъ церковно-Славянскій; но такимъ образомъ, чтобы

3) Уклоненія отъ церковно-Славянскаго, встрѣчающіяся въ спискахъ Несторовой лѣтописи и современныхъ имъ памятникахъ, писанныхъ въ Россіи, были непременно удержаны въ возстановленномъ текстѣ.

Сообразно съ принятыми основаніями допущены уклоненія отъ древняго списка въ родѣ слѣдующихъ:

Лаврентьевскій списокъ, л. 1 об.

Се повѣсти временныхъ лѣтъ,
Ѡ куду есть пошла Руская зема,
кто въ Киевѣ нача первѣе кня-
жити, и Ѡ куду Руская земля
стала есть. Се начнемъ повѣсть
сю, п. т. д.

*Miklosich: Ueber die Sprache Nestor's,
стр. 41.*

Се повѣсть врѣменныхъ лѣтъ,
отъ коудуу єсть пошыла Роусьская
земля, кѣто въ Кѣкѣвѣ нача первок
княжити, и отъ коудуу Роусьская
земля стала єсть. Се начньѣмъ по-
вѣсть сию.

Подобныя измѣненія становятся тѣмъ справедливѣе, чѣмъ болѣе древнихъ памятниковъ принято въ соображеніе. Миклошичъ же пользовался только слѣдующими: Лаврентьевскимъ спискомъ по изданію Археографической Комиссіи, не предназначенному для филологическихъ изслѣдованій; лѣтописцемъ Перея-

славя-Суздальскаго, изданнымъ кн. Оболенскимъ; кодексомъ Ганкешштейна, какъ называется онъ по имени прежняго владѣльца. Кодексъ заключаетъ въ себѣ: чтенія изъ Евангелія и Апостола, воскресные каноны и другія пѣсни Октояха, и синаксарь; писанъ, какъ полагають, въ Россіи въ XII—XIII в. (см. «Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію, соч. *Добровскаго*». 1833. Часть I, стр. XXIX—XXXI Русск. перев.). Миклошичъ не отдѣляетъ оригинальной части лѣтописи отъ заимствованной, и требованія Русско-Славянской грамматики, извлекаемыя имъ изъ языка Нестора, примѣняетъ и къ выпискамъ изъ хроники Амартала, переведенной не въ Россіи и не Русскими. — Достоинство труда Миклошича состоитъ въ собраніи и систематическомъ расположеніи данныхъ для грамматики лѣтописнаго языка. —

Словарь къ лѣтописи Несторовой былъ приготовляемъ покойнымъ *Карелкинымъ*, авторомъ весьма замѣчательной статьи о Востоковѣ, помѣщенной въ 1-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» 1855 г. Изданіе этого словаря, по окончательной его обработкѣ, приняло на себя 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ (см. Извѣстія, Т. IV, выпускъ 5, стр. 252—253).

О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи¹⁾.

Лѣтописи были первыми письменными памятниками, въ которыхъ заговорила русская жизнь. Лѣтописи весьма рано являются, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, первоначально въ видѣ краткихъ замѣтокъ, впоследствии въ видѣ пространной повѣсти временныхъ лѣтъ. Древнѣйшая лѣтописная повѣсть составлена въ Южной Руси. Составъ древней лѣтописи разнообразенъ, и, чтобы объяснить соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое, необходимо разсмотрѣть самыя части, изъ которыхъ составлена лѣтопись, и указать связь ихъ съ другими произведеніями словесности. Внимательное разсмотрѣніе откроетъ степень вліянія трехъ элементовъ лѣтописи, какъ и вообще древней русской словесности, — библейскаго, византійскаго и народнаго.

Библейское вліяніе на нашу древнюю лѣтопись не подлежитъ сомнѣнію; оно выразилось и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Общее настроеніе лѣтописца, его взглядъ на событія, тонъ повѣствованія и даже отдѣльныя выраженія напоминаютъ библію. Независимо отъ книгъ собственно библейскихъ, изъ лѣтописи видно, что предкамъ нашимъ знакомы были сочиненія апокрифическія. Многія изъ этихъ сочиненій не лишены своего рода поэзіи; явленіямъ, установленнымъ природою, и потому неизбежнымъ, дается въ апокрифахъ объясненіе, не чуждое поэтическаго коло-

1) *Основа* 1861 года, № 6.

рита. Апокрифическое сказаніе о смерти Авеля изображаетъ впечатлѣніе, произведенное первою смертію на землѣ, на которой не имѣли еще понятія о гибели и разрушенія: Адамъ и Ева были поражены новымъ для нихъ зрѣлищемъ трупa и не знали, что дѣлать съ нимъ, пока не прилетѣли птицы и не научили, какъ хоронить мертвыхъ. Въ лѣтописи говорится, что Адамъ и Ева плакали надъ убитымъ Авелемъ тридцать лѣтъ, и не сгнило тѣло его, и не умѣли похоронить его; и повелѣніемъ Божиимъ прилетѣло два птенца,—одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму, положилъ въ нее умершаго и похоронилъ его; увидѣвши это, Адамъ и Ева выкопали яму, вложили въ нее Авеля и погребли его съ плачемъ. По естественному порядку вещей, старшіе прежде младшихъ сходятъ въ могилу; измѣненіе этого порядка легенда приписываетъ событію, привлечшему небесную кару на виновнаго: отецъ Авраама, продолжаетъ лѣтописецъ, поклонялся кумирамъ; Авраамъ, «пришедъ въ умъ», сказалъ отцу: ты обманываешь людей, дѣлая кумиры изъ дерева, истинный же Богъ тотъ, который сотворилъ небо и землю. Взявши огонь, Авраамъ зажегъ храмину, гдѣ стояли идолы, а братъ его, ревностный идолопоклонникъ, хотѣлъ «вымчаты» идоловъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними; такимъ образомъ, онъ умеръ прежде своего отца, и съ тѣхъ-то поръ начали дѣти умирать прежде родителей, а до смерти брата Авраамова сыновья умирали послѣ отцовъ своихъ¹⁾.

Поэтический элементъ въ древней лѣтописи является въ ней, съ одной стороны, подъ вліяніемъ апокрифовъ и легендарной литературы Византіи, съ другой — подъ вліяніемъ русской жизни—вѣрованій и преданій, жившихъ въ русскомъ народѣ во времена древнихъ лѣтописцевъ. Хроники византійскія, безспорно, имѣли вліяніе на нашу лѣтопись: оно обнаружилось преимущественно въ фактической части лѣтописи, то-есть многія извѣстія и рассказы заимствованы нашими лѣтописцами изъ сочиненій

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 38 и 39.

византійскихъ писателей. Любопытно, что византійскія легенды, не ограничиваясь письменною словесностію, пропикали даже въ народъ. Такъ, въ хроникѣ Амартала и другихъ, при повѣствованіи о подвигахъ Александра Македонскаго, разсказывается о счастливой жизни *Врахмановъ*, которые «не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножныя, питаются овощами и сладкою водою». Женщины живутъ у нихъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины — на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки и удаляется для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна *Врахмановъ* не многочисленна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастіемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ. Галичане до сихъ поръ говорятъ: «постимо якъ Рахмане», «па Юра-Ивана, па рахманскій великдень», и въ Галлиціи есть преданіе, что «далеко отсюда, за черпыми морями, живутъ люди Рахмане. Они счастливѣйшіе между людьми; сильно постятся; только разъ въ году ѣдятъ мясо, на «великдень», а праздникъ «великдень Рахманскій» приходится тогда, когда скорлупа благословеннаго яйца отъ насъ до нихъ переплыветъ по морю. *Рахмане* суть не что иное, какъ *Врахманы*, то-есть *брамины*, съ которыми наши предки знакомы были изъ Александріи, или баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ¹⁾. Съ именемъ Александра Македонскаго, любимаго героя средне-вѣковой повѣсти, соединяется преданіе о чудномъ и страшномъ народѣ, въ которомъ предки наши видѣли то Половцевъ, то Татаръ. Объ этомъ народѣ ходили легенды и въ Западной Европѣ; на средне-вѣковыхъ картахъ обозначалась страна, гдѣ все ужаснѣе, нежели можно себѣ представить, гдѣ постоянно невыносимый холодъ, а люди до того жестоки, что ѣдятъ мясо чело-

1) *Буслаева*: Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. I, стр. 121. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ. слово — рахманъ употребляется въ смыслъ — кроткій, тихій, ласковый: рахманна дитина, рахманний кінъ.

вѣческое и пьютъ человѣческую кровь. Жители страны — потомки Каина. Они заключены въ своихъ предѣлахъ во время Александра Македонскаго; при немъ было землетрясеніе, и вмѣсто прежнихъ равнинъ явились горы, заключившія навѣки отверженный народъ¹⁾. Русскій лѣтописецъ, говоря объ ужасномъ народѣ²⁾, приводитъ свидѣтельство Меѳодія Патарскаго. Византійскій писатель, Меѳодій Патарскій рассказываетъ, что Александръ Македонскій видѣлъ въ такъ называемой «Солнечной Странѣ» нечистое племя, которое ѣстъ всякую скверну: комаровъ, мухъ, змѣй, всякую падаль, даже трупы людскіе и выкидышей. Александръ, боясь, чтобы гнусное племя не напало на святую землю и не осквернило ее своими обычаями, собралъ всѣхъ ихъ, и женъ, и дѣтей, и весь родъ ихъ, и изгналъ ихъ съ востока на сѣверъ. И нѣтъ имъ выхода отъ востока до запада, потому что Богъ, по молитвѣ Александра Македонскаго, велѣлъ двумъ горамъ, называемымъ «сосцами борея», приблизиться другъ къ другу на двѣнадцать локтей и образовать мѣдныя ворота; они покрыты асинхитомъ — составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Только въ послѣдніе дни выйдутъ изъ странъ сѣверныхъ люди, заключенные Александромъ Македонскимъ³⁾.

Съ сказаніемъ Меѳодія Патарскаго находится въ связи цѣлый рядъ сказаній о послѣднихъ дняхъ міра. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ и повѣсть о снахъ Мамера, ожидающая издателя и объяснителя. Передадимъ содержаніе этой повѣсти, имѣвшей большой интересъ для нашихъ предковъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Мамеръ. Онъ видѣлъ двѣнадцать страшныхъ сновъ и не находилъ человѣка, который могъ бы ихъ растолковать. Наконецъ, нашелся мудрый мужъ,

1) *Santarem: Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge*. II, p. 338.

2) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 99 и 189.

3) *Monumenta S. Patrum orthodoxographa*. Basileae. 1569, стр. 94—95 и 104—105.

успокоившій встревоженнаго царя увѣреніемъ, что сны относятся не къ нему и не къ его царству, а что все это сбудется въ послѣднія времена.

Первый сонъ. Отъ земли до неба золотой столбъ, а на столбѣ голубь; столбъ разрушился, голубь улетѣлъ въ небо, а на его мѣсто спустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звѣри дикіе, ехидны и змѣи. — Это значитъ, придутъ времена злыя и година лютая, отъ востока и до запада зла много исполнится, будетъ мятежъ по всей землѣ, не будетъ правды и мысли доброй, люди другъ другу будутъ враги, и прольется кровь человѣческая; отецъ возстанетъ на сына, судья на судью и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ добра въ людяхъ: языкомъ будутъ говорить добро, а на сердца мыслить злое. Сама природа измѣнитъ обычай свой: лѣто и осень переступятъ въ зиму, зима впадетъ въ весну, среди лѣта будетъ зима, жестокіе морозы и студъ съ яростью. Люди захотятъ сѣять и не узнаютъ времени, много посѣютъ и мало пожнутъ. Земля не дастъ плода ради лихоимства человѣческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи неправедные, станутъ судить по корысти, богатаго оправдаютъ, бѣдняка обвинять. Не только судьи, — сама земля станетъ брать взятки (мзду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонъ. Съ небеси сырое брюховище висятъ, а съ земли псы лаютъ, а щенята брешутъ. — Это значитъ, когда придетъ то злое время, исчезнетъ родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствѣ станутъ присвояться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучать; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонъ. Три котла висятъ надъ однимъ огнемъ: въ одномъ кипятъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не падаетъ ни одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска. — Это значитъ, что въ послѣднія времена бѣдняки будутъ жить между богачами; богачи будутъ посѣщать другъ друга и угощать рос-

кошными яствами, а убогаго и нищаго никто не призоветъ и не накормить.

Четвертый сонъ. Видѣлъ старую кобылу, а жеребята играютъ и лижутъ кобылу.—Это значитъ, матери приведутъ своихъ дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ грѣху, и въ семь лѣтъ не найдется ни одной чистой дѣвушки.

Пятый сонъ. Щельница бережая лежитъ на гноищи, а въ чревѣ ея брешутъ щенята. — Это значитъ, въ то злое время отцы станутъ учить дѣтей своихъ доброму разуму, а дѣти ихъ не послушаютъ, укорятъ отцовъ глупостью, скажутъ: вы старики, жили не смысля, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Шестой сонъ. Видѣлъ страхъ великій и содрогнулся: видѣлъ множество верблюдовъ и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, двухъ-главыхъ и троеглавыхъ, иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, киваютъ головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ.—Дикіе звѣри значитъ лихоимцы, двухъ-главые и троеглавые—лжецы и клеветники, хромые—значить уклоняющіеся на злыя дѣла; скрежещутъ зубами—значить съѣдаютъ злыми дѣлами; вертятъ хвостомъ и киваютъ головою—лстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ—какъ бѣсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья—искореняютъ добрыя мысли. Огонь-истребитель—гнѣвъ Господа, который, не терпя злобы, погубить злыхъ людей.

Седьмой сонъ. Іерей, впадающіе въ илъ, кричатъ и не могутъ вылѣзти.—Это значитъ, что іереи нѣкоторые начнутъ жить нечисто; ради мзды и страха будутъ прощать грѣхи, не подвергая согрѣшившихъ эпитиміи.

Восьмой сонъ. Много людей проливаютъ молоко и потомъ собираютъ его.—Это значитъ, въ послѣдніе времена люди станутъ давать милостыню убогимъ и потомъ захотятъ взять ее назадъ.

Девятый сонъ. Краспвый конь ѣстъ траву двумя горлами: переднимъ и заднимъ.—Значить: князя, и судьи, и старѣйшины начнутъ судить не по правдѣ, а для прибытка, и брать посулы и у правого и у виноватаго.

Десятый сонъ. По всей вселенной разсыпано много драгоценныхъ камней, и пришли разсыпавшіе и ничего не могли найти.—Значить: нападеть на богачей великій страхъ, они станутъ отдавать имѣніе свое друзьямъ и сосѣдямъ на сохраненіе, и въ скоромъ времени потребуютъ назадъ и не найдутъ того, что отдано ими для сбереженія.

Одиннадцатый сонъ. Видѣлъ гору высокую и на ней камень самоцвѣтный, гора разсѣлась и камень погибъ.—Значить: одно правовѣрное царство отпадетъ отъ вѣры и раздѣлится на двѣ доли, и Божія правда не воспомянется въ то время.

Двѣнадцатый сонъ. Скажи мнѣ, братъ философъ, послѣ всѣхъ бѣдъ какое будетъ скончаніе царствамъ и землямъ? Философъ отвѣчаетъ: въ прежнія лѣта пророкъ Гедеонъ изгналъ въ пустыню восемь племенъ; они выйдутъ въ послѣдніе дни (ср. лѣтоп.: «егда исѣче Гедеонъ, восемь ихъ бѣжа въ пустыню... по сихъ восьми колѣнъ къ кончѣнѣ вѣка изыдутъ заклеченіи Александромъ Македонскимъ») и поплѣнятъ всю землю, и дойдутъ до Рима великаго, и будетъ сѣча злая. И пойдутъ предъ ними четыре язвы: пагуба, погибель, плѣнъ и запустѣніе. Тогда мужья начнутъ одѣваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно жевамъ; у одной жены будетъ нѣсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и той же женщины.... И предана будетъ земля Перская во тьму и въ погибель, Арменія отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустѣетъ, и владыки греческіе въ бѣгство и въ плѣненіе впадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтѣ, и въ Ассиріи, и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ, и въ другихъ; всѣ человеки въ погибель и плѣнъ будутъ расхищены, и грады многіе разорятся¹⁾.

1) Нѣкоторые ученые предполагаютъ связь сказанія о снахъ царя Мамера съ одною изъ повѣстей сборника, извѣстнаго подъ именемъ «Калила и Димна»

Мы привели сказаніе о снахъ Мамера по связи его съ сочиненіемъ Меоодія Патарскаго. Слово Меоодія «о царствѣ языкъ», то-есть о послѣднихъ дняхъ міра, дѣйствовало на воображеніе нашихъ старинныхъ читателей, и, судя по числу списковъ и заимствованій изъ него, можно полагать, что оно было однимъ изъ любимыхъ предками нашими произведеній въ мистическомъ родѣ.

Другого рода преданія перешли въ лѣтопись изъ живыхъ источниковъ, изъ русской жизни, изъ сказаній современниковъ, изъ легендъ, жившихъ въ устахъ народа. Таковы преданія о сотвореніи человѣка, о добромъ и зломъ началѣ, о мудрости Ольги, о смерти Олега и т. п. Не вдаваясь въ предположенія, мы приведемъ несомнѣнное свидѣтельство лѣтописи—самыя преданія, составляющія ея народный элементъ, и укажемъ соотвѣтствующія имъ преданія, съ одной стороны—скандинавскія, съ другой—славянскія, и въ частности южно-русскія. Мы ограничимся на этотъ разъ указаніемъ слѣдовъ космогоническихъ понятій въ разсказѣ о волхвахъ и преданьями о мести Ольги и гибели Олега.

По понятіямъ, жившимъ въ народѣ, независимо отъ ученія, передаваемого людьми книжными, въ созданіи человѣка принималъ участіе двѣ враждебныя одна другой силы—добрая и злая: отсюда происходитъ добро и зло въ жизни, и въ свойствахъ, и судьбѣ человѣка. Лѣтопись положительно свидѣтельствуетъ, что

и распространеннаго у многихъ восточныхъ народовъ. Но содержаніе показываетъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ десятой книгѣ сборника говорится, что царь Биладъ (Biladh) видѣлъ восемь сновъ, которые брамины хотѣли растолковать въ свою пользу: увѣрили царя, что сны предвѣщаютъ бѣду, и отъ нея можно избавиться только казнью нѣкоторыхъ лицъ, заклятыхъ враговъ браминовъ. Царь отвергъ ихъ предложеніе, а болѣе добросовѣстный мудрецъ объявилъ, что сны означаютъ дары, которые Биладъ получить отъ другихъ царей, а именно: двѣ красныя рыбы, стоящія на хвостахъ своихъ,—два короба съ перлами и драгоценностями; цѣна имъ четыре тысячи фунтовъ золота. Змѣя, выходящая на лѣвой ногѣ,—мечъ изъ чистѣйшаго желѣза, которому нѣтъ подобнаго. Кровь, покрывающая тѣло,—драгоценная пурпуровая одежда, свѣтящаяся въ темнотѣ. Царь стоитъ на бѣлой горѣ—значитъ, царь получитъ въ даръ блага слона, который быстрѣе лошади, и т. п.

весь народъ—«люде вси»—обнаружилъ полное сочувствіе подобному разсказу о сотвореніи человѣка. Въ Эддѣ происхожденіе исполиновъ описывается только въ одной чертѣ сходно съ ученіемъ нашихъ волхвовъ, происхожденіе же обыкновенныхъ людей совершенно различно: Имеръ спалъ и вспотѣлъ, подѣ лѣвою рукою у него произошли мужчина и женщина, ноги его произвели сына. Три Аса пришли на берегъ морской и пошли тамъ два дерева—ясень и яворъ; одинъ изъ Асовъ далъ имъ дыханіе и жизнь, другой—духъ и чувствительность, третій—кровь, языкъ, слухъ и зрѣніе; такимъ образомъ сотворены первобытные мужчина и женщина, отъ которыхъ произошли всѣ люди¹⁾.

Преданіе, до сихъ поръ слышанное въ народѣ, на югѣ и на сѣверѣ, основывается на вѣрѣ въ двѣ первобытныя силы, источники добра и зла²⁾. Земля, говоритъ это преданіе, въ началѣ была покрыта водою. Богъ, задумавъ создать твердую землю, (будто бы) послалъ діавола достать горсть земли со дна моря и велѣлъ сказать, доставая: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Діаволъ взялъ въ руку земли, но не сказалъ ни слова, и затѣ, когда выплылъ, въ рукѣ его не было ничего. Онъ долженъ былъ вторично опуститься, сказалъ Божьи слова, но кусокъ земли

1) Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ со времени Владиміра до Іоанна Грознаго, соч. Руднева. 1838, стр. 18 и примѣч. 12.

2) Приводимыя легенды о сотвореніи земли и человѣка, отзывающіяся еретичествомъ Манихейскимъ и Павликіанскимъ, по своему сходству съ подобными легендами у другихъ народовъ, показываютъ весьма древнее свое происхожденіе. Безъ сомнѣнія, онѣ зашли съ Востока, гдѣ существовало нелѣпое понятіе о равносильности двухъ дѣйствующихъ въ мірѣ началъ—добра и зла. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Русскій православный народъ, подѣ вліяніемъ святыя истинъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго христіанскаго ученія, отнюдь не держится суемудреннаго, еретическаго вѣрованія въ два равносильныя начала: добра и зла. По его же (народа) представленію, просвѣтленному ученіемъ святой Библіи, діаволъ есть злой духъ, надъ гордынею котораго посягается и торжествуетъ всемоущество, мудрость и благодѣ Господня, разрушая всѣ козни сатанинскія. Познаніе народныхъ легендъ и ихъ нелѣпостей интересно и важно для уразумѣнія тѣхъ путей, коими шелъ родъ человѣчскій, пока свѣтъ Божественнаго Откровенія не озарилъ всѣхъ язычниковъ. Съ этой только цѣлію мы и осмѣлились привести здѣсь вышеозначенныя легенды и надѣемся, что добрые и благонамѣренныя изыскатели старины, въ своихъ изслѣдованіяхъ, раскроютъ всю ихъ тщету.

утаилъ, спрятавши себѣ въ ротъ. Богъ посыпалъ землю, говоря: «расти и множись, земля», и изъ нея образовались три части свѣта. Въмѣстѣ съ тѣмъ начала расти земля и во рту у бѣса, причиняя ему ужаснѣйшую боль. Наконецъ, Богъ разрѣшилъ бѣсовы уста: діаволъ плюнулъ на всѣ стороны, и изъ выплюнутой изо рта земли явились болота, пустыни и безплодныя мѣста. Сотворивъ тѣло человѣка изъ глины, Богъ положилъ его на землю, приставивъ къ нему стража, а самъ пошелъ принести душу. Завидуя прекрасному творенію Божью, діаволъ хотѣлъ разрушить его, но ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на приставленнаго стража. Діаволъ подошелъ и оплевалъ тѣло человѣка; отсюда болѣзни, страданія, грѣхи и преступленія. Воротившись, Богъ вложилъ душу, но не хотѣлъ передѣлывать тѣла, ибо увидѣлъ, что и страданія необходимы человѣку¹⁾.

Приведенное преданіе извѣстно на сѣверѣ Россіи, у Псковичей; подобные же рассказы о сотвореніи міра и человѣка слышатся и на югѣ. Въ примѣръ можно привести слѣдующія *оповидки*:

«Ото, якъ задумавъ Господь сотворити свѣтъ, то й говорить до найстаршого ангела Сатанаила: «а що», каже, «архангеле мій, ходімъ творити свѣтъ». «Да ходимо, Боже», каже Сатанаилъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне,—сказано—безодня. Ото Богъ и каже до Сатанаила: «бачешь», каже, «оттую безодню?»—«Бачу, Боже».—«Иди жъ», каже, «у тую безодню на самее дно, та дістань мені жменю піску. Та гляди», каже, «якъ будешь брати, то скажи про себе: беру тебе, земле, на имя Господне. — «Добре, Боже». — И вперпувъ Сатанаилъ у самую безодню, надъ самий пісокъ, та й зазлісно ему стало: «пі, каже, Боже, приточу я и свое имя—пехай буде разомъ и твое и мое». И бере вінъ той пісокъ та й каже: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое». Сказавъ—сказавъ. Прійшлося виносити, а вода ему той пісокъ такъ и измиває. Той такъ затискає жменю, але

1) Zeitschrift für deutsche mythologie und sittenkunde, begründet von J. W. Wolf. 4 band, 2 heft. 1858.

де вже Бога ошукати! закимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того піску якъ не було: геть вода змила. «Не хитри, Сатанаиле», каже Господь: «йди знову та не приточуй свого имя!» Пишовъ знову Сатанаилъ! знову примовляє: «беру тебе, земле, на имя Господне и свое», и знову піску не стало. Ажъ за третімъ разомъ сказавъ уже Сатанаилъ: «беру тебе, земле, на имя Господне». И ото уже несе та й не стискає жмені, такъ и несе на долоні, щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вівісь до Бога. И узявъ Господь той пісокъ, ходить по морі та й розсіває, а Сатанаилъ давай облизовати руку: «хочъ трохи», думає, «сховаю для себе, а потімъ, думає собі, и землю збудую». А Господь розсіявъ. «А що», каже, «Сатанаиле, нема більше піску?»—«А нема, Боже».—«То тря благословити», каже Господь, та й благословивъ землю на всі чотирі части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роті и собі росте; далі такъ розрослася, що й губу росперає. Богъ и каже: «плюнь, Сатанаиле»; той зачавъ плювати та харкати; и де вінъ плювавъ, то тамъ виростили гори, а де харкавъ, то тамъ скали. Отъ черезъ що у насъ и земля нерівна. Воно ще кажуть, що ніби то ти скали та гори Богъ знає доки б. росли,—а то Петро та Павло якъ заклали ихъ, то вони вже й не ростуть. А ото вже Господь и каже до Сатанаила: «теперъ», каже, «тілько б. посвятити землю, але нехай вона собі росте, а ми відпочиньмо».—«А добре, Боже», каже Сатанаилъ. И лягли вони спочивати. Господь почиває, а Сатанаилъ и думає, щоби землю забрати. И ото піднявъ его та й біжить до моря. Спершу на полудень біжить та й біжить, а моря нема; вдарився на північъ—и тамъ не видати. Побивався на всі чотирі части світа—нігде нема моря... Бачить вінъ, що нічого не вдіє, несе Бога на то саме місце та й самъ коло нєго лягає. Полежавъ трохи та й будить Бога: «вставай», каже, «Боже, землю святити». А Богъ ему й каже: «не журись, Сатанаиле, земля моя свячена: освятить я її сеп ночи на всі чотирі боки».—Чоловіка, кажуть, виліпивъ

Господь зъ глини и давъ ему зовсімъ свою святую постать....» и т. д.¹⁾).

Не только въ созданіи человѣка и вселенной, но и въ происхожденіи всѣхъ условій жизни человѣка, всей обстановки ея, природной и искусственной, участвовали двѣ силы: добро и зло, Богъ и дьяволъ, и борьба ихъ оканчивалась побѣдою Бога и добра надъ зломъ и дьяволомъ. Дьяволъ—тьма, Богъ—свѣтъ, говорятъ Южноруссы; дьяволъ научилъ людей строить дома, а Богъ прорубилъ въ нихъ окна:

«Хотівъ печистий похвалиться передъ Богомъ своїмъ розумомъ да й построивъ людямъ хату. Збудовавъ зовсімъ якъ слідує,—а тоді ще хать робить люди не вміли. Тільки щожъ? сказано—нечиста сила! усе поробивъ у хаті, тільки віконъ не тямивъ попрорубовать: отъ, на нічъ годитця, а на день—то й ні. Такъ Господь попрорубовавъ вікна; отъ и почали люде жить у хаті».

Весьма близкое, въ пѣкоторыхъ чертахъ, сходство съ сказаніями, живущими въ народѣ, представляютъ повѣсти, находящіяся въ различныхъ видахъ въ письменныхъ памятникахъ нашей старинной словесности. Въ рукописяхъ встрѣчается «сказаніе, како сотвори Богъ Адама»—апокрифическое произведеніе слѣдующаго содержанія:

Богъ создалъ человѣка изъ восьми частей: отъ земли тѣло, отъ камня кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли, отъ свѣта свѣтъ (?), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня теплота. И оставилъ Богъ человѣка одного, положивъ его на землю, и пришелъ сатана и измазалъ лежащаго типою. Воротившись, Богъ омылъ человѣка его же слезами, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ за душою Адама въ горній Іерусалимъ. Во время его отсутствія, сатана взялъ дерево, изранилъ имъ всего Адама и тѣмъ сотворилъ въ немъ семьдесятъ два недуга. По возвращеніи Бога, сатана оправдывался передъ нимъ тѣмъ, что чѣмъ

1) Слышано въ селѣ Хомутищахъ, на Подольѣ, въ Винницкомъ повѣтѣ.

болѣ недуговъ у человѣка, тѣмъ чаще призоветъ Бога на помощь. Богъ изгналъ дьявола, и онъ исчезъ, какъ тма исчезаетъ предъ свѣтомъ. Ангеламъ же повелѣлъ взять *а* — на востокъ, *д* — на западъ, *м* — на югъ, *з* — на сѣверъ, и далъ человѣку душу живу.

Образованіе человѣка изъ восьми частей напоминаетъ стихи о голубиной книгѣ. Подобныя же космогоническія понятія встрѣчаются и въ литературахъ западной Европы, преимущественно средневѣковыхъ. Въ числѣ рукописей знаменитой парижской бібліотеки есть хроники XV вѣка, начинающіяся такъ: Сотворивъ небо, землю и всѣ существа, Господь создалъ человѣка изъ восьми силъ: первая — земля, вторая — море, третья — солнце, четвертая — облака небесныя, пятая — вѣтеръ, шестая — камни, седьмая — духъ святой, восьмая — красота вселенной.

Византійское происхожденіе нашего апокрифа всего очевиднѣе изъ того, что четыре буквы имени «Адамъ» принесены съ четырехъ странъ свѣта. Это объясняется названіемъ странъ свѣта на греческомъ языкѣ. Еще въ первые вѣка христіанства Греки замѣтили, придавая своему замѣчанію таинственный смыслъ, что имя *Адѣмъ* заключаетъ въ себѣ первыя буквы четырехъ странъ свѣта: *А* — *ἀνατολή* востокъ, *д* — *δύσις* западъ, *α* — *ἀρκτος* сѣверъ, *μ* — *μεσημβρία* югъ, полдень.

По мусульманскому преданію, также съ четырехъ краевъ свѣта принесли ангелы землю, изъ которой Богъ сотворилъ тѣло человѣка; а для сердца и головы земля принесена изъ Мекки и Медины. Душа человѣка сотворена за тысячу лѣтъ до тѣла, и когда Богъ велѣлъ ей войти въ тѣло, она неохотно покидала безконечныя, полныя свѣта небесныя пространства; въ наказаніе Богъ сказалъ ей: какъ противъ воли своей ты вселяешься въ тѣло, такъ противъ воли своей ты и разлучишься съ нимъ¹⁾. Другое преданіе говоритъ, что когда Богъ послалъ ангела при-

1) *Biblische legende der muselmänner, aus arabischen quellen zusammengetragen, von Weil. 1845, стр. 12 и слѣд.*

нести земли для сотворенія человека, ангелъ долго не хотѣлъ выносить ее со дна морского, потому что ему становилось больно, что будетъ на свѣтѣ такое несчастное созданіе, какъ человекъ¹⁾.

Народныя преданія въ лѣтописи относятся преимущественно къ двумъ лицамъ, княжившимъ на Руси, изъ которыхъ одно утвердило на югѣ столъ всей русской земли, а другое не покидало юга до самой своей смерти. Эти два лица — Олегъ и Ольга.

Личность Ольги возбуждала особенное сочувствіе, основанное, во-первыхъ, на томъ, что она дѣйствовала въ духѣ народа; по крайней мѣрѣ изъ лѣтописи видно, что она раздѣляла народныя антипатіи; во-вторыхъ, на томъ, что ея предшественникъ уступалъ ей въ умѣньѣ ладить съ народомъ, а ея преемникъ былъ врагомъ вѣры, усвоенной послѣдующими поколѣніями. Княгиня, хитро наказавшая ненавистное Полянамъ племя Древлянъ, не могла не возбудить сочувствія въ Полянахъ. Она много выигрываетъ въ сравненіи съ личностію ея мужа, разорявшаго народъ и получившаго, за свои поступки, названіе волка въ овечьемъ стадѣ. Ольга припяла вѣру, въ послѣдствіи сдѣлавшуюся господствующею, и потому съ именемъ ея соединилось воспоминаніе о первой побѣдѣ новаго и лучшаго надъ старымъ и недобрымъ. Легенды о вводителѣхъ христіанства отлпаются мягкостью въ изображеніи своихъ героевъ, описывая ихъ кротость и терпѣніе въ борьбѣ съ левѣрыми; принятіе Ольгою христіанства содѣйствовало тому, что въ сказаніяхъ она является въ болѣе мягкомъ свѣтѣ, нежели бы можно ожидать, судя по жестокой мести Древлянамъ. Мать, любящая оскорбляющаго ее сына, разумная и честная вдова и, притомъ, христіанка, имѣла для воображенія христіанскаго потомства болѣе привлекательности, нежели сынъ ея Святославъ, оскорблявшій мать, не-

1) Г. Петриченко, приславшій въ редакцію «Основы» приведенную нами оповідку, замѣчаетъ: «наша байка за початокъ земли подібна до байки турецької за початокъ чоловіка. Турки кажуть, що якъ Господь захтівъ сотворити чоловіка, то пославъ підъ воду за землею архангела Уріяла, и архангелъ два рази не хотівъ виносити земли, бо ёму було жалко, що буде на світі таке песчасне творіне якъ чоловікъ».

смотря на любовь ея къ нему, торговавшій людьми, ѣвшій конское мясо и глумившійся надъ святою вѣрою. Честное вдовство высоко цѣнилось «лучшими людьми» древней Руси, какъ можно судить и по письменнымъ памятникамъ и по произведеніямъ устной словесности. На второй бракъ смотрѣли невыгодно по влиянію его на судьбу дѣтей отъ перваго брака, и Ольгу славилъ книжники особенно за то, что она, оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ, не вышла въ другой разъ замужъ, уподобясь «горлицѣ единомужней». «Честная вдова» — обычное выраженіе и одинъ изъ любимыхъ типовъ нашей народной поэзіи. «Многоразуміе» честной вдовы обыкновенно обуздываетъ буйные порывы сына; въ этомъ отношеніи преданіе объ Ольгѣ и сынѣ ея, Святославѣ, напоминаетъ отчасти былины о Васильѣ Буслаевѣ и его «желанной матушкѣ, честной вдовѣ Мамельфѣ Тимошеевнѣ». Святославъ не внималъ разумному голосу матери, издѣвался надъ ея едино-вѣрцами и «творилъ норовы поганскіе»; но, несмотря на то, не оставлялъ матери до ея смерти, пребывалъ съ нею въ любви и плакалъ надъ ея могилою. Та же смѣсь, хотя и въ болѣе яркихъ чертахъ, буйной дерзости и покорной любви къ разумной и честной матери-вдовѣ замѣчается и въ Васильѣ Буслаевѣ. Онъ обращается къ матери съ такими словами:

Ты старушка лукавая,
Лукавая старушка толковая,
Ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ-матушкѣ,
Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго.

Не слушаетъ онъ совѣтовъ матери, незваннымъ идетъ на почестной пиръ у князя новгородскаго, нарушаетъ благословеніе материнское и купается нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ-рѣкѣ. Несмотря на все это, къ матери-вдовѣ идутъ искать защиты отъ сына, когда «сталъ онъ шутить-пошучивать: за руку возьметъ — рука прочь; за ногу возьметъ — нога прочь; двухъ-трехъ вмѣстѣ

столкнетъ — безъ души лежать»; просятъ мать уговорить его: «хоть бы оставилъ народу на сѣмена». Недоступный ничѣмъ увѣщаньямъ, проговяющій всѣхъ словами: «у насъ дѣло дѣется: головами играемся», Василий Буслаевъ склоняется на просьбу матери укротить свою силу великую, свое сердце богатырское, и говоритъ: «никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку»¹⁾.

Честное вдовство Ольги обезоружило пресловутую волокиту Цимисхія, который, видя ее «добру лицомъ и разумомъ украшенну и въ премудрости довольну», хотѣлъ уловить ее «гаданьми и ласканьми», но она осталась непоколебимою и на соблазнительныя рѣчи отвѣчала въ строгомъ, наставительномъ тонѣ. Легенда прославляетъ также цѣломудріе Ольги при первой встрѣчѣ ея съ женихомъ. Преданіе, записанное въ лѣтописяхъ позднѣйшей редакціи, говоритъ, что однажды молодой Игорь утѣшался ловитвами и, замѣтивъ на той сторонѣ рѣки желанный ловъ, а на рѣкѣ пловца, призвалъ пловца къ берегу и сѣлъ въ его лодку, чтобы переплыть на другой берегъ. Этотъ пловецъ была юная и прекрасная Ольга. Игорь разгорѣлся желаніемъ, и «очи лакомѣ некасаемыхъ касахуся». Она, смекнувши въ чемъ дѣло, пресѣкла бесѣду не юношескимъ, но старческимъ смысломъ. «Не думай, сказала она, что можешь одолѣть меня: я хотя и молода и простой обычай имѣю, но все-таки понимаю, что ты хочешь поругаться надо мною. Если отдаешься несправедной страсти, то какъ же ты возбранишь другимъ неправду? Если я соблазняю тебя, то пусть лучше приметъ меня глубина рѣчная». Игорь почувствовалъ къ ней такое уваженіе, что когда для выбора ему невѣсты собрали дѣвицъ изо всего царства, онъ избралъ Ольгу, «мужественную и благообразную», говорившую ему «хитростные глаголы»²⁾.

Хитрость Ольги проявлялась не всегда въ такомъ крот-

1) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, 1861, часть I, стр. 335—336.

2) Книга Степенная. 1775, часть I, стр. 7—9, 16—17.

комъ, пазидательномъ видѣ. Ольга «переключала» не только Игоря и Цимисхія, но и Древлянь и ихъ пословъ. Разные роды мести Ольги Древлянамъ: сожженіе, смерть въ банѣ, пожаръ отъ птицъ напоминаютъ скандинавскія саги, какъ напримѣръ Niala Saga, Styr Saga и другія.

Saga о Nialf — одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по разнообразію и обрисовкѣ характеровъ. Содержаніе ея слѣдующее. Витязь Гуннаръ женится на Гальгердѣ, первой красавицѣ въ Исландіи. На пиру возникаетъ споръ между нею и женою Niala; Гальгерда, чтобы раздуть вражду, велитъ убить одного изъ слугъ Niala; жена Niala возбуждаетъ сыновей своихъ къ мщенію; но Гуннаръ и Nialf живутъ попрежнему въ дружбѣ. Жаждающая мести, злобная Гальгерда вовлекаетъ кроткаго мужа и въ другіе споры, и до того раздражаетъ его, что онъ даетъ ей пощечину. Дальнѣйшіе поступки ея таковы, что въ наказаніе за нихъ приговорили мужа къ изгнанію. Гуннаръ отправляется съ братомъ; но при выѣздѣ со двора конь споткнулся, и Гуннаръ рѣшается остаться, несмотря на всю опасность своего положенія. Враги окружаютъ домъ его, убиваютъ вѣрныхъ псовъ; Гуннаръ геройски защищается, но, вопреки совѣту матери, пускаетъ обратно стрѣлою вражею: враги, полагая, что запасъ истощенъ, ударили съ новою силою. Гуннаръ проситъ у жены нѣсколькихъ изъ ся длинныхъ волосъ для тетивы, какъ единственное средство, чтобы спасти его жизнь; Гальгерда отказывается, говоря: это тебѣ за пощечину. Гуннаръ палъ въ бою отъ изнеможенія. Скальды сложили въ память его пѣсни, а сынъ Niala принялъ на себя мщеніе за его смерть. Такъ же печальна была и судьба Niala. Послѣ долгихъ странствованій и приключеній Nialf погибъ жертвою родовой вражды и мести. Враги сыновей Niala окружили, чтобы сжечь, его домъ: Nialу предлагали выйти, но онъ сказалъ: «я уже старъ и не въ состояніи мстить за погибшихъ сыновей, а въ безчестіи жить не хочу». На то же предложеніе жена Niala отвѣчала: «въ молодости я полюбила Niala и обѣщала не разлучаться съ нимъ до смерти». Внукъ

сказалъ, что ему лучше умереть, нежели пережить Ніала и его жену. Старики опустили на ложе, положили между собою внука и погибли въ пламени.

Сага о Стирѣ—конца X и начала XI столѣтія. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. Въ правленіе Гакона Ярла исландскій старшина былъ въ Норвегіи для покупки строевого лѣса. Ярль предложилъ ему выбрать себѣ что-либо изъ его драгоценностей. Исландецъ попросилъ у него двухъ берсерковъ, неистовыхъ въ бою потомковъ восьмирукаго великана. Видя невозможность укротить ихъ, Исландецъ подарилъ ихъ брату своему Стиру. Одинъ изъ берсерковъ влюбился въ дочь Стира. Стиръ обѣщалъ ее выдать, если онъ съ братомъ проложитъ дорогу чрезъ неприступную пропасть. Берсерки работали страшно, до изступленія, низвергали въ бездну огромные камни, и въ двадцать чetyре часа дорога была готова. Между тѣмъ, Стиръ выстроилъ въ землѣ баню изъ дерева съ отверстіемъ вверху, какъ строились вообще скандинавскія бани; предложилъ берсеркамъ, усталымъ отъ работы, идти въ баню, жарко натопилъ ее и заперъ отверстіе. Берсерки хотѣли спастись, одному удалось выскочить, но его убилъ Стиръ; другой сожженъ въ банѣ¹⁾.

Послѣдняя мѣсть Древлянамъ состояла въ томъ, что Ольга потребовала съ cadaго двора по три воробья и по два голубя, велѣла привязать къ нимъ зажженный труть съ сѣрою и пустить въ городъ. О подобной хитрости говорятъ еще древніе, приписывая ее Аннибалу. Титъ-Ливій (кн. XXII, гл. 16 и 17) рассказываетъ, что Аннибалъ взялъ изъ добычи въ непріятельской землѣ около двухъ тысячъ быковъ и велѣлъ привязать къ рогамъ ихъ пуки хвороста и щепокъ. Съ наступленіемъ ночи быковъ погнали передъ войскомъ и зажгли привязанный къ рогамъ хворостъ; близость огня, жаръ, а потомъ и боль привели быковъ въ бѣшенство, они металсь изъ стороны въ сторону и зажигали

1) *Sagaenbibliothek des skandinavischen alterthums...* von Müller, aus der dänischen handschrift übersetzt von Karl Lachmann. 1816. стр. 26—30; 37—44.

кустарники. Видъ тысячи огней и быстрота ихъ движенія произвели въ римскомъ войскѣ ужасъ и недоумѣнiе. Совершенно сходно съ местью Ольги, скандинавскій витязь Гаральдъ, братъ Олафа святого, взялъ одинъ городъ въ Сицилiи. Сага говоритъ, что Гаральдъ велѣлъ ловить птицъ, имѣвшихъ гнѣзда въ стѣнахъ и прилетавшихъ въ городъ за пищу; къ пойманнымъ птицамъ велѣлъ привязать хворосту съ сѣрою и смолою, подложивъ пылающiе уголья. Выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда, свитыя между стѣнами въ верхней части строенiй, покрытыхъ соломою и тростникомъ. Герой саги, Гаральдъ, былъ женатъ на дочери Ярослава и обращается къ ней въ своихъ пѣсняхъ. «Мы видѣли»—говоритъ онъ въ пѣснѣ—«берега Сицилiи, я, плавая на быстрыхъ корабляхъ, искалъ славы, чтобы заслужить любовь русской красавицы... Однажды, было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ; зашумѣла буря, взволновалось море, и грузный корабль наполнился водою—мы вычерпали ее и спаслись. Я надѣялся быть счастливымъ, но русская красавица меня презираетъ! Сражаюсь я храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ, но русская красавица меня презираетъ¹⁾!».

У славянскихъ народовъ не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, преданiя сходнаго съ хитростiю Ольги и Гаральда, но имя Ольги находится между древними славянскими, и есть слѣды, что рассказъ о взятiи города посредствомъ голубей доходилъ и до западнаго славянства. Въ числѣ старочешскихъ собственныхъ именъ попадаются имя Ольги вмѣстѣ съ именами Ярослава, Ивана, Святослава, Владимiра. Между чешскими именами лицъ, жившихъ въ десятомъ, одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и отчасти тринадцатомъ вѣкѣ, встрѣчаются слѣдующiя: Баба, Дѣва, Мила, *Олга*, Слава, и т. д.²⁾ Въ хроникѣ Далмiи, начала XIV вѣка,

1) Исторiя Карамзина, II, примѣч. 41.—Изслѣдованiя, замѣчанiя и лекцiи, Поюдина, III, стр. 104, прим. 180.

2) Časopis českého museum. 1832, swazek první. Popis staročeských osobních a křestných gmen od Palackého.—Dobrowsky, Geschichte der böhm-

въ томъ мѣстѣ, которое напоминаетъ месть Ольги, имя лица и города не то, что въ нашей лѣтописи; вмѣсто Коростена—Кіевъ, вмѣсто Ольги—Татары, подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ смѣшиваются эпохи Владимира и Татаръ. Далимилъ говоритъ, что около тысяча двѣсти тридцать второго года пришли Татары, раздѣлившись на три потока: одни взяли голубями Кіевъ на Руси, другіе—венгерскую землю, третьи—польскую:

... Tateři vznidú,
i třmi prameny pojídú,
iako po své zemi jdiechu,
neb zpytáci ie vediechu.
v Rusiéch Kyieva dobychu... ¹⁾.

Въ рукописи XV вѣка послѣдніе два стиха читаются такъ:

nebo ge gich sspêherzi wodiechu;
gedny w *Russech Kygowa welikeho holuby dobychu.*

Русскій Кіевъ называется *великимъ* въ отличіе отъ другого, *малаго* Кіева въ Моравіи.

Въ преданіи объ Ольгѣ замѣтно скандинавское вліяніе. Оно отразилось и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Полагаютъ, что извѣстія о сѣверо-востокѣ Европы, которымъ такъ удивляются ученые со времени Шлепера, заимствованы лѣтописцемъ изъ рассказовъ скандинавскихъ купцовъ и пиратовъ. Многія слова въ древней лѣтописи производятъ отъ скандинавскихъ корней ²⁾.

schen sprache und älteren litteratur. Prag. 1818. стр. 91—92; das necrologium des klostere Podlažic bei Chrast enthält eine sehr grosse menge von böhmischen namen derjenigen personen, die im 10—13 jahrhunderte bis etwa 1230 gelebet haben:... Baba, Deva, Glupa, Leva, Mila, Olga, Slava, Strada, etc. Cp. Dějiny řeči literatury československé, sepsal Šembera. 1859. I, стр. 88 и др.

1) Dalimilova chronica Česká, od Váceslava Hanky. 1851, стр. 138.

2) *Погодина*: Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Томъ III. Норманскій періодъ.—*Буслаева*: Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Древне-сѣверная жизнь (I, 257—268) и др.—Chronica Nestoris, textum

Для точнаго рѣшенія, на основаніи лѣтописи, вопроса о скандинавскомъ и туземномъ, славянскомъ, элементѣ необходимо сравнить лѣтописныя преданія съ сагами скандинавскими и съ преданіями у народовъ славянскихъ, не подвергавшихся скандинавскому вліянію.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ народныхъ преданій, сохранныхъ лѣтописью, принадлежитъ разсказъ о смерти Олега, предсказанной волхвами, игравшими важную роль въ древней русской жизни, какъ показываютъ историческія свидѣтельства. Преданіе объ Олѣгѣ и по мысли, и по подробностямъ извѣстно и на югѣ, и на сѣверѣ Европы, и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ мірѣ; оно относится къ различнымъ лицамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ произведеніяхъ народной словесности. Мысль преданія состоитъ въ томъ, что человѣку не избѣжать своей судьбы, и она постигаетъ именно тогда, когда человѣкъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполне безопасенъ. Эта мысль развивается во многихъ памятникахъ славянской народной словесности отъ пословицы до сказки. Возьмемъ примѣры у двухъ, во многихъ отношеніяхъ не сходныхъ между собою, славянскихъ племенъ—Поляковъ и Сербовъ.

Богатый панъ—гласятъ польская *kléxda*—жилъ надъ Вислою; всѣ окна обращены были на рѣку и ни одно не выходило на другую сторону; дворъ заросъ травою; никто не рѣшался подойти къ страшному дому. Родился панъ подъ несчастною звѣздою: глаза у него были смертоносные, отъ взгляда его умирало все живущее, засыхала трава и увядали деревья; всюду за нимъ слѣдовали болѣзни и смерть. Одинъ отважный пловецъ причалилъ было къ бѣлому двору, но разсерженный панъ взглянулъ

russico-slovenicum, edidit Miklosich. 1860, I. Миклошичъ считаетъ скандинавскими имена: Блудъ, Глѣбъ, замѣчая, что Блудъ встрѣчается между старочешскими именами, а мѣсто Глибовъ есть въ Галиціи; Лють, Диръ; Лыбедь—отъ *lifandi*, причастіе отъ *lifa* жить, *vivens*, *viva*; Прѣтичъ отъ *fretg* и славянскаго суффикса *ичь*; прозвище «волчій хвостъ»—славянскій переводъ скандинавскаго имени, и т. п.

на него, пловецъ упалъ замертво, заболѣлъ лютой болѣзнью и долго не могъ оправиться; разсказами своими онъ еще болѣе запугалъ пловцовъ: плывя по Вислѣ, не смѣли взглянуть на бѣлый дворъ и тайнѣ творили молитву. Единственнымъ спутникомъ пана былъ его старый слуга; ему одному не вредили грозныя очи. Разъ, во время выюги, панъ, отвыкшій отъ человѣческаго голоса, изумленъ былъ прїѣздомъ семьи, спасавшейся отъ стаи волковъ. Сбившаяся съ дороги семья состояла изъ отца, матери и дочери. Панъ влюбился въ дочь; свадьба отпразднована великолѣпно; заросшая трава измята поѣздами. Но потомъ опять опустѣлъ домъ, молодая жена лежала больная на богатомъ ложѣ, мужъ ухаживалъ за нею, отворачивая глаза. Истерзанный страданіями жены, онъ рѣшилъ положить имъ предѣлъ—выколотъ себѣ глаза. Раздалось два крика—поворожденнаго, впервые увидѣвшаго свѣтъ, и пана, видѣвшаго его въ послѣдній разъ: зловѣщіе глаза упали наземь съ окровавленнымъ ножомъ. Вѣрный слуга закопалъ ихъ въ саду. Все перемѣнилось съ этой минуты: ворота растворены, окна пробиты на село и на гумно, пловцы пристають къ бѣлому двору, всѣ любятъ прекрасной дѣвушкой, водящей слѣпота отца. Между тѣмъ, слугѣ, зарывшему глаза въ землю, вздумалось посмотреть, что стало съ ними, цѣлы ли они; онъ открылъ ихъ; они горѣли какъ свѣчки, и блескъ ихъ такъ поразилъ старика, что онъ упалъ и умеръ; въ первый и въ послѣдній разъ повредили старику грозныя очи! Отчего же прежде не вредили? Оттого, что панъ *любилъ* его и *сердце* отнимало губящую силу у глазъ, а теперь они лежали *одни* и набрались пущей силы¹⁾.

Та же мысль о неизбежности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ сербскомъ преданіи о суженомъ дѣѣ — суѣен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку суждено, какою смертью умереть, и отъ судьбы невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суѣена се не може утећи».

1) Klechdy ludu polskiego i Rusi, zebrał Wojcicki. I, 55—72.

Разсказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ предсказалъ смерть отъ змѣи; чтобы спасти дочь отъ судьбы, царь сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который не могло даже заползти насѣкомое, и пикуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ суженый день, она захотѣла винограду; слуги принесли большую кисть; въ виноградной кисти скрывалась змѣйка, и эта-то змѣйка укусила царскую дочь, и она умерла, постигнутая суженымъ днемъ.

Другой разсказъ о суженомъ днѣ еще ближе къ нашей лѣтописи. Одной дѣвушкѣ вѣщунья предсказала смерть отъ волка, жившаго близъ села въ лѣсу. Дѣвушка отдана была замужъ въ другое село, и дорогѣ къ нему шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю, невѣсту провожали сваты верхомъ; во время поѣзда на нее напалъ волкъ, но сваты убили его. Потомъ отецъ и мать «отишли у походе»; «походе» называется первое посѣщеніе новобрачной ея родными. Она должна бы въ свою очередь посѣтить ихъ, но, боясь волка, не выходила изъ села своего. Прошло девять лѣтъ; терпѣніе ея лопнуло; собрали столько же людей, сколько провожало ее въ первый разъ, и пошли черезъ лѣсъ. Волкъ напалъ на нее, и сопровождавшіе убили его. Она встала съ лошади и съ досады ударила ногою въ голову убитаго волка: зубъ вошелъ въ ногу, нога распухла, и женщина, обреченная на смерть отъ волка, умерла¹⁾.

Поразительное сходство, даже въ подробностяхъ, представляютъ два преданія, скандинавское и сербское, изъ которыхъ одно находится въ исландской сагѣ объ Орварѣ Оддѣ, другое слышано мною въ глубинѣ Сербіи²⁾.

1) Слышано въ Сербіи, въ Чаганскомъ округѣ, въ селѣ Дѣдоевцѣ.

2) Слышано въ Шабцѣ отъ уроженца села Беочина въ Фрушкой горѣ. Приводимъ самый подлинникъ:

«Био е едан султан, турски цар, кои е одвеће радо имао конѣ. Добіе едног особитог хата, кога е тако волео, да е по вас дан у аару код нѣга бавіо се, него гледо и миловао га. Кад-кад тражили су га у дивани, па су га у аару нашли. Једанпут га доктор нѣгов опомене, да се он чува тога коња, јер ће тај коњ, кога он тако люби, нѣму главе доћи. Султан се поплаши, и даде

«Вѣщунья предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе которыхъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны, но по истеченіи срока погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося, отъ повислой гривы, Факсомъ. Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокій ровъ, зарылъ его и сдѣлалъ надъ нимъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Орваръ Оддъ отправился въ далекія путешествія. Ровно черезъ триста лѣтъ воротился онъ въ отечество. Многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблекли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса! сказалъ Орваръ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица выползла изъ конской головы и уязвила Орвара Одда въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу».

Сербское преданіе «о судьбѣ» переноситъ мѣсто дѣйствія въ Турцію и, вмѣсто волхва, предсказаніе приписывается доктору:

«Одинъ султанъ очень любилъ лошадей. Онъ досталъ себѣ коня, котораго до того любилъ, что по цѣлымъ днямъ проводилъ подлѣ него, глядя на него и любуясь. Бывало, ищутъ его въ сенатѣ, а находятъ въ конюшнѣ. Однажды докторъ сказалъ ему, что онъ умретъ отъ своего любимца — коня. Султанъ испугался

га у едну ливаду одвести с том заповести, да нико бригу о нѣму не води. Кад зимнѣ доба наступи, конь цркне. Султанъ се обрадуе, кад е чуо, да е конь цркао, и рекне: фала пророку, сад нема више онога, од кога сам е страшіо, да ће ми главе доћи. И 5—6 година ніе у ливаду ишао. Иеданпут му доће воля, да чини зіяфет. Сазове многе великаше, и ту ій е почастіо царски. Кад се захлади, поће с гостима проходити се по ливади. Наиће на едну кость—коньску главу; па онда друштву рекне: ово е глава онога мога хата, кога сам я волео, него ништи на свету, и за кога ми е овај мой доктор казао, да ће ми той хат главе доћи. То рекши, гурне главу ногом, скочи гуя из главе, уеде султана у ногу, од кога уеда цар трећи дан умре. И тако се испуни и пророчанство доктора и непостижима судба».

и велѣлъ отвести коня на лугъ и оставить его безъ всякаго присмотра. По осени конь издохъ. Узнавши объ этомъ, султанъ очень обрадовался: хвала пророку, сказалъ онъ, нѣтъ уже больше того, отъ кого я ожидалъ смерти. Пять-шесть лѣтъ царь не ходилъ по лугу. Но вдругъ вздумалось ему устроить пиръ; онъ созвалъ вельможъ, угостилъ ихъ по-царски, а когда стало прохладнѣе, пошелъ съ гостями гулять по лугу. Во время прогулки попалась ему подъ ноги лошадиная голова; обращаясь къ спутникамъ, онъ сказалъ: вотъ тотъ конь, отъ котораго докторъ пророчилъ мнѣ смерть. Говоря это, султанъ толкнулъ ногою конскую голову; изъ нея выскочила змѣя и уязвила его въ ногу; отъ этой язвы султанъ умеръ на третій день. Такимъ образомъ исполнилось и пророчество, и непостижимая судьба».

Преданіе о смерти Олега паходится, въ одинаковомъ видѣ, въ различныхъ редакціяхъ лѣтописи, согласно съ ея древнѣйшимъ спискомъ¹⁾. Оно считалось достопамятнымъ событіемъ лѣтописцами, прибавлявшими объясненіе для доказательства, что предсказанія волхвовъ сбываются. Даже въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ извѣстія о первыхъ вѣкахъ состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, лѣтописцы не забываютъ отмѣтить: «умре Олегъ, а смерть ему отъ коня своего, и выйде изъ лба змія, и уязви его въ ногу, и умре». Иногда разсказъ сопровождается выводомъ въ родѣ слѣдующаго: да научится каждый, что судьбѣ протпвиться нельзя, и суда Божія никому не избѣжать...

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, 16; II, 240—241; IV, 174.

О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго¹⁾.

Въ исторіи древней русской словесности XII столѣтіе было временемъ счастливымъ въ сравненіи съ вѣками послѣдующими: въ этомъ согласны всѣ изслѣдователи русской старины. Къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской литературы XII вѣка принадлежатъ произведенія Кирилла Туровскаго. Они представляютъ интересъ для исторіи словесности какъ по древности своей, такъ и потому, что опредѣлительно знакомятъ съ характеромъ древней нашей образованности, и способствуютъ наиболѣе подробному рѣшенію вопроса о древнѣйшемъ и продолжительнѣйшемъ иностранномъ вліяніи на нашу словесность.

Значеніе сочиненій Кирилла Туровскаго создавалось и въ древній и въ новый періодъ русской литературы, хотя это сознаніе — само собою разумѣется — выражалось различно.

Въ древній періодъ произведенія Кирилла Туровскаго были явленіемъ болѣе или менѣе живымъ, удовлетворявшимъ до нѣкоторой степени требованіямъ тогдашнихъ читателей. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ они читались и переписывались довольно усердно, что доказывается множествомъ списковъ. Распределеніе ихъ въ сборникахъ и обращеніе въ началѣ нѣкоторыхъ

1) «Рукописи графа А. С. Уварова. Томъ второй. Памятники словесности. Выпускъ первый». Спб. 1858. — Указанія на страницы относятся къ этому изданію твореній Кирилла, сдѣланному М. И. Сухомлиновымъ.

словъ показываютъ, что они читались въ извѣстные дни все-народно. По введеніи книгопечатанія они не замедлили явиться въ печати. Уваженіе къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго обнаруживается изъ того, что даже въ XVII вѣкѣ они служили образцами для русскихъ книжниковъ вмѣстѣ съ сочиненіями лучшихъ византійскихъ писателей.

Въ новый періодъ изслѣдователи русской исторіи и литературы постоянно обращаются къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго при описаніи русскаго быта въ древности. Историки признають ихъ весьма важнымъ матеріаломъ для изображенія внутренней жизни Россіи XII вѣка. Ученые, обращавшіе вниманіе на литературное значеніе Кирилла Туровскаго, согласны въ томъ, что онъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ, и что безъ основательнаго знакомства съ его произведеніями нельзя составить вѣрнаго понятія о русской литературѣ XII вѣка.

Степень убѣдительности выводовъ о литературномъ значеніи Кирилла Туровскаго всего вѣрнѣе можетъ опредѣляться посредствомъ сравненія сочиненій его съ произведеніями, служившими для него источниками. Рѣдкій писатель бываетъ въ разладѣ съ духомъ вѣка, съ общимъ направленіемъ литературы, и въ этомъ-то направленіи должно искать данныхъ для характеристики писателя. Чтобы не преувеличить дѣла незаслуженными похвалами, и, съ другой стороны, чтобы не допустить рѣзкаго и несправедливаго осужденія, необходимо имѣть въ виду отношеніе памятника не къ современной намъ литературной теоріи, а къ явленіямъ, ближайшимъ къ нему и по времени и по духу.

Сознавая важность историческаго изученія писателей, представляемъ нѣсколько данныхъ, опредѣляющихъ отношенія Кирилла Туровскаго къ его источникамъ и образцамъ.

Въ древнѣй періодъ, до XVI — XVII в., словесность наша подвержена была двумъ вліяніямъ, библейскому и византійскому. Библейское вліяніе, проникая во всѣ литературы христіанскихъ народовъ, является въ полномъ блескѣ и въ литературѣ византійской въ періодъ ея, обнимающій IV-е столѣтіе. Но у послѣ-

дующихъ писателей обнаружилось иное направленіе, которое хотя и напоминало библейское вліяніе — многочисленными цита-тами изъ библіи, но въ сущности все болѣе и болѣе уклонялось отъ него. Византійская литература, постоянно и въ сильной степени подвергаясь библейскому вліянію, до такой степени видо-пзмѣнила его, что трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ разграничить элементъ библейскій собственно и элементъ библейско-византій-скій, проникшій въ русскую письменность съ первыхъ, можно сказать, дней ея существованія. Тѣмъ не менѣе существенныя черты отличія не могутъ ускользнуть отъ внимательнаго из-слѣдованія. За библейскимъ элементомъ остается глубина воз-зрѣнія, свѣжесть чувства, широкій взглядъ на человѣка и со-чувственный па природу. Византійскій элементъ принесъ съ собою не глубокія идеи или поэтическое чувство, а исключи-тельный, односторонній взглядъ на человѣка, и прозаическую холодность къ природѣ. Византійске вліяніе не поддерживало художественныхъ стремленій, не содѣйствовало литературному развитію народа, заставляя писателей чуждаться дѣйствитель-ности и современности. Не находя умѣстнымъ теперь подтвер-ждать мысль свою многими доказательствами, которыя предста-вятся сами собою изучающему нашу и родственную намъ ста-рину *sine ira et studio*, скажу только, что по отношенію къ за-нимающему насъ вопросу о Кириллѣ Туровскомъ, вліяніе би-блейско-византійское выразилось преимущественно: въ сочув-ственномъ взглядѣ на природу и человѣка, въ символизмѣ и алле-горизмѣ, наконецъ въ литературныхъ пріемахъ вообще.

Символизмъ вытекаетъ изъ сочувственнаго взгляда на при-роду: между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ образуется таин-ственная связь, входящая въ представленія народа, независимая отъ чьего-либо личнаго произвола. Но къ живому представленію примѣшивается мало-по-малу прозволь, условное пониманіе и толкованіе. Здѣсь переходъ отъ символизма къ иносказанію, къ аллегорическому объясненію; въ послѣднемъ — полное торжество византійскаго элемента.

Сообразно съ указанными нами чертами библейско-византійскаго вліянія на Кирилла Туровскаго, а въ лицѣ его и на всю древнюю словесность, представимъ данныя: во первыхъ, вліянія библейскаго; во вторыхъ, византійскаго, какъ оно выразилось въ литературныхъ пріемахъ, въ символизмъ и въ аллегоризмъ. Въ каждомъ изъ отдѣловъ будемъ приводить и самыя заимствованія. Сравненіе подражанія съ оригиналомъ тѣмъ необходимѣе, что Кириллъ Туровскій есть въ полномъ смыслѣ слова представитель византійскаго вліянія на нашу древнюю словесность, и съ совершенною справедливостію можно сказать, что опредѣлить направленіе Кирилла Туровскаго значитъ опредѣлить направленіе, господствовавшее въ нашей литературѣ въ теченіе цѣлыхъ шести столѣтій.

Библейское вліяніе.

Библейское вліяніе обнаруживается во множествѣ текстовъ, приводимыхъ Кирилломъ Туровскимъ, но обнаруживается болѣе внѣшнимъ образомъ, нежели внутреннимъ. Между словами Св. Писанія и словами и мыслями автора не всегда видна та живая связь, какая замѣтна, напримѣръ, у Нестора. Библейскіе образы и выраженія не вытекаютъ свободно изъ религіознаго настроенія, а сопоставляются съ нѣкоторою искусственностію, отчасти напивною. Не всѣ тексты приводятся умѣстно; иногда они служатъ только для распространенія мысли, нисколько не содѣйствуя ей пзобразительности и живости произвимаго ею впечатлѣнія. Гораздо удачнѣе тѣ мѣста у Кирилла Туровскаго, которыя, не состоя изъ подбора текстовъ, явились, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ библейскихъ образцовъ, хотя и не имѣютъ буквальнаго сходства съ ними. Таковы, напримѣръ, жалобы страдальца, напрасно умоляющаго о помощи, картины ликующей природы, и т. п.

Кириллъ Туровскій говоритъ: «Нынѣ горы и холмы точатъ

сладость, удолия и поля плоды Богу приносятъ» (стр. 8). Въ псалмѣ LXIV, 13, 14: «Тучиѣють пустынный пажити, и холмы радостью препоясываются. Луга покрываются стадами, и поля (удолия) одѣваются пшеницею». — У Кирилла Туровскаго: «Тебѣ всю тварь на работу сотворилъ; небо и земля тебѣ служатъ: небо — влагою, а земля — плодами. Для тебя солнце свѣтомъ и теплою служить, и луна съ звѣздами ночь обѣляетъ. Для тебя облака дождемъ землю напояють, и земля всякую траву сѣменитую и деревья плодовиыя возвращаетъ. Для тебя рѣки приносятъ рыбъ, и пустыни питають звѣрей» (стр. 39). Въ псалмахъ такъ описывается созданное на службу челоуѣка: «Когда взираю на небеса твои, на луну и звѣзды, которыя ты поставилъ: то что есть челоуѣкъ, что ты поминишь его?... Поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ твоихъ, все положилъ къ ногамъ его, овецъ и воловъ всѣхъ, и дикихъ звѣрей, птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ, ходящихъ морскими путями (VIII, 4, 5, 7, 8, 9). Ты съ высотъ своихъ напояешь горы; плодами дѣлъ твоихъ насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу челоуѣка, чтобъ произвести изъ земли хлѣбъ (CIII, 13, 14). Взираешь на землю, и орошаешь ее... Напояешь борозды ея, равняешь глыбы ея, дождевыми каплями размягчаешь ее, благословляешь ее произращать» (LXIV, 10, 11), и т. п. Сходство съ приведенными мѣстами изъ Кирилла Туровскаго представляютъ нѣкоторыя мѣста въ «Пчелахъ», откуда они переходили и въ другія произведенія. Такъ, въ одномъ «словѣ о постѣ» читаемъ: «Море, и озера, и рѣки, и источники служатъ людямъ: переносятъ на корабляхъ, посредствомъ вѣтровъ, изъ города въ городъ; служатъ путемъ, лѣтомъ черезъ море перенося въ ладьяхъ и челнахъ, а зимой на возахъ; напояють водами, кормятъ всякими рыбами, омываютъ насъ: такъ намъ служатъ, боясь Творца своего. Также и огонь творить, повинуюся Господу, служа людямъ.... Самъ говоритъ намъ въ Пчелѣ: почему, о челоуѣкъ, ты меня не умѣешь почитать? А я для тебя свѣтъ сотворилъ, небо простеръ, и землю на водахъ основалъ; море на-

лилъ горстью, нескомъ оградилъ. Для тебя сотворилъ озера и рѣки и источники. Для тебя солнце, луну и звѣзды украсилъ. Для тебя всякое дерево насадилъ, и траву произрастилъ. Для тебя огонь сотворилъ; пустилъ дождь и снѣгъ. И все это меня боится и трепещеть, и не преступаетъ повелѣній моихъ. А ты, человѣкъ, не боишься и не трепещешь меня, не хранишь заповѣдей моихъ», и т. д.¹⁾

Кириллъ Туровскій влагасть въ уста «разслабленнаго» такую рѣчь: «Грѣхи мои разслабили всѣ члены тѣла моего. Богу молюсь, и не слушаетъ меня, ибо беззаконія мои покрыли голову мою. Врачамъ раздалъ все имѣніе мое, но помощи получить не могъ: нѣтъ зелія, могущаго перемѣнить Божію казнь. Знакомые мои гнушаются меня, ближніе мои стыдятся меня, и я какъ чужой братьямъ моимъ. Всѣ кланутся мною, и утѣшающаго не пахожу.... Стеню со слезами, томимъ болѣзнію недуга моего, и никто не придетъ посѣтить меня; одинъ страдаю, невидимый никѣмъ» и т. д. Рѣчь эта, обращенная къ Господу, составлена подвліяніемъ Іова, отчасти евангелистовъ и особенно псалмовъ, изъ коихъ одинъ, сто первый, и называется: «молитва страждущаго, когда онъ унываетъ, и предъ лицемъ Господнимъ изливаетъ печаль свою». Ср. «Братья мои отступили отъ меня, и друзья чуждаются меня. Покинули меня ближніе мои, и знающіе имя мое забыли меня. Гнушаются меня видящіе меня, и тѣ, кого любилъ, возстали на меня» (Іова XIX, 13, 14, 19). Къ спасителю прикоснулась женщина, «много претерпѣвшая отъ многихъ врачей, и истощившая все свое имѣніе, но никакой пользы не получившая» (Марк. V, 26. — Лук. VIII, 43). «Нѣтъ здраваго мѣста въ тѣлѣ моемъ отъ гнѣва Твоего; нѣтъ мира въ костяхъ моихъ отъ грѣха моего. Ибо беззаконія мои покрыли голову мою; какъ тяжелое бремя тяготятъ меня. Искренніе мои и друзья мои, видя язву мою, отступили; вдали стоятъ ближніе мои» (псал. XXXVII, 4, 5, 12). «Всѣ видящіе меня ругаются мнѣ, расширяютъ уста, ки-

1) Православный Собесѣдникъ. 1858. Январь. Стр. 138—168.

вають головою» (псал. XXI, 8). «Чужимъ сталъ я для братьевъ моихъ, и незнакомымъ для сыновъ матери моей. Посрамленіе сокрушило сердце мое, я изнемогъ; жду состраданія, но нѣтъ его; утѣшителей, но не пахожу» (псал. LXVIII, 9, 21).

Многія поученія Кирилла Туровскаго состоятъ изъ пересказа евангельскаго повѣствованія, съ различными дополненіями и объясненіями. Тексты рѣдко приводятся съ точностью и опредѣлительностью. Обыкновенно нѣсколько текстовъ сводятся въ одинъ, и связываются собственными словами автора. Многіе тексты приводятся въ сокращеніи, такъ что болѣе передается мысль библейскаго повѣствованія, а не слова его. Свидѣтельства библіи дополняются изъ другихъ источниковъ, частью же изъ самого Св. Писанія, но съ перерывомъ послѣдовательности библейскаго изложенія. Слова Св. Писанія весьма часто перемѣшиваются съ собственными словами автора, такъ что иногда цѣлыя страницы состоятъ изъ словъ и выраженій Св. Писанія, а между тѣмъ нѣтъ ни одного текста вполне. Частое, почти безпрестанное употребленіе Кирилломъ Туровскимъ текстовъ или ихъ отрывковъ доказываетъ, съ одной стороны, начитанность автора въ Св. Писаніи, давшую ему возможность съ большою легкостью выражать мысль словами, взятыми изъ нѣсколькихъ мѣстъ библіи, и искусно слитыми въ одно цѣлое. Съ другой стороны, привычка и желаніе говорить текстами препятствовали свободному выраженію мыслей автора, и придали слогу его искусственность, заслонявшую элементъ народный. А только въ народномъ, непринужденномъ словѣ можетъ вполне отразиться самобытный образъ мыслей, движеніе чувства, воззрѣніе народа.

Тексты, приводимые Кирилломъ Туровскимъ, сличены нами съ текстами спискавъ, преимущественно древнѣйшихъ, Св. Писанія. Сличеніе предлагается на страницахъ самаго изданія. Мы не сличаемъ всѣхъ текстовъ безъ исключенія: это невозможно уже по самой методѣ автора приводить тексты неточно и отрывками. При томъ же мѣста, заимствованныя изъ Св. Писанія, указаны нами по лучшимъ спискамъ издаваемаго автора, и въ та-

комъ количествѣ, что ими довольно ясно и положительно опредѣляется, какимъ образомъ Кириллъ Туровскій пользовался книгами Св. Писанія.

Византійское вліяніе.

Писатели, выражающіе направленіе Византійской литературы.—Вліяніе ихъ на Кирилла Туровскаго.—Заимствованія и сходство.—Литературные приемы.

Литературные приемы усвоены Кирилломъ Туровскимъ подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Введеніе длинныхъ рѣчей, сравненія и противоположенія, вопросы и восклицанія, обращенія и олицетворенія, словомъ вся риторическая сторона его сочиненій объясняется условіями византійскаго краснорѣчія. Въ числѣ представителей его здѣсь могутъ быть названы: Іоаннъ Златоустъ и его подражатели; Прокль Константинопольскій, Титъ Вострскій, Евлогій Александрійскій, Кириллъ Александрійскій, Епифаній Кипрскій, Симеонъ Логоетъ и другіе. Большая часть этихъ писателей такъ сходны между собою и по направленію, и по выбору предметовъ и образовъ, что многія черты, замѣчаемыя въ ихъ произведеніяхъ, служатъ выраженіемъ не ихъ личнаго взгляда и таланта, а общаго литературнаго обычая, рутины. Одинъ и тотъ же образъ, одно и то же толкованіе, даже одни и тѣ же выраженія встрѣчаются у нѣсколькихъ изъ нихъ, такъ что нѣтъ никакой возможности сказать, откуда именно заимствовалъ нашъ авторъ общія всѣмъ черты. Впрочемъ очевидно то, что онъ заимствовалъ не столько слова, сколько манеру вообще. Масса писателей, извѣстныхъ русскому книжнику XII вѣка, не должна казаться удивительною. Почти всѣ они принадлежатъ къ отцамъ церкви, творенія которыхъ переводились на славянскій языкъ въ глубокой древности. Притомъ, такъ какъ поученія ихъ писаны большею частью по одному и тому же поводу — преимущественно на праздники церковные, и располагались по порядку праздниковъ, то чтеніе «сборника» или «торжественника» могло

уже достаточно ознакомить съ произведеніями византійскихъ писателей. Примѣръ Кирилла Туровскаго указываетъ на подобный путь заимствованія, и служитъ однимъ изъ доказательствъ существованія такого рода сборниковъ въ XII столѣтіи, если не ранѣе.

I.

Изъ византійскихъ писателей, служившихъ образцами для Кирилла Туровскаго, ученые указываютъ преимущественно на Іоанна Златоуста (354—407). Не разъ повторенное мнѣніе о связи словъ Кирилла Туровскаго съ поученіями Златоуста произошло, между прочимъ, отъ того, что въ рукописяхъ нѣкоторыя слова Кирилла Т. приписываются Златоусту. Но съ именемъ Златоуста соединялось у нашихъ книжниковъ понятіе, нѣсколько смутное, о писателѣ вообще, и они приписывали Златоусту, безъ строгаго выбора, сочиненія разныхъ писателей, какъ русскихъ, такъ и византійскихъ.

Издавая сочиненія Кирилла Туровскаго, Калайдовичъ называлъ его подражателемъ Златоуста, а Каченовскій готовъ былъ видѣть въ немъ переводчика или даже переписчика сочиненій Златоуста¹⁾). Послѣдующіе ученые хотя и признавали между этими писателями сходство по духу и характеру²⁾, но видѣли его только въ «любви къ слову Божию и спасенію другихъ», т. е. въ свойствахъ, принадлежащихъ всѣмъ благочестивымъ писателямъ безъ исключенія. Ближайшее отношеніе допускалось съ такими ограниченіями, что внутренняя, живая связь становится нѣсколько сомнительною. Находятъ, что слова Кирилла Туровскаго справедливо оставили за нимъ имя *русскаго* Златоуста, *но 12 вѣка*. По другому мнѣнію, современники и ближайшіе потомки не безъ

1) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. IX. — Вѣстникъ Европы. 1822. № 1, стр. 54—57; № 2, стр. 133, стр. 55, прим. 1.

2) Исторія Русской Словесности, преимущественно древней, Шевырева. 1846, выпускъ 2-й, стр. 225. — Исторія Русской Церкви. 1849. Періодъ первый, стр. 69.

основанія могли называть святителя туровскаго русскимъ Златоустомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы сочпенія его равнялись *по достоинству и характеру* съ твореніями древняго злато-словеснаго учителя, а въ томъ, что св. Кирилль былъ тогда у насъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, но въ словахъ его «не достаеъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей св. Златоуста: общедоступности и правственнаго преобладающаго направленія»¹⁾.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что пониманіе Златоуста, во всей полнотѣ его литературнаго и общественнаго значенія, было рѣшительно недоступно русскому писателю XII вѣка, даже даровитому и начитанному. Ему оставалось только усвоить черты общедоступныя и виѣшнюю форму. Но какъ форма тѣсно связана съ содержаніемъ, то и Кирилль Туровскій формальною стороною своихъ словъ сблпжается болѣе съ другими византійцами, а не съ Златоустомъ. У другихъ византійскихъ ораторовъ преобладаетъ аллегоризмъ, отчужденіе отъ современной имъ дѣйствительности, равнодушіе къ общественнымъ недугамъ Византіи. У Златоуста, даже въ словахъ, гдѣ наиболѣе догматизма, слышится то сочувствіе къ пуждамъ общества, то участіе къ горькой долѣ пролетарія, которое заставило его сказать исполненныя глубокаго смысла слова: «Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ»²⁾.

Въ бесѣдѣ о вѣществіи Іисуса Хрпста въ Іерусалимѣ, І. Златоустъ и Кирилль Туровскій основываются на томъ же самомъ повѣствованіи евангельскомъ, и объясняютъ его. Но въ тонѣ объясненій расходятся. Кирилль Т., послѣ иносказательнаго толкованія, говоритъ, обращаясь къ слушателямъ: «пзыдемъ любовію, подобно народамъ, во срѣтеніе ему; постелемъ, какъ ризы, наши добродѣтели; воскликнемъ молитвою и беззлобіемъ

1) Исторія Русской Церкви, Макарія, епископа винницкаго, 1857, т. III, стр. 148—149 и 100.

2) Въ бесѣдѣ о второмъ пришествіи. Хр. Чт. 1843. Часть I, февр., стр. 235.

какъ младенцы; предъидемъ милостынями къ нищимъ; послѣдуюмъ смиреніемъ и постомъ» (стр. 9), и т. д. Это обращеніе не поражаетъ прозаическою холодностію; оно довольно живо и одушевлено. Но ясно, что добродѣтели: любовь, милостыня, смиреніе и т. п. названы только для показанія соотвѣтствія съ предметами, о которыхъ говорится въ текстѣ. Подобныя наставленія могутъ относиться ко всѣмъ и каждому, и не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что особенно могло бы подѣйствовать на русскихъ слушателей того вѣка или было бы вызвано ихъ бытомъ. У Златоуста же черты современнаго ему византійскаго быта ярко выступаютъ даже и тамъ, гдѣ, по самому предмету рѣчи, не было имъ простора. Иисусъ Христосъ, — говоритъ І. Златоустъ, — при входѣ въ Іерусалимъ, возсѣвъ на осла, исполнилъ пророчество Захарія, и въ то же время прообразовалъ будущее — призваніе язычниковъ. Кромѣ того, по мнѣнію Златоуста, Иисусъ Христосъ имѣлъ цѣлью и представить образецъ простоты, показывая, что не на коняхъ, не на мулахъ надобно мчаться, но должно довольствоваться осломъ, и не простирается далѣе необходимаго.... Христосъ садится на осленка, покрытаго одеждою апостоловъ, потому что апостолы все свое отдаютъ, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ: я съ удовольствіемъ буду издерживать свое, и истощать себя самого за души ваши (2 Кор. XII, 15). Будемъ и мы поступать такъ же; будемъ подавать одежду тѣмъ, которые носятъ его, и пр. Затѣмъ слѣдуютъ увѣщанія о вспоможеніи бѣднымъ, показывающія въ авторѣ близкое знакомство съ вопіющими нуждами народа. По его мнѣнію, въ городѣ $\frac{1}{10}$ часть бѣдныхъ, а $\frac{1}{10}$ — пролетаріевъ, остальные $\frac{8}{10}$ — посредственнаго состоянія, и т. д. ¹⁾

Различіе возрѣнія открывается всего яснѣе тогда, когда рѣчь идетъ или объ одномъ и томъ же предметѣ или о предметахъ близкихъ между собою. Удаленіе отъ свѣта, жизнь уеди-

1) Іоанна Златоустаго, Бесѣды на евангелиста Матѳея. Новый переводъ съ Греческаго. Москва. 1839. Ч. III, бесѣда 66.

ненная, иноческая имѣла высокое значеніе какъ для Златоуста, такъ и для Кирилла Туровскаго. Но послѣдній, говоря о ней, ограничивается иносказательными объясненіями ея атрибутовъ, и нѣсколькими совѣтами, обнаруживающими полное сочувствіе къ предмету, о которомъ говоритъ. Для инока, по понятію Кирилла Т., всѣ вещи необходимы ему, весь окружающій его міръ исполненъ таинственного смысла. Стремленіе уразумѣть эту таинственность развилось подъ вліяніемъ аскетическихъ сочиненій Византійцевъ. Кириллъ Т. смотритъ на призваніе монаха по отношенію къ первообразу, открываемому въ аллегорическихъ обѣтахъ, а не по отношенію къ быту дѣйствительному, съ его мелочами и неправдами, которому иноки должны бы служить безмолвнымъ облпченіемъ. Въ сказаніи объ иноческомъ чинѣ Кириллъ Туровскій разъясняетъ аллегорическое значеніе монашеской одежды, и предлагаетъ наставленія въ родѣ слѣдующихъ: будь славенъ не одеждами свѣтлыми, а дѣлами добрыми; ты воленъ надъ собой только до церковныхъ дверей, подобно свѣчѣ, а тамъ покорись, что бы пзъ тебя ни сдѣлали; подобно одеждѣ, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а тамъ терпи, хотя бы и разорвали тебя на оучья, и т. п. Въ сказаніи встрѣчаются довольно яркіе намеки на тогдашнее монашество, позволяющіе думать, что Кириллъ Т. могъ бы передать много интересныхъ подробностей быта своего времени, если бы не подчинился византійской исключительности. Для Златоуста жизнь отшельническая была исполнена прелести, какъ близкая къ природѣ, и представляющая невозмутимое, нравственное величіе, котораго напрасно было бы искать между людьми, преданными житейской суетѣ. Святые, — говорятъ І. Златоустъ, — облеченные въ власіяны, живущіе въ пустыняхъ, носятъ брачныя одежды.... Нѣтъ у нихъ потоковъ крови; они не разсѣкаютъ мяса; нѣтъ головныхъ болей; нѣтъ приправъ въ кушаньяхъ; нѣтъ ни тяжелаго запаха ни непріятнаго курева, ни безпрестаннаго бѣганья и шума, ни суматохи и криковъ несносныхъ, а только хлѣбъ и вода: вода изъ чистаго источника, хлѣбъ — отъ

трудоу праведныхъ. Постелью имъ служить просто трава; небо служить имъ вмѣсто крова, и луна вмѣсто свѣтильника: и для нихъ-то однихъ не даромъ свѣтитъ луна.... Разговоръ ихъ исполненъ такого же спокойствія: они не говорятъ о томъ, о чемъ разговариваемъ мы, до насъ нисколько не касающемся, напр. тотъ-то сдѣланъ начальникомъ, тотъ лишень начальства, тотъ умеръ, а другой получилъ наслѣдство, и т. п. И какъ мы не находимъ достойнымъ нашего разговора то, что дѣлають муравьи въ своихъ муравейникахъ, такъ и они не говорятъ о томъ, что дѣлаемъ мы.... Ничто у святыхъ царь, ничто — начальникъ; но какъ мы смѣемся надъ дѣтьми, въ игрѣ представляющими царя или начальника, такъ и они презируютъ гордость тѣхъ, которые внушаютъ страхъ собою, и т. д.¹⁾

Мы приводимъ черты различія, а не сходства, потому что первыхъ болѣе, нежели послѣднихъ. Оставляя все то, что не составляетъ особенности Златоуста, являясь у него только въ слабой степени, и получило развитіе уже впослѣдствіи, — мы можемъ указать только на сходство нѣкоторыхъ выраженій. Такъ, несовершенно ясное начало слова въ недѣлю цвѣтную представляетъ сходство, въ выраженіяхъ и образахъ, съ словомъ Златоуста о томъ же предметѣ. Кириллъ Туровскій начинаетъ такъ: «велика и ветха *сокровища*, дивно и радостно *откровенье*, добра и сильна *богатства*, нескудно ближнимъ и дальнимъ даема *дарове*.... обильны и преполнены царскіе трапезы мнози останци, отъ нихже нищій мы *препитаемы бываемъ не иблющею ядью, но пребывающею въ животъ вѣчный*» (Іоан. VI, 27). — Въ словѣ І. Златоуста на вербицу, начинающемся такъ: «отъ чудесъ къ чудесамъ переходимъ» и пр., встрѣчаются подобныя мѣста: «святыхъ евангелій чудеса.... Христову церковь *питають не иблющею ядью, но пребывающею въ животъ вѣчный*.... Давидъ писаніемъ *сокровище* покрываше, глаголя: о Господи, спаси; о Господи, поспѣши; благословенъ грядый во имя Господне (CXVII,

1) Бесѣды Златоуста. Москва. 1839, т. III, бесѣда 69.

25, 26). Мы сокровище раскопаемъ, и писмена *открываемъ* вѣрно.... Давыдъ пророкъ подъ писаніемъ скры разумъ, а дѣти, открывше, на языкѣ *богатство* изнесоша.... И мы.... въ кровѣхъ положимъ Божія *дары*, возопіемъ безпрестани: благословенъ грядый во имя Господне», и т. д.¹⁾

Въ литературныхъ пріемахъ отразилось вліяніе Златоуста частью характеромъ рѣчей, болѣе же — употребленіемъ наглядныхъ сравненій. У Златоуста, изображаемыя лица изливаютъ иногда свои чувства въ формѣ рѣчей, составляющихъ лирическія мѣста поученій. Такъ въ формѣ рѣчи онъ передаетъ чувства блудницы, омывающей ноги Спасителя, и предающейя внутреннему, безмолвному изліянію всѣхъ чувствъ. Само собою разумѣется, что не всѣ рѣчи — одного и того же литературнаго достоинства. Въ древнемъ Супрасльскомъ сборникѣ, въ словѣ «въ цѣдѣлю новую и о невѣрствіи апостола Ѳомы», есть разговоръ ап. Ѳомы съ Іисусомъ Христомъ, одинаковый по мысли съ такимъ же разговоромъ у Кирилла Т., и поразительно сходный по формѣ; но содержаніе не представляетъ сходства, за исключеніемъ самыхъ общихъ чертъ²⁾.

У другихъ византійскихъ ораторовъ лирическія мѣста замѣняются схоластикой, сцѣпленіемъ текстовъ, болѣе приличнымъ теологическому разсужденію, нежели рѣчамъ тѣхъ простыхъ, некипныхъ и прямодушныхъ людей, которые были свидѣтелями многихъ событій библейскихъ. Рѣчи Кирилла Туровскаго занимаютъ какъ-бы средину между рѣчами Златоуста и его подражателей. Большее, сравнительно съ византійскими, соответствіе лицу и предмету, и проблески чувства въ рѣчахъ Кирилла Т. отчасти обязаны благотворному вліянію Златоуста.

Златоустъ любилъ употреблять сравненія, способствующія наглядному представленію предмета, заимствованныя отъ вещей общепзвѣстныхъ и общедоступныхъ. Живую связь и послѣдова-

1) Monumenta linguae palaeoslovenicae, ed. Miklosich. 1851, стр. 234, 241.—
Рукопись Публ. Библ. I. F. 251. Л. 101 об., 104.

2) Monumenta l. palaeosl., стр. 386—389.

тельность евангельскихъ повѣствованій онъ сравниваетъ съ крѣпкою связью звеньевъ драгоцѣнной цѣпи, неразрывно влетающихъ одно въ другое. Если видишь, говоритъ Златоустъ, цвѣтущій дубъ или струящійся источникъ, переносишься къ нимъ взоромъ и сердцемъ; если слышишь повѣсти о событіяхъ, стремишься къ нимъ, и хотя тѣломъ находишься на одномъ и томъ же мѣстѣ, но мыслью — тамъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе: то же случилось теперь и со мной, и т. д. У Кирилла Т. также встрѣчаются подобныя сравненія: когда мужъ уходитъ въ далекій путь, жена предается скорби и сурово обходится съ дѣтьми; когда же возвращается мужъ, вдругъ настаетъ невыразимое веселье, и дѣти радостно ликуютъ, одаряемые безмѣрно. Или: когда пастухъ приляжетъ уснуть, и проснувшись увидитъ, что стадо его разошлось, то быстро вставъ, спѣшитъ повсюду собрать свое стадо: такъ и Христосъ по воскресеніи собираетъ ангеловъ и людей въ единое стадо, и т. п.¹⁾

Говори объ отношеніи Златоуста къ нашему автору, не можемъ оставить безъ вниманія тѣхъ соображеній, которыми доказывали вліяніе Златоуста на русскаго проповѣдника XII вѣка. Каченовскій первый поднялъ весьма важный вопросъ о томъ, самостоятельный ли писатель Кириллъ Туровскій. Вопросъ поставленъ такъ удачно, что и въ наше время сохраняетъ свое значеніе. Сомнѣніе свое въ самостоятельности открытаго Калайдовичемъ автора Каченовскій основывалъ главнѣйшимъ образомъ на томъ, что во первыхъ, въ сочиненіяхъ Кирилловыхъ говорится иногда о предметахъ гораздо болѣе умѣстныхъ въ Византіи IV вѣка, нежели въ Туровѣ XII в.; во вторыхъ, начала нѣкоторыхъ словъ Кирилла Т. и Златоуста буквально сходны между собою²⁾.

1) Въ словѣ на пасху, въ притчѣ о бѣлоризцѣ, и др.

2) Возраженія Каченовскаго и защита Калайдовича, по поводу изданныхъ послѣднимъ въ «Памятникахъ Россійской словесности XII вѣка» сочиненій Кирилла Туровскаго, помѣщены въ Вѣстникѣ Европы 1822 г. № 1, стр. 44—57; № 2, стр. 130—133; № 6, стр. 81—100.

Каченовскій говоритъ объ I. Златоустѣ: «извѣстно, что сей краснорѣчивый отецъ церкви, отъ котораго осталось намъ болѣе четырехъ сотъ сочиненій, по благочестивой ревности своей къ вѣрѣ, гремѣлъ противъ Иудеевъ и Аріанъ, тогда еще опасныхъ и многочисленныхъ враговъ православія; въ семъ отношеніи находимъ въ словахъ нашего Кирилла мѣста, болѣе приличныя обстоятельствамъ *четвертаго* вѣка, нежели двѣнадцатаго, приличныя болѣе катедрѣ константинопольской, нежели туровской». Кириллъ Т. нѣсколько разъ упоминаетъ объ Иудеяхъ; но слова его составлены по повѣствованію евангельскому, въ которомъ постоянно говорится объ Иудеяхъ, слѣдившихъ съ дѣйтельнымъ участіемъ и ненавистью за ученіемъ и дѣйствіями Іисуса Христа. Обличенія Иудеевъ у Кирилла Т. касаются только поступковъ ихъ въ теченіе жизни Іисуса Христа, не указывая на образъ дѣйствій ихъ въ вѣкахъ послѣдующихъ; слѣдовательно, могутъ принадлежать христіанскимъ писателямъ всѣхъ вѣковъ. Противъ Арія говорится въ словѣ на соборѣ отцовъ противъ Арія, т. е. «заимствуя предметъ отъ событія», какъ замѣтилъ Калайдовичъ въ своемъ возраженіи. Если чтò указываетъ на дѣйствительность византійскую IV в., а не русскую XII в., то скорѣе слѣдующее мѣсто, особенно рѣзкое. Приведа начало евангельской притчи (Матѣ. XXI, 33), въ которой подъ именемъ «человѣка домовита» разумѣется Богъ, Кириллъ Т. говоритъ: если Богъ и называется человѣкомъ, то «не образомъ, по притчею: ни единого бо подобія (т. е. виѣшняго) человѣкъ имѣя Божія, аще бо и блазнятся етери, слышаще Моисея глаголюща: «рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію», и прилагаютъ къ безплотному тѣлу, не имуще стройна разума. И си есть ересь и донинѣ, *человѣкообразно ся глаголющимъ Бога*, яже никакоже описается Богъ, ни мѣры качеству имать». Ученіе о человѣкообразности Божества извѣстно было въ Византіи. Въ IV вѣкѣ пѣкто *Audius*, коего послѣдователи называются *Audiani* или *Odiani*, основываясь на оригинальномъ пониманіи словъ: «по образу нашему и по подобію», училъ, что Божество человѣкообразно, имѣеть

внѣшній видъ и тѣлесныя члены человѣка. Свѣдѣнія объ этомъ ученіи и опроверженія его находятся у Аѳанасія Александрійскаго († 373), у церковнаго историка V вѣка Теодорита и др.

Изъ каталога греческихъ рукописей синодальной библіотеки, издавнаго Маттеи, Каченовскій привелъ начала двухъ словъ, означенныхъ именемъ Златоуста. Одно изъ нихъ начинается: ἐγὼ μὲν ἡλπίζον, у Кирилла Т.: *азъ убо, о друзи и братье, надѣяхся*; другое: ἔλεον θεοῦ καὶ φιλανθρωπίαν, у Кирилла: *милость Божію и человеколюбіе*. Калайдовичъ справился съ печатнымъ изданіемъ сочиненій Златоуста, и увидѣлъ, что въ числѣ ихъ есть слова съ такимъ началомъ; но совершенно другаго содержанія. Но такъ какъ одинаковыя начала могутъ быть и въ разныхъ словахъ, и притомъ второе извѣстно только по заглавію, не будучи напечатано, какъ подложное, то необходимо было обратиться къ самимъ рукописямъ, чтобы убѣдиться, что первое слово тождественно съ напечатаннымъ, а второе не служило оригиналомъ для нашего автора. По справкѣ съ греческою рукописью оказалось¹⁾, что первое слово есть дѣйствительно то самое, которое извѣстно въ печати и направлено противъ тѣхъ, которые говорятъ, что демоны управляютъ дѣйствіями людей, и т. д. — Второе слово надписано въ рукописи: τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰω. ἀρχιεπ. Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χριστοστόμου ἐμὴλία, ὅτε ἐνίψεν ὁ Ἰησοῦς τοὺς πόδας τῶν μαθητῶν, т. е. иже во святыхъ отца нашего Іоанна, архіепископа константинопольскаго слово на умо-веніе ногъ ученикамъ Іисуса. Въ словѣ же Кирилла Туровскаго, начинающемся такъ: «милость Божію и человеколюбіе», говорится о слѣпцѣ, исцѣленномъ Спасителемъ. Несходныя по заглавію, поученія греческое и русское такъ же различны и по содержанію. Начинается: ἔλεον θεοῦ καὶ φιλανθρωπίαν κηρύττει μὲν ἡ κτίσις ἅπαντα. κηρύττει δὲ καὶ ἡ τῆς κτίσεως οἰκονομία. οὐδὲν γὰρ ἐστὶν

1) Считаю долгомъ выразить искреннюю признательность г. Невоструеву (издающему съ профессоромъ Горскимъ «Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки»), сообщившему мнѣ заглавія, начала и заключенія двухъ спорныхъ словъ синодальной рукописи.

τῶν φαινόμενων¹⁾), ὁ μὴ τὴν τοῦ Θεοῦ κηρύττει ἀγαθότητα, т. е. «милость Божию и человеколюбие возвѣщаетъ все твореніе; возвѣщаетъ устройство всего творенія; все, что ни является (въ немъ), возвѣщаетъ благость Божию». Слово Кирилла Т. начинается такъ: «милость Божию и человеколюбие Господа нашего Иисуса Христа, и благодать Св. Духа возвѣщаю вамъ, братія, добрые и христолюбивые послушники, чада церкви, сыны свѣта и причастники царства небеснаго». Оканчивается греческ.: λάμποντος τοίνυν τοῦ σταυροῦ τῆς χάριτος καὶ πάντων ἡμῶν νίπτοντος τὰς διανοίας τοῦ λόγου τῆς ἀληθείας, καθαρῶς πολιτευσώμεθα αὐτῷ δόξαν ἀναπέμποντες ὡς φιλανθρώπῳ Θεῷ ἡμῶν νῦν καὶ αἰί...

Первое слово — въ рукописи по каталогу Маттеи № 114, по синодальному № 115, л. 352 — 366. Напечатано въ новомъ изданіи сочиненій Златоуста, Монфокопа. 1838. Т. II. Ч. I, стр. 290—306. — Второе слово не напечатано: см. Index alphabeticus ex primis verbis sermonum et homiliarum ἔλεον Θεοῦ καὶ φιλανθρωπίαν κηρύττει, in lotionem pedum, spuria ac praetermissa. Т. XIII. 1839. Ч. I. стр. 351. Рукопись слова — по каталогу Маттеи № 138, по синодальному 139, л. 239—243.

II.

Общій характеръ подражателей Златоуста и большей части византійскихъ ораторовъ состоитъ въ преобладаніи догматизма въ содержаніи ихъ сочиненій, и искусственности во внѣшней отдѣлкѣ. Искусственность выражается въ произвольныхъ сближеніяхъ, въ безпрестанныхъ восклицаніяхъ, вопросахъ, повтореніяхъ, въ растянутости, въ неумѣстныхъ и безцвѣтныхъ рѣчахъ со множествомъ сентенцій и изысканныхъ, неизящныхъ образовъ. Изъ сочиненій Златоуста составлялись выборки, эклоги, болѣе или менѣе неудачныя, изобилующія вставками, принадле-

1) φαινόμενον—являемое внѣшнимъ образомъ; противоположное ему νοούμενον—созерцаемое умственно.

жащими бездарной посредственности. Въмѣстѣ съ подлинными произведеніями Златоуста переводились подложныя и эклоги. Они должны быть принимаемы въ соображеніе при разборѣ поученій Кирилла Туровскаго.

Въ эклогахъ разсматриваются вопросы догматическіе, богословскіе. Цѣлыя слова посвящаются разсмотрѣнію пасхальнаго цикла, времени празднованія пасхи. Съ догматическимъ изложеньемъ соединяются постоянныя укоризны манихелмъ, монотелитамъ, несторіанамъ и другимъ еретикамъ: ἀχολουτοῦσαν οἱ αἱρετικοί, и т. д. Богословская полемика не могла найтѣ мѣста въ юной русской словесности, и ее дѣйствительно нѣтъ у Кирилла Туровскаго. Догматизма также немного въ его поученіяхъ, и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить ихъ съ любимымъ изъ подложныхъ сочиненій Златоуста.

Натянутыя примѣненія и сближенія были слѣдствіемъ излишней поклонности къ аллегоризму. Одно изъ словъ на «пентикостію» начинается такимъ образомъ: Нынѣ земля сдѣлалась небомъ, не потому что звѣзды попадали съ неба, а потому что апостолы вошли превыше небесъ. Какое же сходство, спрашиваетъ ораторъ, между звѣздами и апостолами? и не затрудняется отыскать его: звѣзды, говоритъ онъ, — на небѣ, апостолы — надъ небомъ; въ звѣздахъ — огонь вещественный, въ апостолахъ — огонь духовный; звѣзды свѣтятъ ночью, а днемъ скрываются, апостолы блистаютъ и днемъ и ночью; звѣзды въ день всеобщаго воскресенія попадаютъ какъ листья, апостолы же будутъ восхищены на облакахъ, и т. д.¹⁾ Повѣствованіе «исхода» о пасхальномъ агницѣ примѣнено къ Спасителю, умершему за спасеніе міра, и сравненіе простирается до мельчайшихъ подробностей, отыскиваемыхъ изобрѣтательностію автора²⁾. Примѣры подобнаго рода (хотя и въ слабѣйшей степени) сравненій и объясненій находимъ и у Кирилла Т. Въ сказаніи объ инокескомъ чинѣ, Кириллъ Т.

1) S. Joannis Chrysostomi Opera, ed. *Montfaucon*. 1838. T. III. Spuria, стр. 951—963.

2) Ibid. VIII. Spuria, 933—977.

дѣлаеть слѣдующее примѣненіе подробностей библейскаго повѣствованія. Въ четвертой книгѣ Моисеевой исчисляются дары, принесенные каждымъ колѣномъ, черезъ своего князя, на жертву скинии: блюдо вѣсомъ въ сто тридцать сикловъ (σίκλος) и чаша вѣсомъ въ семьдесятъ сикловъ, наполненные пшеничною мукою и масломъ для жертвъ, и пр. (Числ. VII). Кириллъ Туровскій, упоминая о страданіяхъ Спасителя и обращаясь къ монахамъ, говоритъ: людскіе князья, собравшись на Господа и на Христа, вмѣсто крупичной муки говорили на него хулу; вмѣсто масла, плевали на святое лице его; вмѣсто сала, били по ланитамъ; купили его отъ Иуды вѣсомъ серебра, подобно тому сиклу. Монахъ, твореніемъ закона и добрыхъ дѣлъ, тѣло свое дѣлаеть сквиною, и приносятъ себя въ жертву: вмѣсто муки приносятъ молитву, вмѣсто масла — слезы, вмѣсто сала — сердечное воздыханіе. — Кириллъ Т. видитъ особенный, таинственный смыслъ въ томъ, что не Іоаннъ, а Петръ прежде вошелъ во гробъ, въ которомъ былъ положенъ Спаситель, и т. д. Но объясненія, также какъ и описанія Кирилла Туровскаго отличаются наивностью и нѣкоторою игрою воображенія въ противоположность византійскимъ, построеннымъ по схоластическому образцу и утомительнымъ по своему однообразію. Выводы, добытые византійцами въ ихъ риторическихъ упражненіяхъ, остаются безъ всякаго отношенія не только къ жизни, но даже и къ нравственности въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Съ точки зрѣнія современной, и Кириллъ Т. можетъ показаться догматикомъ по преимуществу; но сравненіе съ византійскими образцами удостовѣряетъ, что онъ не упускалъ изъ виду и нравственной цѣли: какъ ни наивны его сближенія, они большею частью клонятся къ тому, чтобы предложить *наставленіе*, а не объяснить *догматъ*.

Рѣчи составляютъ давнюю принадлежность исторической и дидактической прозы. Какъ византійскіе историки заставляють солдатъ говорить длинныя рѣчи, исполненныя сентенцій и разныхъ схоластическихъ тонкостей, такъ и византійскіе ораторы влагаютъ схоластическія рѣчи въ уста пастуховъ и сборщиковъ

податей. Изъ подражанія, рѣчи являются и въ поученіяхъ Кирилла Т. У него говорятъ рѣчи и Оома, и Іосифъ, и разслабленный, и слѣпецъ. Рѣчи обыкновенно состоятъ изъ разъясненія событій, касающихся этихъ лицъ, изъ приведенія текстовъ и примѣровъ изъ священной исторіи. Все это было бы гораздо умѣстнѣе въ устахъ самого проповѣдника, но нашъ ораторъ не слишкомъ заботился о соотвѣтствіи повѣствуемаго съ повѣствователемъ, какъ не заботились объ этомъ и его византійскіе руководители. Впрочемъ у послѣднихъ болѣе растянутости и изысканности, нежели у Кирилла Т. — Въ словахъ въ недѣлю новую — *εἰς τὴν κατὰ τὴν κυριακὴν καὶ εἰς τὸν ἀπόστολον Θωμᾶν* — Оома является необыкновенно многорѣчивымъ. Узнавши, что соученики его видѣли Іисуса Христа, Оома говоритъ: «Всякое слово тогда только бываетъ сильнымъ и твердымъ, когда подтверждается самимъ дѣломъ; если слово не подтверждается дѣломъ, то оно бесполезно выходитъ изъ устъ, и разсѣвается въ воздухѣ.... Распятаго владыку моего я видѣлъ, а воскресшаго не видѣлъ, а слышалъ о немъ отъ другихъ! Кто не посмѣется этому? иное дѣло слышать, иное — видѣть: иное дѣло услышать слово, иное — увидѣть и испытать».... Далѣе авторъ приводитъ разговоръ Іисуса Христа съ Оомою, вставляя и собственные восклицанія. «Подай персть твой сюда; посмотри на руки мои. О невзмѣримая высота благодати! о безконечное море снисхожденія! Подай персть твой сюда; посмотри на руки мои, и размысли самъ съ собою, тотъ ли я, что добровольно распятъ, для иной кто? Посмотри на руки мои, и не сомнѣвайся въ истинѣ моего воскресенія.... Прикоснись къ рукамъ моимъ, какъ къ залугу нашего возрожденія.... Не бойся бурь и вѣтровъ. Смѣло плавай по морю жизни; плавай, держа якорь Духа; плавай, стремясь къ небу, какъ къ пристани; плавай, боясь только кораблекрушенія — отреченія отъ меня.... Подай руку твою, и вложи въ бокъ мой; вложи руку твою въ аптеку природы (*εἰς τὸ ἰατρεῖον τῆς φύσεως*), и вынеси оттуда лѣкарство».... Оома отвѣчаетъ: «Ты—Богъ и Господь; ты—человѣкъ и человеколюбецъ; ты—дивный врачъ природы: язвъ не

разсѣкаешь желѣзомъ, не сожигаешь огнемъ; лѣкарственной силы не берешь изъ травъ; ранъ не перевязываешь видимою перевязью; но имѣешь невидимыя перевязи состраданія, которыми невидимо соединяють разсѣянное: слово твое острѣе желѣза, слово твое сильнѣе огня.... Вѣрю промыслу твоему, вѣрю сошествію твоему, вѣрю твоему тѣлесному страданію, вѣрю тридневной твоей смерти», и т. д.¹⁾ У Кирилла Т. подобный же разговоръ передается такимъ образомъ: «Дай руку твою; смотри на прободенныя ребра мои, и вѣруй, что это я. И прежде тебя, патріархи и пророки вѣрили моему вочеловѣченію.... Осязай меня, какъ прежде осязалъ меня Симеонъ, и просилъ отпущенія съ миромъ. Не будь не вѣренъ, какъ Иродъ, который, услышавъ о моемъ рожденіи, сказалъ волхвамъ: гдѣ Христосъ родился? пойду и поклонюсь ему; а въ сердцѣ замышлялъ убить меня. Но и младенцевъ избилъ, а искомаго не нашелъ: взыщутъ меня злые, и не обрящутъ.... Дай перстъ твой, и посмотри на руки мои, которыми отверзалъ очи слѣпымъ и слухъ глухимъ, а нѣмыхъ заставлялъ говорить. Посмотри на ноги мои, которыми передъ вами ходилъ по морю, и явственно ступалъ по воздуху, и входилъ въ преисподнюю, и шелъ съ Клеопою и Лукою до Еммауса; — и не будь невѣренъ, по вѣренъ. Оома отвѣчалъ: вѣрую, Господи, что ты Христосъ Богъ мой, о которомъ писали пророки.... Вижу ребра, изъ которыхъ источилъ воду и кровь: воду, чтобы очистить осквернившуюся землю, кровь, чтобы освятить человѣческое естество. Вижу руки твои, которыми сотворилъ всю тварь, и насадилъ рай, и создалъ человѣка; которыми благословилъ патріарховъ; которыми помазалъ царей; которыми освятилъ апостоловъ. Вижу ноги твои, прикоснувшись къ коимъ блудница приняла отпущеніе грѣховъ; принавши къ коимъ, вдова приняла мертвѣго сына своего живымъ и съ душою; надъ этими ногами кровоточивая, прикоснувшись края разъ, исцѣлѣла отъ

1) Ibid. VIII. Spuria, 878—885. — XII. Spuria, 1044—1048. Эклоги, помѣщенные въ XII-мъ томѣ.

недуга. И я, Господи, вѣрую, что ты — Богъ. Иисусъ сказалъ ему: ты видѣлъ меня и повѣрилъ, блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе».

Воскликанія, вопросы, повторенія, и т. п. служатъ у византійскихъ ораторовъ искусственнымъ средствомъ для связи частей, лишенныхъ внутренняго единства. Кирилль Туровскій гораздо скуднѣе на подобныя прикрасы: о лютѣ души ихъ! оле преславныя тайны явленіе! и пр. гораздо рѣже попадаютъ у него нежели: ὦ τῆς χορηγίας τῆς μυστικῆς, ὦ τῆς πνευματικῆς ἐστῆς, и т. д. — у его византійскихъ предшественниковъ.

III.

Въ сочиненіяхъ византійскихъ писателей разныхъ вѣковъ встрѣчаются черты, сходныя съ Кирилломъ Т. Въ словѣ въ предѣлю цвѣтную — εἰς τὰ βαίχ, — Прокла, архіепископа Константинопольскаго († 446), читаемъ: «приготовимъ дома душъ нашихъ: разсѣмъ паутину братоненавидѣнія; да не будетъ между нами сору злословія; обильно изольемъ воду любви;... входы устъ нашихъ украсимъ цвѣтами благочестія... и воскликнемъ съ толпами: благословенъ грядый во имя Господне»¹⁾. Ср. у Кирилла Т. въ заключеніи слова о томъ же предметѣ: «приготовимъ, какъ горницы, души наши смиреніемъ, чтобы причастіемъ вошелъ къ намъ Сынъ Божій, и пасху съ учениками своими сотворилъ; и пойдемъ съ идущимъ на вольную страсть; возьмемъ крестъ свой претерпѣніемъ всякой обиды.... воскликнемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ пришедшій на муку вольную.... пѣснями, какъ цвѣтами, святую церковь увѣнчаемъ, и праздникъ украсимъ». — Слово писателя IV в., Тита, епископа Вострскаго (Βύσσρων), въ Аравіи, — о «цвѣтоносіи», извѣстное въ старинныхъ переводахъ, помѣщено нами въ приложенія, какъ знакомящее

1) Graecolatinum patrum bibliothecae novum auctarium. Opera et studio Fr. Combesis. Paris. 1648. T. I. p. 399—406.

съ пріемами византійскаго краснорѣчія вообще, при сходствѣ съ словами Кирилла Т. въ нѣкоторыхъ частностяхъ. — Въ словѣ Епифанія епископа Кипрскаго († 403), о «погребеніи тѣла Господа», и пр., находится рѣчь Іосифа¹⁾, какъ и у Кирилла Туровскаго въ словѣ о мироносицахъ.

Извѣстному жизнеописателю святыхъ Симеону († около 976), называемому *логоветомъ*²⁾ по своему званію, и *метафрастомъ*³⁾ по роду литературныхъ трудовъ, приписываютъ и канонъ на такъ называемый «плачъ Богоматери». Въ рукописяхъ ему даютъ такое заглавіе: «во святой и великій пятокъ на павечерницѣ, по обычаю канонъ, о распятіи Господни, и на плачъ Пресвятыи Богородицы. Твореніе Симеона логовета». У Кирилла Т. въ словѣ о снятіи тѣла Христова со креста и о мироносицахъ есть ясныя слѣды подражанія «плачу» и заимствованія изъ него. Укажемъ соотвѣтствующія мѣста. Въ канонѣ Симеона логовета⁴⁾: «Вижу ты нынѣ, возлюбленное чадо и любимое, на крестѣ висѣща, и уязвляюся горцѣ сердцемъ.... Нынѣ моего чаянія и радости и веселія, сына моего и Бога, лишена быхъ; увы мнѣ! болѣзную сердцемъ.... Се свѣтъ мой сладкій, надежда и животъ мой благій, Богъ мой угасе на крестѣ.... Солнце не заходѣй, Боже превѣчный и творче всѣмъ тваремъ, Господи, како терпиши страсть на крестѣ?... Плачущи глаголаше бракунейскусимая къ благообразному: потщися, Іосифе, къ Пилату приступити, и испроси сняти со древа учителя си. Видѣвъ пречистую горцѣ слезящу, Іосифъ смутися, и плачѣся приступи къ Пилату: даждь ми, вопіяше съ плачемъ, тѣло Бога моего.... Хотѣла быхъ съ тобою умерети, пречистая

1) Monumenta linguae palaeoslovenicae. стр. 352 и слѣд.

2) Логоветъ — λογοθέτης — званіе, съ которымъ соединены были различныя какъ свѣтскія, такъ и духовныя обязанности, о которыхъ см. *Ducange: Glossarium mediae et infimae graecitatis*. 1688. Т. I, стр. 821—824.

3) *Fabricii: Bibliotheca graeca*. 1802. VIII, 29: Simeon magister et logotheta, cognomento *Metaphrastes*, ita enim adpellatus est, quod plerasque vitas non suo ipso ingenio composuit condiditque, sed ab antiquioribus scriptas μετέφρασε et paula alio habitu induit, omittendo alia in aliis, alia addendo, vel mutando atque interpolando.

4) По рукописи графа Уварова, № 7, М., л. 520—527.

глаголаше, не терплю бо бездушна, мертва ты видѣти. Дивлюся, зрѣица ты, преблагій Боже и прещедрый Господи, безъ славы и безъ души, и безобразна и нага.... Дѣву рыдающею Іосифъ видѣвъ, растерзашеся весь, и вопіяше горько: како ты, о Боже мой, нынѣ погребу рабъ твой? Кацѣми плащаницами обивію тѣло твое? Паче ума превзыде странное видѣніе: носящаго тварь всю Господа, сего убо Іосифъ яко мертва съ Никодимомъ на руку своею носить и погребаетъ.... Радость мнѣ пиколіже отселѣ не прикоснется, рыдающе глагола непорочная; свѣтъ бо мой и радость моя во гробъ зайде», и т. д. Въ рукописяхъ встрѣчается и другой капонъ съ именемъ Симеона логогета: «канонъ на боготѣлесное погребеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и на плачъ Богородицы. Твореніе Симеона логогета». Въ немъ также есть сходныя мѣста съ словомъ Кирилла Туровскаго, какъ напримѣръ: «молящися пречистое испросити тѣло твое у Пилата, беззаконнаго судіи.... Отвержеша первый ученикъ Петръ; оставиша учителя вси.... И рыдаше вся тварь, того видящи висяща нага на древѣ; солнце луча сокры, и звѣзды свѣтъ отложиша; земля же со многимъ страхомъ поколебася, и море побѣже, и каменіе распадется.... Гдѣ благовѣстія? гдѣ ми еже радуйся? гдѣ еже благословенная? иже изъ утробы моея свѣтъ угасе бо на крестѣ.... Ужаснися, небо и земля, и скрый, солнце, свѣта своего зарю.... Слыши, небо и земле, и впушите матерняя моя рыданія»... и т. д.¹⁾ У Кирилла Т. «ужаснуса небо, и земля трепещеть.... солнце померче и каменіе распадется.... Вижу ты, милое чадо, на крестѣ нага висяща, бездушна, безрачна, не имуща видѣнія, ни доброты, и горько уязвляюся душею. И хотѣла быхъ съ тобою умерти: не терплю бо бездушна тебе зрѣти. Радость мнѣ отселѣ никакоже прикоснется: свѣтъ бо мой и надежда и животъ, сынъ и Богъ на древѣ угасе.... Кдѣ ми, чадо, благовѣстованіе, еже ми древле Гавриль глаголаше: радуйся, обрадованная, съ тобою Господь.... Нынѣ моего чаянія, радости же и веселія, сына и Бога, лишена

1) Та же рукопись, л. 528—536 об.

быхъ.... Слышите, небеса, и море съ землею, внушайте моихъ слезъ рыданіе.... Все бо ты оставиша.... гдѣ ли верховніи апостоли? одинъ ты предасть, другій съ клятвою отвержеся.... Потщися, благообразне, къ Пилату, беззаконному судіи, и испроси съ креста снятія тѣло учителя своего.... Умилился же Іосифъ плачевными тоя глаголы.... вниде къ Пилату, и вопроси, глаголя: даждь ми, о игемоне, тѣло.... Вопіяше же Іосифъ, глаголя сяце: солнце не заходяй, Христе, творче всѣхъ, и тваремъ Господи!.... Кацѣми же плащаницами обію ты?.... Како ли понесу ты на моею перстною руку, посящаго тварь всю, невидимаго Господа?» и т. д.

«Плачи» восходятъ къ весьма ранней эпохѣ византійской литературы, черезъ посредство которой проникли они и въ нашу письменность. Въ такъ называемомъ Іаковлевомъ Евангеліи приводятся слѣдующій плачъ Анны:

Оувы мнѣ, кому оуподобихса азъ или кто ма роди? или кою ложесна изнесоша ма? ꙗко смпрена ¹⁾ родихса предъ сѣны Излѣвы; и поносиша ми и подражаша и изгнаша ма изъ цркви Гѣ Бѣа моего. Оувы мнѣ, кому оуподобихса азъ? Не оуподобихса птицамъ пбѣнымъ: ꙗко птица пбѣна плодовитыя сѹтъ предъ тобою, Гѣ. Лютѣ мнѣ! не оуподобихса ни звѣремъ земнымъ: ꙗко ²⁾ звѣри земнии плодовиты сѹтъ предъ тобою, Гѣ. Не оуподобихса ни водамъ симъ: ꙗко и воды сии плодовиты сѹтъ предъ тобою, Гѣ: волны ихъ

Οἱ μοι, οἱ μοι, τίς με ἐγέννησε; Ποία δὲ μήτρα ἐξέρυσέ με; Ὅτι κατάρχα ἐγεννήθην ἐγὼ ἐνώπιον τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ, καὶ ὠνειδίσθην, καὶ ἐξεμυκτηρίσθην ἐκβλήθειτα ἐκ ναοῦ κυρίου τοῦ Θεοῦ μου. Οἱ μοι, τίني ὠμοιώθην ἐγώ; Οὐχὶ ὠμοιώθην ἐγὼ τοῖς πετεινοῖς τοῦ οὐρανοῦ, ὅτι καὶ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ γόνιμά εἰσιν ἐνώπιόν σου, κύριε. Οἱ μοι, τίني ὠμοιώθην ἐγώ; Οὐχὶ ὠμοιώθην ἐγὼ τοῖς ἀλόγοις ζώοις, ὅτι καὶ τὰ ἄλογα ζῶα γόνιμά εἰσιν ἐνώπιόν σου, κύριε. Οἱ μοι, τίني ὠμοιώθην ἐγώ; Οὐχὶ ὠμοιώθην ἐγὼ τοῖς ὕδασι τούτοις, ὅτι καὶ τὰ ὕδατα γόνιμά

1) клятвена.

2) ꙗко.

оугъшаются и глумащася тебе εἰσιν ἐνώπιόν σου, κύριε. Οἱ μοι, слават, Гѣ¹). Оувы миѣ, кому τίνι ὡμοιώθην ἐγώ; Οὐχ ὡμοιώ- оупобихса азъ? Не оуподобихса θην ἐγώ τῇ γῇ, ὅτι καὶ ἡ γῇ азъ земли сен: ꙗко и земля си προσφέρει τοὺς καρποὺς αὐτῆς приносит плоды свои на всако κατὰ καιρὸν, καὶ σὲ εὐλογεῖ, время и тебе блѣвить, Гѣ²). κύριε³).

Изъ всѣхъ «плачей» наиболѣе распространенъ былъ у насъ плачъ Богоматери. Искренность и общедоступность проникающаго его чувства—скорби матери, оплакивающей смерть сына,— всего болѣе, вѣроятно, содѣйствовали его популярности. Книжники вписывали его въ сборники, измѣняя и дополняя его. Въ статьѣ, внесенной въ хронографъ и названной: «о снятіи тѣла Иисусова со креста, и о плачѣ Богородицы» описывается, какъ Богоматерь «припала къ подножію креста, и когда капли крови сына ея падали на землю, она собирала ихъ устами, и цѣловала землю.... Иосифъ призвалъ мужа мудраго Никодима: одинъ держалъ тѣло Иисусово, другой вынималъ гвозди изъ рукъ и ногъ; сколько могла, помогала имъ и Марія. Снять былъ со креста Спаситель. У главы его сидѣла мать, какъ трость, наклоненная сильною бурею, омывала лице его горькими слезами, и говорила».... Здѣсь приводится плачъ ея⁴). Подобный же плачъ встрѣчается и въ другихъ рукописяхъ, и въ сборникахъ, въ коихъ онъ приписывается извѣстному автору; въ Соборникѣ, изданномъ въ Москвѣ въ 1647 году, въ статьѣ Георгія, архіепископа Никомидійскаго, «о еже стояху при крестѣ Иисусовѣ мати его, и сестра матери

1) волны бо ꙗ оугѣшають и глоумають ꙗ и рыбы ихъ блѣгословать тебе, Гѣ. Увар. № 514, Q, л. 337.

2) Увар. № 348, Q, л. 118.

3) Codex apocryphus novi testamenti, opera et studio J. C. Thilo. T. I. Lipsiae. 1832. Protevangelium Jacobi minoris. Cap. IV, p. 180—182.

4) Рум. муз. № 457, л. 392—396 об. — Откуда эта статья занесена въ хронографъ, указывается отчасти самымъ языкомъ, а именно такими словами: *закликалъ веліимъ гласомъ; на ноги свои аспинаючися, узднималася кроть; да ихъ сладостно поздоровила (привѣтствовала); милостію порушилися на жалость ея, и т. п.*

его» и т. д. находимъ плачь Богородицы и разговоръ Іосифа съ Пилатомъ. Не смотря на очевидно книжное происхожденіе, плачь не остался совершенно чуждымъ и народной словесности¹⁾.

IV.

Кирилль Туровскій любитъ прибѣгать къ сравненіямъ, уюдобленіямъ и въ особенности къ противоположеніямъ. Иногда онъ употребляетъ ихъ не просто какъ риторическія фигуры, а въ смыслѣ болѣе высокома, иносказательнаго. Поэтому они, обозначаютъ не только способъ выраженія, но отчасти и образъ представленія, перешедшій къ намъ изъ Византіи.

Въ заключеніи слова на пасху Кирилль Т. говоритъ: «*вчера съ разбойникомъ сраспинахомся; днесъ съ тобою воскресохомъ. Вчера съ Логгиномъ возвахомъ: во истину Сынъ Божіи еси ты; днесъ съ ангелы глаголемъ: во истину воскресе Христосъ. Вчера со креста съ Никодимомъ снимахомъ тя; днесъ съ Магдалиною воскресша видимъ тя. Вчера съ Іосифомъ въ гробѣ ты полагахомъ; днесъ яко и Марія радостныя глаголы твоя слышимъ*». То же соотношеніе между предшествовавшими и настоящими событіями замѣчается и Кирилломъ Александрійскимъ († 444) въ словѣ на «святыи праздникъ вербный и о жребяти», и Евлогіемъ Александрійскимъ († 608) въ словѣ на тотъ же праздникъ²⁾, и Епифаніемъ Кипрскимъ въ словѣ въ великую субботу³⁾, и другими. У Кирилла Александрійскаго читасмъ: «*Вчера Влоанія праздника; днесъ всяка церкви насладися божественнаго прихода. Вчера пному еже жити дароваше; днесъ самъ на смерть грядеть. Вчера*

1) Между прочимъ украинскіе слѣпцы «старцы» поютъ: «Прощай, прощай, сыну мой, вселюбезнѣйшій; покидаешъ меня едина, сынъ мой краснѣйшій. Радости моя душевна! ахъ, свѣте мой горькій! я жъ на свѣтѣ едина, и сиротина... Кому сироту пручаешъ... Земле, земле сырая, родная всѣхъ мати; прійми и мене въ нѣдро свое... Правду сказалъ Симеонъ; ояъ—старикъ чудный...» и т. д. Этотъ стихъ извѣстенъ у пѣвцовъ подъ именемъ стиха «скорбящей Божіей Матери».

2) Graecolatium patrum bibliothecae novum auctarium. p. 651—680.

3) Рукопись графа Узорова, № 513, Q, л. 135—135 об.

четверодневный вѣстааше; *днесъ* тридневный вѣстоупаетъ», и т. п.¹⁾.

Въ той части слова Кириллова о снѣтіи со креста, которая въ основномъ спискѣ имѣетъ особое названіе: «о мироносицахъ», представлено такое соотвѣтствіе между Адамомъ и Иисусомъ Христомъ: «Вамъ хошу тайны повѣдати *Божія* челоуѣколюбія, яже за *Адама*, въ тлю падша, пострада.... *Онъ*, послушавъ совѣта вражія, восхотѣ быти богъ, и проклятъ бысть; сей же, послушавъ Отца, Богъ сынъ, бысть челоуѣкъ, да змія погубитъ и челоуѣка обожитъ. *Онъ*, простеръ руки къ древу возбранному, смертное уторже ядро, и, бывъ рабъ грѣху, сниде отъ едема въ адъ; *Христосъ* же, на крестѣ руцѣ простеръ, осуженія грѣховнаго и отъ смерти челоуѣки свободи».—Въ извѣстномъ по рукописямъ «словѣ о Христѣ и Адамѣ», византійскаго происхожденія, черты соотношенія между Иисусомъ Христомъ и Адамомъ указываются такъ: «того ради Христосъ отъ чистыя дѣвы родися, понеже Адамъ отъ чистыя земля созданъ бысть.... Сего ради Христосъ пригвозди тѣло свое на крестѣ, да исцѣлитъ Адама, уязвенаго древомъ снѣднымъ. Сего ради *Христосъ руцѣ* пригвозди къ кресту, понеже *Адамъ руку* простре къ древу.... Яко же Адамъ ребромъ своимъ *не поболъ* вынятомъ; тако и Дѣва я не *поболъ* родивши Христа», и т. д.²⁾.

Въ началѣ слова на пасху, Кириллъ Т. показываетъ противоположность божескихъ и челоуѣческихъ дѣйствій Иисуса Христа, говоря: «Господь нашъ Иисусъ Христосъ — *яко челоуѣкъ*, распинаемъ бѣ, и *яко Богъ*, солнце помрачи, и луну въ кровь преложи, и тьма бысть по всей землѣ. *Яко челоуѣкъ*, возопивъ, испусти духъ, но *яко Богъ*, землею потрясе, и каменіе распадется.

1) Рукопись графа Уварова, № 384, Q, л. 345.

2) Это сближеніе Иисуса Христа съ Адамомъ вставлено въ слово Иларіона о законѣ и благодати, по синодальному списку, изданному проф. Горскимъ во 2 части Прибавл. къ Творен. Св. Отц., за 1844 г. — Вставка находится въ самомъ началѣ слова, вслѣдъ за благодарственнымъ обращеніемъ къ Богу, непосредственно за словами: «пострадавъ за ны плотію и до гроба, и съ собою воскресивъ ны».

Яко человекъ, въ ребра прободенъ бысть; но яко Богъ, завѣсу перваго закона полма раздра.... Яко человекъ, въ гробъ положенъ бысть, и яко Богъ, олтарь языческія церкви освяти».—Въ словѣ русскаго предшественника Кириллова, Иларіона такое же противоположеніе: «*Яко человекъ, во утробѣ матери растяше, и яко Богъ, изыде дѣвства не вреждь.... Яко человекъ, повився въ пелены, и яко Богъ, звѣздою волхвы вождаше.... Яко человекъ, прииде на крещеніе, и яко Бога, устранився, Іорданъ возвратися.... Яко человекъ, въ корабли спаше, и яко Богъ, запрети вѣграмъ и морю, и послушаша его. Яко человекъ, по Лазари прослезися, и яко Богъ, воскреси отъ мертвыхъ.... Яко человекъ, оцта вкуси, и пусти духъ, и яко Богъ, солнце помрачи, и землю потрясе» и т. д.¹⁾.*

Сравненіе и противоположеніе предполагаютъ соотвѣтствіе между предметами сравниваемыми или противопологаемыми. Это соотвѣтствіе, по византійскому взгляду на вещи, покрыто таинственностью, и въ ней-то—зародышъ символизма, къ которому теперь и переходимъ.

Символизмъ.

Символическій взглядъ на природу. — Аллегоризмъ. — Притча. — Вопросы и отвѣты. — Загадка.

Символизмъ преобладаетъ въ древнѣйшихъ произведеніяхъ византійской и вообще христіанской литературы, какъ и въ произведеніяхъ христіанскаго искусства. Подобно тому какъ послѣднее было первоначально символическимъ по преимуществу: сперва изображали «агнца» и «добраго пастыря», а потомъ уже Христа; сперва крестъ, а потомъ—Распятаго на немъ; такъ и произведенія словесности первыхъ вѣковъ христіанства пропикнуты символи-

1) Памятники духовной литературы времени Ярослава I. Изъ 2-й части Прибавл. Св. Отц. 1844 г. стр. 30—31.

ческимъ воззрѣніемъ. Не вдаваясь въ подробности происхожденія и развитія этого воззрѣнія, обратимъ вниманіе только на тѣ стороны его, которыя отразились въ произведеніяхъ русскаго писателя XII вѣка.

V.

Самая жизненная, самая поэтическая сторона символизма заключалась въ созерцаніи природы, по которому она является одушевленнымъ выраженіемъ творческой мысли, родственнымъ душѣ человѣка, и неразрывно соединеннымъ съ его внутреннимъ міромъ. Въ смѣнѣ годовыхъ временъ, съ существенными особенностями каждаго изъ нихъ, всего полнѣе выражается жизнь и разнообразіе силъ и свойствъ природы. Поэтому, съ послѣдовательностью временъ года прежде всего слилось символическое представленіе: природа живетъ и измѣняется, какъ живетъ и подвергается превратностямъ жизни человѣкъ; но и та и другая жизнь совершается не случайно, а по идеѣ высшей, по волѣ и мысли Творца, раскрывающейся съ одинаковою непреложностью и въ явленіяхъ природы, и въ судьбѣ человѣка. Изъ временъ года самое поэтическое, самое неистощимое для сближеній и описаній, — весна. Общее возрожденіе природы весною не могло остаться нѣмымъ событіемъ для религіи, проповѣдующей духовное возрожденіе человѣка. Сочувственный взглядъ на весеннее возрожденіе выразился цѣлымъ рядомъ сравненій видимой природы, оживающей отъ лучей весенняго солнца, съ душою человѣка, оживленной лучами евангельскаго свѣта. И это не простое сравненіе, а выраженіе соотвѣтствія необходимаго, глубокаго и таинственнаго. Роскошное убранство природы есть тотъ величественный даръ, который царица годовыхъ временъ, т. е. весна, приноситъ царицѣ дней, т. е. пасхѣ, празднику воскресенія Спасителя. Слѣдовательно, между природою и человѣкомъ - христіаниномъ признается живая связь: у нихъ есть общая радость. Такой взглядъ ясно высказанъ лучшимъ представителемъ византійской литературы, которому въ этомъ случаѣ послѣдовалъ и

нашъ авторъ. — Въ словѣ «на недѣлю новую, на весну и на память мученика Маманта» ¹⁾ Григорій Богословъ († 391) говоритъ: «Нынѣ небо прозрачно; нынѣ солнце выше и златовиднѣе; нынѣ кругъ луны свѣтлѣе, и сонмъ звѣздъ чище. Нынѣ примиряются волны съ берегами, облака съ солнцемъ, вѣтры съ воздухомъ, земля съ растеніями, растенія со взорами. Нынѣ источники струятся прозрачнѣе, нынѣ рѣки текутъ обильнѣе, разрѣпившись отъ зимнихъ узъ. Лугъ благоухаетъ, растеніе цвѣтеть, трава поскѣбается, и агнцы скачутъ на зланныхъ поляхъ.... Уже земледѣлецъ водружаетъ въ землю плугъ, возводя взоръ горѣ, и призывая въ помощь Подателя плодовъ; уже ведетъ онъ подъярмо вола-оратая, парѣзываетъ пышную борозду, и веселится надеждами. Уже пасущіе овецъ и воловъ настраиваютъ свирѣли, наигрываютъ пастушескую пѣснь, и встрѣчаютъ весну подъ деревьями и на утесахъ.... Уже трудолюбивая пчела, расправивъ крылья и оставивъ улей, показываетъ свою мудрость, летаетъ по лугамъ, собираетъ добычу съ цвѣтовъ, и иная обдѣлываетъ соты.... иная складываетъ медъ.... Уже птица вьетъ себѣ гнѣздо,.... а иная летаетъ вокругъ, оглашаетъ лѣсъ, и какъ-бы разговариваетъ съ человѣкомъ», и т. д. — У Кирилла Т., также въ словѣ въ «недѣлю новую» по пасхѣ, такъ описывается торжество природы: «Нынѣ небеса просвѣтились, совлеки съ себя темныя облака, какъ вретѣща, и свѣтлымъ воздухомъ славу Господню исповѣдаютъ.... Нынѣ солнце, красуясь, къ высотѣ восходитъ, и радуясь, землю огрѣваетъ.... Нынѣ луна, сойдя съ высшей ступени, большому свѣтилу воздастъ честь.... Нынѣ весна красуется, оживляя земную природу; бурные вѣтры, тихо повѣвая, плодотворятъ землю, и земля, питая сѣмена, раждаетъ зеленую траву.... Нынѣ новорожденные агнцы и тельцы быстро бѣгаютъ, скачутъ, и скоро возвращаясь къ матерямъ, веселятся. Пастыри же, играя на свирѣли, съ веселіемъ славятъ Христа....

¹⁾ Творенія св. Отцовъ. Т. IV. Творенія Григорія Богослова. Слово 44, стр. 141—151.

Нынѣ деревья пускають ростки; цвѣты, распускаясь, благоухаютъ, и сады издають сладостный запахъ. И дѣлатели, трудясь съ надеждою, призываютъ Подателя плодовъ, Христа.... Нынѣ ратаи слова приводятъ словесныхъ тельцовъ къ духовному ярму, проводятъ раломъ креста бразду покаянія, и сѣя духовное сѣмя, веселятся надеждами будущихъ благъ.... Нынѣ трудолюбивая пчела, показывая свою мудрость, всѣхъ удивляетъ. Пчела — образъ монашества: какъ они, живя самокорміемъ въ пустыняхъ, удивляютъ ангеловъ и людей; такъ и она, летая по цвѣтамъ, дѣлаетъ медовые соты, давая и людямъ сладкое, и церкви потребное. Нынѣ всѣ доброгласныя птицы церковныхъ ликовъ, гнѣздяся, веселятся», и т. д.

При всемъ сходствѣ приведенныхъ мѣстъ нельзя не замѣтить, что Кириллъ Туровскій находился и подъ другимъ вліяніемъ, менѣе благопріятнымъ. Его главный образецъ, Григорій Богословъ, представилъ поэтическую картину, и символическій смыслъ ея выразилъ словами: «царица годовыхъ временъ исходитъ во срѣтеніе царицъ дней, и приноситъ въ даръ» и т. д. Примѣненія ограничиваются однимъ обращеніемъ къ слушателямъ: «о если бы поступали такъ и мы, Христовъ пчельникъ, мы, имѣющіе передъ собою такой образецъ мудрости и трудолюбія», и однимъ — къ себѣ самому, какъ къ поэту и оратору: «хвалебная ихъ пѣснь дѣлается моею: отъ нихъ я беру поводъ къ пѣснословію». Но Кириллъ Туровскій, по примѣру позднѣйшихъ византійскихъ ораторовъ, ищетъ таинственнаго смысла не въ цѣломъ, а въ частностяхъ, дѣлаетъ постоянныя примѣненія, и тѣмъ ослабляетъ дѣйствіе поэтической картины. У него разумѣются не видимыя небеса, а духовныя — апостолы, которые, познавъ Господа, забывъ печаль свою и страхъ отъ иудеевъ, и осѣнившись Святымъ Духомъ, проповѣдаютъ воскресеніе Христа. Луна уступающая мѣсто большому свѣтлу, это — ветхій законъ, воздающій честь новому. Весна красная — вѣра Христова; бурные вѣтры — грѣховные помыслы; земля — естество наше,

принимающее сѣмя слова Божія и раждающее духъ спасенія, и тому подобныя аллегорическія толкованія.

Представляемъ важное для объясненія Кирилла Т. мѣсто изъ слова Григорія Богослова — въ подлинникѣ и старинномъ переводѣ.

Ἴδε γὰρ οἷα τὰ ὁρώμενα ἢ βασι-
λισσα τῶν ὥρων, τῇ βασιλίδι τῶν
ἡμερῶν πομπέει καὶ δωροφορεῖ
παρ' ἑαυτῆς, πᾶν ὅτι κάλλιστον καὶ
τερπνότερον. νῦν οὐρανὸς διαυγέ-
στερος. νῦν ἥλιος ὑψηλότερος καὶ
χρυσοειδέστερος. νῦν σελήνης κύ-
κλος φανότερος, καὶ ἀστέρων
χορὸς καθαρώτερος. νῦν αἰγιαλοῖς
μὲν κύματα σπένδεται, ἡλίῳ δὲ
νέφος· ἄερί δὲ, ἄνεμοι. γῇ δὲ, φυ-
τοῖς· φυτὰ δὲ, ὄφεισι. νῦν πηγαὶ
διαυγέστερον νάουσι. νῦν δὲ ποτα-
μοὶ δαφιλέστερον τῶν χειμερίων
θεσμῶν λυθέντες, καὶ λειμῶν
εὐώδεϊ, καὶ φυτὸν βρύει, καὶ κείρε-
ται πόα, καὶ ἄρνες ἐπισχιρτῶσι
χλοεραῖς ταῖς ἀρούραις. ἄρτι μὲν
ναῦς ἐκ λιμένων ἀνάγεται σὺν κε-
λεύσμασι, καὶ τούτοις ὡς τὰ
πολλὰ φιλοθέοις, καὶ τῷ ἰστίῳ
πετροῦται, καὶ περισχιρτᾷ δελφίς
ἀναφυσῶν ὡς ἡδίστον καὶ ἀναπεμ-
πόμενος, καὶ παραπέμπει πλω-
τῆρας σὺν εὐθυμίᾳ. ἄρτι δὲ γε-
ωργὸς ἄροτρον πῆγνυται ἄνω
βλέπων, καὶ τὸν καρποδότην ἐπι-
καλοῦμενος. καὶ ὑπὸ ζυγὸν ἄγει

Видѣть бо, какова видимаа: црѣца
временемъ црѣци днемъ посы-
лаеть и дароносить ѿ своихъ
все, еже что добрѣише и крас-
нѣише. Нынѣ нбо свѣтлѣише;
пынѣ солнце высочайше и
златовиднѣише; нынѣ лжнѣ
кржгъ прозрачнѣи и звѣздамъ
ликъ чистѣйши; нынѣ оубо мо-
реть волненія изливаются,
сѣнцу же облакъ, въздохж
же вѣтры, земля же сады, са-
дове же видѣнью. Нынѣ оубо
источьници прозрачнѣйше истѣ-
кають; нынѣ же рѣкы силнѣе
земленыхъ оузъ ѿрѣшившеса,
и цвѣтъ блгооухаеть, и садъ то-
чить, и жнетса трава, и агньци
играють оу зеленыхъ нивъ.
Нынѣ оубо корабль ѿ приста-
нищъ възводится съ ѣдры, и
симъ тако много люботечны-
имъ, и ѣдромъ въскрѣлается, и
играеть дельфинъ, въздоуваа
такъ сладцѣ и въспжшаемъ, и
ѿсылаеть пловца съ блгод-
шіемъ. Нынѣ же ратаи рало
погржжаеть, горѣ зра, и плодо-

βοῦν ἀρότην, καὶ τέμνει γλυκεῖαν
αὐλάκα; καὶ ταῖς ἐλπίσιν εὐφραί-
νεται. ἄρτι δὲ ποιμὴν καὶ βουκό-
λος ἀρμύζονται σύριγγας, καὶ
νόμιον ἐμπνέουσι μέλος, καὶ φυ-
τοῖς καὶ πέτραις ἐνεαρίζουσιν.
ἄρτι δὲ φυτὸν φυτουργὸς θερα-
πεύει, καὶ ἰεζυτὴς καλὰ μους οἰκο-
δομεῖ καὶ ὑποβλέπει πτόρθους,
καὶ περιεργάζεται πτερὸν ὄρνιθος,
καὶ ἀλιεύς βυθούς διορᾷ, καὶ δίκ-
τυον ἀνακαθαίρει, καὶ πέτρας
ὑπερκαθέζεται. ἄρτι μὲν ἡ φιλερ-
γὸς μέλισσα τὸ πτερὸν ἐλκύσασα,
καὶ τῶν σίμβλων ἀπαναστάσα
τὴν ἑαυτῆς σοφίαν ἐπιδείκνυται,
καὶ λειμῶνας ἐρίπτταται, καὶ συλᾷ
τὰ ἄνθη. καὶ ἡ μὲν πονεῖ τὰ κη-
ρία τὰς ἐξαγώνους καὶ ἀντιθέτους
σύριγγας ἐξυφαίνουσα, καὶ τὰς
εὐθείας ταῖς γωνίαις ἐπαλλάτ-
τουσα, ἔργον ὁμοῦ κάλλους καὶ
ἀσφαλείας· ἡ δὲ μέλι ταῖς ἀποθή-
καις ἐναποτίθεται καὶ γεωργεῖ
τῷ ξενίζοντι, καρπὸν γλυκὺν καὶ
ἀνήροτον. ὥς ὄρελόν γε καὶ ὑμεῖς
ὁ Χριστοῦ μελισσῶν καὶ τοιοῦτο
λαβόντες σοφίας καὶ φιλοπονίας
ὑπόδειγμα. ἄρτι δὲ καλλιὰν ὄρνις
πήγνυται, καὶ ὁ μὲν ἐπανέρχεται,
ὁ δὲ εἰσοικίζεται, ὁ δὲ περιίπτα-
ται, καὶ καταρῶνεῖ τὸ ἄλσος, καὶ
περιλαλεῖ τὸν ἀνθρώπον. πάντα
Θεὸν ὑμνεῖ καὶ δοξάζει φωναῖς

дателя призываетъ, и подъ
гаремъ ведетъ вола орачь, и
прочертаеть сладкжю браз-
доу, и надеждами веселится.
Нынѣ же пастырь и говадарь
сгаждаетъ свѣрѣли, и пастырь-
скыи въздыхають гласъ, и са-
довыи и каменіемъ весноуютъ.
Нынѣ же садъ садовѣлатель на-
падаетъ, и мельникъ трости тво-
рить, и взираеть проутіи, и
преликжеть перо птичье. И
рибарь глѣбины съзираеть и
мрѣжю очищаетъ, и на каме-
нехъ сѣдитъ. Нынѣ оубо любо-
дѣльная пчела, крыло ѿвлѣкши
и ѿ воцинтъ вѣставши, свою
прѣмоудрость показжеть, и
цвѣтомъ прикасается, и кра-
детъ цвѣтца, и ова оубо дѣ-
лаеть съты шестооугльныи и
спротивоположныи съты истъ-
кающи и прѣкыи оуглы прѣ-
мѣнающи, дѣло вкоупѣ до-
броты и оутверженія. Сіа же
медь въ кровѣхъ полагаетъ, и
съдѣловаеть набдащемоу плодъ
сладокъ и неоранъ. Іѣко по-
лезно оубо и мы, Хѣвыи пче-
линь, и таковую приѣмше пре-
мѣдрости и любодѣтельства
притчю. Нынѣ же гнѣздо
птица взать, ова исходить,
ова же вселается, ова же

ἀλαλήτοις. ἐπὶ πᾶσι γὰρ εὐχαρι-
τεῖται δι' ἐμοῦ Θεός. καὶ οὕτως ὁ
ἐκείνων ὕμνος, ἡμέτερος γίνεται,
παρ' ὧν ἐγὼ τὸ ὕμνεῖν λαμβάνω.
νῦν μὲν γελᾷ πᾶν ζῶων γένος,
καὶ πᾶσαν αἰσθῆσιν ἐστιώμεθα.
νῦν δὲ ὑψαύχην ἵππος καὶ ἀγέ-
ρωχος τοῖς οἴκοις δυσχεραίνων,
καὶ τὰ δεσμὰ τυραννήσας, κρο-
αίνει κατὰ πεδῖον, καὶ ποταμοῖς
ῥαίζεται¹⁾).

окрѣтъ лѣтаеть и оглашаетъ
лоугъ и оувѣщаваеть чѣка; вса
Бѣа поють и славать гласы
негѣльными. О всѣхъ бо бл҃года-
ритса мною Бѣ. И тако онѣхъ
пѣніе мое бываетъ, ѿ нпхже
азъ еже пѣти пріемлю. Нынѣ
оубо смеетса всакъ животень
родъ, и всако чювьство почоу-
ваемъ. Нынѣ же высоковыивъ
конь и гордъ, въ храминахъ
тоужа и оузы преторгнувъ,
ногама оудараетъ по полехъ, и
рѣками красжетса²⁾).

Замѣтимъ, что нашимъ авторомъ удачно выпущены мѣстные черты оригинала, не соответствующія туровской или кievской природѣ. Онъ не упоминаетъ ни о кораблѣ, который выводится изъ пристани и окривляется парусомъ; ни о дельфинѣ, играющемъ около корабля, неумоимо сопровождая пловцовъ, и т. п.

Какъ царица временъ, весна, была символомъ жизни, такъ зима — символомъ смерти, физической и нравственной. Такое значеніе имѣютъ весна и зима не только въ византійской символикѣ, но и въ произведеніяхъ, не подлежащихъ византійскому вліянію, и отчасти даже въ народной поэзіи. Чѣмъ памятникъ ближе къ византійскимъ образцамъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ представленіе отвлеченное, духовное: подъ жизнію понимается живая, теплая вѣра, стремленіе къ добру; подъ смертію — холодное без-

1) S. Gregorii Nazianzeni opera. Coloniae, 1690. T. I, стр. 703—704.

2) Рукопись гр. Уварова № 530, F.—слова Григорія Богослова.

вѣріе и коснѣніе во злѣ. Народная поэзія олицетворяетъ признаки видимой жизни и всѣмъ понятнаго веселья и невзгоды.

Кирилль Туровскій признаетъ весну символомъ вѣры и добродѣтели, и противопоставляетъ ей зиму, какъ символъ невѣрія и грѣха. «Весна убо красная — говоритъ онъ — вѣра есть Христова, яже крещеніемъ поражаетъ человѣческое паки естество». Бурные вѣтры, отъ дѣйствія весны, дѣлаютъ землю плодотворною: это значить — грѣховные помыслы, претворившись въ добродѣтель покаяніемъ, приносятъ душеполезные плоды. Напротивъ того, зима служитъ символомъ зла, грѣха. «Нынѣ, говоритъ Кирилль Т., зима грѣховная прекращена покаяніемъ, и ледъ невѣрія растаялъ отъ разумѣнія Божества. Зима языческаго кумирслуженія прекращена апостольскимъ ученіемъ и Христовою вѣрою; ледъ невѣрія Ѳомы растаялъ отъ показанія Христовыхъ ребръ».

Въ другихъ памятникахъ находимъ не символическое изображеніе, а олицетвореніе временъ года, нечуждое аллегоріи. Въ рукописяхъ встрѣчается такое сравненіе временъ года съ возрастами жизни человѣческой: *«весна наречеса яко дѣва преукрашенна, красотою и добротою сіяюща, чюдна и преславна, яко всѣмъ дивитися добротѣ ея. Любима бо всѣми; родить бо ся въ ней всяко животно; радости и веселія исполнена: — сипцева есть весна. Прообразуетъ бо весна юность житія человеческого. Лѣто же нарицается мужъ тихъ, богатъ и красенъ, питая многія человѣки, и прилежно смотря о всемъ дому, и любя прилежно дѣло, безъ лѣности, до вечера безъ упокоя: — таковъ есть мужъ лѣто. Прообразуетъ бо совершеніе возраста житія сего человѣческаго. Осень есть подобна женѣ старой, и богатой, и многочадной, овогда же дряхлющи и сѣтующи, и плодомъ земнымъ скудостію и овощемъ; иногда же радующися о чадѣхъ, и плодомъ земнымъ и овощемъ изобильно всѣмъ. Прообразуетъ осень старость житія человеческого. Зима подобна мачихѣ злой, ярой и немилостивой, злойравной. Егда добра, и тогда не щадить; а овогда знобить безъ милости и мучить, грѣхъ ради на-*

шихъ: — сидева есть зима. *Прообразуетъ* бо старость послѣд-
няго житія человеческого болѣзнь, и скорбь, и *сконча́нiе жи-
воту нашему*. Блаженъ челоуѣкъ, иже поживетъ въ разумѣ
блазѣ и трезвѣ, состарѣвся умереть»¹⁾. — Олицетворенія вре-
менъ года весьма обычны какъ въ литературныхъ памятникахъ
средневѣковой Европы, такъ и въ живописи и скульптурѣ.
Большею частью олицетворяются они въ видѣ мальчиковъ или
юношей. Весна держитъ лилію или собираетъ розы; лѣто жнетъ
серпомъ колосья; осень держитъ виноградную вѣтвь; зима, съ
лопатою или факеломъ, стоитъ между разведеннымъ огнемъ и
деревомъ безъ листьевъ. Подобный же взглядъ на различіе вре-
менъ выражается и въ нашей пословицѣ: «весна красна цвѣтами,
а осень снопами».

Мысль, заключающаяся въ другой пословицѣ: «зимѣ да лѣту
союзу нѣту», развилась въ цѣлую группу пѣсень, повѣрій, игръ,
извѣстную подъ именемъ «борьбы годовыхъ временъ». Эта борьба
изображаема была и письменною словесностью, какъ напр. въ
стихотвореніи *Conflictus veris et hiemis*, приписываемомъ Бедѣ
(† 735); преимущественно же она была и остается до сихъ поръ
предметомъ народной поэзіи у западныхъ Европейцевъ и у Сла-
вянъ. И у тѣхъ и у другихъ зима служитъ символомъ смерти.
Мальчикъ, покрытый соломой, представляетъ зиму, а покрытый
плющомъ — лѣто. Они начинаютъ бороться, и борьба оканчи-
вается побѣдою лѣта, а съ побѣжденной зимы снимаютъ ея со-
ломенный уборъ; во время борьбы поютъ:

stab aus, stab aus, stecht den Winter die Augen aus!

Въ другой пѣснѣ:

Wir haben den Tod hinausgetrieben,
den lieben Sommer bringen wir wieder,
den Sommer und den Maien
mit Blümlein mancherleien.

1) Рукопись графа Уварова, № 536, Q, л. 155—155 об.

Въ чешской пѣснѣ:

giž nesem Smrt ze wsy
nowe Leto do wsy;
witey, Leto libezne,
Obiljčko zelene!

Или:

Smrt plyne po wode,
nowe Leto k nam gede...

Вмѣсто зимы выводится смерть, очевидно, потому, что зимою замираетъ все въ природѣ. Независимо отъ подобнаго представленія, внѣ борьбы годовыхъ временъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, а также у Чеховъ и Лужичанъ, есть обрядъ изгнанія смерти. Она изображается въ видѣ соломеннаго чучела, которое топятъ въ водѣ или сжигаютъ. Съ этимъ обрядомъ соединяется символическое значеніе побѣды надъ демонами, т. е. языческими богами, которые, хотя и удалены христіанствомъ, но не совершенно потеряли свое вліяніе, обнаруживая его враждебнымъ для человѣка дѣйствіемъ зимы¹⁾.

Изъ сказаннаго нами видно, что одинаковые мотивы являются и въ письменной и въ устной словесности западныхъ народовъ съ весьма давняго времени. У насъ и въ XII вѣкѣ существовало различіе въ мотивахъ между народною и книжною словесностью: по крайней мѣрѣ, между символическою Кирилла Туровскаго и образами народной поэзіи незамѣтно постоянной, внутренней связи и тождества воззрѣнія. Только въ языкѣ мелькаютъ слѣды живой, народной рѣчи. Такъ эпитетъ: *красная* при словѣ: *весна* принадлежитъ народной поэзіи; *весна красная* — говорить Кириллъ Туровскій, и также называетъ ее народная пѣсня:

1) *Grimm*: Deutsche Mythologie. 1844. cap. XXIV.—*Piper*: Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst. 1851. Erstes Bandes zweite Abtheilung. s. 311—339.—*Снегирева*: Русскіе престонародные праздники. 1838. Выпускъ 3-й, стр. 1—16 и друг.

Весна, весна красная,
приди, весна, съ радостью,
съ великою милостью:
со льномъ высокіимъ,
съ корнемъ глубокіимъ,
съ хлѣбами обильными.

Или:

Весна красная, на чемъ пришла, на чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ, на бороночкѣ, на овсяномъ снопу,
на ржаномъ колосу.

Общая радость природы, изображенная въ приведенномъ нами мѣстѣ по византійскому образцу, представлена Кирилломъ Т. и въ словѣ на Вознесеніе. Это слово весьма замѣчательно; въ немъ довольно свѣжести въ образахъ и свободы въ ихъ расположеніи. Сюжетъ для картины взятъ изъ Св. Писанія и церковныхъ пѣсней, преимущественно относящихся къ изображаемому празднику. Въ развитіи сюжета участвовало воображеніе болѣе, нежели въ другихъ словахъ того же автора. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно и вліяніе византійское, въ подробностяхъ рисунка.

Мѣста изъ Св. Писанія и церковныхъ пѣсней служили источникомъ вдохновенія для византійскихъ художниковъ съ древнѣйшихъ временъ византійскаго искусства. Слова Исаи: «отъ ночи утренюетъ духъ мой къ тебѣ, Боже» (XXVI, 9) изображаются въ рукописяхъ IX—X в. такъ: пророкъ съ поднятыми руками; надъ нимъ — благословляющая рука Господа; пророкъ стоитъ между фигурами ночи и утра; ночь — въ видѣ женщины, въ одной рукѣ ея — факелъ, обращенный внизъ, другою она поддерживаетъ устѣянное звѣздами покрывало; утро — въ видѣ мальчика, легко одѣтаго, съ факеломъ въ рукѣ, пламенемъ вверхъ. — Въ другой картинѣ, на деревѣ, рождество Спасителя представлено такимъ образомъ: въ глубинѣ пещеры (вертепа) сидитъ святая дѣва; передъ нею въ ясляхъ дитя; далѣе пастухи и ангель, пере-

дающій имъ радостную вѣсть, а въ вышинѣ небесныя силы, славословящія рождество Христа; внизу волхвы, приведенные звѣздою; а въ сторонѣ — земля, въ видѣ престарѣлой женщины, въ зеленой нижней одеждѣ и въ красной верхней, принимаетъ дитя въ свои объятія, и т. д. Смыслъ картины объясняется надписью у подножія сидящаго при входѣ пророка: «дѣва днесъ пресущественнаго (ὑπερῶσιον) рождаетъ, и земля вертепъ неприступному приноситъ; ангелы съ пастухами славословятъ; волхвы же съ звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися отъ роча младо — предвѣчный Богъ» — слова церковной пѣсни на праздникъ Рождества Христова¹⁾.

Воображеніе русскаго писателя XII вѣка составило, подъ вліяніемъ византійскаго аллегоризма, слѣдующую картину, заимствованную изъ псалмовъ и дѣяній, изъ повѣствованія пророка Захаріи, евангелиста Маттея, апостола Павла²⁾. На гору Елеонскую приходитъ Спаситель и собираются лики патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, и множество людей вѣрующихъ. Тамъ и ангельскія силы и архангельскія воинства: одни на крыльяхъ вѣтра приносятъ облака, чтобы взять отъ земли Христа; другіе готовятъ престолъ. Богъ Отецъ ждетъ его, а Духъ Святый велитъ принять врата небесныя. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила; земля радуется, и вся тварь красуется. Ангелы, патріархи, праведники, всѣ присутствующіе напутствуютъ Христа вдохновенными пѣснями. Онъ обѣщаетъ имъ прислать утѣшителя, благословляетъ ихъ, и возносится на небо: свѣтлое облако подымаетъ его и уноситъ на крыльяхъ вѣтра. Съ собою взявъ Христосъ и души человѣческія въ даръ Отцу. Ангелы хотятъ отворить врата небесныя; но привратники не позволяютъ: это — врата Господни, говорятъ они, и изъ земныхъ никто сюда не ходитъ. Ангелы убѣждаютъ ихъ, говорятъ, что это — Сынъ Божій, что онъ сошелъ съ неба такъ, что никто изъ нихъ и не

1) *Piper*, *Mythologie*. II, 358—360, 69—71 и др.

2) См. слово Кирилла Туровскаго на Вознесеніе, стр. 52—55.

услышалъ, и что теперь возвращается на небо. Не покоримся, пока не услышимъ его голоса, отвѣчаютъ привратники. Тогда Христосъ сказалъ: отворите мнѣ врата правды; я войду, и разскажу Отцу моему, что я на землѣ сдѣлалъ и вытерпѣлъ. И узнали Христа по голосу, и павши поклонились ему.... Духъ Святый выходитъ ему на встрѣчу, а Богъ Отецъ привѣтствуетъ его словами: Ты — Сынъ мой; сядь одесную меня; посадилъ его на престолѣ, и увѣнчалъ его, а серафимы воспѣли: положилъ на главу его вѣнецъ, славою и честью увѣнчалъ его, и т. д.

Впечатлѣніе, производимое мастерскою для своего времени картиною, нѣсколько нарушается примѣсъю византійскаго аллегоризма и риторики, какъ напримѣръ, противоположеніемъ Елеонской горы Синайской. Но чтобы судить объ относительномъ достоинствѣ Кириллова изображенія, надобно сравнивать его съ тѣмъ, что находимъ въ подобномъ родѣ у другихъ древнихъ и старинныхъ писателей нашихъ. Наивность и общедоступность образовъ, возникшихъ при участіи воображенія, тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что у послѣдующихъ ораторовъ онѣ становятся все блѣднѣе и блѣднѣе. Въ XVII столѣтіи византійскій символизмъ уступаетъ мѣсто схоластической рутинѣ. Въ словахъ Симеона Полоцкаго на Вознесеніе, общее съ Кирилломъ Т. содержаніе измѣнилось отъ обилія образовъ и поясненій, подобныхъ слѣдующимъ: «подъятъ же его облакъ, не яко апостолы святыя отъ разсѣянія носай въ Геоспманію на погребеніе преблагословенныя Богоматере; по славу величествія его являяй... Спутствоваху ему и ангели, но не пособіе дѣюще восхожденію его, точію же бо честь ему должную творяще, и ко служенію являюще готовость» и т. д. ¹⁾).

VI.

Символическое воззрѣніе чаще всего примѣнялось къ событіямъ церковнымъ, къ свидѣтельству Св. Писанія. Такое примѣ-

1) Обѣдъ душевный. Москва. 1681, л. 71, об.—83.

неніе объясняется преобладавшимъ характеромъ древнерусской образованности, духомъ вѣка. Толкованія Кирилла Т. представляютъ сходство съ ихъ византійскими первообразами. Такъ, Теофилактъ, архіепископъ болгарскій (до 1107 г.), извѣстный своими толкованіями на Св. Писаніе, вшествіе Иисуса Христа въ Іерусалимъ (Мато. XXI) изъясняетъ такимъ образомъ: *жребя*—новые, языческіе народы; *предшествоующіе*—пророки, жившіе до воплощенія Христа; *послѣдующіе*—мученики и учителя, которые одежды свои постилають Христу, то есть тѣло покоряють духу, ибо тѣло есть одежда и покрѣвъ души; они разостлали тѣла свои на *пути*, т. е. по Христѣ, ибо онъ сказалъ; я есмь путь и т. д.¹⁾ Совершенно такое же толкованіе предлагаетъ и Кириллъ Т. въ словѣ въ недѣлю цвѣтоносную: *жребя*—язычники, увѣровавшіе во Христа; другіе, ломая вѣтви, полагали ихъ по *пути*: добрый и правый путь есть Христосъ; *предшествоующіе*—пророки и апостолы; *послѣдующіе*—святители мученики и пр.

Обширнымъ поприщемъ для символизма были священныя преданія и истины христіанства, и самое мѣсто, гдѣ онѣ возвышались, т. е. храмъ. Храмъ—земное жилище Бога, долженъ, сколько возможно, уподобиться его небесной обители. Отсюда символическое значеніе храма. Его обыкновенно сравнивали съ Ноевымъ ковчегомъ, въ которомъ избранные спаслись отъ всеобщей гибели. Служеніе Богу должно быть не только внѣшнее, но преимущественно внутреннее; оттого въ древнѣйшія времена христіанства несравненно болѣе вниманія обращали на внутренность храмовъ, украшая ее съ необычайнымъ великолѣпіемъ, и не заботились о внѣшнемъ убранствѣ и красотѣ. Не смотря на блескъ и роскошь, древнѣйшія церкви напоминаютъ сельскія постройки; онѣ кажутся, по замѣчанію одного ученаго, виолеемскимъ вертепомъ, обогащеннымъ дарами маговъ. Средоточіе храма, алтарь, былъ обращенъ съ востока на западъ, ибо съ во-

1) Theophilacti, archiepiscopi Bulgariae, commentarii in quatuor evangelia. Lutetiae Parisiorum. 1635. — Правосл. Собесѣдникъ, изд. при Казанской духовной академіи. 1856. Книжка 3, стр. 357—358.

стока восходитъ солнце, освобождающее міръ отъ тьмы, и служащее символомъ Спасителя. Въ церковь вело трое дверей, узкихъ и низкихъ, въ знакъ смиреннаго и узкаго пути, ведущаго въ жизнь вѣчную. Куполы поддерживались двѣнадцатыя колоннами, въ честь двѣнадцати апостоловъ, и т. п.¹⁾

Аллегорическое значеніе храма вело къ сравненію его съ духовною природою человѣка. Евсевій Кесарійскій (260—340), описывая храмъ, построенный тирскимъ епископомъ, говоритъ: «назначивъ для храма пространство гораздо обширнѣе прежняго, весь этотъ объемъ епископъ оградилъ извнѣ стѣною, чтобы огражденное мѣсто было самымъ безопаснымъ убѣжищемъ для каждаго.... Вступившему во врата ограда онъ не позволилъ вдругъ нечистыми и необмытыми ногами войти въ самое святилище: но между храмомъ и вратами ограда оставивъ весьма большое мѣсто, украсилъ его со всѣхъ сторонъ четырьмя полукруглыми портиками, и далъ ему видъ четвероугольника, поддерживаемаго вездѣ столпами.... Онъ не переставалъ вправлять въ васъ — то блестящее золото, то чистое серебро, то благородные и драгоценные камни.... Назидая души правдою, онъ раздѣлялъ силы всего народа по различію достоинствъ. Однихъ оградилъ только внѣшнею стѣною, т. е. твердою вѣрою. Другимъ ввѣряя входы во храмъ, повелѣлъ стоять у дверей, и входящихъ отводить на своя мѣста. Иныхъ поставилъ въ видѣ первыхъ столповъ, окружающихъ четвероугольное преддверіе, вводя ихъ въ уразумѣніе буквальнаго смысла четырехъ евангелій.... Собравъ вездѣ и отвсюду живые, твердые и крѣпкіе камни душъ, онъ устроилъ изъ нихъ великій и царственный домъ, исполненный блеска и свѣта извнѣ и внутри»²⁾. Въ посланіи Кирилла Т. къ

1) Ср. *Wolfgang M nzel*: *Christliche Symbolik*. 1854. II, 477 — 488. — *Quast*: *Ueber Form, Einrichtung und Ausschmückung der ältesten christlichen Kirchen*. 1853. — *Albert de Broglie*: *L'Eglise et l'empire romain au IV-e siècle*. 1856. Chapitre VI, p. 169—177.

2) Сочиненія Евсевія Памфила, переведен. съ греч. при С.-Петербур. духовн. акад. 1848. Ч. I, стр. 563—564 и 571—573.

печерскому архимандриту, Василию, находится слѣдующее уподобленіе: «ты создалъ вокругъ всего монастыря высокія и прекрасныя, каменные стѣны на твердомъ основаніи. Для этого во-первыхъ, заготовилъ ты денежныя средства; потомъ, при помощи огня, приготовилъ плиноу, и наконецъ совершилъ дѣло при помощи воды и извести.... Когда же ты хочешь создать духовную храмину, то положи въ основаніе ея вѣру, и на немъ зижди надежду и любовь, какъ плиту; брєніе твоего тѣла смѣшай съ водою — съ цѣломудріємъ, чтобы душа твоя возвышалась какъ храмъ. Поставь ей опору, какъ столпъ, Божию помощь, чтобы, если и сойдутъ на нее, какого бы то ни было рода, дождь и рѣки, она пребыла непоколебима, какъ наковальня, ни отъ добрыхъ, ни отъ худыхъ людей. Введи въ свою храмину мать и жену, т. е. кротость и смиреніе. Обнеси свою храмину отъ воровъ отовсюду оградой, т. е. страхомъ Божиимъ и молитвою, и приставь къ пей стража—умъ любомудрый»¹⁾).

VII.

Господство аллегоризма въ нашей письменности, бывшей подъ вліяніемъ византійскимъ, дѣйствуя вообще стѣснительно, имѣло однакожъ и свою хорошую сторону. Она состояла въ томъ, что аллегорическое, нравственное значеніе разсказа давало ходъ самому разсказу, не препятствовало его распространенію. Назиданіе, извлекаемое посредствомъ аллегорическаго объясненія, удовлетворяло строгимъ требованіямъ книжниковъ; на массу же читателей производили свое дѣйствіе занимательныя подробности разсказа. Самымъ занимательнымъ проявленіемъ аллегоріи въ литературѣ была *притча*, апологъ. Притча сдѣлалась у насъ одною изъ любимыхъ литературныхъ формъ, принесенныхъ изъ Византіи. Книжники наши усердно переписывали византійскіе апологи, передѣлывали ихъ по своему, и рѣшались даже на собственные опыты въ томъ же родѣ.

1) Прибавл. къ изд. твор. св. отц. 1851. Ч. X, стр. 348 — 349 и 354 — 355.

Въ Византіи приточный характеръ повѣствованія явился отчасти, но не исключительно, подъ вліяніемъ библейскимъ. Ветхому Заѣту не чужды аллегорическія повѣствованія. Одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ этого рода, извѣстныхъ въ славянскихъ переводахъ, представляетъ притча, переданная въ книгѣ Судей, IX, 6 — 20. По смерти Гедеона, оставившаго 70 сыновей, Авимелехъ избилъ сыновей его, и былъ поставленъ царемъ Сихемлянами. Оставшійся въ живыхъ, младшій сынъ Гедеона предлагаетъ Сихемлянамъ притчу слѣдующаго содержанія. Деревья пошли поставить себѣ царя, и сказали оливѣ: будь нашимъ царемъ; олива отвѣчала: не покину я сочности своей, прославленной Богомъ и людьми, и не пойду владѣть деревьями. Деревья обратились къ смоковницѣ: прпди, царствуй надъ нами. Не оставляю, отвѣчала она, своей сладости своего прекраснаго плода, и не пойду владѣть вами. Деревья стали просить виноградиую лозу: прпди, будь нашимъ царемъ. И лоза отвѣчала: не оставляю вина своего, веселящаго Бога и людей, и не пойду владѣть вами. Тогда всѣ деревья предложили тернію быть царемъ, и терніе согласилось, сказавши: если дѣйствительно избираете меня царемъ, то войдите подъ сѣнь мою; если же нѣтъ, то пусть огонь выйдетъ изъ тернія и сожжетъ кедры. Такъ и вы—заключаетъ рѣчь свою Іоаамъ—поставивши царемъ сына рабыни, и избивши сыновей его, если поступили справедливо, будете благоденствовать съ Авимелехомъ; если же нѣтъ, то—да выйдетъ огонь изъ Авимелеха и пожретъ Сихемлянъ. Въ Новомъ Заѣтѣ притча служитъ постояннымъ образомъ выраженія. — Въ литературѣ византійской она также достигла значительнаго развитія. Назовемъ тѣ произведенія приточнаго содержанія, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ притчамъ Кпрілла Туровскаго.

У Кпрілла Т. замѣтно заимствованіе притчей преимущественно изъ Пролога и изъ Исторіи Варлаама и Іосифа.

Въ Прологахъ XIII, XIV, XV и XVI в. находится подъ 28 сентября краткое описаніе жпзни и страданій чешскаго князя Вячеслава и другихъ святыхъ, а затѣмъ—«притча о тѣлѣ чело-

вѣческомъ, и о душѣ, и о воскресеніи мертвыхъ». Въ нѣкоторыхъ прологахъ не встрѣчаемъ «притчи», какъ напримѣръ, въ прологѣ гр. Увар., № 70, XIII в., краткомъ и безъ русскихъ прибавленій. Но въ другихъ только и есть подъ 28 сентября, что притча, какъ напр. въ прологѣ гр. Увар., XIV в., № 83.— «Притча» въ прологѣ буквально сходна съ словомъ Кирилла Т., названнымъ также «притчею о человѣческой душѣ и о тѣлѣ, и о преступленіи Божіихъ заповѣдей, и о воскресеніи тѣлъ человѣческихъ, и о будущемъ судѣ, и о мукѣ.» Последняя притча представляетъ распространеніе и поясненіе мысли и образа, опредѣленно выраженныхъ въ первой. Поэтому притчу Кирилла Т. можно признать заимствованною изъ пролога.—Прилагаемъ для сличенія «притчу» по списку харатейнаго пролога Публичн. Библиотеки Отд. I, № 48, съ вариантами изъ харатейнаго же Погодин. пролога.

Притча изъ Пролога:

Чѣмъкѣ нѣкто добра роду насади винограда, и оплотомъ огради¹⁾, и ѿхода в домъ оца своего, кого, рече, створю стража винограду²⁾ моему? Аще бо оставлю сдѣ ѿ престателъ моихъ, то потеряють моя трудъ. Но сице створю: посажю оу вратъ слѣпца съ хромъчемъ; да аще отъ врагъ моихъ кто захочеть окрасти виноградъ мой, слѣ-

*Притча Кирилла Туровскаго: *)*

Человѣкъ нѣкто домовитъ **) бѣаше, иже насади виноградъ, и огради оплотомъ, и ископа точило, и остави входъ, и сотвори врата, но не затвори входа. И отходя въ свой домъ, кого, рече, оставлю стража моему винограду? Аще оставлю отъ слушающихъ ми рабъ, то, свѣдуше мою кротость, истеряють моя благая. Но сице створю: при-

(*) Рукопись гр. Уварова Q № 610, л. 123—138.—Памятники Россійск. Словесн. XII вѣка, стр. 132—152. —Соборн. Моск., 1647, л. 436—447 об.

(**) Ср. Матѣ. XXI, 33, 34: «рече Гѣ притѣхъ снѣхъ: человекъ нѣкъи домовитъ, иже насади виноградъ, и оплотъи и огради, и ископа въ немъ точило, и съѣзда стѣпъ, и въдасть и дѣлательемъ, и отиде. ꙗгда же приближися вѣмъ плодомъ, посла рабы своя къ дѣлательемъ приити плоды яго» (Остромир).—То же Марк. XII, 1, 2.

1) оплете. 2) стража своему притѣжанію.

пець оубо чюеть¹⁾, а хромьць видить; аще ли кто ѿ сею въсхощеть, хромьць оубо не имать ногу дойти, слѣпецъ же, аще поидеть, то во пропастьхъ убыѣтса. И посадивъ ꙗ оу вратъ, ѿиде.

Иноа долѣ²⁾ сѣдащама, рѣ слѣпецъ хромю: что оубо блгоуханѣ се повѣвантъ издну вратъ³⁾. ѿвѣща хромьць: многа блга ꙗ гна наю внутрюудъ⁴⁾, ихже неизреченно вкушенек; по понеже премудрилъ⁵⁾ ксть гнѣ наю, ꙗ посади тебе слѣпаго, мене же хромого, ꙗ не можевѣ тѣхъ никакоже дойти ꙗ насытитиса. ѿвѣща слѣпецъ хромчю, гла: почто давно нѣси ми сего возвѣстилъ, да быховѣ не

ставлю ко вратомъ хромца ꙗ слѣпца; да аще кто отъ врагъ моихъ восхощетъ окрасти мой виноградъ, то хромьць убо видить, слѣпецъ же чюеть; аще ли отъ сею восхошетъ внити кто въ виноградъ, хромьць убо не имать ногу дойти внутреннихъ, слѣпецъ же, аще поидеть, то заблудитъ въ пропастьхъ, ꙗ убиетса. И посадивъ ꙗ оу вратъ, дастъ има власть на всѣхъ внѣшнихъ, пищу же ꙗ одѣяніе неоскудно уготова, но точію рече: внутреннихъ безъ моего не коснетася повелѣніа. И тако отъиде, повѣдавъ имъ свой приходъ по времени

Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпецъ къ хромцю: что се убо благоуханіе извнутрьюу вратъ полетаеть на мя? Отвѣща хромьць: многа благая господина наю внутрь суть, ихъже вкушенія неизреченна сладость; по понеже премудръ есть наю господинъ, ꙗ посади тебе слѣпа, мене же хромого, ꙗ не можевѣ никакоже тѣхъ дойти, ꙗ насытитиса благинъ. Отвѣщавъ, глагола слѣпецъ: да

1) слѣпецъ оучюеть.
лѣтаеть извну вратъ.

2) надолѣ.
4) внутрь суть.

3) что оубо блгоуханіе се на-
5) премдръ ѣсть.

жадала? Ащъ бо азъ слѣпъ есмь, но нозѣ имамъ, и силенъ есмь носити тебе: възми кошь, и всади на мои плещи¹⁾, и азъ несу те, ты же ми путь повѣдай; и всѣ бѣга гѣна наю обукмлевѣ.

И кгда придетъ гѣнъ наю, оукрыется ѿ него наю дѣло: аще бо мене възпросить, азъ реку: ты вѣси, гѣне, яко слепъ есмь. Аще ли тебе възпросить, ты же рчи: азъ хромъ есмь; и тако премудрѣю²⁾ наю гѣна. Всѣдъ же хромецъ на слѣпца, и, дошедша, окрадоста оwoщъ гѣна своего.

По времени же, приде гѣнъ винограда, и видѣвъ кого окра-

почто давно нѣси ми сего повѣдалъ, да быховѣ не жадала, но къ симъ, даннымъ намъ въ область, идема, и она собѣ восхитима. Аще бо азъ слѣпъ есмь, но имамъ нозѣ, и силенъ есмь, могій носити тебе и бремя. Виждь, душевное бремя — грѣхъ, того ради глаголетъ пророкъ: яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ*). Рече же слѣпецъ: возми кошь, и всади на мя, и азъ тя ношу, ты же показуй ми путь, и вся благая господина наю обукмлевѣ....

Аще ли, рече, придетъ сѣмо господинъ наю, укрывается отъ него наю дѣло: аще бо мене възпросить о татѣбѣ, азъ реку: ты вѣси, господине, яко слѣпъ есмь. Аще ли тебе възпросить, ты рчи, яко азъ хромъ есмь, и не могу тамо дойти; и тако упримудривѣ господина наю, и примевѣ мзду нашея стражбы. Всѣдъ же хромецъ на слѣпца, и, дошедша, окрадоста вся внутренняя благая господина своего....

Видѣвъ же онъ челоvѣкъ свой окраденъ виноградъ, вос-

1) всади на мѣ.

2) прѣмудрѣю.

*) Псал. XXXVII, 5.

дена, повелѣ привести слѣпца, и гла кѹму: не добра ли та стража моему сѣтворихъ¹⁾ винограду, то почто кѹго окралъ еси? Оувѣща слѣпецъ: гнѣе, ты вѣси, яко азъ слѣпъ есмь: да аще быхъ хотѣлъ, то не вижю дойти; но покралъ естъ хромьць, а не азъ.

Тогда повелѣ гнѣ блюсти слѣпца, дондеже призоветъ хромча.

Призвану же хромцю, начаста са сама обличати²⁾. Хромьць же глѣше слѣпцю: аще не бы ты носилъ мене, никакоже моглъ быхъ дойти³⁾, понеже хромъ есмь. Слѣпецъ глѣше: аще не бы ты мнѣ путь казалъ, како быхъ дошълъ тамо азъ⁴⁾. Тогда гнѣ, сѣдъ на судищи, начать има судити. Рѣ же има:

хотѣ разлучити слѣпца отъ хромца, и повелѣ первѣе привести слѣпца, да его опробуетъ... Приведену же бывшу слѣпцу, бысть опробованіе: не добра ли ты, рече, стража поставихъ моему винограду, то почто его еси окралъ? Отвѣща слѣпецъ: Господи! ты вѣси, яко азъ слѣпъ есмь, и не вижю, безъ водящаго мя, камо ити; ни видѣ не единого (мѣста); ни чюхъ же никогоже, минующа мене враты, да быхъ крѣпко въ слѣдъ его вопилъ; но мню, Господи, яко хромьць естъ кралъ....

Тогда повелѣ господинъ блюсти слѣпца въ укромнѣ мѣстѣ, идѣже самъ вѣсть, дондеже прійдетъ самъ къ винограду, и призоветъ хромца, и тогда судитъ обѣма....

Егда же прійдетъ господинъ взяти плодъ отъ винограда, и видѣвъ его окрадена, призва хромца и совокупи съ слѣпцемъ, и начаста сами ся обличати. Хромьць глаголаше къ слѣпцю: аще не бы ты мене носилъ, никакоже азъ моглъ бы тамо дойти, понеже хромъ есмь. Слѣпецъ же глаголаше: аще не бы

1) стража поставихъ винограду моему.
быхъ тамо дойти.

2) обличати.
4) пути казалъ, не быхъ тамо дошелъ.

3) моглъ

быть

яко еста крали, тако да садѣть хромѣцъ на слѣпца. Вшедшю же хромцю на слѣпца, повелѣ бити ю немѣтивъ¹⁾.

Разумѣйте же сѣя притча силу. Члѣвкъ естъ добра рода — Хъ, Снъ Бйй. А виноградъ — землю и миръ сѣи глѣть. Оплоть же — законъ и заповѣди. Слугы же, суцаа с нимъ — англы мѣнять. Хромча же тѣло мѣнять члѣвче, а слѣпца — дшю юго²⁾. А иже посади оу вратъ — члѣву оубо предасть въ область вса земнаа³⁾. Преступшю⁴⁾ же юму заповѣди Бйа, и того ради смѣртью осужену бывшю, приводится, дша юго к Бѹ, и оправдаѣтся, глѣци, яко не азъ, Гй, преступихъ твоа заповѣди, но тѣло. И того ради нѣ мученыа дшамъ до втораго пришествия, но блудомы суть, идеже Бъ вѣсть.

ты мнѣ казалъ путь, не быхъ азъ тамо дойти могъ. Тогда господинъ, сѣдъ на суднѣмъ столѣ, начатъ има судити, и рече: якоже еста краля, тако да всядетъ хромѣцъ на слѣпца. Вшедшю же хромцю, повелѣ предъ всѣми своими рабы немилостивно казнити, и въ кромѣшней мучити темници: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.

Разумѣйте же, братіе, сѣя притча сказаніе. Человѣкъ есть домовитъ — Богъ-Отецъ, всяческихъ творецъ; его же Сынъ добра рода — Господь нашъ Иисусъ Христосъ. А виноградъ — землю и миръ сей на-рицаеть. Оплоть же есть законъ Божій и заповѣди. Слуги же, суцаа съ нимъ, — ангелы глаголетъ. Хромѣцъ есть тѣло члѣвче, а слѣпца душу его именитъ. А иже ихъ посади у вратъ — члѣву бо предасть въ область всю землю, давъ ему законъ и заповѣди. Преступившю же члѣву повелѣніе Божіе, и того ради смертію осуждену бывшю, первое душа душа его къ Богу приводится,

1) немѣтивно. 2) Хромѣцъ же — тѣло члѣвче, а слѣпецъ — дша юго.

3) Члѣву бо предасть всю землю.

4) Преступившю.

егда же придет¹⁾ обновити землю и вскрѣсть оумершаго, по Павлу глѣущю, — тогда вси, сущіи въ гробѣхъ, оуслышать глѣ Сѣна Бѣга, и оживуть, и изидуть сътворшеи бѣга въскрѣшенныи живота, а створшеи зла въскрѣшенныи суда *). Тогда бо паки дѣши въ тѣлеса внидутъ, и примуть възданіа по дѣломъ своимъ, и ѿшлются грѣшници въ тму кромѣшнюю³⁾: ту буде плача³⁾ и скрежеть зубьмъ, а праведници — въ жизнь вѣчную.

и спирается, глаголюще: не азъ, Господи, но тѣло есть согрѣшило. И того ради нѣсть мученія душамъ до втораго пришествія, но блюдомы суть, идѣже Богъ вѣсть. Егда же придетъ обновити землю, и воскресити вся умершая, якоже самъ Христосъ прежде глагола: тогда вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и оживуть, изыдутъ, сотворшеи благая въ воскресеніе живота, а сотворшеи злая — въ воскресеніе суда. Тогда бо душа наша въ тѣлеса внидутъ; и примуть воздаяніа — комуждо по своимъ дѣломъ: праведници — въ вѣчную жизнь, а грѣшници — въ безконечную и безсмертную муку; имъ же бо кто согрѣшаетъ, тѣмъ и мученія будутъ. Спсе же мнѣ о сихъ сказавшу не отъ своихъ умыслѣній, но отъ святыхъ книгъ, да нѣсть се мое слово, но бесѣда: нѣсмь бо учитель, якоже оны церковніи му-

*) Іоан. V, 25, 28, 29: «мертвиіи услышатъ гласъ Сѣна Божіа, и слышавъше, оживятъ.... вси, сщщеніи въ гробѣхъ, услышатъ гласъ ѿго, и изидуть створшшии блага въ въскрѣшеніи живота, а створшшии зла — въ въскрѣшеніи суда» (Остром.).

1) придетъ.

2) в муку.

3) ту будетъ плачь.

жіе, о Христѣ Господѣ нашемъ,
ему же слава со Отцемъ и Св.
Духомъ, нынѣ и присно и во
вѣки вѣкомъ. Аминь.

Притчу о домовитомъ человѣкѣ, въ томъ видѣ, какъ она находится въ Евангеліи, Теофилактъ Болгарскій объясняетъ такъ: «человѣкъ домовладыка есть Господь, названный человѣкомъ по своему человѣколюбію. Виноградъ есть народъ іудейскій, насажденный Богомъ въ землѣ обѣтованной. Оплоть означаетъ законъ, не позволявшій Іудеямъ смѣшиваться съ язычниками, или святыхъ ангеловъ, хранившихъ Израиля. Точило — жертвенникъ, столпъ — храмъ, дѣлатели — учителя народа, фарисеи и книжники¹⁾.»

Въ Исторіи царевича Іоасафа, или повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, описывается жизнь индійскаго царя Іоасафа, обращеннаго въ христіанскую вѣру пустынникомъ Варлаамомъ. Изъ земли Сенаарской приходитъ въ Индію купецъ, является къ царевичу Іоасафу, и предлагаетъ ему драгоценный камень; этотъ купецъ — пустынникъ Варлаамъ, а драгоценный камень — слово Божіе. Бесѣды Варлаама оказываютъ сильное дѣйствіе на царевича: онъ принимаетъ христіанство, и рѣшается посвятить жизнь свою Богу. Достигнувъ цѣли своей, наставникъ удаляется, выражая надежду на скорое и неразлучное соединеніе съ ученикомъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ воротить пустынника, начинаютъ напрасныя усилія отклонить Іоасафа отъ христіанства. Сила вѣры новообращеннаго сломила волю отца, и онъ, слѣдуя примѣру сына, принимаетъ христіанскую вѣру. По смерти отца Іоасафъ вступаетъ на престолъ, но скоро оставляетъ его, и удаляется въ пустыню, гдѣ снова встрѣчается съ Варлаамомъ и не разлучается съ нимъ въ теченіе всей его жизни.

Греческій текстъ «Варлаама и Іоасафа» помѣщенъ въ изданіи Боассонада: *Anecdota graeca*. 1832. Т. V. стр. 1—365.

1) Православный Собесѣдникъ. 1856. кн. 3, стр. 370—371.

Литературная исторія «Варлаама и Іоасафа» изложена Донлопомъ въ литературной исторіи повѣстей, переведенной, съ важными дополненіями, Либрехтомъ¹⁾. — Славянскій переводъ и въ рукописяхъ и въ старопечатныхъ книгахъ, какъ напримѣръ «Исторія или повѣсть святаго и преподобнаго отца нашего Іоанна, иже отъ Дамаска, о преп. отцѣ Варлаамѣ пустынножителѣ и о Іоасафѣ, царѣ индійстѣмъ», изд. въ Москвѣ, 1681 г. Нѣкоторыя изъ притчъ, заключающихся въ этой исторіи, помѣщены отдѣльными статьями въ нашихъ старинныхъ сборникахъ.

Наставленія свои Варлаамъ предлагаетъ преимущественно въ видѣ притчъ. Неразумное служеніе идоламъ Варлаамъ сравниваетъ съ легкомысліемъ челоуѣка, о которомъ слышалъ отъ мудраго мужа слѣдующую притчу. Одинъ птицеловъ поймалъ соловья, и хотѣлъ его заколотъ и съѣсть. Соловей взмолился о пощадѣ: что пользы тебѣ въ смерти моей? говоритъ онъ, вѣдь ты не найдешь мною; если же пощадишь меня, то дамъ тебѣ три зарока, которые принесутъ большую пользу. Первый совѣтъ: не гоняйся за тѣмъ, чего поймать не можешь; второй — не жалѣй о томъ, что уже миновало; третій — не вѣрь никогда неправдѣ. Удивленный птицеловъ выпустилъ соловья. Соловей, желая узпать, какъ подѣйствовали его совѣты, сказалъ: какое сокровище выпустилъ ты изъ рукъ: у меня внутри драгоцѣнный камень величиною въ строфокамилово яйцо. Запечалился птицеловъ о своей оплошности, и сталъ заманивать къ себѣ соловья, обѣщая отпустить оъ честью. Соловей укоряетъ его, говоря: теперь-то я узналъ твое безуміе: не можешь догнать меня на лету, а пытаешься поймать; раскаяваешься, что выпустилъ меня, значить — жалѣешь о томъ, что уже миновало; думаешь, что во мнѣ камень величиною въ строфокамилово яйцо, хотя оно гораздо болѣе меня, а я тебѣ далъ зарокъ: не вѣрить неправдѣ, и т. п.

Къ притчамъ присоединяется и аллегорическое объясненіе.

1) John Dunlop's Geschichte der prosadichtungen oder geschichte der romane, novellen, u. s. w. 1851. s. 27—32.

У жителей одного города, говорить Варлаамъ, былъ такой обычай: они избирали царемъ своимъ пришельца никому неизвѣстнаго, и давали ему полную власть; но по прошествіи года изгоняли его. Одинъ изъ царей не поддался обольщенію роскоши, и, узнавъ объ ожидающемъ его изгнаніи, заблаговременно отправилъ все свое богатство на мѣсто будущаго заточенія. Подъ именемъ города разумѣй міръ, подъ именемъ гражданъ — начала и власти бѣсовскія, соблазняющія насъ, подъ именемъ богатства — вѣчное блаженство, и т. д.

На вопросъ Іоасафа, какъ можетъ обратиться къ истинной вѣрѣ отецъ его, Варлаамъ отвѣчалъ такою притчею. Былъ царь, добрый и кроткій, мудро правившій царствомъ; но не зналъ истинной вѣры, и поклонялся идоламъ. Лучшій изъ совѣтниковъ его ожидалъ удобнаго времени, чтобы раскрыть всю неправду идолослуженія. Случай представился: царь предложилъ ему пройти съ нимъ ночью по городу; они отправились, и увидѣли на пути пещеру, и въ ней бѣдняка, покрытаго рубищами, а передъ нимъ — жепщину, съ чашей въ рукѣ, поющую сладкую пѣсню. Царь позавидовалъ блаженству бѣдняка. Совѣтникъ объяснилъ ему, что блаженство суждено тѣмъ, которые возлюбили вѣчность болѣе временной жизни. Если бы и у отца твоего, прибавляетъ Варлаамъ, были подобныя совѣтники, они могли бы навести его на путь истинный. Прежде, нежели найдеть его отецъ, возразилъ Іоасафъ, я самъ готовъ отказаться отъ всѣхъ сокровищъ своихъ, чтобы получить вѣчную жизнь. Исполнивъ это, говоритъ ему Варлаамъ, ты будешь подобенъ юношѣ, который отказался отъ знатной невѣсты, и избралъ дочь старика, казавшагося нищимъ, но хранившаго, невидимо отъ людей, драгоцѣннѣйшее сокровище. Она была единственная дочь у отца своего, и обладала необыкновеннымъ умомъ. Юноша видѣлъ ее при входѣ къ мнимому нищему, говорилъ съ ней, и дивился ея чудному разуму, и т. д.

Этою притчею воспользовался Кириллъ Туровскій въ «повѣстп къ Василію игумену о бѣлоризцѣ», и пр. Начало повѣсти сходно съ притчею, которую приводимъ въ подлинникѣ и ста-

ринномъ переводѣ — по списку Увар. Q, № 732. Подробности нѣсколько измѣнены: царь ходитъ по городу съ дочерью, и видѣтъ въ пещерѣ оружіе, о которомъ не заботился во все время своего управленія. Аллегорическое толкованіе распространено сообразно съ цѣлью повѣсти: показать значеніе монашеской жизни.

Истор. Варлаама и Иоасафа.

Притч. Кир. Тур.

<p>Ἀκήκοα γὰρ βασιλέα τινὰ γεγονέναι πάνυ καλῶς τὴν ἑαυτοῦ οἰκο- νομοῦντα βασιλείαν, πράως τε καὶ ἡπίως τῷ ὑπ' αὐτὸν κεχρημέ- νον λαῷ, ἐν τούτῳ δὲ μόνῳ σφαλλόμενον, τῷ μὴ πλουτεῖν τὸν τῆς θεογνωσίας φωτισμόν, ἀλλὰ τῇ πλάνῃ τῶν εἰδώλων κατέχεσθαι. Εἶχε δὲ τινα σύμβουλον ἀγαθόν καὶ παντοίως κεκοσμημένον τῇ τε πρὸς τὸν Θεὸν εὐσεβείᾳ καὶ τῇ λοιπῇ πάσῃ ἐνα- ρέτῳ σοφίᾳ· ὅς, ἀχρό- μενος καὶ δυσχεραίνων ἐπὶ τῇ πλάνῃ τοῦ βα- σιλέως καὶ βουλόμενος αὐτὸν περὶ τούτου ἐλέγ- ξαι, ἀνεχαιτιζέτο τῆς ὀρμῆς, δεδοικώς μὴ κα-</p>	<p>Слышашъ бо цѣра нѣкоего бывша (и) зѣло добрѣ свое стро- ище цѣртво, кротка же и тиха суща су- щимъ подъ нимъ лю- демъ, въ семъ же еди- номъ съгрѣшающа, еже не разоумѣти бѣгороумѣа просвѣ- щенія, но идольскою лестію одержжимъ сынъ. Имаше бо нѣко- его свѣтника блга и весма оукрашена, еже къ Бѣгу, блговѣріемъ и прочею всакою добродѣтелною премъ- ростію, иже скорбаше о прелести цѣрвѣ и хо- таше его о семъ об- личити, въспащаше же са ѿ деръзновенія (и) боаса, да не зло-</p>	<p>Въ нѣкоемъ градѣ бѣваше цѣрь зѣло блѣгъ, кротокъ же и млѣивъ, добрѣ смотра ѿ свой делѣ; си же точію не бѣ разѣменъ, поне¹ не боишѣ бѣжества, ни ратнаго держаше ѿружиа: не мнаше бо иномѣ нанѣ вѣста- ти. Имѣаше же оу собо цѣрь то многы д¹) совѣтнѣкы и единѣ щедрь²) мѣжѣомнѣ. В тѣхъ же свѣтнѣцѣхъ единъ бѣ мрѣ и блѣго- разуменъ, иже прѣно- скорбаше ѿ небоазнѣ- стве цѣревѣ, но ѿбаче искаше подобна вре- мене, како бы емѣ глати цѣрю, дабы са готовилъ на ра². Въ единъ же чѣ ноши</p>
--	--	--

1) Въ руси только д, а другія буквы вырваны: должно быть, по смыслу, *дочери и*. 2) т. е. дщерь.

κῶν πρόξενος ἑαυτῷ τε
καὶ τοῖς αὐτοῦ ἐταῖροις
γένοιτο καὶ τὴν γινο-
μένην δι' αὐτοῦ πολλῶν
ὠφέλειαν περικόψειεν.
Ἐζήτει δὲ ὁμῶς καιρὸν
εὖθετον τοῦ ἐλκῦσαι
αὐτὸν πρὸς τὸ ἀγαθόν.

Φησὶν οὖν ἐν μιᾷ
νυκτὶ πρὸς αὐτὸν ὁ βα-
σιλεύς· «Δεῦρο δὴ, ἐξέλ-
θωμεν καὶ ἐμπεριπατή-
σωμεν τὴν πόλιν, εἴ-
πού τι τῶν ὠφελούν-
των (ὀφειλομένων) ὀφύ-
μεθα». Ἐμπεριπατούν-
των δὲ αὐτῶν τὴν πό-
λιν, εἶδον φωτὸς αὐγὴν
ἀπὸ τινος τρυμαλιᾶς
λάμπουσας· καὶ ταύτη
τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐπιβα-
λόντες, βλέπουσιν ὑπό-
γειόν τι ἀντρῶδες οἶκη-
μα, ἐν ᾧ πρὸς καθέζετο
ἀνὴρ ἐσχάτη συζῶν πε-
νία καὶ εὐτελῇ τινα
περικείμενος ῥάκισι. Πα-
ρίστατο δὲ ἡ γυνὴ αὐ-
τοῦ οἶνον κινῶσα. Τοῦ
δὲ ἀνδρὸς τὴν χύλικα
ἐπὶ χεῖρας λαβόντος,
λιγυρὸν ἄδουσα μέλος
ἐκείνη, τέρψιν αὐτῷ ἐνε-
ποίει ὀρχομένη, καὶ

ходатаи себе же и
другомъ будетъ сво-
имъ, и бывающею ѿ
него многимъ ползоу
присѣчетъ. Искаше
же обаче времени по-
добна привлещи его
на блъгое. Рече оубо
к нему въ единому
нощъ црь: гради (и)
изыдевѣ и походявѣ
по градуу, егда нѣчто
полезно узрѣвѣ. Хо-
дащема же има сквозѣ
градъ, видѣста свѣта
зарю ѿ нѣкоего окон-
ца сіающеу, и на сію
зраше придоша и ви-
дѣста подъ землею нѣ-
кое ꙗко пещероу жи-
лище, в ней же сѣ-
даше моужь, въ по-
слѣднеи нищете жи-
выи и въ хоуды нѣ-
кіа ризы оболъченъ.
Предстоише же жена
его, вино черплющи
ему, моужеви же
стекланицоу въ роу-
цѣ въземшю, сладкою
пѣснь възспѣвающи,
сладость емоу твора-
щи поющи и моужа
похвалами оуслажа-

внезапѣ по градѣ мол-
ва бѣ велика, и рече
црь къ своиꙗ свѣт-
нікъ: изыдеꙗ и по-
хѡмъ по градѣ, негли,
ѡбрѣтше, имеꙗ тво-
ращаго в нашемъ
градѣ матежь, зѣло
бо ѿнѣ в велицѣ
страстѣ есмь. Ишѣше
же всюдѣ похожьше,
нѣчто же ѡбрѣтше,
но точию движені
грѣу. Всѣмъ же свѣт-
нікъ въ ѡныи быв-
шиꙗ, ѡ семь недо-
мыслищиꙗса, ѡнъ
блѣгоразѣмны свѣт-
нікъ, поемъ цѣра и съ-
дщерію его, и при-
веде къ велицѣ горѣ,
имоущі многа и раз-
лична ѡрѣжіа, в ней
же узрѣста зарю
свѣтлѣ, ѡконцеꙗ из
пещеры исходящѣ. И
принѣхъвша къ кѡцѣ
томѣ, видѣста внѣтръ
вертепа жилище, в
нем же сѣдаше мѡжь,
в последніи жива ни-
щетѣ, хѣдыми ѡбле-
ченъ вретѣщи, емѣ
же близѣ приседаше

τὸν ἄνδρα ἐγκωμίους
καταθέλγουσα. Οἱ πε-
ρὶ τὸν βασιλέα τοίνυν,
ἐπὶ ὥραν ἰκανὴν ταῦτα
κατανοοῦντες, ἐθαύμα-
ζον ὅτι, τοιαύτη πιεζό-
μενοι πενία ὥς μήτε
οἴκου εὐπορεῖν μήτ' ἐσ-
θῆτος, οὕτως εὐθύμως
τὸν βίον διῆγον. Καί
φησὶν ὁ βασιλεὺς τῷ
πρωτοσυμβούλῳ αὐτοῦ·
«Ὡ τοῦ θαύματος, φί-
λε, ὅτι ἐμοὶ τε καὶ σοὶ
οὐδὲ οὕτως ὁ καθ' ἡμᾶς
ποτὲ ἤρεσε βίος, τοσαύ-
τη δόξῃ καὶ τρυφῇ περ
διαλάμπων, ὥς ἡ εὐτε-
λὴς αὕτη καὶ ταλαίπω-
ρος ζωὴ τούτους δὴ τοὺς
ἀνοήτους τέρπει, καὶ
ἡδύνει λείος αὐτοῖς καὶ
προσηνῆς ὁ τραχὺς οὖ-
τος καὶ ἀπευκταῖος βίος
καταφαινόμενος!»¹⁾).

ющи. Сущии же съ
ѵремъ на мнози тако-
выхъ смотряюще див-
лахоуся, ꙗко таковою
стоужаема вищетою,
ꙗже ни домоу имѣти,
ни одежда, тако весело
живаста житіе. И ре-
че ѿрь первосвѣтѣни-
коу своему: оле чю-
до, о дружѣ, ꙗко мнѣ
же и тебѣ николиже
наше житіе годѣ бы
толикою славою и пи-
щею блистаа, ꙗкоже
хоудаа сѧ и стран-
ная жизнью сею пе-
разумно украшають-
са, и наслажають
гладко сѧма, и при-
стоупно жестокое се
и горкое житіе ꙗвля-
тса.

своа жена, слашѣ
брашна пѣ поющи.
Прѣстоаша же емѣ
нѣкто красенъ, вы-
сокъ, на тверде ка-
менѣ, питаа и, и вино
черпаа; и приемшѣ
мѣжу чашѣ, тогда по-
хвалами венчевахѣ и
многую радостію мѣ-
жа. Сѧ вса съгла-
давъ ѿрь прѣзва своа
дрѣгы, и рѣ к нѣмъ:
оле чюдо, дрѣзи мои,
како хѣдое се и по-
таенное житіе чѣтѣи
нашего державы ве-
селитса, и свѣтлѣе
внѣшнѣ нѣтренаа
сѧю²⁾.

Измѣненіе притчи Кирилломъ Туровскимъ могло произойти также подъ вліяніемъ какого-либо разсказа восточнаго происхожденія. По крайней мѣрѣ, въ индійской словесности извѣстны повѣствованія о царяхъ, не заботящихся объ оружіи и даже бо-
ящихся его. Такъ въ одномъ произведеніи помѣщенъ разсказъ слѣдующаго содержанія. На землю царя Парибгадра (Pari-

1) *Anecdota graeca.... descripts. annotat. illustr. I. Fr. Boissonade. Parisiis. Vol. IV. 1832. стр. 135—136.*

bhadra) напали непріятеля. Совѣтники его предлагали ему стать во главѣ войска и прогнать непріятеля. Царь медлилъ, а опасность становилась все сильнѣе и ближе. Наконецъ раздался звукъ непріятельскихъ барабановъ. Тогда царь сказалъ: «лѣкаря утверждаютъ, что звукъ барабана производитъ боль въ животѣ, и потому я долженъ какъ можно скорѣе удалиться изъ города». Совѣтники возразили: «не отъ звука барабана, а отъ трусости — боль въ животѣ». Но трусь все таки убѣжалъ, потерявъ и престолъ и царство¹⁾.

VIII.

Аллегорія, постоянная спутница притчи, является въ старинныхъ рукописяхъ нашихъ, между прочимъ, въ характеристической формѣ «вопросовъ и отвѣтовъ». Эти «вопросы и отвѣты», разсѣянные по разнымъ сборникамъ, заимствованы большею частью изъ письменныхъ источниковъ, какъ напримѣръ изъ апокрифовъ, и др.; но нѣкоторыми чертами они сближаются съ произведеніями народной словесности: между вопросами есть и *загадки*, и т. п. Укажемъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ, находящихся въ связи съ сочиненіями Кирилла Туровскаго.

Кириллъ Т. въ словѣ о разслабленномъ говоритъ: купальня, называемая вноездю, имѣющая пять притворовъ (крытыхъ ходовъ), есть «образъ святаго крещенія, въ которомъ Святый Духъ, приходя, даетъ здоровье душѣ и тѣлу, и очищеніе отъ грѣховъ. Если кто слѣпъ разумомъ, или хромъ невѣріемъ, или изсушенъ отчаяніемъ, или разслабленъ еретическимъ ученіемъ, — всѣхъ дѣлаетъ здоровыми вода крещенія. Та купѣль многихъ принимала, но исцѣляла только одного, и то не всегда, а однажды въ годъ; а купѣль крещенія оживляетъ многихъ ежедневно, и если бы пришли къ ней люди со всей земли, не уменьшилась бы Божія благодать, дающая исцѣленіе отъ болѣзней грѣховныхъ».

1) См. Berichte über die verhandlungen der königlich-sächsischen gesellschaft der wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Classe. 1857. I. s. 32.

Ср. въ вопросахъ и отвѣтахъ: *Вопросъ*: что есть овчая купѣль, пять притворовъ имущи? *Толкъ*: овчая купѣль образуется крещеніе. Та бо купѣль была жидовскимъ людемъ тѣлесемъ на исцѣленіе, и тоже было во едино время и единому человѣку. А нынѣ есть крещеніе не единого ради человѣка, но и во всю вселенную; не токмо тѣлеса исцѣляетъ, но и душа освящаетъ, и грѣхи очищаетъ. А притворы суть пятеры — пять чувствъ въ человѣцѣ душевныхъ грѣховъ и пять помыслъ злыхъ: первое — зависть, второе — ненависть, третье — осужденіе, четвертое — хула, пятое — нарицаемая ересь. Разслабленъ бо человѣкъ — не вѣруя во Святую Троицу¹⁾.

Аллегорію «притчи о бѣлоризцѣ» Кирилль Т. объясняетъ такъ: «градъ есть составленіе человѣческаго образа... царь же есть умъ, обладая всѣмъ тѣломъ... совѣтницы же сугъ и друзи — житейскія мысли, не дающе намъ ни о смерти помыслити». Въ вопросахъ и отвѣтахъ: *Вопросъ*: а что: горе тебѣ, граде, въ немже царь юнъ, а бояре равно пьютъ и ѣдятъ? *Отвѣтъ*: Градъ есть душа человѣка, а царь юнъ — умъ несмысленъ, а бояре пьянчивые — помыслы лукавые. Или, *вопросъ*: А что есть градъ, и въ немъ царь юнъ, и взяли у него волю бояре? А градъ есть человѣкъ, а царь у него въ головѣ — умъ, а бояре — мысли²⁾.

Подъ названіемъ: «отъ бесѣдъ св. отецъ» встрѣчаются подобныя толкованія: «Нѣкій царь славенъ зѣло имѣетъ градъ верху горы высоки зѣло, нѣсть бо къ нему ни приступу, ни приходу, развѣ богопарныхъ птицъ, а богопарныя птицы въ сѣтехъ ловящихъ. *Толкъ*: Царь есть Христосъ; а градъ — горній Іерусалимъ; а нѣсть бо къ нему ни прихода, ни приступа, развѣ избранныхъ душъ; а богопарныя птицы — сирѣчь, грѣшныхъ души — увязаютъ въ сѣтехъ ловящихъ, и оставляеми бывають въ руки врагомъ»³⁾.

Въ притчѣ о человѣческой душѣ и о тѣлѣ Кирилль Т. говоритъ: «что есть хромецъ и слѣпецъ? хромецъ есть тѣло человѣче,

1) Рпсѣ Увар. № 527, Q, л. 114 об.—115.
об., 149 об.—150.

2) Рпсѣ Увар. № 536, Q, л. 147.

3) Рпсѣ Увар. № 461. Q, л. 42.

а слѣпецъ — душа;.... тѣло безъ души хромо есть, и не наре-
чется человѣкъ, но трупъ». Ср. въ вопросахъ и отвѣтахъ: «а что:
слѣпецъ узрѣлъ заяца, а хромый постигъ, а нагому за пазуху
положилъ? Слѣпецъ — душа человѣча, а хромецъ — тѣло; а заяцъ
въ полѣ — то есть питіе и яденіе; а нагому за пазуху положилъ,
то во уста вложилъ»¹⁾. Или: «*вопросъ*: слѣпецъ узрѣ въ чистѣ полѣ
бѣла заяца; хромецъ, устигше, ялъ заяца, да, принесши, нагому
въ пазуху положи? *Толкъ*: слѣпецъ — душа, хромецъ — тѣло,
заяцъ въ чистомъ полѣ — св. причастіе, нагому въ пазуху по-
ложи, то — нагому причастіе въ уста вложи»²⁾.

Кириллъ Туровскій, въ «сказаніи о черноризчествѣ чину»,
довольно оригинально и наивно объясняетъ обычай простригати
«гуменце» у монаховъ. Израильтяне, говоритъ онъ, выходя изъ
Египта, взяли съ собою кости Іосифовы; сверхъ того, они «за-
мѣшено тѣсто несяху, понеже не даша имъ испечи борзаго ради
шестви́я; возложиша опресноки на главы своя, и тако отъ солнца
испекошася, исползшемъ власомъ, и быша на всѣхъ плѣши: по
сему образу черньцемъ гуменце». — Такое же объясненіе нахо-
димъ и въ вопросахъ и отвѣтахъ: «*вопросъ*: чего есть плѣшь попу
гуменца? *Отвѣтъ*: егда Мойсей проведе люди сквозѣ пустыню,
и тогда начаша печи преспоки отъ солнца на главѣ, Господеви
на службу»³⁾. — Исхода Израильтянъ изъ Египта касается и во-
просъ: «почто изведе Жидовъ изъ Египта въ сапозѣхъ, апо-
столи же боси посла во языки на проповѣданіе? *Толкъ*: того ради
Жидове въ сапозѣхъ изведени быша, соблюдая ихъ Господь отъ
тернія и отъ гада; апостолы же боси — того ради за нихъ рече:
дамъ вамъ власть наступати на змію, и на скоропію, и на вся
силы вражія»⁴⁾.

Въ «Исходѣ» сказано только, что Евреи, побуждаемые къ
скорѣйшему выходу изъ Египта, взяли «муку свою прежде вски-

1) Рпсѣ Увар. № 536, Q, л. 146.

2) Рпсѣ Публ. Библіотеки XVII, Q, 35, л. 226—236 об.

3) Рпсѣ Увар. № 536, Q, л. 149—150.

4) Рпсѣ Публ. Библіотеки XVII, Q, 35, л. 226—236 об.

сенія тѣста», ввязали въ платье и положили себѣ на плечи (XI, 34). Въ латинск. библии: *accepit ipse populus massam suam, nondum fermentatam, mactris suis super humerum suum, quisque circumligatis ad vestes suas.*

Обычай простригать гуменцо издавна извѣстенъ въ Византіи. Въ посланіи патріарха антиохійскаго Петра къ патріарху константинопольскому Михаилу Керуларію († 1059) находимъ слѣдующее свидѣтельство: *τί γάρ πρὸς ἡμᾶς τὸ ξυρᾶσθαι τοὺς ἀρχιερεῖς τοὺς πώγωνας... καὶ ἡμεῖς γάρ γαράραν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς ποιοῦμεν εἰς τιμὴν πάντως τοῦ κορυφαίου τῶν ἀποστόλων Πέτρου, ἐφ' ὃν ἡ τοῦ Θεοῦ μεγάλη ἐκκλησία ἐπακοδόμηται· ὁ γάρ εἰς ὕβριν τοῦ ἁγίου, οἱ δυσσεβεῖς ἐφεύρησαν, τοῦτο ἡμεῖς εὐσεβοῦντες, εἰς δόξαν αὐτοῦ καὶ τιμὴν πεποιήμεθα. Ῥωμαῖοι μὲν ξυρῶντες τοὺς πώγωνας· ἡμεῖς δὲ ἐπὶ κορυφῆς τὴν παπικήν εἰς ἐπιτηδεύοντες¹⁾...* т. е. что намъ до того, что епископы (латинскіе) брѣютъ бороды?... Мы же дѣлаемъ себѣ на головѣ гуменцо въ честь первоверховнаго апостола Петра, на коемъ основана великая церковь Божія. Что нечестивые выдумали въ поруганіе Святому, то мы благочестиво совершаемъ во славу и въ честь его: Римляне брѣютъ бороды, мы же на верхней части головы дѣлаемъ подобіе вѣнца, и т. д.

На подобный же обычай въ Россіи указываетъ слѣдующее мѣсто Кіевской лѣтописи, подъ 1148 годомъ: «ать же пойдѣмъ, всяка душа, аче и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будетъ, и тыи поидеть; а кто поставленъ, ать Бога молить»²⁾).

Замѣчательно, что символическое воззрѣніе, раскрывающееся въ словахъ Кирилла Т., проникло и въ народную поэзію, и притомъ изъ того же самаго источника, т. е. изъ книжной, частью византійской литературы. Уже самый этотъ источникъ показы-

1) *Ecclesiae graecae monumenta, stud. et oper. Johannis Baptistae Cotelarii.* 1681. Т. II. р. 149.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. 1843. т. II, стр 40.

ваетъ, въ какихъ произведеніяхъ народной словесности можно ожидать символизма: онъ является преимущественно въ духовныхъ стихахъ и въ пѣсняхъ, близкихъ къ нимъ, какъ напр. въ слѣдующей:

У насъ было, други, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, на царскомъ дому,
Стояла тамъ церковь соборная,
Соборная церковь богомольная...
*Въ той во церкви пробилъ быстрый ключъ,
Растворились двери, рѣка протекла.*
По той по рѣкѣ суденца плывутъ,
Суденца плывутъ, все судомъ судятъ:
Разсудили судъ, кораблемъ пошли.
Ходить, гуляетъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, сынъ царскій, гребецъ;
На главѣ его смарагдовой вѣнецъ;
Во рукѣ держитъ лазоревой цвѣтъ:
Съ руки на руку перекидываетъ,
Вѣрныхъ, праведныхъ поманиваетъ,
Дорогой товаръ показываетъ.
Этому товару цѣны, други, нѣтъ:
Денегъ не берутъ, даромъ не даютъ;
Раненько встаютъ, трудомъ достаютъ.
Сказать ли вамъ, братцы, про тотъ быстрый ключъ?
*Этотъ быстрый ключъ—Благодать съ Неба,
Растворились двери—дана намъ Вѣра,
Рѣка протекла—рѣчи Божіи,
Рѣчи Божіи, суды грозные.*

Судьба сочиненій Кирилла Туровскаго. — Изданія ихъ. — Исслѣдованія о Кириллѣ Туровскомъ.

IX.

Въ продолженіе всего древняго періода нашей словесности произведенія Кирилла Туровскаго читались, списывались и размѣщались въ разнаго рода сборники. Сочиненія его извѣстны въ спискахъ XIII, XIV, XV, XVI и XVII в. Существеннымъ измѣненіямъ текстъ не подвергся, не смотря на множество списковъ. Различіе между ними ограничивается большею частью пропускомъ или замѣною нѣкоторыхъ выраженій и словъ, перестановкою ихъ, и т. п. Иностранныя слова замѣнялись русскими и наоборотъ; вмѣсто *Месопотамія* писали *Междурѣчье*, вмѣсто *породный* — *райскій*, вмѣсто *параклитъ* — *утѣшитель*, вмѣсто *еологъ* — *богословъ*, и проч. Употребляли то одно, то два отрицанія. Вмѣсто «*исполумертву при пути повержену*» встрѣчается такое раздѣленіе сложнаго слова: «*исполу* при пути повержену *мертву*», и т. п.

Въ нѣкоторыхъ поученіяхъ опущены начала, въ другихъ — заключенія; въ иныхъ — нѣсколько мѣстъ въ срединѣ. — Дополненія замѣтны только въ заимствованіяхъ изъ какого-либо источника, всего болѣе изъ Св. Писанія, частью же изъ сочиненій церковно-историческихъ. Иногда въ древнихъ спискахъ удержаны только необходимыя, по ходу рѣчи, части библейскаго текста, а въ послѣдующихъ приводится текстъ вполне. Преніе Спиридона съ Аріемъ изложено въ позднѣйшихъ спискахъ полнѣе, нежели въ спискахъ XIII—XIV в.

Самое списываніе словъ Кирилла Т. показываетъ до нѣкоторой степени уваженіе къ нимъ. Еще опредѣлительнѣе выражается оно въ отзывахъ о немъ въ старинныхъ памятникахъ, и преимущественно въ подражаніяхъ Туровскому проповѣднику и заимствованіяхъ изъ его сочиненій.

Память о немъ не исчезла и въ XVII столѣтіи, не смотря

на совершавшееся измѣненіе началъ словесности нашей. Петръ Могила († 1646) говоритъ: «azaż y do tych czasow niektorych metropolitow Ruskich kazania na pismie nie mamy? jako osobliwie Cypriana y Hrehoryia Samiwlaka, y inszych takżє kapłanow y zakonnikow, jako Cyrilla Turowskiego, y innych wielu, ktorzy jesli pisac vmieli, pewnie y na pamieć powiadali y lud Boży vczyli»¹⁾).

Въ 1684 г. священникъ городка Орла, Пермской епархіи, составилъ собраніе сочиненныхъ имъ словъ, и далъ сборнику аллегорическое названіе: «Статирь». При составленіи своего труда авторъ пользовался твореніями Златоуста, Григорія Божеслова, Теофилакта, Теодора Студита, Іоанна Экзарха, Иннокентія, папы римскаго²⁾, и друг., преимущественно же словами Симеона Полоцкаго и Кирилла Транквилліона-Ставровецакаго, «дидаскала» и проповѣдника южно-русскаго XVII в. Въмѣстѣ съ извлеченіями изъ названныхъ нами писателей находятся и заимствованія изъ сочиненій Кирилла Туровскаго. Въ словахъ: на педѣлю повую, о разслабленномъ, на вознесеніе, на соборъ отцовъ, и т. д. авторъ приводитъ мѣста изъ поученій Кирилла Т., обозначая его именемъ «Кирилла мниха» или «Кирилла, архіе-

1) Аїѳо; або kamien z prosy prawdy cerkwie świętey prawosławney Ruskiey. 1644, стр. 352.

2) Именемъ Иннокентія означено между прочимъ въ Статирѣ слѣдующее мѣсто: «Всякій младенецъ явѣ отъ сего показываетъ свою бѣдность и нищету, ибо въ рожденіи своемъ ничтоже ино глаголетъ, точію: *а, а*, си есть мужескій полъ; женскій же паче: *е, е*; и тако вси челоуѣцы раждающеся глаголють или *а* или *е*. Сія словеса въ латынскомъ языкѣ велию печаль знаменуютъ. Въ совершенномъ же возрастѣ глаголются отъ печальныхъ челоуѣкъ: *охъ. ууи*. Сія бо плакаше Адамъ лишенія своего прекраснаго рая» (л. 120).—Ср. Geschichte der komischen Literatur, von Flügel. 1784. Ч. I, стр. 29—30: «Innocentius III schreibt: Wenn die Kinder geboren werden, so ruft der Knabe *a*, und das Mägdlein schreit *e*; wodurch sie sich über ihre ersten Eltern Adam und Eva beklagen. Diesem betete der Dominikaner Vivaldus nach und verschönerte noch den Gedanken, wenn er sagt, indem ein Knäublein geboren wird, schreit es: *o, a!* und das Mägdlein: *o, e!* gleich als wenn sie sagten: o Adam, warum hast du gesündigt? O Eva warum hast du gesündigt?».

пископа Турскаго». Заимствованія не буквальные, а съ нѣкоторыми измѣненіями.

У Кирилла-Туровскаго разслабленный говоритъ: «мертва ли себе нареку? но чрево ми пища жelaеть, и языкъ отъ жажа псыхаеть. Жива ли себе помышлю? но не токмо встати съ одра, но ни подвигнути себе не могу; нозѣ имѣю непоступиѣ, руцѣ же не точію бездѣлнѣ, но ни осязати себе тѣма совладѣю. Непогребѣнь мертвецъ разумѣюся, и одръ съ гробъ ми есть; мертвъ есмь въ живыхъ, и живъ есмь въ мертвыхъ, ибо яко живъ питаюся, и якоже мертвъ не дѣлаю. Мучимъ же есмь акы въ адѣ бестудіемъ поносящихъ ми; смѣхъ бо есмь унотамъ, укаряющимъ мною, и старцемъ же лежю притча къ наказанію; мною вси глумятся. Азъ же сугубо стражю: утрьуду болѣзнь клѣщитъ мя, вѣнѣуду досадами укоризньныхъ стужаю си; отъ всѣхъ бо плеваніе слинь покрываеть мя. Двое сѣтованіе обдержитъ мя: гладъ паче недуга преодалаеть ми; аще бо и брашно обрящю, но во уста рукою вложить его не могу: всѣмъ молюся, дабы мя кто накормилъ; и бываетъ дѣлимъ мой бѣдный укрухъ съ питающими мя. Стою со слезами, томимъ болѣзною недуга моего, и никтоже придетъ посѣтитъ мене; единъ злостражю; никимъже видимъ. Егда же останци трапезъ богобойныхъ людій принесени будутъ сдѣ, скоро притекутъ приставници овчая купѣли, и не тако пси Лазоревы облизаху струпы, якоже си моя помплованія пожирають». Въ Статирѣ: «Азъ же себе мертва нареку? но чрево мое о пищѣ алчетъ; языкъ же мой жаждою згараеть. Жива ли себе нареку? но не могу со одра не токмо востати, но ни двигнутися. Руцѣ мои бездѣлны, нозѣ крѣпости не имуть. Поистинѣ непогребенъ мертвецъ разумѣю себе: одръ ми сей гробъ есть; мертвъ есмь въ живыхъ, и живъ есмь въ мертвыхъ: ибо живъ, яко питаюся, а мертвъ, яко не дѣлаю. Юношамъ азъ на подсмѣяніе, старцамъ въ наказаніе. Азъ же сугубо стражду отъ недуга и глада; аще бо и брашно пріобрящу, и не могу руками внести во уста. Всѣмъ молюся, дабы мя кто накормилъ, и бѣдныя моя укрухи съ питающими дѣлю. И егда кто придетъ посѣ-

тити мя, и останцы трапезы боголюбивіи принесуть ми, скоро притекутъ приставницы овчія купѣли, и яко пси Лазаревы струпы облизають, тако сіи принесенную мнѣ пищу пожирають» (л. 47—48).

Кириллъ Туровскій приписываетъ Оомѣ слѣдующее обращеніе къ Спасителю: «вижду ребра, отъ нихже источи воду и кровь: воду, да очистиши осквернившуюся землю, и кровь же, да освятиши человѣческое естество. Вижду руцѣ твои, имаже прежде створи всю тварь, и рай насади, и человѣка созда; имаже благослови патріархы; имаже помаза царѣ; имаже освяти апостолы. Вижду нозѣ твои, еюже прикоснувшись блудница грѣховъ отпусти пріять; на неюже припадши первое вдовица, отъ мертвыхъ своего сына съ душою жива пріять. Надъ сима ногама кровоточивая, подолцѣ ризы прикоснувшись, исцѣлѣ отъ недуга. И азъ, Господи, вѣрую, яко Ты еси Богъ». Въ Статирѣ: «вижду ребро твое пречистое, копіемъ прободеное, изъ негоже изыде кровь и вода: вода, да очистиши оскверненую землю, кровь, да освятиши человѣческое естество. Вижду и руцѣ твои пресвятѣйшія, имаже сотворепѣ бысть первозданный и азъ; имаже благослови патріарховъ; имаже помаза царей земныхъ; имаже освяти апостолы. Вижду нозѣ, ихже омывши слезами жєпа блудница и оставленіе грѣховъ пріять. И азъ вѣрую, Господи, и поклоняются» (л. 35 об. — 36).

Символическія объясненія въ Статирѣ составлены также подъ вліяніемъ Кирилла Туровскаго. Авторъ Статира говоритъ: «весна убо красная—вѣра Христова, яже крещеніемъ порождаетъ человѣческое естество въ сыновство Божіе; югъ же хладостный вѣющъ—покаяніемъ грѣхи оставляются и искореняются; и добродѣтель плодородитъ; дождеве проливаются—апостольская сердца духа святаго наполняются, и во всю вселенную слово ученія распростирается. Ратай вола ярму подпрягаетъ—языцы на вѣру Христову притекають», и т. д. (л. 80 об.—81). Подъ вліяніемъ символическаго взгляда Кирилла Т. (см. стр. 21—22 нашего изданія), авторъ придаетъ символиче-

скій смыслъ приведеннымъ у него выше словамъ Златоуста: «вышѣ бо красная весна возсіяла есть, югу часто вѣющу, землю тонко охлаждающую... дождеве благопогодливвы, рососходительны проливаются» и Григорія Богослова: «земледѣлатель рало водружаетъ, горѣ взирая плодоподателя призываетъ, подъ яремъ вола подирягаетъ», и т. п.

Въ литературныхъ пріемахъ составителя Статира замѣтно также подражаніе Кириллу Туровскому, который любитъ употреблять подобныя оговорки: «мы же, груби суще разумомъ и нищи словомъ», «мутенъ имѣя умъ и языкъ грубъ, но прошу дара слова»; «молю вашу, братіе, любовь, не зазрите ми грубости, ничтоже бо отъ своего ума сдѣ вписаю, но прошю отъ Бога дара слову». Авторъ Статира, обращаясь къ слушателямъ, говоритъ: «вашу же любовь, братія, молю, не зазрите моей грубости: ничтоже бо отъ своего ума здѣ вписую, но отъ святыхъ писаній вѣщаю» (л. 53 об.).

Нѣкоторыя слова Кирилла Туровскаго, какъ дѣйствительно принадлежащія ему, такъ и мнимыя (*spuria*), встрѣчаются въ старопечатныхъ славянскихъ книгахъ. Такъ въ «Соборникѣ», изданномъ въ Москвѣ, въ 1647 году, помѣщены:

1) Въ среду 5-й недѣли поста, притча Кирилла мниха о души человѣчестѣй и тѣлеси, и о преступленіи Божія заповѣди, и о воскресеніи тѣлесь, и о будущемъ судѣ и муцѣ, л. 436—447 об.

2) Въ недѣлю цвѣтоносную, Кирилла мниха слово отъ сказанія евангельскаго, л. 483—486.

3) Кирилла епископа слово въ недѣлю 3-ю по пасцѣ, о снятіи тѣла Христова со креста, и о мирноносцахъ, отъ сказанія евангельскаго, и похвала Іосифу, л. 766 об.—774.

4) Кирилла мниха слово на вознесеніе Господне, отъ пророческихъ указаній, и о воскресеніи всероднаго Адама изъ ада, л. 803—807.

5) Св. Кирилла мниха слово въ недѣлю 7-ю по пасцѣ, на

соборъ св. отецъ трехъ сотъ и осмидесяти, отъ св. книгъ указаніе о Христѣ, Сынѣ Божіи, и похвала отцемъ св. Никійскаго собора, л. 807 об.—813.

Въ старопечатныхъ книгахъ, называвшихся, подобно рукописнымъ, «Златоустами», находятся также поученія Кирилла Туровскаго. Въ одномъ изъ подобныхъ сборниковъ означено въ самомъ концѣ книги: «сія святая книга, нарицаемая *Златоустъ*, печатанная съ древлеписменнаго перевода въ типографіи Почаевской, препечатана въ типографіи Супрясльской въ лѣто 7305 (1797)». Въ этомъ сборникѣ находимъ:

1) Въ понедѣльникъ второй недѣли поста:... Св. Кирилла мниха о страстѣ Божіи, л. 42 об.—44.

2) Въ великій пятокъ страстныхъ недѣли, слово о святіи Господни со креста, и о погребеніи, и о плачѣ пресвятыя Богородицы, л. 204 об.—210. Сходно съ спискомъ, напечатаннымъ въ нашемъ изданіи, отъ словъ: «нынѣ же Іосифа благообразнаго съ мироносицами похвалимъ» до словъ: «и привалиша камень великъ къ дверемъ гробу». Затѣмъ опять плачъ Богородицы, заключающійся словами: «Господь же втайнѣ рече ей: о мати моя, како утаися ти бездна щедротъ моихъ: тварь бо мою хотя спасти, стражду».

3) Въ недѣлю новую антипасхи, Кирилла мниха слово о поновленіи воскресенія Христова, и о артусѣ, и о испытаніи, и о увѣреніи Ѳомирѣ, л. 219 об.—226.

4) Въ недѣлю 4-ю по пасцѣ, поученіе блаженнаго Кирилла о разслабленномъ, и пр., л. 228—234 об.

5) Въ недѣлю 20-ю, поученіе св. Кирилла философа о мытарствахъ: «понеже убо тайва сія» и пр., л. 293—298 об.

6) Въ недѣлю 29-ю, сказаніе о небесныхъ силахъ, и чесо ради созданъ человекъ на земли, л. 326—330.

Въ подобныхъ изданіяхъ слова Кирилла Туровскаго назначались для церковнаго употребленія и домашняго назидательнаго чтенія, но—разумѣется—не для ученыхъ изслѣдованій, для которыхъ еще не наступила тогда пора. Потребность въ нихъ раз-

вилась впоследствии, и первое ученое издание сочинений Кирилла Туровского явилось почти через два столѣтія послѣ «Соборника» московскаго.

Х.

Сильвестръ Медвѣдевъ († 1691) въ своемъ замѣчательномъ «Оглавленіи книгъ кто ихъ сложилъ» отмѣтилъ нѣкоторыя изъ сочиненій Кирилла Туровскаго, а именно: 1) Кирилла, епископа туровскаго: о чинѣ черноризствѣ, 2) Кирилла епископа: о снятіи Христа съ креста, 3) Кирилла монаха: св. отецъ и похвала Никейскому собору, 4) его же: на вознесеніе Господне, 5) его же: о души и тѣлѣ, и преступленіи заповѣди, о воскресеніи тѣлеси и о судѣ будущемъ и муцѣ, 6) его же: на цвѣтоносіе ¹⁾).

Въ «Опытѣ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной грекороссійской вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ», Москва, 1784, сказано: «Кириллъ, епископъ туровскій, родился отъ богатыхъ родителей, воспитанъ и постриженъ въ городѣ Туровѣ, что въ Бѣлой Россіи; по изволенію владѣющаго князя туровскаго и гражданъ, поставленъ епископомъ того града. Сей истинный пастырь словесныхъ овецъ Христова стада, украшая священный престолъ архіерейскій святою своею жизнію, былъ полезенъ святѣйшей церкви многимъ своимъ писаніемъ (писалъ многія посланія къ великому всероссійскому князю Андрею Боголюбскому), предсталъ непороченъ престолу Вседержителя апрѣля 28 дня, въ XII в. по Р. Х.».

Въ «Исторіи Россійской іерархіи», 1807 г., отмѣчено, и притомъ не точно, только слѣдующее: «Епархія туровская и пинская: 5) Кириллъ, святой, хиротонисанъ 1114 г., марта 6, при великомъ князѣ Андреѣ Георгіевичѣ; преставился 1120, апрѣля 28 дня. Память его апрѣля 28 дня» (Ч. I, стр. 225—226). Тоже повторено и въ «хронологическомъ спискѣ св. мужей рос-

1) Чтенія Московск. Общ. Истор. и древност. 1846, № 3. IV, стр. 50.

сійской перкви», помѣщен. въ томъ же томѣ исторіи іерархіи (стр. 285).

Карамзинъ, въ Исторіи государства руссійскаго, т. III, примѣч. 29, замѣчаетъ: «Св. Кириллъ, епископъ туровскій, мужъ знаменитый ученостію по тогдашнему времени, имѣлъ переписку съ Андреемъ Боголюбскимъ и сочинилъ нѣсколько разсужденій богословскихъ. Мнѣ извѣстно одво изъ его твореній: *Кирилла епископа туровскаго сказаніе о черноризьчѣстѣмъ чинѣ*, найденное мною въ харатейной коричей книгѣ (Синодальн. библіот. № 82)», и приводитъ изъ сказанія небольшой отрывокъ «въ примѣръ слога и мыслей».

Краткими замѣтками ограничивались всѣ свѣдѣнія о Кириллѣ Туровскомъ, пока не явились «Памятники руссійской словесности XII вѣка», изданные въ 1821 г. *Калайдовичемъ*. Почти двѣ трети изданія занимаютъ «творенія Кирилла, епископа туровскаго, руссійскаго витія XII вѣка». Калайдовичъ издалъ по нѣсколькимъ спискамъ пятнадцать сочиненій Кирилла Туровскаго; опредѣлилъ мѣсто (—Туровъ, тепер. Минской губерніи, Мозырскаго повѣта, надъ рѣкою Припетью) и время (—*оторая* половина XII вѣка; ум. около 1182 г.) его дѣятельности, и обратилъ вниманіе на литературное достоинство его произведеній. Заслуга Калайдовича неоспорима; недостатки изданія, указанные послѣдующими учеными, выкупаются открытіемъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей древняго періода.

Изданіе Калайдовича вызвало любопытныя замѣчанія Каченовскаго, о которыхъ мы уже говорили (стр. 281).

Со времени изданія Калайдовича, имя Кирилла Туровскаго является въ числѣ русскихъ писателей XII вѣка.

Митрополитъ Евгеній, во второмъ изданіи, 1827 г., своего «Словаря историческаго о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина», помѣстилъ и Кирилла Туровскаго, не названнаго въ первомъ изданіи словаря, 1818 г.

Въ «Исторіи древней русской словесности», Максимовича, 1839 г., также упоминается о Кириллѣ Т. «Намъ осталось—

говорить авторъ—богатство изящныхъ произведеній знаменитаго русскаго вѣтїа *Святаго Кирилла Туровскаго*: его поучительныя слова, духовныя притчи, толкованіе о чинѣ монашескомъ, молитвы и канонъ о покаяніи... Въ продолженіе своего епископства онъ былъ въ сношеніяхъ съ Андреемъ Боголюбскимъ, къ которому писалъ многія посланія, до насъ не дошедшія».

Въ «Прибавленіяхъ къ изданію твореній св. отцевъ въ русскомъ переводѣ», 1851 г., част. X, издано проф. Горскимъ посланіе Кирилла Туровскаго къ Василю, архимандриту пещерскому.

Въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности 1854 г., т. III, напечатаны: «слово душеполезно о хромцы и слѣпцы» по списку XV в. и «слово о мудрости» по списку XVI в.

Въ Извѣстіяхъ же, 1855 г., т. IV, выпускъ 4, напечатано слово Св. Кирилла о мытарствахъ, названное въ рукописи: «Св. Кирилла философа слово отъ книгъ о исходѣ души». Издано по списку Румянцовскаго музеума XIV—XV в., № 357, сличенному со спискомъ Рум. муз. XIV в., № 186.

Въ Извѣстіяхъ 1856 г., т. V, выпускъ 6, помѣщены отрывки изъ «Исповѣданія», приписываемаго Кириллу Туровскому, и молитва его «на исходъ души»—изъ рукописнаго канонника XVI в.

Въ третьемъ томѣ Исторіи русской церкви, преосвящ. Макарія, 1857 г., въ текстѣ и примѣчаніяхъ, помѣщены девять молитвъ и канонъ Кирилла Туровскаго (стр. 130—141 и 310—319).

Въ «Православномъ Собесѣдникѣ», издаваемомъ при Казанской духовной академіи, въ кппжкахъ 1-й и 2-й за 1857 г., напечатаны «молитвы на всю седмицу, св. Кирилла, епископа туровскаго».

Преосвящ. Филаретъ въ своей «Исторіи русской церкви» говоритъ о жизни и сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго (I, стр. 68—73 и др., изд. 1849), признавая въ картинахъ его «чистое во-

ображеніе и глубокое чувство», и отдавая канону Кирилла Т. преимущество передъ многими канонами визаптійскими. — Въ «Обзорѣ русской духовной литературы» (помѣщен. въ Ученыхъ Запискахъ 2 отд. Академіи Наукъ, т. III, 1857 г.) произведенія Кирилла Туровскаго распределяются слѣдующимъ образомъ (стр. 37—39): «сочиненія св. Кирилла состояли: а) изъ *словъ* на господскіе праздники, которыя посылалъ онъ и въ видѣ посланій къ сильному и набожному князю Боголюбскому, б) изъ душеполезныхъ *наставленій*, которыхъ было много, в) изъ *молитвъ* и покаяннаго *канона*». Несомнѣнными въ своей подлинности авторъ признаетъ девять словъ (№ II—IX и XIII нашего изданія); самымъ превосходнымъ по содержанію и по слогу—слово на 5-ю недѣлю (№ XIII нашего изд.). Слова: на пятидесятницу, о мытарствахъ, и притчу о премудрости, начинающ. такъ: «первое, брате, коея мудрости пищеши»,—не считаетъ принадлежащими Кириллу Туровскому.

Помѣщенное въ «Исторіи русской церкви» преосвящ. Макарія (стр. 99—149 и 307—326) изслѣдованіе о Кириллѣ Т. составляетъ подробную монографію, напечатанную и въ Извѣстіяхъ 2 отд. Акад., 1856 г., т. V, вып. 5, отдѣльною статьею подъ названіемъ: «Кириллъ Туровскій, какъ писатель». Преосвящ. Макарій признаетъ подлинными: 1) «девять словъ, произнесенныхъ имъ въ храмѣ предъ народомъ; 2) три статьи, изложенныя въ формѣ посланій или наставленій къ инокамъ; 3) болѣе двадцати молитвъ и канонъ молебный», и излагаетъ содержаніе этихъ произведеній. Къ числу потерянныхъ сочиненій авторъ относитъ, не соглашаясь отчасти съ «Обзоромъ»: 1) обличеніе на извѣстную ересь Θεодорца, епископа ростовскаго, отъ божественныхъ писаній; 2) многія посланія къ Андрею Боголюбскому отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній; 3) нѣкоторыя душеполезныя слова на праздники Господскіе: ибо св. Кириллъ написалъ такія слова «многа», а до насъ дошли изъ нихъ только девять; 4) похвалы или похвальныя слова «многимъ» святымъ, къ числу которыхъ (похвалъ) изъ сохранившихся словъ можно отнести только

два: въ педѣлю о мироносицахъ и на соборъ 318 св. отцевъ; 6) канонъ великій покаянный къ Господу по главамъ азбуки: ибо сохранившійся молебный канонъ св. Кирилла, хотя выражаетъ и чувствованія покаянныя, но вовсе не расположенъ по буквамъ азбуки, и обращенъ не къ одному Господу Іисусу, а часто и ко всѣмъ лицамъ св. Троицы; 6) вѣроятно и многія другія сочиненія, которыми занимался св. Кириллъ, еще подвизаясь въ столпѣ, и потомъ въ числѣ «множайшихъ» предалъ церкви. Думать, будто подъ именемъ посланій къ Андрею Боголюбскому разумѣются собственно извѣстныя слова и поученія святителя туровскаго, потому только, что посланія эти, по выраженію жизнеописателя, написаны отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній, совершенно неосновательно: ибо и посланія къ игумену печерскому Васплію, какъ говорятъ самъ св. Кириллъ, написаны тоже отъ святыхъ книгъ, и почти въ каждомъ изъ своихъ сочиненій, иногда даже не разъ, онъ повторяетъ, что пишетъ не отъ себя, а отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній. Жизнеописатель именно выражается, что св. Кириллъ «Андрею Боголюбскому князю многія посланія написалъ; а извѣстныя слова на праздники написаны св. Кирилломъ для проясненія въ церкви предъ народомъ, и обращеній къ Андрею Боголюбскому никакихъ не содержатъ. Могъ, конечно, св. Кириллъ препровождать копія съ своихъ словъ къ Андрею Боголюбскому, но уже это самое требовало сопутствовать ихъ посланіями къ князю или письмами». Сомнительными сочиненіями авторъ признаетъ слова: 1) въ педѣлю пятую, вопреки «Обзору» 2) на пятидесятницу, 3) о премудрости и 4) о мытарствахъ. Изъ разсмотрѣнія подлинныхъ сочиненій Кирилла Т. преосвящ. Макарій выводитъ слѣдующее заключеніе: «въ проповѣдяхъ св. Кирилла преобладаетъ воображеніе и духовная поэзія; въ статьяхъ, обращенныхъ къ инокамъ, виднѣе мысль, подъ сильнымъ однакожь вліяніемъ воображенія и фантазіи; молитвы и канонъ пропитаны живымъ христіанскимъ чувствомъ. По самому изложенію, въ первыхъ болѣе витіеватости, искусственности, риторизма; во вторыхъ всѣ

эти недостатки замѣтно ослабѣваютъ; третьи почти вездѣ запечатлѣны естественностью и простотою.... Главныя отличительныя свойства Кирилла Туровскаго, какъ писателя: живое, плодovitое, неистощимое воображеніе; мягкое, доброе, воспріимчивое чувство; легкій, свободный, витіеватый языкъ».

Въ «Исторія русской словесности, преимущественно древней», 1846 г., г. Шевыревъ говоритъ, въ девятой лекціи (стр. 223 и слѣд.), о сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. Указывая ихъ общій характеръ, г. Шевыревъ замѣчаетъ, что «краснорѣчіе Кирилла во многихъ мѣстахъ переходитъ въ символическую поэзію;... въ стилѣ картинъ видно византійское вліяніе; ярки узоры восточной витіеватости въ проповѣдяхъ его, имѣющіе отношеніе къ подобнымъ узорамъ мозаиковой живописи и архитектуры византійской, всегда исполненнымъ таинственнаго, глубокомысленнаго значенія. По этимъ виѣшнимъ признакамъ, можно назвать Кирилла Византійцемъ въ словенорусскихъ формахъ».

Профессоръ Соловьевъ, при обзорѣ внутренняго состоянія русскаго общества XI—XIII в. (Ист. Россіи, т. III, 96—100), посвящаетъ нѣсколько страницъ сочиненіямъ Кирилла Т., знакомящимъ со современнымъ нашему оратору состояніемъ русскаго общества. «Цѣль словъ Кирилла Туровскаго—говоритъ г. Соловьевъ—показать народу важность, величіе празднуемаго событія, пригласить народъ къ его празднованію, къ прославленію Христа или святыхъ его: отсюда сходство словъ Кирилловыхъ съ церковными пѣснями, отъ которыхъ онъ заимствуетъ иногда не только форму, но и цѣлыя выраженія; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, видимъ одинакое распространеніе, оживленіе событія разговоромъ дѣйствующихъ лицъ; въ сочиненіяхъ Кирилла замѣчаемъ также особенную любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, стремленіе давать событіямъ прообразовательный характеръ, особенное искусство въ сравненіяхъ, сближеніяхъ событий, явленій, такъ что, изучая внимательно сочиненія древняго владыки туровскаго, не трудно открыть въ немъ предшественника и земляка позднѣйшимъ церковнымъ витіямъ изъ югозападной

Руси, которые такъ долго были у насъ почти единственными духовными ораторами и образцами. Какъ слогъ поученія Луки Жидята обличаетъ Новгородца, такъ слогъ словъ Кирилла Туровскаго обличаетъ въ сочинителѣ южнаго Русина.... Вообще памятники южнорусской письменности отличаются отъ сѣверныхъ памятниковъ большею украшенностію, что, разумѣется, происходитъ отъ различія въ характерѣ народонаселенія» и т. д.

Въ сочиненіи г. Самарина: «Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники», 1844 г., предложено нѣсколько замѣчаній о Кириллѣ Туровскомъ (стр. 42—44), какъ напр.: «вліяніе св. отцевъ нашей церкви ясно отразилось въ твореніяхъ Кирилла. Но это было не рабское подражаніе, а свободное созданіе въ томъ же стилѣ.... Общій характеръ проповѣдей Кирилловыхъ составляетъ преобладаніе поэтическаго элемента надъ дидактизмомъ. Мы рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ обдуманное построеніе и строгость въ изложеніи. Словомъ Кирилла Туровскаго движетъ религіозный паосъ, восторгъ. Это не столько поученія, сколько свободныя изліянія благочестивыхъ помысловъ — гимны». Нѣкоторыя изъ проповѣдей Кирилла Т. близко подходятъ, по замѣчанію автора, къ религіозной лирикѣ.

Профессоръ Буслаевъ приводитъ много мѣстъ изъ Кирилла Туровскаго въ сочиненіи своемъ: «О преподаваніи отечественнаго языка», 1844 года (часть 2-я). Въ примѣръ византійской символики приводитъ отрывокъ изъ слова въ недѣлю новую, начпнающійся такъ: «днесъ ветхая конецъ пріяша, и се быша вся нова», и т. д., слпчая его съ любопытнымъ «Прикладами о возстаніи» (стр. 280—284 и др.).—Въ статьѣ: «О народности въ древнерусской литературѣ и искусствѣ» (Русск. Вѣстникъ. 1857, № 15, стр. 382—383) г. Буслаевъ говоритъ: «одни изъ нашихъ ученыхъ видятъ въ произведеніяхъ Кирилла Туровскаго образецъ самаго возвышеннаго духовнаго краснорѣчія; другіе замѣчаютъ въ нихъ нѣкоторую искусственную витіеватость. Намъ

кажется, что и тѣ и другіе отчасти правы. Нельзя не признать за нашимъ авторомъ XII вѣка высокаго литературнаго таланта; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ самомъ существѣ символическаго направленія, которое усвоилъ себѣ нашъ авторъ, заключаются уже зародыши нѣкоторой искусственной экзальтациі». —

О языкознаніи въ древней Россіи ¹⁾.

Высокое значеніе языка, какъ предмета изслѣдованія и наблюденій, единодушно признаваемое учеными, подтверждается и самою исторією народпой образованности. Языкъ остается неизмѣнно однимъ изъ предметовъ, привлекающихъ къ себѣ любознательность при различныхъ степеняхъ развитія науки у народа. Даже въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ ея у нѣкоторыхъ народовъ встрѣчаются и замѣчанія о языкѣ, болѣе или менѣе значительныя, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Исторія Русской образованности представляетъ съ своей стороны нѣсколько любопытныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ.

По убѣжденію предковъ нашихъ, языкъ есть высокій даръ человѣку, неизмѣримо возвышающій его надъ «безсловесными», какъ издревле назывались у насъ животныя неразумныя, въ отличіе отъ человѣка, существа мыслящаго и говорящаго. Хотя и другія животныя владѣютъ способностью издавать звуки; но языкъ, по свидѣтельству нашихъ древнихъ памятниковъ, есть знакъ единственно человѣческой природы, указывающій въ человѣкѣ избранныка Божія, любимое созданіе Творческой Силы: «Якоже и коневи рзание, и псоу брехание, и волкови рютъе, и лютому звери риканье дапо есть, да то ихъ знаменье есть: такоже и человѣку слово, да его то знаменье. Тоже его градъ,

1) Ученныя Записки Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, книга I. Спб. 1854.

тоже его сила, тоже оружье, тоже и стѣна. Съ животенъ боголюбенъ кромѣ всѣхъ животовъ симъ почтенъ есть»¹⁾. Въ нѣкоторыхъ памятникѣхъ нашей древней словесности такъ обозначается отлічіе человѣка отъ другихъ существъ небесныхъ и земныхъ: Члвка созда Бгъ междоу англь и скота: кромѣ англь гнѣвомъ и похотію, а кромѣ скота словомъ и смысломъ»²⁾. То есть, физическія движенія удаляютъ человѣка отъ природы ангельской, а слово и мысль возвышаютъ его надъ міромъ животныхъ.

Чистота и правильность языка считалась залогомъ чистоты и правильности религіозныхъ вѣрованій; соблюденіе законовъ языка вмѣнялось въ необходимую потребность сочиненію, излагавшему истины Вѣры. Въ языкѣ видѣли выраженіе внутренней жизни, мысли и чувства человѣка; языкомъ — вѣрили твердо — говорила душа. Еще въ XI столѣтіи выраженіе псалма: «Пойте Богу нашему въ гусляхъ», понимали такъ: «въ гусляхъ т. е. съ душою. Гусли есть душа, а цѣвница языкъ: ибо безъ него не можетъ говорить душа»³⁾. Языкъ почитаемъ былъ необходимымъ и совершеннѣйшимъ орудіемъ ума. Умъ приводитъ въ движеніе языкъ, какъ художникъ приводитъ въ движеніе музыкальное орудіе: — подобная мысль выражается въ другомъ объясненіи того же псалма, извѣстномъ также съ весьма давняго времени въ Славянскомъ переводѣ⁴⁾. Слово и мысль признаваемы были нераздѣльными въ человѣкѣ. Сознаніе этой истины

1) Рукопись «Пчела», гл. 15 — о ученіи и о бесѣдѣ; списокъ XIV—XV в.

2) Описаніе рукописей Румянц. музеума, *Востокова*, стр. 230 и 238.

3) Рукописные отрывки изъ Псалтыри съ толкованіемъ, XI в., въ бывшемъ Погодинск. книгохранилищѣ. Пс. 97, 5: «Поите Боу нашему въ гуслехъ: съ дшею сирѣчь гусли бо дша есть а цѣвница языкъ, безъ него бо дша не можетъ глати». Толкованіе приписывается св. Аѳанасію, архіепископу Александрійскому.

4) Псалтырь съ толкованіемъ Θεодорита, епископа Кирскаго, рпсх XV в. въ Румянц. музеумѣ, № 334 по описан. *Востокова*. «Творим же и мы словесны гусли — наша телеса; струнъ мѣсто — зубы; въ мѣди же мѣсто — оустнами; всакого бо языца быстрѣ языкъ, движим състроены глас творить. Движеть ж языкомъ оумъ, якоже гласникъ строителъ движеніе его творя» (л. 172 об.).

восходить къ глубокой древности, къ первымъ началамъ нашей образованности. Съ особенною убѣдительною и силою выражено оно св. Іосифомъ, нашимъ древнимъ мыслителемъ, прославившимся своими сочиненіями противъ еретиковъ, которые, по замѣчанію одного изъ новыхъ ученыхъ, имѣютъ значеніе въ развитіи нашей умственной жизни, какъ представители преимущественно раціональнаго направленія¹⁾. Доводы св. Іосифа отличаются удивительною послѣдовательностью и здравомысліемъ. Таинственное отношеніе Лицъ Святой Троицы онъ сравниваетъ со взаимнымъ отношеніемъ слова и выражаемой словомъ мысли. Три Лица Святой Троицы одного и того же естества и существа, говоритъ авторъ; но Отецъ не рожденъ, Сынъ рождается отъ Отца, какъ свѣтъ отъ солнца, *какъ слово отъ ума*²⁾. Такъ какъ душа и языкъ, мысль и слово тѣсно связаны между собою, то и вѣрнѣйшій путь дѣйствовать на душу заключается въ языкѣ: «мечъ извить тѣло, а слово—умъ» говорится въ одномъ древнерусскомъ произведеніи, извѣстномъ въ спискѣ XIV вѣка³⁾.

Подобное же понятіе о высокомъ назначеніи слова обнаруживается въ названіи его зеркаломъ души: «слово подобно есть зеркалу: якоже тѣмъ образъ телесныи и личныи являється, такоже и бесѣдою душевныи образъ образуемъ называменуется... Слово одѣваетъ душу образомъ»⁴⁾.

Слово чтили какъ святыню и вѣрили въ него какъ въ благодатнаго вѣстника: «ластовици тишиною намъ проповѣдаютъ весною, а моудрая словеса безпечалье». Поэтому словомъ должно

1) Ученыя Записки, изд. Казанск. Университ., 1843, кн. III, В. Григоровича: Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ, стр. 121.

2) Рпись Румянц. Муз. № 204. 1-е слово св. Іосифа Волоколамскаго на Новгородскихъ еретиковъ: «въкоупѣ бо Ѡць и Снъ и Стыи Дхъ; но Ѡць оубв и нероженъ, Снъ же и рожденіе Ѡчее, яко Ѡ слнца свѣтъ, и Ѡ оума слово; Дхъ же Стыи и исхожденіе Ѡчее» (л. 16 об.).

3) Златая Чепъ — рпись Троицко-Сергіевой Лавры: «мечъ извить тѣло, а слово оумъ, и жестко слово ражаетъ ирость; зло бо есть невиноватому неправое слово» (л. 56).

4) Сборникъ «Пчела», гл. 15.

было пользоваться съ уваженіемъ, а не употреблять его попусту: «Оудобъ есть камень въсоуе поустити, нежели слово праздно». Нельзя было не дорожить словомъ, когда, однажды сказавшись, оно уже не можетъ быть возвращено сказавшему:— эту мысль одинаковымъ сравненіемъ выразила и устная и письменная словесность наша. Въ древней рукописи читаемъ: «ни птицы оупоущены скоро можеша опать яти, ни слова изъ оустъ вылетѣвъшъ възвратити ти можеша и яти» (Пчела, гл. 20). «Слово не воробей — говорить пословица — вылетитъ, не поймашь». Другая пословица говоритъ: «Слово выпустишь, такъ и не втащишь¹⁾».

Замѣчательно, что одно и тоже выраженіе употреблялось и объ исхожденіи души изъ тѣла и о произнесеніи слова, исходящаго изъ глубины души. Понятія: «испустить духъ» и «вымолвить слово», на поэтическомъ языкѣ Русскомъ XII вѣка выражались такъ: «выронить жемчужную душу», «выронить золотое слово». Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о князѣ Изяславѣ Васильковичѣ: «единъ же *изрони жемчужну душу* изъ храбра тѣла», а о Святославѣ: «тогда Великій Святславъ *изрони злато слово* слезами смѣшено и рече: о моя сыновчя» и пр.

Выразивъ уваженіе свое къ языку признаніемъ его неразрывнаго родства съ мыслью, предки наши оставили много слѣдовъ и того, что умственная дѣятельность ихъ обращалась къ языку, къ наблюденію его свойствъ и особенностей. Слѣды эти частью только мелькаютъ въ массѣ фактовъ, относящихся къ другимъ предметамъ, занимавшихъ мысль или воображеніе нашихъ древнихъ писателей; частью же видимы ясно, отчетливо, обваруживаясь пѣлымъ рядомъ произведеній, исключительно посвященныхъ языку. Изъ числа первыхъ можно вспомнить о замѣчательномъ мнѣніи касательно внутренняго смысла, заключеннаго въ именахъ. Это мнѣніе имѣло множество представи-

1) Русскія пословицы и притчи, изд. Снегиревымъ, 1848, стр. 373 — 374.
Сборникъ II Отд. И. А. Н.

телей, начиная съ Платона и Аристотеля въ древности, номиналистов и реалистовъ въ средніе вѣка, и потомъ съ достопамятнаго Санкція (Franciscus Sanctius) въ XVI в. до Куръ-де-Жебелена и другихъ филологовъ XVIII столѣтія. Много занимались въ Европѣ вопросомъ о томъ, какимъ образомъ предметы получили названіе, по одной ли случайности, или по необходимой причинѣ, условливаемой самою сущностью предметовъ. Люди ученые и люди съ однимъ только здравымъ смысломъ и наклономъ къ размышленію высказывали свои мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Какого же мнѣнія держались наши древніе книжники? За немѣнимъ опредѣленныхъ указаній намъ остается искать по крайней мѣрѣ намековъ, и, если встрѣтятся подобные намеки, не оставлять ихъ совершенно безъ вниманія. Такъ можно примѣтить, что лѣтописцы иногда въ названіи лица извѣстнымъ именемъ видѣли какъ бы не одинъ слѣпой случай, а нѣчто болѣе: замѣчали соотвѣтствіе между именемъ и характеромъ носившаго это имя. Несторъ говоритъ въ Жизнеописаніи св. Θεοδοσία, что когда новорожденнаго принесли по обычаю къ священнику для нареченія имени, то «прозвутерь же видѣвъ дѣтище, сердечными очами *прозря* еже о немъ, яко *хощеть* измлада *Богу датися, Феодосемъ* того нарѣцаеть». Слѣдовательно Несторъ понималъ значеніе Греческаго слова Θεοδόσιος, составленнаго изъ двухъ словъ: Θεός (Богъ) и δίδωμι (даю). А чтобы понимать, онъ долженъ былъ или знать Греческій языкъ, или имѣть подъ рукою Славянское объясненіе иностранныхъ словъ; въ последнемъ случаѣ является новое доказательство, что словарные опыты возникаютъ у насъ или у нашихъ соплеменниковъ — ранѣ XI столѣтія. Описывая погребеніе Романа Ростиславича, сконч. 1180 г., лѣтописецъ влагаетъ въ уста плачущихъ надъ гробомъ слѣдующую похвалу достойному князю: «Царю мой благый, кроткій, смиренный, правдивый! — говоритъ княгиня — *воистину тебѣ нарчено имя Романъ*, всею добродѣтелию сый подобенъ ему, многія досады прія отъ Смолнянъ, и не видѣхъ тя, господине, николи же противу ихъ злу никотораго

зла въздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше» ¹⁾. Это же самое причитанье буквально повторяется, также устами княгини, при извѣстїи подъ 1288 г. о кончинѣ Владиміра Васильковича, имѣвшаго христіанское имя Ивана: «Царю мой благый, кроткій, смиренный, правдивый! *воистину наречено бысть тобѣ имя во крещенїи Иванъ*, всюю добродѣтелью подобень есь ему: многыя досады прїимъ отъ своихъ сродникъ, не видѣхъ тя, господине мой, николи же противу ихъ злу ни котораго же зла въздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше» ²⁾. За повѣствованіемъ объ убїенїи Святополкомъ князей Бориса и Глѣба слѣдуетъ въ паремейникѣ замѣчаніе, что Святополкъ несправедливо носить имя, коего недостойнъ убійца. «Сею бо кровь и до кончины вѣка не престаеъ вопиющи къ Богу на незаконнаго и гордаго *Святополка*, паче же рѣку *Поганополка*, безъглавнаго звѣри» ³⁾. Такимъ же образомъ въ одной рукописи XVI в. разлагается имя *Богумиль*: «Въ земли Българстѣй бысть поупъ, именемъ *Богумиль*, а по истинѣ рещи *Богу-не-миль*» ⁴⁾. Въ послѣдствїи отыскиваніе смысла именъ обратилось въ литературный обычай. Въ исторїи дьяка Грибоѣдова, компилировавшаго Степенныя Книги и Лѣтопись Палицына, указывается на царственное призваніе св. Владиміра, выразившееся к въ языческомъ его имени—Владиміръ (владыка міра) и въ христіанскомъ Василій (*Βασιλεύς* — царь). О великомъ князѣ Ярославѣ Грибоѣдовъ говоритъ: «Ярославъ, во святомъ крещенїи *Георгій*; якоже убо толкуется сіе имя *Божіе дѣло*: *воистину убо Божіе дѣло* есть сїй богоподражательный сынъ и наслѣдникъ равноапостольнаго князя Владиміра Святаго» ⁵⁾. Совершенно то же желаніе видѣть сокровенный смыслъ въ именахъ, какъ бы предназначеніе, замѣтно и въ писателяхъ, обогащавшихъ литературу

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 123.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 220.

3) Иоаннъ, экзархъ Болгарскій, изслѣд. *Калайдовича*, стр. 100.

4) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I. Приложенія, стр. 253.

5) Исторія Грибоѣдова. Рязь Рум. Муз. № 83.

народовъ намъ соплеменныхъ. Жизнеописатель св. Станислава признаетъ въ трудѣ своемъ, относящемся къ XIII вѣку, что уже самое имя Станислава означаетъ, что онъ избранникъ Божій. Авторъ производитъ имя *Stanislaus* отъ *stans laus*, или *instans laudi*, или *statio laudis: stetit enim vir Dei Stanislaus in laude Dei propensius et laus Dei in ore ejus, quia ex omni corde laudavit Deum, qui fecit eum*¹⁾.

Стремленіе осмыслить слова повело къ объясненію ихъ значенія, большею частью весьма наивному. Этимологическія наивности Тредьяковскаго и Сумарокова имѣютъ зародышъ свой уже въ XI вѣкѣ. Описывая единоборство Русскаго отрока съ Печенѣжиномъ при Владимірѣ, Несторъ такъ объясняетъ происхождение собственнаго имени города: «Размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша на нихъ събѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложилъ городъ на бродѣ томъ и нарече и *Переяславль*, зане *перя славу* отрокъ отъ»²⁾. Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается у Нестора такое разложеніе собственнаго имени народа: «*Срацини* отъ Измаила творятся *Сарини*, и прозваша имена собѣ *Саракыне*, рекше: *Сарини есмы*»³⁾. Густинская лѣтопись упоминаетъ о различныхъ производствахъ нашего народнаго имени: «Но откуда взятъ сему славному народу сіе именованіе *Русь*, лѣтописци различнѣ повѣдають. Едины глаголють, яко отъ *Росса* князя полунощного; иныи отъ рѣки глаголемыя *Рось*; иныи отъ *русыхъ* власовъ, понеже въ сей странѣ изъ сичевыми власы мнози обрѣтаются; *конечнѣ* же глаголють, яко отъ *розсытія Россія* именуется». Помирившись съ производствомъ имени *Россія* отъ *розсытія*, лѣтописецъ при исчисленіи имецъ, подъ коими являлись Славяне

1) Vita S. Stanislai, ed. *Bandtkie*. Varsoviae, 1824. (При хроникѣ Мартинна Галла).

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 53.

3) Тамъ же, I, 99.

въ исторіи, дать такой толкъ одному изъ нихъ — Роксоланы: *Роксоланы*, акибы *Русь* и *Аляны* ¹⁾.

Всѣ приведенные факты не болѣе, какъ намеки, отрывочныя замѣтки; собственно же къ памятникамъ филологической дѣятельности въ древній періодъ нашей словесности принадлежатъ грамматикки и такъ называемые азбуковники, словари. Первые занимаютъ свойствами одного, общедоступнаго для Русскихъ языка. Рукописныхъ грамматикъ извѣстно значительное количество, и всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ два главные отдѣла, соотвѣтствующіе двумъ редакціямъ: до появленія печатныхъ грамматикъ Зизанія и Смотрицкаго, и послѣ ихъ появленія. Въ составъ азбуковниковъ вошло множество словъ и понятій иностранныхъ, и въ этомъ отношеніи они представляютъ весьма любопытное литературное явленіе. Кромѣ того, азбуковники любопытны и по разнообразію своего содержанія, представляя обильную пищу для современныхъ имъ читателей и служа однимъ изъ давнихъ образцовъ энциклопедическихъ сочиненій въ Европѣ. Нѣкоторые изъ списковъ носятъ такое заглавіе: «Алфавитъ книга премудрая имѣя въ себѣ 24 языка». Въ число двадцати четырехъ входятъ большею частію слѣдующіе языки: Арабскій, Армянскій, Греческій, Еврейскій, Еллинскій, Египетскій, Жидовскій, Иверскій, Индійскій, Латинскій, Литовскій, Македонскій, Мидскій, Пермскій, Персидскій, Римскій, Русскій, Сербскій, Сирскій, Скиоскій, Словенскій, Татарскій, Ханаанскій, Чешскій и др. Смѣсь и невѣрность въ исчисленіи очевидны; но онѣ находятся не только въ Русскихъ, но и во всѣхъ другихъ филологическихъ сочиненіяхъ XVI вѣка. Довольно указать на трудъ Конрада Гесснера, бывшаго корифеемъ современной ему Европейской учености. Я имѣю въ виду Гесснеровъ — *Mithridates, de differentiis linguarum, tum veterum, tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terra-*

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II: Густинская лѣтопись, стр. 236.

rum in usu sunt, observationes. Tiguri. 1555. Въ этомъ сборникѣ языки областей, государствъ и частей свѣта перемѣшаны между собою: подрѣчіе одного изъ нарѣчій Славянскихъ — *Кашубское* стоитъ рядомъ съ языкомъ цѣлаго племени въ Европѣ — *Кельтскимъ*; языки Московскій, Мозамбикскій, Каппадокійскій, Лакопскій, Халдейскій и т. д. слѣдуютъ одинъ за другимъ по одному азбучному порядку. Въ отдѣлѣ каждаго языка сообщаются извѣстія о народѣ вообще, употребляющемъ этотъ языкъ, въ родѣ слѣдующихъ о народѣ Русскомъ: Русскіе не занимаются медициной (*rationalis medicina*) и астрологіей (*sideralis scientia*); имѣютъ отечественныя лѣтописи; кромѣ лѣтописей удерживаютъ воспоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ, Римскихъ цезаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ, и т. п. Будучи сборниками энциклопедическими, и наши алфавиты знакомили читателей съ бытомъ народа, географіей, исторіей. При словѣ Бретанія сказано: «островъ великъ, въ длину 1000, а въ ширину 300 верстъ, а живутъ въ немъ человѣцы два рода, Каледоне и Меате, градовъ и жилищъ не имутъ, но пребываютъ въ горахъ и поляхъ пустыхъ, назіи и необувени, земли не дѣлаютъ, но питаются паствою воловъ и овощiemъ», и мн. др. При имени *Епикуръ*. «философъ еллинскій вельми честенъ, того ради вси учащіеся у него эпикуры философы нарицахуся; *Аристотанъ* — пѣснотворецъ еллинскій», и т. п. Собственно филологическая сторона нашихъ азбуковниковъ состоитъ въ объясненіи, болѣе или менѣе удачномъ, многихъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ письменный Русскій языкъ. Такъ слово *архіепископъ* объясняется: «начало посетителемъ: по-Гречески *архъ*, а по-Русски *начало*; по-Гречески *епископъ*, а по-Русски *посетитель*». За этимъ слѣдуетъ историческое объясненіе: «Святіи бо Христовы апостоли поставляху епископовъ по градомъ, да укрѣпляютъ вѣрныхъ и да посѣщаютъ ихъ, рекше *назираютъ*, добре ли Христіане вѣру хранятъ.... *Вивлія* — слово Греческое; *стихарь* — Греческое; *корвана* — Еврейское — *даръ*; *костелъ* — Латинское; *комканіе* — Латинское, по-Русски — *причастіе*;

кодексъ наричется книга, содержащая въ себѣ многія книги, подобно Библии; *астъжаучи* (Чешское) бѣлъ или чистъ; *витязе* (Сербское)—бояре; *витаетъ* (Сербское)—путь мимоидя въ дому чьемъ почіетъ или колько дней пребудетъ, и то наречется *витаніе*; *астрологи* — звѣздословцы, *астрономы* — звѣздозаконники, *астрономія* — звѣздозаконіе», и т. д. Не имѣя въ настоящемъ случаѣ въ виду изслѣдованія о двухъ первенцахъ нашей филологіи, ограничиваясь замѣчаніемъ, что какого бы рода и значенія ни были первыя начала филологическихъ трудовъ въ Россіи, во всякомъ случаѣ возможенъ вопросъ о связи, въ которой они находились съ современнымъ имъ состояніемъ языкознанія. Практика всегда въ связи съ теоріей; и матеріаль, накопленный посредствомъ знакомства съ иностранными языками и изученія языка отечественнаго, могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на характеръ первыхъ филологическихъ опытовъ. Вотъ одна изъ причинъ, побудившая насъ представить обзоръ круга языкознанія въ древней Россіи. Другая же и главнѣйшая причина нашего выбора заключается въ томъ, что состояніе языкознанія у народа служитъ однимъ изъ выраженій его образованности, и поэтому входитъ, какъ черта, въ исторію внутренняго быта народа. Изслѣдованіе круга и характера языкознанія можетъ познакомить и съ политическимъ бытомъ народа и съ направленіемъ его образованности. Знаніе языковъ пріобрѣтается двумя путями: практическимъ, отъ навыка, посредствомъ сношеній съ иностранными народами, или теоретически, изученіемъ языка съ извѣстною цѣлью. Въ первомъ случаѣ факты языкознанія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и факты сношеній съ иностранцами, матеріаль для политической исторіи народа; во второмъ они опредѣляютъ нравственные интересы народа, особенности его умственной жизни. Языкъ принимаетъ въ себя живые слѣды народной образованности. Самый выборъ извѣстнаго языка, какъ орудія образованности, указываетъ уже на ея характеръ. Оставаясь же въ теченіе продолжительныхъ періодовъ орудіемъ литературы, языкъ проникается ея направленіемъ до такой сте-

пени, что образуетъ съ нею одно нераздѣльное цѣлое, которое и наблюдать необходимо въ его совокупности. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, приступаемъ къ разсмотрѣнію избраннаго предмета, не стараясь строить произвольную систему, не опирающуюся на фактахъ, а желая основывать свои выводы на положительныхъ свидѣтельствахъ отечественной старины. Въ порядкѣ изложенія постараемся также не измѣнить пути, указываемаго самимъ предметомъ. Въ древней Россіи языкованіе имѣло и практическое и теоретическое направленіе. Знакомство съ нѣкоторыми языками было слѣдствіемъ необходимости и легкости узнавать говоръ народа, съ которымъ предки наши бывали въ соприкосновеніи. Иные же языки изучались какъ средство для цѣлей высшихъ: то какъ проводники религіозныхъ убѣжденій, то какъ условіе образованности. Сообразно съ характеромъ, который припимало знаніе языковъ, предлагаемъ обзоръ наше въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, связанныхъ между собою единствомъ главнаго предмета.

Знакомство съ иностранными языками въ древней Россіи пріобрѣталось прежде всего въ слѣдствіе сношеній съ иностранными народами. Поэтому хотя вкратцѣ упомянемъ объ историческихъ свидѣтельствахъ касательно сношеній нашихъ съ иностранцами въ теченіе древняго періода, и потомъ перейдемъ къ обзоръ историческихъ же свидѣтельствъ объ орудіи этихъ сношеній—языкъ.

Русь съ древнѣйшихъ временъ была въ разнообразномъ соприкосновеніи и съ чужеплеменными сосѣдями и съ народами отдаленными, обитавшими въ трехъ частяхъ свѣта: Европѣ, Азій и Африкѣ. Постоянныя путешествія Русскихъ въ чужіе края и пребываніе иностранцевъ въ Россіи образовали у предковъ нашихъ мысль о повсюдной извѣстности нашего отечества. Русскій писатель XI вѣка, М. Иларіонъ, говоритъ о древнихъ князьяхъ (Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ): «не въ худѣ бо и не

въ невѣдомѣ земли владычествоваши, но въ Русской, яже тогда и слышима есть осьми конци земля¹⁾). Изъ народовъ ближайшихъ къ Руси, частью и обитавшихъ въ ея предѣлахъ, древняя лѣтопись называетъ слѣдующіе: Печенѣгы, Касогы, Козары, Чудь, Ятвягы, Литва, Ямь, Торкы, Половцы, Голяди, Торкъмени, Хвалиси, Кумани (рекше Половцы), Югра, Печера, Самоядь. Еще Несторъ, говоря въ началѣ своего повѣствованія о племенахъ Славянскихъ, называетъ данниками Руси слѣдующіе народы: Чудь, Мерю, Вель, Мурому, Черемись, Мордву, Пермь, Печеру, Ямь, Литву, Зимиголу, Корсь, Норову, Либь, замѣчая, что «си суть свой языкъ имуще». Изъ народовъ болѣе отдаленныхъ отъ Руси и рѣже проникавшихъ въ ея предѣлы, древніе памятники письменности нашей сохранили имена Поляковъ, Чеховъ, Венгровъ, Литовцевъ, Болгаръ, Нѣмцевъ, Грековъ, Венеціанъ и другихъ. Несторъ упоминаетъ уже о сношеніяхъ съ Ляхами, Мазовшанами, Литвою, Чехами, Уграми, Нѣмцами; на югѣ съ Болгарами и Греками.

Именами народовъ называются въ лѣтописи и обитаемыя ими страны; Болгары, Ляхи, Греки значило Болгарія, Польша, Греція и пр.: въ 1024 г. былъ голодъ въ Суздальской странѣ и «идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары и привезоша жито и тако ожиша»; въ 1159 г.: «иде Изяславъ въ Вятичѣ»; встрѣчаются выраженія: «не води Ляховъ Кыеву», «зая Гръки и зая у нихъ имѣнье» и вмѣстѣ «приде Ярополкъ изъ Ляховъ», «приде Олегъ изъ Грэкъ»²⁾ и т. п. Чехи упоминаются не только въ поговорочномъ выраженіи о Святополкѣ: «прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехи»; но и въ смыслѣ несомнѣннаго историческаго факта; въ 1076 г. Володиміръ Всеволодовичъ и Олегъ Святославичъ ходили «Ляхомъ въ помощь на Чехы». «Нѣмцы» въ лѣтописи XI в. употреблялось въ смыслѣ Нѣмецкой имперіи, какъ можно судить по тому, что о посольствѣ Нѣмецкаго импе-

1) Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ, ч. II, 1844, стр. 239.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 64, 74, 88.

ратора Генриха IV въ 1075 г. въ Россію сказано: «придоша сли изъ Нѣмцѣ», которымъ Святославъ показывалъ, величалъ, множество золота и серебра и паволокъ; но они сказали: «се ни въ что же есть, се бо лежить мертво: сего суть кметье луче, мужи бо ся доищуть и болше сего»¹⁾. Кромѣ названія отдѣльнаго народа, слово «Нѣмцы» имѣло преимущественно общій смыслъ, означая всѣхъ иностранцевъ безъ опредѣленія народности. Глубокою древностью отзываются слова лѣтописца: «Югра же людѣ есть языкъ *нѣмъ*»; значеніе это удержалось и въ позднѣйшія времена; такъ въ нашихъ старинныхъ космографіяхъ и ландкартахъ говорится объ Америкѣ, что она «изыскана отъ Шпанскихъ и Французскихъ Нѣмцѣ»²⁾. Особенно часто древняя лѣтопись вспоминаетъ имя Грековъ, ибо древняя Русь была въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Греціею. Съ Греками Русскіе имѣли переговоры еще до водворенія въ Русской землѣ Христовой вѣры, какъ можно заключить и изъ договоровъ Олега и Игоря и по лѣтописнымъ извѣстіямъ въ родѣ слѣдующей бесѣды Русскаго посла съ Греками въ 971 году: Святославъ посла къ Грекомъ, глаголя: «хочю на вы ити, взяти градъ вашъ, яко и сей (Переяславецъ)», и рѣша Грьци: «мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны колько васъ, да вдамы по числу на главы», и рече имъ Святославъ: «есть насъ 20 тысящъ», и прирече 10 тысящъ³⁾. Въ послѣдствіи связь Руси съ Греціею была преимущественно религіозная. Та же религіозная цѣль обнаруживается и въ древнѣйшихъ сношеніяхъ нашихъ съ другими частями свѣта: по свѣдѣтельству лѣтописей, св. Владиміръ посылалъ пословъ въ Іерусалимъ, Египетъ и другія страны, служившія нѣкогда мѣстопробываніемъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ. Въ Сте-

1) Тамъ же, I, 85. Ср. Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, т. II, стр. 85—86, изд. Смирдина 1851.

2) Ср. Полевато: О географическихъ свѣдѣніяхъ древнихъ Россіянъ, въ «Очеркахъ Русской литературы», ч. 2, стр. 426, и т. п.

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 29.

пенной Книгѣ говорится, что св. Владиміръ «послаше гостей и пословъ своихъ, идѣже есть благочестивая вѣра христіанская, во Іерусалимъ же и во Египетъ, да и тамо увѣсть богоугодныхъ мужей пребываніе и церковное благолѣпіе; инѣхъ же въ Римъ посылаше, другихъ же и въ Вавилонъ, не яко Латинскихъ и Ассирійскихъ законъ испытую, но обычаевъ коеяждо земли со- глядая, да отъ всѣхъ разумно будемъ ему»¹⁾. Съ другой стороны путешественники изъ Египта, Сиріи и другихъ восточныхъ странъ часто посѣщали Русскую землю, вѣроятно, въ слѣдствіе преслѣдованія христіанъ магометанами, достигшаго крайней лю- тости въ концѣ X и началѣ XI столѣтія²⁾. Кромѣ религіозныхъ, были у насъ сношенія и политическія и торговыя со многими иностранными народами. Извѣстны брачныя союзы древнихъ князей нашихъ: еще Святославъ женилъ сына своего Ярополка на Гречанкѣ «красоты ради лица ея», замѣчаетъ лѣтописецъ, вспоминая о прекрасной «Грекинѣ» подъ 977 годомъ³⁾; но она выдана замужъ ранѣе, ибо лѣтопись говорятъ ясно: «бѣ бо при- велъ отецъ его *Святославъ* и *вда* ю за Ярополка», а Святославъ умеръ въ 972 г. Сыновья Ярослава, внуки Владиміра св., были женаты: Изяславъ на сестрѣ Казимира Польскаго, Всеволодъ на Греческой царевнѣ; дочери Ярослава были замужемъ: Анна за Французскимъ королемъ Генрихомъ I, Анастасія за Венгерскимъ королемъ Андреемъ I; Нѣмецкій императоръ Генрихъ IV былъ женатъ, какъ полагаетъ Карамзинъ, на Аннѣ или Янкѣ, одной

1) Книга Степенная, 1775, ч. I, стр. 170; то же извѣстіе въ «Русской лѣто- писи» по Никонову списку, 1767, ч. I, стр. 111; то же у Татищева въ Исторіи подъ 1001 годомъ. Это свидѣтельство нашихъ позднѣйшихъ лѣтописей при- знаетъ достойнымъ вѣроятія авторъ ученаго изслѣдованія о церкви Русской при св. Владимірѣ, помѣщеннаго въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1853 годъ.

2) Христіанское Чтеніе. 1853. Юнь. Церковь Русская во дни св. Владиміра и Ярослава (окончаніе), стр. 474—475. Въ подтвержденіе сказаннаго приведено въ этой статьѣ свидѣтельство древняго жизнеописанія препод. Θεοδοσία: «и се придоша странники въ градъ той.. и въпроси ихъ (Θεοδοσίη), откуда суть и камо грядуть; онѣмъ же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмы, и аще Богу воляшу воспыть хоцѣмъ ити».

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 32.

изъ дочерей Всеволода: летописецъ западный, не называя ея имени, говоритъ только: «*imperator duxit filiam regis Russo-rum*», и передастъ при этомъ любопытный рассказъ о пѣломудріи Русской княжны¹⁾. Но если извѣстія о бракахъ владѣтельныхъ особъ и кажутся нѣкоторымъ не вполне убѣдительными касательно вліянія ихъ на сношенія ихъ между подданными²⁾; то мы имѣемъ положительныя, восходящія къ XII вѣку, свидѣтельства о томъ, что сношенія съ иностранцами не ограничивались княжескими семействами, а производились между самими народами. Когда Святославъ, отецъ Игоря Сѣверскаго, разгромилъ землю Половецкую, и самъ Кобыкъ явился во дворцѣ Святослава, тогда, по выраженію Слова о полку Игоревѣ, «ту Нѣмци

1) О брачныхъ союзахъ княжескихъ въ древней Руси см. *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. II, стр. 34—38, изд. Смирдина, 1851, и примѣчанія ко 2-му тому: 40—48 и 157. Также *Погодина*: Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, т. III, 1846, стр. 95—99.

2) Г. Погодинъ (Изслѣдованія и пр., т. III, стр. 98) замѣчаетъ, что «нѣкоторыя изъ сихъ извѣстій (о княжескихъ бракахъ) должны быть еще подвергнуты критикѣ, и имѣють нужду или въ подкрѣпленіяхъ, или въ поясненіяхъ.... свидѣтельства важны, а возраженія натянуты». Сисмонди, признавая достовѣрность извѣстія о бракѣ Русской княжны Анны съ Французскимъ королемъ Генрихомъ I, видитъ въ немъ доказательство именно того, что Русь не имѣла рѣшительно никакихъ сношеній съ западною Европою. Въ своей «*Histoire des Français*» Сисмонди говоритъ: «*Il paraît qu'il (т. е. Ярославъ) fit offrir sa fille à l'empereur Henri I (1043). Cette négociation révéla cependant à la France l'existence, non seulement de la princesse Anne, mais même des Russes, dont il est probable que la cour de Henri I n'avait encore jamais entendu parler. Ce roi découragé par la perte des deux premières princesses, qui ne lui avaient point donné des fils, sentant qu'il avançoit en âge, et attribuant leur mort prématurée à un jugement du ciel, parce que, sans s'en douter, il s'était peut-être apparenté avec elles dans quelqu'un des degrés prohibés par les lois canoniques, résolut de chercher une femme si loin de lui, qu'il fût bien sûr de n'avoir avec elle aucune sorte de parenté.*» *Histoire des Français par Simon de Sismondi. 1823. т. IV, стр. 265—267.* Карамзинъ также объясняетъ выборъ Генриха I боязнию подпасть осужденію папы за кровосмѣшеніе съ родственницей, хотя бы самую далекою: будучи собственникомъ государей содѣственниковъ, Генрихъ искалъ себѣ невесты въ странѣ отдаленной. Карамзинъ въ этомъ слѣдовалъ мнѣнію Левека въ его «*Mémoire sur les anciennes relations de la France avec la Russie*». См. *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, изд. 1851, т. II, стр. 36 и примѣчаніе 42.

и Вenedици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю»: изъ этихъ народовъ Русскіе узнали Венеціанъ впервые во время крестовыхъ походовъ¹⁾. Въ высшей степени замѣчательно свѣдѣтельство древнѣйшаго лѣтописца Польскаго Мартина Галла; оно показываетъ, что Русскій народъ издревле находился въ сношеніяхъ съ другими Европейскими народами и эти сношенія служили даже поводомъ для знакомства Европейцевъ съ нашими западными соплеменниками: Мартинъ Галль счелъ нужнымъ въ началѣ своей хроники сдѣлать краткій статистическій очеркъ Польши, потому что, говоря его собственными словами, «*regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio paucis nota*»²⁾. Эти путники въ Россію, очевидно, были западные Европейцы, а цѣль ихъ путешествія, торговля, указываетъ ихъ непосредственное сношеніе съ массою народа. Только иго Монгольское разъединило на время Россію съ остальною Европою; но съ ослабленіемъ его снова возникаютъ разнообразныя сношенія иноземныя: по свѣдѣтельству лѣтописи, въ 1489 году, въ теченіе одного мѣсяца, были отправлены посольства во многія страны на западъ и югъ Европы. Въ мартѣ 1499 года пришелъ «посолъ къ великому князю на Москву отъ Шамахѣйскаго государя, отъ Махмуда султана, и посольство правилъ о любви. Того же мѣсяца марта послалъ князь великій посольствомъ Дмитрея Иванова сына Ралева Грека да Митрофана Ѳедорова сына Карачарова за море до Италійскихъ странъ о своихъ потребахъ; да съ ними же вмѣстѣ послалъ Михайла Погожего посольствомъ на Краковъ къ Албрехту королю Полскому, а изъ Кракова послы пойдона къ Угорьскому королю Владиславу, а оттолѣ въ Венецію. Того же мѣсяца марта послалъ князь великій въ Царьгородъ къ Баазитъ салтану съ грамоты Олешу Голохвастова. Того же лѣта, іюня 1,

1) Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 352. Русскія достопамятности, часть III, стр. 110.

2) Martini Galli Chronicon, ed. *Bandtkie*. Varsov. 1824, стр. 13—14.

послалъ князь великій посольствомъ на подводахъ въ Литву Третьяка Василья Долматова»¹⁾).

Всѣ эти разнообразныя сношенія заставляють необходимо допустить существованіе способовъ взаимнаго сообщенія. Эти способы опредѣлялись характеромъ и продолжительностью сношеній, а также и степенью образованности иностраннаго народа: съ народами незначительными, столкновенія съ коими были рѣдки и только случайны, довольствовались нѣмымъ объясненіемъ посредствомъ жестовъ; съ иными народами совѣщались при помощи переводчиковъ, толмачей; съ нѣкоторыми объяснялись на ихъ языкѣ. Такъ на сѣверѣ жилъ народъ Югра, и одинъ Новгородецъ сказывалъ препод. Нестору, что отрокъ его ходилъ «въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку: суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть *не разумѣти языку ихъ*, но кажутъ на желѣзо и *помаваютъ рукою, просяще желѣза*; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, ли сѣкиру, даютъ скорою противу»²⁾). Весьма естественно, что къ подобному разговору тѣлодвиженіями прибѣгали иногда въ древней Руси, какъ должны были прибѣгать къ нему всѣ Европейскіе путешественники при первой встрѣчѣ съ народами дикими; но само собою разумѣется, что такой способъ объясненія слишкомъ недостаточенъ и возможенъ только на первыхъ порахъ знакомства съ чужеземнымъ народомъ, скоро уступая мѣсто сообщенью посредствомъ языка. Число знающихъ языки иностранныхъ народовъ зависѣло отъ круга сношеній съ этими народами; оно было значительно, если иностранцы сносились со всею массою народа, и было невелико, если связи касались только высшаго сословія; въ этомъ случаѣ число знатоковъ ограничивалось переводчиками

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. VI, 1853. Софійская первая лѣтопись, стр. 43.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 107.

съ разныхъ иностранныхъ языковъ. Между переводчиками были и природные Русскіе, и нѣкоторые изъ нихъ обладали знаніемъ чужихъ языковъ въ совершенствѣ, какъ можно заключить по ихъ назначенію къ дѣламъ дипломатическимъ. Если молчаніе лѣтописи о переводчикахъ считать доказательствомъ, что ихъ дѣйствительно не было, то значить, наши послы въ XV вѣкѣ владѣли языками тѣхъ народовъ, къ которымъ были отправлены; а эти послы, Погожей, Голохвастовъ, Третьякъ и др., были безъ сомнѣнія Русскіе. Также Русскіе были «толмачи Власій и Митя», о которыхъ упоминаетъ Максимъ Грекъ, и которымъ онъ переводилъ съ Греческаго на Латинскій, а они съ Латинскаго на Славянскій¹⁾. Въ началѣ XVI в. Русскій *Дмитрій Щербатовъ* былъ употребляемъ для переговоровъ, ибо зналъ Нѣмецкій языкъ по свидѣтельству самого посланника Нѣмецкаго. Въ статейномъ спискѣ читаемъ, что въ 1505 году іюня 16 намѣстники прислали изъ Новгорода къ Іоанну III Васильевичу грамоты Нѣмецкаго посла, полученныя изъ Иванъгорода отъ князя Константина Ушатаго, сообщившаго о нихъ слѣдующее: «Здѣсе прислалъ ко мнѣ Юштъ Римскаго короля цесаря да Испанскаго посолъ, чтобы азъ выслалъ къ нему сына боярскаго, да съ нимъ *Дмитріа Щербатова* на рѣку; а *Дмитрій* языку нашему умѣетъ и меня знаетъ, а азъ тутю же буду на рѣкѣ, да и грамоты дамъ ко государемъ Русскимъ царемъ»²⁾ и пр.

Фабри, извѣстный богословъ своего времени, по порученію короля Фердинанда, имѣлъ въ Тюбингенѣ переговоры съ Русскими послами, возвращавшимися изъ Испаніи въ 1525 году. Онъ спрашивалъ ихъ о нравахъ и обычаяхъ Русскихъ и въ особенности о религіи; разговоръ происходилъ при помощи переводчика, родомъ Русскаго, знавшаго по-Нѣмецки и по-Латыни³⁾.

1) Карамзина Исторія Госуд. Росс., т. VII, примѣч. 340. — Москвитиния 1842, № II, статья «Максимъ Грекъ», стр. 47.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. I, 1851, стр. 125—126.

3) См. Regum Moscoviticarum auctores varii. Francofurti. 1600. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio, a D. Joanne Fabri aedita. Стр. 130—131. Въ началѣ

При посольствѣ, отправленномъ въ Венецію въ 1656 году, переводчикомъ былъ природный Русскій, Тимошей Топоровскій, знавшій Италіанскій языкъ¹⁾. Природные же Русскіе были переводчиками при сношеніяхъ съ Нѣмецкою имперією; таковы: толмачъ Ивашко Давыдовъ, толмачъ Истома Малый, и др.²⁾.

При посольскомъ приказѣ состояло у насъ значительное число переводчиковъ для перевода съ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Шведскаго, Польскаго, Татарскаго и другихъ языковъ. Вотъ любопытное свидѣтельство Кошихина о дѣятельности нашихъ переводчиковъ: «Для переводу и толмачества переводчиковъ Латинскаго, Свѣйскаго, Нѣмецкаго, Греческаго, Полскаго, Татарскаго, и иныхъ языковъ, съ 50 человекъ, толмачевъ 70 человекъ. А бываетъ тѣмъ переводчикомъ на Москвѣ работа по вся дни, когда прилучатся изъ окрестныхъ государствъ всякіе дѣла, также *старые письма и книги для испытанія велятъ имъ переводити*, кто каковъ къ переводу добръ, и по тому и жалованье имъ дается; а переводятъ сидячи въ приказѣ, и на дворы имъ самимъ переводити не даютъ, потому что опасаются всякіе порухи отъ пожарнаго времени и иные причины»³⁾.

Но и безъ толмачей могли обходиться предки наши, и не только въ XVII столѣтіи, но даже и въ древнія времена. Несомнѣннымъ доказательствомъ этому служитъ драгоценное извѣстіе о Русскомъ князѣ XI столѣтія, владѣвшемъ пятью иностранными языками. еще древнѣе преданіе о бесѣдѣ съ иностранцами князя, имя котораго заветно и для нашей исторіи, начиная съ лѣтописи Нестора, и для нашей народной поэзіи. Я говорю о св. Владимірѣ и его разговорахъ съ проповѣдниками

своего сочиненія Фабри говоритъ, что свѣдѣнія о Россіи онъ почерпнулъ изъ разговоровъ съ Русскими, и это было ему довольно легко, потому что, говоря его собственными словами, «*interprete utebantur ipsi, qui cum et natus Moscovita esset, praeter suam vernaculam linguam et Germanice et Latine mediocriter callebat*».

1) Русскій историческій сборникъ, т. III, книжка 4, стр. 325.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній, III, 126 и др.

3) О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, Кошихина, 1840, стр. 68.

четырёхъ религій. Это преданіе подвергалось суду нашихъ историковъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, что показываетъ немало-важность его историческаго значенія; собственно же для нашей цѣли онъ имѣетъ особый интересъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ бесѣды Русскихъ съ иностранцами. Поэтому мы коснемся замѣчательнаго преданія старины, упомянувъ предварительно о мнѣніяхъ о немъ нашихъ ученыхъ. Карамзинъ считалъ прибытіе миссіонеровъ случаемъ вѣроятнымъ, а разговоръ съ ними какъ бы изобрѣтеніемъ самого лѣтописца, хотя и близкимъ къ истинѣ, какъ можно судить по слѣдующему отзыву; «лѣтописецъ нашъ *угадывалъ*, какимъ образомъ проповѣдники вѣры *долженствовали* говорить съ Владиміромъ»¹⁾. Полевой, всегда рѣшительный въ своихъ приговорахъ, называетъ все повѣствованіе о вѣропроповѣдникахъ не болѣе, какъ «поэмою въ родѣ духовныхъ мистерій»²⁾. Г. Погодинъ, не раздѣляя вполне мнѣнія Полеваго, находитъ однако же подлежащими еще критикѣ «нѣкоторыя извѣстія въ Несторовомъ описаніи принятія Христіанской вѣры Владиміромъ, которое очень естественно должно было сдѣлаться предметомъ самыхъ частыхъ и любимыхъ разсказовъ народныхъ, какъ въ послѣдствіи предметомъ *эпопеи*... Какъ всѣ они (миссіонеры) понимали другъ друга, неужели всѣ послы приходили съ переводчиками?»³⁾. Эти недоумѣнія ученый авторъ Исторіи Христіанства въ Россіи разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ береговъ Волги могли придти послами природные Славяне, какъ извѣстно, находившіеся въ составѣ Болгарскаго народа, или и коренные Болгаре, но довольно знакомые съ языкомъ Славянскимъ отъ непрестанныхъ сношеній съ своими сообитателями — Славянами; Евреи Хазарскіе, производившіе цѣлыя вѣки торговлю въ Кіевѣ, могли и сами нѣсколько изучить

1) Исторія Государства Россійскаго, т. I, стр. 211 и 212. Слово «угадывалъ» напечатано курсивомъ въ самомъ подлинникѣ.

2) Полеваю, Исторія Русскаго народа, I, 214.

3) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Поюдина, т. I, стр. 189—191.

языкъ нашъ, могли имѣть и переводчиковъ; Римскій миссіонеръ, еще до того проповѣдывавшій въ Россіи, навѣрно, понималъ сколько-нибудь языкъ народа, которому проповѣдывалъ, или, уже безъ сомнѣнія, запасся переводчикомъ; наконецъ философъ Греческій всего скорѣе могъ быть изъ Болгаръ или другихъ племенъ Славянскихъ, обитавшихъ въ Греціи: найти такого проповѣдника Грекамъ было очень легко, а послать — требовало благоразуміе и желаніе себѣ успѣха. И этотъ успѣхъ, дѣйстви-тельно увѣнчавшій проповѣдь философа, не зависѣлъ ли частію и отъ того, что благовѣстникъ, владѣя въ совершенствѣ Славянскимъ языкомъ, весьма ясно напечатлѣлъ въ умѣ и сердцѣ нашего великаго князя истины Христіанства»¹⁾. Такъ объяснялось извѣстіе, просто и вѣрно записанное Несторомъ подъ 986 годомъ: «придоша Болгары вѣры Бохъмичѣ... потомъ же придоша Нѣмци... се слышавше Жидове Козарьстіи придоша... посемъ же прислаша Грьци къ Володимеру философа»²⁾ и т. д. Все повѣствованіе лѣтописи о прибытіи и совѣщаніяхъ пословъ отличается простотою и правдивостію. Несторъ видимо желалъ передать событіе въ возможной точности; для этой цѣли онъ приводитъ подробно ученіе вѣры, предложенное Греческимъ философомъ: весьма естественно въ умномъ князѣ желаніе подробнѣе познакомиться съ догматами вѣры, къ коей зарождалось въ немъ сочувствіе; еще необходимѣе было для миссіонера объяснить эти догматы. Несторъ зналъ подробности совѣщаній и съ другими миссіонерами, но записалъ только черты наиболѣе характеристическія, признавая противнымъ религіозному чувству и даже приличію долго останавливаться на ученіяхъ ложныхъ и соблазнительныхъ: особенности религіи Папистовъ и Евреевъ указаны въ нѣсколькихъ словахъ, а также немного говорится о вѣрѣ Болгарской, съ замѣчаніемъ, что проповѣдникомъ ея предложена была «и ина многа лєсть, ея же не лѣзѣ псати срама

1) Исторія Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра. Соч. архимандрита Макарія. Спб., 1846, стр. 348.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 36 и слѣд.

ради». Въ преданіи, записанномъ Несторомъ, видна близость его по формѣ съ легендою, жившею въ его время въ памяти и устахъ народа; въ лѣтописномъ извѣстіи удержанъ колоритъ живаго разсказа: такъ, когда сказали Владиміру о поклонникахъ Бохмита, что они «омываютъ оходы своя и по брадѣ мажутся, также и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: си слышавъ Володимеръ, *плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло*»¹⁾).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Несторъ не могъ позволить себѣ произволъ и умышенное уклоненіе отъ дѣйствительнаго факта въ извѣстіи о такомъ событіи, въ которомъ самъ онъ видѣлъ залогъ спасенія Русской земли; извѣстіе, что въ Кіевъ приходили вѣропроповѣдники и *бесѣдовали* со Владиміромъ, должно признать достовѣрнымъ, переданнымъ лѣтописью съ точностью. Но въ чемъ состояла эта точность: въ буквальной ли передачѣ совѣщаній, или только въ вѣрномъ удержаніи мысли, выраженной авторомъ по-своему? Вопросъ этотъ въ рѣшеніи своемъ съ точки зрѣнія лингвистической сливается съ вопросомъ о значеніи разговорной формы, весьма обычной въ нашихъ лѣтописяхъ. Обыкновенно объясняли ее желаніемъ Нестора придать разсказу своему драматическую форму по образцу библейскому²⁾; но такое желаніе предполагаетъ нѣкоторую искусственность, несогласную съ общимъ характеромъ простоты, отличающимъ лѣтописное повѣствованіе, и не справедливѣ ли видѣть въ этой формѣ не иное что, какъ синтактическую особенность Русскаго языка въ древній періодъ его исторіи?

1) Ср. въ былинѣ: «Ставрѣ бояринѣ» о Владимірѣ:

А *плюнулъ* князь, да и прочь пошелъ:
«Глупая княгиня, неразумная!
У тя волосы долги, умъ коротокъ;
Называешь ты богатыря женщиною»...

(Древнія Россійскія стихотворенія. М., 1819, стр. 129).

2) Несторъ, Русскія лѣтописи на древне-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя *Шлецеромъ*, перев. *Языкова*, I, Кп: «Слогъ повѣствованія Нестора не похожъ на Византійскій, но на библейскій: онъ заставляетъ дѣйствующихъ лица говорить самихъ, точно какъ въ историческихъ книгахъ древняго заветъа».

Всякій разговоръ естественно происходитъ такимъ образомъ, что слова одного разговаривающаго лица смѣняются словами другаго. Поэтому самый простой способъ передачи разговора будетъ состоять въ томъ, чтобы приводить попеременно слова собесѣдниковъ. Такая форма разговора весьма обычна въ народныхъ преданіяхъ; она же удержана и Несторомъ при сообщеніи народныхъ преданій. Но писатель, подчиняющійся синтаксису болѣе утонченному, изъ отдѣльныхъ фразъ разговора образуетъ стройный періодъ съ предложеніями главными и придаточными, и всю мысль выражаетъ отъ своего лица: если же приводитъ чужія слова, то старается передать ихъ въ характеристическомъ видѣ. При этихъ условіяхъ возникаетъ драматическая форма. Она есть форма искусственная и состоитъ скорѣе въ приведеніи не короткихъ фразъ, а цѣлыхъ рѣчей, влагаемыхъ въ уста изображаемыхъ лицъ. Что Несторъ далекъ былъ отъ искусственности, очевидно изъ самаго способа передачи имъ разговора:

«Рече Володимеръ (Жидамъ): что есть законъ вашъ? Они же рѣша: обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, субботу хранити. Онъ же рече: то гдѣ есть земля ваша? Они же рѣша: въ Ерусалимѣ. Онъ же рече: то тамо ли есть? Они же рѣша: разгнѣвался Богъ на отцы наши и расточи ны по странамъ» и т. д. Это мѣсто Карамзинъ, сообразно современному синтаксису Русскаго языка, передалъ посредствомъ предложеній главныхъ и придаточныхъ такимъ образомъ: «Выслушавъ Іудеевъ, Владиміръ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? Въ Іерусалимѣ, отвѣтствовали проповѣдники, но Богъ во гнѣвъ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ»¹⁾. И тотъ и другой способъ передачи принадлежитъ лично авторамъ, завися отъ современныхъ имъ синтаксическихъ условій языка, отъ степени усвоенія имъ періодическаго теченія рѣчи.

Нельзя допустить, чтобы Несторъ вѣрилъ, что именно такими словами говорили послы съ Владиміромъ, какъ могъ вѣ-

1) Исторія Государства Россійскаго, I, стр. 211—212.

рять этому народъ, рассказывая преданіе. Это возможно было бы тогда только, если бы Несторъ записалъ преданіе, нисколько не подумавши о томъ, что память народная не могла сохранить его въ буквальной точности. Но такую необдуманность едва ли допустить въ Несторѣ тотъ, кто наблюдалъ характеръ его, какъ писателя. Тѣмъ не менѣе разговоръ происходилъ дѣйствительно, и невольно возникаетъ вопросъ, на какомъ языкѣ происходилъ онъ и были ли при этомъ переводчики? Судя по разсказу лѣтописному, можно съ одинаковымъ правомъ полагать, что или всѣ послы говорили по-Русски, или Владиміръ съ нѣкоторыми изъ нихъ, если не со всѣми, говорилъ на ихъ языкѣ. Одно изъ двухъ необходимо, и притомъ, какъ трудно допустить, чтобы Владиміръ изучалъ предварительно языки именно тѣхъ народовъ, которые неожиданно прислали къ нему миссіонеровъ, такъ невозможно и то, чтобы послы четырехъ иностранныхъ народовъ выучились Русскому языку вдругъ въ одинъ и тотъ же короткій срокъ. Одно заключеніе кажется самымъ естественнымъ: оно состоитъ въ томъ, что послы, а можетъ быть, отчасти и Владиміръ, знали задолго до 986 года тотъ иностранный языкъ, которымъ каждый говорилъ въ совѣщаніяхъ, и познакомились съ этимъ языкомъ не по случаю предстоявшей миссіи, а въ слѣдствіе другихъ причинъ, а всего естественнѣе, въ слѣдствіе взаимныхъ сношеній Русскихъ съ четырьмя другими народами. Поэтому не будетъ нисколько произвольнымъ заключеніе, что Русскіе въ X столѣтіи имѣли сношенія съ Болгарами, Нѣмцами, Евреями, Греками, и какъ сношенія съ иностранцами требуютъ знанія иностранныхъ языковъ, то слѣдовательно въ X вѣкѣ между Болгарами, Нѣмцами, Евреями и Греками были знавшіе Русскій языкъ; съ другой стороны и между Русскими были знавшіе Болгарскій, Нѣмецкій, Еврейскій и Греческій языки. Такой выводъ опредѣляетъ, какъ полагаемъ, значеніе Несторова извѣстія для исторіи языкознанія въ Россіи. Что касается до переводчиковъ, то, основываясь на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, слѣдуетъ принять, что или Владиміръ говорилъ безъ переводчиковъ, или

въ другіе разговоры Русскихъ съ иностранцами, приводимые въ лѣтописи, происходили черезъ переводчиковъ; но противъ послѣдняго положенія говорятъ многіе примѣры непосредственнаго объясненія, подобно разговорамъ съ князьями Касожскимъ и Печенѣжскимъ; первое же тѣмъ вѣроятнѣе, что назначеніе въ переводчики предполагаетъ въ назначаемомъ нѣкоторую образованность и познанія, которыя легко могли доставить ему и самое званіе миссіонера.

Мы остановились съ подробностью на достопамятномъ преданіи по той причинѣ, что при разсмотрѣніи почти каждаго вопроса въ народныхъ древностяхъ нельзя упускать изъ виду повѣрій и преданій, которыя всегда удерживаютъ вѣрныя черты прошедшаго, чуждаясь всякой неправды, по убѣжденію современныхъ изслѣдователей народной словесности¹⁾.

Тѣмъ менѣе могли мы оставить его безъ вниманія, что данныхъ для исторіи языкознанія въ древней Руси весьма немного. Иныя скрываются въ преданіи глубокой древности, записанномъ людьми книжными; другія разсѣяны по сочиненіямъ о Россіи иностранныхъ путешественниковъ, изъ коихъ очень немногіе обращали должное вниманіе на бытъ Русскій и тѣмъ приобрѣли право на довѣріе; еще менѣе положительныхъ указаній отечественныхъ лѣтописей.

Древнѣйшее изъ историческихъ извѣстій принадлежитъ Владимиру Мономаху и относится къ отцу его Всеволоду Ярославичу (1078—1093). Въ своемъ «Поученіи» Владиміръ Мономахъ говоритъ: «его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите; яко бо отецъ мой, дома сѣдя, *изумляше 5 языкъ*: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель»²⁾. Еще въ XVIII столѣтіи высказано мнѣніе о языкахъ, которыми вла-

1) Cp. Deutsche Sagen. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin, 1816, стр. X: Die Lüge ist falsch und böse; was aus ihr herkommt, muss es auch seyn. In den Sagen und Liedern des Volks haben wir noch keine gefunden: *es lässt ihren Inhalt, wie er ist und wie es ihn weiss*».

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 102.

дѣлъ Всеволодъ. Издатель Поученія Мономахова графъ Мусинъ-Пушкинъ полагалъ, что эти языки были: 1) *Греческій*, по причинѣ торговыхъ и религіозныхъ сношеній съ Греками, изъ коихъ многіе жили въ Кіевѣ домами; 2) *Латинскій*, «по причинѣ *всеобщаго* его въ то время употребленія, почему многіе князи Русскіе ему обучались»; 3) *Нѣмецкій*, потому что много Нѣмцевъ было въ Русской службѣ; 4) *Венгерскій*, по сосѣдству и частому сношенію, и 5) *Половецкій*, по ближайшему сосѣдству и непрерывному сношенію; если же не эти языки, то или *Болгарскій*, (Болгарь Волжскихъ), *Козарскій* и *Торческій*, *Лзскій*, *Касожскій* и *Обезской*, или же *Польскій*, *Литовскій*, *Карельскій*, *Финскій* и т. д. ¹⁾. Карамзинъ склоняется къ первой догадкѣ Мусина-Пушкина, ограничивая число иностранныхъ языковъ четырьмя: «вѣроятно *Греческій*, *Скандинавскій*, *Половецкій* и *Венгерскій*, кромѣ Русскаго» ²⁾. За отсутствіемъ положительныхъ указаній, возможны только предположенія, болѣе или менѣе близкія къ истинѣ. Такъ можно допустить, что въ числѣ пяти языковъ былъ непременно Греческій, знакомый Русскимъ съ древнѣйшихъ временъ; остальные четыре языка были скорѣе западные, нежели восточные и сѣверные, т. е. народовъ сопредѣльныхъ Руси на сѣверѣ и востокѣ, потому что знаніе Нѣмецкаго или Венгерскаго болѣе могло доставить «чести отъ нѣхъ земель», нежели знаніе какого-нибудь Печерскаго или Самоѣдскаго. Притомъ Греческому и отчасти западнымъ языкамъ, имѣвшимъ нѣкоторые письменные памятники, удобнѣе было выучиться «дома сѣдя», нежели языкамъ нашихъ сосѣдей, вовсе чуждымъ письменности и извѣстнымъ намъ въ слѣдствіе одного близкаго сосѣдства и торговыхъ сдѣлокъ, т. е. по живому только употребленію. Какъ бы то ни было, знаніе пяти языковъ представляетъ явленіе необыкновенное въ Европѣ XI вѣка, да и въ позднѣйшихъ вѣкахъ оно возбуждало общее удивленіе, высказавшееся въ преданіи о

1) Духовная Великаго Князя Владиміра. Спб., 1792, стр. 27—28.

2) Исторія Государства Россійскаго, II, примѣч. 233.

Нѣмецкомъ Императорѣ Карлѣ IV, владѣвшемъ, подобно Всеволоду, пятью языками; знаніе пяти языковъ ставили въ особенную заслугу Европейскіе ученые даже XVI и XVII столѣтія¹⁾. Мономахъ совѣтуетъ подражать примѣру даровитаго Всеволода, и благой совѣтъ могъ подѣйствовать не только на сыновей автора, но и на другихъ читателей его Поученія, коихъ онъ надѣялся имѣть, какъ видно изъ словъ его: «да дѣти мои или *иизъ кто*, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтесь»²⁾. Само собою разумѣется, что счастливый даръ къ изученію языковъ, какимъ обладалъ Всеволодъ, могъ встрѣчаться только изрѣдка; несравненно же чаще бывали примѣры знакомства съ однимъ какимъ-либо иностраннымъ языкомъ. Это знакомство условливалось прежде всего мѣстопробываніемъ и образомъ жизни лица. Изученіе языковъ, зависѣвшее отъ внѣшнихъ причинъ—географическаго положенія или торговли, ограничивалось по большей части разговорнымъ употребленіемъ, бывши распространено между массаи народа; при сношеніяхъ болѣе рѣдкихъ знаніе иностранныхъ языковъ оставалось на долю классу наиболѣе образованному.

Въ большей или меньшей степени извѣстны были въ древней Руси въ слѣдствіе разнородныхъ сношеній языки племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи и названныхъ нами выше, и тѣхъ народовъ западной Европы, съ коими существовали у насъ политическія и торговыя связи, какъ-то: Скандинавовъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, Поляковъ и т. п. Лѣтопись сообщаетъ извѣстія о сношеніяхъ съ этими народами, и притомъ такого рода, что необходимо допустить полное взаимное пониманіе обѣихъ сторонъ, а оно возможно только при объясненіи посредствомъ слова, устномъ или письменномъ.

1) *Thresor de l'histoire des langues de cest univers, par Claude Duret. Seconde édition. 1619, p 963: «entre les Cretiens Origène Alexandrin a esté un des plus excellent en la cognoissauce des langues pour en sçavoir cinq parfaitement: l'Hebraïque, Syriaque, Egyptienne, Grecque et Latine».*

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 100.

Всѣ разговоры Русскихъ съ иностранцами, записанные древнею лѣтописью, носятъ характеръ живой, устной бесѣды: довольно вспомнить объясненіе Прѣтича съ княземъ Печенѣжскимъ или Мстислава съ княземъ Касожскимъ. На вопросъ: «а ты князь ли еси»? Прѣтичъ отвѣчалъ: «азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идетъ полкъ со княземъ безъ числа множество». Рече князь Печенѣжскій къ Прѣтичу: «буди ми другъ»; онъ же рече: «такъ створю». И подаста руки межю собою» и помѣнялись дарами. Князь Касожскій Редедя обратился къ Мстиславу съ слѣдующими словами: «что ради губивѣ дружину межю собою? но сѣидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмешъ имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все», и рече Мстиславъ: «такъ буди». И рече Редедя ко Мстиславу: «не оружемъ ся бевѣ, но борбою», и ястася бороти крѣпко ¹⁾).

Если подобныя извѣстія историческая критика считаетъ не болѣе, какъ народными сагами, то тѣмъ не менѣе въ основаніи ихъ лежитъ дѣйствительное событіе. Во всемъ разсказѣ о сношеніи Прѣтича съ Печенѣжиномъ историки находятъ вѣрнымъ только то, что Печенѣги осаждали Кіевъ, однакожь безъ успѣха ²⁾). Съ такою же справедливостію можно сказать, что во всемъ разговорѣ Русскаго вождя съ Печенѣжскимъ вѣрно только то, что Русскіе и Печенѣги могли и должны были говорить другъ съ другомъ, часто приходя въ столкновеніе. То же должно допустить и о другихъ инородцахъ, память о которыхъ сохранилась въ лѣтописи въ видѣ народнаго преданія, саги. На какомъ же языкѣ объяснялись собесѣдники? Русскіе ли говорили языкомъ своихъ сосѣдей, или наоборотъ, всѣ инородцы говорили по-Русски, и такимъ образомъ отдѣльные ручьи сливались въ Русскомъ морѣ, по выраженію поэта? Хотя очевидный перевѣсъ Руси и во внѣшнемъ и въ нравственномъ отношеніи надъ своими сосѣ-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 28 и 63.

2) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, Погодина, т. I, стр. 181—184.

дами даетъ второму предположенію болѣе вѣроятности, однако исторія представляетъ не одно доказательство тому, что при столкновеніи народовъ, побѣдителя и побѣжденнаго, сильнаго и слабого, происходитъ до извѣстной степени обоюдная уступка, мѣна понятій, обычаевъ, вѣрованій и ихъ существеннаго выраженія—языка. Еще отъ десятаго столѣтія мы имѣемъ извѣстіе о Русскомъ, знавшемъ Печенѣжскій языкъ: когда Печенѣги въ 968 г. осадили Кіевъ, одинъ отрокъ прошелъ съ уздою сквозь непріятельскій станъ, «бѣ бо умѣя Печенѣжски и мняхуть и своего»¹⁾. Если были знатоки языка народа враждебнаго, то тѣмъ скорѣе и въ большемъ числѣ могли быть знатоки языка мирныхъ сосѣдей, — и дѣйствительно были: такъ, напримѣръ, еще въ XIII и XIV вѣкахъ въ Великомъ Устюгѣ былъ въ общемъ употребленіи по торговымъ дѣламъ языкъ Зырянскій²⁾, и т. п.

Продолжительнѣе, нежели съ Половцами и Печенѣгами, были, къ сожалѣнію, связи наши съ Монголами. Во все время нашего угнетенія бывали между Русскими знатоки языка угнетателей. Уже въ началѣ ига посолъ папскій Плако-Карпини нашелъ у Батыя одного Суздальца (Russien de Susdal), бывшаго толмачемъ при сынѣ князя Ярослава (duc Jeroslaus)³⁾. Кромѣ свидѣтельствъ о частныхъ лицахъ, знавшихъ Монгольскій языкъ, мы имѣемъ любопытный памятникъ письменный—ярлыки Монгольскихъ хановъ. Они издаваемы были нѣсколько разъ и иногда встрѣчаются въ рукописяхъ⁴⁾. Извѣстные доселѣ ярлыки въ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 28.

2) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, 1827, т. II, стр. 231.

3) Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, изд. Д. Языковымъ, 1825, стр. 214—215.

4) Они изданы въ Древней Россійской Вивлиоикѣ, ч. VI, 2-е изд., 1788; въ Суздальской лѣтописи, изд. Львовымъ, 1799; въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, 2 том.—Въ рукописи я видѣлъ въ Сборникѣ XV в. Троицко-Сергіевской Лавры № 43, л. 174—190; здѣсь есть приписка, помѣщенная у Новикова съ незначительными отличіями. У Новикова: «иныхъ не возмогахомъ превести, занеже неудобъ познаваемою рѣчію писана быша, ниже

спискахъ XV—XVI в. по всей вѣроятности списаны съ переводовъ древнѣйшихъ. Независимо отъ важности для историческихъ изслѣдованій, ярлыки любопытны и въ филологическомъ отношеніи, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ образцовъ перевода съ языка приставочнаго (agglutinirende) на языкъ флексивный (flexivische). Благодаря отчетливому труду нашего ориенталиста г. Григорьева, можно судить о характерѣ перевода. Языкъ ярлыковъ проникнутъ вліяніемъ Монгольскаго синтаксиса, которое рѣзко выражается двумя особенностями. Во-первыхъ, вмѣсто союзовъ *что* и *чтобы*, которыхъ нѣтъ въ Монгольскомъ, употребляется дикая, въ подобномъ значеніи, для Русскаго языка форма дѣепричастія отъ глагола *говорить*, *молвить*, въ настоящемъ времени или въ прошедшемъ. Во-вторыхъ, второстепенныя части предложенія, которыя по свойству нашего языка ставятся послѣ главныхъ, въ ярлыкахъ поставлены на оборотъ. Вмѣсто такой фразы: «и мы повелѣли, *чтобы* было по прежнему», въ ярлыкѣ Узбека митрополиту Петру: «какъ то было прежь насъ, такъ *молва*, и наше слово уставило». Вмѣсто: «*Царь пожаловалъ митрополита Θεогноста, далъ ему ярлыкъ съ алою тамгою*, на томъ основаніи, *что* поповскій чинъ и тѣ, которые зовутся богомольцами, съ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ не должны платить никакихъ пошлинъ, ибо они молятся за насъ самому Богу и воздають молитвы за племя наше въ родъ и родъ»—въ ярлыкѣ Тайдулы: «Отъ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины: занеже самому Богу

паки ихъ именовахомъ, здѣ довольно бысть, и се разумнымъ къ наказанію, еже отъ Сарацунъ требованіе милости отъ Бога, и къ церкви Божіей милостыня и молитвы, неже правда Христіанская не разумѣющихъ по истинѣ Бога; но ослѣпленныхъ суетою міра сего, еже преобидѣти святыя церкви и дома ихъ». Въ спискѣ Лаврскомъ то же самое мѣсто нѣсколько сокращено: «иныхъ не възмогахомъ прѣвѣсти зане неудобъ познаваемою рѣчью писани быша, ниже пакъ именовахомъ здѣ, довольно бо есть намъ наказаніе отъ Саракинь и еже правда Христіанская не разумѣющихъ по истинѣ Бога, но ослѣпленныхъ суетою, еже преобидити стымъ цркви и дома ихъ».

молятся за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ, такъ *моля, Θεογνωста митрополита царь пожаловалъ, со алою тамою ярлыкъ далъ*». Какъ въ синтаксисѣ много монголизмовъ, такъ въ слогѣ ярлыковъ много руссизмовъ, выражающихъ понятія христіанскія. Слова ярлыка: «да будетъ тому худо», переводчикъ замѣнилъ словами: «во грѣсѣхъ да будетъ»; къ началу ярлыка: «Вышняго Бога силою» прибавилъ: «и вышняя Троицы волею», и пр. ¹⁾. Подобные руссизмы весьма естественны въ опытѣ, относящемся къ періоду литературы, въ которомъ не считалось необходимою наблюдать такое отличіе въ способѣ выраженія описываемыхъ лицъ. Въ памятникахъ XIV или XV вѣка какой-нибудь Мамай, говоря о предметахъ христіанскаго міра, употребляетъ выраженія христіанскія, и тотъ же самый Мамай о своихъ собратахъ отзывается такими укоризненными словами, какими могли говорить о нихъ только враги ихъ—христіане. Въ сказаніи о побоищѣ на Дону приводится слѣдующее воззваніе Мамаея: «пойдемъ на Русскую землю, *церкви Божія* попалимъ огнемъ, законъ ихъ погубимъ, а *кровь христіанскую проліемъ*». Въ томъ же сказаніи говорится, что Мамай, услышавъ о приходѣ князя Дмитрія, «рече княземъ своимъ *темнымъ*: двинемся всею силою моею *темною* и станемъ у Дону», и мн. др. ²⁾.

Собственно для способа объясненія предковъ нашихъ съ народами западной Европы также нѣтъ положительныхъ указаній въ лѣтописяхъ. Лѣтописцы болѣе старались сообщить то, о чемъ бывали совѣщанія у насъ съ иностранцами, нежели то, на какомъ языкѣ происходили они. Изъ западныхъ народовъ, кромѣ соплеменныхъ намъ Чеховъ и Поляковъ, древніе памятники чаще другихъ упоминаютъ Венгерцевъ, Шведовъ, Нѣмцевъ. Многіе Венгерцы избирали Русь мѣстомъ жительства. У князя Бориса слугою и любимцемъ былъ Венгерецъ по имени

1) О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, В. Григорьева, Москва, 1842, стр. 98—105.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, VI, стр. 90 и 93.

Георгій. Въ стѣнахъ древней Русской обители подвизался Венгерецъ, извѣстный подъ именемъ Моисея Угрина. Сношенія Венгровъ съ Русью имѣли такія причины и характеръ, что обойтись безъ словеснаго сообщенія было невозможно. Короли Венгерскіе дѣятельно слѣдили за событіями Руси, часто вступали въ переговоры съ нашими князьями, искали приверженцевъ себѣ между Русскими. Такъ король Венгерскій Бела старался вступить въ союзъ съ княземъ Галицкимъ Данииломъ, и для этой цѣли искалъ содѣйствія митрополита Кирилла II, убѣдивъ его отправиться въ Грецію черезъ Венгрію, и т. п. Сношенія со Шведами всѣ такого рода, что для нихъ необходимо было знаніе языка, на коемъ обѣ стороны предъявляли свои желанія. Лѣтописи говорятъ о *совѣщаніяхъ* Русскихъ со Шведами на съѣздахъ, назначаемыхъ съ различными цѣлями. Между другими находится извѣстіе, показывающее, что въ половинѣ XIV вѣка Шведы желали даже имѣть богословскій диспутъ съ Русскими, подобно тому, какъ спустя почти четыре вѣка желали этого богословы Сорбоннскіе. Новгородская лѣтопись говоритъ, что Магнусъ, король Свѣйской земли, прислалъ къ Новгородцамъ съ такимъ предложеніемъ: пошлите на съѣздъ своихъ философовъ (sic), а я пошлю своихъ, чтобы *переговорили* о вѣрѣ. Я хочу слышать, какая вѣра будетъ лучше; если ваша, то я пойду въ вашу; если наша, то вы идите въ нашу; и «будемъ вси за единъ человекъ». Тогда владыка Новгородскій, посадникъ, тысяцкой и всѣ Новгородцы по совѣщаніи отвѣчали Магнусу: если хочешь узнать, какая вѣра лучше, пошли въ Цареградъ къ патріарху, ибо мы отъ Грековъ приняли вѣру, и не желаемъ спорить о ней съ тобою, «а коя будетъ обида межю нами», о томъ шлемъ къ тебѣ на *съездъ*, и послали Новгородцы Аврама тысяцкаго, Кузму Твердиславля и иныхъ бояръ¹⁾. Если предлагали преніе о вѣрѣ, значитъ были увѣрены, что есть знатоки языка, избираемаго для преній, а отправленіе Новгородцевъ на

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, III: Новгородск. 1-я лѣсъ, стр. 83.

съѣздъ показываетъ, что переговоры между Русскими и Шведами были обычны.

Подобно Шведамъ, лѣтописи упоминають о ихъ соплеменникахъ, Нѣмцахъ, часто имѣвшихъ переговоры съ Русскими; но о языкѣ ихъ также нѣтъ опредѣлительныхъ свидѣтельствъ. Еще въ первой половинѣ XIII вѣка Русскіе заключали договоры съ Нѣмцами. Смоленскій князь отправилъ пословъ своихъ въ Ригу и Готландію, и цѣлю посольства было: «утверживати миръ, а разлюбье на сторону отверечи, которое было межѣ Нѣмци и Смолняны», чтобы добросердье стояло до вѣка, а князю любо было бы, и Смолнянамъ, и Рижанамъ, и *всѣмъ Нѣмцамъ, ходящимъ по Восточному морю* (Ost-See—Балтійскому морю). Въ договорѣ Русину вмѣнено въ обязанность имѣть свидѣтелей при рѣшеніи спорнаго дѣла, и дозволено идти на *общій судъ* — въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ¹⁾. Съ XIII вѣка сношенія съ Нѣмцами не прекращались. Эти сношенія вовсе не были случайными, а напротивъ того могли содѣйствовать даже знакомству иностранцевъ со внутреннимъ бытомъ Россіи. Такъ, между прочимъ, Нѣмцы хорошо знали народную любовь Русскихъ къ гаданьямъ, и рѣшились избрать ее политическою мѣрою. Когда царь Иванъ Васильевичъ возвратился съ похода, говоритъ лѣтопись, тогда пришли Нѣмцы, собравшись изъ заморья, и Лятва изъ Польши; къ царю прислали Нѣмца, лютаго волхва Елисея, и «бысть ему любимъ, въ приближеніи... на Рускихъ людей парю возложи свѣрѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи». Безбожные узнали своими гаданіями, что имъ быть бы разоренными до конца, и прислали злаго еретика, ибо «Рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе»²⁾. Это извѣстіе относится уже къ XVI вѣку, и въ этомъ только столѣтіи является точное свидѣтельство о томъ, что переговоры съ Нѣмцами происходили иногда и безъ переводчиковъ. Отсюда можно сдѣлать заключеніе и о времени предше-

1) Русскія достопамятности, часть II, стр. 245—273.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, IV: Псковская 1-я лпсѣ, стр. 218.

ствовавшемъ, о промежуткѣ съ XIII по XVI столѣтіе. Любопытное указаніе принадлежитъ иностранному путешественнику. Въ описаніи путешествія Ганса Кобенцля (Hans Kobenzl von Prossseg) и Принтца (Daniel Printz von Buchau), пословъ императора Нѣмецкаго Максимиліана II, говорится о данной имъ аудіенціи: послы получили отвѣтъ (25 января 1576 г.) касательно цѣли своего посольства отъ великокняжескихъ совѣтниковъ (дьяковъ), съ которыми они объяснялись частью при помощи переводчиковъ, частью *непосредственно* ¹⁾. На другой день также происходило совѣщаніе пословъ съ боярами. Какой языкъ употребляли *отчасти* при совѣщаніяхъ, Принтцъ не говоритъ; но есть вѣроятность полагать, что Нѣмецкій, а не Русскій. Хотя Принтцъ, какъ житель Богеміи, и могъ достаточно понимать Русскій языкъ, а Кобенцль и писалъ даже на одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій, какъ видно изъ описанія путешествія, составленнаго имъ для друга своего Николая Дранковича на Иллирскомъ или Кроатскомъ языкѣ (*lingua Illyrica seu Croatica*); однако постоянное присутствіе толмачей при этихъ послахъ показываетъ, что имъ трудно было объясняться непосредственно на Русскомъ языкѣ. Намѣреніе же Іоанна IV ввести преподаваніе Нѣмецкаго языка въ Русскихъ училищахъ, о которомъ скажемъ ниже, и дѣятельныя сношенія съ Германіею указываютъ на возможность переговоровъ съ Русскими на Нѣмецкомъ языкѣ ²⁾.

Исчислять всѣ историческія свидѣтельства о сношеніяхъ нашихъ съ иностранцами было бы несообразно съ нашею цѣлью; но сличеніе этихъ свидѣтельствъ, въ самомъ значительномъ объемѣ, ведетъ къ тому результату, что древняя Русь представ-

1) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland, von *Adelung*, I, 406. Аделунгъ приводитъ мѣста изъ путешествія по рукописямъ, хранящимся въ Вѣнѣ. Въ нихъ сказано, что послы говорили съ нашими дьяками «*thails durch die dollmäschen, die gleichwohl sehr vngeschikht vnd vntauglich Leüth seyn, vnd thails selbst mündlich*».

2) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, von *Adelung*, I, 293—294.

ляла довольно обширное поле для знакомства съ иностранными языками.

При этомъ нельзя не замѣтить различія, представляемаго двумя половинами Европы: между тѣмъ какъ одна изъ нихъ, именно Россія, совмѣщала въ себѣ разноплеменныхъ обитателей, постоянныхъ или только временныхъ, другая населена была народами преимущественно одного Кельто-Нѣмецкаго племени; какъ исключеніе явилось между ними племя Чудское, не родственное имъ ни по крови, ни по языку; по эти же самые Угры или Мадыяры черезъ Русь проходили на западъ и соплеменники ихъ остались нашими вѣчными сосѣдями на сѣверо-западѣ; слѣдовательно у Русскихъ было и больше причинъ и больше случаевъ къ знакомству съ языками различныхъ народовъ, съ коими необходимо было объясняться. Въ остальной же Европѣ ни одинъ народъ, кажется, не имѣлъ такихъ разнородныхъ сношеній, и потому, естественно, не располагалъ такими средствами къ узнанію иностранныхъ языковъ. Не смотря на то, что Русь отовсюду открыта была чуждому вліянію, которое могло бы отразиться и въ языкѣ, это вліяніе не проникло въ глубину народнаго быта; оно не заставило забыть и языкъ Русскій, который оставался постоянно господствующимъ для всѣхъ классовъ Русскаго народа во всѣ періоды нашей древней исторіи. Совершенно противоположное явленіе видимъ въ западной Европѣ: немного иностранныхъ языковъ извѣстно было каждому изъ ея народовъ, и изъ этихъ немногихъ одинъ оказываетъ вліяніе до того рѣшительное, что въ нѣкоторыхъ странахъ вовсе вытѣсняетъ даже родной языкъ изъ общаго употребленія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ классахъ. Этотъ чужой языкъ, господствовавшій въ средніе вѣка и позднѣе на противоположныхъ концахъ западной половины Европы, былъ языкъ Французскій. Онъ проникалъ не только въ соплеменную Францію Португалію, но и въ Польшу и даже въ Венгрію вмѣстѣ съ востшествіемъ на престолъ этихъ земель принцевъ Французскаго происхожденія; онъ былъ распространенъ и

въ Швейцаріи, и въ Бельгіи, и въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій, и въ Греціи¹⁾. Особенно любопытно преобладаніе Французскаго языка у народовъ, рѣзко отличающихся отъ Французовъ по условіямъ своего быта и характеру, именно у Англичанъ и Нѣмцевъ. Въ Англіи Французское вліяніе, начавшись съ XI вѣка, съ эпохи Вильгельма Завоевателя, дѣйствовало на языкъ до того сильно, что, по замѣчанію извѣстнаго лингвиста Фукса, оно проникло весь составъ языка, обнаруживаясь и въ произношеніи, и въ словообразованіи, и въ самомъ расположеніи словъ. Хотя съ 1362 года Англіійскій языкъ признанъ административнымъ, однако и до сихъ поръ въ языкѣ Англіійской администраціи сохраняются слѣды Французскаго вліянія; такъ королевское утвержденіе выражается словами: *La Reyne le voet (veut)* и т. п. Въ Германіи еще въ XIII столѣтіи Французскій языкъ сдѣлался языкомъ образованности и воспитанія: въ высшихъ кругахъ общества преподаваніе дѣтямъ учебныхъ предметовъ происходило на Французскомъ языкѣ и само воспитаніе ввѣряемо было преимущественно Французамъ²⁾. И такъ Германія XIII вѣка представляла въ отношеніи условій образованности то же самое явленіе, какое обнаруживается въ Россіи въ XVIII столѣтіи и противъ котораго постоянно дѣйствовала у насъ литература въ лицѣ своихъ достойнѣйшихъ представителей, весьма несходныхъ между собою по духу и значенію своей литературной дѣятельности, но сходящихся въ одной идеѣ—въ признаніи существен-

1) *Origine et formation de la langue française, par A. de Chevallet. I partie. Paris. 1853. Prolégomènes. p. 39—40.*

2) *Adenès le Roi (род. 1240) въ своемъ стихотвореніи Berte aux grands pieds говорятъ:*

Tout droit à celui temps que je ci vous devis
Avoit une coustume ens le Tyois pais
Que tout li grant seignor, li conte e li marchis
Avoient, entour aus, gent françoise tous-dis
Pour aprendre françois leur filles et leur fils, etc.

См. *Die Romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen von August Fuchs. Halle. 1849, стр. 107—109.*

ныхъ правъ народности въ дѣлѣ общественнаго образованія, словесности и языка.

Знакомясь дома съ языками иностранцевъ, издавна по-сѣщавшихъ гостепріимную Россію, предки наши и сами предпринимали отдаленныя путешествія, слѣдствіемъ коихъ было, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, и знакомство съ языкомъ посѣщаемой страны. Многіе изъ нашихъ путешественниковъ описывали свой путь, и любопытныя записки путешествій хранятся въ значительномъ количествѣ списковъ; пятнадцать изъ нихъ изданы г. Сахаровымъ во второмъ томѣ «Сказаній Русскаго народа», подъ названіемъ: «Путешествія Русскихъ людей»; къ нимъ присоединена и легенда о путешествіи Полоцкой княжны Евфросиніи въ XII вѣкѣ. Изъ этого числа восемь путешествій совершенно въ Іерусалимъ, три въ Константинополь, два въ Китай, одно въ Индію и одно въ Италію. Цѣль первыхъ чисто религіозная, и потому особенное вниманіе обращено въ нихъ на описаніе мѣстностей, ознаменованныхъ священными для христіанства воспоминаніями, и тѣхъ явленій, которыя наиболѣе поражали набожное чувство паломниковъ, какъ-то: чудесное снисшествіе «святаго свѣта» и т. п. Другое значеніе для путешественниковъ имѣли такія страны, какъ Индія или Китай; не давая пищи религіозному настроенію, онѣ возбуждали интересъ новостью и оригинальностью быта своихъ жителей, устройствомъ городовъ и селъ, самою внѣшнею природою. Все это въ равной степени привлекало вниманіе нашихъ путешественниковъ, какъ видно по ихъ путевымъ замѣткамъ, въ коихъ упоминается одно за другимъ, и о мѣстоположеніи города, и объ одеждѣ жителей, и о съѣстныхъ припасахъ, и о рѣдкихъ животныхъ, и т. п. Въ этой пестрой смѣси впечатлѣній попадаются замѣтки и о языкѣ видѣнныхъ народовъ; но большею частью онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ словъ, въ родѣ слѣдующихъ, въ путешествіи Байкова въ XVII столѣтіи: «а у Мунгальскихъ людей *языкъ съ Калмыками*

одинъ, а Тайши у нихъ многіе... отъ Иртыша до Мунгальскихъ людей степью межъ горъ ходу два дня; степь голая; ни воды, ни корму нѣтъ; а прошедъ то мѣсто живутъ Мунгальцы, людишки добрѣ худы; а житіе ихъ самое нужное; или «а въ томъ Китайскомъ городѣ Какокотанѣ живутъ Тюбейцы: *языкъ у нихъ Мунгальской*» и проч.¹⁾ Всѣхъ богаче извѣстіями о языкѣ отдаленнаго народа путешествіе Тверитянина Аванасія Никитина²⁾, прибывшаго въ Индію въ 1468 году, за тридцать лѣтъ до Васко де Гама, и сообщившаго Русскимъ читателямъ свѣдѣнія о далекомъ краѣ гораздо ранѣе, нежели познакомились съ нимъ западные Европейцы. Этимъ знакомствомъ обязаны они Португальцамъ, распространившимъ въ Европѣ свѣдѣнія объ Индіи уже въ XVI вѣкѣ. Извѣстія, сообщенныя Никитинымъ, заключаются въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ фразахъ языка Индійскаго, какимъ онъ былъ въ XV столѣтіи, когда, сохраняя кое-какіе слѣды своего первообраза, Санскрита, онъ былъ подавленъ вліяніемъ Арабскимъ, Персидскимъ и въ особенности Татарскимъ. Слова и фразы иностранныя стоятъ у Никитина рядомъ съ Русскими, а не составляютъ отдѣльнаго сборника, коего первый и незначительный образецъ явился въ Европѣ гораздо позднѣе: его составилъ спутникъ Магеллана, Пигафетта. Замѣчательно, что, приводя иностранныя выраженія, Никитинъ удерживаетъ Рус-

1) Сказанія Русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ, т. II, 1849, книга 8, стр. 127—128.

2) Путешествіе Никитина отыскано Карамзинымъ, который и помѣстилъ въ примѣчаніи 629 къ VI тому своей исторіи начало путешествія по рукописи «для примѣра въ слогѣ» и краткое извлеченіе «другими словами», т. е. современнымъ Русскимъ языкомъ. Оно напечатано вполнѣ въ «Софійскомъ Временникѣ», изданномъ Строевымъ, т. II, стр. 145—164; въ «Сказаніяхъ Русскаго народа», Сахарова, т. II, кн. 8, стр. 171—179; наконецъ въ VI томѣ «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», 1853, стр. 330—354. Иностранныя слова въ путешествіи объясняемы были также нѣсколько разъ: въ изданіи Сахарова помѣщены объясненія академика Френа; въ Библіотекѣ Главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ есть экземпляръ Софійскаго Временника съ объясненіями Ярцова; объясненія, находящіяся въ VI томѣ лѣтописей, принадлежатъ профессору С.-Петербургскаго университета Казембеку. Этими послѣдними пользуемся мы въ своихъ указаніяхъ.

скія мѣстоименія и частицы. Многія Индійскія реченія записаны имъ, по мнѣнію знатоковъ, «довольно вѣрно»; встрѣчающіеся же невѣрности рѣшительно неизбѣжны при всѣхъ опытахъ подобнаго рода. Вмѣсто *киларсенз* у Никитина записано *киларесенз*, вмѣсто *Мохеммедъ дини* — *Маметъдени*, вмѣсто *селяхъ микюнедъ* — *суляхъ микуитъ*, и проч.; но множество примѣровъ доказываютъ, какъ трудно уловить въ точности звуки чужого языка при произношеніи, и лучшимъ оправданіемъ нашему путешественнику служатъ попытки всѣхъ другихъ Европейскихъ путешественниковъ: одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между ними, Кукъ, утверждаетъ, что рѣдко удавалось двумъ его спутникамъ записать одними и тѣми же буквами, не только гласными, но даже и согласными, одно и то же слово, произносимое обитателями Полинезіи. Никитинъ говоритъ между прочимъ о брошенныхъ дѣтяхъ жителей Индостана, порода которыхъ, какъ кажется, доставила имъ прозваніе обезьянъ¹⁾: «ины Гондустанци

1) Нашъ путешественникъ называетъ ихъ положительно обезьянами; но по его же описанію видно, что дѣло идетъ о людяхъ, а вовсе не о животныхъ «А обезьяны-то тѣ—говоритъ онъ—живутъ по лѣсу, да у нихъ есть князь обезьянскій, да ходитъ ратию своею, да кто ихъ занимаетъ и они ся жалуютъ князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и они пришедъ на градъ и дворы разволяютъ и людей побють; а рати ихъ сказываютъ вельми много, и языки ихъ есть свои, а дѣтей родятъ много; да которой родится не въ отца, не въ мать, они тѣхъ мечютъ по дорогамъ» (стр. 335). Повѣрье о народѣ-обезьянахъ могло сохраняться въ Индіи въ XV вѣкѣ, восходя къ глубокой древности. Въ *Рамаянѣ* разсказывается о дружбѣ Рамы съ Гануманомъ, «княземъ обезьянъ, лѣснымъ человекомъ», и о союзѣ, заключенномъ на священной горѣ между Рамой и Сугривою, другимъ «княземъ обезьянъ, великодушнымъ лѣснымъ человекомъ». Одинъ Французскій писатель, сообщая любопытныя свѣдѣнія о бытѣ и литературѣ Негровъ, говоритъ: «*Les livres sacrés du brahmanisme racontent que Rama, après avoir vaincu en bataille rangée le peuple singe, l'expulsa du continent et lui abandonna par un solennel traité une partie de l'île de Ceylan. Il ne serait pas impossible que ces singes guerriers et diplomates soient tout simplement les nègres* (Les mœurs et la littérature nègres, par *Gustave d'Alaux*. Revue des deux mondes. 1852. Tome XIV. 4 livraison). Источникомъ преданія о загадочномъ народѣ могъ послужить самый внѣшній видъ черныхъ людей извѣстнаго племени, который тѣмъ живѣе могъ дѣйствовать на воображеніе народа, и породить цѣлый рой чудесныхъ разсказовъ. Вирей предполагалъ сродство Готтентотовъ съ павіанами, породю обезьянъ; въ XVIII вѣкѣ разсуждали серьезно о возможности перехода изъ обезьяны въ человѣка и обратно, а у Де-

тѣхъ имають да учать ихъ всякому рукодѣлю, а иныхъ продають ночи, чтобы възадъ не знали побѣжати, а иныхъ учать базы миканетъ», и здѣсь цѣлю Персидскую фразу: *бази микюнедъ*, что значить *играетъ, танцуетъ* и т. п., нашъ путешественникъ принялъ за одно существительное имя *бази*, т. е. *игра*. Принятіе цѣлаго предложенія за одно слово весьма легко могло бы случиться при усиленной даже заботливости автора о вѣрной передачѣ иностранныхъ словъ, чему доказательствомъ служатъ также примѣры другихъ, позднѣйшихъ Европейскихъ путешественниковъ, которые весьма часто впадали въ ту же невольную ошибку: если они, желая узнать отъ дикаря, какъ на его языкѣ слово *ходить*, указывали на ходившаго, то получали въ отвѣтъ: *онъ ходитъ*; если же для этого сами начинали ходить, то дикарь говорилъ: *ты ходишь* и т. д.¹⁾ Словомъ, нельзя, кажется, не согласиться, что нашъ путешественникъ XV вѣка познакомился съ языкомъ Индостана по крайней мѣрѣ на столько, на сколько можно было познакомиться любознательному человѣку, прибывшему въ неизвѣстную страну совершенно съ другими цѣлями и притомъ не на долгое время.

Если не многимъ обстоятельства дозволяли, по торговымъ видамъ и еще менѣе по одному любопытству, предпринимать далекія путешествія, и, живя на чужбинѣ, узнавать чужіе языки, то внутри Россіи было много замѣчательныхъ людей, обрекавшихъ себя на подвиги миссіонеровъ, и съ этою цѣлью изучавшихъ языкъ народа, какъ единственный и вѣрный проводникъ убѣжденій. Исторія не богата извѣстіями о трудахъ этихъ достопамятныхъ подвижниковъ; но и сохранившіяся извѣстія по-

ламетри встрѣчается наивная догадка, что продолговатая форма носа у человѣка зависитъ отъ того, что люди произошли отъ породы обезьянъ, подверженной насморку.

1) *Balbi, Atlas ethnographique du globe. Introduction. Discours préliminaire.* р. СIII—CIV etc.

казываютъ, что мысль о водвореніи истинной Вѣры одушевляла постоянно многіе умы въ древней Руси, и средства, употреблявшіяся нашими миссіонерами, были вполне достойны и людей истинно образованныхъ, и самой святости дѣла: на это мы имѣемъ доказательства неоспоримыя. Начиная съ X столѣтія, съ крещенія Руси при св. Владимірѣ, отъ каждаго вѣка осталось нѣсколько именъ или подвиговъ этого рода, записанныхъ современниками. Между распространителями Вѣры были и люди облеченные свѣтскою властію, какъ было это и въ западной Европѣ; но по большей части лица духовныя трудились на этомъ поприщѣ. Въ XII вѣкѣ преп. Герасимъ изъ Кіева переселился на далекій сѣверъ, основалъ обитель близъ торговаго мѣстечка Вологды и тридцать лѣтъ проповѣдывалъ христіанскую Вѣру¹⁾. Въ XIII вѣкѣ миссіонеры наши подчинили своему вліянію даже нѣкоторыхъ изъ Монголовъ, и, какъ видно, довольно скоро послѣ грознаго нашествія; ибо въ 1261 году образовалась въ ордѣ епархія и нашъ митрополитъ Кириллъ II поставилъ епископа въ ханской столицѣ, Сараѣ²⁾. Въ XIV вѣкѣ знаменитый Пермскій епископъ св. Стефанъ просвѣтилъ жителей Пермской области, изобрѣлъ имъ письма и перевелъ на ихъ языкъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, Псалтырь, Пареміи. Въ XVI вѣкѣ архимандритъ Феодоритъ, тотъ самый, который привезъ изъ Константинополя благословеніе Іоанну IV на принятіе титула царя, обратилъ въ христіанство Лапландцевъ (до рѣки Туломы), также изобрѣлъ письма и перевелъ на Лапландскій языкъ Евангеліе³⁾. И много другихъ дѣятелей можно присоединить къ этому числу. Изъ нихъ нѣкоторые обращали народы соплеменные, слѣдовательно обходились безъ изученія иностраннаго языка: такъ на своемъ родномъ языкѣ св. Кукша могъ пропо-

1) Исторія Русской церкви. Періодъ первый. Харьковъ, 1849, стр. 37—38.

2) Прибавленія къ твореніямъ Святыхъ Отцевъ. Часть I. Москва, 1843, стр. 419.

3) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина; т. II, 1827, стр. 281.

вѣдывать у нашихъ соплеменниковъ Вятичей, которые происходили «отъ Ляховъ», по замѣчанію Нестора; но многимъ необходимо было изучать языкъ просвѣщаемаго народа для успѣшнаго достиженія своей цѣли. Миссіонеры наши не только поставляли себѣ въ обязанность это изученіе, но и вообще приготавливались къ своему дѣлу съ такимъ усердіемъ, такими просвѣщенными трудами, которые удовлетворяютъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ образованности гораздо позднѣйшей. Доказательствомъ служить исторія св. Стефана, сохранившаяся, по счастью, съ нѣкоторыми подробностями, въ извѣстіи, современномъ описываемому лицу. Готовясь къ своему подвигу, св. Стефанъ прежде всего глубоко изучалъ Священное Писаніе; потомъ, не довольствуясь Славянскимъ переводомъ, принялся за изученіе Греческаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ вникалъ въ свойства знакомаго ему на родинѣ языка Зырянъ, чтобы надлежащимъ образомъ передать на немъ истины святой Вѣры. Вооружившись такимъ запасомъ знаній, онъ перевелъ на Зырянскій языкъ все, что нужно было для успѣшнаго начала проповѣди, и при переводѣ руководствовался постоянно и Славянскимъ и Греческимъ текстами. По окончаніи всѣхъ этихъ предварительныхъ работъ, св. Стефанъ отправился, какъ миссіонеръ, къ мѣсту избраннаго служенія. Лучшаго приготовленія нельзя требовать отъ миссіонера какого бы то ни было вѣка, какъ нельзя требовать и лучшихъ мѣръ во все время проповѣди. У св. Стефана она отличалась въ полномъ смыслѣ слова духомъ вѣры и любви, и ознаменована учрежденіями, дѣлающими честь его уму и образованности: онъ заводилъ для дѣтей Зырянъ училища, взрослымъ раздавалъ, по строгому выбору, духовныя должности, такъ что въ основанной имъ обители при немъ и нѣсколько столѣтій послѣ его смерти совершалось богослуженіе на туземномъ языкѣ¹⁾. Невольно вспоминаешь при этомъ другихъ миссіонеровъ и другія мѣры, принимаемыя ими, въ особенности лишеніе обра-

1) Исторія Русской церкви. Періодъ второй. Москва, 1850, стр. 45—49.

щаемых народов права приносить Богу лучшую жертву — слагать хвалу Ему на родномъ языкѣ.... Для сотрудниковъ своихъ св. Стефанъ осповаль цѣлую обитель¹⁾, разсадникъ Русскихъ миссіонеровъ, которому, быть можетъ, только географическое положеніе помѣшало приобрѣсти извѣстность и почетъ въ исторіи обще-Европейской пропаганды, составляющей одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей въ исторіи Европейской образованности. Не имѣя, къ сожалѣнію, столь же подробныхъ извѣстій о другихъ нашихъ вѣропроповѣдникахъ, мы ограничиваемся замѣчаніемъ, что просвѣщенная ревность всегда отличала ихъ подвиги, которые они предпринимали съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ эгоистическихъ расчетовъ, съ однимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ святости подвига и его правотѣ передъ Небомъ: въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство одного изъ самыхъ основательныхъ между иностранцами знатоковъ древне-Русскаго быта, писателя въ высшей степени безпристрастнаго²⁾.

Кромѣ языковъ, знакомыхъ предкамъ нашимъ по международнымъ сношеніямъ или изучаемыхъ дѣятельными миссіонерами, были языки, знаніе которыхъ служило признакомъ образованности, не будучи въ зависимости отъ какихъ либо внѣшнихъ условій, способствовавшихъ узнавать чужой языкъ,

1) Словарь историческій о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви. Спб., 1836, стр. 255.

2) Герберштейнъ въ сочиненіи своемъ «*Rerum Moscoviticarum commentarii*» (Basileae, 1571, стр. 43) говоритъ: *Religiosorum praecipua cura existit, ut quoslibet homines ad fidem suam perducant. Monachi heremitae bonam jam olim idololatrarum partem, diu multumque apud illos verbum Dei seminantes, ad fidem Christi pertraxerunt. Proficiscuntur etiamnum ad varias regiones Septentrionem versus et Orientem sitas, quo nonnisi maximis laboribus, famae ac vitae periculo perveniunt neque inde aliquid commodi sperant, nec petunt: quin huc unicum spectant, ut rem gratam Deo facere, et animas multorum deviо errore abductas (morte aliquando doctrinam Christi confirmantes) in viam rectam revocare, ac eos Christo lucrificare queant.*

такъ сказать, нечувствительно. Такое значеніе имѣли въ древне-Русской образованности языки Греческій, Латинскій и отечественный—Русскій.

Самое раннее извѣстіе, приписывающее пѣкоторымъ изъ Русскихъ князей знаніе Греческаго и Латинскаго языковъ, относится къ XII вѣку. Это знаніе встрѣчалось преимущественно въ родѣ Владиміра Мономаха. Такъ о внукѣ его великомъ князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ имѣемъ извѣстіе, что «онъ вельми изученъ былъ писанію, съ Греки и Латыны говорилъ ихъ языкомъ, яко Русскимъ»¹⁾. Правнукъ Владиміра Мономаха князь Романъ Ростиславичъ былъ «вельми ученъ всякихъ наукъ, и ко ученію многихъ людей понуждалъ, устроивъ на то училища, и учителей, Грековъ и Латинистовъ, своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ, и такъ на оное мнѣніе свое истощилъ, что на погребеніе его принуждены были Смольяне сребро и куны давать по изволенію каждаго, и какъ народъ всѣ его любили, то собрали такое множество, что болѣе было, нежели въ годъ князю приходило»²⁾. Изъ такого свидѣтельства можно заключить, что любовь къ просвѣщенію находила въ XII вѣкѣ общее сочувствіе, а заключеніе должно основываться на достовѣрности свидѣтельства. Эти и подобныя извѣстія находятся въ *святской лѣтописи*, по названію самого автора, составленной Татищевымъ, который приводитъ кромѣ того и нѣсколько данныхъ для исторіи Русской образованности, упоминая объ училищахъ и библіотекахъ въ древней Руси. Хотя свидѣтельство Татищева никоимъ образомъ не можетъ равняться по историческому значенію со свидѣтельствомъ Нестора, однако самый способъ составленія сводной лѣтописи Татищевымъ возбуждаетъ довѣріе къ новымъ указаніямъ, встрѣчающимся на ея страницахъ. При составленіи своего труда авторъ принялъ за правило «писать тѣмъ поряд-

1) Татищева Исторія Россійская, часть III, стр. 220.

2) Тамъ же, III, 238 — 239.

комъ и нарѣчіемъ, каковыя въ *древнихъ* (рукописяхъ) находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ онъ написалъ, *не перемѣняя, ни убавляя изъ нихъ ничего*, кромѣ неаппежающаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія Святыхъ, чудеса, явленія, и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обилнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ; такожь *ничего не прибавлялъ, разве необходимо нужное для выразумнѣя слова положить, и то отличилъ вѣстительною*»¹⁾. Въ XVII вѣкѣ, когда, по выраженію Шлецера, сборникъ Татищева былъ оракуломъ всѣхъ читателей лѣтописей, и въ началѣ настоящаго столѣтія, до самаго Карамзина, не сомнѣвались въ истинѣ лѣтописныхъ извѣстій, сообщенныхъ Татищевымъ. Это видно, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, и изъ мнѣнія Мусина-Пушкина о всеобщемъ употребленіи въ древней Руси Латинскаго языка, и изъ указаній въ другихъ сочиненіяхъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе «Краткая Россійская Исторія, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи, 1799 года». Этотъ учебникъ замѣчательнъ по весьма выгодному о немъ мнѣнію Шлецера, который замѣтствовалъ изъ него и сдѣлалъ доступными западно-Европейскимъ ученымъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ чертахъ древне-Русской образованности. Передавая вкратцѣ содержаніе учебника въ Гегттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, Шлецеръ замѣчаетъ, что авторъ дѣлаетъ извѣстнымъ многое, что доселѣ хранился еще въ рукописныхъ лѣтописяхъ; что его историческая метода вполнѣ современна; что каждый изъ пяти періодовъ разсматриваетъ онъ въ двухъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ одно посвящается обозрѣнію *внутренняго* состоянія государства. При очеркѣ содержанія втораго періода, отъ Рюрика до нашествія Татаръ, Шлецеръ говоритъ, что въ этомъ періодѣ образованность на Русѣ была на высшей степени, нежели можно

1) Татищева, Исторія Россійская, I, 1768, Предвизвѣщеніе стр. XXIV—XXV.

было бы ожидать: были князья, знавшіе Греческій и другіе языки; было училище въ Смоленскѣ, въ которомъ преподавались Греческій и Латинскій языки; была библіотека, состоявшая болѣе нежели изъ тысячи греческихъ книгъ¹⁾, и пр. Такимъ образомъ даже въ началѣ XIX вѣка критика, въ лицѣ Шлецера, не отвергала свидѣтельства позднѣйшихъ лѣтописей. Но Карамзинъ рѣшительно не признаетъ ихъ достовѣрными, и все то, чего нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи, называетъ просто выдумкою Татищева. Въ повѣствованіи о названномъ нами князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Карамзинъ считаетъ прибавленіемъ Татищева, что этотъ «великій князь былъ малъ, сухъ, имѣлъ длинную бороду. кудрявые волосы, кривой носъ, говорилъ языкомъ *Латинскимъ* и *Греческимъ* и никогда не хотѣлъ спорить о вѣрѣ»²⁾. Какому же изъ свидѣтельствъ двухъ историковъ принадлежитъ право истины, и какъ разрѣшить ихъ противорѣчіе? Путь къ этому рѣшенію и тою и другою стороною указанъ одинъ и тотъ же: и Татищевъ основываетъ справедливость своихъ показаній на «древнихъ манускриптахъ», и на древнія же лѣтописи опирается возраженіе Карамзина: слѣдовательно къ нимъ и необходимо обратиться. Въ древнѣйшихъ спискахъ лѣто-

1) Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen, 1801, на стр. 344—350, помѣщенъ очеркъ содержанія «Краткой Россійской Исторіи», въ которомъ говорится: Der ungenannte Verfasser erzählt aus diesen Zeiten (852—1462) vieles, was nur noch in ungedruckten Annalen liegt. Seine historische Manier ist ganz modern.... Grösser war in diesem, sonst wildem, Zeitraume die Cultur, als man erwartet. Fürsten, die Griechisch und andere Sprachen verstehen, die am 1180 in Smolensk eine Schule anlegen, in welcher griechisch und latein gelehrt wird, die dieser Schule ihre, aus mehr als 1000, lauter griechischen Bücher bestehende, Bibliothek vermachten и пр. Этотъ неизвѣстный составитель былъ, по указанію Сопикова, *Тимовей Куріакъ* (см. *Сопикова Опытъ Россійской библіографіи*, часть III, стр. 229). Странно, что Шлецеръ автору Учебника приписываетъ всѣ открытія, очевидно заимствованныя у Татищева, отсылаясь о послѣднемъ только въ подобныхъ выраженіяхъ: «нельзя сказать, чтобы его трудъ былъ вовсе бесполезенъ (выключая I части о Скивахъ и Сарматахъ и пр.), хотя онъ и совершенно былъ неученъ, не зналъ ни слова по-Латыни и даже не разумѣлъ ни одного изъ новѣйшихъ языковъ, выключая Нѣмецкаго». Несторъ, перев. Лыкова, I, разг.

2) *Исторія Государства Россійскаго*, т. III, примѣч. 44 въ концѣ.

писей нашихъ находимъ слѣдующія извѣстія, соотвѣтствующія двумъ, приведеннымъ нами выше: въ Ипатіевской подъ 1180 годомъ: «преставижеся князь Романъ, сынъ Ростиславль, внукъ великаго князя Мстислава.... сій же благовѣрный князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ и всею добродѣтелью украшенъ, смѣренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣяше ко всемъ и къ братья своей истинную, пеллицемѣрную, страха Божія наполненъ, нищая милая, манастырѣ пабдя; и созда церковь камену святаго Іоана, и украсивъ ю всякимъ строснемъ церковнымъ и иконы, златомъ и фиништомъ украшены, память сдѣвая роду своему, паче же и души своей оставленіе грѣховъ прося; и приложися къ дѣдомъ своимъ и отцемъ своимъ, и отдавъ общій свой долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому рожену»¹⁾. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1177 годомъ сказано только: «преставися благовѣрный и христіолюбивый князь Михалко, сынъ Гюргевъ, внукъ Мономахъ Володимера, въ субботу, заходящую солнцю, іюня мѣсяца въ 20 день, на память святаго отца Меѳодья; и положиша и у святое Богородици Золотоверхое въ Володимери, юже бѣ создалъ братъ его Андрѣй»²⁾. Сравнивая эти извѣстія съ тѣми, которыя приведены у Татищева, легко замѣчаешь ихъ несходство и также легко склоняешься къ мысли, не есть ли все то, чего недостаетъ въ древней лѣтописи, произвольное дополненіе позднѣйшаго составителя? Но здѣсь рождается вопросъ: въ какой мѣрѣ можно руководствоваться авторитетомъ древней лѣтописи? Все сообщаемое ею принадлежать, безспорно, къ числу достовѣрнѣйшихъ сказаній, уцѣлѣвшихъ отъ древности; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что молчаніе ея о какомъ-либо событіи даетъ намъ право заключать, что этого событія не было на самомъ дѣлѣ. Иначе, основываясь на томъ, что въ древней лѣтописи годы 998 и 999 оставлены безъ означенія событій,

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 123.

2) Тамъ же, I, 161.

а подъ 1001 годомъ записано только: «преставися Изяславъ, сынъ Володимерь», намъ пришлось бы заключить, что въ 1001 г. только и случилось, что умеръ Изяславъ Владиміровичъ, а въ 998 и 999 вовсе ничего не было въ Русской землѣ. Такой выводъ слишкомъ наивенъ; вѣрный же выводъ состоитъ въ томъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ смерти князя Изяслава, не произошло ничего такого, что лѣтописецъ, по своему взгляду на вещи, считалъ бы особенно замѣчательнымъ и необходимымъ для помѣщенія въ лѣтопись сообразно съ ея общимъ характеромъ. Отсюда прямой переходъ и къ заключенію о разсматриваемомъ нами вопросѣ. Съ такимъ же правомъ мы можемъ заключить, что древній лѣтописецъ потому не упомянулъ о знаніи нашими князьями древнихъ языковъ, что не считалъ этого обстоятельства особенно замѣчательнымъ, а извѣстія о немъ вполне сообразнымъ съ цѣлью своего труда. Не вдаваясь въ предположенія, почему подобное явленіе могло казаться незамѣчательнымъ, скажемъ только, что лѣтописецъ XII вѣка могъ руководствоваться совершенно тѣмъ же основаніемъ, какъ и преп. Несторъ, неупомянувшій о знаніи пяти языковъ Всеволодомъ при исчисленіи разнообразныхъ достоинствъ этого князя. Вотъ что говоритъ преп. Несторъ при извѣстіи о кончинѣ Всеволода Ярославича, подъ 1193 годомъ: «сій бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогихъ, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, подаеше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти» ¹⁾. Отзывъ Нестора о Всеволодѣ напоминаетъ отзывъ позднѣйшаго лѣтописца о Романѣ Ростиславичѣ. Не смотря на то, что Несторъ пропустилъ весьма важное, съ современной намъ точки зрѣнія, извѣстіе объ образованности Русскаго князя въ XI столѣтіи, свидѣтельство о ней поученія Мономахова нисколько не теряетъ своей достовѣрности.

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 92.

Такимъ образомъ авторитетъ древней лѣтописи имѣетъ въ настоящемъ случаѣ только отрицательное значеніе: не доказывая дѣйствительности, лѣтопись не отвергаетъ возможности знанія извѣстными князьями древнихъ языковъ. Но та же самая лѣтопись, не называя именъ, сообщаетъ извѣстія, доказывающія, что были въ древней Руси знатоки Греческаго языка. Изученіе его вызываемо было и требованіями религіозными, и характеромъ образованности, проникнутой религіознымъ началомъ, и безпрестанными сношеніями съ Греціею по причинамъ весьма разнообразнымъ. Знаніе же Латинскаго языка было слѣдствіемъ сношеній съ западною Европою, въ которой онъ былъ языкомъ Вѣры и становился мало по малу языкомъ образованности. Чѣмъ болѣе образованность Русская сближалась съ западно-Европейскою, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе становилось расположеніе къ языку Латинскому: поэтому цвѣтущая пора для него настала у насъ въ XVI и особенно въ XVII столѣтіи. Въ вѣкахъ же предшествовавшихъ число знатоковъ Греческаго языка, по всей вѣроятности, значительно превышало число знатоковъ Латинскаго. Еще въ первой половинѣ XI столѣтія совокупно трудились многіе изъ Русскихъ надъ переводомъ книгъ съ Греческаго языка. Князь Ярославъ, свидѣтельствуетъ лѣтопись, «собра писъцѣ многы, и прекладаша отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша кнѣгы многы»¹⁾. Въ XII вѣкѣ еще сильнѣе обнаруживается вліяніе Византійское на нашу письменную словесность, и это вліяніе естественно условливалось знаніемъ языка произведеній, переводимыхъ на Русь людьми любознательными. Мы имѣемъ цѣлый рядъ поученій Кирилла Туровскаго, доказывающихъ въ авторѣ знакомство съ Греческою литературою, именно съ твореніями Греческихъ христіанскихъ ораторовъ. Вообще сочувствіе наше въ древнюю эпоху къ литературѣ христіанской Греціи имѣетъ за себя много доказательствъ и признано наукою еще со времени Шлецера.

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 65.

Въ XIII вѣкѣ отношенія наши къ Греціи оставались тѣ же самыя. Представители духовенства, митрополиты Русскіе, были пли родомъ Греки, какъ напр. Кириллъ I-й и Максимъ, перенесшій митрополию изъ Кіева во Владиміръ, или получали въ Греціи утвержденіе въ своемъ званіи, какъ Кириллъ II, утвержденный въ Никее. Не только высшіе іерархи, но и другіе образованные люди того времени, искали пищи для своей любознательности преимущественно въ произведеніяхъ Греческой духовной литературы. Люди же образованные и любознательные были тогда въ Русской землѣ, и лѣтопись сохранила память о нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежавшихъ какъ къ духовному, такъ и къ свѣтскому сословію. О князѣ Константиѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ усердно заботился о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, много ихъ создалъ по своей области, исполняя ихъ книгами и всякими украшеніями. Ясно, что потребно было значительное количество книгъ, чтобы надѣлать ими многія церкви. Татищевъ и Шлецеръ допускали, что ихъ было болѣе 1000: другіе же число книгъ считали преувеличеннымъ даже въ показаніяхъ лѣтописныхъ. Такъ Полевой говоритъ: «лѣтописцы явно преувеличиваютъ число книгъ, переведенныхъ на Славянскій языкъ при Ярославѣ и его преемникахъ. Читая, что *книгами были клятты исполнены*, вспомнимъ слѣдующее: кто изъ простолюдиновъ нынѣ не удивляется, видя на полкѣ десятка три, четыре книгъ? Такъ думали и на Западѣ въ X и XI вѣкахъ. Библіотека Кройландскаго аббатства въ Англіи славилась за чудо, а въ ней было всего 300 томовъ»¹⁾. Въ приговорѣ Полеваго всего счастливѣе мысль о сближеніи явленій древне-Русской жизни съ подобными явленіями въ жизни другихъ Европейскихъ народовъ; но сравненіе лѣтописцевъ съ простолюдинами отзывается поверхностнымъ взглядомъ на значеніе лѣтописца, какъ извѣстнаго рода дѣятеля во внутренней жизни народа въ древнѣйшій періодъ ея развитія.

1) Полеваго, Исторія Русскаго народа, т. II, стр. 219, примѣч. 228.

Лѣтописецъ, во многомъ сочувствуя народу, старину котораго спасалъ отъ забвенія, умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывать смыслъ въ событіяхъ, производившихъ на массы безотчетное впечатлѣніе. Довѣряя вмѣстѣ со всѣми таинственному преданью, онъ объяснялъ его сличеніемъ съ повѣствованіями историческими. Возвышаясь образованностью надъ простолюдинами и трудясь надъ книжнымъ дѣломъ часто совокупными силами, лѣтописцы легко могли привыкнуть къ виду большой массы книгъ, чтобы не удивляться, замѣтивъ ихъ три или четыре десятка. Что въ настоящемъ случаѣ было ихъ несравненно болѣе, очевидно изъ прямого свидѣтельства лѣтописи, сомнѣваться въ которомъ было бы и неосновательно и несовременно. «Великій князь Константинъ, правнукъ Володимера Мономаха — говоритъ лѣтопись — многы церкви созда по своей власти, въображая чудными въображеніи святыхъ иконъ, исполняя книгами и всякими украшеніи» ¹⁾. Если ограничить число книгъ необходимыми для богослуженія, то для нѣсколькихъ церквей окажется ихъ довольно много; но будетъ еще болѣе, если присоединить къ нимъ переводы св. отцевъ, основываясь на томъ, что они сохранились въ большомъ количествѣ списковъ. Масса книгъ всего скорѣе могла увеличиваться новыми переводами съ Греческаго ²⁾. Самое же назначеніе ихъ — въ храмы, указываетъ на ихъ содержаніе и языкъ: по содержанію онѣ должны были

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 187.

2) Въ сводной лѣтописи Татищева именно этому обстоятельству приписывается умноженіе книгъ при Константинѣ Всеволодовичѣ, который «великій былъ охотникъ къ читанію книгъ, и наученъ былъ многими наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многіе древніе книги Греческіе цѣною высокою купилъ, и велѣлъ переводить на Русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралъ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудились. Онъ имѣлъ однихъ Греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частію покупалъ, частію патріархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали» (Исторія Татищева, III, 461). Карамзинъ все это считалъ вымысломъ Татищева (Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 179). Но у Карамзина въ выпискѣ изъ лѣтописи не приведено указанное нами мѣсто о снабженіи церквей книгами, а это снабженіе — фактъ, свидѣтельствующійся древнею лѣтописью, и самый списокъ ея не позже XIV вѣка.

быть произведенія религіозныя, а по языку—Славянскія, чтобы могли употребляться для богослуженія, общественной молитвы и назиданія.

Въ томъ же вѣкѣ славился просвѣщенною ревностью къ храмамъ Божиимъ князь Владиміръ Васильковичъ. Онъ и соорудилъ новыя церкви, и обогащалъ прежнія драгоценными вкладами, состоявшими преимущественно изъ книгъ. Въ епископію Перемышльскую онъ далъ Евангеліе, имъ самимъ списанное; въ монастырь свой онъ далъ Апостолъ, списанный также собственноручно, и кромѣ того положилъ туда молитвенникъ и сборникъ великій отца своего. Въ Бѣльскѣ онъ «устроилъ церковь иконами и книгами», а повосозданному храму въ Любомлѣ принесъ въ даръ: Евангеліе, Апостолъ, прологи, житія святыхъ отцевъ и дѣянія вѣчавшихся кровію мучениковъ, 12 мѣсей, тріоди, октоихъ, ирмологію, служебникъ св. Георгію, молитвы вечернія и утреннія и т. д. И все это вновь списано по его распоряженію, а не взято изъ древнихъ книгохранилищъ ¹⁾. Сборникъ, отданный монастырю, также какъ и другой сборникъ, положенный въ церковь новаго города Каменца, заключали въ себѣ, какъ полагаетъ современный намъ историкъ Русской Церкви, отеческія сочиненія, которыя продолжали *переводить* и при Монголахъ ²⁾.

Въ первой половинѣ XIII столѣтія была также богатая бібліотека въ Ростовѣ, у тамошняго епископа. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что въ 1229 году епископъ Ростовскій Киріллъ оставилъ свою епископію, будучи изнуренъ внутреннею болѣзнію; къ этому присоединилось несчастное для него оконча-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II, 222 — 223: «въ монастырь свой Апостолъ да евангеліе опракошь и апостолъ *самъ списавъ...* и молитвенникъ да. Въ епископію Перемышльскую да евангеліе опракошь, окованно серебромъ съ женчюгомъ, *самъ же списалъ блже...* Созда же и церкви многы, въ Любмили же постави церковь каменну... евангеліе *списа* опракошь, прологы *списа* 12 мѣсяца, мѣней 12 *списа*, *списа* же и служебникъ Святому Георгію, и молитвы вечерніи и утрніи *списа*».

2) Исторія Русской Церкви. Періодъ II. 1850, стр. 62.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

ніе одного тяжбаго дѣла: его приговорили по суду къ лишенію всего состоянія. А онъ былъ «богатъ зѣло, кунами и селы, и всѣмъ товаромъ, и *книгами*, и просто рещи такъ бѣ богатъ всѣмъ, какъ ни единъ епископъ бывъ въ Суждальстѣй области» ¹⁾. Слѣдовательно изобиліе книгъ, библіотеки, были одною изъ принадлежностей быта Русскихъ богачей въ XIII столѣтіи. Кромѣ книгъ Русскихъ, въ составъ библіотекъ, какъ открылось въ XVI вѣкѣ, входили и книги Греческія, а чтобы пользоваться ими, необходимо было знаніе Греческаго языка. Если же большинство читателей довольствовалось переводами, то знаніе греческаго языка остается прямою потребностью для переводчиковъ, и хотя при этомъ условіи уменьшается количество знавшихъ по-Гречески, за то возвышается качество самого знанія; ибо для перевода съ иностранныя языка потребно гораздо болѣе предварительнаго изученія, нежели просто для чтенія на этомъ языкѣ.

Хотя не въ такой степени, какъ Греческій, однакоже былъ извѣстенъ въ XIII-мъ столѣтіи и Латинскій языкъ. Если папскіе легаты вели переговоры съ Русскими князьями, бесѣдовали съ Русскими епископами, не зная ни слова по-Русски, то разговоръ всего скорѣе могъ идти по-Латыни, ибо Латинскій языкъ скорѣе могъ быть понятъ на Руси, нежели родной легатамъ — Итальянскій. А такіе переговоры бывали въ XIII вѣкѣ. Плато-Карпини рассказываетъ, что во время пребыванія ихъ посольства у Василька, князя Владимірскаго-Волинскаго, этотъ князь собралъ, по ихъ просьбѣ, своихъ епископовъ, которымъ прочли они папскую грамоту, увѣщавшую ихъ соединиться съ Римскою церковью. «Мы съ своей стороны также — прибавляетъ Плато-Карпини — убѣждали къ тому какъ князя (Dusem), такъ епископовъ и прочихъ. Но такъ какъ тутъ не было Даніила, брата Василькова, который поѣхалъ къ Батью, то они и не могли дать намъ рѣшительнаго отвѣта». Этотъ же

¹⁾ Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 192.

путешественникъ сознается въ пезнаніи Русскаго языка людьми, подвластными папѣ. На вопросъ хана: «есть ли у папы люди, кои разумѣли бы Русскую грамоту?», послы отвѣчали положительно: «у насъ такихъ людей нѣтъ»¹⁾.

XIV вѣкъ по своему историческому значенію не представляетъ рѣзкаго отличія отъ вѣковъ предшествовавшихъ. Всѣ условія быта остались тѣже самыя, и потому тѣже черты сохранила и народная образованность. Только продолжительное иго замѣтно стѣснило ее и препятствовало приносить тѣ плоды, коихъ должно было ожидать по прекрасной зарѣ ся въ XI и XII вѣкахъ, какъ признаютъ даже иностранные ученые²⁾. Литература наша по прежнему обогащалась переводами съ Греческаго, и Русскіе изучали Греческій языкъ и въ самой Россіи, и внѣ предѣловъ отечества. Въ Греціи образовалось какъ бы небольшое общество для перевода книгъ на Русскій языкъ. Русскій путешественникъ XIV вѣка передаетъ свою радость при встрѣчѣ «своихъ Новгородцевъ», которые пропали-было безъ вѣсти и съ которыми не думалъ никогда уже встрѣтиться; они сказали ему, что «живутъ туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ священнаго писанія»³⁾. Степенная книга свидѣтельствуетъ, что митрополитъ Кипріанъ время пребыванія въ своемъ подмосковномъ селѣ посвящалъ занятіямъ литературою. Плодомъ этихъ занятій были и собственные его сочиненія и многіе переводы съ Греческаго⁴⁾. Другой писатель нашъ, митрополитъ

1) Путешествія къ Татарамъ, изд. Языковымъ, стр. 8 и 54.

2) Замѣчательно, между прочимъ, отзывъ Фридриха Шлегеля. См. его Исторію древней и новой литературы. II, 47: «Между Славянскими націями Россія въ средніе вѣка имѣла рано уже своихъ національныхъ бытописателей на отечественномъ языкѣ — преимущество неоцѣненное и доказательство неопровержимое начинанія умственной національной образованности, которая до опустошеній, причиненныхъ Монголами, долженствовала быть болѣе общою и распространенною въ Россіи. Провѣтаніе торговли, старинныя связи съ Константинополемъ и другія историческія обстоятельства дѣлають это весьма вѣроятнымъ».

3) Сахарова, Сказанія Русскаго Народа. Т. II, книга 8, стр. 54.

4) Степенная Книга I, 558: «Пребывалъ въ своемъ селѣ на Голенищевѣ,

Алексѣй въ бытность свою въ Константинополѣ *перевелъ съ Греческаго* снова все Евангеліе, и переводъ его чрезвычайно близокъ къ подлиннику¹⁾.

Начало XV столѣтія въ отношеніи къ литературной дѣятельности было продолженіемъ XIV-го. Многіе писатели стоятъ на рубежѣ этихъ двухъ столѣтій, связывая ихъ рядомъ произведеній, въ которыхъ постоянно обнаруживается вліяніе Византизма. Творенія духовныя, труды Отцевъ Церкви составляютъ наибольшую долю тогдашней переводной словесности. Кромѣ того переводились и произведенія другаго рода. Въ началѣ XV, а можетъ быть и въ XIV в., переведена прозою съ Греческаго поэма Георгія Писиды: О міротвореніи. Вѣроятно, стихотворный размѣръ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, былъ причиною, что эта поэма такъ не скоро нашла себѣ переводчика въ Россіи: она написана въ VII вѣкѣ. Обыкновенно же переводы наши не отдѣлялись отъ своихъ подлинниковъ такимъ продолжительнымъ временемъ. Поэма произвела при появленіи своемъ въ Русскомъ переводѣ весьма пріятное впечатлѣніе на читателей, какъ можно судить по тому, что о ней упомянуто даже въ лѣтописи. Любопытенъ способъ упоминанія, показывающій, какое значеніе лѣтописцы придавали литературнымъ трудамъ въ кругу другихъ явленій народной жизни. «Тоя же зимы (1385) — сказано въ сводной лѣтописи Татищева — посадники Новгородскіе учиниша вече по старому обычаю.... Тоя же зимы князь Михайло Александровичъ Тверскій женилъ сына своего князя Василья.... Того же лѣта переведено бысть слово святаго и премудраго Георгія Писиды, еже есть похвала къ Богу о сотвореніи вся твари»²⁾. Подобнымъ же образомъ, въ ряду самыхъ

между двою рѣкъ, Сѣтуни и Раменки, идѣже... и книги своею рукою писаше, и многія святаѣ книги съ Греческаго языка на Русскій языкъ преложи» и т. д.

1) Онъ хранится въ Чудовѣ монастырѣ. См. Исторія русской церкви, II, 56.—Возглашеніе къ читателямъ при Новомъ Завѣтѣ на Славянск. и Русскомъ яз. М. 1822. стр. IV.

2) Татищева, Россійская Исторія. IV, 313.

разнохарактерныхъ происшествій, отмѣчали и западные лѣтописцы появленіе литературныхъ произведеній. Въ лѣтописяхъ Фульдскихъ читаемъ: *Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum, Gotzomizli, terramque illorum et populum sibi divinctus subjugatum per duces ordinavit. Rhabanus quoque, sophista et sui temporis poetarum nulli secundus, librum, quem de laude sanctae crucis Christi, figurarum varietate distinctum, difficile et mirando poemate composuit*, и т. п.¹⁾.

Въ XV столѣтіи возникаетъ новая и живая связь съ Византіею; къ намъ переселяются многіе изъ ея жителей и приносятъ нѣкоторые Греческіе обычаи: уже не одни только религіозные интересы сближаютъ Россію съ Греціею. Пока существовало только духовное единство, писатели наши съ полнымъ сочувствіемъ вписывали въ свои лѣтописи событія византійскія; но какъ скоро чужое вліяніе коснулось другихъ сторонъ жизни, лѣтописцы замѣтили, что «земля наша замѣшалась и старыя обычаи переставились»²⁾. Сближеніе наше съ Византіею, усилившееся по взятіи Константинополя Турками, переселеніе къ намъ Грековъ, повлекло за собою, вѣроятно, и распространеніе въ извѣстной мѣрѣ Греческаго языка. Онъ не сдѣлался у насъ господствующимъ ни въ какомъ классѣ общества; но познакомиться съ нимъ представлялось весьма много средствъ, коими, безъ сомнѣнія, и пользовались въ большей или меньшей степени.

Что же касается до Латинскаго языка, то знатоковъ его было, повидимому, немного; особенную нужду чувствовали въ нихъ для сношеній съ иностранными державами, ибо Латинскій языкъ былъ тогда дипломатическимъ, и въ дѣлахъ дипломатическихъ употреблялись довольно часто новоприбывшіе Греки. Лѣтописи упоминаютъ неоднократно о назначеніи Грековъ въ посольство къ иностраннымъ дворамъ, а историографъ при-

1) *Monumenta Germaniae historica, edidit Pertz. Annalium Fuldensium pars II, ann. 844.*

2) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, Снегирева. I, 35 — 36.

знаеть, что прибытіе Грековъ съ царевною Софіею было особенно полезно для Россіи по ихъ знаніямъ въ Латинскомъ языкѣ, необходимомъ для вѣшнихъ государственныхъ дѣлъ ¹⁾). Но въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтія упоминаются уже, какъ увидимъ, природные Русскіе, говорящіе по-Латыни съ иностранными монархами.

Въ XVI вѣкѣ повторяется отчасти тоже самое явленіе, которымъ такъ памятенъ XI вѣкъ въ исторіи Русской образованности. Литературное движеніе, начавшееся въ XI столѣтіи въ Кіевѣ, обнаруживается теперь въ Москвѣ; предпринимаются новыя переводы съ Греческаго, а прежніе подвергнуты строгому пересмотру и исправленію. Душою литературной дѣятельности былъ Максимъ Грекъ, извѣстный какъ своими знаніями и трудами, такъ и своими несчастіями. Онъ приступилъ къ своему дѣлу съ превосходнымъ по тому времени филологическимъ приготовленіемъ; не только переводъ, самый текстъ былъ во многихъ мѣстахъ исправляемъ основательнымъ знатокомъ Греческаго языка. Сочувствіе къ важному труду нашель Максимъ Грекъ въ людяхъ образованныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Между послѣдними нельзя забыть князя Курбскаго, Русскаго писателя, знавшаго Греческій языкъ, что доказывается его переводами съ Греческаго, изъ твореній Іоанна Златоуста и историка Евсевія ²⁾). Курбскій, по собственному его свидѣтельству, участвовалъ въ переводѣ книгъ отеческихъ, предпринятыхъ Максимомъ Грекомъ. Явленіемъ этого перевода придаетъ новая черта древнерусской образованности, опредѣляющая взглядъ предковъ нашихъ на изложеніе истинъ Вѣры языкомъ общепонятнымъ. Давно уже, говорятъ Курбскій, паписты желали имѣть Греческія книги и просили ихъ «на перепись»; даже предлагали за нихъ большую сумму: нѣкоторые говорятъ, что за каждый листъ назначали они по «червоному златому», другіе, по «ко-

1) Исторія Государства Россійскаго. Изд. шестое. 1852. Т. VI, стр. 71.

2) Сказанія князя Курбскаго. Н. Устрялова. 1852. стр. XXXIII.

рунѣ, яжъ по три златыхъ червоныхъ важитъ». Теперь же, продолжастъ Курбскій, «безъ всякіе цѣны даромъ преведенна не малая часть отъ нихъ, на нашъ языкъ Словенскій, ово Максимомъ Философомъ и Селиваномъ, ученикомъ его, ово мною многорутиннымъ съ помощники моимъ, учеными мужами, искусными толковники въ Римской бесѣдѣ»¹⁾. Готовясь къ переводамъ съ Греческаго языка, говоритъ Курбскій, «склоняхъ спадки (казузы) и роды и образцы и часы, и иные граматическіе чипы неотмѣненіе и истинные; такъ и разума индѣжъ разтлѣхъ, бо престерехся того со великимъ трудомъ и прилежаніемъ. Также и знаки книжнымъ обычаемъ поставляхъ»²⁾.

О знакомствѣ съ Латинскимъ языкомъ сохранилось нѣсколько указаній въ статейныхъ спискахъ. Изъ нихъ извѣстно, что въ 1518 году отправлены къ императору Максимилиану посолъ Владиміръ Племянниковъ и толмачъ Истома Малый, и императоръ лично объяснялся съ ними по-Латыни. Въ статейномъ списокѣ говорится: «Максимилианъ, избранный Цесарь, всталъ и съ мѣста сступилъ и призвалъ къ себѣ Володимера и Истому, говорилъ самъ *полатынски*, снявъ шапку». Здѣсь же приводятся слова собесѣдниковъ³⁾. Должно полагать, что число знавшихъ по-Латыни увеличилось въ XVI столѣтіи въ сравненіи съ вѣками предъидущими по причинѣ постоянно усиливавшихся сношеній нашихъ съ западными государствами Европы. Самая потребность изученія Латинскаго языка чувствовалась довольно сильно, какъ можно заключить, между прочимъ, изъ того, что Іоаннъ IV признавалъ необходимымъ учредить въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ училища, въ коихъ преподавался бы Латинскій языкъ. Намѣреніе свое высказалъ Іоаннъ IV въ замѣчательной рѣчи, обращенной къ двумъ плѣннымъ Ливонцамъ, взысканнымъ его милостями и довѣріемъ. «Императоръ Римскій Ферди-

1) Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волынѣ. Акты, изд. Кіевскою Коммиссією. Т. II, стр. 308—309.

2) Тамъ же, II, 312.

3) Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи. Т. I, 346—347.

пандъ,—говорилъ Іоаннъ,—предлагая мнѣ свою любовь и братское расположеніе, требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ Ливонію рыцарямъ Тевтонскаго ордена. Я съ своей стороны не отказываюсь рѣшительно отъ переговоровъ по этому дѣлу; ибо произходя изъ славнаго рода Баварскихъ герцоговъ, легко могу склониться на убѣжденія уступить Ливонію, на извѣстныхъ условіяхъ, одному изъ моихъ родственниковъ. Когда же это случится, то всячески буду настаивать на томъ, чтобы въ городахъ моихъ, Псковѣ и Новгородѣ, открыты были училища и въ нихъ учили бы Русское юношество Латинскому и Нѣмецкому языкамъ»¹⁾. Въ XVI-мъ же столѣтіи одинъ изъ извѣстнѣйшихъ полководцевъ нашихъ, князь Курбскій, отличался кромѣ воинскихъ дарованій и способностью и охотою къ изученію иностранныхъ языковъ. Курбскій владѣлъ, какъ извѣстно, четырьмя языками: Русскимъ, Польскимъ, Греческимъ и Латинскимъ. Это изученіе было однимъ изъ любимыхъ занятій, которому онъ предавался съ особеннымъ усердіемъ, какъ видно изъ его собственнаго свидѣтельства о занятіяхъ языкомъ Латинскимъ. «Я не мало лѣтъ—пишетъ Курбскій—взнурихъ по силѣ моей уже въ сѣдницахъ, со многими труды приучахся языку Римскому»²⁾.

XVII столѣтіе соединяетъ древнюю Россію съ новою. Сближаясь во многомъ съ вѣками предшествовавшими, XVII вѣкъ нѣкоторыми чертами обнаруживаетъ иной характеръ, начало

1) *Scriptores rerum Livonicarum*. II, 1848. *Moscoviae ortus et progressus*, autore *Daniele Printz a Buchau*, стр. 702: «Cum vero sacratissimus Romanorum Imperator Ferdinandus per literas amicitiam et fraternam benevolentiam suam mihi obtulerit, et praeterea postularit, ut Livoniam Germanicae militiae equitibus restituerem, non equidem abnuo, ut hisce de rebus inter nos transigatur. Cum enim originem meam ex inclyta Bavarorum ducum familia habeam, facile mihi persuaderi patiar, ut uni cognatorum meorum Livoniam certis conditionibus concedam. Quod si factum fuerit, in eam rem incumbam, ut in urbibus meis Plescovia et Novogardia ludi literarii aperiuntur, in quibus juventus Ruthenica in lingua latina et germanica instituitur.

2) Сказанія князя Курбскаго. 1842. стр. XXIV.

того умственного движенія, которое развилось въ послѣдующемъ столѣтіи. Постепенный переходъ изъ древняго быта въ новый ясно выразился въ постепенно измѣнявшемся направленіи образованности. Въ рассматриваемый нами періодъ южное вліяніе иноземное соединяется съ западнымъ, дѣйствующимъ все сильнѣе и сильнѣе. Связь съ югомъ Европы, съ Греціею, ограничивается цѣлями религіозными, какъ было до исхода почти XV вѣка. Литература наша обогащается переводами, принадлежащими къ одной категоріи съ прежними по духу и выбору предметовъ: одинъ Епифаній Славинецкій (ум. 1676) оставилъ много переводовъ съ Греческаго, изъ коихъ особенно замѣчательенъ переводъ Св. Писанія, и т. п. Греческій языкъ считался въ XVII столѣтіи условіемъ образованности и необходимымъ предметомъ преподаванія въ Русскихъ училищахъ, открываемыхъ въ значительномъ количествѣ и по благословенію православныхъ Греческихъ патріарховъ. Вмѣстѣ съ Греческимъ быстро распространяется языкъ Латинскій; онъ становится даже языкомъ образованности, хотя не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ было то на западѣ. Въ Славяно-Греко-Латинской Академіи, учрежденной въ Москвѣ, преподаваніе происходило на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ: грамматика и пѣтика преподавались по-Гречески, а логика, риторика и физика и по-Гречески и по-Латыни. Курсъ древнихъ языковъ былъ преимущественно практической, воспитанниковъ постоянно упражняли въ разговорѣ на этихъ языкахъ, и черезъ три года по открытіи заведенія ученики могли уже *говорить* по-Гречески и по-Латыни и перевели нѣсколько книгъ съ Греческаго и съ Латинскаго¹⁾.

Такъ было въ Москвѣ во второй половинѣ XVII-го столѣтія; но въ началѣ его, изученіе древнихъ языковъ далеко не въ одинаковой степени распространялось въ сѣверной и южной

1) Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1852. Часть XI. стр. 73. Начало Славяно-Греко-Латинской Академіи.

половинѣ Россіи. Извѣстный путешественникъ, Олеарій, придворный математикъ и библіотекаръ герцога Голштейнъ-Готторпскаго, посѣщавшій сѣверную Россію въ 1633 и 1636 годахъ, упоминаетъ въ своемъ путешествіи о совершенномъ незнаніи Русскими Греческаго и Латинскаго языковъ. «Уже по тому одному, говорятъ онъ, что Русскіе въ своихъ школахъ учатся только Русскому языку, да много что Славянскому, никто изъ нихъ, будь онъ духовнаго или свѣтскаго званія, высшаго или низшаго сословія, не понимаетъ ни слова ни по-Гречески, ни по-Латыни»²⁾. Хотя слова Олеарія нельзя принимать въ буквальный смыслъ, однако самая возможность такого рѣшительнаго, но не вѣрнаго, приговора у писателя, подобнаго Олеарію, показываетъ, что знаніе древнихъ языковъ вовсе не процвѣтало въ той части Россіи, которую удалось видѣть Нѣмецкому путешественнику. Какъ писатель, Олеарій отличается вообще безпристрастіемъ. Безпристрастіе его выражается въ той откровенности, съ какою онъ говоритъ какъ о дурныхъ, такъ и о хорошихъ свойствахъ Русскаго народа. Отрицая знаніе древнихъ языковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ у Русскихъ даръ къ изученію иностранныхъ языковъ и вообще способность и расположеніе ко всякаго рода умственной дѣятельности. «Изъ Русскихъ, продолжаетъ онъ, многіе способны заниматься науками; между ними есть люди съ острыми дарованіями, соединяющіе свѣтлый умъ съ счастливою памятью. Теперешній думный дякъ посольскаго приказа, Алмазъ Ивановичъ²⁾, еще въ молодыхъ лѣ-

1) Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung zum andern mahl herausgegeben durch *Adam Olearius*. Schleszwig. Im Jahr 1666, стр. 280: «Sonst weil die Russen in ihren Schulen nicht mehr als ihre und auff die höchste Slavonische Sprache schreiben und lesen lernen, verstehet auch kein Russe, er sey Geistlich oder Weltlich, hohes oder niedriges Standes Personen, nicht ein Wort weder griechisch noch lateinisch».

2) Алмазъ Ивановичъ—думный дякъ посольскаго приказа при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Службу свою началъ 1640 г., умеръ 1669 г. Настоящее его имя было Ерофей; прозвище Алмазъ, эмблема твердости, получилъ, какъ полагаютъ, по своимъ превосходнымъ качествамъ.

тахъ былъ однажды въ Персіи и въ Турціи, и въ короткое время до того усвоилъ языки Персидскій и Турецкій, что можетъ объясняться на нихъ безъ помощи переводчика»¹⁾. Свидѣтельства Олеарія имѣютъ преимущество достовѣрности въ сравненіи съ извѣстіями многихъ другихъ путешественниковъ. Онъ былъ чело-вѣкъ съ большими свѣдѣніями, матеріалы для труда своего соби-ралъ съ неутомимымъ усердіемъ и величайшею осторожностью въ выборѣ источниковъ, а потому трудъ его признается учеными весьма цѣннымъ пособіемъ для изученія Русской старины²⁾. При счастливой способности къ изученію языковъ Русскимъ легко было избѣгать замѣченнаго Олеаріемъ недостатка въ образо-ваніи. Дѣйствительно, въ томъ же вѣкѣ занятіе древними язы-ками стало распространяться болѣе и болѣе. Другой иностранецъ, бывшій въ Россіи во второй половинѣ XVII столѣтія, Генрихъ Лудольфъ, встрѣчалъ уже между Русскими людей, знавшихъ по-Латыни. Лудольфъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ Русскихъ за-нимаются Латинскимъ и Нѣмецкимъ языками, и при томъ въ Москвѣ открыто училище, въ которомъ преподаются языки Гре-чeskій и Латинскій³⁾. Написавши Русскую Грамматику, Лу-дольфъ посвятилъ ее князю Борису Алексѣвичу Голицыну, ко-торому, по словамъ автора, знаніе Латинскаго языка открыло путь къ объясненію съ иностранцами. Извѣстно, что кн. Б. А. Голицынъ, (1641—1713), бывшій дядькою Петра Великаго,

1) *Olearius*: Reisebeschreibung, стр. 281: «Es fehlet ihnen (den Russen) nicht an guten Köpfen zu lernen. Man findet unter ihnen feine Ingenia, welche mit gutem Verstand und Gedächtniss begabet. Der jetzige Reichs-Canceler in der Gesandten Canzelei Almas Iwanowitz, ist in seiner Jugend einst in Persien und Türckeyen gewesen hat ihre Sprachen im kurtzer Zeit also begriffen, dass er jetzt mit selbiger Nationen ohne Dolmetsch reden kan».

2) *Adelung*: Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland. 1846, Band II, 299—300.

3) См. *Grammatica Russica*. Oxonii. 1696. Praefatio. «Russos etiam nonnullos linguae latinae et germanicae studiosos inveni. Imo patriarchali auctoritate schola erecta est Moscoviae, ubi graeci ludi magistri linguam latinam et graecam docent, ita ut fundamentali Russiae legi disciplinae et studia non adversentur, sicuti a nonnullis traditum est.

говорилъ и по-Латыни и по-Гречески ¹⁾. Дѣти царя Алексѣя Михайловича учились по-Латыни у Симеона Полоцкаго ²⁾.

Между тѣмъ какъ въ сѣверной половинѣ Россіи незнаніе древнихъ языковъ обратило на себя вниманіе иностранца, въ южной изумляло не иностранцевъ, а природныхъ Русскихъ употребленіе ихъ соотечественниками чужаго, непонятнаго языка. Я говорю о Латинскомъ языкѣ и его общемъ употребленіи въ училищахъ южнаго края Россіи. Тамъ онъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова языкомъ воспитанія, и это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что убѣдительно доказываетъ близкую связь нашу съ Европейскимъ западомъ еще въ теченіе XVII вѣка. Преобладаніе Латинскаго языка, обнаружившееся въ Русскихъ училищахъ, есть общая черта Европейской образованности того времени. Люди, стоявшіе во главѣ образованнаго общества, представители современнаго имъ просвѣщенія, воспитывались сами и утверждали необходимость воспитанія при сильномъ вліяніи Латинскаго языка, на коемъ передавались всѣ познанія, различныхъ родовъ и съ различными цѣлями, отъ элементарныхъ до самыхъ высокихъ и отвлеченныхъ. Изъ множества свидѣтельствъ о взглядѣ на воспитаніе и ученость, господствовавшемъ пѣкогда во всей Европѣ, укажу на два, принадлежащихъ лицамъ, весьма замѣчательнымъ въ исторіи Европейскаго просвѣщенія. Сравненіе этихъ свидѣтельствъ съ современнымъ имъ образомъ воспитанія у насъ покажетъ, что многія черты его въ Россіи и въ другихъ странахъ Европы представляютъ между собою разительное сходство. Монтень, извѣстный Французскій писатель XVI вѣка, самъ рассказываетъ о своемъ воспитаніи въ своихъ «*Essais*», которые до сихъ поръ считаются учеными Франціи классическимъ произведеніемъ ихъ литературы въ родѣ нравственно-философскомъ. Монтень говоритъ, что отецъ его употреблялъ всѣ усилія, чтобы

1) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, составл. Д. Бантыш-Каменскимъ. Часть 2, стр. 51.

2) Ср. статью Соловьева о Миллерѣ. Современникъ. 1854. № X., стр. 143, прим. 48.

дать ему самое лучшее, по понятіямъ того времени, воспитаніе. Съ этою цѣлью онъ обращался къ совѣту людей просвѣщенныхъ и глубокомысленныхъ, и общее мнѣніе было то, что если Европейцы XVI вѣка не могутъ достигнуть величія духа и глубины познаній древнихъ Грековъ и Римлянъ, то единственная причина заключается въ медленности и усиліяхъ при изученіи языковъ, знаніе которыхъ не стоило древнимъ ни малѣйшаго труда. Не желая отстать отъ вѣка, отецъ Монтеня послѣдовалъ общему мнѣнію: отдалъ сына еще груднымъ ребенкомъ на руки гувернеру, Нѣмцу, не знавшему ни слова по-Французски, но отлично говорившему по-Латыни; при гувернерѣ было еще два помощника, которымъ вмѣнено въ обязанность говорить съ молодымъ Монтенемъ не иначе, какъ по-Латыни. Первые слова, слышимыя имъ въ колыбели, были Латинскія; первые слова, произнесенныя имъ самимъ, были также Латинскія. На седьмомъ году возраста онъ также точно ничего не слыхивалъ о своемъ родномъ языкѣ, какъ и о какомъ-нибудь Арабскомъ. Не только воспитатели, но все семейство Монтеня, отецъ, мать, даже слуги говорили по-Латыни. Отецъ и мать, благодаря воспитанію сына, сами приобрѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Латинскомъ языкѣ, а лакеямъ и горничнымъ отданъ былъ строгій приказъ произносить въ присутствіи воспитанника только тѣ слова и фразы, которыя составляли ихъ заучивать по-Латыни каждый разъ передъ бесѣдою съ ихъ будущимъ владѣльцемъ¹⁾.

Ученый XVII столѣтія, Даніиль Моргофъ, въ сочиненіи своемъ «Polyhistor», любопытномъ памятникѣ тогдашнихъ понятій объ исторіи литературы, какъ наукъ²⁾, посвящаетъ особую главу разсмотрѣнію методы преподаванія древнихъ языковъ—

1) Les Essais de Michel seigneur de Montaigne. Paris, 1725, t. I, p. 169—170.

2) Энциклопедическій характеръ, отличающій всѣ произведенія учености, не достигшей еще полнаго, отчетливаго опредѣленія сферы каждой науки, выражается въ самомъ названіи труда Моргофа: Polyhistor, sive de notitia auctorum et rerum commentarii, quibus praeterea varia ad omnes disciplinas consilia et subsidia proponuntur.

De methodo in linguis, latina praecipue et graeca, discendis tenenda. Въ ней онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ удивительныхъ успѣховъ въ разговорномъ употребленіи языка Латинскаго. Между прочимъ рассказываетъ, что въ Парижъ привозили четырехлѣтнее дитя, превосходно говорившее по-Латыни и до того возбуждавшее общее вниманіе, что его, какъ диковинку, представляли даже королю. Это дитя не только быстро объяснялось по-Латыни, но и при самомъ бѣгломъ разговорѣ соблюдало всѣ грамматическія правила до малѣйшихъ тонкостей, никогда не дѣлая ошибки ни въ склоненіяхъ, ни въ спряженіяхъ, ни въ синтаксисѣ. Если говорили при дитяти: *ubi ibis a prandio?* или *conscendere in equo*, оно сейчасъ же поправляло: *quo ibis, conscendere in equum*, и т. п. Основываясь на подобныхъ примѣрахъ, показывающихъ, какъ полагали, что разговорная метода и легче и полнѣе знакомитъ съ чужимъ языкомъ, Моргофъ, какъ и его современники, признавалъ ее наиболѣе полезною и существенно необходимою. Онъ говоритъ положительно, что многіе раздѣляютъ убѣжденіе, что Латинскій языкъ несравненно лучше изучать изъ живаго разговора, нежели изъ книгъ и грамматическихъ учебниковъ. Въ сочиненіи Моргофа упоминается о любопытномъ предложеніи одного писателя Французскому королю учредить цѣлое общество Латинское (*civitas latina*), въ коемъ бы всѣ безъ исключенія говорили по-Латыни. Моргофъ съ своей стороны находитъ существованіе подобнаго общества весьма возможнымъ, и полагаетъ, что не болѣе 20 лѣтъ нужно для того, чтобы всѣ члены его, даже ремесленники, объяснялись между собою совершенно свободно по-Латыни¹⁾.

Тѣже вопросы о воспитаніи, которые занимали собою лучшіе

1) Danielis Georgi Morhofi Polyhistor. Lubecae. 1695. Editio secunda. «In eam cogitationem multi venerunt, ut linguam Latinam e conversatione cum latine loquentibus potius, quam e grammaticis praeceptis et lectione, addiscendam suaserint» (стр. 416). «Non inepte autor ille Regi Galliae suadet, ut talem aliquam Civitatem Latinam instituat, qua sola conversatione Latinam linguam doceantur pueri. Ego sane ipsi plane adstipulor et credo intra 20 annos extrui talem societatem posse, qua omnes etiam opifices latine loquantur» (стр. 420—421).

умы въ Европѣ XVI и XVII в., были предметомъ разсужденія и въ Россіи. При открытіи училищъ опредѣляли, какую науку преподавать на какомъ языкѣ, и, подобно тому, какъ въ западной Европѣ, общее мнѣніе людей образованныхъ отдавало преимущество языку Латинскому, въ изученіи коего принято также исключительно практическое направленіе. Въ подтвержденіе этого довольно вспомнить объ учебномъ заведеніи, имѣющемъ такое важное значеніе въ исторіи Русской образованности XVII вѣка, объ Академіи Кіевской. Въ ней, особенно въ періодъ съ 1631 по 1701 годъ, знаніе Латинскаго языка было въ высшей степени распространено. Онъ былъ и языкомъ науки и языкомъ разговорнымъ. На немъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катихизиса и Славянской грамматики. По-Латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ, дома и на улицѣ, всюду, гдѣ только приходилось имъ встрѣчаться. За ошибку въ Латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-Русски, виновный подвергался самому строгому взысканію. «Можно представить себѣ, говоритъ историкъ Кіевской Академіи, чѣмъ могло казаться сословіе учащихся, коихъ число перѣдко простиралось отъ 800 до 1000 и болѣе, съ своимъ незнакомымъ языкомъ, для простыхъ гражданъ Кіевскихъ. Въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ это былъ, можно сказать, какой-то особенный народъ посреди народа Русскаго, Русскій по духу и по всему, но не Русскій по слову»¹⁾. Многіе духовные наши писатели, образовавшіеся въ XVII столѣтіи, писали свои сочиненія на Латинскомъ языкѣ. Его вліяніе простиралось всюду, на всѣ роды и виды литературы; оно проникало и въ обыкновенную переписку, не назначаемую для печати, по дѣламъ общественнымъ и даже домашнимъ. Люди образованные любили красить слогъ своихъ писемъ словами и выраженіями Латинскими, которыя, отъ смѣси ихъ съ Русско-Польскими словами и

1) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843. стр. 75—76 и 13.

оборотами, придавали слогу самую нехудожественную пестроту. Она, и по своему источнику и по способу проявленія, весьма близка къ позднѣйшему искаженію Русской рѣчи, происшедшему, по выраженію извѣстнаго писателя, отъ смѣси «Французскаго съ Нижегородскимъ». Одинъ изъ ученыхъ XVII вѣка въ подобныхъ выраженіяхъ переписывался съ гетманомъ Мазепою: «Не маеть быти той соборъ *pro legitima Synodo*. . . . Старалемся тыи письма переслати вельможности вашей, але не могли смо на скоромъ часѣ достати. *De forma vero consecrationis sacrosanctae eucharistiae* не было въ тамъ-томъ (Польск. *tamten*) листѣ жадной взмѣнки и по сей часъ не машъ. Заслышали смо почасті, же коло того мудрствують оныи Греческіи, чиии Греко-Латинскіи учитель на Москвѣ; алѣ до насъ *sevia haec questio non pervenit*, а мы, якоже научихомся отъ отецъ нашихъ, тако исповѣдуемъ»¹⁾. Такая страсть къ Латинскому языку всего вѣрнѣе объясняется сочувствіемъ предковъ нашихъ къ западноевропейской образованности²⁾. Метода преподаванія въ Кіевской Академіи и характеръ учебниковъ не остался безъ слѣда въ исторіи нашей теоретической литературы. Литературныя понятія, высказываемыя отъ времени до времени извѣстными писателями XVIII вѣка, напминають во многомъ теорію, принимаемую учеными Кіевской

1) Письмо Кіевопечерскаго архимандрита Варлаама Ясинскаго къ Мазепѣ отъ 26 іюля 1688 г. Оно напечатано въ сочиненіи: «Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. М. 1849», изд. Московск. Духовн. Акад.—Латинизмы Ясинскаго также дикі для Русскаго языка, какъ и галицизмы литераторовъ XVIII вѣка, пытавшихся писать подобнымъ слогомъ: «аманта моя сдѣлала мнѣ инфедилите, а я а ку сюръ противъ риваля своего буду реванжироваться», и т. д. Ср. Сумарокова. Сочиненія. Ч. IX, стр. 244 и слѣд.

2) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843. стр. 76. Патріархъ Паскаій въ граматѣ своей говоритъ, что Латинскій языкъ нуженъ Русскимъ потому, что они живутъ между Латинами. Сильвестръ Коссовъ доказываетъ необходимость его Русскимъ для совѣщанія на сеймахъ, куда обязаны были являться жившіе подъ Польскимъ владѣніемъ. Но авторъ Исторіи Академіи весьма справедливо признаетъ главною причиною возвышенія Латинскаго языка въ Кіевской Коллегіи то, что уваженіе къ Латинскому языку было тогда общее во всѣхъ Европейскихъ училищахъ, и отличное знаніе его почиталось необходимою потребностью образованнаго человѣка.

Академія. Самая форма—языкъ преподаванія упорно держался въ нѣкоторыхъ училищахъ, стремившихся подражать своему первообразу. Вѣроятно, это же процвѣтаніе Латинскаго языка въ *духовномъ* училищѣ Кіева послужило источникомъ одному изъ общественныхъ предразсудковъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, состоявшему въ томъ, что учиться Латинскому языку считали необходимымъ только для того, кто назначалъ себя въ духовное званіе¹⁾. Предразсудокъ этотъ самъ по себѣ можетъ казаться страннымъ для народа, который никогда не принималъ католичества, и у котораго духовенство вовсе не пуждалось въ Латинскомъ языкѣ для богослуженія.

Отъ языковъ древняго міра обращаемся къ языку отечественному, знаніе коего составляло, какъ мы сказали, прямую потребность древне-Русской образованности. Здѣсь прежде всего привлекаетъ вниманіе непрерывная послѣдовательность въ употребленіи, устномъ и письменномъ, предками нашими своего роднаго языка. Всѣ оригинальныя произведенія писались исключительно по-Русски до XVI и XVII в., когда Русскіе авторы писали и по-Русски, и по-Латыни, и по-Польски. Въ древній же періодъ литературнымъ языкомъ постоянно оставался Русскій; даже иностранцы, жившіе и писавшіе въ Россіи, выбирали Русскій языкъ орудіемъ своей литературной дѣятельности, начиная отъ митрополита Никифора въ XII вѣкѣ и до Максима Грека.

1) Предубѣжденіе касательно Латинскаго языка замѣчено и литературою принимающею въ себя многія живыя черты современности. Въ комедіи Фонъ-Визина «Выборъ гувернера» происходитъ между дѣйствующими лицами слѣдующій разговоръ:

Князь: Чему жъ вы сына моего учить хотѣли? Какимъ чужестраннымъ языкамъ?

Немстцовъ: Начну съ Латинскаго.

Княгиня: Да развѣ ему попомъ быть?

Немстцовъ: А развѣ Латинскій языкъ для поповъ только годенъ?

Князь: Я не знаю, для чего сыну княжескому учиться по-Латыни.

(Дѣйствіе 3, явленіе 3).

Самые переводы, столь многочисленные въ древней нашей литературѣ, подтверждая знакомство съ языкомъ подлинника, доказываютъ выѣстъ съ тѣмъ общее стремленіе читать на своемъ языкѣ произведенія, наиболѣе удовлетворявшія вкусу того времени. Переводы ходили во множествѣ списковъ, а это одно говоритъ уже о большомъ числѣ читателей, и всѣ идеи, получаемыя ими при чтеніи, являлись въ формѣ знакомой имъ рѣчи, были выражены языкомъ понятнымъ. Тоже самое извѣстіе лѣтописи, которое мы привели выше (П. с. р. лпсей I, 65), о переводѣ книгъ съ Греческаго языка, показываетъ, что большинство читателей пользовалось ими въ Русскомъ переводѣ: «и списаша книги многы, и сниска имиже *поучащися* вѣрнии людье, *наслаждаются* ученья божественнаго». Слѣдовательно и урокъ и наслажденіе находили въ чтеніи преимущественно на родномъ языкѣ; на немъ же подавали благой совѣтъ и утѣшеніе, возбуждали надежду, сообщали познанія. Любовь къ родному слову поддерживалась расположеніемъ къ умственному труду, къ «ученью книжному», по выраженію лѣтописи. Тѣмъ сильнѣе была взаимная связь мысли и слова, что пріобрѣтенныя кѣмъ-либо свѣдѣнія не оставались въ немъ безплодными, а составляли, такъ сказать, общее достояніе его современниковъ, пріобрѣгавшихъ къ совѣту людей извѣстныхъ по начитанности и готовыхъ дѣлиться своими знаніями и опытностью. Въ концѣ X столѣтія сдѣлана у насъ первая и рѣшительная попытка водворить ученіе книжное, и не смотря на то, что ее встрѣтили со слезами люди стараго поколѣнія, въ поколѣніи новомъ она нашла живое и дѣятельное сочувствіе. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство Русскаго писателя XI вѣка, митрополита Иларіона, воспитанника, по всей вѣроятности, того училища, которое открыто въ Кіевѣ при Св. Владимірѣ. Въ высшей степени замѣчательно слѣдующее обращеніе Иларіона къ своимъ слушателямъ или читателямъ: «излагать въ семъ писаніи проповѣдь Пророковъ о Христѣ и ученіе Апостоловъ о будущемъ вѣкѣ было бы излишне и клонилось бы къ тщеславію. Ибо, что *писано въ другихъ кни-*

ихъ и вамъ уже извѣстно, о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости и славолубія. Мы пишемъ не для незнающихъ, а для насытившихся съ избыткомъ книжною сладостію»¹⁾. Если уже въ XI вѣкѣ были между Русскими люди, до того начитанные, что для бесѣды съ ними требовалось строгаго выбора предметовъ, которые могли бы дѣйствовать на нихъ и новостью и убѣдительною, то еще большихъ успѣховъ можно было ожидать отъ вѣковъ послѣдующихъ, когда ученіе книжное входило все болѣе и болѣе въ потребность народнаго быта. Прочитавъ Иларіона, невольно вѣришь задушевности словъ другаго древняго писателя Русскаго, Кирилла Туровскаго: «сладко мед-венъ сотъ и добро есть сахаръ, обоегоже добрѣе книжный разумъ»²⁾. Какъ Иларіонъ и Кириллъ передавали соотечественникамъ свои убѣжденія на родномъ языкѣ, такъ поступали и всѣ послѣдующіе писатели и вообще люди образованные. Но какъ понимать эту образованность, орудіемъ которой былъ нашъ языкъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и которая неизбѣжно должна была положить печать свою на его историческую судьбу? Къ чему она стремилась и въ чемъ сосредоточивались ея инте-ресы? Источникомъ ея служило Св. Писаніе, изъ него заимство-вала и имъ подкрѣпляла она свои убѣжденія; представители ея смотрѣли на жизнь и людей преимущественно съ религіозной точки зрѣнія. Какое же значеніе имѣетъ подобная образован-ность?... Не считая себя въ правѣ произнести рѣшительный приговоръ въ столь важномъ вопросѣ, мы ограничимся замѣча-ніемъ, что характеръ древнерусской образованности соответ-ствуетъ характеру общеевропейской образованности въ средніе вѣка. Значеніе послѣдней въ нравственномъ развитіи народовъ

1) Прибавл. къ твореніямъ Св. Отцевъ. Часть 2. 1844. «А еже поминати въ писаніи семъ и пророческаа проповѣданія о Христѣ, и апостольскаа ученія о будущемъ вѣцѣ, то излиха есть и на тщеславіе скланяся. Иже бо въ нихъ книгахъ писано и вамъ вѣдомо, тѣи здѣ положить, то дрзости образъ есть и славохотію. Не къ невѣдущимъ бо пишеть, но преизлиха насыщшемся сла-дости книжныя». Стр. 225 и 257—258.

2) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. стр. 133.

опредѣлительно указано Гизо въ его исторіи Европейской цивилизаціи. «Умственное и нравственное развитіе Европы, говорятъ этотъ писатель, есть въ сущности богословское (théologique). Пробѣгите исторію съ V и до XVI вѣка: богословіе (théologie) править мыслію человѣческою, всѣ мнѣнія носятъ печать богословія; вопросы философскіе, политическіе, историческіе разсматриваются постоянно съ точки зрѣнія богословской. Богословскій духъ былъ, такъ сказать, кровію, которая текла въ жилахъ Европейскаго міра. И это вліяніе было благодѣтельно. Оно не только поддержало и оплодотворило умственное движеніе въ Европѣ; но система ученія и началъ, во имя коихъ оно дѣйствовало, неизмѣримо превышало все то, что когда-либо извѣстно было древнему міру. Въ немъ, въ этомъ вліяніи, былъ залогъ движенія и успѣховъ»¹). То, что сознано и объяснено современною наукою, таилось, какъ безотчетное предчувствіе истины, въ убѣжденіи средневѣковыхъ Европейцевъ. Еще въ XII в. говорили въ Европѣ: «на сколько люди вообще превосходятъ безсловесныхъ, на столько люди книжные свѣтскихъ»²). Слѣдовательно понятія: люди книжные (les lettrés) и люди духовнаго званія были тождественны. Въ этомъ всего яснѣе выражается и духъ средневѣковой литературы и понятіе о призваніи исключительно духовнаго сословія къ занятіямъ литературнымъ. Различеніе, хотя не столь рѣзкое, духовныхъ отъ мірянъ по степени образованности замѣчается и у насъ, какъ можно судить по названію *отъжа*, усвоиваемому духовнымъ въ отлічіе отъ людей некнижныхъ, называемыхъ *невъжами*. Въ одномъ изъ поученій, помѣщенныхъ въ «Златой Цѣпи», говорится о страшной ответственности приступающихъ къ св. причащенію держа гнѣвъ на кого-либо: «Аще ли есть *отъжа* али невѣжа, рекше дыакъ или чтець, или чернецъ или ерѣи, ѿ горе и горе таковымъ и праторѣе всѣ грѣшныхъ» (л. 76 об.—77 об.). Въ другомъ спискѣ по-

1) Guizot, Histoire de la civilisation en Europe. 6 leçon. 1851, стр. 151—152.

2) Эти слова принадлежатъ Николаю Клервоскому (Nicolas de Clairvaux), ученику и секретарю Св. Бернарда, умершему въ 1180 году.

ученія это мѣсто читается такъ: «аще ли невѣжа есть, или попъ, или епкъ, или чернецъ, или діакъ—ω горѣ таковымъ»¹⁾. Здѣсь понятіе *невѣжа* противопоставляется понятіямъ: попъ, епископъ, чернецъ, дьякъ; въ первомъ случаѣ *рекше* очевидно относится къ *сѣжа*, а слово невѣжа оставлено безъ поясненія, имѣя одинаковый смыслъ съ словомъ *простецъ*, *простая чадь*, и т. п. Въ той же рукописи, въ словѣ Христолюбца, указывается положительно, кому принадлежитъ названіе *сѣжа*: «не токмо же то творять невѣжи, но и *сѣжи: попове и книжници*».—Что касается до призванія духовныхъ лицъ къ дѣлу книжному, къ просвѣщенію, то мысль объ этомъ была у насъ въ древности господствовавшая. Книга была необходимою принадлежностью быта духовнаго лица. Даже строгія аскетическія правила, предписывавшія совершенную нищету, не только дозволяли, но даже ставили въ обязанность инокамъ имѣть книги. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ требованіе нищеты простиралось до такой степени, что никто изъ монаховъ не имѣлъ права держать въ келіи ничего, ни даже хлѣба и воды; но книги были и должны были быть у всѣхъ и каждого. Въ жизнеописаніи Св. Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что онъ «в келіи ничтоже не веляше имѣти, ниже своимъ звати... хлѣбъ же или вода или ино что каково в веліи никакоже обрѣташа, кромѣ еже руки умыти. *Аще ли кто к тому пріити случишися, ничтоже бѣше въ келіи видѣти, развѣ иконы и книги*»²⁾. Если обратить вниманіе на подобные факты и принять въ соображеніе общую судьбу Европейской образованности, то въ надлежащемъ свѣтѣ явится вопросъ о направленіи древнерусской письменной словесности и о томъ, что представители ея были преимущественно лица духовныя.

Впрочемъ мы коснулись вопроса объ образованности только по связи его съ выраженіемъ усвоенныхъ ею идей на извѣстномъ, *общедоступномъ* языкѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно,

1) Сборникъ XVI в. въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, № 39, л. 43—44.

2) Сборникъ Троицко-Сергіевской Лавры, № 31, л. 297 об.

что при извѣстіи о человѣкѣ *образованномъ*, въ лѣтописи обыкновенно упоминается о его поучительныхъ *бесѣдахъ* въ кругу людей, дорожившихъ разумнымъ словомъ. О митрополитѣ Іоаннѣ говорится: «бысть мужъ *хытръ книгамъ и ученю, ласковъ же ко всякому богату и убогу, книгами святымъ утѣшая печальныя*». О Ростовскомъ епископѣ Пахоміи: «бѣ избранникъ Божій, *ласковъ ко всякому убогому, исполненъ книжнаго ученя, всѣмъ дѣлы утѣшая печальныя*»¹⁾, и т. д., и т. д. Подобныя извѣстія указываютъ на образъ пониманія предками нашими достоинства и назначенія знаній. Едва ли мы подвергнемъ себя упреку въ произвольномъ примѣненіи, если скажемъ, что во взглядѣ на нравственно - религіозное образованіе, господствовавшемъ въ древней Руси, представляется сходство съ воззрѣніемъ одного изъ великихъ христіанскихъ мыслителей, на творенія коего не ссылается рѣдкій изъ древнихъ писателей нашихъ. «Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, говоритъ онъ, то хотя духъ мой и молятся, но умъ остается безъ плода. Лучше хочу сказать пять словъ, чтобъ и *другихъ наставить*, нежели тѣмъ словъ на *незнакомомъ языкѣ*»²⁾. — Характеръ знаній въ древній періодъ нашего быта былъ одинъ и тотъ же и для духовнаго сословія и

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 89 и 185—187.

2) 1-е посл. къ Коринѣянамъ. XIV, 14 и 19.—О сочувствіи предковъ нашихъ къ произведеніямъ апостола Павла свидѣлствуетъ одинъ изъ духовныхъ писателей нашихъ XV вѣка. «Гдѣ въ святѣй церкви, говоритъ митрополитъ Θεодосій, начнется о Павлѣ бесѣда, како отвсюду, яко же пчелы на събраніи цвѣтовъ отвсюду, стичются иже надъ властью, иже подъ властью, богатіи и нищии, мудріи и немудріи, многоученіи и малоученіи, съ просители готовословци, иже въ видѣніи и дѣланіи, иже высокаго священника сана, иже иноческаго чина мужіе и жены, всякъ вѣзрастъ, вси чюдятся мужа премудрости». Примѣнимость ученія великаго апостола къ духовнымъ нуждамъ всѣхъ и каждого, и вмѣстѣ съ тѣмъ его непостижимая глубина изображаются весьма нагляднымъ сравненіемъ. «Яко же глубока нѣкая вода—продолжаетъ нашъ писатель—всѣмъ на всяку потребу предлежитъ, еще пити, еще варити, еще изыматися, еще сады напаяти, еще плавати, еще рыбы ловити, глубина же тоя никому же вѣдома есть. Тако и Павловы слова всякому виду добродѣтели слышащихъ учить, высокою же и разумомъ всѣхъ превъсходя». (Рисъ XV в., принадл. г. Ундольскому. См. Извѣстія 2-го Отдѣлен. Академіи Наукъ. Т. 2. 1853, стр. 327).

для свѣтскаго, и для высшаго и нисшаго классовъ, и для обонхъ половъ. И всюду равно употреблялся одинъ и тотъ же языкъ, бывшій единственнымъ выразителемъ мысли для всѣхъ и каждаго. О просвѣщеніи и дарованіяхъ свѣтскихъ людей лѣтописцы отзываются почти въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и о лицахъ духовныхъ. Всѣ отзывы ихъ въ родѣ слѣдующаго о князѣ Василькѣ: «бѣ же *сердцемъ млокъ*, до бояръ *ласковъ*; мужество и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо *всему хытръ и гораздо умъ*» и пр.¹⁾ Люди высшаго класса, сильные міра сего «прилежно требуютъ книжнаго почитанія», говорятъ Кириллъ Туровскій, и онъ же занятіе книжнымъ дѣломъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ сословіямъ безъ исключенія: «молю вы, потщитесь прилежно почитати святаыя книги»²⁾. Какъ ни скудны извѣстія объ участіи женщинъ въ общественномъ развитіи древней Руси, но и по нѣкоторымъ замѣткамъ, сообщеннымъ вскользь, видно, что условія образованности были одинаковыя для женщинъ, какъ и для мужчинъ. О княгинѣ Евфросиніи Полоцкой сохранилось преданіе, что она нѣсколько времени жила при церкви и занималась списываніемъ книгъ, какъ занимался имъ и многіе князья. Княгиня Верхуслава, дочь Всеволода III, принимала самое живое участіе въ судьбѣ двухъ современныхъ ей писателей, Симона и Поликарпа³⁾, а это показываетъ сочувствіе княгини къ ихъ литературной дѣятельности. Женщины воспитывала князя Михайла Ярославича Тверскаго, и въ данномъ ему образованіи естественно выразился вкусъ воспитательницы. Михайлъ Ярославичъ былъ сынъ великой княгини Ксєніи, и премудрая мать, говорятъ лѣтописецъ, воспитала его въ страхѣ Господнемъ, «и научи святымъ книгамъ и всякой

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 199.

2) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. 132—133.

3) Въ посланіи къ Поликарпу, по рукописи Синодальн. библ. № 163, Симонъ говоритъ: «пишетъ же ми книги (письмо) княгиня Ростиславля, Верхуслава: *аше ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради*». (р. Истор. Государства Россійскаго. III, примѣч. 171.

премудрости»¹⁾. Святые книги являются у насъ на общепонятномъ языкѣ еще со временъ Св. Владиміра, а потому на этомъ языкѣ преподавалась и «всякая книжная премудрость». Не только исторія, даже поэзія народная сохранила воспоминаніе о томъ, что когда-то всѣ Русскіе дѣлились мыслию и чувствомъ только на родномъ языкѣ. Въ одной изъ былинъ про времена Владиміра разсказывается о его желаніи найти себѣ невѣсту. Владиміръ былъ идеаломъ народной поэзіи, и выборъ его долженъ былъ отвѣчать его высокимъ достоинствамъ, по понятію о нихъ народа. Требованія свои Владиміръ выражаетъ въ былинѣ такъ²⁾:

вы ищите мнѣ невѣстуску хорошую,
вы хорошую и пригожую,
што бѣ лицомъ красна и умомъ сверстна,
што бѣ *умѣла Рускую грамоту*
и четью-пѣтью церковному,
што бы было ково назвать вамъ матушкой,
величать бы государыней.

И князю нашли невѣсту, «что и Русскую умѣетъ больно грамоту, и четью-пѣтью горазда церковному». Въ этихъ словахъ, удержанныхъ памятью народа, мы въ правѣ видѣть черту минувшаго быта, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой, напри- мѣръ, можемъ судить о требованіяхъ свѣтской образованности въ началѣ XIX вѣка по отзыву Пушкина о своемъ героѣ: «онъ *по-Французски* совершенно могъ изъясняться и писалъ», и т. п.

Всѣ приведенные мною факты указываютъ на употребленіе людьми образованными общепонятнаго языка. вмѣстѣ съ тѣмъ указывается нѣкоторая связь его, какъ орудія знаній, съ чтеніемъ святыхъ книгъ, а какъ Св. Писаніе переведено на Церковно-Славянскій языкъ, то возникаетъ вопросъ объ отношеніи

1) Полное собраніе Русскихъ летописей. V, 207.

2) Памятники и образцы народнаго языка и словесности, издаваемые при Извѣстіяхъ 2-го Отдѣла. Академіи Наукъ. Томъ I, стр. 82.

этого языка къ Русскому. Рѣшеніемъ его объяснится и то, какое участіе имѣлъ собственно Русскій языкъ въ судьбахъ нашей древней образованности. Мнѣнія о Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкахъ, существующія и существовавшія въ нашей литературѣ, довольно разнообразны. Нѣкоторые считали Славянскій языкъ единственнымъ языкомъ нашей древней литературы, употреблявшимся на счетъ Русскаго не только книжнаго, но даже и разговорнаго. Другое, не столь рѣшительное, мнѣніе ставило эти языки въ отношеніе не подчиненности, а взаимнаго дѣйствія, оставляя за церковнымъ преимущество языка письменнаго, и полагая, что Русскій хранился только въ разговорѣ и пѣснѣ. Наконецъ Русскому языку возвращены его права, хотя и не отвергнуто его близкое отношеніе съ Церковно-Славянскимъ. Было нѣкогда въ ходу такого рода мнѣніе: Греки, переводя священныя книги на Русскій языкъ, образовали его по грамматикѣ и синтаксису своего древняго классическаго языка, и составили книжный или церковный языкъ. Духовенство и высшій классъ народа употребляли книжно-Славянскій языкъ не только въ письмѣ, но и въ разговорахъ, по крайней мѣрѣ до вѣры относящихся; простолюдины подражали симъ двумъ высшимъ государственнымъ сословіямъ¹⁾. Въ другомъ свѣтѣ долженъ былъ явиться вопросъ, когда древній языкъ наш подвергли основательному изученію, въ особенности когда утвердилось историческое направленіе, такъ превосходно начатое Востоковымъ, и изученіе Славянскихъ нарѣчій положило твердую основу Русской филологіи. Самостоятельность двухъ родственныхъ языковъ перестала возбуждать сомнѣніе. Впрочемъ нѣкоторые изъ филологовъ остаются при мысли, что памятники Русскаго языка являются никакъ не ранѣе XIII столѣтія; все же предшествовавшія произведенія Русской литературы писаны по Церковно-Славянски²⁾. Почти въ одно время съ этимъ мнѣніемъ

1) О подлинности Слова о Полку Игоревѣ. *С. Руссова*. 1834, стр. 6—7.

2) Ломоносовъ въ исторіи Русской литературы и Русскаго языка. *К. Аксакова*, стр. 161 и др. Положеніе VI.

высказано другое, совершенно-противоположное, по которому не только наши лѣтописи, или Русская Правда, или Слово о Полку Игоревѣ, но и творенія Кирилла Туровскаго входят не только въ исторію Русской словесности, но и въ исторію Русскаго языка ¹⁾. Въ филологическомъ изслѣдованіи, излагающемъ историческій ходъ Русскаго языка въ связи съ нарѣчіями соплеменными, признается несомнѣннымъ, что до XIII вѣка языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, и уже въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ ²⁾. Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей современной филологіи, посветившій свою дѣятельность преимущественно изслѣдованію Церковно-Славянскаго языка, высказалъ слѣдующее убѣжденіе: «Несправедливо было бы утверждать, что каждая старая форма есть форма Церковно-Словянская, потому именно, что она не находится въ Русскомъ языкѣ. Понятіе, слѣдственно, о вліяніи Церковно-Словянскаго языка на Русскій смѣшиваетъ два начала—Древне-Словянскій и Древній Русскій и едва ли не будетъ справедливѣе признать въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія Церковно-Словянскаго языка, постепенное изчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ». Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе о связи Церковно-Славянскаго языка съ судьбами нашей образованности. «Въ исторіи нашего просвѣщенія—говоритъ онъ—не столько важенъ вопросъ о вліяніи Церковно-Словянскаго языка на Русскій, сколько обратно—вліяніе Русскаго на Церковно-Словянскій. Внесенный вмѣстѣ съ св. книгами, онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но не принимая въ себя ничего, что рознитъ Русскія нарѣчія, усвоилъ то, что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно, въ немъ есть много Русскаго, но ничего Мало-Россійскаго, ничего

1) Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка. *М. Каткова*, стр. 216—217.

2) Мысли объ исторіи Русскаго языка. *И. Срезневскаго*, стр. 95—96.

Велико-Русскаго, ничего Бѣло-Русскаго. Онъ былъ связью племень, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи»¹⁾).

Не входя въ неумѣстное въ настоящемъ случаѣ разсмотрѣніе съ точки зрѣнія современной филологіи вопроса о взаимномъ вліяніи Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ, мы желали бы указать, какъ сами древніе писатели наши понимали свойства литературнаго языка. По всѣмъ соображеніямъ *Русскій* языкъ и *Славянскій* не представлялись въ сознаніи предковъ нашихъ двумя различными языками. Еще Несторъ говоритъ, что «*Славянскій* народъ и *Русскій* одинъ и тотъ же, и прозванъ *Русскимъ* отъ Варяговъ: Поляне получили особое названіе, потому что жили въ поляхъ, рѣчь же, языкъ ихъ былъ тотъ же *Славянскій*»²⁾). Слѣдовательно, онъ признаетъ, что слова *Славянскій* и *Русскій* значатъ тоже самое, только первое слово—наше туземное, послѣднее—пришлое, варяжское. Есть извѣстіе, что Св. Константинъ, первоучитель Славянскій, нашелъ въ городѣ Корсуни Евангеліе и Псалтирь «*росьскы писмены писано*» и чело-вѣка говорившаго по-Русски³⁾). Несторъ же говоритъ, что при Ярославѣ переводили «отъ Грекъ на *словѣнское письмо*»: по всей вѣроятности языкъ обоихъ переводовъ принадлежалъ одному и томо же Славянскому племени. Со времянъ Нестора и въ послѣдующіе вѣка слова *Русскій* и *Славянскій* употреблялись одно вмѣсто другаго. Максимъ Грекъ, дѣлая замѣчанія о правильнѣйшемъ переводѣ Св. Писанія и обвиняя позднѣйшихъ книжниковъ, отдаетъ справедливость древнѣйшимъ «приснопамятнымъ преводникомъ святыхъ писаній отъ Греческаго языка на *Русскій*»⁴⁾). Въ старинныхъ «азбуковникахъ» читаемъ: «въ нашихъ *Словенскаго языка* книгахъ многи рѣчи намъ *Славяномъ* неудобъ разумни обретаются, ихъ же не удоволишася или не потщасяся

1) Статьи, касающіяся Древняго Словянскаго языка. В. Григоровича. Казань. 1852, стр. 14—15.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 12.

3) Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, соч. С. Палаузова, стр. 64.

4) Въ словѣ «о исправленіи книжномъ».

на *Руски языкъ* преложити». Редакція этихъ словарей относится къ XVI и XVII в., и въ употребленіи словъ: *Русскій* и *Славянскій* нѣтъ разницы отъ памятниковъ XI вѣка. Тождество языковъ Славянскаго и Русскаго признавалось не только Русскими, но и другими Славянами. Въ Сербіи было въ XV столѣтіи мнѣніе, что Св. Писаніе первоначально переведено на «Русскій тончайшій» языкъ¹⁾. Но если не было разницы въ названіи, то, быть можетъ, въ самомъ употребленіи люди книжные съ *намѣреніемъ* избирали языкъ церковный, писали по-Церковно-Славянски, между тѣмъ какъ массы говорили по-Русски. Такое мнѣніе, какъ извѣстно, не новость въ нашей литературѣ. Что между Русскими авторами были писавшіе по-Церковно-Славянски, это не подлежитъ сомнѣнію. Исторія Церковнаго языка тѣсно связана съ исторією Русской письменности; различные періоды Церковно-Славянскаго языка имѣли въ Россіи представителей. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду большинство писателей и ихъ личный взглядъ на языкъ, которымъ они писали. Насколько можно уловить этотъ взглядъ въ древнихъ памятникахъ, онъ показываетъ намъ, что исключительное употребленіе церковнаго языка на счетъ Русскаго вовсе не входило въ *намѣреніе* нашихъ древнихъ писателей. Занимаясь трудомъ литературнымъ, они далеки были отъ мысли придать языку изысканную форму, непохожую на ту, которая являлась невольно, по самому духу языка, въ живомъ говорѣ народа. Самое направленіе литературы преимущественно *поучительное* и связанная съ нимъ необходимость быть общепонятнымъ предохраняли писателей отъ исключительности. Желаніе объяснить какую-либо истину или событіе составляло одно изъ условій, а весьма часто и главную цѣль литературнаго труда. При этой цѣли нельзя было не стараться передать мысль въ формѣ наиболѣе общедоступной, и стремленіе къ общедоступности выраженія замѣчаемъ дѣйстви-

1) Статьи, касающіяся Древняго Славянскаго языка. *В. Григоровича*, стр. 11.

тельно у многихъ изъ нашихъ писателей. Если слово, употребленное въ поученіи, считали не для всѣхъ понятнымъ, то вслѣдъ за нимъ предлагали и объясненіе. Въ словѣ о страхѣ Божиѣмъ за увѣщаніемъ: «потщѣйся вѣчныхъ избыти мукъ *лицемѣрною* любовію» слѣдуетъ объясненіе: «Сіе же *лицемѣрство* нарицается, иже богатыхъ дѣля стыдятся, аще неправду дѣютъ, а сироты озлобляютъ»¹⁾. Въ поученіи, помѣщенномъ въ Златой Цѣпи (л. 43 об.—45), такъ объясняется слово *врагъ*: «Миръ держите не только съ любовниками, но и со *враги* своими: вѣдомо же свои *враги* намъ то суг, аще ли кто кому сна (= сына) или братъ зарѣзалъ» и т. п. Тѣмъ не менѣе, такъ называемые, книжный и разговорный языки представляли между собою явственное различіе. Оно зависѣло отъ характера современной образованности и ея выразительницы—литературы. Сосредоточиваясь на предметахъ религіозныхъ, мысль писателя оставалась въ высшей сферѣ умственной дѣятельности, была иначе настроена, нежели мысль чловека, думавшаго о житейскомъ благосостояніи, или о борьбѣ и добычѣ, о пирахъ, и т. п. Различіе въ настроеніи мысли не могло не обнаружиться въ различіи слова, и дѣйствительно выразилось, но только не употребленіемъ двухъ различныхъ, хотя и соплеменныхъ языковъ, а въ образованіи двоякаго слога одного и того же языка. Что такое явленіе было рѣшительно неизбѣжно въ исторіи нашего языка, всего лучше доказывается многими новѣйшими попытками сдѣлать народныя нарѣчія литературными. Чѣмъ болѣе авторы переходили въ область предметовъ отвлеченныхъ, тѣмъ болѣе ихъ книжный слогъ отходилъ отъ разговорнаго. Что же касается до древнихъ нашихъ писателей, то они имѣли свои понятія о красотѣ и приличіи слога, и, руководствуясь ими, заботились о достоинствѣ образовъ и выраженій, не допуская ничего плоскаго и тривіальнаго. Выборъ ихъ, часто довольно строгій, имѣлъ одну цѣль—сохранить

1) Златоустъ. Рукопись Московской Духовной Академіи, XVI в., полууставъ, л. 54.

въ выраженіи достоинство выражаемой идеи. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ доказательства, представляемыя произведеніями древнихъ нашихъ писателей. Изъ нихъ одинъ принадлежитъ почти къ началу нашей древней словесности, другой завершаетъ ее своими твореніями. Съ намѣреніемъ выбираемъ два крайніе предѣла, чтобъ очевидно было сходство во взглядѣ на разсматриваемый предметъ до самаго исхода древняго періода. Достопамятный витія нашъ XII вѣка, Кириллъ Туровскій, бесѣдуя о взаимномъ отношеніи души и тѣла, видимо стремился такой высокой предметъ объяснить самымъ доступнымъ образомъ. Но здѣсь встрѣтилось ему затрудненіе. Высокость идеи требовала избѣгать напоминанія о предметахъ ежедневнаго быта, между коими есть и тривіальные. Существенная же цѣль бесѣды, сообщеніе идеи слушателямъ, заставляла прибѣгать именно къ этимъ предметамъ. Нашъ авторъ уступилъ послѣднему требованію, провелъ по всему слову образъ, взятый изъ ежедневной жизни, и только просилъ простить ему этотъ образъ, чѣмъ и выразилось его уваженіе къ идеѣ. Его литературные приемы весьма любопытны, какъ черта вѣка. Онъ сравниваетъ душу и тѣло, различнымъ образомъ подвигающіе человека на грѣхъ, съ хромымъ и слѣпымъ, приставленными къ саду для сбереженія плодовъ, и склоняющими другъ друга къ нарушенію данной имъ обязанности. «Однажды, говорятъ онъ, слѣпой спросилъ у хромого: что за пріятный запахъ долетаетъ ко мнѣ? Хромой отвѣчалъ: много прекрасныхъ плодовъ у господина нашего; сладость вкуса ихъ нельзя и рассказать словами. Но онъ себѣ на умѣ: приставилъ тебя слѣплаго, а меня хромого, чтобы мы не могли пойти и насытиться «благынь» его. Слепой ему въ отвѣтъ: зачѣмъ же ты прежде не сказалъ мнѣ объ этомъ, и мы похитили бы данное въ наше распоряженіе. Хотя я и слѣпъ; но имѣю ноги и силу, могу понести тебя и другую ношу.... Если меня спросятъ господинъ о покражѣ, я скажу: ты же знаешь, что я слѣпъ; если тебя, скажи: я хромой и не могу туда дойти. И такъ перехитримъ своего господина и получимъ свою плату. Хромой слѣлъ

на слѣпаго, пришли и обокрали все, что было внутри». Сказавши это, авторъ счелъ нужнымъ обратиться къ слушателямъ съ слѣдующимъ извиненіемъ: «не обвиняйте меня, братія, въ грубомъ способѣ, какимъ объясняю я Св. Писаніе. Какъ птица, когда ноги ея завязли, не можетъ взлетѣть на высоту воздушную, такъ и мнѣ, увязшему въ тѣлесныхъ похотяхъ, невозможно бесѣдовать о духовномъ: не слагаются слова грѣшника, не имѣя влаги Св. Духа»¹⁾. Эта оговорка доказываетъ, что ораторъ былъ самъ нѣсколько озадаченъ употребленнымъ имъ сравненіемъ. Его смутила, видимо, не тривіальность словъ, а тривіальность самой картины: воображенію представился видъ калѣки, сѣвшаго верхомъ на слѣпца. Слѣдовательно не слово, а предметъ казался неприличнымъ, и предметами-то собственно, а не словами оскорблялся вкусъ и позднѣйшихъ писателей. Но такъ какъ предметъ и его названіе тѣсно связаны между собою, то мало по малу замѣненіе словъ общенародныхъ Церковно-Славянскими входило въ обычай, усилившійся къ концу древняго періода. Что этотъ обычай не скоро вытѣснилъ древнее употребленіе, доказываетъ примѣръ писателя, заключающаго, какъ мы сказали, рядъ древ-

1) Памятники Россійской Словесности XII в. «Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпецъ къ хромцю: что се убо благоуханіе извнутриюду вратъ полетаеть на мя? Отвѣща хромьць: многа благая господина наю внутрь суть, ихъ же вкушенія неизреченна сладость; но понеже премудръ есть наю господинъ, и посади тебе слѣпа, мене же хромага, и не можевъ никакоже тѣхъ дойти, и насытитися благынь. Отвѣща слѣпецъ: да почто сего нѣси ми повѣдалъ прежде, да быховѣ не жадала, нѣ къ симъ данымъ намъ въ область, да она быхомъ собѣ въсхитили? Аще бо азъ слѣпъ есмь, но имамъ нозѣ и силенъ есмь, могій носити тебе и бремя... И тако упремудривѣ господина наю... Всыѣдъ же хромецъ на слѣпца, и дошедша окрадоста вся внутренняя благаа господина своего. Но не своюйта, братіе, на мою грубость, нелѣпо (т. е. некрасиво, неискусно, неизящно) образъ писанія поставляюще ми, якоже и по ногу вязаща птица нѣсть мощно възлетѣти на аерскую высоту, сице и мнѣ, въ тѣлесныхъ вязящему похотехъ, невъможно о духовныхъ бесѣдовати, не слагаетьбоса грѣшница словеса, не имуще влаги Святаго Духа», стр. 139—141. Въ самомъ языкѣ, даже судя по этому краткому отрывку, много руссизмовъ; не говоря о формахъ, общихъ древне-Русскому языку съ Церковно-Славянскимъ, какъ неопредѣленное наклоненіе на *и*, двойственное число и т. п.: *доити*, *можевъ* и проч., много чистыхъ руссизмовъ: *собѣ*, *хромцю*, *жадати* и проч.

нихъ писателей нашихъ. Я говорю о Св. Димитріи (1651—1709). Въ розыскѣ о Брынскомъ расколѣ, онъ высказываетъ въ предисловіи свои понятія о различіи слога по разности предметовъ. Авторъ проситъ читателей не удивляться въ его книгѣ *просторчю и некрасному сочиненію*, оправдывая себя тѣмъ, что писалъ для *самыхъ препростыхъ* людей. При этомъ указываетъ на примѣръ Златоуста и самого Спасителя. Однѣй разъ, говорить онъ, когда Златоустъ училъ въ церкви, женщина воззвала къ нему: учитель духовный! глубокъ колодезь твоего ученья, а верви ума моего слишкомъ коротки, чтобы почерпнуть изъ такого глубокаго колодезя. Съ тѣхъ поръ ораторъ отложилъ *риторство* и держался *просторчю*. Самъ Христосъ, бесѣдуя съ людьми книжными, простираетъ къ нимъ слова, исполненные божественной *премудрости*, приводя *свидѣтельство отъ книгъ пророческихъ*; простому же народу говорилъ простыми притчами: царство небесное уподоблялъ челоуѣку, сѣявшему на селѣ, и купцу, и зерну горячяному, и квасу, который женщина скрыла въ трехъ мѣрахъ мукп, и т. п. (Матѣ. XIII, 3—50)¹⁾. Слѣдовательно, по мнѣнію Св. Димитрія, достоинство слога состоитъ въ заимствованіи образовъ изъ Св. Писанія; въ простомъ же слогѣ образы берутся изъ ежедневнаго быта, отъ предметовъ самыхъ обыкновенныхъ и незначительныхъ. И такъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ почти одинаково понимались условія литературнаго языка. Разница только та, что Кириллъ Туровскій употребляемый имъ образъ выраженія признавалъ обычнымъ, лично ему принадлежащимъ, а Св. Димитрій допускаетъ его только для людей непросвѣщенныхъ. Св. Димитрій составляетъ во многомъ исключеніе изъ круга современныхъ ему авторовъ, сближаясь въ своихъ произведеніяхъ съ духомъ древней Русской словесности. Другіе же писатели XVII вѣка слѣдовали иному направленію. Литература становилась все болѣе искусственною, а вмѣстѣ измѣнялся и слогъ. То, что было прежде простою потребностью

1) Розыскъ о расколической Брынской вѣрѣ. 1709. стр. 2 и слѣд.

приличія слога, какъ бы ни понимали его авторы, перешло въ XVII в. въ вычурность и претензію на щегольство. Могло случиться, что иные книжники, и въ письмѣ и отчасти даже въ живомъ разговорѣ, стали гнушаться не тривіальнымъ образомъ, а самимъ словомъ, если оно ходило въ общемъ употребленіи народа. Тогда-то оттѣнки слога одного и того же языка переродились въ сознаніи употреблявшихъ его какъ бы въ два особенные языка. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію ведетъ свидѣтельство филолога Лудольфа, автора Русской грамматики. Онъ утверждаетъ положительно, что Русскіе отличаютъ собственно Русскій языкъ (*lingua Russica*) отъ языка Славянскаго (*lingua Slavonica*). Лудольфъ говоритъ, что у Русскихъ Славянскій языкъ есть языкъ богослуженія и церковныхъ книгъ; кромѣ того безъ помощи его нельзя ни писать, ни разсуждать о предметахъ учености и познаній, и чѣмъ ученѣе кто хочетъ прослыть, тѣмъ больше славянизмовъ употребляетъ и въ рѣчи и въ письмѣ. Въ обыкновенномъ же разговорѣ никто не употребляетъ Славянскаго языка, да и названій многихъ вещей, необходимыхъ въ ежедневномъ быту, нѣтъ въ Славянскихъ книгахъ. Даже подсмѣиваются надъ тѣмъ, кто черезчуръ любитъ красить обыкновенную рѣчь славянизмами, такъ что у Русскихъ есть поговорка: «говорить должно по-Русски, а писать по-Славянски» — *loquendum est Russice et scribendum est Slavonice*¹⁾.

1) Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii. 1696. «Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri impressi, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, verum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior caeteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant.... Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita e contrario nemo domestica et familiaria negotia sola lingua Slavonica expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non extant in libris, e quibus lingua Slavonica haurienda est.» Praefatio. Лудольфъ замѣчаетъ, что только одна книга напечатана на народномъ языкѣ (*vulgari dialecto*), именно Уложеніе; но и тамъ нѣкоторые обо-

Свидѣтельство Лудольфа относится къ концу XVII вѣка, и подтверждается свидѣтельствомъ Русскаго писателя, образовавшагося въ самомъ началѣ XVIII в., именно Тредьяковского (род. 1703). Въ «Бздѣ на островъ Любви», переведенной имъ, когда онъ былъ еще студентомъ, Тредьяковскій говоритъ, обращаясь къ читателю: «На меня, прошу васъ покорно, не изволите погнѣваться, *(буде вы еще глубокословныя держитесь славеницизны)* что я оную не Славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ». Самая важная причина этому состояла въ томъ, что «языкъ Словенской, продолжаетъ авторъ, нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хоть прежде сего *не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всеми*: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ Славенскимъ особымъ *рѣчищомъ* хотѣлъ себя показывать»¹⁾. Слова Тредьяковского показываютъ, что и самъ онъ говорилъ по-Славянски, а также, судя по выраженію: «если вы еще держитесь славеницизны», что въ его время были еще люди, для которыхъ имѣла значеніе приведенная Лудольфомъ поговорка о языкахъ Славянскомъ и Русскомъ. Такое разъединеніе двухъ элементовъ Русскаго языка является уже въ позднѣйшую, переходную эпоху, но оно было чуждо древнему періоду.

Даже въ XVII столѣтіи произведенія писателей просвѣщенныхъ отличались отъ произведеній авторовъ, не получившихъ образованія, не столько особенностями языка, сколько высотой и направленіемъ мысли, не вполне доступными для людей необразованныхъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытнымъ памятникомъ служить опытъ нашего литератора самоучки писать простымъ и общедоступнымъ языкомъ въ противоположность цвѣтистому краснорѣчію извѣстнѣйшаго стилиста того времени—

роты составлены по Славянской грамматикѣ. Изъ писателей всѣхъ болѣе, по его мнѣнію, воздерживается отъ славянизмовъ Симеонъ Полоцкій, но не смотря на то въ сущности у него все Славянское—*omnia sunt Slavonica*.

1) Сочиненія Тредьяковского, изд. Смирдина. 1849. Т. III, стр. 649—650.

Симеона Полоцкаго. Взявъ за образецъ «Обѣдъ душевный» и «Вечерю душевную» этого оратора, одинъ священникъ «на Орлѣ городкѣ», Пермской губерніи, составилъ (около 1684 г.) рядъ поученій подъ названіемъ *Статиръ*. Кромѣ идеи и плана сочиненія, авторъ заимствовалъ у С. Полоцкаго много отдѣльных мѣстъ въ «словахъ», и способъ передачи этихъ мѣстъ тѣмъ любопытнѣе, что, по свидѣтельству автора, *слогъ* С. Полоцкаго былъ невразумителенъ простымъ людямъ: «Обѣдъ же и Вечерю отца Симеона П. слогъ, тая простѣйшимъ людямъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати». Поэтому въ Статирѣ можно бы ожидать совершенно другихъ словъ и оборотовъ при выраженіи мысли, заимствованной изъ сочиненій Полоцкаго. Но на дѣлѣ выходитъ иное; представимъ фактическія доказательства. Въ Словѣ въ педѣлю 3-ю по Пасхѣ читаемъ въ Статирѣ: «Нѣсть живаго с мртвыми (= мертвыми), нѣсть во гробѣ истощившаго гробы, нѣсть во тли петлѣннаго, воста животъ отъ гроба; но престаните отъ слезъ и пріимите радость, и возвратитесь венять, и рцыте оученикомъ и Петрови, да идуть въ Галилею и тамо Его оузрять, якоже преже рече ямъ»¹⁾. У Симеона Полоцкаго въ «Обѣдѣ душевномъ» тоже самое выражено слѣдующимъ образомъ: «Нѣсть живой съ мертвыми. Нѣсть во гробѣ испраздненный гробы. Нѣсть во тли петлѣнный, воста животъ отъ гроба... Радуйтесь, идите возвѣстите братія мои, да идуть въ Галилею, и тамо мя видятъ»²⁾. Приведенныя слова начинають и оканчивають повѣствованіе, занимающее три страницы. Выраженія въ проповѣди С. Полоцкаго, опущенныя нашимъ Пермскимъ авторомъ, составляютъ распространеніе той же самой мысли, т. е. что Спаситель воскресъ. Распространенія имѣють видъ риторическиххъ фигуръ: единоначатія, обращенія и т. п.: «Воста первенецъ изъ мертвыхъ, яко женпхъ отъ чертога. Воста яко спя Господь и

1) Статиръ, рукопись Румянцевскаго музеума, № 411, по описанію Востокова; л. 39 об.—40.

2) Книга Обѣдъ душевный, Симеона Полоцкаго, напечат. въ Москвѣ 1681 г., л. 28 об.—30.

воскресе, спасая родъ человѣческій. *Воста*, да и мы востанемъ отъ грѣха во спасеніе, и во животъ отъ смерти» и т. д., или: «плачють и миро приносятъ; плачють не цѣны мира тщеты» и пр.—Въ словѣ въ недѣлю 4-ю по Пасхѣ въ Статирѣ: «Можаше и сей помыслити в себѣ сице: кто есть сей, вопрошай мя: хочещи ли цѣль быти, вѣсть, яко болный ничтоже желаетъ паче здравія, ничтоже любитъ паче целости тѣлесныя, видитъ мя бѣдна, разслабленна, неимуща никогоже помогающа, и толико лѣтъ просѣжу здѣ не иныя ради вины, точію здравіе получу отъ воды, обаче вопрошаетъ мя: хочещи ли цѣль быти? Не оутѣшити мою бѣдность сей приде, но токмо поругатимися окаянному. Но ничтоже сего помысли, ниже что мало показа въ сѣбѣ нетерпѣнія»¹⁾. Въ словѣ въ ту же недѣлю у Симеона Полоцкаго: «Можаше бо в себѣ помыслити сице: кто сей есть, вопрошай мя: хочещи ли цѣль быти; вѣсть, яко больнымъ ничтоже есть желательнѣе здравія, ничтоже любительнѣе цѣлости: видитъ мя бѣдна, разслабленна, неимуща доброты и движенія, прилежаща купѣли не иныя вины ради, точію да цѣлость получу воды возмущеніемъ, обаче вопрошаетъ мя: хочещи ли цѣль быти; не оутѣшити мя бѣднаго сей приде, но поругатися окаянному. Сице же мысля, можаше поне возроптати на вопросивша: обаче ничтоже онъ сицево помысли, и ни мала знаменія показа по себѣ нетерпѣнія»²⁾. Въ свою очередь, авторъ позволялъ себѣ иногда прибавить два-три выраженія къ оригиналу. Такъ въ 1-мъ словѣ въ день Вознесенія Симеонъ Полоцкій говоритъ отъ лица «оставленныхъ»: «Отче, оучителю и Господи, вскую ны тако сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волкъ безъ пастыря, и яко корабль посредѣ моря безъ кормчія»³⁾. Соотвѣствующее мѣсто въ Статирѣ: «О оучителю нашъ и Господи, вскую ны сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волковъ бес па-

1) Рукопись «Статиръ», л. 47.

2) Обѣдъ душевный, л. 44—44 об.

3) Тамъ же, л. 72.

стыря; яко голуби посредѣ растерзательныхъ ястребовъ, и яко корабль посредѣ свирѣпаго моря на разбитіе волнамъ гороподобнымъ без кормчія, и яко виноградъ зеленый бес стража на потопаніе онагромъ и осломъ дивимъ»¹⁾. Такого же рода, какъ приведенныя нами, и всѣ другія заимствованія автора Статира изъ твореній Симеона Полоцкаго. Изъ сличенія мѣстъ заимствованныхъ съ другими мѣстами оригинала оказывается, что позднѣйшій составитель поученій выбиралъ изъ своего образца только то, что считалъ понятнымъ всѣмъ и каждому, оставляя нетронутыми мысли отвлеченныя и положенія замысловатыя. Видно, что не слова и даже не сочетаніе словъ у С. Полоцкаго были чужды его подражателю, а предметы, выраженные этими словами. Различіе въ предметахъ, доступныхъ сознанію и сочувствію обоимъ писателямъ, опредѣлялось различіемъ ихъ въ степени образованія. Житель малоизвѣстнаго уголка Россіи, человѣкъ, который, по собственному признанію, и не слышалъ, какъ учатся грамматикѣ, а философія и въ глаза не видѣлъ²⁾, не могъ соперничать съ ораторомъ столицы, питомцемъ академій и воспитателемъ Наслѣдника Престола, ученымъ, обладавшимъ обширными свѣдѣніями и любившимъ приводить своимъ слушателямъ не только слова Св. Писанія и Отцевъ Церкви, но и мнѣнія Демосоена, Гераклита и другихъ представителей образованности древняго міра.

Примѣръ замѣчательнаго Пермскаго литератора показываетъ, что и въ концѣ древняго періода нашей словесности, какъ и въ его началѣ, литературныя произведенія различались между собою, въ понятіи ихъ современниковъ, болѣе предметами и цѣлью, нежели языкомъ въ собственномъ смыслѣ. Языкъ же, по своему

1) Статиръ, л. 77—77 об.

2) «Окромѣ буквы, часослова и псалтыри ничтоже учих, и то несовершенно, граматикѣ же ниже слышахъ, како ея навѣвають, а зря ея, ано иноязычна ми зрится, риторикѣ же ни мало покусихся, а философію ниже очима видахъ, мудрыхъ же мужей ниже гдѣ на пути в лицѣ срѣтохъ». Статиръ. Предисловіе къ читателю, л. 6 об.

составу, по словамъ и ихъ соединенію въ ходѣ рѣчи, оставался всегда общедоступнымъ, не препятствуя разумнѣю мысли, если мысль была такого рода, то для усвоенія ея требовалось одного только знанія языка.

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что литературный языкъ въ древней Руси находился въ прямомъ соотвѣтствіи съ характеромъ самой литературы и съ образованностію народа, и служилъ залогомъ его народности. Ни одинъ классъ народа, ни одинъ кругъ класса не измѣнялъ родному слову. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что, говоря вообще, Русскіе были довольно знакомы съ языками иностранными. Знаніе языковъ условливалось четырьмя обстоятельствами: международными сношеніями, путешествіями, распространеніемъ Вѣры и требованіемъ образованности. Сносаясь со многими народами, близкими и отдаленными, Русскіе, по всей вѣроятности, были знакомы съ иностранными языками болѣе, нежели другіе Европейцы. Это знакомство принадлежало всѣмъ классамъ безъ исключенія, и приобрѣталось павыкомъ, безъ опредѣленной наукою методы. Хотя простое знакомство съ иностранными языками никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ основательнымъ, систематическимъ изученіемъ языковъ, однако и оно не почитается современными филологами за фактъ совершенно ничтожный въ умственной жизни народа¹⁾. Значительно менѣе было число узнававшихъ чужіе языки въ

1) Cp. Ueber die Stellung der vergleichenden Sprachwissenschaft in mersprachigen Ländern, von *Schleicher*. Prag, 1851, str. 13: «Die vertrautheit mit uns im täglichen verkere lebendig entgegentretenden sprachen ist ein ungleich grössere, als die, welche wir uns in der schule erwerben bei sprachen, die im späteren leben nur verhältnissmässig seltener in rede und schrift zur anwendung kommen; schreiben wir mit recht der erlernung mererer sprachen einen geistesbildenden einfluss zu, so wird da jene eigenthümliche geistesgewantheit, die bei dem gebrauche fremder sprachen erforderlich ist, in ungleich höheren masse erworben, wo in zwei sprachen gelebt wird, als da, wo sprachen in der schule erlernt werden».

путешествіяхъ. Этотъ недостатокъ замѣнялся изученіемъ языковъ нашими миссіонерами, которымъ пельзя не отдать полной справедливости: свѣдѣнія, приобрѣтаемыя ими, были положительныя, извѣстія о чужихъ языкахъ точныя. Озаряя свѣтомъ народы невѣрные, Русскіе въ свою очередь принимали просвѣщеніе, развившееся на югѣ Европы гораздо ранѣе, нежели на востокѣ и западѣ ея. Сочувствуя южно-Европейской образованности, они изучали языкъ Греческій; свойства его были предметомъ особеннаго вниманія, какимъ пользовались и произведенія, писанныя на этомъ языкѣ. Зная Греческій языкъ, предки наши не были равнодушны и къ его обычному спутнику въ исторіи просвѣщенія Европейскихъ народовъ—языку Латинскому. Но всѣхъ выше цѣнимъ и постоянно употребляемъ былъ родной языкъ. На немъ раздавалась пѣсня и повторялось преданіе старины: отъ колыбели и до могилы родные звуки окружали Русскаго человѣка. Понятный же, общедоступный языкъ оставался неизмѣннымъ орудіемъ и выраженіемъ образованности.

Въ предложенномъ очеркѣ мы старались представить въ совокупности данныя, которыми можетъ быть объяснено нѣсколько чертъ нашего минувшаго быта. Сообразно съ условіями «очерка», мы должны были приводить факты наиболѣе характеристическіе, будучи убѣждены, что пополненію фактами какихъ бы то ни было свѣдѣній нельзя назначить предѣлы. Намъ остается желать, чтобы неназванные нами факты служили не опроверженіемъ высказанныхъ въ очеркѣ мыслей, а подкрѣпили бы ихъ новыми доказательствами.

Самымъ вѣрнымъ путемъ къ избранной цѣли считали мы изученіе фактовъ, сохранившихся отъ той эпохи, когда быть, привлекающій къ себѣ въ наше время вниманіе науки, возбуждалъ не желаніе изслѣдовать его и объяснять, а живое сочувствіе

людей, для которых онъ былъ дѣйствительностью. Тѣмъ безпристрастнѣе свидѣтельства ихъ о томъ, изъ чего не желали извлекать какой-либо идеи или теоріи, а что высказывалось невольно, по врожденному стремленію человѣка высказать то, что лежитъ у него на душѣ, надъ чѣмъ приходилось ему позадуматься, или что передать другимъ требовала его совѣсть. Поэтому мы признавали необходимымъ обращаться всегда къ несомнѣнному свидѣтельству фактовъ, и по возможности брать изъ нихъ только то, что они дѣйствительно даютъ. Мы рѣшительно далеки были отъ желанія дать просторъ заранѣе мелькнувшей идеѣ, и еще далѣе—чувству. Съ одною мыслью не могли мы разстаться въ теченіе всего труда, съ мыслью—ближе узнать то, что «было и былью поросло», по прекрасному выраженію народной поэзіи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что то, «что будетъ, будетъ не по старому, а по новому¹⁾).

1) Русскія народныя сказки, изд. *Сазаровымъ*, 1841, стр. 95.

О псевдонимахъ ¹⁾ въ древней русской словесности ²⁾.

Чтеніе составляло одну изъ потребностей людей любознательныхъ въ древней Россіи. Масса сочиненій и переводовъ увеличивалась у насъ не только съ каждымъ вѣкомъ, но съ каждымъ почти десятилѣтіемъ, какъ можно судить по количеству рукописей, принадлежащихъ началу, срединѣ и концу одного и того же столѣтія. Само собою разумѣется, что въ Россіи, какъ и всюду, не всѣ вѣка были одинаково счастливы въ отношеніи къ литературной дѣятельности. Переписчики, а можетъ быть и сами авторы, имѣли обычай помѣщать новыя произведенія въ книги, въ которыя вписаны были уже другія сочиненія, труды писателей предшествовавшихъ. Всякое новое произведеніе, если оно было не безъ достоинствъ, расходилось во многихъ спискахъ. При списываніи обыкновенно не довольствовались одною литературною повостью, а заимствовали изъ оригинала и нѣсколько другихъ статей, наиболѣе возбуждавшихъ уваженіе или любопытство писавшаго. Изъ нѣсколькихъ подобныхъ извлеченій составлялась рукопись, служившая въ свою очередь оригиналомъ для списковъ позднѣйшихъ. Иногда помѣщеніе извѣстной статьи въ какой-либо рукописи происходило случайно или зависѣло отъ

1) Авторъ принимаетъ здѣсь слово *псевдонимъ* въ особенномъ смыслѣ, болѣе обширномъ.

2) Извѣстія Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. IV (1855 г.).

однихъ внѣшнихъ причинъ: оставалось нѣсколько свободныхъ листовъ, и на нихъ помѣщали отрывокъ соразмѣрнаго объема. Этимъ можно объяснить, отчего въ одной рукописи съ Пятикнижіемъ находятся какія-нибудь правила домашней жизни, напоминающія «домострой», и отчего вообще во многихъ рукописяхъ господствуетъ чрезвычайное разнообразіе. Особенною пестротою содержанія отличаются сборники, которыми такъ обильна наша древняя литература. Причина этому заключается въ самомъ назначеніи ихъ удовлетворять различнымъ потребностямъ составителей и читателей. Между прочимъ сборники служили нѣкогда карманной библіотекой (*bibliothèque portative*), какъ отчасти можно полагать по самому ихъ формату—въ 16-ю долю и менѣе. Несравненноправильнѣйшимъ расположеніемъ отличаются собранія сочиненій характера нравственно-религіознаго исключительно. Въ числѣ поученій, переведенныхъ съ Греческаго, встрѣчаются и сочиненія Русскія, носящія живые слѣды народности. Сходство ихъ по главной цѣли съ произведеніями переводными послужило поводомъ къ ихъ совокупному помѣщенію: въ этомъ видна обдуманность, сознательный выборъ составителя рукописи, противоположный указанной выше случайности. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ подобнаго рода статьи ясно отдѣляются одна отъ другой, и каждая сохранена въ достаточной полнотѣ и исправности, такъ что о содержаніи ихъ могутъ быть дѣлаемы вѣрные и подробные выводы. Но что составляетъ камень преткновенія въ изслѣдованіи рукописныхъ произведеній нашей древней словесности, это точное опредѣленіе ихъ авторовъ. Большею частію имена писателей пачезли вмѣстѣ съ ними, а иногда не были извѣстны и при жизни ихъ. Этого обстоятельства нельзя назвать простою случайностью: въ немъ открывается черта древне-Русской образованности. Въ постоянномъ удерживаньи своего имени въ неизвѣстности видно убѣжденіе, своего рода начало, ставившее мысль, раскрытую въ произведеніи, несравненно выше личности автора. По крайней мѣрѣ такое пожертвованіе авторскимъ самолюбіемъ было бы неслы-

ханнымъ явленіемъ въ обществѣ, руководимомъ другими нача-
лами. Свидѣтельство Цицерона служитъ намъ порукою въ этомъ
касательно древняго міра¹⁾).

Не только авторы, но и самые переписчики не считали нуж-
нымъ называть себя по имени. Рѣдко случалось, чтобы писавшій
рѣшался открыть имя свое читателямъ, и въ такомъ случаѣ раз-
личными эпитетами и описательными выраженіями онъ какъ бы
желалъ загладить порушеніе авторской скромности. Имя откры-
валось обыкновенно въ послѣсловіи. Какъ образецъ употребляв-
шагося при этомъ литературнаго приема можно привести послѣ-
словіе къ Сборнику Сергіевой Лавры, № 49: «Источнику сущу
на мѣстѣ, кто жакдею истаеъ, явѣ есть, яко неприходяй къ
нему; аще и сіа книга иѣсточнику есть подобна, аще кто съ
усердіемъ разгнувъ прочтеть, напоить душу свою живоносныя
воды. Писана быша сіа книга Съборникъ въ лѣто 6953 (1445),
индикта 8, рукою многогрѣшнаго, малѣйшаго въ единообраз-
ныхъ, и въ грѣшницѣхъ прѣваго, и непотребнаго въ братствѣ, и
неключимаго не в каковойждо добродѣтели, смиреннаго многими
грѣхы, священноинокѣ Макарьиша. А писалъ есть сей Сборникъ
Паисію, старцю Сергіева монастыря. Словеса убо писанная при-
идоша в конецъ, уму же да не будетъ когда пріяти конецъ въ
любителяхъ душепштательныхъ словесъ, кое убо когда будетъ бла-
гихъ насыщеніе. Аминь». Отсутствіе авторскихъ именъ въ древне-
Русскихъ произведеніяхъ повело къ тому, что позднѣйшіе ихъ
собиратели припущены были догадываться объ авторахъ и
иногда опредѣлять ихъ на удачу. При опредѣленіи часто руко-
водствовались преданіемъ, идущимъ съ давнихъ временъ и упро-
чившимъ за извѣстными лицами преимущественное право на ав-

1) Cp. Oratio pro A. Licinio Archio, poeta. XI. Neque enim est hoc dissimulan-
dum, quod obscurari non potest, sed prae nobis ferendum: trahimur omnes laudis
studio, et optimus quisque maxime gloria ducitur. *Ipsi illi philosophi, etiam illis
libellis, quos de contemnenda gloria scribunt, nomen suum inscribunt: in eo ipso,
in quo praedicationem nobilitatemque despiciunt, praedicari de se, ac nominari
volunt.*

торство. Незвѣстность подлинныхъ именъ авторовъ и желаніе опредѣлить эти имена болѣе или менѣе удачными соображеніями, вотъ двѣ причины, объясняющія появленіе псевдонимовъ въ нашей древней словесности.

Первое мѣсто въ числѣ авторовъ по преимуществу занималъ, по понятіямъ предковъ нашихъ, св. Іоаннъ Златоустъ. Ему приписывали наибольшее количество произведеній, очевидно ему не принадлежащихъ; его же именемъ означенъ и одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ, которые мы представляемъ здѣсь вниманію читателей. Поэтому позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ, опредѣляющихъ судьбу твореній и литературной извѣстности писателя, образовавшаго у насъ цѣлый рядъ произведеній, который можно бы назвать литературой мнимо-Златоустовой.

Творенія Іоанна Златоуста приобрѣли громкую извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ, пачиная съ IV—V столѣтій. Произведенія его хранились въ царскихъ чертогахъ, какъ драгоценность, и писались, въ подлинномъ смыслѣ слова, золотыми буквами¹⁾. Но та же самая слава, которая была естественной спутницей знаменитаго оратора, послужила поводомъ къ тому, что именемъ его обозначались въ послѣдствіи произведенія другихъ писателей, жившихъ въ разныя времена. Иногда Златоустъ предлагалъ поученія, не приготовивъ ихъ заранѣе. Неожиданное обстоятельство вызывало его убѣдительное слово, и рождающіяся мысли изливались во вдохновенной рѣчи²⁾. При всемъ благоговѣніи къ витію, слушатели, естественно, не могли удержать въ памяти все въ томъ видѣ, въ какомъ оно было произнесено. Вотъ гдѣ первый зародышъ того, что Златоусту стали приписывать

1) Въ библіотекѣ Коазленовой есть драгоценный кодексъ, XI вѣка, съ золотыми заглавіями и начальными буквами. № 79.

2) S. Ioannis Chrysostomi Opera, ed. *Montfaucon*. 1838. T. XII, pars altera. p. 586: «Saepe vidimus orantem Chrysostomum, grata concionis admurmuratione exceptum et frequenti plausu, cum maxime aliquid improvisum et inopinatum ad mores instituendos proferat»...

мысли, имъ неодобренныя или по крайней мѣрѣ невыраженныя имъ вполне. Отъ отдѣльныхъ мыслей легко было перейти съ теченіемъ времени къ цѣлымъ сочиненіямъ, и этотъ переходъ не замедлилъ совершиться. Имя Златоуста встрѣчалось все чаще и чаще на сочиненіяхъ подложныхъ (*spuria*), которыми ни одинъ изъ Отцовъ Церкви такъ не богатъ, какъ Златоустъ, именно въ слѣдствіе своей огромной извѣстности. Съ одной стороны могли впасть въ невольныя ошибки и добросовѣстные читатели памяти проповѣдника, съ другой — не остались безъ дѣйствія и своекорыстные расчеты. Авторское самолюбіе, перебирая различные пути къ извѣстности, останавливалось на имени Златоуста, какъ на самомъ надежномъ ручательствѣ въ успѣхѣ произведенія. Поэтому въ разное время многіе изъ пишущихъ Грековъ выставляли имя своего достопамятнаго соотечественника на собственныхъ сочиненіяхъ, далеко несовершенныхъ. Кромѣ того спекулянты продавцы рукописей, чтобы заманить покупателей, надписывали имя Златоуста на различныхъ книгахъ, обязанныхъ не ему своимъ происхожденіемъ¹⁾.

Такова была судьба твореній и замогильной славы св. Іоанна въ Греціи. Она отразилась и въ родственной Греціи по духу — древней Россіи; но отразилась не вполне. Предки наши чтити, подобно Грекамъ, имя св. Іоанна, но нѣтъ фактовъ, которые доказывали бы, что они употребляли священное имя орудіемъ для своихъ личныхъ выгодъ. Да и вообще примѣры умышленныхъ псевдонимовъ встрѣчаются уже во времена раскола, когда отпадшіе отъ православія старались защитить свое мнѣніе какимъ-либо авторитетомъ. Такимъ образомъ явилось, какъ можно думать, имя Максима Грека на сочиненіяхъ вовсе несогласныхъ съ духомъ этого писателя.

Слава имени Златоустова распространилась въ Славянскомъ мірѣ весьма скоро по принятіи Славянами христіанства. Еще

1) Opera Chrysostomi, ed. *Montfaucon*. Т. VIII, часть 2, стр. 605 и Т. I, стр. VII.

просвѣщенный Болгарскій царь Симеонъ († 927 г.) составилъ собраніе словъ Златоуста подъ названіемъ «Златоструй». Древнѣйшій списокъ этого собранія принадлежитъ XII вѣку, и находится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Подобные сборники, хотя и менѣе строгіе въ выборѣ, встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ нашей литературѣ вѣковъ послѣдующихъ. Они носятъ родовое названіе *Златоустъ*. Причина такого перехода собственнаго имени лица къ нарицательному сборника, въ коемъ помѣщены произведенія не одного автора, заключается вѣроятно въ самомъ словѣ: *златоустъ*, выражающемъ довольно наглядно свойство краснорѣчиваго оратора. Здѣсь перенесеніе такъ же естественно, какъ въ названіи сборника *Пчелою* отъ имени его составителя Антонія, прозвищемъ *Пчелы* (Мелисса). Иногда въ сборникахъ, носящихъ имя Златоуста, такъ много вещей не принадлежащихъ этому писателю, что самое названіе представляется вполне метафорическимъ, въ родѣ названія: *Митридатъ*, которое дается филологическимъ сочиненіямъ, обнимающимъ многіе языки, отъ имени Понтійскаго царя Митриата, знавшаго, какъ говорить преданіе, двадцать два языка.

Высоко цѣня имя Златоуста, наши книжники не приписывали ему умышленно сочиненій, которыя, по ихъ крайнему разумѣнію, рѣшительно не могли ему принадлежать. Правда, въ рукописяхъ часто стоитъ имя св. Іоанна надъ твореніями другихъ писателей; но искренность переписчиковъ въ этомъ отношеніи видна уже изъ того, что не одному І. Златоусту, а и другимъ изъ соплеменныхъ ему писателей приписываются чисто-Русскія сочиненія, и притомъ такихъ лицъ, имена которыхъ никакъ не могли уменьшать цѣнности сочиненія. Такъ во многихъ спискахъ «Златоуста» названы поученіями св. Іоанна Златоуста слова Кирилла Туровскаго: въ 5-ю недѣлю по Пасхѣ, на Вознесеніе Господне, и другія. Въ списокъ XVI вѣка, принадлежащемъ Московской Духовной Академіи, Іоанну Златоусту приписано слово нашего Серапіона, начинающееся такъ: «Многу печаль в сердцахъ своемъ виюю васъ дѣла, чада моя, понеже виюю вы не преме-

нишас ѿ дѣлъ своихъ неподобныхъ. Не тако бо скорбѣть мати выдаща чада своя болаща, яко азъ грѣшныи (ѿць вашъ¹⁾)... Но въ древнѣйшемъ спискѣ, XIII вѣка, въ одномъ изъ приведенныхъ словъ Кпрілла Туровскаго вовсе не означено имени автора: слѣдовательно не было мысли о подлогѣ. Иногда замѣненіе менѣе извѣстнаго имени болѣе извѣстнымъ могло бы казаться выгоднымъ для владѣльца рукописи, желавшаго ее сбыть. Имена *Θεοδосία Кіевскаго*, *Серапіона Владимірскаго*, *Іосифа Волоколамскаго*, безъ сомнѣнія, болѣе знакомы были любому изъ Русскихъ читателей, и живѣе говорила его набожному чувству, нежели имена *Тита Вострыскаго* (*Τίτου ἐπισκόπου Βόστρων*) и подобныя. Не смотря на то, имена иностранныя, стоявшія въ оригиналѣ, большею частью удержаны переписчиками въ точности, съ неизбѣжными только фонетическими измѣненіями.

Но если не умысломъ, то чѣмъ же можно объяснить ошибку нашихъ переписчиковъ, отмѣчавшихъ именемъ Іоанна Златоуста сочиненія своихъ соотечественниковъ? Это объясняется прежде всего обычнымъ отсутствіемъ имени Русскаго автора на его автографѣ или на первомъ спискѣ его труда. Оно было причиною, что имя автора должно было ставиться по соображенію. Изъ круга писателей, доступныхъ соображенію составителей сборника, вниманіе послѣднихъ всего скорѣе могло остановиться на имени Златоуста, издавна пріобрѣвшемъ извѣстность и почетъ въ русскомъ читающемъ мірѣ. Особенное уваженіе предковъ нашихъ къ Златоусту обнаруживается въ признаніи его главнѣйшимъ источникомъ духовнаго просвѣщенія, высказанномъ еще въ XIII вѣкѣ представителемъ русской образованности. Обращаясь къ слушателямъ, Серапіонъ говоритъ: «Не послушахомъ Еуангелія. Не послуша-

1) Ср. въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ. М. 1843. Ч. I. стр. 103. Слово епископа Серапіона напечат. изъ «Златой Чепи». Варіанты академической рукописи въ родѣ слѣдующихъ: *сердци*, *дѣля*, *вижду вы не пременилася* вмѣсто: *сердци*, *ради*, *никакоже вы пременившася*, и т. п.—въ Златой Чепи.

хомъ Апостола. Не послушахомъ Пророкъ. Не послушахомъ свѣтилъ великихъ, рку: Василья, и Григорья Богословца, Иоанна Златоуста»¹⁾... Слова Иоанна Златоуста, вмѣстѣ съ ученіемъ Апостоловъ, служили основаніемъ нравственныхъ убѣжденій. При описаніи убіенія князя Андрея Суздальскаго (1175), лѣтописецъ приводитъ, какъ нарушенную заповѣдь, слова Апостола Павла и Иоанна Златоуста: «Пишетъ Апостолъ Павелъ: всяка душа властемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть. Рече великій Златоустецъ: иже кто противится власти, противится закону Божію, князь бо не туне носить мечъ, Божій бо слуга есть»²⁾. Хотя уваженіе къ Златоусту было на Руси всеобщимъ, но отчетливое сознаніе его заслугъ и особенностей его краснорѣчія доступно было далеко не всѣмъ и каждому. Были въ древней Россіи люди, понимавшіе значеніе Греческихъ христіанскихъ писателей, и пользовавшіеся ихъ произведеніями пмменно въ той мѣрѣ, въ какой позволяли условія Русскаго быта. Къ числу такихъ людей принадлежалъ, напримѣръ, Кирилль Туровскій. Но было бы несправедливо образованность одного изъ первостепенныхъ дѣятелей нашей древней словесности отнести ко всѣмъ его современникамъ и потомкамъ. Вѣри́те допустить, что степень литературнаго образованія была у предковъ нашихъ весьма неодинакова. Люди, особенно преданные книжному ученію, читали и перечитывали Златоуста со всевозможнымъ вниманіемъ. Люди, имѣвшіе менѣе способовъ или охоты заниматься чтеніемъ, довольствовались общимъ понятіемъ о твореніяхъ Отцевъ Церкви, не входя въ характерныя подробности. Въ этомъ отношеніи съ понятіями о духѣ писателя могло произойти тоже, что съ извѣстіями о его жизни. Эти извѣстія повторялись въ древней Россіи, и наши лѣтописцы пользовались ими при случаѣ, повѣствуя о событіяхъ домашнихъ. Такъ при описаніи изгнанія Нов-

1) Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ, М. 1843. Ч. I. стр. 98.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. II. Ипатіевская лѣтопись. стр. 115.

городскаго епископа въ 1211 году употреблено сравненіе съ Златоустомъ, подвергавшимся также изгнанію. «Злодѣй испърва не хотя добра, — говорится въ лѣтописи — зависть въложи людѣмъ на архіепископа Митрофана съ князьмъ Мьстиславомъ; и не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопѣцъ; онъ же то прія съ радостію, яко Іоаннъ Златоустъ и Григоріи Акраганьскыи, тую же испърія печаль слава Бога»¹⁾. Но если жизнь Златоуста и сохранилась въ памяти его читателей, то безъ сомнѣнія не у всѣхъ съ одинаковою вѣрностію и полнотою. Частности извѣстны были людямъ образованнѣйшимъ, свѣдѣнія другихъ ограничивались общими чертами. Изъ этихъ чертъ долѣе могли сохраниться въ памяти тѣ, въ которыхъ выражается его характеръ, какъ христіанина вообще, нежели тѣ, коими обнаруживается великій ораторъ и государственный человѣкъ Византіи IV вѣка. Болѣе общедоступными были такія черты, какъ бесѣда Златоуста съ матерью, ссылка его и т. п. Первая черта тѣмъ сильнѣе могла остаться въ памяти, что напоминала подобное положеніе въ жизни Русскаго подвижника, Пр. Θεодосія. И Θεодосія, какъ Златоуста, мать удерживала отъ поступленія въ монашество, и по этому поводу происходили у обоихъ трогательныя свиданія съ матерями. Мать Златоуста, говорится въ его житіи, «шымъши его за руку, введе и в ложницѣ свою, и сѣдши въскрап одра, на немъ же бѣ родила и, рѣками слезы лпющѣ и словеса жалостнаа предлагающѣ, глаше къ нему: ...егда же ма земли придаши и с костьми отца своего совокупиши, тогда твори, якоже хоцещи»²⁾. Житіеописатель Θεодосія, Несторъ, такимъ образомъ передаетъ бесѣду Θεодосія съ матерью: «Она же видевше сына своего, охопивши же ся имъ падолзѣ плакася горко. И одва мало утѣшившися, сѣде и нача увѣщевати Христова слугу глаголюще: поиди, чадо, в домъ свой, и еже ти на

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. III. Новгородск. 1-я лпсь. стр. 31.

2) Житіе Златоуста, списанное Георгіемъ, патріархомъ Александрійскимъ. Рукопись XVI в. № 280 въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

потребу и на спасеніе души, да дѣлаеши в дому си по волѣ своея; токмо же не отлучаяся отъ мене, п егда умру, ты же погребешъ тѣло мое, ти тогда възвратишия в пещеру сню, якоже хочещи»¹⁾.

Какъ о жизни Златоуста у людей не вполне образованныхъ могли удержаться только общія свѣдѣнія, такъ о характерѣ его сочиненій могла остаться только общая, болѣе или менѣе вѣрная, идея. Замѣчая даже при бѣгломъ чтеніи Златоуста необыкновенную живость и ясность въ изложеніи и красоту плавной рѣчи, они до того сблизили въ своемъ понятіи эти качества съ личностію Златоуста, что всякое сочиненіе, въ которомъ находили ихъ, готовы были считать его произведеніемъ. Понятно послѣ этого, что такой цвѣтистый ораторъ, какъ Кириллъ Туровскій, могъ произвести въ своихъ читателейъ впечатлѣніе, напомнившее имъ прекрасныя бесѣды Златоуста. И едва ли должно считать рѣшительными невѣжамъ людей, сблизившихъ въ своемъ воззрѣніи Кирилла Туровскаго съ Іоанномъ Златоустомъ. Невѣжа приписалъ бы сочиненіе вмѣсто Кирилла какому-нибудь «Кроцу» или «крину», какъ вмѣсто *Несторъ* писалъ *не стертъвъ*, вмѣсто *Іоніи* — *онъ нихъ*, вмѣсто: *се роду* и рожаницѣ краю — *середу*; приписать же Златоусту могъ только человѣкъ съ извѣстною идеею объ этомъ писателѣ. Правда, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ инстинктомъ, но самый инстинктъ, чтобы получить возможность дѣйствовать, требуетъ уже нѣкоторой начитанности. И потому не скорѣе ли можно согласиться съ тѣмъ, что въ числѣ нашихъ переписчиковъ были и такіе, которые, любя чтеніе, довольствовались первымъ впечатлѣніемъ при чтеніи и безъ дальнихъ справокъ переводъ принималъ за оригинальное сочиненіе и на оборотъ. Несправедливо было бы счѣтать переписчиковъ людьми вполне образованными, но также несправедливо всѣхъ ихъ безъ исключенія называть грубѣйшими невѣжами. Признаніе

1) Русскій Историческій Сборникъ. Т. VI. Книжка 4. *Несторъ*, соч. Кубарева, стр. 452.

произведеній Кирилла Туровскаго за сочиненія Златоуста, о которомъ мы упомянули, находить свое оправданіе во взглядѣ даже современныхъ намъ ученыхъ. Они признають, что Кирилль Туровскій былъ достойный подражатель знаменитаго Константинопольскаго патріарха¹⁾; что слова его проникнуты духомъ и впитѣйствомъ Златоуста²⁾. Не только на твореніяхъ Кирилла Туровскаго или Серапіона, но и на сочиненіяхъ, несравненно слабѣйшихъ по литературному достоинству, имя Златоуста не обличаетъ въ переписчикѣ отсутствія всякаго соображенія и начитанности. Не одно изъ подобныхъ сочиненій имѣетъ признаки, показывающія, что и составленіе и переписка его не была дѣломъ людей совершенно чуждыхъ образованности — по тогдашнимъ скромнымъ ея требованіямъ. Къ числу такого рода произведеній принадлежатъ и такъ называемыя «слова о женахъ», находящіеся въ значительномъ количествѣ въ нашихъ рукописяхъ. Встрѣчая на какомъ-либо изъ этихъ словъ, очевидно принадлежащихъ Русскимъ авторамъ, имя Златоуста, удивляешься павности стариннаго нашего грамотія. Но если, не останавливаясь на первомъ впечатлѣніи, принять во вниманіе тѣ данныя, которыя сохранились о нашей образованности XV и XVI вѣка, то сама собою явится мысль, что ошибка переписчика XV или XVI вѣка не можетъ быть признана до такой степени грубою для своего времени, до какой слѣдовало бы признать ее въ наше время. Рукописныя «слова о женахъ» обязаны своимъ происхожденіемъ частью знакомству авторовъ съ твореніями Соломона, Сираха, Златоуста, частью собственной наблюдательности Русскихъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ твореній Златоуста, а также притчи Соломона и Сираха, заключаютъ въ себѣ обличеніе женщинъ, забывающихъ свое назначеніе, и въ этихъ укоризнахъ «злымъ женамъ» таится источникъ взгляда на женщинъ, выраженаго въ «словахъ о женахъ» и въ самомъ Словѣ Данила Заточника. Въ

1) Памятники Русской Словесности XII вѣка, стр. IX.

2) Исторія Русской Церкви, 1849. Періодъ 1-й, стр. 69.

«словахъ о женахъ» заимствованная мысль получала обстановку сообразную съ личнымъ взглядомъ и понятіями Русскаго книжника. Переписчики же, не задавая себѣ труда сличать нѣсколько произведеній, имѣющихъ общія черты, приписывали сочиненія на одну и ту же тему одному и тому же автору. Къ такому заключенію склоняетъ приводимое ниже мнимое слово Іоанна Златуста, если сравнимъ оное съ произведеніемъ, которое, по всей вѣроятности, было причиною псевдонима.

Εἰς τὴν ἀποτομὴν τοῦ Προδρόμου καὶ Βαπτιστοῦ Ἰωάννου,
καὶ εἰς τὴν Ἑρωδιάδα.

Пάλιν Ἑρωδιάς μαίνεται, πάλιν ταραττεται, πάλιν ὀρχεῖται, πάλιν ἐπιζητεῖ τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ ἀνόμως ὑπὸ Ἑρώδου ἀποτμηθῆναι. Πάλιν Ἰεζάβελ περιέρχεται ζητοῦσα τοῦ Ναβουθαί τὸν ἀμπελῶνα ἀρπάσαι, καὶ τὸν ἅγιον Ἠλίαν καταδιῶξαι ἐπὶ τὰ ὄρη. Οἶμαι δὲ μὴ μόνον ἐμέ εἰς ἑκστασιν τυγχάνειν, ἀλλὰ καὶ πάντας ὑμᾶς τοὺς ἀκούοντας τῆς τοῦ εὐαγγελίου φωνῆς, καὶ θαυμάζειν συν ἐμοὶ τὴν μὲν Ἰωάννου παρρησίαν, τὴν δὲ Ἑρώδου κουφότητα, καὶ τὴν τῶν ἀθέων γυναικῶν θηριώδημανίαν. Τί γάρ ἡκούομεν; Ὁ γάρ Ἑρώδης κρατήσας τὸν Ἰωάννην, ἔθετο ἐν φυλακῇ. Διὰ τί; Διὰ Ἑρωδιάδα γυναῖκα Φιλίππου τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ. Καὶ ψέζειεν ἂν τις τὴν Ἑρώδου κουφότητα ὑπὸ δυστήνων γυναικῶν παραχθεῖσαν. Τί δ' ἂν τις εἴποι, ἢ πῶς τις ἐκφράττει τὴν τῶν γυναικῶν ἐκείνων ἀκόλαστον πονηρίαν; Ἐμοὶ μὲν δοκεῖ μηδὲν εἶναι ἐν κόσμῳ θηρίον ἐφάμιλλον γυναικὸς πονηρᾶς. Ἀλλὰ νῦν ἐμοὶ περὶ πονηρᾶς ὁ λόγος, οὐ περὶ ἀγαθῆς καὶ σώφρονος. Οἶδα γάρ πολλὰς εὐσχήμονας καὶ ἀγαθὰς, ὧν με δεῖ μνημονεῦσαι τὸν βίον πρὸς οἰκοδομὴν καὶ ἔρωτα τῶν καλῶν. Οὐδὲν τοίνυν θηρίον ἐν κόσμῳ ἐφάμιλλον γυναικὸς πονηρᾶς. Τί λέοντος δεινότερον ἐν τετραπόδοις; Ἄλλ' οὐδέν. Τί δὲ ὠμότερον δράκοντος ἐν ἐρπετοῖς; Ἄλλ' οὐδέν. Πλὴν καὶ λέων καὶ δράκων ἐν τῷ κακῷ ἐλάττω τυγχάνουσι. Καὶ μάρτυρεῖ μου τῷ λόγῳ ὁ σοφώτατος Σολομὼν, λέγων· Συνοικῆσαι λέοντι καὶ δράκοντι

Слово, приписываемое І. Златоусту посить заглавіе въ Греческомъ текстѣ — «На усѣкновение главы Іоанна Предтечи», а въ Славянской рукописи — «о женахъ злыхъ и самовольныхъ». Греческій подлинникъ изданъ Монфокономъ въ числѣ подложныхъ (spuria). Славянскій переводъ находится въ «Златоструѣ» XVI в., въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Предлагаемъ въ сокращеніи и подлинникъ и переводъ.

Иже во стыѣ ѿца ншго Іоанна Златаустаго о женахъ злыхъ и самовластныхъ и язычныхъ и богобоиныхъ. Блгви ѿче.

Паки Иродитѣ бѣспетѣ, паки моутитѣ и паки матетѣ; паки мечетъ, паки проситъ главы Іоанна крѣгла незаконно ѿ Ирода оусѣкнѹти. Паки Иезавель приходитъ просаще Наоуфѣева винограда разграбяти и стѣго Ізлю на горы прогнаги. Горемнѣ! Да не единомуу мнѣ во оужасѣ быті, но всѣмъ вамъ слышащимъ ѣвльскыи глас, и со мною чюдитѣся Іоаннову приходу, а Иродовоу безумію, и безоумныхъ женъ бестоудномуу бесовапію. Что бо нынѣ слышахомъ? Ёко Ирод рече: емъ Іоанна, всади въ темницу. Почто? Иродѣа дѣла жены брата своего Філиппа: ибо хоулаше все Иродово безуміе ѿ жены обладаемо. Что оубо кто речетъ или како изгѣлетъ женъ ѿнѣхъ неукротимое бѣсовство! Мнѣ са мнѣтъ, ꙗко ныкыя же звѣрь в мирѣ равенъ есть женѣ лстыиве. Ннѣ же мнѣ о женѣ злѣи лстыивѣи слово, а не ѿ добрѣи дѣломдрѣнеп, ихже бы паки скажю жпзнь на плъзоу и любовь блгѣимъ. Ныкыиже оубо звѣрь точенъ женѣ лоукавѣ. Что бо лва злѣе во четвероногихъ? Нѣсть ничтоже. Что ли страшнѣе зміа в плъжующихъ? Нѣсть ничтоже. Токмо жена зла и лстыива. Левъ бо и зміа влѣми хоуждыше соуть жепы прокоудивы: свѣдѣтель бо ми моудрый Соломонъ Глап: лоуче жити съ лвомъ и съ медвѣдемъ в поу-

εὐδόκησα, ἢ μετὰ γυναικὸς πονηρᾶς καὶ γλωσσώδους. Καὶ ἵνα μὴ νομίσῃς τὸν προφῆτην εἰρωνεῖα εἰρηκέναι, ἐξ αὐτῶν τῶν πραγμάτων κατὰμαθε ἀκριβῶς. Τὸν Δανιὴλ ἐν τῷ λάκκῳ οἱ λέοντες ἠδέσθησαν, τὸν δὲ δίκαιον Ναβουθαὶ Ἰεζάβελ ἐφόνευσεν· τὸ κῆτος τὸν Ἰωάνν ἐν τῇ κοιλίᾳ ἐφύλαξε; Δαλιδὰ δὲ τὸν Σαμφῶν εὐρήσασα καὶ δῆσασα, τοῖς ἀλλοφύλοις παρέδωκε· δράκοντες καὶ ἀσπίδες καὶ κεράσται τὸν Ἰωάννην ἐν τῇ ἐρήμῳ ἐτρόμασαν, Ἡρωδιᾶς δὲ αὐτὸν ἐν ἀρίστῳ ἀπέτεμεν· οἱ κόρακες τὸν Ἥλιαν ἐν τῷ ὄρει διέθρεψαν, Ἰεζάβελ δὲ αὐτὸν μετὰ τὴν εὐεργεσίαν τοῦ ὑετοῦ πρὸς φόνον ἐδίωκε. Τί γὰρ ἔλεγεν; Εἰ σὺ Ἥλιου, καὶ ἐγὼ Ἰεζάβελ. τάδε ποιήσασάν μοι οἱ θεοί, καὶ τάδε προσθείησαν, εἰ μὴ αὔριον ταύτῃ τῇ ὥρᾳ θήσομαι τὴν ψυχὴν σου, ὡς ἐνός τῶν τεθνηκότων· Καὶ ἐφοβήθη Ἥλιος, καὶ ἐπορεύθη κατὰ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ, καὶ ἀπῆλθεν εἰς τὴν ἐρημον ὁδὸν ἡμερῶν τεσσαράκοντα. Καὶ ἦλθεν ὑπὸ Ῥαθμὲν, καὶ ἠτήσατο τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἀποθανεῖν, καὶ εἶπε· Κύριε ὁ θεός, ἱκανούσθω μοι νῦν, λάβε τὴν ψυχὴν μου ἀπ' ἐμοῦ, ὅτι οὐ κρείσσων ἐγὼ ὑπὲρ τοὺς πατέρας μου. Ὁ οἶμοι· ὁ προφῆτης Ἥλιος ἐφοβήθη γυναῖκα; ὁ τὸν ὑετὸν τῆς οἰκουμένης ἐν τῇ γλώττῃ βασιλεύων, ὁ πῦρ οὐρανόθεν κατενέγκας, καὶ δι' εὐχῆς νεκροὺς ἐνεύρας,, ἐφοβήθη γυναῖκα; Ναί, ἐφοβήθη. Οὐδεμία γὰρ κακία συγκρίνεται γυναικὶ πονηρᾷ. Μαρτυρεῖ δέ μου τῷ λόγῳ ἡ Σοφία λέγουσα, ὅτι Οὐκ ἔστι κεφαλὴ ὑπὲρ κεφαλὴν ὄφως, καὶ οὐκ ἔστι κακία ὑπὲρ κακίαν γυναικὸς. Ὁ τὸ κακὸν τοῦ διαβόλου καὶ ὀξύτατον ὄπλον· διὰ γυναικὸς ἐξ ἀρχῆς τὸν Ἀδὰμ ἐν παραδείσῳ κατέρωσεν· διὰ γυναικὸς τὸν πραότατον Δαυὶδ πρὸς τὴν τοῦ Οὐρίου δολοφονίαν ἐξέμηνεν· διὰ γυναικὸς τὸν σωφύτατον Σολομῶντα πρὸς παράβασιν κατέστρωσεν· διὰ γυναικὸς τὸν ἀνδρείοτατον Σαμφῶνα ξυρήσας ἐτύφλωσεν· διὰ γυναικὸς τοὺς υἱοὺς Ἥλει τοῦ ἱερέως ἠδύχησεν· διὰ γυναικὸς τὸν εὐγενέστατον Ἰωσήφ ἐν φυλακῇ δεσμεύσας κατέκλεισεν· διὰ γυναικὸς τὸν παντὸς κόσμου λύχνον Ἰωάννην ἀπέτεμε. Τί δὲ λέγω περὶ ἀνθρώπων; Διὰ γυναικὸς τοὺς ἀγγέλους οὐρανόθεν κατέβαλε· διὰ γυναικὸς πάντας κατασφάζει, πάντας φονεύει, πάντας ἀτιμάζει, πάντας ὑβρίζει. Γυνὴ γὰρ ἀναιδὴς οὐδενὸς φοβεῖται· οὐ λευίτην τιμᾷ, οὐχ ἱερέα ἐντρέπεται, οὐ προφῆτην αἰδεῖται. Ὁ κακὸν κακοῦ χύσιον γυνὴ πονηρά. Καὶ μὲν πενιχρὰ ἦ, τῇ κακίᾳ πλουτεῖ·

стыни, нежели съ женою льстивою и изычною¹⁾. И да не мниши игру реченіа та, по опытан бывшаа ѿ них злобы, і познаеша истинну: Данила льви в ровѣ оустыдишася, а праведнаго Наоуфеа Іезавель оуби; кить Іоноу въ оутробѣ сохрани, Давида же Сампсона остригши иноплеменникомъ предасть; змиеви і аспиди и керастари в пѣстыни Іоанна снабдѣша, Иродіа же на обѣдѣ главою его ѿсече; врани Ілію в горѣ прекрѣмиша, Іезавель по бѣгодати дождевиѣи оубити его искааше. Что бо глаше, аще ты Іліа, аз же Іезавель. Тако да сотворат ми бѣи и се да приложат ми, аще оутро в сія часть не положоу дѣше твое, іако единого ѿ оумръшых сих, і оубоѣвса Іліа, иде на дѣшъ свою и приіде в гороу, и проси дѣши своей смѣрти, и рече: Гдѣ Бже мои! довлѣет ми нѣнѣ, возми оубо дѣшъ мою ѿ мене, іако нѣсмь азъ боли оцѣ своих. Оувы мпѣ! Прѣркъ Іліа оубоѣвса жены, иже дождь на изыцѣ носа всеи вселениѣи, иже огнь словомъ с нбсе сведе и мѣтвою мѣтвца воставивъ, оубоѣа ли са жены, еи оубоѣвса. Ни едина бо злоба сравнается злобѣ женѣстѣи: послѣшествѣетъ бо ми словесе мѣртъ глущи: нѣсть главы иноа, паче главы змиевы, и нѣсть злобы паче злобы женѣскы. ѿле злое діаволе острое оружіе! Женою Адама ис породы изверже; женою кроткаго Двда на оубіеніе Оуріиіно сотвори; женою премудраго Соломана на престоупленіе соврати; женою добраго Сампсона остриг' ослѣпи; женою цѣломоудренаго Іосифа свазавъ в темници затвори; женою всего міра свѣтилника Іоанна оусѣкнѣ. Что же глѣю о члѣвцѣх: женою бо и агѣлы с горы долоу сверже. Жены ради вса оубивает', вса закалаетъ, вса которает' и безчествуетъ. Жена бо бестудна никогж не ѿбипуется, ни црѣвника чтет', ни чистителя срамлается, ни пророка стыдитса. ѿле зло всего зла

1) Въ «Сборникѣ Паисіевскомъ» Кирпило-Бѣлозерскаго монастыря находится такое же мѣсто въ Словѣ о *Иродіадѣ* и о *злыхъ женахъ*: «Никни же звѣрь

ἐὰν δὲ πλοῦτον ἔχῃ τῇ πονηρίᾳ συνεργοῦντα, δισσὸν τὸ κακὸν, ἀφόρητον τὸ ζῶον, ἀθεράπευτος νόσος, ἀνήμερον θηρίον. Ἐγὼ οἶδα καὶ ἄσπιδας κολακευομένας ἡμεροῦσθαι, καὶ λέοντας καὶ τίγρεις καὶ παρδάλεις τιθασσευομένας πραύνεσθαι· γυνὴ δὲ πονηρὰ καὶ ὑβριζομένη μαίνεται, καὶ κολακευομένη ἐπαίρεται. Καὶ ἔχῃ ἄνδρα ἄρχοντα, νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν τοῖς λόγοις αὐτὸν ἐκμορλεύουσα πρὸς δολοφονίαν ὀξύνει, ὡς Ἡρωιδίᾳς τὸν Ἡρώδην· καὶ πένητα ἔχῃ ἄνδρα, πρὸς ὀργὰς καὶ μάχας αὐτὸν διεγείρει· καὶ γῆρα τυγχάνῃ, αὐτὴ δι' ἑαυτῆς τοὺς πάντας ἀτιμάζει. Φόβῳ γὰρ Κυρίου οὐ χαλινουῦται τὴν γλῶτταν, οὐκ εἰς τὸ μέλλον κριτήριον ἀποβλέπει, οὐκ εἰς Θεὸν ἀναβλέπει, οὐ φιλίας οἶδε θεσμούς φυλάττειν. Οὐδὲν ἐστὶ γυναικὶ πονηρᾷ τὸν ἴδιον ἄνδρα παραδοῦναι εἰς θάνατον. Ἀλλὰ περὶ πονηρᾶς γυναικὸς ὁ λόγος ἄχρι τούτου ἔχέτω ὅρον. Δεῖ δὲ ἡμᾶς μνημονεῦσαι καὶ τὰς ἀγαθὰς, μάλιστα διὰ τὰς παρούσας. Αἱ γὰρ ἀγαθαὶ τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀρετὰς ὡς ἰδίας ὁρῶσι, καὶ τοὺς ἐκείνων πόνους ὡς ἰδίους στεφάνους εἶναι λογίζονται. Γυνὴ ἀγαθὴ καὶ φιλόξενος ἦν ἡ μακαρία Σουμανίτις, ἣτις τὸν ἄνδρα παρακαλέσασα, ὠματίον ὠκοδόμησε τῷ Ἐλισσαίῳ, ἵνα διερχόμενος ἀκωλύτως ἔχῃ τὴν ἀνάπαυσιν. Ἠκούσατε, γυναῖκες, τὰς τῶν πονηρῶν γυναικῶν πράξεις, καὶ τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀρετὰς. Τὰς μὲν οὖν ἀγαπήσατε, τὰς δὲ μὴ πεθήσατε· καὶ τὰς μὲν μιμήσασθε, τὰς δὲ μισήσατε, ἵνα τὸν αὐτῶν δρόμον, τῶν καλῶν λέγω, ἐχνηλατήσαντες, εἰς τὸν αὐτὸν τῶν ἁγίων χορὸν ἀριθμηθῆτε ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

(S. Ioannis Chrysostomi Opera omniaop. et stud. Bernardi de *Montfaucon*. Parisiis. 1637. Tomus octavus, pars altera. p. 609—614.

злѣе — жена злѣе язычнѣе: аще бо пища есть, то спону имать оубѣжѣа ради, аще ли бѣгатство имать, и то злѣе ей помагае'. Трегубо зло, тажек живот. Аз видѣх аспиды кротимы и кроты-шаса; жена же лоукава и сварлива всегда бѣсится и кротима высится. Аще ли имать мужа богарина, нощь и день възострает срдце емоу на прелестное оубѣство оусташи, таже Иродѣа Ирода. Аще ли нища имать мужа, на дрѣзновение и на которы вставляетъ. Аще ли вдова есть, сама собою всѣ безчестует. Страхом Божиимъ не воскластитъ сѣ языка, ни на боудущее соудище взирает, ни любовного вѣсть хранити закона, но и присного мужа предаваетъ на смртѣ.... Но еже ѿ злыхъ женахъ слово до здѣ имать оуставити. Дѣпо же намъ поманѣти і о блѣгихъ, наче же ѿ здѣ сущихъ. Блѣгыа бо во блѣгихъ добрѣ видѣще и сами са онѣхъ нравы красѣще, и онѣхъ троуды свои сѣща глѣютъ. Жена добра и мужа спсет: помысли блѣжиноюу Сѣмаитаньню, таже мужа оумоливши възгради храмину Телѣсеви, да прихода бес сумнѣнѣа имать покоище.... Слышасте оубо злыхъ женѣ дѣла и блѣгихъ жен доброты. Да сѣа любите и дѣлѣ ихъ желайте и нравѣ ихъ подражайте а другыа злыа жены возненавидите, да таковыхъ злыхъ искусь не прѣиметъ, но блѣгихъ житѣе свое скончавше, и в той стѣи ликѣ видѣте о Христѣ о Господе нашемъ, Ему же слава, честь и дрѣжава коупно съ ѿцемъ и съ Свѣтымъ и блѣгимъ и животворящимъ Духомъ всегда и нѣдѣ и присно і во вѣкы вѣкомъ. Аминь. (л. 366—370).

убо подобенъ есть женѣ злѣе язычнѣе. Что лютѣе льва в четвероножныхъ, что ли горше в ползущихъ ядовитыа змѣи; яко левъ и змѣя хуже есѣ злыа жены язычныа, свидѣтельствуеъ бо ми мудрый глѣ: лучше естъ со лвомъ в пустыни жити, нежели съ женою злою». См. *Шевырева* Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 1850. Часть 2, стр. 39.

На ту же тему написано одно Русское произведение, помещенное въ Сборникѣ XVI в., Троицко-Сергіевой Лавры, № 31, подъ заглавіемъ: «На праздникъ Іоанна Предтечи слово Іоанна Златоустаго о женахъ». Но прежде, нежели приведемъ его, не можемъ не указать на отношеніе предложеннаго уже произведенія къ одному изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древней Русской словесности — къ слову Данила Заточника. Сходство ихъ въ общемъ тонѣ отзывовъ о женщинахъ очевидно. Оно простирается и на нѣкоторыя отдѣльныя выраженія; считаемъ нужнымъ указать ихъ.

Слово І. Златоуста.

Что бо лва злѣе во четвероногихъ? Нѣсть ничтоже. Что ли страшнѣе змѣа в плѣжующихъ? Нѣсть ничтоже. Токмо жена зла и льстива.

Нѣсть злобы паче злобы женьскы.

Женою Адама ис породы изверже.... женою цѣломудренаго Іосифа связавъ в темници затвори.

Жена же лоукава и сварлива всегда бѣсится и кротима выситса.

То же въ Пчелѣ (гл. 68): «О злое зло зла жена лоукава и нѣб никоего зла паче зла злы жены и льстивы: бѣема бѣситься, кротима выситьса».

Приведенныя мѣста представляются заимствованіями, посредственными или непосредственными, изъ слова Златоуста; три

Слово Данила Заточника.

(Памятн. Россійск. Слов. XII в.).

Что лва злѣе ль четвероногихъ? и что змѣи лютѣйши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злѣе. (238).

Нѣсть на земли болши женьскія злобы. (стр. 238).

Женою о сперва прадѣды нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасны въ темницѣ затворенъ бысть. (238—239).

Злая жена бѣема бѣсится, а кротима высится. (стр. 237).

первыя стоять даже рядомъ у Даниіла Заточника. Отчасти же замѣтно вольное подражаніе, какъ въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Жены ради вся оубивает,	Злая бо жена ни ученія слу-
вся закаляетъ, вся которает и	шаетъ, ни Бога ся боить, ни
безчествуетъ. Жена бо бес-	людей стыдится, но вся ука-
тудна никогж не ѡбинуется,	ряетъ и вся осужаетъ (стр.
ни црѣвника четет, ни чистителя	238).
(бѣтителѣ) срамлается, ни про-	
рока стыдится.	

Аще ли иматъ моужа бога-	Злая жена въ богатствѣ гор-
рина, ночь и день възострает	дится, а во убожествѣ иныхъ
срдце емоу на прелестное оу-	осужаетъ (стр. 236).
бѣнство оусташи, такоже Иро-	
діа Ирода. Аще ли нища иматъ	
моужа, на дрѣзновение и на ко-	
торы вставляетъ.	

Это мѣсто могло быть составлено по выпискамъ изъ Слова Златоуста въ Пчелѣ. Въ ней оно читается такъ: «ни Бога боиться жена безѣстудна, ни закона послоушаетъ, ни стѣла (святителя) послушает, ни старьца стыдиться, но всѣмъ досажаетъ, и всѣхъ потазоуетъ, и всѣхъ оукараетъ и всѣхъ хоулитъ». Глава 68 «о женахъ».

Отъ указанія отношенія слова въ Златоструѣ къ Слову Данила Заточника переходимъ къ произведенію, состоящему въ нѣ-которой связи съ обоими памятниками. Передадимъ его по Лаврскому списку.

Слово о женахъ.

Егда загорится храмина, чѣмъ ее гасить? водою. Что болѣ воды? вѣтръ. Что болѣ вѣтра? гора. Что сильнее горы? человекъ. Что болѣ можетъ человекъ? хмель: отънимаетъ руки и ноги. Что лютѣ хмелю? сонъ. Что лютѣ сна? жена зла. Аще ли будетъ жена зла (ошибкою вмѣсто *добра*), да боится Бога и послушаетъ

мужа своего во всемъ. *Аще ли будетъ жена зла, то не боится Бога, да ни мужа своего, ни стѣла чтитъ, и не срамляется никогоже, ни очію на небо къ Богу не возводитъ, ни закона Божія не знаетъ, но всякого осуждаетъ и всякого коритъ, и нѣсть злобы паче женъскыя злобы. О злое оружіе діаволе, стрела сатанина с чемерью. Зло есть змія скоропія и змія ехидна, того всего злѣе злаа жена на мужа своего. Змія бо идетъ къ члѣку и боится его и бежитъ ѿ него, а жена злая возле мужа лежитъ, а дышитъ на него змиевымъ дѣхомъ. Червь древо сушитъ, а жена зла мужа погубитъ. Како во оутлѣ лоди ѣздити, такъ з безумною женою жити. *Лучше со львомъ в пустыни жити, нежели со злою женою*¹⁾. Первое Адама жена погубила, Илью пророка в пустыню загнала. *Іоанна крѣтителя звѣри в пустыни боялися, а злая жена главу ему ускрынула. Іоаннъ в пустынях укротилъ звѣри: лове и ногове и медвѣди, а жена злая неукротимыи звѣрь. Царя Соломона нѣсть премудрее на земли, и того жена прельстила: идоломъ поклонилъсѧ. Менаандръ рече: ащели хочещи бес печали быти, не женися. Едино ти удержати плоть свою отъ похоти женскіа; аще кто можетъ унятися, да не женится: претерпѣвъ до конца спасетсѧ, а подавъ себѣ волю погубится. Аще ти пойметсѧ жена добра, то умъ твой цѣлъ есть и не разстроится ни в чемъ. Куды идещи или плаваещи, о дому ся о своемъ не печалуй ни в чемъ, а коли домо бѣдещи, о добрѣ женѣ обрадуешися, и ѿ детехъ своихъ, и на чюжью радость не ходи: радость у тебя по вся дни дома есть. Аще кому жена зла за грѣхъ дастьсѧ, что ти пти надъ чюжимъ мртвецемъ плакатисѧ: плачь у тебя дома по вся дни. Аще ти и слезы не текутъ, ино срдце плачетъ. И в люди идещи, а унываещи; люди веселятсѧ, а ты скорбиши. И уповай на Бога веѣмъ срдцемъ и спасешисѧ. Ему же слава и в вѣкы вѣком. Аминь.**

При разсмотрѣніи состава приведеннаго слова замѣтно, что

1) См. Сирах. XXV. 18: *Лучше жити со львомъ и зміемъ, нежели жити с женою лукавою.*

однимъ изъ источниковъ его было слово въ Златоструѣ. Мѣста, напечатанныя курсивомъ, суть видимыя заимствованія изъ Златоструя. Напечатанныя же капиталью заимствованы изъ слова Даниила Заточника и также съ нѣкоторою передѣлкою. Въмѣсто: «червь бо древо глтитъ, а злая жена домъ мужа своего теряетъ», какъ у Заточника, читаемъ: «червь древо сушитъ, а жена зла мужа погубить». Въ Притчахъ Соломона находится такое же сравненіе (XII, 4): «Якоже в дрѣвѣ червь, тако мужа погубляетъ жена злотворная». Въмѣсто: «лутчи есть во утлѣ лодѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ жепѣ тайны повѣдати» — «Како во оутлѣ лоди ѣздити, такъ з безумною женою жити». Вообще при заимствованіяхъ въ авторѣ примѣтна своего рода самостоятельность: онъ пользовался чужою мыслію, придавая собственное выраженіе. Заключеніе слова съ изреченіемъ Мепандра взято изъ Пчелы, а начало поситъ слѣды вліянія народной поэзіи. Первый мотивъ могъ быть заимствованъ и изъ вопросовъ въ Златоструѣ: «Что злѣ лва въ четвероногихъ? Что страшнѣе змѣи въ пресмыкающихся?» Распространенная же форма находится въ связи съ обыкновенною формою загадокъ, древность которой открывается въ удержаніи ея въ народной словесности многихъ нашихъ племенниковъ, не говоря уже о другихъ Европейскихъ народахъ. Въ старину загадка вовсе не была такою наивною вещью, какъ въ наше время. Люди весьма почтенные повторяли ее съ достоинствомъ, какъ повторяли и такія изреченія: «пхъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна» и тому подобныя, которыя у писателей XVIII вѣка начали уже отзываться общими мѣстами. Въ духовныхъ стихахъ, стоявшихъ, по понятію предковъ нашихъ, такъ высоко въ сравненіи съ обыкновенными свѣтскими, встрѣчаются обороты въ родѣ употребленныхъ въ нашемъ словѣ. Въ «Евангелистой Пѣснѣ» двѣнадцать разъ произносится вопросъ о таинственномъ смыслѣ чиселъ: «повѣдайте, что есть единъ», «повѣдайте, что есть два», и т. д., — на что и слѣдуютъ отвѣты. Въ стихѣ «о Голубиной книгѣ» разрѣшаются вопросы: «коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати», «коя гора всѣмъ горамъ мати», «кое древо

всѣмъ древамъ мати» и т. п.¹⁾. Что же касается до естественной въ этомъ случаѣ формы вопроса, то она могла особенно нравиться автору, какъ правилась всѣмъ его современникамъ, и не потеряла своей привлекательности даже въ XVIII вѣкѣ²⁾. Упоминаніе такихъ вещей, какъ сонъ, хмель и т. п., могло казаться автору нисколько ненарушающимъ приличія и важности рѣчи, если ему знакомы были подобныя сравненія у Загочника: «не скотъ

1) Русскіе народн. стихи, собр. *Кирѣевскимъ*. Чтенія Московскаго Общества Истории и древностей. 1848. № 9, стр. 187—193. Г. Буслаевъ (въ статьѣ своей, помѣщенной въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачовымъ. Книжка 1-я. 1850. Отдѣленіе 4, стр. 21—22) указываетъ отношеніе стиха о Голубиной книгѣ къ его письменному источнику. Г. Буслаевъ приводитъ мѣста для сличенія рукописнаго Сборника XVI в. Въ стихѣ представляются разговаривающими пророкъ Давыдъ и князь Владимиръ; въ Сборникѣ Василиій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Такой же разговоръ вписанъ и въ Сборникѣ XVI в. Троицко-Сергіевой Лавры подъ заглавіемъ:

«Слово Св. Григорія Богослова и Василия Кесарійскаго, І. Златоуста въпросъ и ѿвѣтъ». На вопросъ Г.: отъ колика частей създанъ бысть Адамъ? І. отвѣчаетъ: Отъ 8 частей: сердце отъ камени; отъ земля тело, и персти, и кости, и волосы; отъ облака мысли; отъ вѣтра дыханіе; отъ чернаго моря кровь; отъ огня тепло; отъ солнца очи; самъ Господь дхнулъ въ чка душа. — Весьма любопытны слѣдующіе вопросы и отвѣты въ Сергіевомъ Сборникѣ: І: отъ чего громъ сотворенъ есть? В: два ангела громная еста, и елеоньскыи старецъ *Петроуи* есть, а Хоръ (sic) есть жидовинъ. — І: Како сѧ нарече Адамъ? В: Посла Богъ ангеломъ взать на вѣстоцѣ а, на западѣ д, на оузѣ м, на сѣверѣ з: — то ти есть Адамъ. — Г: Кому сосла Бгъ грамоту? В: Снооу, Адамову сноу, и т. д. — Эти вопросы и отвѣты принадлежать къ числу такъ называемыхъ «ложныхъ книгъ». Въ уставѣ церковномъ, писанномъ въ 1608 г., при исчисленіи ихъ подъ заглавіемъ: *Бѣгущетныя книги и невидимыя*, упоминается и «что главно ѿ Василии Кесаринстемъ и ѿ Григоріи Богословѣ и ѿ Іованнѣ Златустемъ что вопросы и ѿвѣты во всемъ по радуу». (Рись Румянц. Муз. № 449, л. 107). Въ книгѣ Кирилловой, напечат. въ Москвѣ въ 1644 г., читаемъ: «сіа книги *Фреченныя*. Ино глаго о Василии Кесарійстѣмъ, ѿ Григоріи Богословѣ, и Іованнѣ Златоустѣ. Вопросы и ѿвѣты, что отъ колика частей сотворенъ бысть Адамъ, и что Провъ царь другомъ Христа назвавъ, и то попь Іереміа Болгарскій солгалъ». Переводъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ съ дополненіями былъ извѣстенъ у насъ уже при митрополитѣ Кипріанѣ (1376—1406). См. *Востокова*, Опис. русей Румянц. Муз. стр. 717.

2) Ср. *Карамзина* Мелкія стихотворенія. «Что есть жизнь наша? сказка. А что любовь? ея завязка. — Что есть любить? тужить. А равнодушнымъ быть? не жить. — Когда любовь безъ ногъ? Какъ надобно итти». Сочиненія Карамзина. 1848. Т. I.

въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣеть».

Указавъ отношеніе «слова о женахъ» къ слову Златоуста о томъ же предметѣ, укажемъ для полной характеристики занимающаго насъ памятника и на его, такъ сказать, домашнія отношенія, на связь его съ однородными произведеніями Русской письменной словесности. Чтобы эта связь представилась ясно, приведемъ одно изъ «словъ о женахъ» вполне. Выбираемъ помѣщенное въ Сборникѣ XVI вѣка, Румянцевскаго Музеума, № 359, л. 267—270 об.

Слово о злыхъ женахъ.

Ничтоже ѣ подобно злои женѣ, развее огонь да море да женскаа злоба: огонь бо грады пожигаетъ, а море корабли потопляетъ, а злаа жена дом мужа своего пусть ствараеъ, и самого мужа своего погубитъ. Что лва звѣра люте в четвероногихъ? что змеи люте в ползущихъ по земли? Но всего того зле лютаа злаа жена на чѣка. Перваго прадѣд нашего Адама из раа изгна Бгъ жены ради; Иосіе прекрасныи в темнице затворен бы жены ради; Дѣдъ царь еврѣискии повелѣ Оуріа оубити, а сам со женою его въ грѣхъ впаде. Злаа жена Далида мужу своему Самсону главу острижъ, иноплеменником преда его. Прѣмдрии пръ Соломон женою ада наслѣдивъ. Александръ Макидонскіи пръ оуморенъ бысть злою женою. Злаа жена Елеоуферію мужу своему главу оуѣче. Злыа ради жены Данила пророка в ровъ ввергоша, лвы и звѣри нозѣ ему лизаху, а злаа жена хоташе его на смѣръ предати. Іоана прѣдтчу вси звѣри в пустынахъ боалиса, беззаконная Иродиа испроси оуѣкнути главу его. Ілію пророка в пустынахъ вранове питаху, а злаа жена хоташе его на смѣръ предати. Онъ бѣжаше в пустыню ѿ злыа жена; оувы! оувы! злаа жена! испроси дождь на языцѣ и огонь с ѣбсе сведе. А (ошибк. вм. о) зло оружие острое дяволе! какъ стрѣла летаще с чемерицею оударитъ чѣка въ срѣце — и нѣсть ему живота, такожъ злаа жена лукаваа, гордѣливаа, величаваа. Подобна есть перечесу: здѣ

свербит, а пидѣ болит. Что есть злаа жена? Пагуба дѣши, а тѣлу соухота, а оуму матеж, а очем дымъ, а языку горестъ, а рукам мозол. Лутче есть чѣку трасцею лежати, нежели со злою женою жити: трасца потрасши пустит, а злаа жена до смѣрти сушит. Подобна есть вѣалицѣ зимѣ на морозѣ. Лутче есть во оутлѣ корабли плавати, нежели злои женѣ правда повѣдати: корабль оутел товар потоплает, а злаа жена дом моужа своего пусть створает и самого мужа своего погоубит. Немочно чѣку пѣшу в полѣ зайца постячи, а со злою женою спсѣнія не добыти. Злаа жена ѿгнание агглом, оугоженіе діаволе. Как ржа ѣсть желѣзо, тако злаа жена мужа своего соушит. Что есть злаа жена? Лишеніе црства нбснаго, а ѿлученіе праведником, заключеніе жизни вѣчнаа, введет в моуку вѣчную. Оувы, оувы, злаа жена! Видѣв оу нѣкоего мужа злаа жена оумерла, онъ же по смерти ея нача плакатис, и азъ рекох ему: чему, брате, плачешис по своей злои женѣ? Онъ же рече: того ради азъ плачюс по злои своей женѣ, боудет злодѣи прпкнудас — незаправду оумерла, а боудет заправдоу оумерла, дабы ми с (= ся) пнаа такова не поняла. И азъ рекох: неоудобъ, брате, лхія жены избыти, аще ѿ тебѣ ея Бгъ не избавит. И шед домов начат дѣти своя продавати. И азъ рекох ему: чему, брате, дѣти своя продаешъ? Онъ же рече: того дѣла дѣти своя продаю, аще будут велики, родилса в мать, и они възрастутъ велики да меня продадут. Бгъ ишму слава». —

Приведенное слово, любопытное само по себѣ, важно для объясненія другихъ памятникѣвъ древней Русской словесности и прежде всего Слова Даниила Заточника. Особенно замѣчательно заключеніе отъ словъ: «видѣвъ у нѣкоего мужа злаа жена оумерла» и т. д.: содержащійся въ немъ рассказъ о мужѣ, у котораго умерла злая жена, подробности передаетъ то, о чемъ только упоминается въ Словѣ Заточника. Въ послѣднемъ памятникѣ находится одна слѣдующая часть рассказа: «нѣкому же умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начать дѣти продавати; людие же рѣша ему: чему продаешъ дѣти? онъ же рече имъ:

аще ли будутъ родилися въ мать, и они возрастыи мене продадутъ»¹⁾).

Возвращаясь къ «слову о женахъ», приписанному Златоусту, замѣтимъ, что до пѣкоторой степени возможно представить себѣ и источники, которыми пользовался Русскій авторъ, и самый взглядъ его на собственное произведеніе. Быть можетъ, чтеніе Златоструя и Пчелы навело автора на мысль выразить свое понятіе о женщинахъ, и самые источники ручались уже за достоинство избраннаго предмета. Уклоняясь отъ своихъ образцовъ, пишущій не позволялъ себѣ ничего такого, что было бы противно требованіямъ современнаго ему вкуса. При этомъ надобно имѣть въ виду, что въ древній періодъ устная и письменная словесность вовсе не были у насъ въ такомъ разладѣ между собою, въ какой поставило ихъ XVIII столѣтіе. Составивши слово, авторъ, по вкоренившемуся обычаю, не выставилъ своего имени. Одинъ изъ читателей, которому пришлось по душѣ замысловатое изображеніе женщинъ, вписалъ его въ свой сборникъ и попытался опредѣлить автора. Кому же было приписать прекрасное, по его понятію, произведеніе, какъ не тому, изъ устъ котораго лились золотыя слова. Переписывавшій былъ знакомъ съ именемъ и сочиненіями Златоуста, чему доказательствомъ служить то, что онъ поставилъ имя его въ заглавіи, и притомъ не безсознательно, а на извѣстномъ основаніи. Надпись: «на праздникъ Іоанна Предтечи слово Іоанна Златоустаго о женахъ» показываетъ, что переписчику извѣстно было сочиненіе Златоуста о томъ же предметѣ и на тотъ же праздникъ. Память говорила ему, что есть слово Златоуста именно объ этомъ предметѣ, а давность чтенія или другое какое-либо обстоятельство оставило въ немъ только смутное воспоминаніе о читанномъ. Руководствуясь этимъ воспоминаніемъ, при общемъ настроеніи вѣка видѣть въ каждомъ замѣчательномъ произведеніи трудъ Златоуста, переписчикъ рѣшился означить его именемъ безъ-

1) Памятники Россійской словесности XII вѣка, стр. 239.

Сборникъ II Отд. II. А. II.

именное слово. По крайней мѣрѣ такимъ путемъ, кажется, довольно естественно объяснить появленіе любимаго псевдонима на нѣкоторыхъ произведеніяхъ нашей древней словесности.

Другіе псевдонимы являлись иногда въ слѣдствіе того, что произведеніе безымянное, помѣщенное рядомъ съ произведеніемъ извѣстнаго автора, приписывалось тому же автору. Случалось, что неумышленная ошибка писца была причиною псевдонима: писецъ смѣшивалъ порядокъ именъ, стоявшихъ на отдѣльныхъ статьяхъ оригинала, какъ смѣшивалъ иногда и самыя заглавія. Такъ напримѣръ, во второмъ словѣ Θεοδοσία, носящемъ заглавіе: «о трпѣніи и о любви и о постѣ», говорится о помощи бѣднымъ и не упоминается ни о терпѣніи, ни о любви, ни о постѣ, между тѣмъ, какъ въ первомъ словѣ дѣйствительно говорится о любви, а въ третьемъ о терпѣніи. Иногда вмѣсто точнаго имени автора въ рукописи поставлено имя описательное или собирательное, находящееся въ связи съ содержаніемъ произведенія. Такъ обличеніе христіанъ, живущихъ *двоупно* — вѣрующихъ въ Перуна и Хорса, названо «Словомъ нѣкоего Христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ». Слово о пьянствѣ, носящее въ иныхъ рукописяхъ имя Θεοδοσία и составляющее часть его слова о казняхъ Божіихъ, въ другихъ имѣетъ заглавіе: «Слово стыхъ Ѡць о пьянствѣ», на томъ основаніи, что въ словѣ развивается та идея, что праздники учреждены *Святыми Отцами* для цѣлей нравственныхъ, а не для пировъ и чувственныхъ удовольствій. Вообще въ древней словесности Русской наиболѣе употребительными были три рода псевдонимовъ. Оригинальныя Русскія сочиненія или получали собирательное названіе поученій Св. Отцевъ, «отъ святыхъ книгъ» и т. п.; или, что всего чаще, они приписывались Златоусту; или же на нихъ выставлялось имя другаго Отца Церкви: Василя Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Философа и т. д. Какъ образцы троякаго рода псевдонимическихъ сочиненій избраны нами три произведенія, изъ которыхъ одно уже приведено, два другія сообщаются ниже. Причина выбора нашего заключается отчасти въ неизвѣстности этихъ произ-

веденій, отчасти въ томъ, что они могутъ быть названы въ нѣ-
которомъ отношеніи типическими.

Въ какомъ бы видѣ ни являлись псевдонимы и имена авто-
ровъ сомнительныя, во всякомъ случаѣ изслѣдованіе о нихъ при-
надлежитъ къ числу чрезвычайно любопытныхъ предметовъ въ
исторіи древней нашей словесности. Сознывая интересъ подоб-
ныхъ изслѣдованій, предлагаемъ, какъ матеріалъ для нихъ, два
произведенія Русскихъ авторовъ. Одно изъ нихъ замѣчательно
какъ по составу своему, такъ и по имени мнимаго автора, ко-
торое встрѣчается на многихъ древне-Русскихъ произведеніяхъ
и иногда возбуждаетъ сомнѣніе или противорѣчіе. Другое пред-
ставляетъ много общихъ чертъ съ первымъ, такъ что они другъ
друга дополняютъ. На первомъ произведеніи выставлено имя
Кирилла съ постояннымъ прозвищемъ Философа: Кириллу Фило-
софу приписывается «поученіе», которое приводимъ изъ Сбор-
ника XVI в. въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

Поучение Кирила Философа.

Брате Варооломѣю, прійди ко мнѣ, акы пчела къ цвѣтоу, при-
клони оуши свои къ ꙗланію оуст моихъ, да насладиши гортани
свои паче медѹ и сахара словесы моими. Брате мой, боуди оунъ
теломъ, нъ оумомъ старъ боуди, и въстрѣби въ трѹбоу смысла
своего, да слѣтатѣтиса акы пчела птицы—номысли добры, и по-
лѣтай мыслию своею, акы орелъ по воздохѹ. Брате мой, мирь-
скаа гоша, востопай на дѣхнаа, работаа грѣхоу, повини^е Бгоу;
затвориса во-тмѣ и приходи же къ свѣтоу. Брате мой, чернецъ
ли еси, то не часто в миръ ходи, да не начнууть играти тобою
бѣси, ꙗко птичемъ обешены. Брате мой, слепымъ око, хромымъ
пога, глѣхимъ оухо, алчущимъ пища, нагимъ одежа, больныхъ
посѣщаа. Брате мой, аще еси ѿдръ (мудръ), не сѣи ѿдрости
блуднымъ: осель бо лѣпиль въ подѣ телѣгоу подпращенъ нѣ имѣтъ
ско птти (скончитя?), ни блуднымъ ѿдрости глаголати. Брате мой,
не сѣи жита на браздахъ, ни мудрости на сердци с безумнымъ.

Брате мой, не боуди въ власти гордася и егда отпад боудеши пуце нишаго: око бо егда нечисто боудеть, то брѣвна не навидитъ, всех знаетъ, а при власти всѣх плени отрицается. Брате мой, не оскорби члка, ни вложи печали въ сердце члкѣ.

Имѣйте терпѣние в величѣ мѣрости Иосифле, разоум Данилов, любовь Гѣ нашего Іса Хѣ, покаание Дѣдво, нищелюбие Аврамле. Яко мртвецъ не можетъ на кони оудръжати°, тако не можетъ оудръжати° зла слова клеветникѣ. Иже человеци ничим же лouchше звѣри: аще бы намъ тако волно ходить безъ царей и без властелен, то изъадали са быхом зуобы дроугъ дроуга. Все есть на земли огневи покорено: земля, железо, древо, толико вода; тако и члѣкъ все есть покорено развие смрти. Не то есть истинный оурод, иже родиса оуродно: то есть оурод, иже ѿ свершена оума оуродуетъ Бога ради, да члѣком оуродивъ, а Бгѣу всѣхъ мѣрие. Не тои правденъ есть, иже не обидитъ, а обиды не терпитъ, но тои правденъ есть, иже обидѣти можетъ, а не обидитъ. Дроуга ищи не мила са тебѣ деюща, по тебѣ молваще; но ищи крѣпкаго дѣмоу и ползы тебѣ деюща, противляущиса непостыжнымъ твоимъ словесемъ, глѣмымъ покриву: ꙗкоже пчелы жала ненавидимъ, но плода ради любимъ. Свара дѣла дрѹжнии тайны не проави, но на дроужбоу надѣиса опять емоу възратитиса. Ласкание подобно есть щитоу нетвердѣ. Что ради боужеши, члѣче, земля сы и пепелъ? Не вѣси ли, ꙗко назн родихомса на житие, опат ны нагымъ же отъити свѣта сего, а богатество останется; аще и многими землями владѣеши при животѣ, а оумрши двѣма портищема будеши владѣя. Злаго моужа блюдиса молчання, ꙗко потаи хытающаго пса. Оуне есть полагати къ своему житию съ оутѣшениемъ, нежели вборзе възвысити чюжимъ житиемъ, а после обнажити всѣго. Отъ печали възсходить болѣзнь, а отъ болести смѣрть; но приклони скорбь срѣчноу на крѣпѣ. Аще бы Бгѣ пеклѣса ленивыми, то бы велѣлъ былию жито ражати, а лѣсу всакой овощъ. ꙗкоже ластовица частаще пѣсни отгонитъ сладость пѣснѣную, такоже и многорѣчивыи часто

бѣсѣдоующе. Аще ли комоу смѣють или хоулатъ, ты хвали и любя: то Ѡ Бога прїимеши мздоу, а Ѡ того честь.

Брате мои, чертог аще боудеть златомъ оукрашенъ, а невѣста злообразна, то нѣсть любви женихоу; тако и Богови неугодно есть, иже кто тѣломъ красенъ, а душу имѣа оскверненъ злыми дѣлы. Брате мои, аще люди оучиши закону, то прежде самъ послѣшая гласа оустъ своихъ: аще боудеши акы кладазь многы люди напааа, а самъ въ днѣ имеа скровище нечистотыю.

По всей вѣроятности это сочиненіе есть трудъ Русскаго, взявшаго за образецъ притчи Соломона, Сираха и афоризмы Пчелы. Есть сходныя мѣста и съ Словомъ Данила Заточника. Начало поученія составлено изъ разныхъ мѣстъ Слова Заточника.

Памятники Россійской Словесности XII вѣка.

Поченіе Кирилла Философа.

стр. 239. Быхъ яко пчела падая по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ.

стр. 235. Юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накоплютъ ти сладчайши меда слова устъ моихъ.

стр. 229. Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего.

стр. 236. Не сѣи бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ.

Брате Варѣоломѣю, прїиди ко мнѣ, акы пчела къ цвѣтоу... да насладиши гортани свои паче медѣ и сахара словесы моими. Буди унъ тѣломъ, но умомъ старъ буди, и воструби въ трубу смысла своего... полетай мыслію своею, акы орелъ по воздуху.

Не сѣй жита на браздахъ, ни мудрости на сердца безумнымъ.

стр. 240. Якоже бо птица
учащаетъ пѣсни своя, скоро
возненавидима бываетъ.

стр. 240. Дайже князю на-
шему... Иосифовъ разумъ, муд-
рость Соломону, кротость Да-
видову.

Якоже ластовица, частяще
пѣсни, отгонить сладость пѣ-
сенную.

Имѣте терпѣніе Иосифле,
разумъ Даниловъ, покаяніе Да-
видово, ницелюбіе Авраамле.

Выраженія: «молодъ тѣломъ, а умомъ старъ», «летать мыслію, какъ орелъ» — принадлежать къ числу самыхъ употребле-
тельныхъ въ древне-Русскомъ языкѣ. Ими обозначается и ум-
ственное и нравственное достоинство человѣка. О князѣ Борисѣ
говоритъ Несторъ: «бѣше дѣтескъ тѣломъ, а умъ старъ». О Ма-
каріѣ Римскомъ находится такой отзывъ въ «Словѣ о житиѣ»
его: «бѣ бо унъ тѣломъ, а оумомъ старъ и высокъ мыслію, лѣтаи
мыслію под ѿбсемъ, ꙗко орелъ»¹⁾.

Какимъ же образомъ имя Кирилла Философа явилось на
произведеніи? Думаемъ, что это могло произойти также не отъ
прямого невѣжества переписчика, впервые поставившаго имя,
а по увлеченію преданіемъ, идущимъ отъ незапамятныхъ временъ.
Имя Кирилла принадлежало къ числу громкихъ литературныхъ
именъ какъ въ Греческомъ христіанскомъ мірѣ, такъ и въ Рус-
скомъ. Прозвище *философъ* въ древнихъ рукописяхъ дается
обыкновенно, хотя и не исключительно, св. Кириллу, просвѣти-
телю Славянъ (827—869). Между Греческими писателями этого
имени знаменитѣйшіе были: Кириллъ, епископъ Іерусалимскій
(† 386) и Кириллъ, архіепископъ Александрійскій († 444). Между
Русскими: Кириллъ, епископъ Туровскій (о которомъ одно изъ
позднѣйшихъ упоминаній относится къ 1182 году); Кириллъ I-й,
прозванный Философъ († 1233); Кириллъ II-й, митрополитъ Кіев-
скій († 1280); современный ему Кириллъ, епископъ Ростовскій; —
не упоминаемъ уже писателей послѣдующихъ. До какой же сте-

1) Сборникъ конца XV и начала XVI в. въ Румянц. Муз. № 358, л. 304
и т. д.

пени труды всѣхъ этихъ писателей были извѣстны на Руси и давали возможность Русскому читателю приписать «поученіе» одному изъ нихъ? Что касается до Славянскаго Апостола, то кромѣ перевода священныхъ книгъ, памятникомъ его литературной дѣятельности осталось только «Исповѣданіе Вѣры». Кириллу Философу приписываются также, начиная съ XII вѣка, нѣсколько изреченій. Еще Кирилль Туровскій приводитъ одно изъ нихъ: «Кирилль Философъ рече: не того ради сътворени быхомъ, да ямы и піемъ и въ одежи различныя облечемся; но да угодимъ Богу и будущая и благая получимъ»¹⁾. Въ Златоустѣ по списку XVI вѣка, въ одномъ изъ Русскихъ поученій: «Кирилль Философъ рече: человѣка Богъ созда между двоу животны: между ангель и скота: кромѣ Ангель гнѣвомъ и похотию, а кромѣ скота словомъ и смысломъ»²⁾. Въ рукописномъ собраніи статей касательно монашества, называемомъ «Старчество», читаемъ: «Рече ѿтѣи Кирилль Философъ: разумѣи, человѣче, апостольскую тайну и ѿтѣхъ писаній откровеніе: дано есть на воле суета мира сего—врата ти на востокъ, врата на запад, пути есть два: путъ единъ жизни, а второй погибели, рай отворенъ и бездна открыта»³⁾.

Если обратить вниманіе на то, что два первыя выраженія встрѣчаются въ сочиненіяхъ, ходившихъ у насъ во множествѣ списковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что житіе Кирилла извѣстно было съ весьма давняго времени, то можно согласиться, что Русскому читателю легко было составить себѣ и удержать въ памяти нѣкоторое понятіе о личности Св. Кирилла. Имя его сдѣлалось даже, подобно имени Златоуста, нарицательнымъ: подъ заглавіемъ *Кирилль Словенскій* въ большомъ ходу у раскольниковъ книги, заключающія въ себѣ отчасти Св. Писаніе, отчасти другія сочиненія. Самый составъ нашего «поученія» изъ отдѣль-

1) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. 92.

2) Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума, стр. 230.

3) Тамъ же, стр. 627.

ныхъ изреченій могъ напомнить форму, въ которой читатели знакомились съ мыслями Кирилла Философа. Сверхъ того, въ «поученіи» нѣтъ ни одного афоризма, ни одного выраженія, которое могло бы оскорбить нравственное чувство читателя или его здравый смыслъ, и тѣмъ показаться недостойнымъ философа, то есть человѣка умнаго, что именно и значило это слово на древнемъ языкѣ. Слѣдовательно тотъ, кто первый поставилъ имя Кирилла на приведенномъ «поученіи» основывался въ своемъ опредѣленіи на извѣстныхъ данныхъ; приписалъ рядъ мудрыхъ изреченій философу, о которомъ имѣлъ высокое, хотя и неясное, понятіе.

Замѣтимъ при этомъ, что мысль о мудрости Кирилла была принимаема и другими Европейскими народами. Она выразилась въ признаніи его первымъ христіанскимъ моралистомъ, излагавшимъ нравственныя истины въ глубокомысленной формѣ апологовъ. Ему приписывали такъ называемое «*Speculum Sapientiae*», будто бы сочиненное имъ на Гречскомъ и имъ же самимъ переведенное на Славянскій языкъ. *Speculum Sapientiae* есть собраніе апологовъ, изъ которыхъ очень немногіе обнаруживаютъ вліяніе басней Эзопа, большая же часть, напоминая нѣсколько восточныя сказки, носитъ слѣды животнаго эпоса, котораго прекрасный образецъ представляетъ «*Reinecke Fuchs*». Добровскій полагаетъ, что настоящимъ авторомъ Зеркала Мудрости былъ не Кириллъ Славянскій, а Кириллъ Гвидонскій, *poeta laureatus*, жившій въ XIII столѣтіи¹⁾. Не смотря на то, нѣкоторые ученые остаются при мысли, что честь авторства принадлежитъ нашему первоучителю²⁾. Въ нашей же старинной литературѣ подъ именемъ «Зер-

1) *Geschichte der Böhmischen Sprache*, von *Joseph Dobrowsky*. Prag. 1818, стр. 295—296.—*Его же* Кириллъ и Меѳодій, стр. 45—47.

2) Св. Кирилла признаетъ положительно авторомъ «Зеркала Мудрости» іезуитъ Бальбинъ въ сочиненіи своемъ: *Epitome historica rerum Bohemicarum*. Pragaе. 1677. Въ XIX в. оправдываетъ мнѣніе Бальбина Шель, историкъ Греческой литературы. См. *Geschichte der griechischen Litteratur* von *Schöll*, übers. von *Pinder*. 1830. часть III, стр. 142. Шель слѣдуетъ въ этомъ случаѣ автору статьи: *Dissertation sur les Fables latines, qui ont été publiées sous le nom de*

чала» извѣстенъ сборникъ не сказокъ, а повѣстей, составленный съ цѣлю соединить полезное чтеніе съ пріятнымъ.

Обращаемся къ нашему книжнику. Допуская, что преданіе о славѣ мудраго Кирилла могло образовать въ Русскомъ книжникѣ понятіе объ авторѣ безыменнаго поученія, укажемъ, какое участіе могли въ этомъ дѣлѣ имѣть другіе изъ названныхъ нами писа-

Saint-Cyrille, помѣщенной въ *Magasin encyclopédique*. Т. II. 1806. Въ этой статьѣ особенно любопытны извлеченія изъ «Зеркала Мудрости», ибо она сдѣлалась теперь большою библиографическою рѣдкостью. Иныхъ басенъ передано только заглавіе, другихъ содержаніе и одна изъ нихъ приведена вполне, а именно: *Contra appetitum superbae libertatis. De Ove et Cervo*. Ovis avida propriae libertatis, sociali relicto grege, dominium sui pastoris effugit. Cumque per solitudinem errabundam cervus vagam et profugam invenisset, coepit pius quaerere sui solitudinis et erroris occasionem. Cui mox illa respondit: Durum certe servile jugum durissimum et multa passa, nunc frui volo sicut et vos libertate, tam cunctis gratissimâ, et patronum duriorum effugere, qui nonsolum quotidie me usque ad sanguinem emulgebant, verum etiam omni anno ab opportuno vellere spoliabant. Tunc cervus nimis compatiens inquit: «Satis certe, carissima, doleo de errabundo itinere tuo, sed multo magis de erroneo consilio. Nimirum libertas dulcis est, thesaurusque incomparabilis, sed non communiter universis. Plura enim sunt, quibus pax, vita securitasque salutis tantum ex debita subjectione contingit, et propter hoc non est libertas eis, quam salutaris perditio libertatis. Namque libertas populi quem regna non coercent, libertas perit. Subjectum quidem corpus animae, vivit; et mox cum ab ea liberatur, extinguitur. Navis subjecta nautis, servatur a fluctibus; a quibus si libera fuerit, statim naufraga dissolvitur. Sic formica alis librata de foveâ cum sursum erigitur, tunc finali miseriâ captivatur. Iis ergo libertas, certa est perditionis captivitas. Ita quidam esse et tibi crede, carissima; nam attende quomodo et qualiter nunc incedis. Quoniam sine duce, pascualis itineris nescia, sine tutore, nullâ propriâ validitate armata, inter inimicos; solivaga atque in miseriis es circumvallantibus destituta. Nimirum via tibi error est, praecipitium ductor, esuries pascua, perniciës sopia, et tui tandem crudelis interitus sunt extrema. Ego certe cornu, pede, magnitudine et agilitate munitus, vix a feris hujus solitudinis sum securus. Sed ex quo naturaliter te delectat libertas, dic, quaeso, si ad bene vel male faciendum? Quippe si nitendis benefacere, hoc tantum est quod exigit pastor tuus; ut quid refugis eum? sine ratione agere cupis? ipsa tibi erit libertas initialis servitutis captivitas. Nam malae voluntati peccandi libertas est, quâ quidem consummatur ejus iniquitas, et mox captivitas sequitur. Sic mala voluntas, quanto liberior, tanto servilior; quanto potentior, tanto infirmior at quanto sublimior, tanto minor. Audi igitur consilium meum, et quantocius revertaris ad dominum tuum, ne libere pereas, et te ipsam lupis devorandam impendas. Nam etsi dominus tuus te mulgit et tundit, ab eo sumis haec ipsa quae tribuis, quia te custodit et pascit. Eligibilius quippe est lac dare ac vellera, quam cum omnibus perdere vitam». Quibus auditis, ovis gaudenter ad pastorem rediit.

телей. Упомянемъ сперва о Греческихъ, а потомъ объ отечественныхъ.

Переводы твореній Кирилла Иерусалимскаго и Кирилла Александрийскаго находятся во многихъ спискахъ, а это доказываетъ распространенность ихъ въ Русскомъ читающемъ мѣстѣ. Переводъ огласительныхъ поученій Кирилла Иерусалимскаго принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ Славянской письменности. Изреченія обоихъ авторовъ приводятся въ нашихъ Пчелахъ, и какъ они означены здѣсь только именемъ Кирилла, безъ прибавленія прилагательнаго, то читатели получали понятіе о Кириллѣ вообще, какъ авторѣ и мыслителѣ, не привязывая его къ извѣстной мѣстности или времени. Всѣ изреченія въ Пчелахъ носятъ болѣе или менѣе общій характеръ, а потому личности авторовъ и не отличались рѣзко въ сознаніи читателей. Между тѣмъ дѣйствіе искусно выбранныхъ изреченій не оставалось безъ слѣда: оно вселяло невольное и долговѣчное уваженіе и къ нимъ самимъ и къ высказавшимъ ихъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи выдержки изъ писателей въ Пчелахъ получаютъ для изслѣдователя особенный интересъ. Приведемъ изъ этихъ сборниковъ мѣста, отмѣченныя занимающимъ насъ именемъ. Къ древнему переводу присоединяемъ подлинникъ.

*S. Maximi Confessoris Opera, «Пчела»—рукопись XIV—XV
studio Francisci Combefis. ошка въ Императорской Пуб-
Parisiis. 1675. Tomus II. личной Библіотекѣ. (л. 10 об.).*

Стр. 538. Καπνοῦ δίκην,
ἥ καὶ ὡσπερ τινὲς ἀτμοὶ τῶν
ἐμφύτων ἡδονῶν ἀνίσχουσιν ἐν
ἡμῖν αἱ ὀρεξεῖς· ἀλλ' ὁ μὲν σώφ-
ρων καὶ νεανικός, ἐπιτιμᾷ τοῖς
κινήμασι, καὶ παραιτέρω προελ-
θεῖν οὐκ ἔα. Ὁ γὰρ προα-
λοὺς καὶ προητημένος, οὐ τῶν

Иакоже дымъ, иакоже пара,
такоже и всѣхъдраются в нас
похоти сладныя саможеныны;
но цѣломоудръ и оудобныи
запрѣщакъ подвижении и на-
предъ пошти не дасть. А пже
плѣнитъ и одолѣтъ боудеть,
не свои тѣ воли тѣ гнѣ (го-

ιδίων ἐστὶν θελημάτων κύριος: ὑποκεῖται δὲ μᾶλλον καθὰ πὲρ τινὶ βαρβάρῳ, τῷ νικήσαντι πάθει.

Стр. 544. Πᾶς ὁ ἀδικούμενος, καταφλέγεται μὲν ὑπὸ λύπης ἀμύνασθαι δὲ οὐκ ἔχων ἢ διὰ τῶν ἰσῶν ἐλθεῖν, ἔσθαι ὅτε διὰ τὸ ἡττᾶσθαι τῆς τοῦ ἀδικοῦντος χειρός, τῆς ἄνωθεν μισοπονηρίας τὸ κέντρον καλεῖ πρὸς ἐπικουρίαν.

Стр. 600. Ἐν θορυβουμένῳ καὶ ἀγωνίᾳ ἔχοντι νῶ, οὔτε ἔννοιά τις τῶν καλῶν οὔτε Θεοῦ χάρις ἐγγίνεται.

Стр. 531. Χρὴ τὴν ἀρετὴν μὴ χωλεῦειν καθ' ἑκάτερον, ἀλλ' ἐργῷ καὶ λόγῳ ὀρθὴν καὶ ἀπερτισμένην κατ' ἀμφοτέρα εἶναι.

Стр. 603. Χριστιανῶν ἐνάρετος εὐσέβεια πρώτη, τὸ τιμᾶν τοὺς γενήσαντας, τὸ τοῖς πόνοις ἀμείψασθαι τῶν φύντων, καὶ πάσῃ δυνάμει τὰ πρὸς ἀνάπαυσιν αὐτοῖς ἐνεγκεῖν, καὶ γὰρ τὰ πλεῖστα τούτοις ἀποδῶμεν, ἀλλ' ἀντιγενῆσαι τούτοις οὕτω δυνήσόμεθα.

сподинѣ) кѣсть, но покоренѣ кѣсть страсти, одолѣвши емоу, ꙗко вѣкотороу иноплеменику.

Л. 16 об. Всакия осоуженныи бес правды или насильствѣмъ ражъжетьс печалью, а мога (не мога) помощи собѣ или протива въздати насилье дѣющимъ, имъже роука его хоужьши кѣсть, то зовет на помощь вышънаго лоукаваго ненавидыца жала.

Л. 67. Възматенѣ ѿмѣ ни помысль добръ ражакътс, ни Бжїи страхъ, ни благодать бываетъ въ немъ.

Л. 2 об. Подобаеть добродѣтелю не храматѣ ничимъже, но быти свершеноу дѣлом и моудростью и по обокѣмоу свершитъс.

Л. 71. Христїаном подобно блгочѣстнѣ кѣсть иже чѣстити родивъших и въздати протива троуда родителемъ и всею силою приносить ꙗже на покои имъ; аще бо и многа въздадимъ имъ, но обаче родити ихъ не можемъ.

Изреченіе Кирилла, л. 109 об.: «Всакия благыи ползовати

оумѣсть, а пакостити пе оумѣгъ» не имѣтъ себѣ соотвѣтствующаго въ Греческомъ текстѣ.

Большая часть мѣстъ, вошедшихъ въ составъ Пчелы, принадлежитъ Кириллу Александрійскому. Последнее же изъ приведенныхъ съ Греческимъ подлинникомъ—Кириллу Іерусалимскому, какъ видно изъ того, что въ седьмомъ огласительномъ словѣ этого писателя читается: «Хрѣтіанское блѣгочестіе добродѣиіе прѣвое есть, што чтити родителей и труды воздавше имъ, и всею силою потребнаа имъ приносити, и если бы и много имъ отдамо, но породити ихъ не можемъ»¹⁾.

Хотя въ «Поученіи Кирилла Философа» нѣтъ буквальныхъ заимствованій изъ Кирилловыхъ изреченій, однако знакомство съ Пчелою никакъ не препятствовало бы приписанію безыменнаго сочиненія Кириллу. Чтеніе Пчелы могло только поддержать и утвердить въ читателѣ понятіе о *Кириллѣ*, какъ достойномъ правоучителѣ, предлагавшемъ свои поученія въ формѣ Соломоновыхъ притчъ.

Отъ писателей Греческихъ переходимъ къ нхъ Русскимъ соименникамъ. Изъ числа названныхъ нами четырехъ на память объ одномъ остались почтительный отзывъ лѣтописца и прозвище *философъ*. Въ Лаврентьевской лѣтописи сохранилось слѣдующее воспоминаніе о Кириллѣ I-мъ. «Въ лѣто 1224 поставленъ бысть митрополитомъ въ святой Софѣѣ, Киевѣ, блаженны Кирилъ Гръчинъ, учителенъ зѣло и хытръ ученью божественныхъ книгъ»²⁾. Литературные труды Кирилла I-го, его слова, находятся въ большомъ числѣ въ библіотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря, по свидѣтельству митрополита Евгенія³⁾. Не знаемъ, чѣмъ руководствовался нашъ достопамятный археологъ въ приписаніи этихъ словъ Кириллу I-му. Другой писатель, Кириллъ Туровскій

1) Огласненія Кирилла Іерусалимскаго. Рукопись № 977, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, изъ Древлехранилища Погодина.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 190.

3) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. 1827. I, 333.

принадлежитъ къ числу плодovitѣйшихъ въ древней нашей словесности вообще, не только между своими соименниками. Но «Поученіе Кирилла Философа» не представляетъ сходства съ прекрасными произведеніями нашего писателя XII вѣка. Они могли имѣть только то вліяніе въ разсматриваемомъ нами отношеніи, что придали новый блескъ имени *Кирилла* въ Русской словесности. Тоже надобно сказать и о сочиненіяхъ двухъ остальныхъ писателей этого имени. Но, не состоя въ непосредственной связи со словомъ Кирилла Философа, произведенія трехъ представителей умственной дѣятельности предковъ нашихъ наводятъ отчасти на мысль о причинѣ появленія замѣчательнаго псевдонима. Эта мысль возникаетъ между прочимъ при сличеніи одного изъ словъ Кирилла Туровскаго съ его позднѣйшимъ распространеніемъ. Слово Кирилла Туровскаго о мытарствахъ, 12-е въ изданіи Калайдовича (стр. 92—102), названо «Словомъ Св. Кирилла Философа» еще въ рукописи конца XIV или XV-го вѣка. Такое названіе произошло, по мнѣнію Востокова, отъ того, что въ первыхъ строкахъ слова сказано: «якоже Кириль Философъ рече» и пр.¹⁾ Уже самымъ предметомъ своимъ слово возбуждало чрезвычайный интересъ, по естественному стремленію человѣка узнать тайны замогильной жизни. Нашлись не только многочисленные читатели, но и передѣлыватели. Въ такомъ измѣненномъ распространеніи видѣ оно находится въ одномъ Сборникѣ XVII—XVIII вѣка и издано г. Розовымъ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и древностей, подъ заглавіемъ «Кирилла Философа слово на соборѣ Архистратига Миканіла». Это сочиненіе есть распространенное слово о мытарствахъ: добавленія состоятъ или въ небольшихъ вставкахъ или во внесеніи цѣлыхъ поученій. Вставки въ подобномъ родѣ. вмѣсто нѣсколькихъ словъ у Кирилла Туровскаго: «и за симъ явится смерть, и тако и нужею страшною душа отъ тѣлеси изидеть»²⁾, въ памятникѣ XVII в.

1) Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума, стр. 507.

2) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. 1821, стр. 94.

встрѣчаемъ слѣдующее описаніе смерти съ ея атрибутами: «И за симъ явится смерть, носяще съ собою всякое оружіе, мѣчи и пилы и сѣчива и рожны, и приидеть, раземлетъ вся уды человѣческая по составомъ, и главу отсечетъ, и потомъ налѣтъ чашу горести лютыя и дастъ ей пити, и тако с нуждею страстно псходить изъ тѣлесе душа та»¹⁾. Въ составъ слова вошло и цѣлое поученіе «къ попомъ», приписываемое и Кириллу II митрополиту Кіевскому, и Кириллу епископу Ростовскому. Ученый издатель этого поученія рѣшаетъ дѣло въ пользу писателя-епископа²⁾.

Такимъ образомъ видно, что имя Кирилла поставлено въ позднѣйшемъ спискѣ не случайно, а на основаніи списка древнѣйшаго, и слѣдовательно распространявшій считалъ должнымъ сохранить древнее имя. Причина псевдонима, указанная Востоковымъ, не можетъ имѣть мѣсто въ отношеніи слова на соборѣ Архистратига Миѡаила, ибо въ текстѣ его нѣтъ имени Кирилла Философа. Скорѣе бы можно допустить, что имя Кирилла Философа явилось потому, что слово помѣщено въ Сборникъ непосредственно за правилами митрополита *Кирилла II*; но это сопоставленіе могло произойти гораздо позднѣе надписанія имени автора. Притомъ какъ слово, напечатанное въ Чтеніяхъ, есть очевидное распространеніе «Слова Кирилла Философа о мытарствахъ», то достовѣрнѣйшимъ представляется мнѣніе, что позднѣйшій составитель удержалъ имя, находившееся на древней рукописи. Это обстоятельство замѣчательно и по отношенію автора къ его собрату, назвавшему безыменное произведеніе также словомъ Кирилла Философа. Люди, посвящавшіе себя книжному дѣлу въ древней Россіи, руководствовались болѣе или менѣе одинаковыми началами въ своихъ литературныхъ трудахъ.

1) Чтенія. 1847, № VIII. Смѣсь, стр. а—ол.

2) Оно напечатано въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1843. Часть I. «Кириллъ II, митрополитъ Кіевскій и вся Россія», стр. 414—432.

Съ «Поученіемъ Кирилла Философа» находится въ связи, по мысли и по формѣ, собраніе правилъ жизни, изложенныхъ въ видѣ наставленій отца своему сыну. Оно носитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ заглавіе: «Поученіе отъ Святыхъ книгъ». Подъ этимъ названіемъ дошло до насъ любопытное произведеніе Русскаго автора, взявшаго за образецъ притчи Соломона и Сираха, но удержавшаго немногія черты своего образца: все другое принадлежитъ собственной изобрѣтательности и соображеніямъ автора. Притчи Соломона и Сираха издавна составляли любимое чтеніе нашихъ предковъ, какъ можно заключить и по извлеченіямъ, встрѣчающимся въ сборникахъ¹⁾, и по опытамъ Русскихъ авторовъ писать въ приточномъ родѣ. Этимъ объясняется названіе: «Словца избраны отъ Мудрости Исуса сына Сирахова и отъ Премудрости Царя Соломона», даваемое въ рукописяхъ Русскимъ оригинальнымъ произведеніемъ²⁾. Что касается до «Поученія отъ Св. книгъ», то въ немъ почти нѣтъ буквальныхъ заимствованій изъ «Притчей», но есть нѣсколько мыслей, указывающихъ на знакомство автора съ твореніями библейскихъ мудрецовъ. Изреченіе: «сыну, луче есть другъ близокъ, нежели братъ далечъ» взято изъ Притчей Соломона XXVI, 10: «лучше другъ близъ, неже братъ далече живый». Изреченіе: «безумпа аще стягомъ бьеши и не вложити ему ума» имѣетъ одинаковый смыслъ съ словами Соломона: «Аще биеши безумнаго посредѣ сонмища срамляя его, не отимеши безумія его» (Притч. XXVII, 22). Предписаніе убѣгать замужныхъ женщинъ напоминаетъ подобныя предписанія Соломона (VI, 24) и Сираха (IX, 10: «съ мужатицею отнюдъ не сѣди», и пр.). Иногда нашъ авторъ развивалъ по своему мысль, извѣстную ему изъ Притчей. «Аще стяжеша друга — говоритъ Сирахъ (VI, 7) — во искушеніи

1) Какъ напр. «Словца избранны отъ Премудрости Исусовы Сирахова» въ Румянцевскомъ Музеумѣ, въ рпсн № 359, л. 339 об.—348.

2) Ср. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Книги 2-й половина 2-я, М. 1854. Отдѣленіе IV. Статья проф. Буслаева о пословицахъ, стр. 70.

стяжи его, и не скоро увѣрися ему». Нашъ авторъ совѣтуетъ для испытанія вѣрности друга сказать ему ложную тайну, и черезъ нѣсколько дней поссориться съ нимъ: если онъ выдастъ тайну, то онъ — невѣрный другъ. Правила практической мудрости, требующія не ходить часто къ друзьямъ, не являться на пиръ по первому зву, на пиру не пресыщаться и т. п., находятся и въ Притчахъ Соломона и Сираха. «Не учащай вносить ногу твою къ другу твоему, — говоритъ Соломонъ — да не когда насыщся тебе, возненавидитъ тя» (XXV, 17). Въ такомъ же духѣ наставленіе Сираха: «Егда ты сильный призоветъ, отступай, и толико паче призоветъ тя» (XIII, 12). Сирахъ предлагаетъ также слѣдующее правило: «Яждь яко чловѣкъ подлежащее ти, и не пресыщайся. Престани первый, ради наказанія, и не пресыщайся, да не преткнешися. И аще сядеши посреди многихъ, первѣе ихъ не простри руки твоя». (XXXI, 18—20). Какъ соотвѣтствующія приведеннымъ можно указать слѣдующія правила въ нашемъ памятникѣ: Не ходи часто къ другу своему, чтобы не войти въ безчестье; въ пиру не сиди долго, чтобы до ухода твоего не выгнали тебя; — когда позовутъ тебя на обѣдъ, не иди по первому зову: когда повторятъ приглашеніе, иди — и будешь въ честь на пиру; — если не хочешь ѣсть, то и не ѣшь, чтобы не прослыть обжорой. Чѣмъ самостоятельныѣ совѣты автора, тѣмъ они наивнѣе, но и тѣмъ любопытнѣе, какъ намекъ на минувшій бытъ. Вообще эти правила представляютъ смѣсь высокаго съ самымъ обыкновеннымъ, которое невольно вызываетъ улыбку. вмѣстѣ съ увѣщаніями не роптать на Бога въ несчастія собственномъ, и утѣшать ближнихъ, если ихъ постигнетъ несчастіе; не проливать напрасно крови: ибо правосудный мститель — Богъ; вмѣстѣ съ этимъ совѣтуется не ходить въ судинъ дворъ; не ѣздить на чужомъ конѣ; войдя въ домъ не глазѣть по угламъ; если случится выпить лишнее, то не говорить много, чтобы не потерять репутаціи умнаго чловѣка, и т. п. Хотя и странно кажется такая пестрая смѣсь, эта самая пест-

рота содержанія прекрасно рисуешь вѣкъ и придаетъ оригинальность произведенію.

Кромѣ притчей Соломоновыхъ и Сираховыхъ, разсматриваемое «Поученіе» имѣетъ нѣкоторое сходство съ Словомъ Даніила Заточника: оно ограничивается двумя-тремя выраженіями. Сличимъ и эти пемногія.

Въ Поученіи:

Чадѣ, умна пославъ на по-
сольство пемного наказываи, а
безумна пославъ, самъ по немъ
пиди.

Сыну, аще послушаешь умна
человѣка, то яко въ день знои
студены воды напьешися.

У Заточника:

Мужа бо мудра посылай,
мало ему кажи; а безумна по-
сылай, самъ не лѣнися по немъ
итти. (235—236).

Аще кто челѣвѣка въ печали
призритъ, какъ студеною водою
напоить въ знойный день. (232).

Здѣсь одинаковымъ сравненіемъ выражается дѣйствіе и *разумной* бесѣды и душевнаго *добраго* участія, подобно тому какъ другое мѣсто у Даніила Заточника: «не сѣй бо на браздахъ жита, ни *мудрости* на сердце безумныхъ» (236) соотвѣтствуетъ въ «Словцахъ Сираховыхъ» изреченію: «не сѣй жита на браздахъ и на дішѣ *неправды*: не имаши бо пожати блага ничтож, по зло седмицею»¹⁾).

Иже родомъ скудъ, подобенъ
есть древу при пути, яко вси
мимоходящіи сѣкутъ его.

Чадѣ, лучше есть огнемъ бо-
лѣти или трясавицею, нежели
съ злою женою сѣвѣтъ дрѣ-
жати.

Азъ бо есмь яко древо при
пути: мнози посѣкають его и
на огонь вметуть. (232).

Аще который мужъ иметъ
смотреть на красоту жены
своея и на ея ласковая словеса,
а дѣлъ ея не испытаетъ, то
дай Богъ ему тряскею болѣти
(237—238).

1) Рпсѣ Румянц. Музеума, № 359, л. 345.
Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Еще ближе къ приведенному мѣсту слѣдующее въ словѣ Заточника, въ его позднѣйшемъ, реставрированномъ видѣ: «Лучше трясею болѣти, неже съ нелюбовною женою жити: трясовица потряси покинеть, а зла жена до вѣка сушитъ. Она бо въ день трясеть, а въ ночь упокой дастъ, а со злою женою жити и не съ любовною, ни въ день отрады, ни въ почъ упокая» ¹⁾.

Мы указали отношеніе любопытнаго памятника нашей старинной словесности къ тѣмъ произведеніямъ, которые доступны были автору и читателямъ. Чтобы познакомить съ памятникомъ во всемъ его объемѣ, предлагаемъ его по списку XV в., находящемуся въ Румянцевскомъ Музеумѣ подъ № 27, л. 409 — 411 об. Изъ другого списка (Рум. Муз. № 358, л. 309 об. — 312), сокращеннаго въ сравненіи съ первымъ, заимствуемъ варианты, ставя ихъ въ скобкахъ; крестикъ при изреченіи показываеъ, что такого изреченія въ сокращенномъ спискѣ не находится.

Поучение ѿ сѣхъ (книгъ о чадехъ). ѿ мѣжи христолюбци,
вниманте глѣы (= глаголы) всакомѹ наказанію ѿца своего
еже рече к снѹ своему:

Снѹ лѣче есть с ѹмнымъ камень подимааті, неже з безумнымъ
вино піті. — Снѹ, с ѹмнымъ безумѣа не створі, а к неразумномѹ
не гави ѹма своего. — Снѹ, свое участье дай, а чѹжаго не възмі. —
Снѹ, иже с тобою сѣвѣта не прииметъ мужъ, то с тымъ на путъ не
ході. — Чадо, аще вышей тебѣ ѿпадеть (сана), то не радуиса,
ні въздай же глѣсъ (= гласъ) предъ дрѹгы, да не аватса глѣ (= глаголы) (твоя): егда възставъ въздасть тебѣ. — Снѹ, егда възнесетса дрѹгъ, не завѣди емѹ, илі злѣба прѣдетъ нань, то не радѹиса. — Чадо, снѣа своего ѿ дѣтства ѹкроті, да на старость почтетъ та: аще не ѹкротіши, то прежъ дѣии своихъ смирятъ та. —

1) См. Слово Даниїла Заточника, напеч. по списку XVII в. въ Отечественныхъ Запискахъ. 1842, № 6. Смѣсь, стр. 57.

Снѣ, не купи раба величава, ні робѣ тативѣ, да не расточать тѣмъ имѣніа (твоего).— Чадо, аще кто навадитъ на друга твоего к тебѣ, не слѣшаи его, и твою ташѣ поцесег к иномѣ. — Снѣ, лживѣ члѣкъ сперва възлюблен, а на конецъ въ смѣсехъ, въ коризні бѣдетъ. — Чадо, ѡца своего почти, да стажанье свое тебѣ ѡставитъ. — Снѣ, отиѣ и материѣ клатвѣ не приими, да ѿ чад своихъ радость приѣмеші. — Снѣ, в пощѣ безъ ѡрѣжіа не ході: кто вѣсть, кто та сращеть. — Чадо, якоже левъ въ твердости своеи страшенъ ѣ (= есть), такоже члѣкъ въ бѣзоцѣхъ и въ дрѣзѣхъ чѣстнъ ѣ (= честенъ есть); а вже родомъ скѣдъ, подобенъ есть древу при пѣті, яко всі мимоходящіи сѣкъуть его. — Снѣ, аще та пошлютъ на посольство, то не ѡмедлі, да ниѣ не поидетъ вслѣдъ тебѣ. — Чадо, въ стѣхъ днѣ цркві не ѡмѣчаєса. — Снѣ, коня не пѣла, на чюжомъ не ѣзді: аще сращетъ, то ниі посмѣютъсѣа. — Чадо, не хогаса ѣсті, то не ѣжъ, да не ѡбѣадиѣвъ парчешіса. — Снѣ, съ сілнымъ брани не сътвори: тобѣ невѣдѣущѣ, а онѣ въздвигнеть на та нечто. — Чадо, въ лжю пменемъ Бжѣимъ не клеѣса, да не ѡмалітсѣа число днѣ твоихъ. — Снѣ, аще что ѡбѣщаешіса Бгѣ, то не забывая, яко небрегъ, но помінаѣ въ срѣці: блѣвѣи бѣдеші. — Чадо, старѣиша сѣа възлюбі, а мѣишаго не ѡріші. — Снѣ, к печалномѣ пріході а ѡтѣишаа словеса глѣи (= глаголю). — Чадо, безъ вины крові не проліи, яко мститель Бгѣ. — Снѣ, оудержі ѣзыкъ свой ѿ зла, а рѣці ѿ татбы. — Чадо, ѡдалаєса ѿ блѣда, пачеже п ѿ мѣжатицѣ, да не пріидетъ на та гнѣвъ Божіи. — Снѣ, аще послѣшаєшь ѡмна члѣка, то яко въ днѣ жадаіемъ (зпота) студены воды пашьєшиса. — Чадо, аще наидетъ на та печаль, Бгѣ не ѡкараи. — Снѣ, аще сѣдѣи бѣдеші, то сѣді право, да на старость чѣстенъ бѣдеші. — Чадо, невѣжаданъ цѣпирати дрѣга, егда ті бѣдетъ попраиѣ быти (егда ти не попраиѣ быти самомѣ). — Снѣ, аще ѡмниѣ слово речеші, поболѣи въ срѣци, а безъмниа аще стагомъ бѣеши и не вложіті емѣ ѡма. — Чадо, ѡмна послаѣвъ на посольство немногога показываѣ, а безъмниа послаѣвъ, самъ по пѣмъ пді. — Снѣ, аще та възѡвѣтъ на ѡбѣдѣ, по первому не ходи, по аще та възѡвѣтъ второе, тогда віжъ яко чѣстенъ еси и в чѣсть прідеши. —

Чадо, жолчі и горесті вкѣшахъ и не бы ми паче ѡбожства. (Снѣ, аще и горести и жолци горко вкѣшати и лѣчиши ѡбожства).— Чадо, въ знасмыхъ сѣда не аві мѣдрості.— Чадо, сына своего на въздержаніе ѡчи: емѣже налѣчишь, в томъ пребѣдет.— Снѣ, лѣче есть ѡмна члка пѣана послѣшат, нежелі безѡмна трезва.— Чадо, лѣче есть спѣнѣ (= слѣпѣ) ѡчіма, нежелі срдцѣмъ (†).— Чадо, лѣче есть огнемъ болѣті или трасавіцею, нежелі съ злою жоною сѣвѣт дрѣжати. (†).— Снѣ, лѣче есть дрѣгъ блізоукъ, нежелі брат далеч. (†).— Чадо, лѣче есть смерть, нежелі золь живѣт.— Сынѣ, егда прізовеші дрѣга на честь, стои пред ним веселымъ лицемъ, да ѡпнѣ ѡидетъ веселымъ срдцѣмъ.— Снѣ, аще слово изрещі хоцеші, то не напрасно глѣ, занеже лѣче есть ногою подкнѣтиса, нежелі словомъ.— Чадо, егда бѣдеші в людѣхъ (аще видиши меж люди бои), тамо не ході, а пришед не смѣиса: въ смѣсѣ бо безѡмье исходит, а въ безѡмьи сварѣ, а въ сварѣ тажа, а въ тажѣ бои, а в бою смерть, а въ смерті грѣхъ ражається и свершается.— Снѣ, аще мѣдрѣ есі, егда пынѣ бѣдеші, то не глѣ много: ѡменѣ са нарчеші.— Сынѣ, аще хоцеші ѡмного послушаті, то безѡмною рѣці не приложі. (†).— Сынѣ, прѣваго дрѣга не лишайса, да и новыи ѡ тебѣ не ѡбѣжат. (†).— Чадо, въ сѣдѣнѣ дворѣ не ході. (†).— Снѣ, лживо слово тажко есть, тако олово ражжено. (†).— Снѣ аще хоцеші любітиса съ дрѣгомъ, преже искѣсі его: ѡвѣ емѣ тайнѣ свою и мінувши днемъ разваріся с нимъ,— аще ѡвѣтъ тайнѣ, юже есі повѣдалъ, то не дрѣгъ. (Чадо, аще хоцеші со другомъ познатис, и ты емѣ скажи лживую тайную свою, преже искѣшати его, и по неколкихъ днѣхъ сварис с нимъ: аще ѡвѣтъ тайну твою на ѡкорѣ тобѣ, то неси емѣ боуд другъ.).— Чадо, аще званѣ бѣдеші, влѣзъ въ храмѣнѣ, не зрі по угломъ (вход не много зри по людѣмъ, аки не знаа ничегоже).— Снѣ, въ пѣрѣ не сѣді долго, егда преже изхода твоего изженеть тя (то долгое сѣденіе и бѣсѣстье доспѣет).— Чадо, къ дрѣгѣ своемѣ часто не ході, егда в бѣсѣчестіе внідеши.— Снѣ, лѣче есть ѡ мѣдра бѣенѣ быті, нежелі ѡ безѡмна масломъ мазнѣ (= мазану). Снѣ и чадо мое, ѡже налѣчихъ та ѡ Хѣ Vсѣ (= Христѣ

Исусѣ) (иже паучихъ та и прими и разоуди и еже ти боудть на ползю).

Нельзя не замѣтить сходства, по литературному характеру, между этимъ произведеніемъ и тѣми, которые приведены нами выше: та же афористическая форма и тѣже авторскіе приемы во всѣхъ приведенныхъ памятникахъ. Авторъ послѣдняго изъ нихъ также неизвѣстенъ; названіе же «Поученія отъ Святыхъ книгъ», не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ допущено для сочиненія, въ которомъ при заимствованіяхъ изъ Св. Писанія находятся правила житейской мудрости, принадлежащія лично автору. Но въ древности подобныя правила вовсе не казались чѣмъ-либо совершенно отдѣльнымъ отъ предписаній религіи: все, что истинно, благородно или только благоразумно считалось какъ бы священнымъ и къ соблюденію его побуждало религіозное чувство. Такъ какъ религіознымъ настроеніемъ объясняется присутствіе священныхъ для христіанскаго міра именъ на сочиненіяхъ Русскихъ авторовъ, то позволимъ себѣ нѣсколько словъ въ подтвержденіе того, что въ древній періодъ нашей жизни и словесности религіозное начало преобладало во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ домашнемъ бытѣ. Въ преобладаніи этого начала и заключается причина, по которой понятія справедливаго, добраго, прекраснаго и даже приличнаго были нераздѣльны съ понятіемъ религіознаго. Особенно ярки и любопытны слѣды религіознаго воззрѣнія въ сферѣ самой обыкновенной, ежедневной жизни и ея простыхъ потребностей. То, что впоследствии является условіемъ общественнаго приличія, не болѣе, встарину имѣло высокое значеніе, вытекавшее изъ религіознаго взгляда на вещи. Такъ, на примѣръ, еще въ XI столѣтіи правилами Русскаго общежитія требовалось: при входѣ въ чужой домъ поклониться въ землю хозяину и стать передъ нимъ съ сложенными руками, опустить же руки считалось невѣжливымъ и даже дерзкимъ. И это требованіе не было простымъ условіемъ приличія, а основывалось, по свидѣтельству Русскаго писателя XI вѣка, на примѣрѣ Христа,

смиренно стоявшаго передъ Пилатомъ. Пр. Θεодосій въ одномъ изъ своихъ поученій къ братіи предлагаетъ наставленія о томъ, какъ вести себя въ церкви, сближая предлагаемыя правила съ требованіями общественнаго приличія внѣ храма. «Егда бо и къ дру́гомъ приходимъ, — говоритъ онъ — то достоятъ намъ покло́неніе створше до земли и свазающе рѣцѣ, аки рабоу Бѣ́ію стати прѣ́д нимъ, и Христа о сѣмъ подражающе, видимъ бо Его предсто́аща прѣ́д Пилатомъ и порѣ́гаема и не гѣ́нца (глаголюща) ничсо́же. И *повелѣно* ны ѿ (есть) дру́гомъ толики чѣсти давати смиренія ради, имже добродѣ́тельныя вѣ́нца оукрашаемъ. Еже бо не поклонитися дру́гоу своему и *руцѣ доложу повѣсити*, то неро́дивых моужѣ и лепивых и *ѿ оуль арищихся*¹). Впослѣдствіи хотя долго держался обычай, по смыслъ его былъ уже потерявъ: въ XVII вѣкѣ кланялись еще въ землю люди вѣжливые²), но вѣроятно безъ мысли о религіозномъ источникѣ обычая. Въ XVIII же вѣкѣ и самый обычай забытъ въ кругу образованномъ. Въ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в. замѣчанія: «кланяется низко, съ низкимъ поклономъ» и т. д., авторы хотѣли указать зрителямъ съ перваго взгляда на принадлежность выведеннаго лица извѣстному и весьма невысокому сословію. Низкіе поклоны какого-нибудь Некопѣйкова также рисовали его сословіе и отличали отъ другихъ лицъ, какъ вѣшніе приемы отличали Мавру, выходившую на сцену «пмѣя руки въ карманахъ», отъ Софьи, которая часто «присѣдаетъ на право и на лѣво, прижпмае

1) Въ пятюкъ 3-й недѣли поста св. Θεодосія поученіе о трѣпѣніи и о смирѣніи, л. 112 об, въ Сборникѣ, рукописи Румянцевскаго Музеума, № 406.

2) Ср. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, Кошкина. 1840. стр. 118—119: «Обычай же таковъ: гости женамъ ихъ (хозяева) кланяются *всѣ ѿ земли*, и потомъ господинъ дому бѣсть челомъ гостемъ и кланяется *ѿ земли* жъ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать; гости *единъ* по *единому* кланяются женамъ ихъ (хозяева) *ѿ земли* жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и отшедъ кланяются *ѿ земли*, а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостемъ *малымъ обычаемъ*; и тотъ господинъ кланяется *ѿ земли* жъ, сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино, гости *предъ* *питьемъ* вина и *выпимъ* отдавъ чарку назадъ, кланяются *ѿ земли* жъ» и т. д.

руки къ себѣ и глаза въ землю опускаю¹⁾. Замѣчательно, что даже во вѣдшихъ обычаяхъ высказалось различіе, замѣчаемое между древнею Россіею и новою. Какъ въ древній періодъ религиозное воззрѣніе давало смыслъ обычаю, такъ въ началѣ XVIII в. на вѣдшихъ даже формахъ общежитія обнаруживается вліяніе иностранное, отличающее бытъ нашъ и литературу нашу въ XVIII столѣтіи. По крайней мѣрѣ встрѣчающіяся въ литературныхъ памятникахъ указанія довольно ясно говорятъ о подражаніи тону Французскаго общества. Черты въ родѣ слѣдующихъ въ сочиненіи Императрицы Екатерины II: «она (Христина) не новосвѣтская госпожа: говоря по Русски брата называетъ братцемъ, а не mon frère, сестру сестрицею, а не ma soeur; не знаетъ и другихъ вытверженныхъ, подобно попугаю, словъ, ни кривлянья. Не къ стати не хохочетъ, кушанья за столомъ не называетъ блюдомъ славнымъ» и т. п.²⁾, — подобныя черты невольно приводятъ на мысль отзывъ нашего наблюдательнаго путешественника о современныхъ ему Французскихъ «петиметрахъ». Тонъ ихъ обхожденія, говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходитъ переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче. Таковы всѣ нынѣшніе Французскіе петиметры»³⁾.

Только въ XVIII столѣтіи, когда бытъ народа подвергся существеннымъ измѣненіямъ, ярко обозначились и различныя его сферы, такъ что смѣшеніе ихъ служить уже признакомъ недостатка въ образованіи. Странно было бы въ этомъ столѣтіи обыкновеннымъ правиламъ общежитія придавать священное значеніе и въ упражненіи доморощенныхъ моралистовъ видѣть трудъ великихъ учителей церкви. Но это не казалось страннымъ въ тотъ періодъ народнаго развитія, въ который духовные инте-

1) Сочиненія Императрицы Екатерины II, 1849. Томъ II, стр. 179.—Россійскій Театръ. Часть XIII. 1787, стр. 177, 105, 109 и др.

2) Сочиненія Императрицы Екатерины II. 1849. Томъ II, стр. 30.

3) Сочиненія Фонъ-Визина. 1852, стр. 311.

ресы не были такъ сложны, какъ впослѣдствіи, и одному изъ нихъ предоставлено было повсюдное господство. Подобно быту народному, и вѣрный выразитель его — языкъ удержалъ слѣды преобладанія одного начала. Эти слѣды встрѣчаются не только тамъ, гдѣ самое содержаніе какъ бы вызывало ихъ; но и въ выраженіяхъ поговорочныхъ, при передачѣ мысли вовсе не религіознаго характера. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *я ирѣшнѣй, мое тѣло ирѣшное* и т. п. имѣютъ свое основаніе въ религіозномъ взглядѣ на предметы. И подобныя выраженія весьма древни въ нашемъ языкѣ. Въ грамотахъ, завѣщаніяхъ и пр. рано сдѣлались они необходимыми, техническими. Въ грамотѣ Смоленскаго Князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила (1150 г.) читаемъ: «Се *язз ирѣшнѣй* сынъ Мстиславль, надѣяся на Матерь Божью на Святую Богородицу, уставляю сію епископью», «се *язз худѣй и ирѣшнѣй* и недостойный епископъ Мануиль, съ благороднымъ и христіанскимъ княземъ моимъ Михайломъ, утвержаевѣ еже написана, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ Святаго Духа», и т. д.¹⁾ Также сообразно съ тономъ рѣчи выраженіе: *азз худѣй* — у преп. Нестора, у Іакова; оно же умѣстно употреблено и Владиміромъ Мономахомъ въ его поученіи. Но иногда эпитетъ: *ирѣшнѣй* является вовсе неожиданно въ рѣчи о предметахъ житейскихъ. Аѳанасій Никитинъ пишетъ въ своемъ путешествіи: «Ханъ же ѣздитъ на людехъ, а словъ у него и копій много добрыхъ, а людей у него много Хорозанцевъ; а привозятъ ихъ изъ Хоросанскыя земли, а иныя изъ Тукрмескыя земли, а иныя изъ Чеготанскыя земли, а привозятъ все моремъ въ тавахъ, Индѣйскыя земли корабли. И *язз ирѣшнѣй* привезлъ жеребца въ Индѣйскую землю, дошелъ есмя до Чюнеря, Богъ далъ поздорову все, а сталъ ми сто рублевъ»²⁾. То, что было архаизмомъ уже въ XV в., удержалось въ языкѣ даже XVIII столѣтія. Въ за-

1) Дополненія къ Актамъ Историческимъ. 1846. Томъ I, стр. 7.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Томъ VI. 1853, стр. 333.

пискахъ этого времени можно читать такіа извѣстія: «въ мартѣ мѣсяцѣ (1712) высланы мы всѣ малолѣтныя дворяне на смотръ изъ Москвы въ Петербургъ, съ прочими всѣми и я *грѣшникъ*. И поѣхали мы вмѣстѣ съ дядьями моими»¹⁾. — Употребленіе въ подобныхъ случаяхъ названія, взятаго изъ области религіи, объясняется вліяніемъ религіознаго воззрѣнія на языкъ, не легко стирающій съ себя печать старины.

Если — возвращаясь къ предъидущему — общій характеръ вѣка отразился въ языкѣ даже въ такихъ случаяхъ, когда мысль вовсе не была проникнута этимъ характеромъ; если внѣшняя форма учтивости, въ понятіи соблюдавшихъ ее, сливалась съ благочестивымъ обычаемъ, — то, понятно, что въ отличеніи твореній вполнѣ религіозныхъ отъ другихъ, имѣющихъ съ первымъ нѣчто общее, не могло быть строгой разборчивости. Понятно, почему практическія наставленія Русскихъ умныхъ людей, правила житейской мудрости получали въ рукописяхъ громкія названія твореній І. Златоуста, Василия Великаго, Кирилла Философа, или — собирательно — Св. Отцевъ.

На основаніи всего высказаннаго нами по поводу приведенныхъ образцовъ, и принимая въ соображеніе другіе подобные факты въ нашей древней словесности, мы склопѣмся къ выводу, что переписчики и составители сборниковъ и другихъ книгъ имѣли не одно только отрицательное вліяніе на нашу письменность. Правда, между ними попадались и невѣжи, искажавшіе памятникъ; но были и такіе люди, которые умѣли цѣнить произведеніе, надъ которымъ трудились. Притомъ въ древній періодъ списываніе и авторство часто совмѣщались одно съ другимъ: объ одномъ и томъ же лицѣ иногда упоминается и какъ объ

1) Родословная Головиныхъ, собр. П. Казанскимъ. М. 1847. Записки В. В. Головина, стр. 44.

авторѣ, и какъ объ усердномъ списывателѣ книгъ, достойныхъ вниманія и уваженія. Примѣры этому разсѣяны въ лѣтописяхъ. Пища произведеніе подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстнаго образца, иногда только распространяя его, авторъ вносилъ въ древній памятникъ черты новыя, находящіяся въ связи съ современною автору дѣйствительностію. Измѣняя внѣшній видъ памятника, авторы часто удерживали его первобытную основу. Въ этомъ отношеніи судьбы письменной словесности представляютъ черты сходства съ судьбами словесности устной.

Соотношеніе между ними обнаруживается, кромѣ общаго духа, и въ способѣ, какимъ обѣ отрасли пользуются своими неизмѣнными источниками, и въ самомъ признаніи избранныхъ лицъ — какъ главными героями сказаній, такъ и достойнѣйшими творцами произведеній, наиболѣе чтимыхъ современниками. Что касается устной словесности, то любимымъ героемъ ея былъ у насъ Св. Владиміръ; ему приписывались и всѣ событія позднѣйшія, относящіяся ко Владиміру Мономаху, ко Владиміру Галицкому, и къ князьямъ другаго имени; различныхъ періодовъ исторіи. Матеріалы для сказаній были болѣе или менѣе одни и тѣже. Смутное воспоминаніе о прошломъ, о томъ, что было «во ту ли стару старину, во ту ли стародавнюю», и сочувствіе событіямъ современнымъ давали содержаніе поэтическому разсказу, переходившему изъ поколѣнія въ поколѣніе. Чѣмъ болѣе сходны были условія быта различныхъ эпохъ, тѣмъ болѣе народные поэты увлекались желаніемъ сберечь «стару рѣчь заветную», тѣмъ болѣе сходства замѣчается между ихъ произведеніями.

Подобно устной и письменная словесность имѣла источники, общіе для писателей различныхъ поколѣній, и это было для нея тѣмъ возможно, что образцы ея не вѣрялись одному только ненадежному храненію памяти. Во многихъ случаяхъ Русскій писатель XII вѣка и Русскій писатель XVI вѣка обращались къ однимъ и тѣмъ же источникамъ, только послѣдній имѣлъ передъ собою труды своихъ соотечественниковъ, предварившихъ его на литературномъ поприщѣ, и могъ пользоваться ими. Множество

фактовъ свидѣтельствуютъ, въ какой степени писатели послѣдующіе пользовались трудами своихъ предшественниковъ. Такія заимствованія были обычны преимущественно въ отношеніи къ авторамъ, наиболее цѣннымъ, и однажды составленное понятіе о значеніи автора переходило изъ вѣка въ вѣкъ. Съ первыхъ временъ христіанства водворилось въ нашемъ письменномъ мірѣ высокое уваженіе, напримѣръ, къ Іоанну Златоусту или Св. Кириллу, и оно прошло чрезъ всѣ вѣка. Благоговѣйное воспоминаніе о первомъ поддерживалось его многочисленными произведеніями и подражаніями имъ Русскихъ авторовъ. Слава другаго возобновлялась дѣятельностью соименныхъ ему Русскихъ писателей, и т. п.

Чѣмъ для устной словесности были народные пѣвцы, тѣмъ книжники — для словесности письменной. И тѣ и другіе не только передавали произведенія временъ древнѣйшихъ, но и вносили собственныя дополненія, болѣе или менѣе связанныя съ древнею основою. Участь двигателей обѣихъ отраслей словесности въ извѣстный періодъ народной образованности представляетъ много общаго даже въ сужденіяхъ о нихъ людей просвѣщенныхъ. Извѣстно, какъ мало значенія придавали некогда народнымъ пѣснямъ и ихъ пѣвцамъ. Вальтеръ Скоттъ утверждалъ, что эти послѣдніе съ намѣреніемъ искажаютъ поэтическія произведенія, стирая и особенности слога и самый духъ, и потому сравнивалъ ихъ съ алхимиками, замѣняющими золото свинцомъ¹⁾. Но нельзя было не сознать, что пѣвцы суть единственные живые источники для знакомства съ стариною и народностью, и въ наше время сборники пѣсней и преданій, записанныхъ съ устъ пѣвцовъ, принадлежатъ къ капитальнымъ приобрѣтеніямъ многихъ Европейскихъ литературъ. Не благосклоннѣе и даже строже еще слыша-

1) Совершенно противоположны взгляду Вальтеръ Скотта мнѣнія перво-степенныхъ знатоковъ и собирателей народной поэзіи, каковы братья Гриммы, Вильмарке и др. См. *Barzaz-Breiz*. 1846. Томъ I, глава IX и все введеніе Вильмарке къ Бретонскимъ пѣснямъ, изданнымъ имъ подъ названіемъ *Barzaz-Breiz*, т. е. поэтическая исторія (Barzaz) Бретани (Breiz).

лись отзывы о книжникахъ. Довольно вспомнить приговоры Шлецера Русскимъ переписчикамъ въ противоположность съ Нѣмецкими средневѣковыми, въ число которыхъ, по его словамъ, не легко входили люди необразованные, болѣе годные для занятій полевою или садовою работою¹⁾. Основательное, чуждое пристрастія и односторонности, изслѣдованіе привело къ другимъ результатамъ, и опредѣлило значеніе лицъ, способствовавшихъ движенію нашей письменности. Лѣтописи и жизнеописанія людей достопамятныхъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ произведеніямъ нашей словесности, и на нихъ всего виднѣе обозначилось бы вліяніе невѣжественныхъ переписчиковъ; но оно вовсе не было такъ невыгодно, какъ предполагали нѣкоторые ученые. Современная историческая критика признаетъ, что и всѣ основныя извѣстія древней лѣтописи сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ они возникли подъ перомъ Нестора²⁾, — и древнѣйшій сборникъ жизнеописаній, Патерикъ, передаваемъ былъ переписчиками очень добросовѣстно изъ одного столѣтія въ другое³⁾.

Отрицать общепринятое мнѣніе, что во многихъ памятникахъ нашей древней словесности встрѣчаются мѣста искаженныя — невозможно. Безъ всякаго сомнѣнія нѣкоторые изъ переписчиковъ принадлежали къ числу людей «нѣсколько беззаботныхъ на счетъ литературы», по выраженію современнаго намъ писателя; но нѣкоторые и даже многіе не значить еще всѣ. Если невѣжкія писцы и искажали рукописи, то люди болѣе образованные видѣли ошибки и исправляли ихъ по своему крайнему разумѣнію. Поправки не были случайными, а вошли въ обычай до того, что даже признано нужнымъ ограничить произволъ въ исправленіи. Весьма замѣчательны слѣдующія слова въ наказѣ Іосифа Волоцкаго вноку (1479—1515): «а изъ церкви и изъ трапезы книги не имати безъ благословенія пономарева, а увидитъ что въ кнѣзѣ

1) Несторъ. I, Введеніе § 19, стр. па.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. I, стр. XIX.

3) Чтенія М. Общества исторіи и древностей. 1847, № 9. О патерикѣ Печерскомъ, Кубарева, стр. 16.

погрѣшеніе, но не переписать, ни вырѣзати, сказати настоятелю, *съ иныя книги исправити, а не по своему домысленію*»¹⁾ Въ иныхъ случаяхъ переписчики являются надежными руководителями для отысканія истины, вѣрно передавшими все особенности оригинала. Въ другихъ самыя ошибки, неумѣстныя по-видимому вставки знакомятъ съ любопытными чертами вѣка, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на преданія временъ отдаленнѣйшихъ, и ученымъ не разъ приходилось убѣждаться, что позднѣйшіе и неисправные списки иногда сохраняютъ въ себѣ слѣды первобытнаго источника гораздо полнѣе, нежели списки болѣе древніе.

1) Дополн. къ актамъ историч. Томъ I. 1847, № 211, стр. 359.

Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „пчелъ“¹⁾.

«Возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженеть тысящу, а два двигнута тмы. По Пророческому словеси: не суть бо бози ихъ, яже уповаша на ня, яко близъ день погубели ихъ, и пакы:.... близъ Господъ всѣмъ призывающимъ ѿ и всѣмъ призывающимъ ѿ воистину, и не въ силѣ констей въсхождеть, ни въ лыстѣхъ мужескихъ благоволить; благоволить Господъ на боащихся его и на уповающая на милость его. И слыши, что глаголетъ Димокритъ Философъ: первыи князю подбаветъ имѣти умъ ко всѣмъ премѣннымъ, а на супостаты крѣпость, и мужество, и храбрость; а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ. Въспоминай же реченая неложными усты Господа и Бога нашего Ісуса Христа: аще и весь міръ приобретають, а душу свою отщепить, и что дать измѣну на души своей? и пакы: блаженъ человекъ, пже положить душу свою за други своя». Читая это мѣсто въ Посланіи архіепископа Васціана, невольно останавливаешься на имени Димокрита въ Русскомъ произведеніи XV столѣтія. Кто былъ этотъ Димокритъ, — имя ли это извѣстнаго философа древности, или, можетъ быть, только описка, искаженіе какого-нибудь другаго имени неискус-

1) Извѣстія Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. II (1853 — 1854 г.).

нымъ переписчикомъ? Если же это не описка, то какимъ путемъ имя и мнѣнія древняго философа сдѣлались извѣстными на Руси? Наконецъ, какое значеніе имѣли эти мнѣнія въ понятіи Русскаго писателя XV вѣка, т. е. почему изрѣченіе языческаго мудреца стойтъ между изреченіями св. Писанія, и должно ли оправдать или обвинить автора за такое сопоставленіе? Постараемся дать посильные отвѣты на всѣ эти вопросы.

Демокритъ, воспоминаемый у Вассіана, есть, какъ открывается изъ словъ его, приведенныхъ въ посланіи, дѣйствительно извѣстный философъ древности, который пріобрѣлъ себѣ громкую славу своими огромными познаніями и проицательнымъ умомъ, развитымъ продолжительными и отдаленными путешествіями и неутомимой паблюдательностью, и обнаружившимся въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по части физики, математики, астрономіи, музыки, медицины, нравственной философіи и пр. Имя Демокрита пользовалось уваженіемъ необыкновеннымъ, которое высказывается и множествомъ древнихъ преданій о его жизни и дѣлахъ и высокимъ мнѣніемъ о немъ писателей классическихъ. Сохранилось преданіе, что Демокритъ добровольно выкололъ себѣ глаза, чтобы тѣмъ острѣе стало его духовное зрѣніе, и чтобъ видъ предметовъ виѣшнихъ не развлекалъ его глубоко-мысленныхъ соображеній. Преданіе говоритъ также, что онъ взумилъ знаменитаго Иппократа своею необыкновенною проицательностью, что будто онъ могъ даже, возвышаясь надъ законами природы, ускорить и отдалить часъ своей кончины: по просьбѣ женщинъ, которыхъ смерть его лишила бы возможности участвовать въ празднествѣ Цереры, Демокритъ на нѣсколько дней отсрочилъ свою кончину, поддерживая себя запахомъ свѣжаго меда или горячаго хлѣба, какъ говоритъ другое преданіе. Что касается до мнѣнія писателей, то всѣ они съ величайшею похвалою отзываются о сочиненіяхъ Демокрита, древніе такъ же какъ и позднѣйшіе, отъ Цицерона, видѣвшаго въ изрѣченіяхъ Демокрита, хотя написанныхъ прозою, поэтическое величіе и силу, и Плутарха, признававшаго, что Демокритъ выра-

жалъ свои мысли *δαμονίως καὶ μεγάλοπρεπῶς*, до современныхъ намъ знатоковъ классической древности, какъ напримѣръ ученаго Муллаха, который находигъ въ Демокритѣ *eruditionis amplitudo ac varietas, sublime et erectum viri ingenium*, а въ его сочиненіяхъ *et orationis venustas et rerum excellentia*, и который, приведши въ порядокъ и издавши всѣ доселѣ извѣстные сочиненія Демокрита, счелъ ихъ достойными того, чтобы трудъ свой посвятить Прусскому королю Фридриху Вильгельму IV. — Но могла ли жизнь Демокрита съ окружающими ея преданіями быть извѣстною на Руси во времена Вассіана? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только предположительно, а какъ предположеніе допускается въ наукѣ только на основаніи положительныхъ фактовъ, то мы позволимъ себѣ высказать его не иначе, какъ по указаніи самихъ фактовъ, которыми будутъ служить извѣстные Вассіану сочиненія Демокрита. Здѣсь же замѣтимъ только, что имя Демокрита не есть искаженіе переписчиковъ, и единственная неувѣрность заключается въ томъ, что въ иныхъ спискахъ стоитъ *Демокритъ*, какъ и слѣдуетъ (*Δημόκριτος*), а въ другихъ *Демократъ*; но и эта ошибка принадлежитъ не Русскимъ переписчикамъ, а Греческимъ, которые, не понявъ сокращенія *Δημο.* и *Δημοκρ.*, встрѣчавшагося къ рукописи, писали и *Δημόκριτος* и *Δημόκρατος*; иногда даже замѣняли его другимъ именемъ, и на оборотъ: вмѣсто *Δημοκρίτου* писали *Δημοκρίτου*, *Ὀνησίκριτος*—*Ὀνησίκρατος*¹⁾).

Переходя къ вопросу о томъ, какимъ образомъ сочиненія Демокрита могли быть извѣстны Вассіану, мы должны сказать нѣсколько словъ объ ихъ различныхъ редакціяхъ, ибо, по любопытному стеченію обстоятельствъ, исторія сочиненій Демокрита указываетъ отчасти, хотя и отдаленно, на исторію древне-Русской образованности. Изъ числа писателей, занимавшихся сочиненіями Демокрита, извѣстны, начиная съ древнѣйшихъ временъ:

1) *Frid. Guil. Aug. Mullachius: Democriti Abderitae operum fragmenta. Berolini. 1843, стр. 163—164.*

Каллимахъ, Гегезіанаксъ, Аристотель, Плутархъ, Климентъ Александрійскій, и наконецъ Іоаннъ Стоевскій. Трудъ послѣдняго имѣетъ для насъ весьма важное значеніе и по отношенію къ занимающему насъ вопросу о Димокритѣ, и — что всего важнѣе — по тому обстоятельству, что онъ служилъ первообразомъ тѣхъ сочиненій, которыя составляли одинъ изъ источниковъ древне-Русской образованности, а въ болѣе частномъ смыслѣ — одинъ изъ источниковъ знакомства нашихъ предковъ съ писателями классической древности. *Іоаннъ Стоевскій* (Στοβαῖος, Stobaeus отъ Македонскаго города Στόβαι) отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ: изъ множества сочиненій, числомъ около 500, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, онъ составилъ извлеченіе и сборнику своему далъ названіе Антологіи: Ἀνθολόγιον ἐκλογῶν, ἀπὸ φθεγμάτων, ὑποδηγῶν. Извѣстій о времени и образѣ его жизни не сохранилось; можно думать только, что онъ не былъ христіаниномъ, что видно по духу цѣлаго сочиненія и по тому, что въ немъ приводятся мнѣнія только писателей языческихъ, даже когда рѣчь идетъ о такихъ предметахъ, сужденія о коихъ превосходно выражены христіанскими писателями¹⁾, а такъ какъ язычество исчезло въ Римской Имперіи, по крайней мѣрѣ въ образованномъ классѣ, съ VI столѣтіемъ, то Іоаннъ Стоевскій жилъ, безъ сомнѣнія, до этого времени²⁾, и именно, какъ полагаетъ Геренъ, въ концѣ V столѣтія³⁾. Сборникъ Іоанна Стоевскаго состоитъ изъ статей весьма разнообразныхъ по содержанію, каковы: О Богѣ, о Судьбѣ, о Времени и его раздѣленіи, о Солицѣ, о Звѣздахъ, о Громѣ, о Кометахъ; о Діалектикѣ, о Риторикѣ, о Піитикѣ; о Мудрости, о Добродѣтели, о Справедливости, о Мужествѣ, о Праздности, о Здравьѣ, о Лѣкаряхъ, о Смерти и т. п. Въ числѣ писателей, упоминаемыхъ въ

1) *Fabricii Bibliotheca graeca*; edit. Harles. Hamburg. 1804, IX, стр. 569.

2) *Schoell: Histoire de la littérature grecque profane*. 2-e édition. Paris. 1825. стр. 134.

3) *Heerenius: Commentat. de fontibus Eclog. Joh. Stob. in edit. Ecl. phys. et eth. part. II tom. II. pag. 138.*

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

антологія весьма часто встрѣчается и имя Димокрита. — Послѣ Іоанна Стоевскаго занимался составленіемъ антологіи св. *Максимъ*, бывшій сперва главнымъ секретаремъ при императорѣ Иракліѣ, а потомъ монахомъ и настоятелемъ Хризополитанскаго монастыря близъ Константинополя. Онъ получивъ названіе *богослова и исповѣдника* и причисленъ Греческою церковью къ лику святыхъ за ревностное сопротивленіе и обличеніе ереси монофелитовъ, отъ которыхъ онъ подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ и наконецъ изгнанъ въ Колхиду, называвшуюся тогда *Лазикой*, гдѣ и скончался въ темницѣ въ 662 году¹⁾. Между произведеніями его особенно замѣчательна антологія, которая названа имъ *Κεφάλαια θεολογικά, ἤτοι ἐκλογαὶ ἐκ διαφόρων βιβλίων τῶν τε καθ' ἡμᾶς καὶ τῶν θύραθεν*, и которая отличается отъ Стоевской тѣмъ, что составляющія ее такъ называемыя «*loci communes*» извлечены не только изъ писателей языческихъ, но и изъ св. Писанія и Отцевъ Церкви. Въ началѣ краткое предисловіе изъ св. Ефрема о томъ, какъ должно читать или слушать читаемое — *πῶς γὰρ ἀναγινώσκειν ἢ ἀναγινώσκοντι προσέχειν*, въ которомъ совѣтуется читать божественныя книги не разсѣянно, а съ глубокимъ вниманіемъ, и не одинъ разъ, а дважды и трижды; тому, кто приступаетъ къ чтенію или слушанію, вѣщается въ обязанность обратиться къ Богу съ подобною молитвою: открой глаза и уши сердца моего, да услышу свята Твоя слова и сотворю волю Твою. Въ антологіи св. Максима приводятся мѣста изъ св. Писанія, Отцевъ Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ языческихъ писателей, въ числѣ которыхъ весьма часто изъ Димокрита и между прочимъ то самое мѣсто, которое находится у Вассіана. — Въ VIII столѣтіи извѣстенъ составленіемъ антологіи св. *Іоаннъ Дамаскинъ*, давшій труду своему названіе *Ἱερὰ παράλληλα*, а послѣ него Греческій монахъ *Антоній*, прозванный за усердіе къ собиранію матеріаловъ для своей антологіи *Ицелю* (*μέλισσα*). Антоній въ своемъ сборникѣ

1) *Fabricii Bibliotheca Graeca*. IX, стр. 637.

помѣстилъ также изреченіе Димокрита, приводимое Вассіаномъ. — Кромѣ названныхъ нами есть еще нѣсколько рукописныхъ антологій; но для насъ всего важнѣе сборники св. Максима и Антонія, ибо въ нихъ находятся слова Димокрита и они служили оригиналомъ для сборниковъ, которые, судя по количеству списковъ, были нѣкогда въ большомъ ходу между образованными Русскими. Изъ подобнаго сборника, по нашему мнѣнію, заимствовалъ и Вассіанъ изреченіе Димокрита. Разумѣется, встрѣчая у Вассіана слова писателя, сохранившіяся только въ двухъ извѣстныхъ сочиненіяхъ, всего ближе было бы заключить, что авторъ нашъ пользовался непосредственно этими сочиненіями; но мы не рѣшаемся сдѣлать такое заключеніе, ибо не имѣемъ положительныхъ доказательствъ того, чтобы антологіи Антонія и Максима были у насъ распространены въ подлинникѣ и чтобы Вассіанъ звалъ по-Гречески; примѣръ же знаменитаго изъ современныхъ ему писателей — Іосифа Санина, приводившаго весьма много мѣстъ изъ Греческихъ отцевъ, но не знавшаго по-Гречески¹⁾, этотъ примѣръ отнимаетъ у насъ право приписать Вассіану знаніе Греческаго языка, основываясь на одномъ предположеніи. Гораздо справедливѣе, по нашему убѣжденію, искать источника Вассіанова знакомства съ древнимъ философомъ въ Русскихъ антологіяхъ, переведенныхъ съ Греческаго, и въ доказательство мнѣнія нашего мы рассмотримъ сперва эти антологіи въ отношеніи къ ихъ Греческимъ образцамъ, а потомъ приведемъ Вассіановы слова о Димокритѣ и сравнимъ ихъ съ Греческимъ подлинникомъ и съ переводомъ въ Русскихъ антологіяхъ.

1) *Евгенія*: Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. I, 312. Этого не отвергаетъ и профессоръ Горскій въ своемъ сочиненіи о жизни и писаніяхъ Іосифа Волоколамскаго, какъ можно заключить изъ слѣдующаго отзыва: «Во всѣхъ писаніяхъ Іосифа видно знаніе св. Писанія и обширная начитанность въ писаніяхъ Отцевъ и учителей Церкви, извѣстныхъ тогда въ переводѣ на Славянскомъ языкѣ». См. Прибавленія къ изданію твореній святыхъ Отцевъ. Годъ 5-й. 1847. Писанія преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, стр. 276.

Древне-Русскія антологіи извѣстны подѣ названіемъ *Пчелъ* и сохраняются въ спискахъ разныхъ столѣтій. Въ Петербургскихъ Библіотекахъ, Публичной и вновь приобрѣтенномъ Погодинскомъ книгохранилищѣ, и въ Румянцевскомъ музеумѣ, находится также нѣсколько списковъ «Пчелъ»; всѣ списки весьма сходны между собою и потому въ нашихъ указаніяхъ мы будемъ пользоваться преимущественно двумя замѣчательнѣйшими: одинъ особенно замѣчателенъ по древности, другой по полнотѣ. Первый имѣетъ заглавіе: «Книгы бычела. Рѣчи и моудрости отъ Евангелыи и отъ Апостола и отъ святыхъ моужъ и разоумъ внѣшнихъ оилосоуѣ». Писанъ полууставомъ XIV в., подходящимъ XIV в., подходящимъ къ уставу. Въ сборникѣ, кромѣ главъ Пчелы, помѣщено еще нѣсколько статей, состоящихъ изъ краткихъ изреченій, а именно: Словца избрана отъ премудрости Ісусовы сына Сирахова; Словца отъ премудрости Соломона; Мудрость Менандра мудраго; Словца избрана Исухія презвутера Іерусалимскаго; Разуми сложенія Варнавы неподобнаго, числомъ 124¹⁾. Въ окончанія именъ вмѣсто *и* обыкновенно *и*: *оупованыи, терпѣныи, домодушыи* и пр.; сравнительно съ другими списками много руссизмовъ, въ родѣ *одва* вм. *едва* и т. п. Другой списокъ (Пчела Строева, въ Публич. Библ. 197), скорописью, подходящею къ полууставу конца XVII или начала XVIII в., называется просто: «Книга глаголемая мичела». — Пчелы наши находятся въ самой близкой связи съ антологіями Антонія и Максима²⁾: связь съ первою видна изъ того, что многія мѣста

1) Въ послѣдней статьѣ весьма замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Лоучесть въ оутлѣи лодыи ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: она бо точію тѣло потопить, а сиа всю жизнь погубить», весьма сходное со словами Даниила Заточника: «Лутчи есть во утлѣ лодѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочить, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляеть». Памятники Рос. Словесности XII вѣка. стр. 238.

2) Мы пользовались слѣдующими изданіями этихъ антологій: *св. Максима*: S. Maximi Confessoris opera, opera et studio R. P. Francisci Combefis. 1675. Parisiis (въ 2 томахъ). *Антонія Мелиссы*: Sententiarum sive capitum tomi tres, per Antonium et Maximum monachos olim collecti... Christophorus Froschoverus excudebat. Tigurii. 1546. Сборникъ Мелиссы раздѣленъ на 2 части: первая съ пе-

буквально переведены и самое прозвище автора сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для сборника; отношеніе къ послѣдней открывается во множествѣ мѣстъ, переведенныхъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ у св. Максима, и въ самомъ числѣ главъ, которыхъ и въ Антологіи св. Максима и въ большей части Пчелъ — 71 ¹⁾). Можно допустить, что раздѣленіе на 71 главу

реводомъ Конрада Гесснера, 2-я Иоанна Рибитта. (Оба изданія сдѣлались теперь библиографической рѣдкостью, и мы могли найти ихъ только въ Публичной Библіотекѣ).

1) Чтобы яснѣе обозначилось соотвѣтствіе между Греческимъ и Русскимъ сборникомъ, а отчасти и характеръ ихъ, приведу названіе главъ, порядокъ которыхъ почти во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Пчелахъ одинаковъ, при большемъ или меньшемъ уклоненіи отъ порядка главъ въ подлинникѣ:

Главы Пчелы:

Главы Антологіи св. Максима:

1) О жителестей добродѣтели и о злобѣ слово.	1) περί βίου ἀρετῆς καὶ κακίας.
2) О мудрости (слово).	2) περί φρονήσεως καὶ βουλής.
3) О чистотѣ и цѣломудріи.	3) περί ἀγνείας καὶ σωφροσύνης.
4) О мужествѣ и о крѣпости.	4) περί ἀνδρείας καὶ ἰσχύος.
5) О правдѣ.	5) περί δικαιοσύνης.
6) О дружбѣ и о братолюбіи.	6) περί φίλων καὶ φιλαδελφίας.
7) О милостынѣ.	7) περί ἐλεημοσύνης.
8) О благодати.	8) περί εὐεργεσίας καὶ χάριτος.
9) О власти и о княженіи.	9) περί ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας.
10) О лжи и о клеветѣ.	10) περί ψόγου καὶ διαβολῆς.
11) О ласканіи.	11) περί κολακείας.
12) О богатествѣ і оубожествѣ и о сребролюбіи.	12) περί πλούτου καὶ πενίας καὶ φιλαργυρίας.
13) О оудобіи.	13) περί αὐταρκείας (= de virtute animi, sorte sua contenti).
14) О молитвѣ.	14) περί προσευχῆς.
15) О оученіи и о бесѣдѣ.	15) περί διδασχῆς καὶ λόγων.
16) О наказаніи.	16) περί νοουθεσίας.
17) О любомудріи і о оученіи дѣтемъ.	17) περί παιδείας καὶ φιλοσοφίας.
18) О богатествѣ і о оубожествѣ.	18) περί εὐτυχίας καὶ δυστυχίας.
19) О ырости и о гнѣвѣ.	19) περί ὀργῆς καὶ θυμοῦ.
20) О молчаніи и о тайнѣ.	20) περί σιωπῆς καὶ ἀπορρήτου.
21) О многопитаніи і о молчаніи.	21) περί πολυπραγμοσύνης καὶ ἡσυχίας.
22) о многоиманіи и о обидѣ, 23) о чести родителей і о чадолюбіи; 24) о страстѣ;	
25) о скоровозвращающихся и о покаяніи; 26) о грѣсѣ і о исповѣданіи; 27) о чрезъ сытость чреву оужожающихъ; 28) о печали и безъпечальи; 29) о сонныхъ; 30) о пыньствѣ; 31) о дерзновеніи и обличеніи; 32) о страдолюбіи (περί φιλοπονίας); 33) о клатвѣ; 34) о тщеславіи; 35) о истинѣ и о лжи. Доселѣ поря-	

нашихъ Пчелъ довольно древнее; но крайней мѣрѣ въ спискѣ XIV вѣка замѣтно уже, что онъ сдѣланъ по рукописи, разд. на 71 главу, и замѣтно вотъ почему: писецъ пропустилъ одну главу, именно 34, о Тщеславіи, и въ рукописи за 33 слѣдуетъ 35, такъ что послѣднею все таки оставалась 71; въ самой рукописи, гдѣ начала главъ далеко отстоятъ одно отъ другаго, легко было не замѣтить пропуска; но онъ бросался въ глаза въ оглавленіи, гдѣ одна глава подписывается подъ другою, и переписчикъ отмѣтилъ № 34 главу, помѣщенную въ текстѣ подъ № 35 (о Истинѣ и о Лжи), а какъ поэтому у него не доставало 71-й главы, то онъ раздѣлилъ послѣднее слово на двѣ части и передъ второю поставилъ киноварью о, которое находится въ началѣ всѣхъ главъ, такъ что 70-я гл. озаглавлена имъ: «О Терпѣннѣ и о Долго», а 71 — «О Душии». Сходство между сборникомъ св. Максима и нашими «Пчелами» обнаруживается не только въ порядкѣ главъ, но и въ самомъ размѣщеніи выписокъ въ главахъ: для примѣра приведемъ одну на выдержку. Въ главѣ XV перѣ

докъ главъ въ обоихъ сборникахъ одинаковъ; далѣе же Пчелы главы: 36) о хваленіи; 37) о красотѣ; 38) о *хотѣемъ быти судѣ* (περὶ μελλούσης κρίσεως); 39) о славѣ; 40) о многомолвленіи; 41) о промыслѣ; 42) о смиреніи; 43) о врачѣхъ; 44) о вѣрѣ; 45) о памяти; 46) о души; 47) о зависти; 48) о волнѣи и неволнѣи; 49) о разумѣ себѣ (περὶ τοῦ γινῶσι σεαυτὸν); 50) о благодѣи; 51) о законѣ; 52) о словеснѣи и о сердечнѣи; 53) о безуміи; 54) о растающихъ имѣніахъ; 55) о обычахъ и о нравѣхъ; 56) о благородіи и злородіи; 57) о своемъ на нечестивахъ; 58) о снѣхъ; 59) о беззлобіи и о невоспоминаніи; 60) о непостояннѣи житіа; 61) яко достойно чтити благодать, злобу отгнати — соотвѣтствуютъ у Максима главамъ 43—68 (включительно) въ послѣдовательности. Пчелы гл. 62) яко проста злоба есть и одва годится челоукомъ благодѣяніе = Макс. 70) περὶ τοῦ ὅτι εὐχολος ἢ κακὴ χάρις δις πόριστος ἢ ἀρετὴ; Пч. 63) о самолюбіи = Макс. 69; Пч. 64) о правдѣ и о обидѣ = Макс. 71; Пч. 65) о смерти; 66) о миру и о рати; 67) о оушваніи; 68) о женахъ; 69) о противословіи и о шептаніи; 70) о старости и о юности; 71) о терпѣннѣи и веледушнѣи (или долготушіи) = Макс. 36—42 (включит.). — Эти главы находятся и въ Сборникѣ Мелиссы, имѣющемъ 175 главъ, только не въ такомъ порядкѣ. Изъ Пчелъ, находящихся въ Петербургскихъ библіотекахъ, болѣе всѣхъ уклоняется отъ обыкновеннаго порядка главъ Пчела Румянц. Музеума, въ которой главы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) отъ притчей Соломоновыхъ наказаніе къ сыну; 2) о зависти; 3) о самолюбіи; 4) о пьянствѣ; 5) о многоглаголаніи; 6) о смиреніи; 7) о дружбѣхъ; 8) о муждрости; 9) о чистотѣ и цѣломудріи; 10) о мужествѣ и храбрости, и т. д.

διδαχῆς καὶ λόγων слѣдуютъ у св. Максима выписки въ такомъ порядкѣ: изъ Евангелиста Матося, Апостола Іакова, Соломона, Сираха, св. Василія, Богослова, Златоуста, Нила, Дидима, Мосха, Димонакта, Солона, Діогена, Этеокла, Сократа, Антагора, Іерона, Энопида, Ромула; въ соотвѣтствующей главѣ Пчелы 15, о оученіи п о бесѣдѣ, приводятся послѣдовательно изреченія: *св. Матосея, ап. Іакова, Соломона, Сираха, св. Василія, Богослова, Златоуста*, Гр. Нисскаго, Фотія, *Дидима*, Исандора, Плутарха, Филона, Исократы, Харикла, Димокрита, Клитарха, *Мосха*, Соломона, *Діогена, Этеокла*, Меландра, Эпихарма, Иродота, Эврипида, Пивагора, *Антагора, Іерона, Энопида*. Напечатанныя курсивомъ взяты изъ сборника Максимова, а казенные — изъ сборника Антонія Мелиссы; остальные, вѣроятно, изъ Греческихъ рукописныхъ антологій; но какого бы рода ни были эти антологіи, безъ всякаго сомнѣнія, они составлены по образцу, данному св. Максимомъ и Антоніемъ¹⁾.

1) Чтобы еще доказательнѣе было мнѣніе наше, приведемъ одно или два изъ тысячи мѣстъ, буквально переведенныхъ съ Греческаго подлинника. Какъ предки наши переводили св. Писаніе, достаточно уже извѣстно, а потому избираемъ писателей древнихъ.

Въ Антол. Максима: *Мосхъ*:

τὸν προσμιλοῦντα τριχὴ διασκόπου, ὡς ἀμείνονα, ἢ ὡς ἡττονα, ἢ ὡς ἴσον, καὶ εἰ μὲν ἀμείνονα, ἀκούειν χρη καὶ πείθεσθαι αὐτῷ; εἰ δὲ ἡττω, ἀπειθεῖν, εἰ δὲ ἴσον, συμφωνεῖν.

Антагоръ: Ἀνταγόρας ἐπεὶ ἀνεγίνωσκε παρὰ Βοιωτοῖς τὸ τῆς Θηβαΐδος σύγγραμμα, καὶ οὐδεὶς ὑπεσημύετο, κλείσας τὸ βιβλίον, Δικαίως, εἶπε, καλεῖσθε Βοιωτοί, βοῶν γὰρ ὡς ἐχέτε.

Пчела XIV вѣка: *Мосхъ*:

Внегда бесѣдуеши съ нѣкими, то прежде смотри, аще лучшии тебе сѣ съповѣстникъ той, или худъшии, или ровникъ; і аще оуразумѣеши и лучша себе, то покорися ему; аще ли же худъши, то покори, аще ли ровенъ тебѣ, то съединоумися с нимъ.

Антагоръ: Сей нѣкто да прочте Фивейскую грамоту предъ Виоты на посольство пришедъ и никому же отъ нихъ отвѣщающе, опъ же рече: во истину есте прозвани Виоте, понеже яко волуи оуши имѣете и слышаще же не отвѣщающе.

Я съ цѣлью избралъ такое мѣсто, въ которомъ видно и достоинство и недостатки перевода. Способъ перевода вообще не подлежитъ осужденію; главнѣйшая трудность предстояла въ передачѣ тѣхъ понятій, кои имѣютъ, такъ сказать, мѣстный смыслъ, будучи тѣсно связавы съ звуками словъ, выражаю-

Такого рода сборники были, какъ должно полагать, значительно распространены на Руси: еще въ Слово Даниїла Заточника есть указанія на знакомство автора ея съ «Пчелою»¹⁾; есть списокъ, и вѣроятно не одинъ, XIV в., нѣсколько списковъ XV вѣка, нѣсколько XVI, изъ которыхъ замѣчательнъ списокъ начала вѣка, скорописью, начинающійся 20 главой съ середины, находящійся въ Публичной Библіотекѣ (изъ Погодинск. книгохранилища); нѣсколько XVII столѣтія; одинъ изъ нихъ, скорописью, въ Публич. Библіотекѣ № 1068, имѣетъ такое заглавіе: «Сія книга глаголемая Пчела имѣетъ рѣчи отъ Евангелія и отъ различныхъ святыхъ словъ»; но не смотря на то, въ ней, кромѣ выраженій Евангельскихъ и «свитыхъ словъ», находится множество мѣстъ изъ писателей языческихъ, какъ и въ другихъ Пчелахъ, и въ этомъ отношеніи она представляетъ сходство съ Сборникомъ св. Максима, который также, хотя и заключаетъ въ себѣ множество выписокъ изъ языческихъ писателей, называется од-

щихъ на извѣстномъ языкѣ эти понятія. Въ приведенномъ примѣрѣ названіе Віотійцовъ волоухими основывается на созвучіи Греческихъ словъ Βιωτοί и βοῦν ὄτα, созвучіи не существующемъ въ языкѣ Русскомъ, и переводчикъ долженъ былъ прибавить *и*ко (какъ-бы) и нѣсколько пояснительныхъ словъ. Такимъ же образомъ выраженіе Іоанна Богослова: *Θάρσος καὶ Θράσος ἁν τοῖς ὀνόματι πλησιάζει, πλεῖστον ἀλλήλων τῇ δυνάμει κενώριστα*.... переводчикъ Пчелы передалъ такъ: Храбрѣство и суровѣство аще и сусѣдство между себе имѣють, на разнствуета вельми.... Очевидно что *Θάρσος* и *Θράσος* гораздо болѣе имѣють звуковаго «сосѣдства», нежели храбрѣство и суровѣство; но поостережемся обвинять нашихъ древнихъ переводчиковъ, припомнимъ, какъ и въ наше время переводится съ иностранныхъ языковъ такъ называемая *игра словъ*, встрѣчающаяся у многихъ писателей отъ Платва до Шекспира. Всѣ почти иностранныя имена переданы вѣрно за исключеніемъ нѣкоторыхъ, измѣнившихся по требованіямъ Русской фонетики: вмѣсто *Эпихармъ*, *Ликургъ*, *Энопидъ* встрѣчается *Эпихарамъ*, *Кулоуръ*, *Оуновиди* и т. д.

1) Ср. Сахарова: О Слово Даниїла Заточника. Москвитянинъ. 1843 № 9. стр. 149—155. Онъ раздѣляетъ списки Пчелы на 3 разряда и между прочимъ говоритъ: «Когда появилась книга Пчела — неизвѣстно. Мы имѣемъ два разные перевода: первый, неизвѣстнаго времени, встрѣчается въ спискахъ мнѣ извѣстныхъ конца XV в.; другой былъ сдѣланъ въ 1599 г. монахами Антоніемъ и Максимомъ». Не знаемъ, откуда заимствовалъ г. Сахаровъ это послѣднее извѣстіе; но по всей вѣроятности подъ именами Ант. и Макс. надобно понимать здѣсь не переводчиковъ XVI в., а самихъ авторовъ — св. Максима и Антонія Мелиссу.

нако Κεφάλαια θεολογικά. Списки «Пчелы» идут даже до XVIII столѣтія, въ которомъ не только чтеніе ея вышло изъ обычая, но и сама она, нѣкогда служившая источникомъ образованности, стала подвергаться легкомысленнымъ отзывамъ¹⁾. Но не то было въ вѣкахъ предшествующихъ: образованные люди украшали ею свою библіотеку и только извѣстною степенью ея распространенности можетъ быть объяснено то обстоятельство, что и Вассіанъ, поставленный въ необходимость вдругъ написать увѣщаніе, могъ легко припомнить выраженіе изъ Пчелы и передать его съ такою вѣрностью. Какимъ бы образомъ онъ ни привелъ это выраженіе, т. е. по одной только памяти или съ помощью списка, бывшаго подъ рукой, хотя самая спѣшность работы дѣлаетъ первое предположеніе вѣроятнѣйшимъ; во всякомъ случаѣ переводъ Вассіана совершенно сходенъ съ переводомъ Пчелы, что очевидно изъ сравненія обоихъ переводовъ съ Греческимъ подлинникомъ. Въ 9-й главѣ антологіи св. Максима при имени Димокрита находится слѣдующая выписка изъ этого философа (изд. Комбефиза, т. II, стр. 560), 2-я въ числѣ нѣсколькихъ изъ Димокрита — у Св. Максима, какъ и въ Пчелахъ.

У св. Максима:

τὸν ἄρχοντα δεῖ ἔχειν πρὸς μὲν τοὺς καιροὺς λογισμὸν, πρὸς μὲν τοὺς ἐναντίους τόλμαν πρὸς δὲ τοὺς ὑποταγμένους εὐνοίαν. То же у Антонія Мелиссы, II кн. гл. I.

1) О книгѣ, бывшей прежде въ такомъ почетѣ, стали уже отзываться подобнымъ образомъ: «Хороша для васъ книга о Бовѣ Королевичѣ, въ которой повѣствуются древнія оныя о исполнѣ преславномъ Полканѣ и Милитрисѣ исторіи; еще же *книга Пчела*, не знаю по истинѣ, которымъ авторомъ изданная, безъ всякаго погрѣшенія, яко благочестія твоего наставница, апробаціи достойна, изъ которой ты многіе доводы въ публичныхъ диспутаціяхъ на свадьбахъ у мужиковъ деревенскихъ и у братины по праздникамъ со учеными оными дьячками и... клиромъ привести можешь». Обращеніе къ Зонду изъ руси прошлаго столѣтія *Анѳропоскопія*, переводъ съ Латинск. Ив. Сѣчихина. Москвитянинъ. 1853. № 7. Г. Погодинъ полагаетъ, что Сѣчихинъ есть псевдонимъ Тредьяковскаго, издѣвающегося надъ Ломоносовымъ.

Въ Пчелахъ:

Князю подобаетъ имѣти умъ ко всѣмъ временнымъ (или ко временомъ оумъ, — ко времени умъ, — къ временнымъ оума), а на супостаты крѣпость и мужество же и храбрость (*въ иныхъ только: на супостаты крѣпость*), а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ (*въ иныхъ просто: а къ дружинѣ любовь*).

Въ посланіи Вассіана:

Пръвѣе¹⁾ (или первый) князю подобаетъ имѣти умъ ко всѣмъ премѣннымъ (или временнымъ), а на супостаты крѣпость и мужество и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ (или и сладость).

Признавая несомнѣннымъ заимствованіе Вассіаномъ изъ «Пчелы» словъ Димокрита, мы тѣмъ самымъ указываемъ на причину, почему они приводятся вмѣстѣ со словами Св. Писанія. Всѣ главы въ антологіяхъ начинаются обыкновенно выписками изъ Евангелія, Апостола, твореній св. Отцевъ, а въ слѣдъ за ними и изъ писателей языческихъ: такъ составлены сборники и св. Максима и св. Иоанна Дамаскина, по нѣкоторымъ его спискамъ²⁾. То же самое видимъ и въ нашихъ Пчелахъ: въ главѣ 17-й напримѣръ (о любомудріи и о ученіи дѣтемъ) свидѣтельства приводятся въ слѣдующемъ порядкѣ: *Евангеліе*: Въшедше Іисусъ въ церковь, и оучаше народы, чюждахутьжеся Іудее глаголюще: како сей вѣсть книги не оучився. *Апостолъ*: Аще кто мнитъ мудръ быти въ васъ въ вѣце семъ, да будетъ юродъ и (да) будетъ мудръ: мудрость бо міра сего юродство есть предъ Богомъ. За этимъ слѣдуютъ непосредственно одно за другимъ изреченія: *Соломона, Богослова, Исократа, Димокрита*: «Сей рече, яко наказаніе кореніе имѣетъ горко, а плодъ его сладокъ;

1) Въ рукописномъ посланіи *пръвѣе*, въ Соф. Врем. *первыи* и отдѣлено отъ *философъ* двосточіемъ; но можно *первыи* относить и къ *президущему*, т. е. *Димокритъ философъ первыи*.

2) *Fabricii Bibliotheca Graeca*. Т. IX. стр. 720—732.

показаніе славнымъ есть красота, а убогимъ прибіжище; градовы подобаетъ украшати образовнымъ украшеніемъ и церковнымъ, а души ученіемъ». У Антонія Мелиссы непосредственно за словами Димокрита, приводимыми Вассіаномъ, слѣдуютъ выписки изъ Притчей Соломона. Кромѣ авторитета «Пчелъ», Вассіана оправдываетъ въ способѣ приведенія свидѣтельства Димокрита и то, что, судя по мнѣніямъ его, разсѣяннымъ въ разныхъ мѣстахъ сборника, Димокритъ долженъ былъ казаться читателямъ Пчелы мудрецомъ, имѣвшимъ самый возвышенный образъ мыслей: мнѣнія въ родѣ слѣдующихъ, отмѣченныхъ именемъ Димокрита: «Лоучше есть своа съгрѣшенія обличати, нежели чюждая» или «Человѣкомъ достойно есть о души паче попеченіе имѣти, нежели о тѣлеси; тлѣнная жилища стяжати безумныхъ есть, а не мудрыхъ, и ни на кую же души пользу есть, но на вредъ и погыбель», — подобныя мнѣнія не могли не возбуждать уваженія къ высказавшему ихъ. Самое прозвище «философъ», во всѣхъ спискахъ находящееся при имени Димокрита, показываетъ уваженіе къ нему нашихъ предковъ: ибо въ древности слова *философъ* и *философствовать* имѣли почетное значеніе¹⁾.

Если сочиненія Димокрита въ такомъ количествѣ могли быть извѣстны Вассіану, то весьма естественно полагать, что ему могли быть извѣстны и самыя обстоятельства жизни древняго философа: такому знакомству могла содѣйствовать и «Пчела», ибо въ ней при изрѣченіи какого либо писателя, часто сообщается и извѣстіе изъ его жизни, объясняющее это изреченіе. Такъ между прочимъ о Димокритѣ есть подобныя отрывочныя

1) Такъ въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1288 годомъ сказано: «Князь Володимиръ глаголаше ясно отъ книгъ, зане *философъ* великъ, и ловецъ хитръ, хороборъ, кротокъ», а въ Кіевской лѣтописи подъ 1198 годомъ: «По духу Рюрику прозябаніе бысть... воздержаніе яко нѣкое основаніе полагаше, по Іосифу же цѣломудріе и Моисееву добродѣтель, Давыдову кротость и Костянтине правовѣріе, и прочія добродѣтели прикладая въ соблюденіе заповѣди Владычии, и тако *философствоваше*, молясь по вся дни тако сохранену быти, имѣя же къ нимъ милость отъ великихъ даже и до малыхъ» и т. п.

извѣстія: «сему нѣкогда посланоу отъ Афинѣи къ Филипоу царю и съ дръзновеніемъ веліемъ бесѣдующу, царь же Филипъ рече ему: не боиши ли ся за се повелю оусѣкнути главу твою; онъ же рече: аще убо повелиши да усѣчена будетъ глава моя, то мое отечество безсмертіемъ почтеть ю». При имени Леонида въ Пчелѣ вспоминается подвигъ героя Спартанскаго: «Леонидъ Лакедемоській мало имѣя вои, иде на Перси, и нѣкому рѣкшу ему: како съ малымъ идеши на толику землю, онъ же отвѣща: съ малыми иду, но съ хотящими и довлѣющими», и т. п. Притомъ, чѣмъ распространеннѣе были какія-либо произведенія, тѣмъ скорѣе должно было возникнуть желаніе имѣть извѣстія о жизни ихъ авторовъ; такъ въ древнихъ спискахъ Пророчествъ послѣ книги каждаго пророка помѣщалось обыкновенно краткое его жизнеописаніе. То же самое встрѣчаемъ и въ нашихъ старопечатныхъ книгахъ: въ «Анѳологіонѣ» напримѣръ, напечатанномъ во Львовѣ въ 1638 г. и расположенномъ по днямъ года, за именемъ празднуемаго святаго слѣдуетъ часто краткій біографическій его очеркъ или объясненіе причины праздника. Судя же по однимъ только спискамъ «Пчелы», мы можемъ заключить, что предкамъ нашимъ извѣстны были произведенія многихъ писателей иностранныхъ, какъ христіанскихъ, такъ и языческихъ¹⁾, съ нѣкоторыми чертами изъ жизни авторовъ. Новыя открытія, какъ можемъ надѣяться, обогатятъ науку новыми данными для сужденія о томъ, къ чему обращалась любознательность нашихъ предковъ; теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что и въ древнѣйшую эпоху образованности народа любознательность его направляется къ судьбѣ писателя въ одинаковой степени, какъ и къ его твореніямъ, доказательствомъ чему служатъ отчасти: у насъ — біографическія замѣтки о писателяхъ и выписки изъ ихъ

1) Въ Пчелахъ приводятся имена и мнѣнія: Аристотеля, Аристиды, Антифана, Віаса, Демокрита, Діогена, Дидима, Димосеена, Діодора, Діона Римскаго, Епиктета, Еврипида, Клеострата, Ксенофонта, Климента, Лакона, Леонида Спартанскаго, Левкиппа, Менаандра, Платона, Плутарха, Пнеагора, Прокопія Ритора, Сократа, Софокла, Фаворина, Филона, Феодорита, Теополима и др.

творений, находяціяся въ «Пчелахъ», на западѣ — явившійся въ средніе вѣка трудъ Вальтера Бурлэя (Gualterus Burläus, живш. въ концѣ XIII и началѣ XIV в.): *Vita, mores et elegantissima philosophorum et poetarum veterum dicta simul et gesta* — первый опытъ исторіи литературы въ Европѣ.

Вассіанъ, современникъ Іоанна III-го.

Произведенія древней нашей словесности, при единствѣ главныхъ началъ, представляютъ довольно замѣчательное разнообразіе по содержанію, характеру и соотношенію съ условіями современнаго имъ народнаго быта. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о значеніи нѣкоторыхъ отраслей древней словесности нашей рѣшаемъ былъ различно. Вникая въ причину этого различія, мы должны прійти къ убѣжденію, что она состоитъ преимущественно въ отсутствіи специальной разработки многихъ памятниковъ. Наука тогда только можетъ произнести приговоръ цѣлому, когда достигнетъ яснаго и полнаго сознанія составляющихъ его частей, когда всѣ памятники словесности будутъ изслѣдованы съ возможной тщательностью и безпристрастіемъ. Пока не будетъ совершена эта трудная работа, до тѣхъ поръ всякая попытка къ общей характеристикѣ будетъ сопряжена съ опасностью — прибѣгать къ произвольнымъ предположеніямъ и тѣмъ уклоняться отъ искомаго свѣта истины. Принимая активное участіе въ трудахъ ученыхъ, руководимыхъ этимъ убѣжденіемъ, я позволяю себѣ на этотъ разъ обратить вниманіе на личность замѣчательную и въ литературномъ и въ историческомъ отношеніи, на писателя XV вѣка *Вассіана*, котораго энергическое посланіе къ Іоанну III упрочило за нимъ имя доблестнаго патріота и даровитаго писателя.

1) Извѣстія Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. II (1853—1854 г.).

I.

Самое раннее извѣстіе о Вассіанѣ сообщено имъ самимъ въ написанномъ имъ Житіи преподобнаго Пафнутія Боровскаго. Изъ этого Житія мы узнаемъ, что Вассіанъ былъ постриженъ пр. Пафнутіемъ и былъ однимъ изъ ближайшихъ его учениковъ¹⁾. Этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о первоначальной жизни Вассіана; указанія же на его дальнѣйшую судьбу разсѣяны по лѣтописямъ. Въ 1456 году Вассіанъ былъ сдѣланъ игуменомъ Свято-троицкой Сергіевой Лавры, 8-мъ, считая отъ преподобнаго Сергія; черезъ 10 лѣтъ (1466) произвелъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря²⁾, а въ 1468 или 1469 г. рукоположенъ въ архіепископа Ростовскаго. Съ этого времени расширяется кругъ его дѣятельности, и лѣтописцы съ большою подробностью останавливаются на событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Одни лѣтописцы упоминаютъ о рукоположеніи Вассіана подъ 1468 г., другія подъ 1469 г.; но сходятся въ показаніи дня посвященія — 13 декабря; притомъ нѣкоторые называютъ только имя: «Въ лѣто 6977 (=1469) дек. въ 13 поставленъ былъ епископъ граду Ростову, именемъ Вассіанъ, архимандритъ Спасской³⁾; другія же имя и прозвище: «Тое же осени поставили архимандрита Спасскаго Васьяна *Рыла* въ архіепископы на Ростовъ, декабря 13»⁴⁾. Прозвища какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ были весьма обычны въ XV вѣкѣ и удерживались даже послѣ постриженія въ монашество: такъ преемникомъ Вассіана былъ «архіепископъ Юсафъ, бывалъ князь

1) Вассіанъ говоритъ въ «Житіи»: Азъ окаянный отъ святыхъ его (пр. Пафнутія) рукъ сподобихся восприяти иночѣскыи образъ на преславный праздникъ Срѣтеніе Господа нашего І. Христа по оутреніи, и много время с нимъ съжителствовахъ, и на единомъ клиросѣ въ лицѣ поющихъ с нимъ стояхъ, и многихъ благодѣаній душевныхъ и тѣлесныхъ отъ него насладихся. Здѣсь же говоритъ о себѣ: «Кребій пріяхъ отъ ученикъ и *содѣльникъ* его» (въ другомъ спискѣ: *содѣльникъ*).

2) Исторія Россійской іерархіи. Часть II, стр. 176, и часть VI, стр. 284.

3) Софійскій Временникъ, изд. Строевымъ. II, стр. 96 (1821. М.).

4) Полное Собраніе Рус. Лѣтописей, Т. V, стр. 274.

Оболенскій», а далѣе о немъ же сказано въ лѣтописи: «единъ владыка Ростовскій князь Асафъ» безъ прибавленія: *бывалъ*; въ лѣтописяхъ встрѣчается также подъ 1495 г.: «старцы Троицкые Сергіева монастыря: Веньяминъ Плещеевъ, келарь Васьянъ Ковезянъ, Филиппъ Износокъ» и пр.¹⁾. Ни санъ, ни прозвище Вассіана не объясняютъ его происхожденія: примѣръ кн. Оболенскаго доказываетъ, что въ духовное сословіе вступали и аристократы, а прозвище *Рыло* могло быть и непростонароднымъ, ибо между современными воеводами были и князь Андрей Никитичъ *Ноготь*, и князь *Лыко*, и другіе съ прозвищами такого же рода. Притомъ же въ древности не было строгой разборчивости въ раздачѣ прозвищъ: людямъ придавали названія частей тѣла, звѣрей, негодныхъ травъ и т. п.²⁾. Но какого бы происхожденія ни былъ Вассіанъ, во всякомъ случаѣ не родъ, а личныя достоинства возвели его на высокую степень іерарха и государственнаго человѣка. 1479 годъ особенно богатъ пзвѣстіями лѣтописными объ участіи Вассіана въ дѣлахъ государственныхъ, объ его частыхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ, который призывалъ его и на семейную радость, и для водворенія мира между враждующими князьями. Въ Новгородской 4-й лѣтописи читаемъ: Въ лѣто 6987 (=1479) марта 25, въ 8 часъ пощи, родился великому князю сынъ Ивану Васильевичю отъ царевны Софьи, нареченъ бысть Василей Паряскый; а крестили его въ Сергіевѣ монастырѣ архіепископъ *Васьянъ* Ростовскій да игумень Троецкой Паясей, априля въ 4, въ недѣлю Свѣтоносную»³⁾. При освященіи соборной Успенской церкви, построенной въ 1479 году Аристотелемъ Фіоравентти, митрополитъ шелъ съ крестнымъ ходомъ не посолонъ, т. е. не по теченію солнца; великій князь призналъ это нарушеніемъ церковныхъ обычаевъ,

1) *Карамзина*: Исторія Государства Россійскаго, Т. VI, прим. 326.

2) Даже, подобно Нѣмецкому *Mannteufel* и просто *Teufel*, у насъ была *фамилія Чортъ*: въ «лѣто 1495 поставиша Макаріа порекломъ *Чорта*» — сказано въ Кіевской лѣтописи. *Карамзина* И. Г. Р. Т. VI, прим. 403.

3) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей, Т. IV, стр. 152.

и въ числѣ немногихъ, принявшихъ сторону в. князя, былъ и нашъ Вассіанъ. То же извѣстіе и въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщаютъ нѣкоторые лѣтописи подъ 1482, только вмѣсто Вассіана стоитъ имя его преемника: «все священники, и книжники, и иноки и миряне по митрополитѣ глаголаху, а по в. князѣ мало ихъ, единъ владыка Ростовскій князь Асаѣ да архимандритъ Чудовской Генадей»¹⁾. Пользуясь усердіемъ и образованностію Вассіана въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ, в. князь былъ постоянно въ близкихъ отношеніяхъ къ Вассіану и оказывалъ ему покровительство: такъ, когда въ 1477 году митрополитъ Геронтій желалъ подчинить себѣ монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, бывшій прежде подъ вѣдомствомъ Ростовскихъ епископовъ, Вассіанъ обратился съ жалобою къ в. князю, и в. князь велѣлъ созвать соборъ, слѣдствіемъ чего было то, что монастырь остался подъ властію Вассіана²⁾. Однимъ изъ послѣднихъ подвиговъ Вассіана было его содѣйствіе къ примиренію князей съ в. княземъ во время несогласій, возникшихъ между ними по слѣдующему обстоятельству. Въ 1479 году великій князь, по жалобамъ и клеветамъ Лучанъ, свелъ намѣстника съ Лукъ Великихъ и съ Новгородскаго Литовскаго рубежа. Обиженный намѣстникъ, князь Иванъ Володиміровичъ Оболенскій Лыко, уѣхалъ къ брату великаго князя, князю Борису, на Волокъ Ламскій. В. князь посылалъ за Лыкомъ; но Борисъ не выдалъ его; тогда, по тайному повелѣнію в. князя, Лыка схватили въ его селѣ и скованнаго привезли въ Москву. Узнавъ объ этомъ, Борисъ послалъ къ старшему своему брату князю Андрею Васильевичу Углицкому съ жалобой на в. князя, который чинилъ насиліе уѣзжающимъ къ нему, хотя, когда умеръ князь Юрій, ихъ старѣйшій братъ, в. князю «вся отчина его досталася, а имъ подѣла не далъ изъ той отчины; Новгородъ великій взялъ съ ними, ему ся все подостало, а имъ жеребіа не далъ изъ него». Князья, «сдумавше

1) Софійскій Временникъ, изд. Строев. Т. II, стр. 224.

2) Митр. Платона: Церковная Россійская Исторія. Т. I, стр. 331—332.

Сборникъ II Отд. П. А. П.

межи себя», собрались со все́ми людьми и пошли къ Литовскому рубежу. Великій Князь посылалъ къ нимъ боярина съ предложениемъ воротиться, но они не послушали его и шли къ Новгородскимъ волостямъ. Тогда в. князь послалъ къ нимъ Вассіана; Вассіанъ настѣгнулъ ихъ въ Молвятицахъ, откуда они «*со архієпискупныхъ рѣчей*» послали къ в. князю двухъ бояръ, а сами пошли къ Литовскому рубежу; потомъ в. князь опять посылалъ Вассіана съ боярами; но безуспѣшно. Наконецъ «въ лѣто 1481 бяху послы братьи его (в. князя) о миру, и князь в. Иванъ Васильевичъ пожаловалъ братью свою, по печалованію отца своего митрополита Геронтея, матере своей вел. княгини иноки Марѣи и архієпископа Ростовскаго *Васьяна* и др., пословъ ихъ отпустилъ, а самимъ имъ велѣлъ къ себѣ пойти вборзѣ». Въ слѣдъ за этимъ событіемъ лѣтописи сообщаютъ извѣстіе о кончинѣ Вассіана: «Тое же зпыи (1481) мѣсяца марта въ 23 день, въ субботу третьюю поста, въ 3 часть нощи, преставися преосвященный архієпископъ Васьянъ Ростовскій и Ярославскій»¹⁾.

Вотъ все, что передаютъ намъ лѣтописи о жизни и дѣлахъ Вассіана²⁾. Основываясь на этихъ данныхъ, мы можемъ судить о связи, которая necessarily должна существовать, между образомъ и обстоятельствами его жизни и характеромъ его литературныхъ трудовъ. Живя въ томъ вѣкѣ, когда религіозное направление преобладало въ словесности, когда и люди свѣтскіе желали употребленіемъ выраженій Св. Писанія придавать трудамъ своимъ достоинство произведеній духовныхъ, могъ ли Вассіанъ, будучи духовнымъ лицомъ, заниматься свѣтскою словесностью, не подчиниться господствующему вкусу вѣка? Но оставаясь одними же и тѣми по духу, произведенія Вассіана различны по двумъ періодамъ его жизни: проведя большую часть жизни

1) Софійскій Временникъ II, стр. 347 и стр. 222—223.

2) Очень немного можно прибавить изъ грамотъ, напр. то, что Вассіанъ былъ у духов. завѣщанія к. Андрея Вас. около 1480—81 (Собр. Г. Грам. I, 272). Смотр. еще грамоты № 55 и 61 въ I т. Акт. Арх. Экспедиціи. Для соображенія нѣкоторыхъ обстоятельствъ срав. Ист. Рус. церкви. III. стр. 32 и 175—176.

въ монастырѣ, подѣ началомъ строгаго отца, изумлявшаго современниковъ своими аскетическими подвигами, Вассіанъ возводится потомъ на одну изъ высшихъ степеней іерархіи и принимаетъ самое дѣятельное участіе въ дѣламъ политическихъ. Притомъ писатель, призываемый правительствомъ къ дѣламъ государственнымъ, гражданскимъ и духовнымъ, въ которыхъ необходимо и умѣнье дѣйствовать на людей, и сила убѣжденія, и отчетливое знаніе предметовъ, на основаніи коихъ произносятся судъ, такой писатель необходимо долженъ принадлежать къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени.

II.

Изъ произведеній Вассіана особенно извѣстностью пользуется Посланіе его къ Іоанну III, возбуждавшее къ войнѣ съ Ахматомъ, и потомъ пространное Жизнеописаніе св. Пафнута, основателя Боровскаго монастыря; долгое время эти два произведенія были единственно извѣстными, и о нихъ только упоминаетъ митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ Русскихъ духовныхъ писателей¹⁾. Въ 1834 г. сообщено извѣстіе еще о трехъ сочиненіяхъ Вассіана, отысканныхъ г. Строевымъ во время его археографическаго путешествія. Въ «Указаніи матеріаловъ отечественной исторіи и словесности» г. Строевъ посвящаетъ нѣсколько строкъ и Вассіану: «Вассіанъ *Рыло* архіепископъ Ростовскій (сконч. 1481 г.), сочинилъ *Житіе св. Пафнута Боровскаго*. Его жъ *Посланіе на Уру* (Вел. Кн. Іоанну Васильевичу) и *три поученія*»²⁾. Въ своемъ весьма краткомъ указаніи г. Строевъ не означалъ, гдѣ помѣщены эти поученія: вѣроятно, они хранятся въ Москвѣ или въ какомъ-либо другомъ

1) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской церкви. 1827. Т. I, стр. 73—74.

2) Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII столѣтія, сост. II. Строевымъ. Въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ. 1834. Февраль. II, стр. 162, § 70.

городѣ, въ монастырской библіотекѣ; поиски же наши въ Петербургскихъ хранилищахъ рукописей оказались тщетными. Этимъ 5 трудами и ограничивается извѣстный намъ кругъ литературной дѣятельности Вассіана: весьма не великъ онъ, если судить о немъ по теперешнимъ понятіямъ, и весьма достаточенъ, если принять въ соображеніе не количество, а качество произведеній и самый объемъ: рукописное Посланіе составляетъ брошюру, а Житіе цѣлую книгу.

Изъ пяти сочишеній Вассіана мы ограничимся покамѣстъ двумя, намъ извѣстными. Посланіе къ Іоанну находится и въ рукописяхъ и нѣсколько разъ являлось въ печати¹⁾.

Жизнеописаніе св. Пафнутія находится въ нѣсколькихъ рукописяхъ; въ указаніяхъ нашихъ мы преимущественно будемъ пользоваться спискомъ, находящимся въ Императорской Пуб-

1) Оно напечатано и въ *Степенной Книгѣ*, изданной въ 1775 г. Миллеромъ, во II-й части, отъ стр. 140 до стр. 149, и въ *Лѣтописцѣ Русскомъ*, изданномъ въ 1792 г. Н. Львовымъ, въ III-й части, отъ 146 до 166 стр., и въ *Софійскомъ Временникѣ*, изд. въ 1821 году Строевымъ, во II-й части, отъ стр. 208 до 218. Отличія, представляемыя этими изданіями, незначительны: такъ въ Степ. Кн. читаемъ: «Аще ли же еже пришися любо и глаголеши, яко подѣ клятвою есмь отъ прародителей, еже не поднимати руки противъ царя, и како азъ могу клятву разорити спротивъ стати. Послушай убо, боголюбивый царю!» и пр. Въ Лѣт. Русскомъ: «Аще ли же еще любо приши и глаголеши яко подѣ клятвою есмь отъ прародителей еже не поднимати руки противъ царя стати, послушай убо, боголюбивый царю!» Въ Соф. Временникѣ: «Аще ли же еще любо пришися и глаголеши, яко подѣ клятвою есмь отъ прародителей еже не поднимати руки противъ царя стати: послушай убо, боголюбивый царю» и т. д. Безъ сомнѣнія преимущество должно быть отдано изданію Строева въ сравненіи съ Степ. Книгою и съ изданіемъ Львова, который не отличался исправностью своихъ изданій: доказательствомъ этому, кромѣ *Лѣтописца Русскаго*, служитъ изданная имъ *Лѣтопись подробная* отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. 4 ч. СПб. 1798—1799 г. Незначительны и отличія между текстомъ посланія въ изданіи Строева и текстами рукописными. Для примѣра указываю нѣсколько разнословій Софійскаго Временника и рукописнаго Сборника посланій скорписью XVI в., хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ, отд. XVII, № 50: Соф. Врем.: *Архіепискупъ Васіанъ Ростовскій благословаяю*; рсѣ: *владыка Васьянъ*. Врем.: *Вся сіа на сердци положышу, яко истинный добрый пастырь*; рсѣ: *истинскыи пастырь добрый*. Врем.: *И здравъ ни чимъ же вреженъ побѣдоносець явишися*; рсѣ: *И пострадавъ*. Врем.: *мирно да будетъ и многолѣтно ваше іосударство*, рсѣ: *іосподство*, и т. д.

личной Библіотекѣ, отд. I, № 67, и заключающимъ въ себѣ службу св. Пафнутію, Похвалу ему и Житіе его. Этотъ списокъ одинъ изъ полнѣйшихъ, не смотря на нѣкоторыя несправности, и служилъ оригиналомъ для списковъ позднѣйшихъ, какъ можно судить по списку Житія, находящемуся въ Румянцевскомъ Музеумѣ¹⁾.

Появленіе Посланія объясняется въ лѣтописяхъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1480 году пришла великому князю вѣсть, что до-полна идетъ Ахматъ со всею ордою своею, и «знахари» ведутъ

1) Въ заключеніе нашихъ библиографическихъ замѣчаній упомянемъ объ одномъ извѣстіи, какъ бы приписывающемъ Вассіану еще два сочиненія. Нѣкоторые думаютъ, что Вассіану же принадлежатъ *два слова* — одно на рожденіе Іоанна IV, другое похвальное великому князю Василию, помѣщенные въ Степенной Книгѣ. «Благодареніе и похвала о благодастномъ роженіи по не-плодствѣ сына, молитвою отъ Бога дарованна самодержавному царю великому князю Василию, боговѣнчаннаго царя и великаго князя Ивана», составляетъ 22-ю главу II-й части Степенной Кн., стр. 205—210, а «Похвала самодержцу Василию» помѣщена въ 24-й главѣ, стр. 211—218. Слогъ этихъ словъ отличается общими свойствами краснорѣчія Степенныхъ Книгъ. Такъ о Василиѣ Іоанновичѣ говорится: «всѣхъ бо любляше, и всѣмъ любимъ быше, и вси къ нему припадающе, не токмо ближніи, но и далніи, еже бы рещи отъ Синая и Палестины, Италіи же и Антіохіи, и отъ всея подсолнечныя хотяще его токмо видѣти, и слово его слышати. Прочая же его благодѣянія кто возможесть подробну списати? Якоже пишетъ Богословъ о саламандрѣ нѣкоемъ животнѣ, иже своимъ естествомъ огонь погашаетъ, онъ же невреждимо пребываетъ: такоже и сій государь самодержавный Василій огонь безбожія погашаетъ. И яко же Каеосъ рѣка сладкая, аще и сквозь пучину морскую идетъ, и своея сладости никакоже не погубляя: тако и сій боголюбивый самодержецъ отъ моря мирскаго ничимъ же не вредися, Богу его хранящу, премудрости ради его умныя, наипачеже всего всегда о души своей попеченіе имѣя...» и т. д. Уже самый слогъ заставляетъ сомнѣваться, что эти похвальные слова и Посланіе на Угру принадлежатъ одному и тому же автору; но окончательно дѣлаетъ невозможнымъ это предположеніе самое время появленія словъ. Въ первыхъ строкахъ похвальнаго слова Василию Іоанновичу говорится о его царствованіи, о покореніи имъ народовъ и мудромъ управленіи державою и пр.; но Вассіанъ, по свидѣтельству лѣтописей, былъ воспріемникомъ при крещеніи Василя Іоанновича, родившагося 25 марта 1479, и умеръ ровно черезъ два года послѣ рожденія великаго князя. Іоаннъ IV родился 25 Августа 1530 года*), слѣдовательно черезъ 49 лѣтъ послѣ смерти Вассіана.

*) Исторія Г. Россійскаго. Т. VII, стр. 159 изд. Смирдина, т. IV по изд. 1852.

его къ Угрѣ рѣкѣ на броды. Великій князь уѣхалъ съ Коломны на Москву, на совѣтъ и думу къ своему отцу митрополиту Геронтію и къ своей матери великой княгинѣ Марѣ и къ своему дядѣ князю Михаилу Андреевичу и къ *духовному своему отцу архіепископу Ростовскому Вассіану* и ко всѣмъ своимъ боярамъ, и всѣ единодушно молили его великимъ молениемъ стоять крѣпко за родную землю, и великій князь послушалъ ихъ и пошелъ на Угру. Но на берегахъ Угры мужество его поколебалось; его смутили опасенія и совѣты боярина Ощеры да Григорія Мамона, мать котораго сожжена была за волшебство, — «злыхъ чловѣкъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ предателей христьянскихъ, а поровниковъ¹⁾ бесерменскихъ». Ужасъ нашелъ на великаго князя, и восхотѣлъ онъ бѣжать отъ берега, а свою великую княгиню Римлянку и казну съ цѣю послалъ на Бѣлоозеро, «мысля, будетъ Божіе разгнѣваніе, царь перелѣзетъ на сю страну Оки и Москву взметъ, и имъ бѣжати къ Окіану морю». Тогда-то Вассіанъ написалъ свою убѣдительную «грамоту» къ великому князю на Угру.

Посланіе начинается словами: Благовѣрному, и христолюбивому, благородному и Богомъ вѣнчанному, и Богомъ утверженному, и во благочестіи всея вселенныя концы возсіавше, наипаче же во царехъ пресвѣтлѣйшему, преславному Государю Великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи богомолецъ твой, Господне, Архіепискупъ Васіанъ Ростовскій, благословляю и челомъ быю». Такое вступленіе не имѣетъ уже той краткости и простоты, которая замѣтна въ XII вѣкѣ, напримѣръ, въ посланіи митрополита Никифора къ Владимиру Мономаху, начинающемся такъ: «Благословенъ Богъ и благословено святое имя славы его, благословене и прославлене мой княже!»; но подобнаго рода обращеніе сдѣлалось въ XV-мъ вѣкѣ обыкновенною, общепринятою формулою. Посланія къ великимъ князьямъ начинались

1) *Поровникъ* отъ *норовитъ* — потворствовать, потакать, поблжать (Арханг. губ.).

выраженіями въ подобномъ родѣ: «Превысокому, благородному, славному, великому и проч.», а посланія къ іерархамъ: «Господи и осподарю преосвященному владыцѣ», и т. п. За обращеніемъ слѣдуетъ просьба простить автора, что онъ дерзнулъ сперва изустно, а теперь и письменно убѣждать великаго князя; потомъ начыпаются самыя убѣжденія, исполненныя живости и силы. Мужайся и крѣпись — пишетъ Вассіанъ — какъ пастырь добрый, а пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, и только наемникъ бѣжитъ при видѣ волка, идущаго на его стадо. Вся земля Русская будетъ молиться о спасеніи тебя въ подвигѣхъ противъ невѣрныхъ. Пришло въ слухи наши, что ложные совѣтники уговариваютъ тебя отступить, но вспомни заповѣдь Божию: «если око твое соблазняетъ тебя, исткни его; если рука или пога — отсѣки ее», а подѣ этимъ надобно разумѣть не видимую руку, погу или око, а ближнихъ твоихъ, которые совѣтуютъ тебѣ не на благое, и ты отвергни ихъ и далече отгони, т. е. отсѣки и не послушай совѣта ихъ. Помысли, сколько разрушено и осквернено храмовъ Божіихъ, какое множество народа погибло отъ невѣрныхъ.... Не слушай, Государь, злаго совѣта; но отложи весь страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженеть тысящу, и два двигнута тмы. Внимай мудрому изреченію Димокрита: «властителю надобно имѣть на враговъ крѣпость и мужество и храбрость». Вспомни славу предковъ своихъ, которые не только отражали вражескія нападенія, но и покоряли подѣ власть свою многія страны: вспомни Игоря, Святослава, Владиміра, имѣвшихъ дань на Греческихъ царяхъ, вспомни Владиміра Мономаха и доблестный подвигъ Димитрія Донскаго. Напрасно смущаетъ тебя страхъ мнимаго клятвопреступленія.... Когда согрѣшали Израильтяне, Богъ поработалъ ихъ иноплеменикамъ, когда же каялись, тогда возставлялъ имъ мужей — избавителей отъ чужеземнаго ига; таковы: Моисей, Іисусъ Навинъ, Іуда, побѣдившій и предавшій смерти непріятельскаго царя Адоиявезека. Если и мы покаемся, то и намъ возстановитъ Господь освободителя — тебя, Государя нашего.

Ты же напруги и спѣй и царствуй истины ради и кротости и правды, и жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь и одолѣешь враговъ. Такъ говоритъ Господь: «Я воздвигну тебя, царя правды, и укрѣплю тебя, да послушаютъ тебя народы, и отворю тебѣ врата, и грады не затворятся; Я пойду передъ тобою и сравню горы и затворы желѣзные сломлю». Въ концѣ посланія Вассіанъ снова просить Іоанна III не вознегодовать за его искреннее слово, которое заключаетъ желаніемъ: «и мирно да будетъ и многолѣтно ваше государство побѣдно со всеми послушающими васъ христіюбавными людьми, да пребудете во вся дни живота вашего и во вѣки вѣкомъ. Аминь». —

Во всемъ посланіи видна горячая любовь къ родинѣ, и эта любовь — искреннее движеніе души Вассіана: она не затемняется никакимъ пристрастіемъ. Ея искренность обнаруживается въ той смѣлости, съ которою Вассіанъ жертвуетъ счастіемъ родины собственнымъ благополучіемъ и милостью къ себѣ великаго князя.

Талантъ Вассіана, какъ писателя, выражается въ соразмѣрномъ, стройномъ расположеніи посланія, въ послѣдовательности при переходѣ отъ одного предмета къ другому, въ основательности доказательствъ и умѣньи касаться предмета именно на столько, сколько требовала цѣль сочиненія; въ живомъ движеніи и убѣдительной силѣ, одушевляющихъ посланіе, и въ приведеніи въ одно цѣлое матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, между тѣмъ какъ самые матеріалы знакомятъ насъ съ нѣкоторыми чертами образованности автора и его вѣка. Стройность расположенія открывается во всѣхъ частяхъ слова, отъ начала, гдѣ авторъ проситъ снисхожденія къ дерзости — убѣждать государя, до заключенія, въ которомъ говорятъ: «молю же и о семъ царское твое остроуміе и Богомъ данную ти премудрость, да непозазиши моему худоумію: писано бо есть: дай премудру вину премудрѣе будетъ». Естественность переходовъ отъ предмета къ предмету очевидна изъ самаго содержанія, изложеннаго нами вкратцѣ. Касательно силы и основательности убѣжденій довольно

вспомнить доказательства, приводимыя противъ обязательнаго дѣйствія клятвы, вынужденной у нашихъ князей. Нельзя не признать также искусства, съ которымъ Вассіанъ далъ видъ стройнаго цѣлаго всѣмъ матеріаламъ, коими онъ могъ пользоваться по своей цѣли и степени образованности, а этихъ матеріаловъ было не мало: мысли свои выражаетъ или подтверждаетъ Вассіанъ словами Евангелія и Посланій Апостольскихъ, Псалмовъ, Притчей, Пятикнижія, пророчествъ Исаіи и Іереміи; кромѣ св. Писанія, Вассіанъ старается подѣйствовать и примѣрами изъ отечественной исторіи; наконецъ приводитъ мнѣніе Димокрита.

Упомянутое о Димокритѣ чрезвычайно замѣчательно по многимъ отношеніямъ, и потому мы считаемъ нужнымъ дать о немъ подробный отчетъ отдѣльно. Здѣсь замѣтимъ только, что Вассіанъ зналъ Димокрита изъ «Пчелы», съ которою вообще былъ знакомъ очень близко.

Обращаемся къ другому произведенію Вассіана — Жизнеописанію св. Пафнутія Боровскаго. Время сочиненія этого жизнеописанія открывается изъ подробнаго разсказа въ Житіи о представленіи св. Пафнутія и изъ слѣдующаго воспоминанія объ Іосифѣ Волоколамскомъ: «Таковымъ прослутіемъ наставляеми мнози придоша къ нему (т. е. св. Пафнутію) еже съжителствовати съ нимъ, и с ними же приидѣ благородный юноша именемъ Івань, иже руками святаго постригаемъ бываетъ и отлагаетъ власы, съ ними же и вся соущая в мирѣ, и нареченъ бысть Іосифъ, и весь того воли бываетъ, и *по отшествіи блаженнаго свой съ Богомъ составляетъ монастырь на Волоцѣ на Ламскомъ*, по совѣтоу святаго и благословенію». Св. Пафнутій скончался, какъ сказано въ Житіи, въ 6985, т. е. 1477 г. 1-го мая; по указанію же Исторіи Россійской іерархіи (т. III, стр. 433) и Словаря историческаго о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, стр. 226—1-го мая 1479 г., а Іосифъ Волоколамскій основалъ свой монастырь въ 1479 г., 6-го іюня¹⁾;

1) М. *Евгенія*: Словарь духовн. писателей. I, стр. 307; и Словарь Историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, стр. 401.

слѣдовательно Житіе св. Пафнутія написано Вассіаномъ (умершимъ 23 марта 1481 г.) не задолго до его смерти. Это обстоятельство показываетъ намъ, во-первыхъ, что Вассіанъ былъ вызываемъ къ литературной дѣятельности самыми событіями, писалъ, такъ сказать, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія: такъ *Посланіе* написано въ рѣшительную годину, и по самому свойству своему не могло быть приготовлено заранѣе; Житіе также вызвано воспоминаніемъ о недавноумершемъ подвижникѣ, хотя по нѣкоторымъ мѣстамъ можно заключить, что авторъ посвятилъ Житію гораздо болѣе времени, нежели Посланію, и писалъ его съ несравненно большимъ хладнокровіемъ; въ иныхъ же случаяхъ живость впечатлѣнія, произведеннаго смертью св. Пафнутія на автора, обнаруживается ясно. Во-вторыхъ, мы видимъ, что оба произведенія написаны Вассіаномъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, подобно многимъ произведеніямъ древней Русской словесности, вышедшимъ изъ-подъ пера авторовъ уже въ ихъ преклонныхъ лѣтахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ возрастѣ зрѣломъ, а отнюдь не юношескомъ, какъ часто бываетъ у литераторовъ новаго періода: это явленіе было весьма естественнымъ въ такое время, когда занятіе литературою, или «списаніе», авторство, почиталось занятіемъ высокимъ, часто даже — священнымъ. Литературное значеніе Жизнеописанія, сочиненнаго Вассіаномъ, опредѣляется самою его цѣлью, выраженною отчетливо во вступленіи, которое замѣчательно для насъ еще и потому, что въ немъ видны авторскіе приемы Вассіана и особенности его слога. «Свѣтель и сладокъ есть зѣло — говоритъ Вассіанъ — иже добродѣтели прилѣжай въ очію зрящихъ и съпребывающихъ тому, и сихъ къ оуподобленію можетъ воздвигнути и предводити и по восхищенію его. Еже отъ здѣ сущихъ, ничто же пно радостно творить и сладко зѣло, яко же иже о немъ писаніемъ изложити потщався, не вмалѣ, но во вся времена можетъ вѣставляти къ уподобленію того и добродѣтели жало вложити: сего ради и мы изволихомъ не по чести, но вкратцѣ, убѣгающе безмѣрія, изложити житіе добродѣтельно и жизнь богоугодну мужа въ добро-

дѣтелехъ съвершена; тако убо желателе вѣчнымъ благымъ, несытною любовію святымъ, и еже о сихъ упованіе имѣющихъ яко безмѣрное насыщеніе здѣ бываетъ божественное желаніе, ибо воспоминаніе же трудомъ възданіе, и еже красна тамо на-трижневіа¹⁾ еже сущимъ здѣ очищеннымъ: не точію навыклъ есть привременнаа и суетнаа презирати, но и свои животъ оставити, вышнихъ взыскаа и возлюбленную, яко подобно, погубити душу Христа ради, яко же въ святѣмъ Евангеліа речено есть, и паче всѣхъ сладкихъ. Оного ради любити смерть. Аще и не обрѣтаемъ сію въскорѣ, зане гонителемъ не сущимъ сіе дѣяти, но убо и желаемо ипаче пріити помышляютъ, долгую ноужную пріемлющи смерть, яже тысоущами болѣзнями на всякъ день трпяще, пощеніемъ же и многоразличными подвигы, борующесе с невидимыми врагы и естество присно понуждающе безплотнымъ противитися въ плоти сущіи. Сицеваго убо добрыхъ божественнаго мужа повѣдати хошу рожденіе и възрастъ и никтоже да безвѣрствуетъ, еже о преестественныхъ слышахъ преславная, да не мнить о мнѣ, яко честы ради и любви сицевому любезному отцу кое приложити стропотно и неизвѣстно, яко слово сему даровати паче еже видѣхъ своимъ очима и ушима слысахъ: яко жребій прѣяхъ отъ ученикъ и съдѣльникъ его. Далече убо есть онъ превыше всяческіа чести человѣческіа: не оного бо ради похвалы сіе творя, иже нижняга не требуетъ похвалы; но отъ ангелъ въ вышнихъ хвалимъ есть; но слышащихъ ради пользы и възревновати хотящимъ того добродѣтелемъ. Начинаю сего достохвальная и полезная повѣдати. Да глаголють же первіе, кромѣ всякыа лукавыа лжа, кто и откуду бѣ о немъ же слово произвѣсти дръзнуохъ, силою того молитвъ окармляемъ». (Это вступленіе пропущено въ печатномъ изданіи Миней). Указавши главную цѣль сочиненія — представить читателямъ высокій образецъ для подражанія, авторъ остается при этой цѣли во всемъ

1) *Натриженіе* отъ *тризна*, какъ производилъ еще Памва Берында: *Натриженіе*, нагорода зародницкая, або герциреви, любъ ширмѣреви, або борцеви; побѣдная почестъ, *яда*, даръ.

произведеніи, съ начала и до конца; сообщивши краткое извѣстіе о родителяхъ преподобнаго и его первоначальной судьбѣ, Вассіанъ подробно описываетъ иноческую жизнь и подвиги своего наставника, держась хронологическаго порядка. Всякое происшествіе, имѣвшее какое-либо отношеніе къ описываемому лицу, все, въ чемъ проявилась или высокая добродѣтель или чудодѣйствующая сила святаго мужа, тщательно передано авторомъ: описаны имъ и суровые подвиги св. Пафнутія, изнурявшаго себя самымъ строгимъ постомъ, и исцѣлявшаго другихъ сплюю своей молитвы; описана и дивная прозорливость святаго, кроткимъ словомъ обличившаго падшаго брата, и таинственныя видѣнія, посѣщавшія старца и объяснявшія ему непостижимыя для другихъ событія; словомъ, все то, чѣмъ ознаменована жизнь Пафнутія, и что возвышало его надъ обыкновенными людьми. Образъ жизни и дѣйствій его охарактеризованъ авторомъ слѣдующимъ образомъ. Въ отношеніи къ себѣ святой мужъ поставилъ существеннымъ долгомъ — воздержаніе и трудъ: съ самаго вступленія въ монашество по понедѣльникамъ и по пятницамъ не принималъ никакой пищи, въ среду позволялъ себѣ только сухояденіе; самъ рубилъ дрова и носилъ ихъ на плечахъ своихъ и т. п. Въ отношеніи къ другимъ «бѣ блаженный благоразсудень и искусень во всякомъ дѣлѣ божественнѣмъ же и человѣческомъ, ниже сильныхъ лица сумляся, ниже нищихъ презирая; и елицы гордостію взимахуся, сямъ не зѣло пристунень, нищимъ же благоувѣтлявъ и милостивъ. Иже нѣкогда гладу бывшу, всѣхъ окрестныхъ прешита, яко до тысячи и множае на всякъ день собиратися, и ничто остави въ обители, дондеже въ грядущее лѣто оумноженіе плодомъ Господь дарова». Подъ вліяніемъ такого благороднаго образа дѣйствій совершалось нравственное воспитаніе Вассіана, доказавшаго словомъ и дѣломъ, какъ благотворень былъ прекрасный примѣръ, который такъ долго имѣлъ онъ передъ глазами. Авторъ, избравъ задачею изложить назидательную исторію жизни святаго человѣка, до такой степени вѣренъ своему намѣренію, что, не смотря на обширность объема сочи-

пенія, въ него входитъ только то, что имѣетъ прямое отношеніе къ главному предмету; но такъ какъ жизнь всякаго человѣка, даже отшельника, удалившагося отъ людей, не можетъ совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ условій современнаго быта, то и въ Житіи св. Пафнутія, кромѣ подробнаго изображенія характера древней Русской аскетической жизни, встрѣчаются то жившее еще въ народѣ повѣрье, то извѣстіе о событіи историческомъ. Въ Житіи разсказывается, что св. Пафнуцій «совершивъ добрѣ и все прочее обители оустроеніе; понеже и мѣсто потребно зѣло на то, и частостію лѣса остѣнено, въ немъ же много населено жилище себе водружаху гаврани черноперія и многоязычныи. Блаженный же, яко нѣчто веліе имыи, о зрѣніи тѣхъ зѣло веселяшеся; полагашеся отъ него заповѣдь, еже пикто же тѣхъ птицъ или птенца ихъ роуками емлютъ или инѣмъ орудіемъ да погубить. По случаю же нѣкому сыну воеводы града проѣздъ творя напругъ же лукъ и оубіи единого отъ гавранъ, и радъ бывъ зѣло, яко благополучнѣ верже стрѣлоу; въсхотѣ же главою свою отъ намеренія обратити на прямозрѣніе пакы еже быти по естествоу непревратноу, еже прямо зрѣти, и забывъ веселія скорбію съдрогнуся зѣло, и разоумѣвъ напасти вино, скоро приходитъ къ преподобному Пафнутію, и испросивъ прощеніе молить святого, еже помолитися о немъ; отецъ же ослабився сказавъ о вещи: отъмести Богъ кровь гаврановоу. Инъ же нѣкій ястреба пустивъ и тѣмъ оуби гаврана и месть подимъ лишается сего утѣшенія: самомоу ястребу вмѣстѣ съ гавраномъ умершу». Этотъ разсказъ намекаетъ, какъ намъ кажется, между прочимъ на повѣрья о воронахъ, живущія въ нашей народной поэзіи. Изъ историческихъ событій въ Житіи упоминается о нашествіи «царя Мамотяка со множествомъ безбожныхъ Агарянъ» и о плѣнѣ великаго князя Василья Васильевича съ другими князьями Русской земли. «Мамотякомъ» названъ здѣсь царь Казанскій Улу-Махметъ. Здѣсь же находится еще извѣстіе о смерти Шемяки, объ его убійцѣ, о которомъ не упоминаютъ лѣтописи. Въ лѣтописяхъ говорится только: «1453 лѣта іюля въ 18 день

(или 17) преставися князь (или князь великій) Дмитрій Юрьевичъ Шемяка въ Новѣгородѣ въ Великомъ»¹⁾, или «даша ему лютаго зелія»²⁾, или «князь Дмитрей Юрьевичъ Шемяка умре со отравы въ Великомъ Новѣгородѣ»³⁾. Карамзинъ говоритъ, что Шемякѣ дали яду, отъ котораго онъ скоропостижно умеръ, и подьячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣстію о кончинѣ, виновникъ коей остался неизвѣстнымъ⁴⁾; а Полевой полагалъ, что убійцею былъ самъ Бѣда: «Подьячій *Василій* Бѣда — вѣроятно, самый убійца — опростетью прискакалъ изъ Новгорода въ Москву и извѣстилъ, что Шемяка умеръ»⁵⁾. Изъ сочиненія Вассіана узнаемъ, что «нигъ нѣкихъ человекъ именемъ *Иванъ*, съ быше по наученію нѣкихъ в Великомъ Новѣградѣ слоужа у нѣкогого князя благочѣстива; тѣ господина своего отравою умори, послѣди же зазрѣвъ себѣ облечеся въ иноческый образъ, и прииде въ обитель святаго; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли человека сего, яко ни иноческаго ради образа очистися отъ кровѣ тоя; они же о семъ зѣло подивившася, но тогда въпрашати не смѣюще; послѣди же повѣда блаженныи единому ученику: съ человекъ князя Дмитрея Шемяку отравою убя: того ради и чернычствомъ не очистися отъ кровя тоя».

Вообще жизнеописаніе св. Пафнутія, написанное Вассіаномъ, по духу и значенію, составляетъ одно цѣлое съ тѣми духовно-историческими произведеніями, которыя извѣстны подъ именемъ «Житій святыхъ» и которыми такъ богата наша древняя словесность.

1) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей. Т. V, стр. 31 и IV, 126 и 215.

2) *Карамзина*: Исторія Госуд. Россійск. Т. V, прим. 357.

3) Полное Собраніе Р. Лѣтописей. Т. V, стр. 271.

4) Исторія Карамзина. Т. V, стр. 341—342 изд. 6.

5) *Полевой*: Исторія Русскаго народа. Т. V, стр. 401—402.

III.

Обозрѣніе литературныхъ памятниковъ по духу и содержанию находится въ самой живой связи съ обозрѣніемъ ихъ по языку и слогу¹⁾.

1) Замѣтимъ нѣсколько подробностей. Въ отношеніи къ звукамъ: Посланіе. во вся дни живота вашего. — божество. — многія сУмѣжныя странамъ нашимъ. — утверЖенному. — бОрОнити. — обОрОняху. — преЖдебывшимъ. — постраЖуть. — напреЖе тебе. — надеЖу. — вреЖенъ. — разДрушеніе.

утверЖденіе. — ЕДИНако. — хоЩеши. — преЖдебывшимъ. — нуЖди. — тойЖде. — ноЩе. — омРАчаеми. — хРАбрость. — здРАвъ.

Житіе. — принуЖаеми. — рассуЖеніа. — утверЖаше. — надъЖею. — страЖущи. — чюЖей. — разДрушеніе. — меЖю, труЖающихся.

зиЖдуЩа. — стражюЩи. — юва. — ЕДИномъ.

Въ отношеніи къ формамъ: Посланіе. Княземъ и благочестивымъ бояромъ. — съ всеми соборы. — яко истинни приснаа церковнаа чада восприимуть вѣнца нетлѣнныи. — сопротивляеся сыроудцемъ.

оставляеши насъ яко овца не имуща пастыря. — и покорить враи твоа. — лучше тебѣ солгашу животь получитьи. нежели истинствовашу погибнути. — на тебѣ и на твоємъ сыну.

посреди земля. — отъ Божіа молоніа омрачаеми.

о духовный сыну! — о пастырю! — царю!

гдѣ хоцещи воцаритися, погубь врученное ти отъ Бога стадо. — избавлей Израйля и преславнаа содѣляый.

работаша имъ иноплеменици; а въ другомъ мѣстѣ: работашу иноплеменици.

Житіе. — Паенотіе больша простираеся к подвигомъ. — имыи садовіе благодѣотнаа дрѣвеса. — обои въ благочестіи сіающе бяхоу и соблюдающе заповеди благыа. — бяху же тогда воды разливаешся.

межю двѣма рѣками.

начать рѣйтися и бродити.

отъ душа. — до землѣ. — ис келіа.

Въ синтаксическомъ отношеніи: Посланіе. Дательный самостоятельный: Боу тако изволившу. — Господу ти помогаюшу. — Мѣстоименіе иже съ причастіемъ: открылся гнѣвъ Божій человѣкомъ, иже истинну въ неправду держачимъ. — и подвижающийся ему иже до смерти.

Противу съ дательнымъ: противу безбожному бесерменству. — противу волку. —

Союзъ равно яко; вѣнци мученическими почтени быша, равно яко и первіи мученици.

Одно отрицаніе: нимало спротивлешся. — ни чимъ же врежешъ. — не убояся татарскаго множества (= множества Татаръ). — не пощадѣ живота своего избавленіа ради христьянскаго (= ради избавленія христіанъ).

Соображая данныя, встрѣчаемыя въ сочиленіяхъ Вассіана, мы приходимъ къ заключенію, что въ языкѣ ихъ господствуютъ

Дополненіе передъ дополняемымъ: но и *раю насмѣдника* сотвори его.—отъ Бога *согрѣшеніемъ оставленіа* приаша. — Отсюда переходъ къ сложнымъ словамъ: *Богомъ вѣнчанному*.—*Богомъ данную*.—со всѣмъ *Богомъ любимымъ* соборомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и: *достойный хваламъ* великій князь Дмитрей.

Другія сложныя слова: о *благочестивой* державѣ; со *христолюбивыми* людьми; *каменосердеченъ*; *остроуміе*; *худоуміе*; *селеречіе*; *благородіе*. спротивлешся океаннымъ симъ *сыролюдцемъ* (такъ Вассіанъ называетъ Татаръ). аще покасаея *вседушно* престати отъ грѣха.

Житіе. О неполѣзныхъ же и о поустошныхъ ни *мало брени*.—*блаженному възклонившуся*, зрѣть нѣкоего черна виденіемъ. — сокрушати желѣза, въ нихъ же *связанноу емоу соущоу дръжимоу*.—

искони же ненавидяи добра врагъ *душамъ губитель*.—

Въ повѣствованіи часто употребляется настоящее время вмѣсто прошедшаго: Лишенія ради свѣта очію *оставляетъ* паству и *бываетъ* присельникъ въ обитель... възсхотѣ же и ученика *послѣдовати* емоу, *настояще* обители не поволи быти томоу... *блаженный же молить* старца оставити его тоу... *отходитъ* тамо идѣже прежде пасыи Христова стадо словесныхъ овецъ.—

Богъ да Пречистамъ Богородица.

Въ Посланіи замѣчательны слѣдующія выраженія: *усты ко устомъ* глаголати (ср *рука объ руку* и пр. и пр.).—*вся сія на сердци своемъ положьшу*.—*приде* же оубо въ *слухи наши*.—но безъ сомнѣнія *вскочи въ подвизъ* и напередъ *выѣха* и *въ лице ставъ* противу Мамаю.—

иныя страны прѣимаху подѣ себе.—

казнью повелѣ *казнити*.—

и се убо *который* пророкъ пророчествова или апостолъ *который* или святитель *научи*.—

молю же и о семъ царское твое *остроуміе* и Богомъ данную ти премудрость. да не позавриши моему *худоумію*.—

Употребленіе множественнаго числа вмѣсто единственнаго, какъ авторскій пріемъ, выразившійся въ языкѣ: нынѣ же *слышахомъ*.—и се убо *якоже слышахомъ*, безбожный Агарянскыи языкъ приближися къ странамъ нашимъ.—*паче насъ ты вѣси*.—

Особенное вниманіе обращаютъ на себя слова, употребляемыя въ разныхъ значеніяхъ, и частое употребленіе словъ, выражающихъ понятія отвлеченныя:

Слово *держава* употребляется въ значеніяхъ различныхъ: возмогай о Господѣ въ *державѣ* и крѣпости.—потребною и лѣпною памятыю о *благочестивѣй* вашей *державѣ*.—молюся твоей *державѣ*, не послушай совѣта ихъ.—*духовъ же лѣстивыхъ*, шепчущихъ въ ухо твоей *державѣ*.

благословеніе на тебѣ и на твоемъ сыну и на всемъ твоемъ *государствѣ* (или господствѣ).—и мирно да будетъ и многолѣтно ваше *государство* побѣдно.

молю убо *величество* твое да не прогнѣвашися на мое *смирение*.

дерзнухъ написати къ твоему *благородству*. вкушѣ же и намъ *богомолцемъ* вашего *благородіа*.

одинаково оба элемента: и Церковно-славянский и Русский. Первый, будучи существенно необходимымъ по самому характеру произведеній, не является исключительно господствующимъ ни

Въ Житіи: (Батый) поущень бысть на Россійскій *островъ*, якоже серпъ егоже пророкъ видѣ.

разсуди же острою *промысла* (т. е. силою ума).

ослѣпи бо діаволь очеса ихъ острою безоумнаго хоудаго и всепагоубнаго смысла.

възрадити — соорудить: възрадити церковь, възрадиша храмъ.

(Одинъ князь послать зажечь обитель; но посланные, увидѣвъ св. Пафнутія въ трудахъ съ братією, не могли рѣшиться на зло и) възрацахуся *бездѣли*, къ пославшему ихъ.

на *обѣдъ* и *вечерю*.

такowymъ *прослутіемъ* *наставляеми* (=руководимые такою славою).

дѣлу касатися—браться за дѣло. *отравою уби*. *отравою умори*.

промысломъ. Божіимъ *снабдѣвахуся* отъ напрасныя смерти.

и всякъ *оудобныи* страхъ отриноувше.

санъ—священническая одежда.

и начать *рыитися* и бродити сѣмо и овамо.

оужастивши того.

(старецъ) всегда слезы теплы *безъ цюука* испощаще.

зряще *очивѣсть* дѣмоны многы.

псалмы давидовы *транесословяше*.

изыде ис келіа въ *проустъ* спрѣчь в *спни*.

ископаша *гробъ* по завѣщанію святаго.

Причастіе *настои* въ именит. и въ родит.: по сѣвѣту *настоющего*, употребляется въ значеніи существительнаго (*настоятель*), подобно *prinserz*, *heiland* и пр.

Замѣчательно отличеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ прозвища *простаю* и *мѣстнаю*: живяхоуже (родители св. Пафнутія) в селѣхъ, по *просты* ричи Коудиново нарицаемо. — множество рыбъ, ихъ же *мѣстная* (т. е. Боровская) *рычъ* *сижки* обычен нарицат. — нѣкогда ученику блаженнаго нападе болѣзнь оку, еже *обычною* *рычю* *переломъ* нарицается. — Другая болѣзнь называется безъ оговорки: на самагоже недугъ лють *нападе: своробъ*.

Что медицинскія средства были въ употребленіи у насъ въ XV вѣкѣ, на это въ Житіи указывается слѣдующимъ: «сего *врачьскими хитростями* пѣлитися всячьскы отречена быша».

Особенность въ измѣреніи времени: «Съверши же блаженныи Паѣнотіе седмиоричное *обхожденіе временъ*». — «съвершивъ же въ обители тои пасыи и окормляя Христово стадо словесныхъ овецъ *лѣтъ* *яко тридесатъ обхожденіи временъ*».

Замѣчательны слѣдующія выраженія: отхожахоу *всвояси*.

въ всѣмъ царскыи *поутъ* *юнаше*. — и оттогѣ вся мечтанія *безъ вѣсти* быша. покровенже сыи *мрачнымъ* облакомъ срама.

въ Посланіи, гдѣ много мѣстъ заимствовано изъ Св. Писанія, ни въ Житіи, которое стоить только сравнить въ рукописи и въ печатномъ изданіи, чтобы увидѣть, до какой степени всѣ руссизмы изглажены позднѣйшею редакціею, придавшей языку Житія характеръ исключительно Церковно-славянскій, какимъ онъ является, по дѣленію Востокова¹⁾, въ новомъ періодѣ Славянскаго языка. Смѣшеніе формъ, встрѣчаемое у Вассіана, было общео принадлежностью языка Русскаго въ XV вѣкѣ; самое употребленіе словъ значенія отвлеченнаго составляло одну изъ отличительныхъ чертъ языка того времени, какъ открывается изъ многихъ памятниковъ²⁾. Обиліе словъ отвлеченнаго значенія показываетъ уничтоженіе жизненной свѣжести въ языкѣ, который въ эпоху первобытную, чуждаясь отвлеченности, владѣетъ выраженіями наглядными и изобразительными. Отвлеченность выраженія рапо проникаетъ въ языкъ и долго, весьма долго выражается въ немъ: въ этомъ отношеніи языкъ XV вѣка представляетъ общую черту съ языкомъ XVIII и XIX столѣтія. Выраженія Вассіановы въ родѣ слѣдующихъ: *разсуди промысла*, — *сниде же таковая въ слухъ всему множеству оученикъ въ обители* — близки по характеру съ выраженіями Карамзина въ Письмахъ Русскаго путешественника: «Пойте, горные друзья

едва возможно повинуть того обнажити извоу и въ мнозѣ времени обяывая и прилагам *пластырь покаанія* едва возможно оутвердити къ отчанію порѣвасмый того помысль.

1) Труды Общества любителей Россійской Словесности. 1820. Ч. XVII. Востокова: Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ, стр. 2.

2) Такъ одно изъ Посланій Іоны (Сборникъ скорописью XVI в. Императорской Публичной Библіотеки отд. XVII, № 50) начинается слѣдующимъ образомъ: «Благословеніе Іоны, митрополита Кіевскаго и всея Русіи, о Святомъ Дусѣ возлюбленному сыну нашего *смиренія*, благородному и благовѣрному Князю Юрію Семеновичу. Молитца, сыну, *смиреніе* наше челоуѣколюбцу Богу и пречистѣй Его Богоматери о многолѣтномъ здравіи вашего *благородія*, яко да будетъ ваше *благородіе* душевно *спасительно* и тѣлесно *многолѣтно, здраво* въ въ неисчетная лѣта, а о великой, сыну, вашей *чести* и многихъ дарованіихъ, еже къ Богу и къ церкви Божіей, и къ нашему *смиренію* по вашему *блаотроизволенію*, тамо всемилостивый Богъ и пречистая Его Богомати да воздастъ вамъ вашу пребогатую и сторичную мзду временно же и будущи».

мои, пойте, и *пріятностію* гармоніи услаждайте житейскія горести»,— «Хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія *необходимости*».— Такое сопоставленіе не можетъ, какъ мы думаемъ, показаться страннымъ тому, кто раздѣляетъ убѣжденіе современной науки, что въ языкѣ господствуетъ «смѣсь стараго съ новымъ» и потому въ языкѣ древнемъ можно найти черты, принадлежащія позднѣйшей эпохѣ, и наоборотъ въ современном языкѣ слышатся еще слѣды глубокой древности.— Въ отношеніи къ слогу произведенія Вассіана представляютъ соединеніе простоты и силы съ нѣкотораго рода искусственностью, которое придаетъ имъ особенный характеръ, занимающій средину между слогомъ XII и XIII и слогомъ XVII столѣтія. Выраженія, подобныя такимъ: *покровенъ мрачнымъ облакомъ срама* и т. п. могутъ быть поставлены близко къ тѣмъ прекраснымъ образамъ, которые сохранились въ нашихъ древнихъ памятникахъ, какъ напр. у Кирилла Туровскаго: «кацѣми же плащаницами обію тя, повивающаго мглою землю и небо облакы покрывающаго», или у Серапіона: «всѣмъ казнивъ ны, Богъ не отведеть злаго обычая: нынѣ землею трясеть и колеблетъ: безаконья, *гнѣхи* многия земля *отрясти* *хочеть*, яко *лѣствіе* *отъ древа*». Съ другой стороны слогъ XV вѣка приближается въ нѣкоторыхъ особенностяхъ къ слогу XVII вѣка, и Вассіановъ *псалтырь покаанія* напоминаетъ *аптеку совѣсти* Стефана Яворскаго, любившаго способъ выраженія, подобный слѣдующему: «Пріидите нынѣ вси огневицею грѣховною палими, обладаеміи отъ демоновъ беззаконницы, образъ только человѣческій носящій, а вещь свиніи сущій, приступите и пріимите рецептъ, сіе извѣстнѣйшее и неслестное предписаніе; пріемше же принесите въ *аптеку совѣсти* своея, составите по реченному»¹⁾).

1) Говоря о слогѣ Вассіана, мы должны упомянуть объ эпитетахъ, которые имѣютъ въ первобытную эпоху языка такое обширное значеніе, выражая со всею свѣжестью и вѣрностію воззрѣніе народа. Уже то, что Вассіанъ былъ писатель, а не народный поэтъ, изустно передававшій свои думы, и притомъ жилъ въ вѣкѣ довольно позднемъ для эпического вдохновенія; уже эти

Изъ разсмотрѣнія литературной дѣятельности Вассіана въ трехъ необходимыхъ отношеніяхъ, опредѣляемыхъ самою сущ-

два обстоятельства могутъ служить ручательствомъ, что такихъ многозначительныхъ эпитетовъ встрѣчается у него немного. Но мы считаемъ нужнымъ упомянуть и объ этихъ немногихъ.

Посланіе. Исходиши противу окаянному оному *мысленному волку*, хотя исхитити изъ устъ его *словесное* стадо Христовыхъ овецъ.... Ставь противу окаанному *разумному волку* Мамаю.

Житіе. Отходить тамо, идѣже прежде пасыи Христова стадо *словесныхъ овецъ*. Хотя эпитеты *словесный* и *мысленный* или *разумный* могутъ быть сочтены за переводъ съ Греческаго, подобный, напримѣръ, выраженію Никифора: «имже бо соугоубо есть житіе наше: словесно и безсловесно, и бесплотно и тѣлесно» *) и многимъ другимъ, объясняющимся двоякимъ значеніемъ *слова* и *мысли*, которое имѣетъ въ Греческомъ λόγοςъ съ производными отъ него; однако укоренившееся употребленіе этихъ эпитетовъ едва ли можно приписать одному неумѣнью переводчиковъ, смѣшавшихъ два разныя значенія. Во всякомъ случаѣ нельзя не принять въ соображеніе, что *слово* и *мысль* выражаются словами одного корня не въ одномъ Греческомъ языкѣ, но и въ другихъ, и въ томъ числѣ въ Славянскихъ, въ которыхъ подобное выраженіе принадлежитъ не книжникамъ, находящимся всегда болѣе или менѣе подъ вліяніемъ чужеземнымъ, а живому говору народа. Какъ въ Греческомъ λόγοςъ, такъ въ духовной Латыни *serbit* имѣло такой же двоякій смыслъ; древне-Нѣмецк. *redia* и Готское *rathjo* — *говорить* имѣетъ при себѣ Латинск. *ratio; raison, arraisonner* значили въ средніе вѣка *рече, говорить*. Слово, которое въ однихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ значить *говорить*, въ другихъ *думать*: Болгарское *думамъ* значить *говорю; давати* по Чешски (*hadati*) и по Польски (*gadać*) значить *говорить*, а по Русски *думать, мыслить*, что видно изъ эпическихъ выраженій Южно-Русской поэзіи: «думаетъ-дадаетъ» или «думаетъ-дадаетъ, словами промовляетъ» **), которыя встрѣчаются и въ Сѣверно-Русской, напримѣръ, въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ: «приходитъ отецъ съ матерью въ избу. А ни думано ни дадано стало ихъ дѣтище на ноги крѣпко, пробовалъ силу великую» ***). — *Волкъ* называется *разумнымъ* и *овцы словесными*, ибо употребляется въ значеніи *людей*, а *человѣкъ*, по возрѣвію, сохранившемуся въ языкахъ Славянскихъ и вообще Индо-Европейскихъ, тѣмъ существенно отличается отъ животныхъ, что онъ *говоритъ и мыслитъ*: гомерическій эпитетъ людей μέροτες ἄνθρωποι или οἱ μέροτες происходитъ отъ μέρομαι или μερίζω — дѣлю, раздѣляю и ὄψ, ὅπως — го-лось: животныя не *думаютъ*, а потому и не *говорятъ* и называются *mutum et turpe* ресус; древн.-Нѣм. *dmalandi; ālōtwas* — *brutorum more*; у Нестора: «Ама-

*) Посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. Русскія Достопамятности. Ч. I. стр. 61.

**) Сборникъ Украинскихъ пѣсень, издаваемый М. Максимовичемъ. Кіевъ. 1849. Ч. I, стр. 58 и многія другія.

***)) Русскія народныя сказки, изд. Сахаровымъ. 1841. Ч. I, стр. 67.

ностью литературной характеристики, получаются, по нашему убеждению, слѣдующіе выводы. Во первыхъ, Вассіанъ безспорно

зонане же мужа не имуть; но и аки *скотъ безсловесный* единою лѣтомъ къ вешнымъ днемъ оземьствени будутъ, и сочтаются съ окрестными *мужи*; и пр. *).

Въ Житіи при повѣствованіи о заповѣдныхъ *таврахъ* говорится: *тавраи черноперіи* и *многоязычии*. Эпитетъ *черноперіи* состоитъ въ связи съ эпитетомъ *чръный воронъ* въ Словѣ о полку Игоревѣ; но особенно замѣчательнъ, по нашему мнѣнію, эпитетъ *многоязычии*: онъ есть живой слѣдъ, сохранившійся въ языкѣ отъ его древняго, эпического періода, когда фантазія народа, полная сочувствія съ окружающей его природой, придавала *речь* и *говоръ*, существенное свойство человѣческой природы, другимъ существамъ и предметамъ. Въ подтвержденіе нашей мысли приведемъ нѣсколько данныхъ. Фантазія народа заставляетъ говорить и деревья, и звѣрей, и птицъ. Предкамъ нашимъ извѣстно было повѣрье о говорящихъ деревьяхъ, что видно изъ «книги о Сігвалляхъ колики быша и кіими имены и ѿ предреченіи ихъ» (писанная полуустав. крупнымъ въ 1673 г. хранится въ Румянцовск. Музеумѣ), въ которой говорится: «таже во діавольское предреченіе относятся и *дубъ предречительный*, и конобъ, в Додону Зевсѡва, и бобковинное древо, *иже древесъ предглаюлаша*: и голубъ въ дубѣ глаголющъ: и дресва во Индію ко Александру Великому *Гречески* глаголаша». Эти дресва, говорящія по Гречески, напоминаютъ *Латинскій* или *Волошскій* языкъ, на которомъ, по средневѣковому повѣрью, говорили животныя. Если даръ слова приданъ безмолвнымъ деревьямъ, то еще естественнѣе было придать его предметамъ звучащимъ, что и встрѣчаемъ въ Славянской поэзіи. Въ одной Русской святочной пѣснѣ: «Какъ за горницею, за повадушею не въ гусли играютъ, ни *ѡ свирѣли говорятъ*» **), или въ другой пѣснѣ, въ изд. Сахарова: «У Спаса къ обѣдни звонятъ, у прихода *часы говорятъ*». Но въ особенности царству животныхъ придаетъ *говоръ* народная фантазія; даже рыбы, не смотря на ихъ эпитетъ *безмолвныя* въ нашемъ присловіи: *какъ рыбы безмолвныя*, соотвѣтствующемъ Греческому: *ὡς ἄφωνοι ἰχθύες* ***), представляются въ народной поэзіи говорящими, какъ напр. въ сказкѣ «О Ершѣ Ершовѣ сынѣ Шетинниковѣ», напечатанной въ изданіи Сахарова Русскихъ народн. сказокъ. Изъ животныхъ чаще всѣхъ обладаетъ даромъ слова *конь*. Еще Несторъ записалъ преданіе, хотя и чужое: «Въ Суріи же бысть трусъ великъ, земли разсѣдшия трій поприще, изиде дивно изъ земли мѣска, челоуѣчскимъ гласомъ глаголющи и проповѣдаючи наити языка, еже и бысть» ****). Въ былинѣ изъ вѣка Владиміра *Иванъ гостинной сынъ*: «*проповѣщитъ ему добрый конь челоуѣчимъ, Русскимъ голосомъ*»; тоже въ сказкѣ о Добрычѣ Никитичѣ и во многихъ другихъ. Изъ птицъ своею пѣвучестью или говоромъ извѣстны въ народной поэзіи: и *соловей*, и *птѣхъ*, и *дятель*, и *голубь*,

*) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. Т. I, стр. 7.

**) *Снегирева*: Русскіе простонародные праздники. II, 99.

***) *Снегирева*: Русскіе въ своихъ пословицахъ. I. стр. 88.

****) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей. I. стр. 71.

обладалъ талантомъ: въ преклонныхъ лѣтахъ, на краю гроба написать стройное и въ высшей степени убѣдительное посланіе

и орлы, и въ особенности *галки* и однородные съ ними *вороны*. Соловей отъ *славити*, *слыти*, *слуги*; *пѣтухъ* (церковно-слав. *пѣтълъ*) отъ *пѣти*, подобно Нѣмецк. *Nahe*, происходящему, какъ полагаетъ Я. Гриммъ, отъ потеряннаго глагола *hapan*, соответствующему Латинск. *capere*, Санскр. *kap*; *дятель*, быть можетъ, отъ глагола *дѣяти* или *дѣти* въ смыслѣ *говорить* (ср. у *Нестора*: «ашчѣи кто *дѣть*: вышѣщъ исѣче, то не съ то створи, но сынъ его» I, 86, или частица *де=моу* (отъ *моувити*)=ба (баять) и въ такомъ случаѣ не состоитъ ли названіе *дятель* съ Нѣмецкимъ названіемъ этой птицы: *der Specht*, которое Гриммъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «*der Specht* (wörtlich *der spähende, weissagende vogel*) hieß darum *méroph*, gleich dem Menschen, und in altrömischer wie in altdeutscher sage verweben sich *Picus* und *Bienenwolf* mit heldengeschlechtern» *). О *голубѣ* въ одной Сѣверно-Русской пѣснѣ: «Ужъ, какъ зачалъ голубь ворковать, а голубушка щекотати всякими разными голосами, *человѣчьими словесами*» **). *Орелъ*, присутствовавшій при смерти человѣка, чтобы привать его послѣднюю волю, *говорилъ* съ умирающимъ и объ умершемъ; такъ въ Южно-Русской думѣ: «*Заплаче зозуля, степомъ летючи; закурукуютъ* кречеты сизы; *западаются* орлики хижѣ; да все, усе по своихъ *братяхъ*, по буйныхъ товаришахъ козакахъ ***). Сама дума объясняетъ, почему, когда *зозуля плачетъ*, кречеты *куркуютъ*, *орелъ падаетъ*, такъ же какъ *думаетъ-падаетъ* человѣкъ, объясняетъ, называя *орловъ братьями козаковъ*, и въ Южно-Русской поэзіи есть много прекрасныхъ преданій о *побратимствѣ* умирающихъ козаковъ съ орлами. Особенность *галокъ* и *вороновъ* отъ другихъ птицъ въ отношеніи способности *говорить* видна изъ того, что въ Словѣ о полку Игоревѣ звукамъ другихъ птицъ даются различныя названья: орлы *клекъчутъ*, соловьи *щекочутъ*, сороки *стрекочутъ*, дивъ *кличетъ*, лебеди *кричатъ*, лисицы *бreshутъ*, и т. д., а галки представляются говорящими: «мѣгла поля покрыла, щекотъ славій успе, *говоръ галичъ убудѣ*» ****), или «*галици свою рѣчь говоряхуть*, хотятъ полетѣти на уедѣе» *****). Съ выраженіемъ Слова о полку Игоревѣ стоитъ въ прямой связи эпитетъ *многоязычній изврани*; онъ оправдывается и повѣствованіемъ о карѣ за ихъ умерщвленіе, находящемся въ Житіи, и всего болѣе многочисленными преданьями, живущими въ народной поэзіи, въ которой *воронъ* является постоянно птицею *вѣщей*, обыкновенно *вѣстникомъ* смерти или несчастія. Въ заключеніе замѣтимъ, что народная фантазія, придавая человѣческой даръ слова *воронамъ*, *галкамъ* и другимъ животнымъ, вѣстѣ съ тѣмъ удержала въ языкѣ намеки о *единствѣ языка человѣческаго*, не смотря на разнообразіе говорящихъ имъ народовъ. Нашъ народъ даже вмѣсто того, чтобы сказать о комъ либо: *онъ говоритъ на разныхъ языкахъ*, употребляетъ выраженіе: *онъ говоритъ на*

*) Ueber den Ursprung der Sprache, von Jacob Grimm. 1852. стр. 19.

**) Сахарова: Сказанія Русскаго народа. Т. I, кн. 3, стр. 165.

**) Максимовича: Сборникъ Украинскихъ пѣсень. стр. 59.

****) Русскія достопамятности. Ч. III, стр. 46.

*****) Ibid. стр. 82.

могъ только человѣкъ, одаренный истиннымъ талантомъ. Во вторыхъ, Вассіанъ былъ писатель образованный: это доказывается начитанностью его въ Св. Писаніи и короткимъ знакомствомъ съ классическимъ произведеніемъ извѣстной эпохи, сборникомъ «Пчелою». Придавая такое значеніе послѣднему обстоятельству, не думаемъ, чтобы мы преувеличивали дѣло; ибо нельзя не считать признакомъ образованности знакомства съ памятникомъ, который служитъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ выраженій современной ему образованности, и потому долженъ занять видное мѣсто въ исторіи словесности, которое указалъ ему еще знаменитый Фабрицій, высказавшій свой взглядъ во вступленіи къ сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ о Строевой Антологіи. Въ третьихъ наконецъ, отдавая должную справедливость Вассіану, какъ писателю, мы должны признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не былъ единственнымъ исключеніемъ въ кругу современниковъ, а трудился на одномъ поприщѣ съ другими писателями. Самые виды произведеній Вассіана доказываютъ справедливость сказаннаго нами: Вассіанъ писалъ поученія, житіе, посланіе; а извѣстно, что поученія и житія составляютъ два вида древней Русской

разные языки, т. е. какъ бы на разные тоны языка, что невольно приводитъ на мысль одно преданіе о раздѣленіи языковъ, существующее на Европейской почвѣ. Эстонское преданіе говоритъ, что когда прежнее жилище оказалось слишкомъ тѣснымъ для людей, древній Богъ опредѣлилъ распространиться людямъ по всему земному шару и каждому народу имѣть свой особый языкъ: для этого поставилъ онъ котелъ съ водою на огонь, и заставилъ народы поочередно подходить къ котлу и брать себѣ въ языкъ тоны, издаваемые кипящею водою *). Въ печатномъ изданіи Житія эпитетъ *многоязычній* пропущенъ, да и въ самомъ Вассіанѣ, употребившемъ этотъ эпитетъ, образованнымъ писателемъ XV вѣка, странно и предполагать полное сочувствіе съ народнопоэтическимъ образомъ представленія; но таково свойство творческой силы, оживляющей языкъ, что она, создавши изъ него стройное цѣлое, въ которомъ каждое слово было полножизненнымъ выраженіемъ народной мысли, народнаго чувства и народной фантазіи, въ послѣдствіи хотя и ослабѣла, но все таки сохраняетъ въ языкѣ черты отдаленной древности, и дѣло науки — открывать, по мѣрѣ возможности, эти черты, не пренебрегая ни однимъ фактомъ, представляемымъ исторіею языка.

*) *Grimm: Ueber den Ursprung der Sprache.* стр. 29.

словесности, особенно богатые памятниками; посланій также сохранилось довольно много. Даже объ одномъ и томъ же предметѣ и по одному и тому же поводу съ Вассіаномъ писали къ великому князю и митрополитъ Геронтій, и Паисій, игуменъ Троицкій. Такая связь произведеній Вассіана съ господствовавшимъ въ его время направленіемъ словесности, нисколько не уменьшая ихъ литературнаго значенія, представляетъ, съ одной стороны, въ выгодномъ свѣтѣ самый вѣкъ Вассіана, съ другой дѣлаетъ изученіе ихъ тѣмъ болѣе необходимымъ для познанія современной имъ внутренней жизни народа, для опредѣленія характера народной образованности. Отсюда сама собою вытекаетъ мысль, что Вассіанъ, какъ одинъ изъ образованныхъ людей и талантливыхъ писателей Русскихъ XV вѣка, имѣетъ неоспоримое право на вниманіе исторіи при разсмотрѣніи внутренней жизни Русскаго народа въ XV столѣтіи.

Исторія ¹⁾ о славномъ и храбромъ Александрѣ, ковалерѣ російскомъ ²⁾.

Опыты повѣстей, въ той или другой формѣ, встрѣчаются въ нашей литературѣ въ разные вѣка. Эти опыты — преимущественно переводные или же составлены подъ сильнымъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ. Въ періодъ древній преобладало вліяніе византійское. Оно придало и повѣствовательной литературѣ характеръ частью наставительный, частью мистическій. Лучшимъ доказательствомъ служить богатѣйшій отдѣлъ старинной словесности нашей — жизнеописанія и тѣ повѣсти, которыя состоятъ съ ними въ ближайшей связи. Замѣчательно, что и изъ сочиненій свѣтскихъ были въ ходу особенно тѣ, которыя не лишены назидательности. Такова, напримѣръ, сказка, переведенная изъ Тысячи и одной ночи, о Синагрипѣ (Сенхарибѣ) и Акирѣ (Гейкарѣ). Акиръ усыновилъ племянника своего, Надана. Неблагодарный Наданъ оказался клеветникомъ и измѣнникомъ, и Акиръ долженъ былъ претерпѣть много горя. Но правда восторжествовала: Акиръ взысканъ милостями, а Наданъ преданъ мучительному наказанью, и т. п.

1) Библіотека для Чтенія, 1858 г., № 11.

2) Мы пользовались двумя списками этой повѣсти, принадлежащими графу Уварову: № 601, Q (Царск. 453), сборникъ, въ которомъ повѣсть названа такъ: «Исторія о славномъ, храбромъ Александрѣ, ковалерѣ російскомъ», — и № 880, Q, заключающ. въ себѣ только «Исторію о російскомъ дворянинѣ, храбромъ ковалерѣ Александрѣ».

Съ теченьемъ времени на нашу литературу стали оказывать вліяніе, хотя и посредственное, литературы западныя. Опыты беллетристики, повѣсти, рыцарскіе романы, шуточные рассказы и т. д. переводились съ польскаго языка на русскій. Два предѣла новаго рода словесности, извѣстнаго предкамъ нашимъ, составляютъ: Зерцало — сборникъ нравственно-занимательныхъ повѣстей, и Жарты — шутки, забавные анекдоты.

Число переводныхъ повѣстей довольно значательно; число оригинальныхъ весьма невелико. Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ стоитъ почти особнякомъ; два-три другіе опыта отлѣчаются отъ нея во многихъ отношеніяхъ. Ближе другихъ къ «Исторіи о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ» — «Исторія о російскомъ дворянинѣ Александрѣ»¹⁾.

Исторія объ Александрѣ еще неизвѣстна въ печати, и потому мы рѣшились представить очеркъ ея содержанія. Въ ней описываются приключенія двухъ русскихъ, молодыхъ людей, путешествующихъ за границу и наблюдающихъ заморскіе нравы, но только съ одной стороны, именно — женскаго населенія различныхъ странъ Европы. Наблюденія и отчасти успѣхи дорого обошлись нашимъ туристамъ: имъ доставалось и отъ оскорбленныхъ мужей, и отъ милаго лукавства женъ. Но иногда имъ улыбалось и счастье: иностранка увлекалась русскимъ путешественникомъ, огорчая тѣмъ своего мужа, капитана, и еще болѣе студента, жившаго въ томъ же городѣ. Главный интересъ повѣсти заключается въ взаимной любви героевъ и героинь; средствами для объясненія служатъ обыкновенно письма, аріи и конфиденты. Довольно забавно выраженіе заморскихъ любезностей стариннымъ русскимъ языкомъ съ примѣсью славянизмовъ. Чтобы познакомить и съ приемами, и съ языкомъ, мы приводимъ нѣкоторые мѣста въ подлинникѣ.

1) Она уступаетъ повѣсти о Скобѣевѣ въ оригинальности: заимствованіа въ ней очевидны; но въ цѣломъ она представляетъ опытъ свѣтской повѣсти, знакомящій со вкусомъ старинныхъ читателей нашихъ.

Повѣсть начинается такъ:

«Въ великой Россіи бысть нѣкій человекъ Іоаннъ, жену имѣлъ Настасію, зѣло лѣпообразну, и между ими въ супружествѣ сожитіе доброе происходило, но точію въ дѣторожденіи безсчастливы были. И по нѣколикихъ прешедшихъ лѣтѣхъ отъ Создателя счастье получили въ рожденіи единого сына, которому наречено имя Александръ, вельми прекрасенъ¹⁾. И по возрастѣ его семилѣтнемъ отдали его въ школу по обученію политики. Тогда Александръ въ наукѣ великое снисканіе имѣлъ, и наукою своею превзошелъ прочихъ. Однакожъ тѣмъ доволенъ быть не могъ, и по случаю взялъ вымыслъ, свое разсужденіе о европейскихъ государствахъ и славныхъ академіяхъ науками цвѣтущихъ, возымѣлъ намѣреніе до нихъ ѣхать, и всегда совѣстію къ тому побужденъ былъ искать приличнаго случая, како бы могъ и родителей своихъ объ отпускѣ позволеніе получить. И въ нѣкоторый день приде въ палату предъ родителей своихъ, началъ говорить о намѣреніи своемъ: «премилостивѣйшіе и дражайшіе государи родители! уже извѣстно вашему благородію, что, по волѣ вашей, желаемого отъ здѣшнихъ школъ я не лишился, и къ тому о присовокупленіи охоту воспріялъ, дабы видѣть въ европейскихъ государствахъ славно процвѣтающія въ наукахъ академіи, и въ томъ дерзость возымѣлъ, еже бы у васъ милость упросити. И, конечно, безсовѣстная моя была дерзость, ежелибы не многіе образцы къ тому свидѣтельствовались, понеже во всемъ свѣтѣ до единого обычай имѣютъ родители чадъ своихъ обучать, и потомъ въ другія государства для пріобрѣтенія лучшей чести и славы отпускать. . . . прошу учинить

1) Таково начало повѣсти въ рукописи № 601; въ рукописи же № 880 оно передается нѣсколько иначе: «Бысть въ славномъ и стольномъ градѣ Москвѣ нѣкій человекъ знатный дворянинъ, именемъ Димитрій, смѣльствомъ, храбростью и учтивствомъ зѣло украшенъ, и ко всякому добронравству весьма былъ рачителенъ, и бѣдныхъ призиралъ, за что ему Богъ даровалъ сына, лѣпообразна юношу, которому равное красотѣ его имя дадеся — Александръ», и т. д.

меня равно съ подобными мнѣ, понеже чрезъ удержаніе свое можете мнѣ вѣчное поношеніе учинить, и како могу назваться и чѣмъ похваляюся, не токмо похвалитися, но и дворяниномъ называться не буду»...

Родители благословили Александра на путь, и, въ знакъ своего благословенія, дали два золотыхъ кольца, запретивъ отдавать ихъ кому бы то ни было. Получивъ согласіе родителей, Александръ беретъ съ собой раба, по имени Евѣла, и отправляется съ нимъ въ путь. Черезъ нѣсколько дней они пріѣзжаютъ въ Парижъ, и потомъ въ Лилль, о которомъ слышали много чудеснаго. Лилль превзошелъ ожиданія Александра; онъ былъ очарованъ дивнымъ городомъ, и рѣшился остаться въ немъ на долго. Жители Лилля дивились красотѣ лица и остротѣ ума Александра, и отдавали ему преимущество предъ всѣми кавалерами. Но, не смотря на всѣ пріятности новаго мѣстопробыванія, Александра стала мучить тоска. Однажды къ вечеру нашло на него тяжелое уныніе; онъ сталъ играть на флейтѣ, чтобы разсѣять тоску свою. Звуки флейты разбудили его сосѣдку, дочь пастора, Елеонору. Она послала дѣвку свою, Ассирію, узнать, кто играетъ, а сама сѣла у окна, и слушала съ великимъ умиленіемъ. Александръ разузналъ о цѣли посольства, вышелъ посмотреть на Елеонору, сидѣвшую у окна, и возвратился влюбленнымъ. Подаривъ Ассирію двадцать червонныхъ, онъ пріобрѣлъ въ ней усердную конфидентку, которая и присовѣтовала ему написать письмо къ Елеонорѣ. Вотъ оно:

«Дражайшая Елеонора, моя государыня! Коль велию печаль и беспокойство вчерашній вашъ вопросъ во мнѣ умножилъ, и двлюся, какъ возмогла такое великое пламя горячности съ высоты во утробу мою вложить, которое меня столько палитъ, что уже терпѣти не возмогу. Того ради покорно прошу, буди врачъ болѣзни моея, ибо никакимъ дохтуромъ отъята быть не можетъ; аще же съ помощію не ускоришь, страшуся, да не будешь убійца. Паки молю, не облѣнясь съ помощію здѣ предстаті; и ежели учинишь, припишу корысть на сердцѣ своемъ, и вѣрность

моя до гроба не оскудѣтъ, въ которой и днесь пребываю, склоннѣйшій слуга Александръ».

Елеонора возвратила письмо съ надписью: «надежду вручаю, просьбы ожидаю; желаніе получишь, а здравіе погубишь». Александръ въ отчаяніи отиравился за городъ, легъ на полянѣ лицомъ къ городу, и, смотря на него, «прослезился, и тако въ размышленіи о несклонной любви Елеонориной долго пребывалъ ту, и запѣлъ арію сие:

Дивну красоту твою, граде Лилле, я нынѣ зрю.

Врата имашъ позлащенны,

Внутрь те копія изошренны,

Что чинишь со мною прю?

Стѣнами крѣпчайшими отвсюду окружень,

Тобою азъ уязвленъ.

Коей похвалѣ ты днесь имамъ предати?

Храбрость мою уничтожилъ,

Печали во мнѣ умножилъ,

Покинь стрѣлы метати», и т. д.

Горе изнурило силы Александра, и онъ занемогъ горячкою. По выздоровленіи, онъ вспомнилъ о долгѣ, обвинялъ себя въ томъ, что напрасно потерялъ столько времени и до сихъ поръ не видалъ ратнаго поля. Но желаніе продолжать «амуръ» превозмогло. Онъ уговорилъ знакомаго купца сдѣлать ассамблею и пригласить Елеонору. На этой ассамблеѣ Александръ и Елеонора сидѣли за особеннымъ столомъ, «забавлялись въ карты» и тихо напѣвали арію, увѣряя другъ друга въ любви. Александръ выразилъ удивленье, что арія Елеоноры мгновенно сдѣлала то, чего не могли сдѣлать никакіе медикаменты—совершенно излѣчила его. Елеонора замѣтила на это, что если онъ хочетъ дѣйствительно выздороветь, то, чтобы въ третьемъ часу ночи пришелъ къ ней, черезъ заднее крыльцо, за рецептомъ, по которому навѣрно освободится отъ болѣзни и будетъ здоровѣе прежняго. Въ залогъ вѣрности Александръ прислалъ Елеонорѣ завѣтное кольцо,

данное ему родителями. Ласки, теплыя рѣчи, поцѣлуи встрѣтили ночнаго гостя, и послужили ему спасительнымъ рецептомъ. Александръ вполнѣ отдался Елеонорѣ, и она въ теченье трехъ лѣтъ держала его въ неволѣ, не позволяя ему никакихъ отлучекъ кромѣ посѣщеній ея въ урочное время. Любовный плѣнъ становится ему несноснымъ, но его выручило новое знакомство. Дочь пастора встрѣтила неожиданную соперницу въ дочери генерала. Бой былъ труденъ: генеральская дочь повела атаку самымъ рѣшительнымъ образомъ. Она прислала Александру такое письмо:

«Любезнѣйшій Александръ! За невозможностью скрыть, сими малѣйшими строками вамъ сердечную мою любовь объявляю, которая меня съ единаго взора на красоту вашу въ постель положила. И знаю, что Елеонору вѣрнымъ сердцемъ любишь, однакожъ всѣми добротами единой владѣть, мню, черезъ мѣру много, ибо Елеонора того недостойна. Того ради слезно прошу, учини меня столько счастливою, чтобы я хотя малый знакъ любви вашей имѣла, и еще мя въ болѣзни посѣтити облѣгившися, вскорѣ узриши мя предъ дверя твоя кватерны мертву. Остаюсь ваша вѣрнѣйшая до смерти, Гедвигъ Доротея».

Не довольствуясь перепискою, Доротея рѣшилась преслѣдовать Александра; является передъ нимъ съ мечемъ и объявляетъ, что умертвить себя, если Александръ останется непреклоннымъ. Онъ уступилъ настойчивому желанью, но скоро раскаялся въ своей слабости, и на всѣ страстныя воззванія отвѣчалъ невозмутимымъ спокойствіемъ и холодною. Отношенія Доротеи къ Александру глубоко огорчали Елеонору и наконецъ свели ее въ могилу. Умирая, она призвала соперницу, и великодушно простила ее. Ни смерть Елеоноры, ни ея великодушіе не подѣйствовали на Доротею; она продолжала свои преслѣдованія. Но Александръ остался вѣренъ замогильной любви: мертвую Елеонору любилъ болѣе, нежели живую Доротею.

Послѣ смерти Елеоноры Александръ переѣхалъ въ Парижъ. Въ Парижѣ встрѣтился онъ съ землякомъ своимъ, Владиміромъ,

и «сдѣлалась внезапно между ними такая обязательная дружба», что обѣщались умереть другъ за друга. Выслушавъ разсказъ о похожденіяхъ своего новаго друга, Александръ спросилъ у него, не знаетъ ли онъ какой дѣвицы, чтобы «была умна и лѣпообразна, съ которою бы спознаться». Владиміръ назвалъ Тиру, дочь королевскаго гофмаршала. Александръ влюбился въ нее также скоропостижно, какъ и въ Елеонору; познакомившись съ ея пажомъ, немедленно переслалъ ей письмо, и получилъ грозный отвѣтъ. Впрочемъ, отказъ не опечалилъ нашего героя; онъ разсуждалъ такъ: «если бы она вправду была разгнѣвана, то ужъ навѣрно отомстила бы мнѣ сейчасъ же: не попытать ли еще счастья», и послалъ другое письмо, въ которомъ умолялъ не откладывать казни. Тира явилась въ его жилище, и нанесла своему поклоннику три легкія раны. Удостоверившись такимъ образомъ въ преданности Александра, она закончила съ нимъ союзъ вѣчной дружбы на такихъ условіяхъ: «ежели ты меня любить хочешь для одного лакомства, и въ томъ вамъ запрещаю, и прошу, извольте безъ труда отстать; а ежели вѣнецъ дѣвства моего будешь осторожно хранить и братски со мною жить, дай ты въ томъ вѣрную присягу». Александръ видался съ дочерью гофмаршала въ саду, переодѣваясь въ женское платье. Но ихъ частыя свиданья не могли укрыться отъ ревнивыхъ взглядовъ ея компаніоттовъ. Французскіе львы рѣзко выражали свое негодованіе за предпочтеніе имъ русскаго пріѣзжаго! Чтобы избавить и себя, и Тиру отъ преслѣдованій и мести, Александръ рѣшился удалиться изъ Парижа. Тира изъявила непоколебимое желаніе всюду ему сопутствовать; она одѣлась въ рыцарское платье и отправилась въ далекій путь съ Александромъ и Владиміромъ. Путешествіе было для всѣхъ трехъ рядомъ несчастій. Нападеніе разбойниковъ раздѣлило друзей, и Александръ, потерявъ свою Тиру, рѣшился продолжать одинокій путь съ тѣмъ, чтобы во что бы то ни стало, отыскать ее. Плачъ Александра привлекъ ѣхавшаго близко рыцаря Тигранора; укоры его повели къ жаркому бою, кончившемуся заключеніемъ союза: противники

назвались братьями и поклялись дѣйствовать за-одно. Нѣсколько подобныхъ встрѣчъ предстояло нашему герою; всѣ онѣ одинаковаго рода, и описаніе ихъ можно найти въ любомъ рыцарскомъ романѣ. Александръ является всюду таинственнымъ рыцаремъ, съ разными девизами: кавалеръ гнѣва, кавалеръ побѣды, кавалеръ сѣтованія, и т. п. Мѣста дѣйствія — Франція, Египетъ, Англія, Амстердамъ, Флорида, Китай, Индія, и т. д. — измѣняются быстро: воображаніе автора, управлявшаго рыцарскими подвигами «россійскаго ковалера», не стѣнялось ни географическими условіями, ни отсутствіемъ путей сообщенія. Послѣ долгихъ странствованій, Александръ находитъ Тиру, и они отправляются въ Россію, Но мѣра несчастій ихъ еще не исполнилась. Буря занесла корабль, на которомъ плыли они, въ невѣдомую страну; Тиру продали въ Китай, а Александра во Флориду. Александръ успѣлъ однакожь похитить Тиру, и въ сопровожденіи Владиміра, они снова втроемъ направляли путь свой въ Россію. Доѣхавъ до рѣки, два друга рѣшились переплыть ее, оставивъ Тиру при лошадахъ; Владиміръ едва доплылъ до берега, а Александръ утонулъ. Тира нашла Владиміра въ совершенномъ изнеможеніи, и узнала о гибели Александра. Трупъ его только на третій день выброшенъ былъ на берегъ. Тира въ отчаяніи поразила себя мечемъ, и кровь ея и слезы оросили трупъ ея вѣрнаго друга. Владиміръ похоронилъ ихъ вмѣстѣ у моря, на горѣ. Оплакавъ своихъ спутниковъ, Владиміръ выѣхалъ на дорогу, и встрѣтилъ тамъ уже пзвѣстную читателямъ Доротею. Хотя она была уже замужемъ, но прежняя любовь вспыхнула въ ея сердцѣ. Поехавъ на свѣжую могилу, Доротея предалась изліянію своего горя о погибели Александра и своей ненависти къ недостойной его пзбавилицѣ: «зачѣмъ, — говорила она, обращаясь къ трупу Александра, — ты положилъ подлѣ себя французскую славную . . . , вѣрная твоя Доротея легла бы съ тобою». Злая женщина не простила своей соперницы и за гробомъ; вытащила ее изъ могилы за волосы, хотѣла сбросить съ горы, но, въ порывѣ ярости, упала сама, пзломала себѣ руки, ноги, го-

лову, словомъ ушиблась до смерти. Владиміръ снова заплакалъ надъ Александромъ и Тирою, посмѣялся надъ Доротеєю, собралъ три трупа. Александра положилъ посредиѣ, Тиру по правую, а Доротею по лѣвую сторону. Приѣхавъ въ Россію, Владиміръ сказалъ старикамъ о несчастіи, о гибели ихъ дѣтища, возвращеніе котораго было для нихъ единственною надеждою. Не пережили своей потери подавленные горемъ старики и скоро «переселились въ вѣчныя селенія».

Таково содержаніе «Исторіи объ Александрѣ». Она прерывается двумя весьма длинными эпизодами — рассказомъ о походе Владиміра и разговоромъ трехъ рыцарей.

Похожденія Владиміра, и въ Россіи и за границею, имѣютъ одну цѣль — успѣхъ въ любовныхъ интригахъ. Гдѣ бы ни былъ онъ, въ Россіи, въ Германіи, во Франціи и Англіи и т. д., всюду прежде всего старается пріобрѣсти себѣ знакомства въ женскомъ кругу. Свои успѣхи и неудачи онъ самъ описываетъ такимъ образомъ ¹⁾:

«Поѣхалъ я въ Нижнюю Германію, и, приѣхавъ въ графство Чешское, пришелъ въ оперу и тамо видѣлъ трехъ дамъ средняго характера, за которыми прилежно примѣчалъ, и, чрезъ нѣкоторыя мины, каждой о себѣ давалъ я имъ желаніе мое знати, но ни отъ одной привѣта не получилъ: того ради и прочъ отъ нихъ пошелъ. А какъ изъ оперы пошли вонъ, тогда я, пришедъ къ нимъ, политически позволенія просилъ; тогда они каждая свой терминъ назначили, когда мнѣ къ нимъ приходить. Однакожъ того вечера про то не пропустилъ: съ одною сѣлъ въ карету и проводилъ ее до дому, а она меня къ себѣ ночевать просила... И абіе великій на дворѣ шумъ стался, который мнѣ великій страхъ далъ, для чего я ее и просилъ, кто приѣхалъ и камо сохранился могу? Онажъ мнѣ велѣла подъ кровать лѣзти, подъ которою нарочно для умышленно положены были тернія. И между тѣмъ нашими разговоры мужъ ея въ палату вшелъ

1) По рукописи № 601.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

безъ огня. А я бѣдный принужденъ былъ лѣзти подъ кровать; а егда свѣчу съ огнемъ принесли, тогда онъ страху рѣзво подъ кроватію къ стѣнѣ подбился, а тернія сквозь тонкую сорочку тѣло мое такъ немилостиво уязвлять начали, что едва до утра вытерпѣть могъ... Дождавшись вечера, пошелъ я къ другой, и она повела меня въ особливую хранищу, говоря: тамо обрящешь одръ, на которомъ дожидайся меня. Азъ же съ великою радостію вѣсѣмъ корпусомъ чрезъ порогъ сунулся, абіе въ погребѣ очутился, а послѣ единъ отъ рабовъ меня выпустилъ. А понеже отъ природы зѣло любопытенъ, сего ради возревновалъ зрѣти, что и третья со мною сдѣлаетъ, и третью рекомендацію учинить. Того ради ввечеру къ ней пришелъ, долгое время сидѣли и пили съ нею, я между тѣмъ, знатно, въ питіе она вложила сонное лѣкарство, отъ котораго, сидя, заснулъ такъ крѣпко, что платье съ меня сняли, и положили на доску, вынесли на улицу, и подставили подъ дождевой жолобъ. Въ ту ночь былъ великій громъ и дождь, изъ жолоба великая вода такъ крѣпко меня била, что принужденъ былъ отъ сна возстать; и въ великое недоумѣніе пришелъ, отчего такая срамота съ мною учинилась, и егда дознался, разгнѣвался», и т. д.

Разговоръ трехъ рыцарей, или «кавалеровъ», касается того же предмета, на которомъ сосредоточивается интересъ повѣсти, то есть женщинъ. Темою разговора служитъ вопросъ: много ли на свѣтѣ добрыхъ женъ сыщется? Двое изъ разговаривающихъ—прускій (по друг. список. турскій) баронъ, и баронъ датскій—говорятъ, съ большею или меньшею рѣзкостью, противъ женщинъ; третій же собесѣдникъ—французскій (по друг. список. саксонскій) дворянинъ смотритъ на нихъ гораздо благопріятнѣе. Противники нападаютъ на женскую обходительность, граціозность, милое остроуміе, кокетство, ревность, а также на излишнюю услужливость и увлеченіе со стороны мужчинъ. Одинъ изъ бароновъ такъ отзывается о женщинахъ: «ихъ танцованія и прельстивая политика, особливозъ скорые на все отвѣты, не токмо амурѣ содѣваютъ, но и намъ даютъ рѣзвую бодрость и

смѣлство милости просити». Защитникъ ихъ возражаетъ: «лѣпо-образнымъ женамъ непристойно безъ политики; всякій острый отвѣтъ изъ ума дастся. Сами вы виноваты, почто чрезъ письма и презенты домогаетесь, но не всегда получаете» и т. д. На это отвѣчаетъ ему противникъ: «правду ты говоришь, да вѣрить нечему. Которыя съ политикою всегда обходятся, и въ веселыя компаніи часто ходятъ, уже въ ребрахъ ихъ любимцы домъ построили... Многіе наша братья отдаются подъ протекцію мерзкимъ женамъ, и послушны имъ бываютъ, и ставятъ ихъ однихъ лучше всего свѣта». Обвиненіе мужчинъ въ пристрастіи къ женщинамъ вызываетъ такое опроверженіе со стороны неутомимаго защитника прекраснаго пола: «мнѣ мнится, того ради любимой своей всякъ себя въ волю отдаетъ, что натурѣ противиться не можетъ; а что (любимую) лучше всего свѣта ставить, на то старая пословица не мимо дѣется: не то мило, что хорошо — то хорошо, что мило», и т. д.

О литературѣ переходнаго времени — конца XVII и начала XVIII вѣка ¹⁾.

Состояніе Россіи во время перехода ея отъ одного быта къ другому подъ вліяніемъ реформы Петра Великаго возбуждаетъ особенное вниманіе въ современной нашей литературѣ. Личность преобразователя Россіи подверглась многостороннему изученію; явилось нѣсколько монографій, съ цѣлью показать другую сторону медали, а не ту, которою восхищались панегиристы Петра. Дѣятельность преобразователя, обращенная къ существеннымъ условіямъ русской жизни, тѣсно связана съ жизнью, и разъяснить реформу Петра значитъ узпать современное ему состояніе русскаго общества и народа. Возрожденіе обнаружилось всюду, но не одинаковымъ образомъ. Въ иномъ ярче выступила повизна, измѣненная внѣшность бросалась въ глаза; въ другомъ перемѣна не поражала съ перваго взгляда, но за то при внимательномъ разсмотрѣніи открываются не только новыя формы, но и новый принципъ.

Литература того времени даетъ живыя краски для объясненія многоаго изъ того, о чемъ изъ другихъ источниковъ можно только догадываться. По счастью между современниками Петра были люди, способные оцѣнить то, что совершалось тогда въ Россіи, вникавшіе въ смыслъ событій и передавшіе свои наблюденія потомству. Два направленія, раздѣлявшія въ то время

1) Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1862 г., № 4, стр. 34.

мыслящихъ людей въ Россіи отразились и въ литературѣ. Нѣкоторые изъ писателей высказывали полное сочувствіе реформѣ, другіе доказывали ея вредъ или оплакивали погнѣбающую старину, на сколько это возможно было при тогдашнемъ порядкѣ вещей.

Большая часть писателей того времени были лица духовныя: это объясняется состояніемъ образованности въ концѣ семнадцатаго вѣка, когда двѣ духовныя академіи, Кіевская и Московская, были разсадниками просвѣщенія для всѣхъ краевъ Россіи. Связь между проповѣдями петровскаго времени и дѣйствіями правительства очевидна. Многія проповѣди служили объясненіемъ реформы, предпринятой свѣтскою властію, являясь въ одно время съ правительственными указами и доказывая справедливость требованій, выраженныхъ въ указахъ. Составлены были руководства для проповѣдниковъ съ точнымъ опредѣленіемъ предметовъ, о которыхъ можно и должно говорить народу съ церковной кафедры, и выборъ предметовъ показываетъ, что эти руководства издавались подѣ вліяніемъ правительства и составляютъ pendant къ его распоряженіямъ. Для полного и вѣрнаго исполненія разнообразныхъ плановъ Петру необходимы были люди образованные, а образованнѣйшіе люди въ русскомъ обществѣ были лица духовнаго званія. Петръ не сочувствовалъ имъ во многомъ, но считалъ весьма выгоднымъ для себя пользоваться ихъ содѣйствіемъ. Видимое согласіе между реформаторомъ и писателями поддерживалось отчасти настойчивостію съ одной стороны и малодушіемъ съ другой, отчасти ловкою изворотливостію и отсутствіемъ убѣжденій, необходимыхъ для гражданина, въ усердныхъ прислужникахъ власти.

Произведенія духовныхъ писателей, современныхъ Петру, рѣзко отличаются по характеру своему, отъ произведеній вѣковыхъ предшествовавшихъ. Вліяніе библіи и Византіи соединяется съ западно-европейскою схоластикою и отчасти уничтожается ею; вмѣсто прежней наивности является вычурная группировка частей со всѣми прикрасами риторики, со всею искусственною

симметриєю доказательствъ и подробнаго развитія темы по правиламъ схоластики. Съ этимъ новымъ, школьнымъ элементомъ заносится къ намъ другая особенность западнаго ораторства — шутливость, страсть забавлять слушателей. На западѣ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, эти два элемента, школьный и юмористическій, не только уживались другъ съ другомъ, но и сдѣлались неизбежною принадлежностью для всякаго произведенія, разсчитывавшаго на успѣхъ. Третью замѣчательную особенность духовной литературы того времени составляетъ элементъ политическій; слово проповѣдника становится истолкователемъ дѣйствій верховной власти. Три элемента, о которыхъ идетъ рѣчь, являются въ нашей словесности подъ вліяніемъ западно-европейскихъ литературъ и преимущественно той ихъ отрасли, къ которой принадлежитъ у насъ наибольшее число произведеній. Поэтому необходимо обращаться къ литературамъ западной Европы, и въ нихъ искать объясненія тѣхъ чертъ, которыми въ нашей словесности высказался переходъ отъ стараго къ новому. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо имѣть въ виду тогдашнее общественное состояніе Россіи, положившее печать свою на литературу.

I.

Схоластика, господствуя на западѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, образовалась въ строгую систему, составлявшую въ умственномъ отношеніи твердый оплотъ католицизма. Сущность этой системы заключалась собственно въ усиліи доказать то, что заранѣе считалось аксіомою и потому вовсе не требовало доказательствъ. Главнѣйшими темами схоластическихъ процессовъ были догматы религіи и положенія, признанныя непогрѣшительными католическою церковью. Слѣдовательно, приступая къ доказательствамъ, уже заранѣе знали результаты, къ которымъ должны были прійти и не смѣли не прійти подъ страхомъ церковнаго проклятія и клерикальной мести. Такимъ образомъ

въ схоластикѣ не существовало основнаго условія философской системы — стремленія къ искомой истинѣ. Истины не искали: она уже была дана, то есть принята на вѣру, и вся забота состояла въ томъ, чтобы позамысловатѣе обставить ее доказательствами, которыя въ свою очередь не подлежали изслѣдованію, если заимствовались изъ того же источника, откуда и самая тема; все усиліе устремлено было на подборъ частей, а не на *изслѣдованіе* цѣлаго. Средства для философскаго процесса заимствовались также и изъ другаго источника, равнымъ образомъ считавшагося непогрѣшительнымъ — по преданію, идущему отъ среднихъ вѣковъ, именно изъ Аристотеля. Средніе вѣка были временемъ подчиненія авторитету; въ религіозныхъ вопросахъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ, священнымъ авторитетомъ была библія и писанія отцовъ церкви; въ правѣ — кодексъ Юстиніана; въ философіи — сочиненія Аристотеля. Всеобщіе Аристотеля объясняли божественнымъ откровеніемъ; Аристотеля называли предтечею Христа въ знаніи тайнъ природы, подобно тому какъ Іоаннъ Креститель былъ предтечею Христа въ таинствахъ благодати. Неуваженіе къ знаменитому философу считалось гражданскимъ преступленіемъ и строго наказывалось закономъ; продавцы сочиненій, противныхъ ученію Аристотеля, подвергались тѣлесному наказанію; авторамъ угрожали различныя наказанія, отъ денежнаго штрафа до смертной казни. Благоговѣніе предъ Аристотелемъ перешло и въ русскія училища, какъ можно судить по учебникамъ, употреблявшимся въ Московской и Кіевской академіяхъ и по свидѣтельству ихъ питомцевъ. Самое названіе «ученіе Аристотеля» или «ученіе стагиритское» было совершенно тождественно названію «философія» вообще. Курсы аристотелевой философіи издавались подъ вычурными именами въ родѣ слѣдующаго: «Грань знаній, поставленная благородному російскому юношеству для ученаго ристанія въ стагиритскомъ училищѣ на Олимпѣ Кіевомогилянскомъ».

Схоластика съ ея поклоненіемъ Аристотелю проникла къ намъ со времени учрежденія училищъ подъ вліяніемъ, иногда косвен-

нымъ, западно-европейскихъ образцовъ. До того времени въ нашей книжной словесности была своего рода схоластика, припесенная византійскимъ учителями. Она обнаруживалась въ одностороннемъ подражаніи византійскимъ образцамъ. Догматическія поученія излагались обыкновенно не въ строгой системѣ, а отрывочно, и состояли изъ вереницы текстовъ, связанныхъ между собою болѣе или менѣе искусственно. Не было заранее готовой рамки, въ которую вставлялось бы произведеніе по частямъ въ условной и мудреной послѣдовательности. Въ поученіяхъ не объясняющихъ догматъ, а обращенныхъ къ лицамъ и событіямъ тогдашней русской жизни, гораздо болѣе наивности, нежели схоластики. Не говоря о временахъ болѣе древнихъ и болѣе наивныхъ, можно указать даже на произведенія шестнадцатаго вѣка — на примѣръ на привѣтствіе митрополита Макарія царю Ивану Васильевичу и царицѣ Анастасіи Романовнѣ при совершеніи ихъ брака ¹⁾. Макарій наставляетъ новобрачныхъ въ подобныхъ выраженіяхъ: «по заповѣди Божіей живите, любите судъ и правду и милость ко всѣмъ. Боляръ и болярынь и всѣхъ вельможъ жалуйте и брегите по ихъ отчеству. Ко всѣмъ приступны и милостивы. Ты, царю Иване, люби супружницу свою, царицу Анастасію, живи съ ней благочестно, жалуй ее и почитай ее. А ты слушай, почитай, бойся его и покоряйся ему. Праздники почитайте; въ среду, въ пятницу и въ великій постъ въ чистотѣ тѣлесной пребывайте. Свѣтлую недѣлю празднуйте духовно, а не тѣлесно. Милостыню бѣднымъ подавайте . . . » и т. п. Приведенныя нами слова обставлены множествомъ текстовъ; самыя обыкновенныя вещи, извѣстная всѣмъ и каждому мораль подтверждается текстами и примѣрами изъ библіи. Но большая часть наставленій чрезвычайно наивны и по мысли и по выраженію, а совѣтъ жаловать бояръ и боярынь по отчеству напоминаетъ любимое обращеніе въ народныхъ былинахъ: «ты. скажись, какимъ именемъ зовутъ, а по имени тебѣ можно мѣсто дать, по

1) Дополненія къ актамъ историческимъ. I, № 40.

изотчеству пожаловати». Совершенно другой языкъ и иные мысли въ высокопарныхъ панегирикахъ Стефана Яворскаго и Гаврііла Бужинскаго.

У писателей времени Бужинскаго и Яворскаго и постановка вопроса, и приемы при его рѣшеніи, и способъ выраженія, словомъ все обличаетъ схоластику и составляетъ неизбѣжную принадлежность школы. Подобно тому, какъ западные ораторы приводили опредѣленное число доказательствъ, придавая имъ условный, мистическій смыслъ, наши проповѣдники, наполняли свои поученія дѣленіями и подраздѣленіями съ опредѣленнымъ числомъ доводовъ и примѣровъ. Защитникъ герцога Бургундскаго приводитъ двѣнадцать доказательствъ въ честь двѣнадцати апостоловъ: изъ доказательствъ три заимствовано изъ богословія; три — изъ нравственныхъ философовъ, въ томъ числѣ изъ Боккачіо; три — изъ гражданскихъ законовъ; три выводятся изъ трехъ примѣровъ, взятыхъ изъ Св. Писанія¹⁾. Проповѣди Симеона Полоцкаго суть ничто иное, какъ схоластическія разсужденія на заданную тему; одна и таже мысль повторяется нѣсколько разъ, придумываются части и располагаются систематически. Примѣры и доказательства приводятся счетомъ; причинъ, почему язвы остались на тѣлѣ Спасителя, пять; слово Божіе названо сѣменемъ по шести причинамъ; окрестностей вознесенія шесть: окрестностью называются обстоятельства, сопровождавшія; первая окрестность та, что возносится внѣ города, какъ внѣ города родился: это показываетъ, что и намъ надо выходить изъ міра, чтобы взойти на небо, и т. д. Проповѣди Стефана Яворскаго расположены также по плану, который указывается иногда самимъ авторомъ. Въ заключеніе слова о мирносицахъ авторъ говоритъ: я уже показалъ вамъ, какъ войны ищутъ Іисуса съ троякаго рода миромъ: любви къ ближнему, упованія на Бога и мужества; послѣднее утверждается на трехъ столпахъ, первый

1) Cp. Histoire des ducs de Bourgogne par *M. de Barante*. Изд. 4-е. 1826. Т. III. Jean Sans-peur, a. 1405—1408.

столпъ — крѣпкая дѣла творить, второй — жестокая терпѣть, третій — не бояться смерти. Изъ заключительныхъ словъ становится понятно схоластическое построение цѣлой рѣчи. Авторъ дѣлитъ всѣхъ людей на три разряда: на праведныхъ, грѣшныхъ и военныхъ, на томъ основаніи, что грѣшные боятся смерти, военные не боятся ея, а праведные не только не боятся смерти, но и желаютъ умереть.

Наклонность къ схоластикѣ въ современникахъ Теофана Прокоповича обрисована имъ такими чертами: «пьяные солдаты, негодяи приказные, купцы, плотники, даже женщины — богословы. Что сказать о попахъ и монахахъ, что о нашихъ латынистахъ? Нѣтъ ничего, чего бы не знали они; готовы на все отвѣчать, и отвѣчаютъ съ такою увѣренностью, съ такою смѣлостью, что не хотятъ подумать о томъ, что говорятъ... Лѣтъ за пятнадцать были въ силѣ такъ называвшіеся ораторскіе пріемы; церковныя кафедры оглашались удивительными вещами: почему Христосъ погружался въ Іорданѣ стоя, а не лежа и не сидя? Почему въ потопѣ не погибли рыбы, хотя и не было ихъ въ ковчегѣ?»¹⁾ Западныя схоластики любили задавать курьезные вопросы въ родѣ слѣдующихъ: можетъ ли Богъ знать больше, нежели Онъ знаетъ? Можетъ ли Богъ дѣлать лучше, нежели Онъ дѣлаетъ? Гдѣ былъ Богъ до сотворенія міра? Въ какомъ возрастѣ сотворенъ человѣкъ? Почему женщина создана изъ ребра спящаго мужчины? и т. п.

Каковы вопросы, таковы и отвѣты. Неопредѣленность и эксцентричность вопросовъ давала просторъ тощей фантазіи схоластиковъ, прибѣгавшихъ ко всѣмъ возможнымъ тонкостямъ, натяжкамъ и произвольнымъ сближеніямъ для доказательства данной темы. Почему, спрашиваетъ ораторъ, Симеонъ названъ человѣкомъ, а Іовъ мужемъ? Потому что Симеонъ хотъ и дѣлалъ добро, но ничего не претерпѣлъ; Іовъ много вытерпѣлъ, и

1) Обзоръ русской духовной литературы 1720—1758 гг., архіепископа Филарета. Книга 2-я. 1861 г., стр. 11.

потому сталъ не только человѣкомъ, но и мужемъ. Въ ветхомъ завѣтѣ, говоритъ тотъ же ораторъ, приносили разныя жертвы: голубей, горлицъ, ягнятъ, воловъ и козловъ. Отчего же не свиней? Не оттого ли, что отъ нихъ воняетъ? Но отъ козловъ еще больше воняетъ. Не приносили потому, что свинья омывшись опять лѣзетъ въ грязь, чего не дѣлаютъ другія животныя. Такъ же какъ свинья, дѣлаетъ и грѣшникъ. Люди похожи на рыбу тѣмъ, что бѣгаютъ взадъ и впередъ въ суетѣ суетъ подобно тому, какъ рыбы плаваютъ въ водѣ туда и сюда будто бы за дѣломъ, а въ сущности безъ всякаго дѣла; рыба съѣдаетъ рыбу и хотъ бы другаго рода: щука линя, карася, окуня, а то щука щуку и т. п.: люди также готовы съѣсть другъ друга и одинъ хочетъ поглотить другаго. Въ надгробномъ словѣ ораторъ говоритъ: «откуда произошла смерть? Какой она породы и какой фамиліи? Гдѣ она родилась и кто ея родители? Родители ея — Адамъ и Евва. Какимъ же образомъ они родили ее? Родили ее преступленьемъ заповѣди, просто сказать: родили ее грѣхомъ не плотскимъ, а душевнымъ... О несчастная фамилія смерти, о окаянный родъ! каковъ отецъ—грѣхъ, такова и дочь—смерть». Превознося похвалами умершаго вельможу, панегиристъ видятъ доказательство мудрости покойнаго въ томъ, что его хоронятъ въ могилѣ: «когда змѣя хочетъ стащить съ себя старую кожу, то ищетъ узкаго мѣста между острыми камнями и разсѣлинами, пролазитъ между ними и такимъ образомъ стаскиваетъ кожу. Въ умершемъ вижу мудрость змѣи: желая совлечься ветхаго человѣка, онъ сходитъ въ тѣсноты земныя, въ гробовыя разсѣлины, чтобы, совлекшись ветхаго, облечься въ новаго» ¹⁾. Симеонъ Полоцкій, непосредственный предшественникъ и отчасти современникъ писателей петровской эпохи, предлагаетъ читателямъ поученія свои подъ именемъ обѣда душевнаго, и увѣряетъ, что предлагаемый имъ обѣдъ здоровъ и крѣпокъ и въ немъ нѣтъ

1) Ср. рукопись Петербургской Духовной Академіи подъ № 111 (?): Собраніе словъ, поученій и историческихъ извѣстій, также печатное изданіе сочиненій Стефана Яворскаго, Гавріила Бужинскаго и друг.

«иностранныхъ зелій — витійскихъ хитростей, ибо удобнѣе понимается простое слово, нежели покрытое художественными красотами: удобнѣе ядро съѣдается излущенное, нежели въ кожѣ содержимое. Тышь мой простой обѣдь *руками ума* твоего, пережевывая *зубами разсужденія* и поглощай *оъ стомахъ памяти твоей*». По схоластическому ученью, Богъ есть существо, а человѣкъ — ничто. Какимъ же образомъ это ничто можетъ соединяться съ существомъ? Веревкою, гвоздями и клеемъ, отвѣчаетъ западный схоластикъ: веревкою — когда при волненіи страстей помнить обѣтованіе Божіе, гвоздями — когда бояться не людей, а мученій адскихъ, клеемъ — когда любовью къ ближнему пребываютъ въ единомысліи съ существомъ.

Усиѣхи схоластики вели къ знакомству съ міромъ древнимъ, къ которому проповѣдники обращались все чаще и чаще. Подъ вліяніемъ школы въ церковныхъ поученіяхъ приводились мнѣнія писателей языческихъ и рассказывались многіе эпизоды изъ ихъ жизни. Ораторы весьма часто прибѣгали къ мифологіи, и передавали слушателямъ различнаго рода приключенія, происходившія на мифическомъ Олимпѣ. Одинъ изъ нашихъ проповѣдниковъ, приведя слова апостола, осуждающія плотскій грѣхъ, прибавляетъ: «вспомнимъ здѣсь елліинскую басню, приличную нашей бесѣдѣ: всѣ боги собрались въ сонмъ, желая явить силу свою: Зевесъ съ молніею; Аполлонъ съ лукомъ и стрѣлами, которыя носилъ «во знаменіе благополучія своего, яко идѣже намѣритъ, тамо и устрѣлитъ»; Ираклій съ копьемъ въ знакъ крѣпости своей. Послѣ всѣхъ пришолъ юноша, называемый Купидонъ, божокъ похоти плотской, съ завязанными глазами. Ставши посреди боговъ, Купидонъ внезапно устремился на всѣхъ, и отнялъ всѣ знаки силы ихъ». Писатели самые взыскательные, своего рода пуристы, не считали неумѣстнымъ обращаться къ міру языческому, потому что въ сочиненіяхъ язычниковъ находили подтвержденіе христіанскимъ истинамъ. «Ахиллесъ ранилъ сына Геркулеса, рассказываетъ духовный учитель, и оракуль объявилъ, что рану можно исцѣлять только ржавчи-

ною, отдѣленною отъ покрытаго ею желѣза. Ахиллесъ прислалъ ржавчины, ее приложили къ ранѣ, и больной выздоровѣлъ. Намъ отсюда такой урокъ: если получимъ язву, т. е. согрѣшимъ отъ пристрастій мірскихъ, то должны имѣть передъ глазами ржавчину этихъ пристрастій, т. е. размышлять о суетѣ маловременной и скоротечной жизни». Другой проповѣдникъ приводитъ свидѣтельство «историка Дидима, что когда Александръ Македонскій взглянулъ на мѣдную статую Орфея, статуя пролила слезы какъ дождь; волхвы объясняли это такъ, что стихотворцы должны до пота, хотя и тщетно, прославлять Александра. Такое объясненіе ложно, я же скажу вѣрнѣе: кто захочетъ показать величіе дѣлъ, совершенныхъ Александромъ, не Македонскимъ, а Невскимъ, тотъ пусть сколько хочетъ потѣетъ, а не найдетъ средствъ достойно восхвалить его».

Смѣсь христіанскаго съ языческимъ въ западной Европѣ поражаетъ не только въ литературныхъ памятникахъ, но и въ произведеніяхъ архитектуры и скульптуры. Типы языческіе усвоены были для выраженія христіанскихъ идей въ искусствѣ. Благоговѣнно почитаемы были статуи девяти героев: Гектора, Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, Іисуса Навина, Давыда, Іуды Маккавея, Хлодовика, Карла Великаго и Готфрида Бульонскаго. Кардиналъ Бембо въ гимнѣ въ честь Стефана говоритъ, что первомученикъ видѣлъ небо отверстое и отца боговъ на Олимпѣ.

Въ литературныхъ произведеніяхъ свидѣтельства поэтовъ и философовъ древности приводились вмѣстѣ съ выписками изъ Св. Писанія. Однимъ изъ крупныхъ фактовъ подобнаго рода можетъ служить то, что при открытіи Тридентскаго собора епископъ говорилъ рѣчь, въ которой необходимость соборовъ доказывается какъ тѣмъ, что при сотвореніи міра, Богъ изображается въ библии совѣщающимся, такъ и тѣмъ, что Юпитеръ собираетъ боговъ въ Энеидѣ.

Знакомство съ древнимъ міромъ распространялось все болѣе и болѣе въ немногочисленномъ кругу образованныхъ людей того

времени. Греческіе и римскіе писатели начали интересоваться не только ученыхъ, получившихъ школьное образованіе, но и тѣхъ, которые любили чтеніе вообще, не считая его бесполезною тратою времени. Самъ Петръ понималъ, по своему, достоинство древнихъ писателей, и часто ссылаясь на нихъ въ разговорѣ. По складу его ума и взгляду на вещи, Петру особенно нравились нѣкоторыя мѣста изъ древнихъ баснописцевъ, сатириковъ и моралистовъ. Не говоря уже о басняхъ Эзопа и другихъ произведеніяхъ аллегорическаго содержанія, Петръ знакомъ былъ съ Ювеналомъ, сатиры котораго поручилъ перевести на русскій языкъ ¹⁾.

II.

Въ словахъ и рѣчахъ писателей петровской эпохи обнаруживается новизна, совершенно противоположная серьезному тону древней нашей словесности. Эта новизна состоитъ въ юмористическомъ направленіи, въ желаніи смѣшить. Съ перваго взгляда подобное желаніе кажется чрезвычайно страннымъ, но оно объясняется понятіями о задачѣ проповѣдника, господствовавшими на западѣ, а также и тогдашнимъ состояніемъ русскаго общества. На западѣ, развитіе проповѣди, какъ орудія дѣйствія на массы, совершалось въ такой же постепенности, какъ и

1) *Das veränderte Russland*. Hannover. 1739. II часть, стр. 23. Любимыми стихами Петра были слѣдующіе:

Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano,
Fortem posce animum, mortis terrore carentem,
Qui spacium vitae extremum inter munere ponat
Naturae, qui ferre queat quoscunque labores,
Nesciat irasci, cupiat nihil, et potiores
Herculis aerumnas credat, saevosque labores,
Et Venere et coenis et plumâ Sardanapali;
Monstro, quod ipse tibi possis dare: semita certe
Tranquillae per virtutem patet unica vitae.
Nullum numen habes, si sis prudentia: nos te,
Nos facimus, Fortuna, Deam coeloque locamus.

Конекъ десятой сатиры Ювенала.

паденіе вѣры. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала вѣра, проповѣдь теряла свою искренность, брала фальшивую ноту, чтобы хоть диссонансомъ пробудить вниманіе слушателей, равнодушныхъ къ однообразнымъ, стародавнимъ мотивамъ. Увѣщанья не шли отъ чистаго сердца, и потому не вызывали сочувствія въ сердцахъ. Образъ жизни и дѣйствій проповѣдниковъ говорилъ убѣдительнѣе ихъ словъ, и окончательно разрушалъ вѣру въ душѣ тѣхъ, которыхъ начинало тревожить сомнѣніе. Въ высшей степени замѣчательнъ рассказъ Боккачіо о еврей, принявшемъ христіанство по возвращеніи изъ Рима: еврей созналъ все величіе и внутреннюю силу христіанства именно потому, что его не могли истребить нравственное ничтожество, развратъ и преступленія католическаго духовенства. Къ подобнымъ пастырямъ паства остается глуха и нѣма. Чтобы поддержать вниманіе слушателей, проповѣдники старались разнообразить свои поученія всѣми возможными способами, и всего чаще прибѣгали къ шуткѣ, какъ къ средству самому дѣйствительному. Забавные анекдоты замѣняли недостатокъ искренности и таланта. Данте говоритъ: «проповѣдники въ наше время забавляютъ слушателей потѣшными рассказами и шутовствомъ, и чѣмъ болѣе хохочутъ слушатели, тѣмъ полнѣе становится капишонъ ораторовъ, которые больше ни о чемъ и не думаютъ. Но въ глубинѣ капишона кроется птица, которую если бы увидѣла толпа, сильно усумнилась бы въ дѣйствительности индульгенцій». Входя въ мелочи жизни, вмѣшиваясь въ интриги и дразги, проповѣдь и по содержанию и по выраженію становилась вульгарною. Проповѣдники не были чужды житейскихъ тревоженій, принимали иногда самое дѣятельное, непосредственное участіе въ событіяхъ, старались склонить враждующихъ къ миру или раздуть сильнѣе вражду, примыкали къ той или другой партіи. Дѣйствуя въ духѣ партіи, они употребляли всѣ усилія, чтобы побѣдить противную сторону и для достиженія своей цѣли не пренебрегали никакими средствами, отъ тайныхъ интригъ до проповѣди подъ открытымъ небомъ, усѣянной колкостями, насмѣшками, остротами, каламбу-

рами. Желая представить противника въ смѣшномъ видѣ, ораторы пестошали свою изобрѣтательность и остроуміе, и наполняли рѣчи забавными сценами, рѣзкими выходками и скандальными анекдотами. Смѣсь серьезнаго со смѣшнымъ до того вошла въ правы, что сама теорія поставляла необходимымъ требованіемъ, чтобы въ проповѣди полезное соединилось съ забавнымъ. Обычай помѣщать въ церковныхъ рѣчахъ свѣтскіе, поучительные и забавные рассказы распространился въ Европѣ со времени крестовыхъ походовъ, познакомившихъ европейцевъ съ произведеніями восточной фантазіи. Впослѣдствіи обычай этотъ до того усилился, что составлялись особенные сборники повѣстей и анекдотовъ, которые могутъ быть заимствуемы для церковныхъ поученій. Неудачный и необдуманый выборъ анекдотовъ и господство схоластики привели къ тому, что всякую вздорную сказку пытались объяснять аллегорически, тропологически, аналогически, и низвели проповѣдь до празднаго балагурства и болѣе или менѣе безвреднаго шутовства ¹⁾. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ западныхъ проповѣдниковъ. Одинъ изъ нихъ, нападая на усиливающійся порокъ пьянства, говоритъ: «нельзя не пожалѣть, что вино, этотъ драгоценнѣйшій даръ Божій, употребляется во зло, вмѣсто того, чтобы подкрѣплять тѣло и веселить сердце человѣка. По точному исчисленію, на земномъ шарѣ ежегодно вина добывается столько, что каждый изъ людей могъ бы каждый день выпивать полкварти, а между тѣмъ пьяницы выпиваютъ такъ много, что милліоны людей должны оставаться вовсе безъ вина. О если бы я зналъ, гдѣ тотъ негодяй, что выпиваетъ мою полкварти!» Другой проповѣдникъ, прочитавши текстъ о Самарянкѣ, сказалъ: «не удивляйтесь, благочестивые слушатели, длинѣ этого текста; онъ вышелъ такъ длиненъ потому, что въ немъ говорятъ женщины». Одинъ изъ знаменитыхъ проповѣдниковъ семнадцатаго вѣка, замѣтивъ, что слушатели его начинаютъ

1) Das älteste Märchen und Legendenbuch des christlichen Mittelalters oder die Gesta Romanorum, von Grässe, 1850. Theil II, s. 286—290, etc.

дремать, прервалъ свою проповѣдь въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, вынулъ изъ кармана платокъ, свернулъ его въ трубку и сталъ играть имъ на каюдрѣ; слушатели, глядя на эту игру, оживились, а ораторъ началъ упрекать ихъ, говоря: «я такъ и думалъ, что если бы я былъ шарлатаномъ и показывалъ вамъ фокусы, никто бы изъ васъ въ церкви не заснулъ». Другой проповѣдникъ, чтобы разбудить спящихъ слушателей, крикнулъ имъ, не хотятъ ли они пинасу. «Сейчасъ» отвѣчали проснувшіеся. Подобныя выходки напоминаютъ слова древняго нашего проповѣдника, что если бы вмѣсто духовной пищи онъ раздавалъ вино, то множество народа сходилось бы въ церковь. Стефанъ Яворскій, сказавши: «пріимите духъ святой въ образѣ воды», прибавляетъ: «вы, вѣроятно, скажете: о! намъ даютъ духъ святой въ образѣ воды, а сами хотятъ принимать его въ образѣ вина». «Почему надо поминать жену Лотову?» спрашиваетъ тотъ же ораторъ: «развѣ потому, что она обратилась въ столбъ соля; но сколько есть на свѣтѣ женъ, которыя мужьямъ своимъ сперва казались сахаромъ, а потомъ сдѣлались солью». Указавши на притчу о трехъ звапыхъ, отказавшихся отъ пира, первый — потому что купилъ село, второй — потому что купилъ воловъ, а третій — потому что женился, ораторъ продолжаетъ полусути и совершенно бранясь: «первый и другій отрицается, но политичнѣ, а если бы ихъ прилежиѣ звали, они можетъ и пошли бы. А третій безъ всякой политики, грубо: жену пояхъ я сего ради не могу пріяти. О неучтивая грубость! да, грубый мужикъ, варваръ, могдавъ неоскробанный! Жену пояхъ, не могу пріяти! И съ женою ступай! Или ногъ не имѣешь? Только тотъ не можетъ, у кого подагра».

Всякаго рода шутки и рѣзкости не казались несообразными съ достоинствомъ церковной проповѣди. Такой взглядъ перешелъ къ русскимъ писателямъ отъ ихъ западныхъ образцовъ. Но не одно иностранное вліяніе располагало нашихъ писателей прибѣгать къ шуткѣ даже и тогда, когда рѣчь идетъ о предметахъ самыхъ серьезныхъ. На это были и домашніе привычки. Эпоха

Петра, поставивъ въ рѣзкое противорѣчіе и борьбу старое съ новымъ, открыла обширное поприще для сатирическаго начала. Писатели, сочувствующіе Петру, возстали на старину и начали обличать ее неотразимою силою насмѣшки. Обличеніе стараго, ведущагося искони, служило темою и для древнѣйшихъ проповѣдниковъ задолго до эпохи Петра. Но настроеніе обличителей измѣнилось значительно, иногда даже неузнаваемо. Древніе обличители возставали на обычаи и повѣрья, перешедшіе къ современному имъ поколѣнію отъ отцовъ и дѣдовъ; осуждали, наприкладъ, слѣды язычества, державшіеся въ глубинѣ народныхъ массъ, и осужденія исполнены были горечи: соблюденіе языческихъ обрядовъ казалось ревнителямъ христіанства страшнымъ преступленіемъ, вопіющимъ зломъ. При такомъ взглядѣ имъ было не до шутокъ. Съ иными понятіями выступили на литературное поприще писатели начала восемнадцатаго вѣка. Въ ряду ихъ многіе на дѣло религіи смотрѣли довольно равнодушно, находя суевѣріе невѣждъ вреднымъ болѣе въ гражданскомъ, нежели въ нравственномъ отношеніи, болѣе опаснымъ для *statu quo* государства, нежели для спасенія души. Поэтому и орудіемъ противъ суевѣрія и легковѣрія, вмѣсто горькой укоризны, выбирали насмѣшку. Тѣмъ смѣлѣе рѣшались осмѣивать смѣшное въ защитникахъ другихъ сторонъ отживающаго быта. Рѣшимость писателей поддерживалась примѣромъ самого Петра, любившаго посмѣяться надъ невѣжествомъ, лицемеріемъ, хвастовствомъ и т. п. Въ его письмахъ и замѣткахъ много юмора, и встрѣчаются черты, находящіяся въ словахъ Прокоповича и сатирахъ Кантемира. Петръ приглашаетъ на забавный пиръ и того, кто «фамиліею своею гораздо старше чорта, и того, кто кромѣ души весь въ заплахахъ, и того, кто ничему не учился и ничего не вѣдаетъ, и надъ всѣми бочками оберъ-коменданта» и т. п. Обыкновенный тонъ писемъ Петра шуточный: «Мудеръ! Лещинскій бороду отпустилъ, для того, что корона его умерла.... Довольно у матки быть и одной теткѣ, а другую зачѣмъ чортъ принесъ? А что пишете, что некому чесать гладко, — пріѣзжайте скорѣе,

старый гребнишко сыщемъ.... Отдай мой поклонъ князь-папѣ и князь-игуменѣ, маленькихъ поцалуй, а наипаче всѣхъ и напобольше всѣхъ и павяще всѣхъ поклонись велеумной тетушкѣ и четверной лапушкѣ.... Пишешь ты, Катерипушка, чтобъ я не скоро къ тебѣ прїѣзжалъ: знатно, сыскала кого-нибудь вытнѣ (красивѣ) меня? пожалуй отпиши: изъ нашихъ, или изъ тарунчанъ? я больше чаю изъ тарунчанъ, что хочешь отомстить, что я предъ двѣма лѣты занялъ. Такъ-то вы, еввины дочки, дѣлаете падъ стариками!» 1).

Въ бумагахъ Петра Великаго попадаетъ множество сатирическихъ замѣтокъ, отрывковъ, статейекъ, пародій и т. д. Они касаются и событій внутри государства и иностранныхъ державъ; между статьями есть и оригинальныя и переводныя. Тогдашнее политическое состояніе Европы представляется то въ видѣ карточной игры, то въ юмористическомъ каталогѣ кпигъ. Людовикъ XIV и Людовикъ XV вступили на престолъ несовершеннолѣтними; Петръ разбилъ Шведовъ подъ Полтавою; въ 1713 году заключенъ Утрехтскій миръ, по которому Англія прїобрѣла, между прочимъ, Гибралтаръ и островъ Минорку съ главнымъ городомъ Магономъ — однимъ изъ главнѣйшихъ портовъ на Средиземномъ морѣ; въ 1724 году открытъ конгрессъ въ Камбре и т. д. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ составленію слѣдующей юмористической статьи:

«Книги политическія, которыя продаются въ Гагѣ:

1) Жалостное воздыханіе Франціи, сѣтующей о приближеніи совершеннаго возраста короля своего, и горячее желаніе оной о счастіи и долгоденствіи герцога регента.

2) Книга о справедливыхъ правахъ дука д'Орлеанъ въ продолженіи управительства своего, основанныхъ на основательномъ правилѣ королевства, что короли французскіе всегда въ малолѣтствіи быть почитаются, сочиненная на имя короля Филиппа.

1) Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства, изданныя Коммиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва. 1861.

3) Честь римской пурпуры, возвышенная христіанскими добродѣтелями, святостію и чистотою правовъ кардинала Дебуе, сочиненная отъ кардинала Юлія Альберонія и поднесена папѣ Инноценцію XIII. Которая книга въ зѣло изрядномъ переплетѣ, только письма въ ней ни строки нѣтъ.

4) Пѣтухъ общипанный и леопардъ усмиранный — басни проясческія и совѣтъ къ защитителямъ власти политической чрезъ ревнительнаго республикана.

5) Гибралтаръ и портъ Магонъ, на торгъ вынесенные для продажи, кто больше дастъ.

6) Секретныя конференціи полномочныхъ министровъ на камбрейскомъ конгрессѣ о рѣшеніи важнаго дѣла — о преимуществѣ винъ: бургонскаго, рейнвейну, шампанскаго, итальянскаго.

7) О обученіи царя руссійскаго — книга Карла XII, короля шведскаго, послѣ его смерти издаѣна и сочинена на имя Англіи и Голландіи, кормилицъ его».

Шансы европейскихъ правительствъ, подъ именемъ игры королей въ карты, представлены такимъ образомъ:

Французъ. Я буду играть, какъ бы выиграть.

Папа. Господи Боже! помогай пзъ той игры, ибо моя коза меня обманула.

Король Испанскій. Имѣю добрыя карты, буду играть, ибо мнѣ не коштуетъ, когда есть чужой мѣшокъ.

Гетманъ. Я зѣло боюсь, чтобъ и остатки не проиграть.

Англійская королева. Я буду играть и имѣю наилучшую карту и панфила.

Голландцы. Мы также имѣемъ добрыя карты и помогаемъ.

Датскій король. Молвить: я пасъ.

Шведъ. Я играю и выигрываю, а не знаю, гдѣ мой выигрышъ дѣвается.

Августъ. Ежели короля убью, то выиграю, ибо я туза имѣю.

Пруссскій. Я себѣ особливо буду играть.

Баварскій. Я уже не хочу играть; когда все проигралъ, больше не имѣю что ставить.

Савойскій. Перестану я отъ своей игры, въ дамы буду играть.

Польша. Чортъ знаетъ, что за карты: не можемъ ихъ вкупу собрать.

Венеція. Моя игра плюгавая и весьма скаредная.

Лещинскій. Надѣюся на короля, да туза боюся.

Москва. Брате Августе! играй смѣло, и я за тебя поставлю, ибо имѣю панцероля.

Турокъ. Не буду я въ ту игру мѣшаться, понеже мнѣ исперва досталось, и т. д.»

Весьма остроумно выставлены: французская хвастливость, итальянское коварство и русская лѣнь въ слѣдующемъ рецентѣ: «цесарскаго мнѣнія, французской истины, итальянскаго просто-сердечія и чистоты, русскаго прилежнаго трудолюбія, голландскаго правосудія, англійскаго самодержавія, шведскаго правдиваго пароля, марокской бѣлости, индійскаго осмотра, самоѣдскаго благовонія, татарской храбрости, американскаго домостроительства и одежды: сіе все, размѣшавъ въ брагѣ польской шалости, влить въ ступу новгородской глупости и толочь пестомъ испанской упорности».

Юмористическій элементъ получаетъ серьезное значеніе, когда обнаруживается не въ рутинной шуткѣ, а въ живой сатирѣ, мѣтко направленной на тогдашніе нравы. Это случалось тогда, когда рѣчь обращалась къ современности, къ интересамъ общества и представителямъ его различныхъ слоевъ. Общественный, политическій элементъ составляетъ такую характерную особенность литературы петровской эпохи, что на немъ нельзя не остановиться съ нѣкоторою подробностію.

III.

Политическаго элемента, въ томъ видѣ, какъ является онъ у западныхъ писателей, мы не находимъ въ произведеніяхъ русской литературы до Петра. Книжные люди въ Россіи строго сохраняли то, говоря современнымъ языкомъ, начало невмѣшательства, которое составляетъ отличіе византійской морали отъ западно-европейской. Девизомъ византійскихъ, а за ними и многихъ нашихъ духовныхъ писателей было: «Божіе Богу, а кесарево кесарю». Много было различныхъ толкованій этихъ словъ въ примѣненіи ихъ къ жизни. Поэтическій смыслъ ихъ превосходно выраженъ въ знаменитой картинѣ Тиціана Zinsgroschen, въ дрезденской галлерей. Иной смыслъ дала этимъ словамъ проза жизни. Позднѣйшіе византійскіе писатели понимали слова о воздаяніи Богу и кесарю, повидимому, такимъ образомъ, что служеніе Богу должно быть совершенно разобщено съ дѣятельностію гражданина, и служитель алтаря обязанъ оставаться на высотѣ, недоступной волнамъ житейскаго моря. Такое изолированное положеніе, слишкомъ идеальное для большинства, вело къ совершенному безучастію къ общественнымъ вопросамъ. Въ древней словесности нашей есть факты, показывающіе, что духовные писатели не оставались равнодушными къ дѣйствіямъ верховной власти и къ нуждамъ народа. Нѣкоторые изъ нихъ подавали голосъ въ защиту притѣсняемыхъ властію, для облегченія участи рабовъ, и говорили сильнымъ міра объ ихъ обязанностяхъ, а не объ ихъ правахъ, какъ дѣлалось это впоследствии. Отрицать хорошую сторону подобныхъ фактовъ не позволяетъ здравый смыслъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать и того, что подобныя явленія были проблесками отдѣльныхъ, благородныхъ личностей, а не выраженіе цѣлаго общества, готоваго свои убѣжденія настойчиво провести въ жизнь, какъ видимъ это въ западной Европѣ. На западѣ, низшее духовенство, хотѣвшее играть ту же роль, что tiers-état въ отношеніи noblesse féodale,

образовало энергическую оппозицію свѣтской власти, и съ самымъ живымъ интересомъ слѣдило за всѣми измѣненіями въ общественной жизни. Демократическое начало нашло сильную опору въ проповѣдникахъ. Участвуя въ народныхъ собраніяхъ, руководя ими, проповѣдники достигли рѣшительнаго вліянія на массы. Каждый городъ имѣлъ своего духовнаго адвоката, которому давались отъ общества деньги и все содержаніе; эти кочующіе ораторы проповѣдывали на площадяхъ, на кладбищахъ, почью при свѣтѣ факеловъ и всегда окруженные густою толпою. Ихъ восторженныя воззванія къ народу нерѣдко прерываемы были вооруженною силою; болѣе мягкою мѣрою были безчисленныя запрещенія вмѣшиваться въ политику подъ страхомъ земнаго и небеснаго наказанія. Генриха III ораторъ порицаетъ въ такихъ выраженіяхъ: «этотъ паршивецъ — турокъ головою, ибо ходитъ въ чалмѣ; вѣмецъ тѣломъ, полякъ ногами, и истый дьяволъ душой»; въ словахъ: «полякъ ногами» — намекъ на бѣгство Генриха Валуа изъ Польши. Въ 1415 году Французскій августинецъ въ проповѣдяхъ своихъ обращался къ королю и королевѣ съ такимъ упрекомъ: «богиня Венера царствуетъ при вашемъ дворѣ. Пиръ и попойки превращаютъ у васъ ночь въ день, соединяясь съ сладострастными танцами. Придворныя дамы портятъ нравы, истощаютъ силы многихъ, и удерживаютъ рыцарей отъ военныхъ походовъ, боясь, что они воротятся изувѣчивъ какой-нибудь изъ членовъ.... Высшій аристократизмъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы посѣщать бани, жить развратно, носить богатыя платья съ великолѣпною бахромою, искусно зашнурованныя и съ широкими рукавами» ¹⁾).

У насъ не было подобной оппозиціи въ духовенствѣ, какъ не было ея и въ другихъ слояхъ русскаго общества до первой четверти девятнадцатаго вѣка. Тѣмъ не менѣе въ проповѣдни-

1) De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue, par Labitte. Paris. 1841, une dissertation pour le doctorat, présentée à la faculté des lettres de Paris. — *Barante*: Histoire des ducs de Bourgogne, и др.

кахъ петровской эпохи замѣтно участіе къ судьбѣ общества, къ пути, избранному верховною властію. Политическій или точнѣе общественный элементъ въ проповѣдяхъ вызванъ былъ духомъ времени, нововведеніями Петра и недовольствомъ ими въ обществѣ и народѣ. Правительству надо было имѣть орудіе для примиренія съ народомъ и обществомъ, и выборъ палъ на писателей и проповѣдниковъ.

Ставши лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію, писатели должны были высказать свой взглядъ на реформу и на общественное состояніе Россіи; они должны были коснуться и дѣйствій правительства, и положенія общества, и судьбы народа. Однимъ изъ самыхъ усердныхъ и во многихъ случаяхъ искреннихъ поборниковъ реформы былъ Оеофанъ Прокоповичъ; въ сужденіяхъ его о религіозныхъ предметахъ, о суевѣрныхъ обычаяхъ, противъ которыхъ онъ возставалъ, замѣтна искренность; въ сужденіяхъ же о вещахъ, относящихся къ верховной власти, не видно души, а одно только усердіе. Оеофанъ былъ по преимуществу писателемъ реформы: сочувствіе ей дастъ жизнь его произведеніямъ и опредѣляетъ ихъ характеръ. Сочиненія Оеофана показываютъ, до какой степени онъ былъ ревностнымъ сподвижникомъ Петра по многимъ отраслямъ его разнообразной дѣятельности. Трудъ Петра и разрушалъ и созидалъ: разрушительная сила дѣйствовала въ нравственной сферѣ, творческая въ физической. Заводя фабрики, мануфактуры, устраивая гавани, Петръ заводилъ все это не вмѣсто ветхаго, отжившаго, а вновь открывалъ то, чего прежде не было въ Россіи: въ подобныхъ предпріятіяхъ ему приходилось бороться болѣе съ природою, нежели съ людьми, т. е. съ ихъ духовною стороною. Но въ нравственномъ отношеніи была сила, которая во многихъ случаяхъ служила препятствіемъ для его цѣлей. Эта сила — религіозная сфера въ обширномъ смыслѣ слова, заключающая въ себѣ и вѣрованія, и убѣжденія, и преданія, и повѣрья, и обычаи народа. Всякая реформа въ этой сферѣ слишкомъ близка была народу и легко могла дѣйствовать на настроеніе массъ. Чѣмъ

болѣ силы было въ вѣковомъ наслѣдіи отъ предковъ, тѣмъ энергичнѣе долженъ былъ возстать противъ него реформаторъ. Въ этой борьбѣ самымъ надежнымъ и необходимымъ союзникомъ Петра могъ быть именно Теофанъ. Взглядъ ихъ на религію во многомъ совершенно сходится, при тѣхъ неизбѣжныхъ оттъѣнкахъ, которые получаютъ понятія въ умѣ необыкновенно умнаго человѣка, обладающаго блестящимъ образованіемъ и воспитаннаго на схоластическихъ тонкостяхъ, и въ умѣ геніальнаго человѣка, воспитаннаго моремъ, голландскою мастерскою, войнами и стрѣleckими бунтами. Нельзя не согласиться, что «взглядъ Петра на религію былъ одностороненъ: онъ понималъ ее только въ ея необходимости для государства, въ той очевидной пользѣ, которой онъ ожидалъ отъ нея, а не въ ея самобытности, какъ полный, живой организмъ» ¹⁾. Проблескъ религіознаго чувства является у Петра въ минуту побѣды надъ страшнымъ врагомъ. Божество представлялось воображенію его раздавателемъ побѣдъ, и въ этомъ образѣ говорило его душѣ. Отзываясь о религіи вообще довольно хладнокровно, Петръ одушевлялся при словѣ о побѣдѣ, и его благодарность Божеству звучитъ искренно, совершенно иначе, нежели въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ. Петръ шутя увѣдомлялъ о свадьбѣ сына: «объявляю вамъ, что сегодня свадьба сына моего совершилась; при семъ прошу объявить всешутѣйшему князь-папѣ и прочимъ, чтобъ пожаловалъ благословеніе молодымъ»; но о побѣдахъ извѣщалъ въ такомъ тонѣ: «радуйтесь и паки реку радуйтесь, радость наша исполнилась: вчерашняго днѣ азовцы сдалися, измѣнника Якушку отдали живымъ въ руки наши» и т. п. Преслѣдуя темную сторону народныхъ вѣрованій, Петръ особенно вооружался противъ ханжества, вѣры въ ложныя чудеса и излишней наклонности къ монашеству. Нерасположеніе свое къ византійскому вліянію, господствовавшему въ древней Россіи, Петръ выражалъ при

1) Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники, соч. Самарина. Москва. 1844 г., стр. 121.

многихъ случаяхъ: «надѣясь на миръ — говорить онъ — не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталося, какъ съ монархіею греческою; надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очи кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ» ¹⁾. Но византійскіе императоры, по мнѣнію Петра, не заботились о нуждахъ народа и общемъ благѣ, а «покинувъ свое званіе, ханжить начали». Въ бумагахъ Петра сохранились писанія имъ самимъ заповѣди съ толкованіемъ ихъ, показывающимъ образъ мыслей писавшаго:

«Азъ есмь Богъ твой; не сотвори себѣ кумира, и пр. Какіе грѣхи противны тому? Идолопоклонники и атеисты.

Не примешь имени Бога твоего всуе: кто страха Божія не имѣетъ, и все почитаетъ легко, другіе отъ незнанія ученія.

Не послушествуй на друга своего свидѣтельства ложна: — бездушники.

Не пожелай дому ближняго твоего: ябедники» и т. п.

«Удивительно, отчего нѣтъ лицемѣрія или ханжества въ числѣ грѣховъ. Сей грѣхъ всѣ вышеописанные въ себѣ содержатъ. Противъ первой грѣхъ есть атеизмъ, который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ дѣло сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса все вымышленныя, которыхъ не бывало. И когда сами оное вымыслили, то вѣдаютъ уже, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какая жъ вѣра во оныхъ, а когда опой нѣтъ, то суть истинные атеисты. Противъ заповѣди: чти отца и пр., можетъ быть, что натуральныхъ отцовъ нѣкоторые и почитаютъ (но сіе на удачу), но пастырей, иже суть вторые, по натуральныхъ, отцы, отъ Бога опредѣлены, како почитаютъ, когда первое ихъ мастерство въ томъ, чтобы по послѣдней мѣрѣ ихъ обмануть. А вѣще тщатся бѣдство имъ приключить — подчиненныхъ пастырей обоганіемъ у вышнихъ, а вышнихъ —

1) Дневникъ Берхгольца. Москва. 1859-г., Часть I, стр. 195. — У Голікова, Дѣянія Петра В., т. VIII, стр. 10.

всѣянiемъ въ народъ хульныхъ про оныхъ словъ, подвизая ихъ къ бунту, какъ многихъ головы на кольяхъ свидѣлствуютъ. Противъ заповѣди: не прелюбодѣйствуй, — какъ бы могъ мужъ незнаемаго человѣка къ женѣ допустить, а особливо бодрого и хорошаго, а ханжу еще и подъ руку принявъ отведеть для благословенiя и пророчества, и, провожая назадъ, руки выцалуетъ и наклоняется, считая за великую себѣ добродѣтель, что такого адскаго сына во свояки себѣ принялъ. Не укради: — не токмо одною рукою, но и обѣими и духомъ все крадутъ. Не пожелай чего ни есть ближняго твоего: — сіе все безъ разбора, понеже, чѣмъ бы имъ питаться какъ слѣдуетъ, скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ, и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню. А монастырю безъ деревень быть нельзя. Какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два крестьянина пришли и сказали такое явленіе, чтобъ построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. Коли бъ разбойникъ сталъ ханжить, кто бъ его въ артель принялъ! Когда бъ изъ шумницъ кто пришелъ на кабакъ святымъ образомъ, и не сталъ бы пить и шалить съ ними, всѣ бъ отъ него побѣжали. Когда бъ охотникъ молодой до Венуса пришелъ бы въ компанію дѣвицъ въ ханженскомъ образѣ, ни одной бы дружбы не сыскалъ. И тако, не всякій грѣхъ можетъ ханжество употреблять, а ханжа — все».

Разглашать ложное чудо считалось величайшимъ преступленіемъ, и за выдумку чудесъ грозило такое же наказанье, какъ и за составленіе заговора: до такой степени подобныя выдумки были враждебны духу реформы. «Корень всему злу — сказано въ офиціальномъ актѣ — праздность: оттого отъ праздныхъ монаховъ столько расколовъ и возмутителей произошло». Противъ монаховъ направлено нѣсколько сочиненій тогдашняго времени и предписаній правительства. Въ указахъ и объявленіяхъ отъ сѣнода, исправленныхъ въ подлинникъ рукою Петра и Теофана, объяснено происхожденіе монашества и его постепенное правственное паденіе. Въ началѣ христіанства монахи были въ

настоящемъ смыслѣ слова монахами, то есть жили уединенно, особнякомъ. Монастыри образовались тогда, когда возникли ереси: чтобы успѣшнѣе вести борьбу съ ересями, монахи рѣшились дѣйствовать совокупными силами, и, покинувъ уединенье, жить въ общинѣ. Тогда они не только не жили на счетъ другихъ, но трудами своими содержали и себя и немущихъ. Когда же императоры стали ханжить, монастыри изъ пустынь перемѣстились въ города, начали требовать денежныхъ пособій, и содѣйствовали гибели страны. На одномъ каналѣ отъ Чернаго моря до Константинополя, на разстояніи не болѣе тридцати верстъ, было около трехсотъ монастырей, а между тѣмъ, когда непріатели осадили городъ, то не нашлось и шести тысячъ воиновъ.

Въ такомъ же духѣ и сочиненія Θεοφана: опъ возстаетъ противъ боготворенія иконъ, чрезмѣрныхъ постовъ, ханжества, монашества и т. п. Самый тонъ полемики, полусерьезный и полупуштивый, напоминаетъ рѣчь Петра. Въ наставленіи о «вещахъ и дѣлахъ, о которыхъ духовный учитель долженъ проповѣдывать народу», Θεοφанъ перечисляетъ предметы, противъ которыхъ слѣдуетъ вооружаться, а именно: «боготворить иконы; св. угодниковъ выше Бога почитать; различіе дѣлать дней; туды же надлежать призыванія бѣсовъ, бабыи шептанія, заговорнымъ письмамъ вѣрогтія; произносить чудеса ложная, видѣнія, явленія, сны вымышляти». Снамъ придавали въ то время значенье, какъ можно видѣть изъ того, что сны Петра и Екатерины I-й записывались весьма подробно. Ораторъ обязанъ былъ порицать ненависть къ иностранцамъ, основанную на одномъ томъ, что они иностранцы; въ праздники не дѣлать увѣщаній къ народу, призывая его жертвовать на мѣсто, гдѣ праздникъ; въ случаѣ же прямой пужды, «по окончаніи проповѣди, особливимъ, умѣреннымъ голосомъ предложить о нуждѣ».

Возражая усердному защитнику монашества, доказывавшему трудолюбіе монаховъ тѣмъ, что пные муку сѣютъ или хлѣбъ пекутъ, другіе варятъ, и пр., Θεοφанъ говоритъ: удивляюсь, что не придавъ, что и пожомъ рѣжутъ и ложками ѣдятъ и ковши-

ками испиваютъ. Вотчины даны монастырямъ будто бы для того, чтобы монахи помогали нуждающимся: да такъ ли полно дѣлается? Такъ можно говорить не русскимъ людямъ, а развѣ индѣйцамъ и американцамъ, которые отъ монастырей нашихъ весьма далеки. Противника своего Ѳеофанъ называлъ «головка весьма неученая, тупая, пустая да еще шаленая».

Тѣмъ не менѣе Ѳеофану пришлось имѣть дѣло съ противниками довольно опасными. По ихъ показаніямъ Ѳеофана допрашивали и въ синодѣ и въ верховномъ тайномъ совѣтѣ; обвиненія напоминаютъ многіе изъ разсказовъ о Петрѣ, собранныхъ Голиковыми, какъ напримѣръ объ узнанной Петромъ поддѣлкѣ мироточивыхъ иконъ, и т. п. Показанія враговъ Ѳеофана открываютъ его настоящій образъ мыслей, заслоняемый схоластическими тонкостями въ его сочиненіяхъ, хотя и въ нихъ онъ не можетъ остаться незамѣченнымъ для внимательнаго читателя. Справедливость показаній подтверждается тѣмъ, что самъ Ѳеофанъ не отрицаетъ приводимыхъ въ нихъ словъ и мнѣній, но старается дать имъ другой смыслъ. Для этого прибѣгаетъ онъ къ различнымъ уверткамъ, отъ черезчуръ мудреныхъ до слишкомъ забавныхъ, которыя однакоже не защищаютъ его, а еще болѣе убѣждаютъ въ истинѣ обвиненій.

Высказываясь прогрессистомъ въ вопросахъ объ умственномъ образованіи народа, Ѳеофанъ является вовсе не передовымъ человѣкомъ въ вопросахъ политическихъ, въ отношеніи къ требованіямъ власти. По этому, существенному свойству своей дѣятельности, онъ можетъ быть названъ представителемъ начала петербургскаго періода, когда заводилась академія наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалось самоуправство на всѣхъ степеняхъ служебной іерархіи. Ѳеофанъ старался оправдать себя тѣмъ, что представлялъ противника своего человѣкомъ опаснымъ для правительства, бунтовщикомъ, и предлагалъ судить его не за то, что имъ сдѣлано, а за то, что, по всей вѣроятности, онъ желалъ бы, чтобы другіе сдѣлали, — на томъ основаніи, что въ монархическомъ правленіи надо считать бунтовщикомъ и

того, кто не слушаетъ указа, и того, кто дурно говорить о царѣ, хотя бы онъ и не произвелъ бунта: уже то одно, что онъ самъ дурно думаетъ и говорить о правительствѣ, показываетъ, что онъ желаетъ, чтобы и другіе поступали подобно ему. И все это Теофанъ пишетъ по поводу указа, сочиненнаго, какъ хорошо знали современники, имъ самимъ и только подписаннаго Петромъ. Угождая Петру, Теофанъ составилъ обширное доказательство «правды воли монаршей» въ назначеніи преемника. Это произведение въ своемъ родѣ образцовое. Пристрастный адвокатъ защищаетъ дѣло удаленія царевича Алексѣя Петровича отъ престола со всѣми хитростями схоластики и угодничества властямъ. Всякій отецъ — говоритъ онъ — имѣетъ право дать сыну наслѣдство или отнять его, смотря потому, хорошія или дурныя свойства будетъ обнаруживать сынъ. Тѣмъ болѣе имѣетъ право царь. Царь долженъ заботиться о благѣ подданныхъ, слѣдовательно и о томъ, чтобы преемникъ его былъ дѣйствительно полезенъ для народа. При этомъ отнюдь нельзя обращать вниманія на первородство: оно только тогда можетъ имѣть мѣсто, когда всѣ дѣти царя одинаковаго достоинства; если же старшій плоховатъ или золъ, то отецъ долженъ передать власть другому; если же такое несчастіе, что между дѣтьми нѣтъ ни одного способнаго, то долженъ назначить преемникомъ кого-либо другаго изъ лицъ, вполне достойныхъ престола. Распоряженіе царя должно быть свято исполняемо, потому что въ немъ выражается воля народа. Такимъ образомъ въ началѣ избирательной монархіи волю народную можно изобразить такъ: мы всѣ желаемъ, чтобъ ты владѣлъ нами къ общей нашей пользѣ, и мы совлекаемся воли своей, пока ты живъ, и повинемся тебѣ; по смерти же твоей, опять при насъ будетъ. При учрежденіи же наслѣдственной монархіи, народъ однажды на всегда отрекся отъ своей воли и передалъ ее монарху и его наслѣдникамъ. Когда же это было? Впрочемъ, разумѣется было, если безпрестанно повторяется клятва безпрекословно повиноваться царю и его наслѣдникамъ. Признавая эту схоластическую изворотливость дѣйствительнымъ фактомъ, адво-

катъ выводить заключеніе, что въ наслѣдственной монархіи народъ не долженъ судить дѣла государя, ибо это значило бы, что народъ снова пользуется своею волею, отъ которой вполнѣ отрекся. Отрицаніе воли въ народѣ и полное предоставленіе ея властителю было принципомъ государственной дѣятельности Петра. Самовластіе его не было одною рутиною, наслѣдіемъ самодержавныхъ предковъ: оно вытекало изъ убѣжденія Петра и невѣрнаго взгляда его на свойства и потребности русскаго народа. Современники реформы и представители ближайшихъ къ ней поколѣній пытались объяснить самовластіе Петра сознаніемъ необходимости крутыхъ мѣръ, а не личною наклонностію и семейными преданіями автократа. Петръ самъ такъ оправдывалъ свое самовластіе: «говорять, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками; надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять; англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ; не сугублю рабства, когда желаю добра, и дубовыя сердца хочу видѣть мягкими»¹⁾. Въ приливѣ усердія и искусственного мистицизма, Теофанъ видитъ особенное попеченіе промысла о Россіи въ томъ, что противники ея государей были большею частію дураки: «есть чѣмъ поздравить государей нашихъ: которые доселѣ ни являлись высочайшей ихъ власти и чести ругатели, вси были до дна глупы: во истину тако дѣлается не безъ обильнаго Божія смотрѣнія». Лестя официально, Теофанъ подсмѣи-

1) Одинъ изъ писателей екатерининской эпохи всю отвѣтственность за деспотическія мѣры вваливаетъ на современное общество, давая слишкомъ мало значенія личному характеру Петра. По мнѣнію Щербатова, общество враждебно относилось къ дѣйствіямъ Петра частію по невѣжеству, частію по недобросовѣстности: враги реформы находили свои выгоды въ общей неурядицѣ, господствовавшей въ управленіи; но Петръ обнаруживалъ желаніе подвергать свои намѣренія суду другихъ: онъ совѣщался съ сенатомъ, поуждалъ говорить истинную правду, выслушивая самыя рѣзкія возраженія. Щербатовъ говоритъ: «нужда заставляла Петра быть деспотомъ; но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе и, можно сказать, вліянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ государя съ подданными». *Щербатова*: Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго. Библіографическія Записки. 1859 г. Т. II, стр. 353—371.

вался изподтишка надъ распоряженіями Екатерины, падъ ея любовью къ смотрамъ и разводамъ, говоря, что муштровать солдатъ — дѣло генераловъ, а не женщинъ.

Но какъ бы ни были нескрени многія мнѣнія Оеофана, никто изъ передовыхъ людей тогдашней Россіи не понималъ лучше его государственной дѣятельности Петра. Смотра на Россію исключительно какъ на государство, Оеофанъ говорилъ, что Петръ взялъ Россію деревянною, а оставилъ золотою. Чѣмъ болѣе казалось ему золотомъ все, что блестѣло въ преобразованной Россіи, тѣмъ сильнѣе возставалъ онъ противъ того, что посило слѣды деревянной Россіи. Понимая важность нововведеній и преобразованій, Оеофанъ доказывалъ ихъ прямую пользу и воіюющую необходимость. Вводитъ ли Петръ новое лѣтосчисленіе, отправляется ли путешествовать или заводитъ флотъ, Оеофанъ излагаетъ на все это разумныя причины. Счетъ годовъ отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ сотворенія міра, и начало новаго года съ января, а не съ сентября — какъ въ церковныхъ службахъ, возбудили большой ропотъ въ людяхъ, видѣвшихъ въ этой перемѣнѣ «великую ересь и погубленіе лѣтъ Божіихъ». Оеофанъ старается успокоить волненіе, показывая, что въ первые вѣка христіанства года не считались ни отъ сотворенія міра, ни отъ Рождества Христова, а обозначались именами римскихъ консуловъ; отъ Рождества Христова начали считать года въ римской церкви съ шестаго вѣка, а въ греческой многими вѣками позднѣе; счетъ отъ сотворенія міра встрѣчается въ одиннадцатомъ вѣкѣ; христіанамъ всего приличнѣе вести счетъ лѣтъ отъ прішествія Христа, и т. д. Путешествія Петра за границую были предметомъ различныхъ неблагопріятныхъ толковъ. Признавая, подобно самому Петру, безусловную пользу его путешествій для образованія ума, для изученія промышленности, военнаго и морскаго дѣла и международныхъ отношеній, Оеофанъ, также подобно Петру, невѣрно указываетъ страну для образца Россіи въ административномъ устройствѣ. Петръ считалъ полезнымъ ввести къ намъ нѣмецкую бюрократію, надѣлавъ

шую столько бѣдъ въ послѣдствіи. Оеофанъ называетъ Германію матерью всѣхъ странъ, утверждая, что въ Германіи путешественникъ познаетъ «чинное общепароднаго правительства устройство, обычаевъ доброту, разума и бесѣды сладость, храбрость, науку и остроуміе». Учрежденіе флота принято было весьма многими какъ совершенно безполезная новизна. Оеофанъ былъ изъ числа весьма немногихъ, вполне согласныхъ съ Петромъ въ убѣжденіи о необходимости флота, и чрезвычайно послѣдовательно и основательно доказывалъ свою и Петрову мысль о необходимости флота для Россіи свидѣтельствомъ исторіи европейскихъ народовъ и географическимъ положеніемъ Россіи, какъ приморской державы. Въ словѣ Оеофана о флотѣ есть мѣста, невольно напоминающія нѣкоторые эпизоды изъ послѣдней нашей войны. Если бы, говорить онъ, ѣхали къ намъ моремъ и добрые гости, не предупредивъ о себѣ, то нельзя бы приготовить для нихъ пріема: какимъ же образомъ устроить оборону для непріятеля, нечаянно нападающаго? одна конфузія, одинъ ужасъ, трепеть и мятежъ. А если бы и извѣстилъ кто о походѣ, то какъ знать, на который берегъ непріятель высадится, на который городъ нападетъ? Если непріятель и не удовлетворитъ вполне своему желанію, то все-таки, напугавъ и поругавшись, отступить безъ урона, не оставляя своего намѣренія, но откладывая его на другое время. «Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, говорить Оеофанъ, которая надъ рѣкою или озеромъ положена, и не имѣла бы лодокъ, а толь славной и сильной монархіи, полу-денная и полунощная моря обдержажщей, не имѣти бы кораблей, хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а самъ того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ пѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому, и наше море— не наше. Да посмотримъ, какъ то и поморіе наше: развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія. Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны воз-

вратити себѣ, и другія вновъ завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жити, и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися? Если бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстятъ о себѣ, моремъ ѣхали, узрѣвши ихъ, не мощно бы уготовити трактamentъ для нихъ: какъ же на такъ печально и скоро нападающаго непріятеля можно устроить подобающую оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскіи города, не весьма флота неимѣвшии, но неимѣвшии флота довольнаго, погибли разоренни не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, то есть морскихъ разбойниковъ, — полни суть исторія. А если же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія, однакожъ настрашавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начнешься, отходящаго нельзя догоняти. Кратко рещи, поморію, флотомъ невооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріателемъ, какъ трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами» ¹⁾).

Современные Теофану писатели, бывшіе приверженцами реформы, не разбирали, подобно ему, дѣйствию Петра, а превозносили ихъ до небесъ, не заботясь о справедливости своихъ высокопарныхъ прославленій. Гавріилъ Бужинскій, восхваляясь всѣмъ, что было въ духѣ правительства, и рѣзко осуждая всякое разногласіе съ нимъ, простеръ свое усердіе до того, что называлъ Петербургъ самымъ выгоднымъ, красивымъ по мѣстоположенію и пріятнѣйшимъ мѣстомъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, подобно тому, какъ Тредьяковскій восхвалялся даже петербургскимъ климатомъ:

1) Слова и рѣчи *Теофана Прокоповича*. 1761 г. Часть II. Слово о флотѣ Россійскомъ, стр. 45—61.

Но вамъ узрѣть, потомки въ градѣ семъ
Изъ всѣхъ тѣхъ странъ летающихся густо,
Смотрящихъ все, дивящихся о всемъ,
Гласящихъ: се рай сталъ, гдѣ было пусто
Не мало зрю въ округѣ я добротъ,
Рѣки твоей струи легки и чисты,
Студень воздухъ, но здоровъ его есть родъ,
Осушены почти ужъ блага мшисты.

Панегиристы Петра называли его русскимъ Давидомъ, разбившимъ Левенгаупта, россійскимъ Фивомъ, т. е. Фебомъ, обогатившимъ европейское полукружіе, Соломономъ, получившимъ всю царственную мудрость, вторымъ Иисусомъ Навиномъ, и отдавали Петру преимущество передъ Александромъ Македонскимъ.

Несравненно интереснѣе пустозвонной лести хвалителей голосъ противниковъ Петра, нескрывавшихъ своего образа мыслей. Писатели, неодобрявшіе цѣлей Петра и средствъ, избираемыхъ имъ, должны были или умолкнуть или ограничиться болѣе или менѣе смѣлыми, болѣе или менѣе ясными намеками. Жестокость царя, сопровождавшая пиры казнями, за каждымъ стаканомъ вина отсѣкавшего головы стрѣльцамъ, не могла не вызвать противодѣйствія въ проповѣдникахъ любви къ ближнему и кротости. Димитрій Ростовскій, въ словѣ на обрѣзаніе, говоритъ: да напишется пмя Иисусъ въ сердечной книгѣ Петра золотомъ: золото обыкновенно считается символомъ милосердія, человеколюбія. При Веспасіанѣ произошелъ въ сенатѣ споръ: какой богъ лучше? Иные говорили: богатый, другіе — мудрый, третьи — сильный. На это возразили, что въ первомъ случаѣ останутся безъ бога бѣдные, во второмъ — простые и необразованные, въ третьемъ — слабые. Споръ былъ прекращенъ чело-
вѣкомъ, носившимъ на груди такое изображеніе истиннаго Бога: въ правой рукѣ слово «обѣщаю», въ лѣвой «ожидаю», въ открытомъ боку: «прощаю», т. е. Богъ обѣщаетъ награду добрымъ,

ожидаетъ покаянія злыхъ, и прощаетъ кающихся грѣшниковъ. Всѣ единогласно рѣшили, что лучший и истинный богъ есть богъ человеколюбія и милосердія, т. е. именно тѣхъ свойствъ, которыхъ не доставало Петру. Въ этой аллегоріи заключался урокъ жестокому царю; Петръ любилъ аллегорію, и она была лучшимъ способомъ сказать горькую правду. Въ высшей степени замѣчательно слово Стефана Яворскаго во вторую недѣлю поста противъ фискаловъ. Это былъ своего рода протестъ противъ учрежденія тайной полиціи. Производство дѣлъ предоставлено было приказамъ, а фискалы обязаны были наблюдать за ходомъ дѣлъ и за поведеніемъ, образомъ жизни и поступками гражданъ вообще, доносить обо всемъ, что считали вреднымъ для государства, и на доносы ихъ не было апелляціи. Въ такомъ смыслѣ понималъ должность фискаловъ Стефанъ Яворскій, а слѣдовательно и всѣ мыслящіе его современники, и учредители ихъ открыто обличалъ въ нарушеніи священныхъ правъ закона. «Законъ Господень — говорятъ онъ — непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. Какой ми то законъ, напримѣръ, поставить назирателя надъ судами, и дати ему волю — кого хочетъ обличити, да обличить, кого хочетъ обезчестити, да обезчестить. Поклепъ сложити на ближняго судію — вольно то ему. А хотя того не доведеть, о чемъ на ближняго своего клевететь, то ему за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти. Искаль онъ моей главы, клепъ на меня вложилъ, а не довелъ: пусть положить свою голову; сѣтъ мнѣ скрыль; пусть самъ ввязнеть въ оную; ровъ мнѣ ископаль: пусть самъ впадетъ въ онъ... А то никакого слова ему не говорити запинаеть за безчестіе. А какой же законъ онъ — пороченъ или непороченъ? разсуждайте вы... Море свирѣпое — человѣкъ, преступающій законъ; берегъ есть — любить Бога и ближняго, берегъ — не творить обиды, берегъ — хранить посты, почитать иконы.... Ты же, свирѣпое море — человѣче своевольный, береги тыя преступаеши, ломиши, сокрушаеши... Но будетъ время, будетъ, грядетъ часъ на тебе,

своевольное море, егда волны твоя о песокъ гробный смерт-
ный разбѣются: въ то время отихнуть всѣ твои шумы, исче-
знутъ всѣ твои взыгранія, и которыя нынѣ волны твоя вос-
ходятъ до небесъ, въ то время до безднъ преисподнихъ снѣ-
дутъ». Сенаторы, слышавшіе проповѣдь, обвинили Стефана въ
зломъ умыслѣ, въ посягательствѣ на царскую честь и въ воз-
бужденіи народа къ бунту. Петръ также счелъ себя оскорб-
леннымъ, судя по тому, что прекратилъ переписку съ Явор-
скимъ, запуганнымъ сенаторами до того, что собирался по-
стричься въ схиму и какъ милости просилъ хоть одной буквы,
написанной рукою Петра, называя себя его рабомъ и подно-
жіемъ, смиреннымъ пастушкомъ рязанскимъ.

Для писателей, враждебныхъ Петру, былъ еще исходъ —
похвалы отвергнутому отцемъ царевичу Алексѣю Петровичу. А
царевичъ находилъ себѣ многихъ искреннихъ защитниковъ. Въ
объявленіи отъ синода сказано, что когда царевичъ открылъ
духовнику своему на исповѣди, что желаетъ смерти своему отцу,
духовникъ простилъ его именемъ Божіимъ, и сказалъ, что и
самъ желаетъ смерти Петру. Стефанъ Яворскій слово свое про-
тивъ фискаловъ заключаетъ такимъ обращеніемъ къ св. Алексѣю;
патрону царевича: «О угодниче Божій! не забуди и тезоимен-
ника твоего (т. е. царевича Алексѣя Петровича), особиннаго
заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдо-
вателя. Ты оставилъ домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ
скитается. Ты удалился отъ родителей: онъ такожде. Ты лишенъ
отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друзей, сродниковъ, знае-
мыхъ: онъ такожде. Ты человекъ Божій: онъ такожде истин-
ный рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій, покрый своего
тезоименника, нашу едину надежду. Дай намъ видѣти его воскорѣ
всякимъ благополучіемъ изобилующа, и его же нынѣ тѣшимся
воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превозвѣ-
леннымъ присутствіемъ». Въ сочувственномъ отзывѣ о царевичѣ
и названіи его единственною надеждою видно нерасположеніе къ
Петру, подобно тому, въ словахъ: «свирѣпое море — своеволь-

ный человекъ, выступаетъ изъ береговъ, ломить, сокрушаетъ» нельзя не узнать нагляднаго изображенія дѣйствій Петра: насильственная реформа именно въ такомъ образѣ представлялась ей противникамъ.

Смѣлѣе, нежели о самомъ Петрѣ, писатели могли говорить объ окружающихъ его и о другихъ общественныхъ дѣятеляхъ. Придворные, сенаторы, военные изображаются въ тогдашнихъ проповѣдяхъ юмористическими чертами. Извѣстны слова Теофана Прокоповича: «когда слухъ пройдетъ, что государь кому особливую свою являетъ любовь, вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, и умирати за него будто бы готовы; и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало; тотъ красоту тѣла описуетъ, хотя прямая харя; тотъ выводитъ рода древность изъ за тысящи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ.... Найдеть какъ бы похвалити и кашель господскій.... Услышитъ о болѣзни господину, тотчасъ свои ломы и шумы повѣствуетъ, каковъ во исторіяхъ хитрецъ Клеонъ, который, увѣдавъ, что Дарій ногу себѣ повредилъ, тотчасъ хромати началъ съ великимъ стенаніемъ». Въ словѣ на обрѣзаніе Димитрій Ростовскій обличаетъ лихонимство сенаторовъ и буйство военныхъ, придавая укорамъ своимъ видъ аллегоріи и шутки. Совѣты и рѣшенія сенаторовъ — говоритъ онъ — должны быть чисты, какъ серебро и притомъ седьмерицею очищенное, т. е. сенаторы не должны мнѣній своихъ говорить на вѣтеръ, а по долгомъ и внимательномъ обсужденіи дѣла. Но только что я это сказалъ, какъ вдругъ представился мнѣ образъ пророка, плачущаго о томъ, что измѣнилось доброе серебро. Отчего же измѣнилось оно? Не примѣшалось ли мѣди? Нѣтъ ни мѣди, а золота и серебра, которое даютъ просители судьямъ, и приговоръ судей портится отъ примѣси взятокъ: погубивъ прежнюю чистоту, они творятъ судъ не по правдѣ. Не думаю, прибавляетъ авторъ, чтобы такое серебро, т. е. взятки, водилось въ нашемъ сенатѣ и магистратѣ, и этимъ прибавленіемъ объяснилъ смыслъ аллегоріи даже и тѣмъ изъ недогадливыхъ слушателей, которые не

замѣтили прямого отношенія ея къ нравамъ петербургской бюрократіи. Поведеніе военныхъ ораторъ представляетъ такимъ образомъ: Моисей, въ приливѣ негодованія на своихъ соотечественниковъ, разбилъ скрижали, на которыхъ были заповѣди; скрижали разбились пополамъ, и на одной половинѣ остались одни отрицанія: не, а на другой: убій, укради, прелюбодѣйствуй и т. д. Этой-то послѣдней скрижали до сихъ поръ придерживаются люди военные: убиваютъ, похищаютъ, прелюбодѣйствуютъ и обижаютъ ближнихъ.

Обличая сильныхъ міра и осмѣивая общественные пороки и слабости, писатели не забывали и народа. Они высказывали участіе къ его суровой долѣ и гнету, налагаемому на него другими сословіями. Четыре сословія Стефанъ Яворскій изображаетъ аллегорически въ видѣ четырехъ одушевленныхъ колесъ таинственной колесницы въ видѣніи пророка: первое колесо — бояре, вельможи и совѣтники царскіе; второе — военные, генералы, кавалеры, капитаны и прочіе офицеры; третье — духовные; четвертое — люди простые, граждане, ремесленники и крестьяне земледѣльцы; четвертое колесо скрипливое, всегда скрипитъ и ропщетъ, что дань даетъ: правда и то, что бремя иногда такое кладутъ на колесо, что бѣдное не только скрипитъ, но и ломится. Димитрій Ростовскій отдаетъ преимущество передъ другими классами общества сословію рабочему, въ потѣ лица добывающему хлѣбъ. Проповѣдникъ представляетъ царство небесное ищущимъ себѣ пріюта. Входитъ оно въ палаты князей и бояръ, видитъ тамъ богатство несправедливое, собранное отъ грабежа, обидъ и слезъ людскихъ: не полюбилось ему, и оно отошло прочь. Пошло въ ряды, гдѣ товары торговыхъ людей, и думаетъ: здѣсь всякій живетъ отъ своего труда; по смотритъ, какъ дѣлается купля и продажа, и замѣчаетъ великій обманъ: другъ другу лжетъ, худое продаетъ вмѣсто хорошаго и беретъ барыши. Оттуда пошло въ приказы, въ ратуши, но видя, что судьи берутъ взятки, удаляется. Входитъ въ храмъ Божій: иные дремлютъ, другіе говорятъ о постороннемъ, клирики читаютъ и

поютъ безъ вниманія, сквернословятъ, а иногда дерутся. Идетъ въ село и видитъ тамъ страшныя бѣдствія мучимыхъ голодомъ и праведомъ, такъ что едва душа въ тѣлѣ держится: здѣсь останусь я, сказало оно. Въ селѣ, среди вѣчныхъ тружениковъ, царство истины нашло себѣ достойный пріютъ, котораго искало такъ долго и такъ напрасно.

Подобными намеками ограничивается участіе къ народнымъ нуждамъ, заявленное корифеями тогдашней литературы. Время полного введенія общественныхъ и народныхъ интересовъ въ литературную сферу еще не наступило. Нужно было обществу пережить многое, дѣателямъ его нужна была тяжелая школа, чтобы убѣдиться въ правахъ тружениковъ, весь вѣкъ трудившихся для того, чтобы другимъ веселѣе было жить на бѣломъ свѣтѣ. Правда, голосъ противъ крѣпостнаго гнета раздавался въ весьма раннюю эпоху общественной жизни Россіи; уже императрицѣ Елисаветѣ представляли проекты освобожденія крестьянъ, но окружавшіе ее не давали ходу подобнымъ вещамъ. Въ литературѣ собственно взглядъ на народъ съ этой точки зрѣнія высказался гораздо позже. Долгое время словесность наша была литературою государства російскаго, а не литературою русскаго народа.

Независимо отъ примиренія общества съ мѣрами неутомимой реформы, литература петровскаго періода занята была отчасти внѣшностями, введеніемъ новыхъ формъ, подобно тому какъ занимались этимъ и общество и администрація. Теофанъ называетъ стихотворство болѣзнію своего вѣка. Новизною тогдашней литературы, сверхъ рѣмованныхъ стиховъ, была драматическая форма. Появилось много драмъ духовнаго содержанія, встрѣчаются и драмы свѣтскія, переводныя, преимущественно комедіи Мольера, преданія о которомъ еще такъ живы были тогда на французской сценѣ. Впрочемъ старинные переводы

комедій и интермедій относятся уже ко временамъ Анны Иоанновны; болѣе древніе извѣстны только по упоминаніямъ о нихъ, доказывающимъ ихъ существованіе. Тѣмъ интереснѣе переводъ, находящійся между бумагами Петра Великаго, едва ли не самый древній изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ переводовъ Мольера на русскій языкъ. Комедія *Les précieuses ridicules* переведена подъ именемъ «Драгія смѣяныя»; видно, что переводчикъ больше заботился о передачѣ словъ, нежели мысли, иного не понималъ самъ, другое перевелъ такъ, что нельзя понять безъ французскаго подлинника. Вотъ нѣсколько отрывковъ:

Marotte. Que désirez vous, monsieur?

Gorgibus. Où sont vos maîtresses?

Marotte. Dans leur cabinet.

Gorgibus. Que font-elles?

Marotte. De la pommade pour les lèvres.

Gorgibus. C'est trop pommadé: dites-leur qu'elles descendent. Ces pendardes-là, avec leur pommade, ont, je pense, envie de me ruiner. Je ne vois partout que blancs d'oeufs, lait virginal, et mille autres brimborions, que je ne connais point. Elles ont usé, depuis que nous sommes ici, le lard d'une douzaine de cochons, pour le moins, et quatre valets vivraient tous les jours des pieds de moutons qu'elles emploient. Il est bien nécessaire vraiment de faire tant de dépense pour vous

Маротъ. Что вопрошаешь, господине?

Горжибусъ. Гдѣ суть твои госпожи?

Маротъ. Увѣ избѣ.

Горжибусъ. Что дѣлаютъ?

Маротъ. Помаду для губъ.

Горжибусъ. Помаду, помаду, всегда помаду: позови ихъ, дабы пришли. Онѣя дьяволицы зъ такъ великими помадами хотятъ мене къ убожеству привести. Ничто не вижду, развѣ яйца, молоко свѣжее, рассоль съ огурцами, земляницы, сало и телячій жиръ. Дванадесять окороковъ ни во что вмѣниша, и четыре слуги жили бы всегда повседневно ногами баранячими, которыхъ употребляютъ. Есть нужно дати такъ великія деньги за ваши лица изрядныя! Скажите мнѣ нѣчто

graisser le museau! Dites-moi un peu ce que vous avez fait à ces messieurs, que je les vois sortir avec tant de froideur? Vous avais-je pas commandé de les recevoir comme des personnes que je voulais vous donner pour maris?

Madelon. Et quelle estime, mon père, voulez-vous que nous fassions du procédé irrégulier de ces gens-là?.... la belle galanterie que la leur! quoi! débiter d'abord par le mariage?

Gorgibus. Et par où veux-tu donc qu'ils débutent? par le concubinage?

Madelon. Le mariage ne doit jamais arriver qu'après les autres aventures. Il faut qu'un amant, pour être agréable, sache débiter les beaux sentiments, pousser le doux, le tendre et le passionné, et que sa recherche soit dans les formes. Premièrement, il doit voir au temple, ou à la promenade, ou dans quelque cérémonie publique, la personne dont il devient amoureux: ou bien être

мало, что содѣласте сямъ господамъ, которыхъ азъ вамъ показвахъ, и которыхъ вижу выходящихъ зъ моего двора съ такъ великимъ встыдомъ. Не повелѣвалъ ли вамъ ихъ пріятіи аки людей разсудныхъ и которыхъ вамъ хотѣлъ дати въ мужей?

Магдалина. И какую цѣну, мой отче, можетъ имѣти для нихъ, что возможемъ сдѣлати съ тыми глупыми людьми, которые имѣють манеры сиде деревенскія?... Какая изрядная галантерія ихъ, что заразъ глаголють о брацѣ того ради, что есмы богаты?

Горжибусъ. Какого разговору хотите, да имуть купно съ вами? требуете ли, да глаголють о похотѣ?

Магдалина. Бракъ никогда же долженствуетъ быти по мученіяхъ и трудахъ. Надобно, дабы былъ единъ подобающій жепыхъ, знающій художество въздыханія, выдающееся младъ, сладкоглаголивъ и терпѣливъ; надобно, дабы была его перквизія во образѣ. Первѣе требѣ, дабы видѣлъ въ храмѣ или на какомъ прохожденіи или на какой церемоніи публичной то

conduit fatalement chez elle par un parent ou un ami, et sortir de là tout rêveur et mélancolique. Il cache un temps sa passion à l'objet aimé, et cependant lui rend plusieurs visites où l'on ne manque jamais de mettre sur le tapis une question galante qui exerce les esprits de l'assemblée... Après cela viennent les aventures, les rivaux qui se jettent à la traverse d'une inclination établie, les persécutions des pères, les jalousies conçues sur de fausses apparences, les plaintes, les désespoirs, les enlèvements, et ce qui s'ensuit. Voilà comme les choses se traitent dans les belles manières, et ce sont des règles dont, en bonne galanterie, on ne saurait se dispenser...

Gorgibus. Quel diable de jargon entends-je ici? Voici bien du haut style.

Cathos. En effet, mon oncle, ma cousine donne dans le vrai de la chose. Le moyen de bien recevoir des gens qui sont tout-à-fait incongrus en galanterie! Je m'en vais gager qu'ils n'ont jamais vu la carte de Tendre, et que Billets-doux, Petits-soins, Billets-galants et Jolis-vers sont

лицо, за которое загорается пламенемъ любви; или дабы былъ введенъ насильно отъ отца или друга своего, и выходити съ своего двора съ великою тугою и меланхоліею. Надобно, дабы воздерживался временемъ отъ своего страданія любви; такожде да посѣщаетъ многожды свою возлюбленную на всякомъ мѣстѣ и въ ея дворѣ, гдѣ долженствуетъ быти изрядная нѣкая квестія ко веселію сердечному.... Напослѣдокъ приходятъ несчастія, и иные любящіе видятся наклоненіемъ постояннымъ быти, наслѣдія отческія, ненависти обманныя и злопостоянныя... какимъ подобіемъ себе возвышаютъ вещи, дабы были изрядныя, и сицевыя суть правила, о которыхъ никто можетъ себе возвысити.

Горжибусъ. Какій дьявольскій выговорный зѣло есть и возвышенный есть сей стиль.

Катосъ. Истинно, мой дѣдушка, моя другиня глаголетъ, какимъ подобіемъ къ симъ людямъ прилѣпится, которые суть ненавистны въ галантеріи и въ красотѣ! Пройграю я съ тобою что сходишь: никогда же читаша хартію младаго сердца... что то такое есть грамотка воз-

des terres inconnues pour eux. Ne voyez-vous pas que toute leur personne marque cela, et qu'ils n'ont point cet air qui donne d'abord bonne opinion des gens? Venir en visite amoureuse avec une jambe toute unie, un chapeau désarmé de plumes, une tête irrégulière en cheveux, et un habit qui souffre une indigence de rubans; mon Dieu! quels amants sont-celà. Quelle frugalité d'ajustement, et quelle sécheresse de conversation! On n'y dure point, on n'y tient pas. J'ai remarqué encore que leurs rabats ne sont pas de la bonne faiseuse, et qu'il s'en faut plus d'un grand demi-pied que leurs hauts-dechausses ne soient assez larges.

(Scènes III—V)

Mascarille. Oh! Oh! je n'y prenais pas garde:

Tandis que, sans songer à mal, je vous regarde,

Votre oeil en tapinois me dérobe mon coeur;

Au voleur! au voleur! au voleur! au voleur!

Madelon. Je vous assure que nous sympathisons, vous et moi.

любленная, грамотка сладкая, миротвореніе изрядное, малыя вины, остатняя вся, которыя добаваются зѣло въ любви,—суть земли несвѣдомыя для нихъ. Не видѣши ли, цѣлое ихъ лице знаменуетъ тое и суть приуготовлены къ тому благородному стану, который даетъ воскорѣ доброе мнѣніе народомъ? Приходятъ ко посѣщенію возлюбленному зъ единою голенію простою и безъ дыяментовъ, зъ единою шляпою неукрашенною мѣдію, глава не-устроена власами, една одежда, которая страждетъ безъ употребленія лентъ, швы или галонки. О мой Боже! какія суть облюбенцы оныя! какая нужда, какая жажда разговору! никто же можетъ стерпѣти тое. Повторяю я ихъ назнаменовала, что ихъ галштухи не очень долги, а педобре содѣланные, и штаны не очень широкия.

Маскарилъ. Ахъ, ахъ, я не бояся вѣрилъ.

Быти во правости съ ней не измѣрилъ:

На твои очи нынѣ взирающе,
Обнажиша мнѣ сердце, ты зывающе,
Аки лютый разбойникъ въ пустынь,
Въ дебри широкой и темной густынь.

Магдалина. Мы имѣемъ съ тобою равный обычай. Азъ есмь

J'ai une délicatesse furieuse pour tout ce que je porte; et jusqu'à mes chaussettes, je ne puis rien souffrir, qui ne soit de la bonne ouvrière.

Mascarille. (S'écriant brusquement). Ahi! ahi! ahi! doucement. Dieu me damne! mesdames, c'est fort mal en user; j'ai à me plaindre de votre procédé; cela n'est pas honnête... Quoi! toutes deux contre mon coeur, en même temps! M'attaquer à droite et à gauche! Ah! c'est contre le droit des gens: la partie n'est pas égale; et je m'en vais crier au meurtre.

Madelon. Il a un tour admirable dans l'esprit...

(Scène X).

также страшно нѣжная; аще мои чулки не суть добраго дѣла, азъ не ношу.

Маскариль. (Кричитъ аки немощной). Гай, гай, гай! тихо, госпоже, растакая мать, сіе не есть добрѣ, азъ за то браню... Что! вы оба противны моему сердцу, въ единомъ часу! Отъ правой стороны и отъ лѣвой угрызаете мя! Сіе есть противно правдѣ: часть есть неровная, и азъ буду кричать вельми.

Магдалина. Предивную имѣетъ разума силу....

Комедія, отрывки изъ которой мы привели, представлена была въ Новгородѣ, въ присутствіи «самоѣдскаго короля». Этотъ самоѣдскій король писалъ письма къ Петру Великому, просилъ его участія къ своему положенію, увѣрялъ въ покорности, жаловался на воеводъ, сообщалъ и политическія извѣстія и забавныя вѣсти. Обращаясь къ государю, называлъ его сиромъ; письма свои писалъ изъ Москвы и Новгорода, въ 1708 году; на одномъ конвертѣ отмѣчено: «дурака самоѣдскаго». При дворѣ Петра часто являлись инородцы подъ названіемъ королей, принцевъ, князей; они выписывались въ столицу какъ диковинки, забавляли царя и окружающихъ его оригинальностью одежды и пріемовъ; иногда же состояли въ свитѣ въ качествѣ придворныхъ шутовъ. Одинъ лапландецъ подъ именемъ лапландскаго

короля обращался къ европейскимъ дворамъ съ просьбою ходатайствовать о немъ у русскаго императора. Лапландскій король, подобно самоѣдскому, жаловался на свое плачевное состояніе и на воеводъ, задержавшихъ его въ Астрахани ¹⁾. Между русскими вельможами появлялся при дворѣ и калмыцкій принцъ, то въ своемъ калмыцкомъ нарядѣ, то одѣтымъ по-французски, въ парчевомъ камзолѣ и съ длиннымъ парикомъ на головѣ ²⁾. О самоѣдскомъ королѣ ходили слухи, что онъ не самоѣдъ, а полякъ, принявшій королевскій титулъ и роль придворнаго шута на выгодныхъ условіяхъ ³⁾. Въ одномъ изъ писемъ самоѣдскій король увѣдомляетъ Петра, что французское правительство обѣщаетъ дружбу Петру, и разрываетъ связи съ поляками и шведами, и есть надежда, что Августъ возвратится въ свое королевство. Въ другихъ письмахъ жалуется, что его притѣсняютъ на пути изъ за подорожной, выданной ему отъ министровъ, и онъ имѣлъ два боя съ вышеволоцкими и хотыловскими жителями: «я пришолъ, говорятъ онъ, воевать не съ вашими подданными, а со шведами». Въ посланіяхъ его есть и юморъ и даже силлабическіе стихи. Онъ извѣщаетъ Петра, что «великій генераль Лефорть по указамъ, ему даннымъ о смерти, поѣхалъ въ дальнюю страну на пространный лугъ цесаря кесаря навѣстить,

Идѣже сей богатырь гуляетъ,
Всего отставши, ни о чемъ не думаетъ,

1) *Das veränderte Russland*. Т. II, стр. 165.

2) *Дневникъ Берхгольца*. 1860. Часть IV, стр. 62, 113.

3) *Das veränderte Russland*. 1744. Т. I, на стр. 18—21, 29, 396—405, говорится о самоѣдахъ, ихъ нравахъ, образѣ жизни и пр. § 106—107: Sie hätten keine Obrigkeit, als einen Bojaren, der aber weit von ihnen wohnte, und denjenigen König, welchen der Czar ihnen vor einigen Jahren gegeben. Der Commandeur berichtete uns hiebey, gedachter samojedischer König wäre ein Polacke, hätte monatlich zehn Rubel nebst Essen und Trincken, und wohnte beständig in Petersburg, weil er zu gleicher Zeit einen lustigen Rath mitabgäbe.

и хотя Лаэортовы богатства и маестности, данныя ему чрезъ ваше величество,

день и ночь о мнѣ вздыхаютъ,
и дабы быти мужемъ его прекрасной жены зѣло желаютъ.

Однако же говорю, что если царское величество не позволить, я ничего не учиню, и реченное желаніе не возлюблю». Изъ Москвы онъ пишетъ: «Государь! король самоѣдскій по полю ходитъ гордъ, какъ Амадисъ, но изъ казны вашего величества не много видитъ копѣекъ. Послѣдствуя повелѣнію вашего царскаго величества, ѣдетъ онъ съ аптекаремъ, и недѣли въ двѣ мы будемъ въ Петербургѣ поздравлять васъ съ великими рюмками».

Довольно оригиналенъ выборъ пьесы для представленія передъ этимъ странствующимъ рыцаремъ и новгородскою публикою. Комедія *Précieuses ridicules*, имѣвшая блестящій успѣхъ на парижской сценѣ, направлена противъ излишней чопорности и утонченнаго педантизма, противъ такъ называемаго «альковнаго вкуса», и усѣяна намеками на тогдашніе нравы, каламбурами и щеголеватыми фразами, составленными въ насмѣшку надъ чопорными пуристами. И эта комедія дается въ Новгородѣ, среди общества, у котораго литературный вкусъ не только не перешолъ границъ изящества, но и не достигъ еще необходимой нормы, не удовлетворяя самымъ умѣреннымъ требованіямъ приличія, какъ можно судить по тривиальностямъ, попадающимся у лучшихъ писателей того времени. Передать всѣ тонкости оригинала было крайне затруднительно для переводчиковъ, и къ нимъ можно отнести слова одной изъ *précieuses* объ искателяхъ ея руки: «*billets-doux, petits-soins, billets-galants et jolis-vers sont des terres inconnues pour eux*». Но тогдашніе зрители, привыкшіе къ «пещнымъ дѣйствіямъ» и притчамъ о блудномъ сынѣ, не были такъ взыскательны, и пьеса Мольера въ плохомъ переводѣ могла произвести пріятное

впечатлѣніе на новгородскихъ театраловъ начала восемнадцатаго столѣтія. Не только провинціальной, но и столичной публикѣ того времени особенно нравились представленія, въ которыхъ фокусникъ «воздвигаетъ ногу позадь себе выше главы, и стоитъ въ равной линіи съ другою ногою, еже всему свѣту удивительно».

Оеофанъ Прокоповичъ и его время.

И. Чистовича. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб.
1868 г. ¹⁾).

Въ четвертомъ томѣ *Сборника статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, помѣщенъ трудъ г. Чистовича подъ названіемъ: «Оеофанъ Прокоповичъ и его время». Дѣятельность такого писателя, какъ Оеофанъ Прокоповичъ, по всей справедливости можетъ и должна быть обзрѣваема въ связи съ его временемъ. Существенная особенность произведеній Оеофана Прокоповича заключается въ томъ, что они вытекаютъ изъ обстоятельствъ и духа своего времени, что въ нихъ выражается яркими чертами умственная и общественная жизнь Россіи въ началѣ XVIII вѣка.

Оеофанъ Прокоповичъ составляетъ средоточіе писателей эпохи Петра Великаго. Нѣкоторые изъ нихъ вполне сочувствовали воззрѣніямъ и стремленіямъ Оеофана Прокоповича; другіе рѣзко отдѣлялись отъ него преимущественно въ вопросахъ, касающихся общественной жизни. Во главѣ дѣателей и писателей, сочувствовавшихъ Оеофану Прокоповичу, стоитъ Петръ Великій. Въ исторіи рѣдко встрѣчается такое глубокое и искрен-

1) Журн. Минист. Нар. Просвѣщ. 1869 года, № 3, стр. 257 сл.
Сборникъ II Отд. И. А. Н.

нее согласіе общественныхъ дѣятелей во взглядѣ на всѣ явленія умственной и государственной жизни, какое замѣчается между Оеофаномъ Прокоповичемъ и Петромъ Великимъ. Со стороны Оеофана подобное согласіе не было ни своекорыстнымъ расчетомъ, ни невольною уступкой могучей волѣ преобразователя. По складу своего ума, по отношеніямъ къ современному ему обществу, по своему внутреннему влеченію Оеофанъ всецѣло отдался идѣ преобразованія, оживлявшей всѣ дѣйствія Петра Великаго. Еще въ началѣ своего литературнаго поприща, будучи вдали отъ общественной среды, въ которой онъ игралъ такую важную роль въ послѣдствіи, Оеофанъ съ замѣчательною энергіей возставалъ противъ невѣжества, косности, лицемѣрія, застоя и безпощадными сатирическими выходками преслѣдовалъ упорныхъ приверженцевъ старины, порицавшихъ разумныя нововведенія.

Чѣмъ искреннѣе Оеофанъ сочувствовалъ реформѣ, чѣмъ съ большею энергіей дѣйствовалъ въ ея духѣ, тѣмъ сильнѣе разгоралась вражда, возбужденная имъ въ кругу людей противоположнаго образа мыслей. Оеофану пришлось быть свидѣтелемъ многихъ печальныхъ событій, вызванныхъ враждебными отношеніями его къ противникамъ реформы. Но его несомнѣнныя достоинства, его просвѣщенный умъ и вѣрность знамени, которое онъ съ такою честью держалъ въ рукахъ своихъ во времена Петра Великаго, упрочили за нимъ уваженіе всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. Въ ряду образованнѣйшихъ современниковъ Оеофана горячимъ приверженцемъ и ревностнымъ почитателемъ его былъ Кантемиръ. Литературное родство этихъ двухъ писателей не подлежитъ сомнѣнію. Многія черты въ сатирахъ Кантемира, самый взглядъ его на различные предметы и лица служатъ отраженіемъ Оеофановыхъ понятій и убѣжденій. Весьма часто Кантемиръ смотрѣлъ на вещи глазами Оеофана и повторялъ въ силлабическихъ стихахъ то же самое, что мѣтко выражено въ одушевленной прозѣ Оеофана Прокоповича, напоминающей своими оборотами полновѣсную и своеобразную рѣчь Ломоносова. Кантемиръ восхваляетъ всеобъемлющій умъ и зна-

нія Θεοφана и въ его словахъ и писаніяхъ видитъ откровеніе высшей истины, добра и мудрости. Обращаясь къ Θεοфану, Кантемиръ говоритъ:

Дивный первосвященникъ, которому *сила*
Вышней мудрости свои тайны всѣ открыла,
 И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
 Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ!
 Θεοфанъ, которому *все та далось знати,*
Здрава челоука умъ что можетъ поняти! . . .
 Пастырь прилежный своемъ о стадѣ радѣетъ
 Недремно; спасенія сѣмя часто сѣетъ
 И раститъ примѣромъ онъ, такъ какъ словомъ, тщится.
 Главный и церкви всея правитель садится
 Не напрасно подъ царемъ. Церковныя славы
 Пристойно защитникъ онъ, изнуренны правы
 Исправляетъ пастырей и хвальный чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ его устъ и ведетъ въ истинну дорогу.
 Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
 Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуду приличны
 Намъ струи. Труды его безъ конца различны ¹⁾.

Хвалебный голосъ Кантемира не былъ одинокимъ. Ломоносовъ, Татищевъ, Сумароковъ, члены Петербургской Академіи Наукъ и иностранные ученые заявляли свое высокое уваженіе къ заслугамъ знаменитаго сподвижника Петра Великаго.

Но самая дѣйствительная дань уваженія Θεοфану принесена издателемъ единственнаго до сихъ поръ, хотя далеко не полнаго, собранія его сочиненій, первая часть котораго вышла въ 1760 г.

1) Сатира III, о различіи страстей человѣческихъ, стих. 1—6, 361—372 и соотвѣтствующія примѣчанія. Сочиненія, письма и избранные переводы князя Антіоха Дмитріевича Кантемира (ред. изд. П. А. Ефремова). Спб. 1867.

Матеріали для этого изданія собираемы были въ теченіе долгаго времени, съ большимъ вниманіемъ и замѣчательною для того времени требовательностью; припаты въ соображеніе и печатныя изданія отдѣльныхъ произведеній, и рукописи, причемъ каждое произведеніе, печатаемое вновь, приготовлено къ изданію по многимъ и лучшимъ спискамъ. Сочиненія изданы не въ произвольномъ, какъ водилось тогда, а въ *хронологическомъ* порядкѣ съ указаніемъ года, числа и мѣста появленія. Въ концѣ первой части помѣщенъ перечень всѣхъ сочиненій Оеофана на русскомъ языкѣ. Этотъ перечень цѣликомъ внесенъ въ словарь Новикова, по заглавіе каждаго труда сокращено. Свѣдѣнія о Оеофанѣ, которыя позднѣйшіе библіографы приводятъ изъ словаря Новикова, говоря, что тамъ они встрѣчаются впервые, взяты Новиковымъ у перваго издателя сочиненій Оеофана Прокоповича. Такъ, извѣстіе о замѣчательной драматической піесѣ Оеофана: «Владиміръ» сообщено составителемъ перечня и на основаніи его внесено въ словарь Новикова. Первымъ указаніемъ на эту піесу библіографы считаютъ упоминаніе Новиковымъ стихотворнаго сочиненія: «Владиміръ, трагедокомедія». Въ перечнѣ, приложенномъ къ первому изданію Оеофана, она обозначена гораздо опредѣленнѣе: «Владиміръ, всѣхъ славенороссійскихъ странъ князь и повелитель — трагедокомедія, представленная въ Кіевѣ іюля 3-го дня 1705 года». Въ перечнѣ точно означены, какія произведенія изданы въ свѣтъ, какія остаются въ рукописи; у Новикова не наблюдается этого различія. Сужденіе перваго издателя о Оеофанѣ отличается дѣльностью, выходя изъ ряда общихъ мѣстъ, расточавшихся избыточно въ послѣдствіи. Онъ признаетъ Оеофана замѣчательнымъ полигисторомъ, считая существенною особенностью и достоинствомъ его то, что онъ былъ «поборникомъ и провозвѣстникомъ великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ обновителя и просвѣтителя Россіи Петра Великаго». Цѣнность изданія сочиненій Оеофана обнаруживается особенно ярко при сравненіи съ позднѣйшими изданіями другихъ писателей. Въ собраніи сочиненій дру-

гой литературной знаменитости Петровской эпохи, Стефана Яворскаго, нѣтъ ни полноты, ни строгаго выбора, ни хронологическихъ указаній; въ числѣ подлинныхъ произведеній автора, умершаго въ 1722 году, напечатаны передѣлки, явившіяся въ позднѣйшихъ журналахъ. За словомъ въ день апостола Андрея Первозваннаго и предисловіемъ на книгу бесѣдъ Златоуста помѣщено переложеніе элегіи Стефана Яворскаго, изданное въ еженедѣльномъ журналѣ *Трудолюбивый Муравей* 1771 года ¹⁾.

Въ сужденіяхъ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, какъ о писателѣ, выражается литературное направленіе, господствовавшее, съ различными видоизмѣненіями, въ восемнадцатомъ и отчасти въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Приемы литературной критики восемнадцатаго столѣтія всего ярче выражаются въ статьѣ Сумарокова, слывшаго оракуломъ въ кругу писателей своего времени. Слѣдуя господствующему обычаю, Сумароковъ всю критику сводитъ на разборъ языка и слога и достоинство русскихъ писателей измѣряетъ предполагаемымъ сходствомъ съ корифеями французской словесности. Пяти свѣтиламъ въ области духовнаго краснорѣчія: Боссюэту, Бурдалу, Флешье, Масильйону и Сорену, соответствующъ, по распредѣленію Сумарокова, пять русскихъ ораторовъ: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гедeonъ, епископъ Псковскій, Гавріилъ, архіепископъ Петербургскій, Платонъ, архіепископъ Тверскій, и Амвросій, префектъ Иконоспасскаго училища. Гедео́на онъ называетъ русскимъ Флешье, Платона—русскимъ Бур-

1) Слова Стефана Яворскаго, обращенныя къ библіотекѣ: «грядите, мои руки часто пестованныя книжицы; грядите, свѣте мой, лѣпота моя и красота моя; шествуйте благополучно, и иныхъ разумы пасите, и сладость вашу другимъ уже изливайте», переложены такъ:

Идите отъ моихъ, любезны книги, рукъ,
Изъ моихъ почерпалъ я сладости наукъ,
Идите и другихъ умы уже питайте,
И въ нихъ сладчайшій свой вы нектаръ изливайте!
Богатство, слава, честь и счастье дней моихъ
Зависѣло отъ васъ, возлюбленныхъ моихъ книгъ.

далу, а для болѣе точнаго сравненія Теофана переходитъ отъ вѣка Людовика XIV ко временамъ классической древности.

«Сей великій риторъ», говоритъ Сумароковъ о Теофанѣ, «есть российский Цицеронъ. Малороссийскія рѣченія и требуемыя, не вѣдаю ради чего, чужестранные слова, сочиненія его нѣсколько безобразятъ; но они довольно заплачены другою чистотою. Въ семъ риторѣ вижу я величество, согласіе, важность, восхищеніе, цвѣтность, разсужденіе, быстроту, перевороты, страсть и сердце-движеніе, огромность, ясность и все то, что особливо Цицерону свойственно было, и видно, что онъ все свое краснорѣчіе на семъ отцѣ латинскаго краснорѣчія основалъ... Вспомня нѣкоторыя уподобленія Софокла, Еврипида и Есхила съ водными потоками, скажу: Теофанъ подобенъ гордой и быстротекущей рѣкѣ, разливающейся по лугамъ и орошающей горы и дубравы, отрывающей камни съ крутыхъ береговъ, шумящей въ своихъ предѣлахъ и журчащей иногда подъ тѣнію соплетенныхъ деревьевъ, наводняя гладкія во время разливанія долины» ¹⁾.

Современникъ Сумарокова, Дмитревскій, признавалъ въ Теофанѣ великій умъ, разлитый во всѣхъ его произведеніяхъ, и утверждалъ, что все, что вышло изъ подъ пера Теофана, возвышенно, благородно и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно чуждо напыщенности ²⁾.

Критика девятнадцатаго столѣтія большею частью повторяла о Теофанѣ то, что находится въ превосходномъ трудѣ митрополита Евгенія и въ статьѣ Каченовскаго. Въ Словарѣ русскихъ писателей митрополитъ Евгеній съ свойственною ему добросовѣстностію подробно исчисляетъ сочиненія Теофана Прокоповича и сообщаетъ о немъ біографическія свѣдѣнія. Въ высшей степени осторожный въ приговорахъ о писателяхъ, митрополитъ Евгеній не вдается въ пространную характеристику Теофана, ограничиваясь лишь нѣсколькими чертами и скрѣпляя ихъ сти-хами Кантемира, подобно тому какъ и Новиковъ въ словарѣ

1) Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ *А. П. Сумарокова*. 1787. Часть VI. О российскомъ духовномъ краснорѣчии. Стр. 280—283.

2) *Feofan Prokopowitsch, Erzbischoff von Nowgorod — ein Mann von groszem Geiste, den er in seinen Predigten und Lobreden überall verräth. Alles, was er in dieser Art geschrieben hat, ist erhaben und edel, ohne dasz er jemals ins Schwallstige fällt* (Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste. Leipzig. 1768. VII. Band. Ср. Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. *П. А. Ефремова*. Спб. 1867, стр. 145).

своемъ приводить, какъ лучшую оцѣнку Теофана, стихи изъ третьей сатиры Кантемира.

Статья Каченовскаго подъ названіемъ: «Взглядъ на успѣхъ россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія», помѣщена въ октябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1811 г. Такъ какъ въ этой статьѣ выражается тонъ и характеръ критики, господствовавшій у насъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, и такъ какъ она послужила источникомъ для послѣдующихъ отзывовъ, то мы приведемъ вполнѣ характеристику Теофана, предложенную однимъ изъ лучшихъ критиковъ своего времени — Каченовскимъ.

«Одни только названія всѣхъ произведеній сего знаменитаго писателя», говоритъ Каченовскій, «могутъ cadaго привести въ изумленіе. Онъ упражнялся въ витійствѣ и въ стихотворствѣ, въ философіи и въ богословіи, въ исторіи и въ политикѣ, въ наукѣ о древностяхъ и въ дипломатикѣ. Только Теофановъ умъ и дарованія достаточны были къ тому, чтобы такъ убѣдительно доказывать пользу новыхъ перемѣнъ и учреждений, такъ краснорѣчиво прославлять чудесные подвиги безсмертнаго преобразователя, такъ искусно обличать упорное невѣжество. Теофанъ имѣлъ отличную способность пріятно произносить слова свои передъ слушателями. Современники могли усладиться голосомъ его, тѣлодвиженіями, выраженіемъ лица; но для насъ не существуетъ сія прелесть, которою иногда славятся и посредственные ораторы. Мы смотримъ на вѣковыя достоинства Теофановы, на зрѣлыя мысли его, на силу доказательствъ, на ораторскую хитрость въ употребленіи способовъ удостовѣрить и убѣдить слушателей, а особливо на искусное расположеніе частей слова, ибо наиболѣе по расположенію частей безошибочно судить можно объ успѣхахъ витійства. Каждый одаренный здравымъ разумомъ человекъ способенъ правильно мыслить и сильно доказывать свое мнѣніе; но расположить искусственное слово такимъ образомъ, чтобы оно удобно напечатѣвалось въ памяти слушателя и производило бы въ немъ желаемое дѣйствіе, можетъ только ученый и опытный ораторъ. Таковъ точно порядокъ въ похвальныхъ и поучительныхъ словахъ Теофановыхъ. Въ каждомъ изъ нихъ видимъ взаимную зависимость мыслей, раздѣленіе частей и направленіе ихъ къ главной цѣли. Вотъ расположеніе похвальнаго слова о баталіи Полтавской: витія разсматриваетъ: 1) колоссальная супостатская лютость и сила уготована была на насъ, 2) како она оружіемъ россійскимъ сломлена на Полтавской баталіи, 3) кои плоды той преславной викторіи родилися намъ. Прославляя въ другомъ словѣ достопамятный миръ между Россіей и Швеціей, Теофанъ описываетъ Россію, каковою она была прежде войны и каковою стала послѣ оной. Въ словѣ на похвалу Петра Великаго, по кончинѣ его проповѣданномъ, ораторъ исчисляетъ подвиги безсмертнаго монарха, во-первыхъ, просто какъ царя, а потомъ какъ царя христіанскаго. Каждая часть опять имѣетъ свои подраздѣленія, и они, равно какъ

весь внутренній составъ cadaго слова, закрыты цвѣтами краснорѣчія. И какими движеніями одушевлены вѣщанія Теофановы, а особливо гдѣ онъ, очевидный свидѣтель великихъ перемѣнъ, говорить о пользѣ новыхъ заведеній, о порядкѣ военномъ и гражданскомъ, о знаменитыхъ побѣдахъ, и гдѣ сравниваетъ вводимое просвѣщеніе съ прежнимъ невѣжествомъ! Теофановъ слогъ вообще нечистъ и негладокъ; принявъ за основаніе книжный славенскій языкъ, Теофанъ шестрилъ его простонародными, русскими, малороссійскими и чужестранными словами. Но можно ли обвинять въ томъ славнаго витію, и надобно ли останавливаться надъ негладкостію слога, когда извѣстно, что почти всѣ ученые современники Теофановы, писавшіе не объ однихъ только духовныхъ дѣлахъ, употребляли нечистый языкъ по необходимости, и что Ломоносовъ первый постигъ и открылъ для насъ тайну выбора словъ и приличнаго сочетанія книжнаго языка съ общенароднымъ? Нельзя было избѣжать словъ чужестранныхъ, говоря о флотѣ, объ инженерствѣ, о дисциплинѣ и вообще о наукахъ и искусствахъ; нельзя было замѣчать разительной неприличности простонародныхъ русскихъ словъ между славенскими и остерегаться отъ малороссійскихъ и польскихъ оборотовъ такимъ людямъ, кои молодость свою провели посреди Малороссіянъ и Поляковъ, въ зрѣлыхъ же лѣтахъ не могли русскому языку научиться по правиламъ, которые тогда не были еще и составлены. Можетъ быть, Теофанъ думалъ, что, уклоняясь отъ книжнаго языка, приближается къ употребительному въ общежитіи, ибо невмѣстно было бы предполагать, будто ученый мужъ сей не видѣлъ, что языкъ его не вездѣ сходенъ съ богослужебнымъ¹⁾).

Статья Каченовскаго послужила образцомъ и источникомъ для цѣлаго ряда послѣдующихъ отзывовъ о Теофанѣ Прокоповичѣ. Изъ массы этихъ отзывовъ, болѣею частью безцвѣтныхъ, выдѣляется характеристика Теофана, находящаяся въ сочиненіи г. Самарина: «Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники». Г. Самаринъ смотритъ на Теофана, какъ на даровитѣйшаго и искренняго сподвижника Петра Великаго въ дѣлѣ реформы, вполне согласной съ образомъ мыслей и убѣжденіями Теофана. Литературный талантъ и направленіе Теофана оцѣниваются авторомъ въ связи съ другимъ писателемъ Петровской эпохи, Стефаномъ Яворскимъ. По понятію г. Самарина, Стефанъ Яворскій былъ въ нашей словесности представителемъ отживающей вѣкъ свой католической схоластики; въ Теофанѣ же замѣчается присутствіе новой жизни, слышится жизненное начало, сближающее его съ первыми вождями реформы, отважно

1) *Вѣстникъ Европы*, № 19, октябрь, 1811, стр. 195—200.

боровшимися за свои убѣжденія съ полнымъ сознаніемъ ожидающей ихъ побѣды. Разбирая подробно литературные приемы Ѳеофана Прокоповича, авторъ изслѣдованія взглянулъ на дѣло глубже; онъ ищетъ объясненія внутренняго смысла произведеній Ѳеофана и ихъ отношенія къ современной имъ русской дѣйствительности. Въ писаніяхъ Ѳеофана и въ ихъ связи съ идеями Петра Великаго, авторъ видитъ живое доказательство замѣчательнаго факта — уваженія Петра Великаго къ общественному мнѣнію.

«Петру Великому», говоритъ онъ, «нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Подвизаясь одиноко на пути своемъ, Петръ Великій зналъ, что очень немногіе сознавали необходимость его начинаній, оскорблявшихъ убѣжденія и предразсудки большинства. Ему повиновались, но внутренне почти всѣ его осуждали. Не такого повиновенія требовалъ Петръ. Онъ хотѣлъ, чтобы вся Россія по убѣженію приобщилась къ его стремленіямъ; чтобы народъ пересталъ смотрѣть на его дѣла, какъ на личныя прихоти, и чтобы поняли всѣ, что не для одного себя, а для общей пользы онъ трудился, отиѣнялъ старое и заводилъ новое. Это уваженіе къ общему мнѣнію въ Петрѣ Великомъ и при его желѣзной волѣ очень замѣчательно. Онъ искалъ человѣка, способнаго понять его, искренно и сознательно ему преданнаго, глубоко убѣжденнаго въ разумной необходимости его стремленій, который взялъ бы на себя отъ имени его говорить съ народомъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ отозвался на это призваніе. Онъ посвятилъ свое слово Петру Великому и сталъ посредникомъ между нимъ и народомъ. Посвященный во всѣ виды Петра, его совѣтникъ и помощникъ, онъ шелъ передъ нимъ, прочищая ему дорогу; задолго до каждаго новаго дѣла онъ готовилъ и склонялъ къ нему общее мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ, отвѣчалъ на всѣ доходившія до него возраженія. Оправданіе преобразованія — вотъ тема торжественныхъ и похвальныхъ словъ Ѳеофана Прокоповича, его задача, какъ оратора. Главное, положительное достоинство проповѣдей Ѳеофановыхъ, то, которое обличаетъ въ нихъ новое направленіе, есть ихъ современность, ихъ живое отношеніе къ дѣйствительности. Ѳеофанъ Прокоповичъ хорошо зналъ состояніе умовъ, предразсудки и убѣжденія русскаго народа. Онъ внимательно слѣдилъ за его развитіемъ, не спускалъ съ него глазъ, вслушивался въ его толки и ничѣмъ не пренебрегалъ. Это давало ему возможность дѣйствовать на общественное мнѣніе и обращаться къ слушателямъ именно съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства. Почти всѣ проповѣди Ѳеофана Прокоповича направлены противъ господствовавшихъ въ его время предразсудковъ и суевѣрій. Его дѣятельность, во всѣхъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ: упрека, ироніи и самой язвительной сатиры. Школьный формализмъ и отвлеченная наука не могли сковать его дарованія. Здоровая природа вынесла его изъ этой колѣи. Въ уклоненіяхъ и недостаткахъ Ѳеофана Прокоповича всетаки

чувствуется присутствіе жизни, виденъ живой человѣкъ, способный забыться, придти въ гнѣвъ или разсмѣяться и сказать лишнее слово, тогда какъ у другихъ проповѣдниковъ, при тѣхъ же темныхъ сторонахъ, нѣтъ этой жизни» и т. д. ¹⁾).

Въ литературной оцѣнкѣ, въ сужденіяхъ и приговорахъ въ книгѣ г. Самарина обнаруживается талантъ и свѣтлый умъ автора, и если не всѣ отзывы его сохраняютъ безусловную справедливость до настоящаго времени, то единственно потому, что выводы автора основываются на сравнительно маломъ количествѣ данныхъ. То, что сказано имъ о Стефанѣ Яворскомъ, вытекаетъ изъ фактовъ, изученныхъ имъ по неполному и неудовлетворительному изданію сочиненій Яворскаго. Одно слово Стефана Яворскаго, по поводу учрежденія фискаловъ, значительно измѣнило бы приговоръ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей. Оставаясь вѣрнымъ духу своего времени и тогдашней литературной критики, авторъ заботится преимущественно о выводахъ, не подвергая предварительно критическому разбору основнаго матеріала: о томъ, въ какомъ видѣ изданы сочиненія разбираемыхъ писателей, въ диссертациі нѣтъ и помину. Слѣдуя также духу времени, даровитый авторъ руководствуется Гегелемъ, и не только въ эстетическихъ вопросахъ, но отчасти даже и во взглядѣ на явленія русской исторической жизни. Сущность краснорѣчія полагаетъ онъ не въ свободномъ творествѣ, а въ законѣ сообразности съ цѣлью (*Zweckmässigkeit*); свобода творчества замѣняется служеніемъ практической цѣли и т. д. ²⁾. Подобно тому, какъ у Гегеля положеніе выте-

1) Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Разсужденіе, писанное на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія кандидатомъ Московскаго университета *Юріемъ Самаринымъ*. Москва. 1844, стр. 156, 146, 155, 145 и др.

2) In Rücksicht auf das poetische Kunstwerk im allgemeinen brauchen wir nur die Forderung zu wiederholen, dass es, wie jedes andere Product der freien Phantasie, zu einer organischen Totalität müsse ausgestaltet und abgeschlossen werden.... Die Redekunst gehört der Prosa des praktischen Endzwecks wegen an, der in ihrer Absicht liegt, und zu dessen praktischen Durchführung sie die Pflicht hat, der Zweckmässigkeit durchgängig Folge zu leisten, etc. (*Hegel's Vorle-*

каетъ изъ двойнаго отрицанія, и — говоря языкомъ подражателей Гегеля — національная субстанція возвышается до міровой общечеловѣчности, г. Самаринъ считаетъ отрицательными явленіями обѣ враждебныя партіи Петровской эпохи, изъ которыхъ вытекло положительное начало, усвоенное современнымъ міросозерцаніемъ. Авторъ называетъ односторонними обѣ партіи русскаго общества временъ Петра Великаго: старую, противъ которой была и сама жизнь, принявшая въ себя много чуждыхъ элементовъ, и новую, отрекавшуюся не только отъ случайнаго, но и отъ неизмѣннаго, вѣчно истиннаго. Великая задача, сознанныя въ наше время, заключается въ возведеніи національныхъ элементовъ на степень общечеловѣческихъ, и т. д.

Характеристика западно-европейской проповѣди, имѣвшей вліяніе на нашихъ писателей разсматриваемой эпохи, составлена авторомъ по книгѣ Лабитта: *De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue*, и надо отдать справедливость г. Самарину въ томъ отношеніи, что трудно было въ то время избрать лучшаго руководителя. Сочиненіе Лабитта о лигѣ пользуется заслуженною извѣстностью по своей основательности и по новостямъ и вѣрности господствующей идеи. Многіе писатели посвящали труды свои замѣчательному историческому явленію, извѣстному подъ именемъ лиги, но большею частью вниманіе ихъ было обращено на дипломатическую, военную и т. п. стороны событія, — словомъ, болѣе на его внѣшній видъ и ходъ. Лабиттъ избралъ своею задачей разсмотрѣть внутреннюю сторону дѣла, и его изслѣдованіе выдвинуло на первый планъ дѣятелей, оставляемыхъ обыкновенно въ тѣни, хотя они были, собственно говоря, душою совершавшагося движенія. Во время лиги особенно важное значеніе имѣли проповѣдники, произведенія которыхъ отличались вовсе не религіознымъ, а чисто политическимъ характеромъ. Церкви обратились тогда въ клубы, а церковныя каѳедры въ политиче-

sungen über die Aesthetik, herausgegeben von Hotho, 1838, III, 246—247, 267 и др., и вообще вся, указанная г. Самаринымъ, глава о поэзіи и прозѣ: das poetische und prosaische Kunstwerk).

скія трибуны. Проповѣдники заправляли дѣлами, сносились съ враждебными партіями и первые сообщали народу о замышляемыхъ планахъ, цѣляхъ и надеждахъ агитаторовъ. Авторъ опредѣляетъ роль проповѣдниковъ, указываетъ ея историческій смыслъ и отношеніе къ предшествующему ходу событій, а равно и связь демократическихъ идей, провозглашаемыхъ проповѣдниками лиги, съ проявленіемъ этихъ идей у писателей временъ реформаціи. Во многихъ мѣстахъ сочиненія, говоря о проповѣдникахъ и приводя изъ нихъ весьма удачно выбранныя извлеченія, Лабиттъ посвящаетъ особую главу (стр. 17—41 второго изданія) историческому обзору проповѣди во Франціи. Изъ этой-то главы сдѣланы заимствованія и нашимъ авторомъ ¹⁾.

1) При совершенной точности и вѣстѣ съ тѣмъ характеристики данныхъ, приводимыхъ Лабиттомъ, можетъ отчасти повести къ недоразумѣнію слѣдующее мѣсто, заимствованное г. Самаринимъ у Лабитта и относящееся къ Лопиталю (1505—1573), бывшему при Екаторинѣ Медичи канцлеромъ Франціи и славившемуся своею многостороннею образованностью. Г. Самаринъ говоритъ: «Въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія въ развитіи духовнаго краснорѣчія совершилась перемѣна, которой нельзя даже назвать новымъ родомъ, а скорѣе искаженіемъ, порчей. Проповѣди наполнились пошлыми остротами, шутовскими выходками и личностями. Вездѣ господствуетъ комизмъ, и высказывается желаніе разсмѣшить. Мальярдъ, Клере, Мено отличаются въ этомъ новомъ родѣ, *genre grotesque*, и находятъ толпу послѣдователей. Лопиталь полагаетъ, какъ правило, чтобы проповѣдь,

«*Sit mixtum gravitate, vocet risuque jocosque*» (стр. 35).

Соотвѣтствующія мѣста у Лабитта: En politique, en religion, en littérature, le XIV siècle, ainsi que le XV, est un temps d'initiation et d'enfantement, un temps de travail sans relâche et pourtant de travail stérile... La chaire reproduit ces aspirations confuses vers un avenir inconnu: on s'avoisinait des siècles positifs et railleurs; elle se préoccupa des affaires du monde, elle ne s'interdit plus les plaisanteries... Les images vulgaires, les traits familiers, les expressions grotesques, les sorties véhémentes, avaient remplacé presque partout l'éloquence entraînante de Bernard... L'école grotesque des Maillard, des Clérée, des Menot, triompha universellement dans la chaire... La raillerie burlesque est le langage de ceux qui attaquent; ce n'aurait pas dû être celui des hommes qui défendaient une cause noble et sainte. La chaire chez les catholiques n'était plus guère sérieuse, et l'habitude semblait y avoir consacré le ton des Maillard et des Menot; le grave l'Hopital lui même se laissait aller à dire à propos des qualités que doit avoir un sermon:

Sit mixtum gravitate, vocet risuque jocosque (стр. 22, 21, 28, 34 нов. изд.). Но

Книга Лабитта издана въ 1841 году и немедленно приобрѣла общее довѣріе и уваженіе въ ученомъ мірѣ, по крайней мѣрѣ во Франціи. На нее ссылаются всѣ послѣдующіе писатели, когда рѣчь идетъ о лигѣ. Достоинство труда Лабитта видно и изъ того, что онъ не потерялъ своего значенія доселѣ, и спустя двадцать пять лѣтъ послѣ перваго изданія и двадцать по смерти самого автора, явилась потребность въ новомъ изданіи, которое и вышло въ Парижѣ въ 1866 году ¹⁾.

Говоря о католическихъ проповѣдникахъ г. Самаринъ ссылается, кромѣ книги Лабитта, на сборникъ *Predicatoriana*. Подъ этимъ названіемъ издано въ Дижонѣ собраніе куріозныхъ отрывковъ изъ произведеній проповѣдниковъ, преимущественно французскихъ, пятнадцатаго, шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Извлеченія добавлены различными анекдотами, также о проповѣдникахъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ началѣ книги помѣщена тощая статейка подъ именемъ взгляда на исторію духовнаго краснорѣчія, а въ концѣ—указатель и нѣсколько любопытныхъ приложеній: легенда о Богоматери, легенда объ Іудѣ Искаріотѣ и т. д. ²⁾.

у Лопиталья въ *Sermo de libertate scribendi* (Собраніе сочиненій, изд. 1825 года, т. III, стр. 416), это мѣсто читается съ измѣняющимъ смыслъ варіантомъ:

Nobis Atellana vetus comoedia nobis
Displicet. Omne velim sit castum et lene poemā,
Sit mixtum gravitate, *vacet* risuque jocisque:
Qualis sermo fere est media testudine templi
Ad populum magno quem personat ore sacerdos.

Слово: *vacet* вмѣсто *vocet*, эпитетъ *castum* и порицаніе ателланъ даютъ поводъ къ пониманію стиховъ Лопиталья въ смыслѣ противоположномъ тому, который придаетъ имъ Лабиттъ, а за нимъ и г. Самаринъ.

1) De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue, par *Charles Labitte*. Seconde édition, corrigée d'après les manuscrits de l'auteur. Paris. 1866.

2) *Predicatoriana*, ou révélations singulières et amusantes sur les prédicateurs, entremêlées d'extraits piquants des sermons bizarres, burlesques et facétieux, prêchés tant en France qu'à l'étranger, notamment dans les XV, XVI et XVII siècles, suivies de quelques mélanges curieux, avec notes et tables, par *G. P. Philomneste*, auteur des amusements philologiques. Dijon. 1841. — Авторъ говоритъ: Il est surprenant que dans le grand nombre d'ouvrages publiés, depuis près

Въ пятидесятихъ и въ шестидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія, литература наша обогатилась нѣсколькими сочиненіями и собраніями матеріаловъ, относящимися къ эпохѣ Петра Великаго. Главнымъ источникомъ для подобныхъ трудовъ служили и служатъ данныя, находящіяся въ архивахъ, преимущественно въ Государственномъ, доступъ въ который въ теченіе нѣкотораго времени не представлялъ особенныхъ затрудненій. Знакомясь съ нетронутымъ дотолѣ любопытнымъ историческимъ матеріаломъ, авторы статей спѣшили познакомить и общество съ вещами, которыя счастливый случай передалъ въ ихъ руки. Нельзя не благодарить людей, умѣвшихъ оцѣнить интересъ своихъ архивныхъ находокъ и пожелавшихъ подѣлиться ими съ читателями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что не всѣ новыя извѣстія о Оеопанѣ, являвшіяся на страницахъ различныхъ періодическихъ изданій, составляютъ дѣйствительное приобрѣтеніе для ученой литературы, не всѣ проливаютъ новый свѣтъ на литературную и общественную дѣятельность такого замѣчательнаго человѣка, какъ Оеопанъ Прокоповичъ. Иныя свѣдѣнія увеличиваютъ только количество того, что извѣстно о Оеопанѣ, нисколько не касаясь существеннаго, то-есть качества. Если извѣстно, напримѣръ, что Оеопанъ Прокоповичъ былъ въ сношеніяхъ съ Тайною канцеляріей, въ руки которой передавалъ

de deux cents ans, sous le nom d'ANA, il ne s'en trouve pas un seul consacré spécialement à l'éloquence de la chaire, pas un seul portant le titre de PRÉDICATORIANA. Frappé de cette lacune dans une si volumineuse collection, nous avons essayé de la remplir en nous occupant d'un recueil qui, sous le titre de PRÉDICATORIANA, présentât une galerie curieuse des orateurs sacrés, anciens et modernes, dont on a conservé le souvenir, soit à raison de leur manière de prêcher, soit à raison des heureux effets qu'ils ont produits dans leur temps. Nous avons donc recueilli sur chacun d'eux bon nombre d'anecdotes la plupart assez piquantes, et nous les avons entremêlées d'extraits plus ou moins longs des sermons les plus singuliers et les plus bizarres, prêchés dans les XV, XVI et XVII siècles. . . . Nous avons consulté plus de cent ANA les plus estimées; nous avons mis à contribution l'obligeance de quelques amis, très-instruits, qui nous ont fourni de précieux renseignements; nous avons pris nos extraits dans les éditions originales des sermons de nos vieux prédicateurs (Préliminaire, VII—VIII).

своихъ враговъ, то прибавкой двадцати или тридцати фактовъ къ ста пятидесяти, уже вполне доказаннымъ, немногое можно измѣнить въ понятіи о нравственномъ характерѣ Оеофана. Но если сообщаются данныя, изъ которыхъ видны его коренныя убѣжденія или же открываются яркія особенности его таланта, то этимъ вносятся дѣйствительныя вклады въ литературу, ведущіе къ ясному и вѣрному пониманію и Оеофапа Прокоповича, и его времени. Нѣкоторые изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* знакомятъ съ внутреннимъ міромъ Оеофана, съ его понятіями и убѣжденіями, а также съ политическою ролью, выпавшею ему на долю или, вѣрнѣе, созданною имъ самимъ. Письма Оеофана и отрывки изъ его риторики, напечатанные въ русскомъ переводѣ въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики Оеофана, какъ писателя.

Нѣкоторыя изъ дѣлъ, производившихся въ Тайной канцеляріи, съ неизбѣжными спутниками тогдашняго судопроизводства—пыткой и застѣнкомъ, бросаютъ невыгодный свѣтъ на Оеофана, имя котораго неоднократно встрѣчается въ дѣлахъ подобнаго рода. Впрочемъ есть и другая причина несочувственнаго отношенія къ Оеофану немногихъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей и литераторовъ. Она заключается въ личномъ характерѣ Оеофана, въ отсутствіи въ немъ прямотушія, въ угодничествѣ передъ сильными міра: его обвиняютъ въ лести временщикамъ, въ покровствѣ разнаго рода Биронамъ, большимъ и малымъ, нагло попиравшимъ права русской народности и вѣры. Въ такомъ духѣ—отзывы о Оеофанѣ почтеннаго историка русской церкви и автора «Обзора русской духовной литературы» покойнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго. Не отрицая блестящаго ума и дарованій Оеофана, архіепископъ Филаретъ изображаетъ его мстительнымъ честолюбцемъ, унижавшимся передъ Меншиковымъ и Бирономъ и приносившимъ въ жертву своимъ страстямъ достойнѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей, которые своимъ благо-

роднымъ образомъ дѣйствій и своими страданіями въ пыткахъ время бироновщины приобрѣли неоспоримое право на уваженіе потомства. Несчастная судьба Оеофилакта Лопатинскаго и другихъ, судимыхъ въ Тайной канцеляріи, ложится темнымъ пятномъ на памяти Оеофана. Признавая тѣсную связь реформы Петра Великаго съ произведеніями Оеофана, авторъ указываетъ темныя стороны нововведеній, прославляемыхъ Оеофаномъ, враждебно относившимся къ русской старинѣ вообще. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія отзывы о двухъ проповѣдяхъ Оеофана: о заграничномъ путешествіи Петра Великаго и объ учрежденіи флота.

«Самая большая часть проповѣдей», говоритъ авторъ Обзора русской духовной литературы, «чисто политическая, и она-то блистательная въ ораторскомъ отношеніи. Такъ, онъ ораторски описывалъ новую Россію въ сравненіи съ древнею: все, что блестѣло и звенѣло въ преобразованной Россіи, казалось ему золотомъ, и онъ безпощадно унижалъ древнюю Россію, выставляя ее деревянною. Путешествія Петра по Европѣ были предметомъ различныхъ неблагоприятныхъ толковъ. Оеофанъ описываетъ пользу путешествій вообще и для царя въ особенности. Германія, говоритъ онъ, мать всѣхъ странъ, въ ней путешественникъ познаетъ «чинное общенароднаго правительства устройство, обычаевъ доброту, разума и бесѣды сладость, храбрость, науку и остроуміе». Иной улыбнется, слушая извѣстіе о неслыханной сладости бесѣдъ и невиданной храбрости Нѣмцевъ. Но что до того? Дѣло въ томъ, что начали тогда вводить у насъ нѣмецкую бюрократію, которая надѣлала столько зла; а Прокоповичъ — усердный помощникъ Петру при золоченіи Россіи. Заведеніе флота принято было весьма многими какъ совершенно безполезная новизна. Оеофанъ съ каеэды защищаетъ введеніе флота. «Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, говоритъ онъ, которая надъ рѣкою или озеромъ положена и не имѣла бы лодокъ; а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полуночная моря обдержажшей, не имѣти бы кораблей, *хотя бы ни единой къ тому не было нужды*, было бы то безчестно и укорительно». Видите: для золоченой Россіи нужны и безполезныя учрежденія, точно такъ, какъ весельчакъ помѣщикъ содержать красивыя и, конечно, дорогія лодки на озерѣ въ своемъ помѣстьѣ. Деревня прірѣчная держитъ лодку, чтобы переѣзжать на другой берегъ, а военный флотъ ужели для того только нуженъ, чтобы переѣхать на другую сторону моря? Далеко дешевле будетъ стоять, если переѣдете на купеческомъ кораблѣ. Ораторъ въ жару усердія заговорился. Дальше говоритъ онъ и дѣльное, но и тутъ не высказываетъ всей правды. «Какъ бы мѣста (приморскія) удержати? Какъ жити и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися?» Но для защиты береговъ необходимъ не военный флотъ, а крѣпости и прибрежная флотиалія. Такъ показалъ и недавній опытъ»¹⁾.

1) Обзоръ русской духовной литературы, *Филарета, архіепископа Черни-*

Приговоръ, только-что приведенный нами, каковъ бы ни былъ онъ самъ по себѣ, отличается отъ другихъ несочувственныхъ отзывовъ о Теофанѣ уже тѣмъ, что въ основаніи его лежить не какая-нибудь избитая и смутно понимаемая тема непризванныхъ обличителей, а основательное знакомство съ эпохой и серьезное воззрѣніе на нее, хотя бы и не вполне вѣрное и расходящееся съ общепринятымъ мнѣніемъ большинства. Обличительныя выходки и статьи другихъ авторовъ объясняются, съ одной стороны, господствомъ въ теченіе нѣкотораго времени обличительнаго направленія въ литературѣ вообще, съ другой—неожиданнымъ обнародованіемъ множества матеріаловъ, увлекшихъ вниманіе и своею новизной и занимательностью. Въ воззрѣніи на Теофана совершился въ литературѣ нашей тотъ же переворотъ, что и во взглядѣ на Петра Великаго. Съ выходомъ исторіи Петра Великаго, издаваемой академикомъ Устряловымъ, въ особенности того тома, въ которомъ помѣщены любопытѣйшіе акты, относящіеся къ судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, совпадаетъ появленіе статей, представляющихъ въ рѣзкомъ свѣтѣ личныя свойства Петра Великаго. Авторы статей судили и редили о немъ, какъ о человѣкѣ вообще, со свойственными человеческой природѣ пороками и добродѣтелями, и упускали изъ виду научную оцѣнку того значенія, какое имѣетъ Петръ Великій въ жизни и судьбѣ русскаго народа. Порицая нѣкоторыя стороны въ характерѣ Петра Великаго, забывали въ Петрѣ геніальнаго представителя русской исторической жизни конца XVII и начала XVIII столѣтія. Такому же одностороннему порицанію подвергся и Теофанъ Прокоповичъ. Его осуждали за соучастіе въ мрачныхъ дѣлахъ Преображенскаго приказа и Тайной розыскной канцеляріи. Нельзя не вспомнить при этомъ словъ академика Пекарскаго по поводу новѣйшихъ обличителей Теофана.

ювскаго; книга 2-я, Черниговъ, 1863, стр. 11—24. Глава: «Борьба съ реформациею» и другія, отмѣченныя въ указателѣ, мѣста въ «Исторіи русской церкви», архіепископа Филарета, періодъ пятый, Синодальное Управленіе.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

«Суровость нравовъ эпохи», говорить онъ, «невольно поражаетъ современныхъ намъ изслѣдователей, и они, увлеченные притомъ новостью предмета, не столь обращаютъ вниманіе на историческое значеніе заключающихся въ дѣлѣ матеріаловъ, сколько стараются выставить на первый планъ обстановку, которую придавъ старинный уголовный процессъ тому или другому историческому событію. Отъ такой разработки произошло то, что всѣ описанія, извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи, кажутся чрезвычайно похожими одно на другое, потому что дѣйствительно производство уголовныхъ дѣлъ въ старину было одинаково, и вся разница состоитъ въ томъ, что въ одномъ было болѣе привлечено обвиненныхъ, въ другомъ жесточе пытали и т. п. Отсюда никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, чтобы матеріалы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, не годились для исторіи; но за нихъ изысканы не такъ, какъ требуетъ наука. Каждое старинное уголовное дѣло можетъ быть пригоднымъ, во-первыхъ, для исторіи уголовного судопроизводства, и тогда, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ излагать несъ ходъ процесса со всѣми мельчайшими подробностями даже канцелярскихъ формальностей; во-вторыхъ— для исторіи своего времени. Въ послѣднемъ случаѣ, прежде всего, слѣдуетъ подвергать критической оцѣнкѣ сущность дѣла, содержитъ ли оно въ себѣ черты, могущія служить для уясненія избранной эпохи или лица, и потомъ, если онѣ дѣйствительно найдутся, ими одними пользоваться, поставивъ на задній планъ или даже вовсе оставивъ въ сторонѣ тѣ обстоятельства, благодаря которымъ сохранились эти черты въ данномъ уголовномъ дѣлѣ»¹⁾.

Опредѣляя задачу безпристрастнаго изслѣдователя, стоящаго въ уровень съ требованіями современной исторической науки, г. Пекарскій указываетъ на причины, препятствующія вѣрной оцѣнкѣ Оеофана въ нашей литературѣ. Одна изъ главныхъ причинъ заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что не обращали вниманія на положеніе Оеофана въ русскомъ обществѣ по смерти Петра Великаго, съ которымъ онъ жилъ, такъ сказать, одною жизнью, стремясь къ тѣмъ же цѣлямъ, любя и ненавидя тѣ же явленія и тѣхъ же общественныхъ дѣятелей.

«Въ своей сферѣ», говорить г. Пекарскій, «Оеофанъ былъ такой же новаторъ, какъ и Петръ Великій въ сферѣ государственной. Превосходя всѣхъ современниковъ своего сословія умомъ, знаніями и дарованіями, Прокоповичъ, подобно Петру, не скрывалъ своего недовольства, переходившаго часто въ презрѣніе, ко всему, чтѣ напоминало ему старое, и чтѣ становилось преградой для осуществленія его любимыхъ идей. Подобно Петру, онъ также шелъ къ

1) Разборъ сочиненія г. Чистовича: «Оеофантъ Прокоповичъ», составленный академикомъ Пекарскимъ. Извлечено изъ XXXIV присужденія Демидовскихъ наградъ; стр. 9—10.

своей цѣли, не задумываясь надъ средствами, съ тѣмъ же неумолимымъ постоянствомъ и удивительною послѣдовательностью.... Прокоповичъ понялъ, что послѣ Петра настало такое время, когда ему уже не могли помочь ни его знанія, ни дарованія, и онъ кинулся въ дрязги интригъ и происковъ, которыми такъ богата наша исторія той эпохи. Прокоповичъ, послѣ 1725 года, жилъ въ такую эпоху, когда каждый мало-мальски значительный человѣкъ считалъ благоразуміемъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, слѣдовать правилу: губи другихъ, иначе эти другіе тебя погубятъ. Что это не преувеличено, напомнимъ общезвѣстныя записки современниковъ: Маништейна, Миниха и особенно Шаховскаго»¹⁾.

Защипая Оеофана отъ взводимыхъ на него обвиненій, г. Пекарскій указываетъ между прочимъ на то обстоятельство, что враги Оеофана, пытаемые въ тайной канцеляріи, не избѣжали бы своей судьбы, если бы Оеофанъ и не принималъ въ дѣлѣ ихъ никакого участія. Они возставали противъ новаго порядка вещей, при которомъ правительственная власть увеличилась уничтоженіемъ патріаршества, и ихъ образъ дѣйствій считался тогда посягательствомъ на права верховной власти, то-есть, преступленіемъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, которое влекло за собой неизбѣжныя и ужасныя послѣдствія. Но на подобное оправданіе можно возразить, что чѣмъ гибельнѣе были для обвиняемыхъ слѣдствія взводимыхъ на нихъ преступленій, тѣмъ болѣе было причинъ для человѣка, не испорченнаго нравственно, воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства. Какова бы ни была сила обстоятельствъ и вліянія духа времени, нельзя представлять замѣчательнаго дѣятеля какою-то *tabula rasa*, безсознательно и безпрекословно принимающею всѣ впечатлѣнія, наносимыя на нее, по волѣ слѣпаго случая, неудержимою житейскою волной. Едва ли есть возможность доказать, что Оеофанъ былъ безупреченъ по образу дѣйствій, по своимъ намѣреніямъ и по средствамъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для достиженія своихъ цѣлей. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, во времена хвалебныхъ гимновъ и общаго увлеченія Петромъ и его сподвижниками, слышались го-

1) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Исслѣдованіе И. Пекарскаго. Т. I. 1862, стр. 481—482.

лоса противъ Теофана. Недовольный нововведеніями и сочувствующій старинѣ, князь Щербатовъ съ негодованіемъ говорилъ о Теофанѣ, какъ о необузданномъ честолюбцѣ, приносившемъ законъ въ жертву произволу Бирона и не устыдившемся быть судьей въ Тайной канцеляріи¹⁾. Отзывъ Щербатова, не ограничивающійся однимъ Теофаномъ, показываетъ, въ какой сферѣ долженъ былъ дѣйствовать Теофанъ и при жизни Петра Великаго: что же окружало его въ послѣдствіи? Даже при полномъ довѣріи (если допустить его) къ словамъ Щербатова выходитъ,

1) Въ сочиненіи: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», князь Щербатовъ говоритъ: «Въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его (Петра Великаго) князь Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ, чтобы Гаврила Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Галембурхомъ, съ Герцогъ и съ англійскими и шкотландскими сообщниками претендента, ни Остерманъ, написавшій требуемое письмо, несовѣстность сего поступка представилъ, чтобы Иванъ Мусинъ-Пушкинъ его отъ какого поступка удержалъ, чтобы адмиралъ Апраксинъ, имѣющій такую повѣренность, что вопреки сказалъ государю. Но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и опускали *вкореняться лести и рабству* для собственныхъ своихъ прибитковъ, чему и самъ государь и князь Я. О. Долгоруковъ противоборствовали. А съ другой стороны, духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ Божіихъ его панегириками. Между сими *Прокоповичъ*, который изъ духовенства хотя не любилъ къ государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренный свой голосъ на хвалы государевы вознесъ. Достойнъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно бы было, чтобы они не отъ лести происходили, а похвалы *Прокоповича*, сего непостриженнаго монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьей Тайной канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуеъ его собственное сочиненіе: «Правда воли монаршей» — памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому.... *Теофанъ Прокоповичъ*, архіепископъ Новгородскій, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества пріобрѣсти. Василій Никитичъ *Татищевъ*, человекъ разумный и предприимчивый, искалъ своего счастья. Князь *Антіохъ Дмитріевичъ (Кантемиръ)*, человекъ ученый, предприимчивый, но бѣдный, по причинѣ права перворожденія брата своего Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое надѣялся чрезъ умыселъ свой противу установленія получить и тѣмъ достигнуть еще до желанія его жениться на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ князя Алекс. Мих. Черкасскаго, богатѣйшаго изъ русскіихъ благородныхъ. Сии три, связанные дружбою, разумомъ и своими видами, учинили свое расположеніе для разрушенія сдѣланнаго Долгорукими узаконенія», и т. д.

что Теофанъ Прокоповичъ дѣйствовалъ такъ же не искренно, какъ и Меншиковъ, Головкинъ, Остерманъ, Апраксинъ и другіе. Теофанъ не чуждъ былъ лести въ своихъ панегирикахъ, восхваляя Меншикова за его небывалые героическіе подвиги, не смущаясь даже жестокостями его при взятіи Батурина, и т. п. ¹⁾. Но не смѣшивая личнаго дѣла съ общимъ, опѣнивая Теофана, не какъ человѣка вообще, а какъ борца за просвѣщеніе, нельзя не признать его великихъ заслугъ. Въ наше время, когда тщательно собираются свѣдѣнія не только о главнѣйшихъ, но и о второстепенныхъ и третъестепенныхъ дѣятеляхъ, когда у нѣкоторыхъ является желаніе поставить на пьедесталъ лица, взвѣшенные и осужденныя историческою критикой, и возвеличить, напримѣръ, Петра III въ ущербъ его знаменитой преемницѣ,—тѣмъ несправедливѣе и несовременнѣе было бы отрицаніе заслугъ человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ по общему убѣжденію и почитателей его, и враговъ.

Совершенно справедливо замѣчаетъ академикъ Пекарскій, что «Теофанъ принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ и наиболѣе выдающимся личностямъ русской исторіи первой половины восемнадцатаго столѣтія; направленіе, которымъ отличаются всѣ произведенія, достойныя упоминанія въ исторіи русской литературы послѣднихъ двухъ вѣковъ, высказалось опредѣлительно и ясно въ произведеніяхъ Теофана». Весьма остроумно сближеніе произведеній Теофана съ аномаліями новѣйшей русской литературы. Во время Теофана—говоритъ г. Пекарскій—

«не было у насъ журналистики, не существовалъ обычай высказывать печатно мнѣнія о состояніи страны, администраціи и т. п.—однимъ словомъ, у Прокоповича не было тѣхъ средствъ, которыми пользуется писатель въ другихъ государствахъ. Отъ него требовали и ожидали словъ на торжественные случаи, ему приказывали сочинять уставы; онъ и исполнялъ все это, но такъ, что часто вмѣсто проповѣди выходилъ у него политическій памфлетъ, а изъ законодательнаго памятника — сатира. И это—явленіе историческое въ нашей литературѣ: оно повторяется и донынѣ; въ доказательство напомнимъ только,

1) *Пекарскію*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. II, стр. 207, 386 и др.

что есть повѣсти и рассказы, въ которыхъ также неожиданно, какъ и въ проповѣдяхъ Прокоповича, встрѣчается то, что было бы приличнѣе въ *Gazette des tribunaux* или другомъ юридическомъ журналѣ».

Вполнѣ основательно г. Пекарскій находитъ неумѣстнымъ появленіе въ литературныхъ произведеніяхъ вещей вовсе нелитературнаго характера. Но упрекъ въ подобной смѣси разнородныхъ началъ не можетъ, собственно говоря, падать на Теофана. Если изъ законодательнаго памятника выходила у Теофана *сатира*, то это зависѣло прежде всего отъ *склада его ума*, и черты его *сатирическаго таланта* обнаруживаются невольно, въ большей или меньшей степени, во всѣхъ его произведеніяхъ безъ исключенія. Что въ проповѣди является иногда политическій памфлетъ, это объясняется тѣмъ, что Теофанъ былъ не отвлеченный мыслитель, не книжникъ, въ четырехъ стѣнахъ измышлявшій различныя теоріи, а живой *общественный дѣятель*, создававшій свою силу и убѣжденный, что *слово* его не пропадаетъ даромъ, а *переходитъ въ дѣло*, благодаря могучей волѣ Петра Великаго. Онъ всего чаще избиралъ *проповѣдь* для выраженія своихъ идей именно потому, что она была, по многовѣковому обычаю, самою народною и общедоступною литературною формою для раскрытія идеи, созрѣвшей въ умѣ писателя. Нельзя сравнивать политическій элементъ въ сочиненіяхъ Теофана, дѣйствительнаго политическаго дѣятеля, съ *quasi*-политическими вставками въ повѣстяхъ и рассказахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго вліянія на политическій и общественный бытъ Россіи, чего никакимъ образомъ нельзя сказать о сочиненіяхъ Теофана. Теофанъ является политикомъ въ проповѣди, потому что это былъ прямой и единственный путь для высказыванія того, о чемъ онъ не въ правѣ былъ молчать, какъ дѣятель государственный, какъ просвѣтитель современнаго ему общества; но многихъ ли изъ позднѣйшихъ литераторовъ, воображавшихъ себя публицистами, можно не въ шутку и не кривя душой назвать просвѣтителями народа?

Въ капитальномъ трудѣ академика Пекарскаго находится

превосходное библиографическое описаніе сочиненій Теофана Прокоповича со многими выписками, указаніемъ содержанія и объясненіями. Особенно подробно описаны составленный Теофаномъ Регламентъ, драма Теофана: Владиміръ, славяно-русскихъ странъ князь и повелитель, и нѣкоторыя другія изъ его произведеній. Исчислены какъ различныя изданія печатныхъ сочиненій и переводовъ Теофана, такъ и остающіеся въ рукописи труды его, не упоминаемые ни въ одномъ перечнѣ его произведеній, какъ напримѣръ, рукописный переводъ съ латинскаго языка книги испанскаго писателя Донъ-Діега Саведра Факсардо: *Symbola christiana politica*—Изображеніе христіано-политическаго властелина, символами объясненное. При описаніи авторъ указываетъ на взаимную связь памятниковъ, отмѣчая ихъ различныя редакціи и приводя данныя для объясненія тѣхъ мѣстъ, которыя непонятны безъ сличенія ихъ съ другими произведеніями тогдашняго времени. Замѣчательное слово о власти и чести царской, изобилующее, какъ и всѣ произведенія Теофана, живыми чертами дѣйствительности, находится въ связи съ дѣломъ царевича Алексѣя Петровича, въ которомъ замѣшано столько вліятельныхъ лицъ, и г. Пекарскій сопоставляетъ слово Теофана съ «объявленіемъ розыскаго дѣла и суда на царевича для извѣстія всенароднаго» и съ манифестомъ, читаннымъ въ столовой палатѣ 5-го марта 1717 года. Въ числѣ приложеній помѣщенъ любопытный проектъ о семинаріи въ Петербургѣ Теофана Прокоповича, поданный Петру Великому; онъ хранится въ Государственномъ Архивѣ. Въ отдѣльной главѣ (пятнадцатой) изслѣдованія г. Пекарскаго разсматривается дѣятельность Теофана Прокоповича какъ писателя, связь литературныхъ трудовъ его съ реформой Петра Великаго, отношенія Теофана къ Кантемиру и Ломоносову, и т. п.

Изъ предложеннаго нами обзора видно, что различными писателями сообщено много важныхъ матеріаловъ для изображенія литературной и общественной дѣятельности Теофана Прокоповича, и оцѣнены нѣкоторыя ея стороны. Біографическія данныя

приводятся, съ большею или меньшею подробностью, въ словарѣ митрополита Евгенія, въ книгѣ академика Пекарскаго ¹⁾ и — гораздо ранѣе — въ примѣчаніяхъ къ сатирамъ Кантемира, гдѣ они записаны, такъ сказать, по живымъ слѣдамъ и по свидѣтельству современниковъ ²⁾. Литературныя приемы Ѳеофана, составъ и построеніе его словъ и рѣчей, рассмотрѣны Каченовскимъ, г. Самаринымъ и другими. Характеристическія особенности Ѳеофана Прокоповича, какъ писателя эпохи преобразованія, мастерски обозначены г. Самаринымъ и г. Пекарскимъ, который представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатый и научно разработанный матеріалъ для изученія литературныхъ трудовъ Ѳеофана. При подобныхъ пособіяхъ, при значительномъ запасѣ данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ и появившихся въ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ, не доставало литературѣ нашей полной и подробной монографіи о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Этотъ пробѣлъ восполняется трудомъ г. Чистовича, изданнымъ Академіей Наукъ.

Книга г. Чистовича заключаетъ въ себѣ обзорѣніе жизни и дѣятельности Ѳеофана Прокоповича (род. 1681) съ его ранняго дѣтства до его смерти (1736 г.). Существенное достоинство труда г. Чистовича состоитъ въ обиліи прекрасно сгруппированныхъ матеріаловъ, представляющихъ много любопытнѣйшихъ чертъ для исторіи изображаемаго времени. Не говоря о печатныхъ источникахъ и пособіяхъ, авторъ имѣлъ возможность пользоваться двумя важнѣйшими собраніями документовъ восемнадцатаго столѣтія: Государственнымъ Архивомъ и архивомъ Св. Синода. Уже одно это обстоятельство достаточно показываетъ, какой интересъ должна имѣть книга г. Чистовича при его умѣніи пользоваться своими матеріалами. Главными источниками служили: дѣла архива Св. Синода съ 1721 по 1736 годъ, дѣла Го-

1) *Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. I, стр. 482 и слѣд. Сообщаемыя авторомъ извѣстія заимствованы изъ Scherer's Nordische Nebenstunden.

2) Примѣчаніе къ пятому стиху третьей сатиры. Сочиненія *Кантемира*, изд. 1867, стр. 76—78.

сударственного Архива, а именно: а) кабинетныя дѣла, въ которыхъ находятся письма и донесенія Оеофана Петру Великому, и указы, распоряженія и замѣтки Петра Великаго по церковнымъ дѣламъ; б) переписка разныхъ лицъ съ Екатериной I-й, Анной Иоанновной и Елисаветой Петровной; в) дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта; г) дѣла Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи; д) дѣла о Оеофанѣ Прокоповичѣ; русскія и латинскія письма Оеофана Прокоповича, его слова и рѣчи; біографія Прокоповича, приписываемая академику Байеру и помѣщенная въ *Nordische Nebenstunden* 1776 г., и др.

Сообщивъ подробныя свѣдѣнія о судьбѣ Оеофана Прокоповича до появленія его въ Петербургѣ, авторъ излагаетъ дѣйствія Оеофана, какъ сподвижника Петра Великаго въ дѣлѣ реформы, говоритъ объ учрежденіи синода, о духовномъ регламентѣ, объ административныхъ и литературныхъ трудахъ Оеофана. За этимъ, сравнительно краткимъ, обзоромъ слѣдуетъ пространный разсказъ о дѣйствіяхъ Оеофана по смерти Петра Великаго. На первомъ планѣ является участіе Оеофана въ розыскахъ Тайной канцеляріи, хотя авторъ не забываетъ и другихъ сторонъ дѣятельности Оеофана Прокоповича. Времена были ужасныя: людей, совершенно невинныхъ, притягивали къ допросу изъ-за тридевять земель, заклепывая имъ ротъ, чтобы не говорили на пути; даже покойниковъ не оставляли въ могилѣ, и тѣла умершихъ отправлялись изъ Архангельска въ Петербургъ по требованію Тайной канцеляріи. Возмутительная картина преслѣдованій и пытокъ производитъ тяжелое впечатлѣніе на читателя и невольно подрываетъ сочувствіе его къ избраннику Петра Великаго. Видно, что самъ авторъ находился подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, какъ можно заключить и изъ чрезвычайно пространнаго описанія процессовъ и изъ бѣглыхъ замѣтокъ и отзывовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненія. Но въ окончательномъ выводѣ авторъ указываетъ на примиряющее начало, полагая его въ историческомъ изученіи Оеофана въ связи съ условіями его времени и тогдашнихъ нравовъ.

«Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ онъ, «что Теофанъ выказалъ много темныхъ сторонъ своего характера. Но чтобы судить объ этомъ безпристрастно, нужно имѣть въ виду тѣ обстоятельства, въ которыхъ Теофанъ находился во время своей жизни послѣ смерти Петра I. Онъ одинъ выносилъ на своихъ плечахъ введенныя Петромъ въ русскую церковь преобразования. Извѣстно, что имъ угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя, Теофанъ оберегалъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее церковное дѣло. Къ чести его надо сказать, что при противныхъ обстоятельствахъ, онъ не перемѣнилъ своихъ убѣжденій. При Екатеринѣ, Петрѣ II и Аннѣ онъ все тотъ же, что былъ и при Петрѣ I. Конечно, нельзя нравственно оправдать его постоянныхъ аппелляцій къ Тайной канцеляріи; но ему оставалось выбирать одно изъ двухъ — или погибнуть гдѣ-нибудь въ Охотскѣ, Соловкахъ, также какъ погибли тамъ Теодосій, Георгій Дашковъ и другіе, или обороняться тѣмъ же оружіемъ, какимъ пользовались противъ него его противники. Конечно, не похвальное дѣло запугивать государя бунтами и революціями и держать въ страхѣ, слѣдовательно, подъ своею властію, министровъ; но мало пріятнаго и помѣняться ролями и судьбой съ своими противниками. И нельзя не признать, что только владѣя такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ умъ Теофана, онъ не только самъ уцѣлѣлъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смутъ, какія волновали государство и церковь въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибли Меншиковы, Долгоруковы, Голицыны, Остерманы и многое множество другихъ лицъ, но и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія. Нѣтъ сомнѣнія, что другое время дало бы иное направленіе тому великому дару, какой имѣлъ Теофанъ. При болѣе высокомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе спокойномъ состояніи общества, вмѣсто того, чтобы растрачивать время на процессы въ Тайной канцеляріи, онъ употребилъ бы его на пользу церкви, болѣе сообразно съ образомъ христіанскаго пастыря. Но какъ сынъ своего вѣка, онъ несетъ на себѣ и его болѣзни. При чтеніи процессовъ Теофана съ разными лицами, съ неудержимою силой бьетъ въ глаза хаотическое состояніе тогдашняго общества, въ которомъ бродятъ разнородные, никѣмъ не направляемые элементы, и которое открывало полный просторъ для игры не сдерживаемыхъ страстей, честолюбій, интригъ. На церковныхъ дѣлахъ воплиъ отразилось это неустроенное состояніе тогдашняго общества. И тамъ, и здѣсь поднятыя съ самыхъ низкихъ ступеней общества до самыхъ высшихъ, и такъ же скоро упасть съ высоты, какъ легко было подняться на нее, — въ ту пору — дѣло самое обыкновенное, хотя въ то же время самое неестественное, которое свидѣтельствуетъ о неустроенномъ состояніи общества. Теофанъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ духъ своего времени и пользовался имъ съ искусствомъ, въ которомъ ему не было равнаго. Поэтому и вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности можетъ быть сдѣлана только въ виду состоянія тогдашняго общества, и притомъ съ точки зрѣнія на него, какъ на *государственнаго дѣятеля*, хотя ближайшую сферу его были церковныя дѣла» ¹⁾).

1) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ четвертый. Спб. 1868. Теофанъ. Прокופовичъ и его время. И. Чистовича, стр. 576—577.

Изложеніе г. Чистовича отличается объективностью; не вдаваясь въ сужденіе о событіяхъ, авторъ передаетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они записаны въ старинныхъ актахъ, и большею частию — подлинными словами актовъ. Самая характеристика Θεοφана, какъ писателя, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, ни одной рѣзкой особенности въ сравненіи съ тѣмъ, что высказано уже г. Самаринимъ и г. Пекарскимъ. Авторъ избралъ своею задачей представить *время* Θεοφана, и выбирая изъ памятниковъ многочисленныя свидѣтельства объ этой замѣчательной эпохѣ, онъ предоставляетъ читателямъ дѣлать выводы и объясненія. Въ выборѣ извлеченій изъ памятниковъ, авторъ руководствовался цѣлью серьезною. Уголовные процессы приводятся имъ не только ради ихъ новости и занимательности, а и по значенію ихъ для пониманія тогдашней эпохи. Его симпатіи и антипатіи вытекаютъ, повидимому, изъ воззрѣнія на внутреннее начало борьбы, совершавшейся въ русскомъ обществѣ. Въ образѣ дѣйствій Θεοφана видно столкновеніе двухъ великихъ силъ: церкви и государства, и степенью сочувствія къ тому или другому изъ этихъ началъ объясняется отношеніе Θεοφана какъ къ его современникамъ, такъ до нѣкоторой степени и къ послѣдующимъ цѣнителямъ.

Разнообразная дѣятельность Θεοφана и его энергическое участіе въ общественныхъ дѣлахъ сводили его со многими, болѣе или менѣе замѣчательными лицами. Нѣкоторыя изъ нихъ выдаются своимъ характеромъ или ролью, которая выпала на ихъ долю; другія заслуживаютъ вниманія по своей печальной судьбѣ, знакомящей съ суровыми нравами эпохи. Авторъ тщательно собираетъ имена, упоминаемыя въ процессахъ Θεοφана, и сообщаетъ о нихъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія. Съ особеннымъ сочувствіемъ онъ говоритъ о Стефанѣ Яворскомъ, и рассказъ о немъ составляетъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ эпизодовъ въ біографіи Θεοφана. Судьба Θεодосія Яновскаго, Георгія Дашкова, Родышевскаго, Аврамова и многихъ другихъ описана съ большою подробностью. Не забыть и хлысть Спири-

донъ Лункинъ и юродивый Тимоѳей Архиповичъ, какъ съ другой стороны, не забыты и князь Д. М. Голицынъ, «разумнѣйшій человѣкъ своего времени», по выраженію князя Щербатова, Кантемиръ, и Татищевъ, и Тредіаковскій, который неожиданно является въ роли обвиняемаго за вольномысліе и атеизмъ.

Повторяю: книга г. Чистовича заключаетъ въ себѣ много въ высшей степени любопытныхъ свѣдѣній и матеріаловъ, знакомя не только съ Ѳеофаномъ, но и съ его эпохой, подобно трудамъ академиковъ Устрялова и Пекарскаго. Сочиненіе г. Чистовича, еще до появленія въ печати, оцѣнено Академіей Наукъ, увѣнчавшею его двойною преміей: Демидовскою и Уваровскою. Два обширныхъ разбора составлены академикомъ Пекарскимъ и помѣщены въ издаваемыхъ Академіей Наукъ отчетахъ о присужденіи Демидовскихъ и Уваровскихъ наградъ.

На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя заключаются въ произведеніяхъ Ѳеофана Прокоповича, а также въ книгѣ г. Чистовича и въ различныхъ изданіяхъ: *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, въ *Русскомъ Архивѣ* и др., можно составить ясное понятіе о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, какъ литературномъ и общественномъ дѣятелѣ. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ только нѣкоторыя черты, пользуясь преимущественно произведеніями самого Ѳеофана Прокоповича и приводя его собственныя слова, въ которыхъ съ необыкновенною живостью выражаются его мысли, стремленія и убѣжденія.

Существенную особенность Ѳеофана составляетъ то, что онъ былъ реформаторомъ по призванію, по убѣжденію и по дѣятельности своей въ русскомъ обществѣ. Реформа составляетъ душу его писаній и дѣйствій; онъ былъ искреннимъ и восторженнымъ приверженцемъ и защитникомъ новаго порядка и также искренно и настойчиво возставалъ противъ стараго. То, что сказано имъ

о жизни человѣческой вообще, вполне примѣняется къ его понятіямъ о русской исторической жизни. «Что отъ житія нашего прошло», говоритъ онъ, «все то умерло, и какъ не сыти есмы прошлогодскою пищею, такъ не *живемъ мимошедшими временами*»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ опровергаетъ недоброжелателей всякаго новаго дѣла:

«Аще бы и новое дѣло, чтò же самая новостъ вредить? *Зло и старое — зло есть; добро и новое — добро есть*. Нѣкія вещи за самую ветхость похвалы своей лишаются; новостъ же сама собою ничего отнюдь не порочить... Бѣдны мы были, если не было у насъ (добраго и полезнаго), а благополучны, что и у насъ настало. Первѣе явилоса огненное оружіе у прочихъ народовъ, нежели у насъ; но если бы и къ намъ оное доселѣ не пришло, чтò бы была и гдѣ бы уже была Россія? Тожде разумѣй и о книжной типографіи, о архитектурѣ, о прочихъ ученіяхъ. *Разумный есть и человекъ и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный же и смѣха достойный, который своего и худою отстать, чуждаго же и доброа принять не хочетъ*» и т. д.²⁾.

Восхваляя дѣла Петра Великаго, Теофанъ говоритъ:

«Нынѣ дѣти россійстии съ охотою учатся, съ радостію навываютъ: тая прежде была ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркъликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано; а если бы гдѣ нѣкое явилоса ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано. Чтò о архитектурѣ речемъ, каковое нынѣ видимъ строеніе? Было таковое, которое насилу крайней нуждѣ служило, насилу отъ воздушной противности, отъ дождя, вѣтра и мраза охраняти могло, а нынѣшнее, сверхъ всякаго изряднѣйшаго угодія, красотою и велелѣпіемъ свѣтлѣется. Чтò еще и о воинской и о корабельной архитектурѣ? Того у насъ прежде и живописцы правильно изобразити не умѣли.... *Чѣмъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся*» и т. д.³⁾.

Теофанъ Прокоповичъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, неминуемо долженъ былъ идти рука объ руку съ Петромъ Великимъ. Полное внутреннее согласіе между ними установилось само

1) *Теофана Прокоповича*, архіепископа великаго Новаграда и пр., Слова и рѣчи, собранныя и нѣкоторыя вторымъ тисненіемъ, а другія вновь напечатанныя, 1761. Ч. II, стр. 123.

2) Въ заключеніи политическаго памфлета, изданнаго подъ названіемъ: «Правда воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей».

3) *Теофана Прокоповича* Слова и рѣчи. Ч. II, стр. 149.

собою, самымъ естественнымъ образомъ; оно очевидно для всякаго; его никогда и никто не отрицалъ, за исключеніемъ раздраженныхъ враговъ Оеофана, дававшихъ показанія въ Тайной канцеляріи. Во всѣхъ сочиненіяхъ по русской исторіи и литературѣ, когда рѣчь идетъ о Оеофанѣ, слышится одна и та же тема «о проповѣдникѣ славныхъ дѣлъ Петра Великаго». Г. Чистовичъ подтверждаетъ ее такими указаніями:

«Призваніемъ Оеофана была подмога Петру въ дѣлѣ преобразованія церкви и народа, и онъ понялъ и исполнилъ его, не щадя ни трудовъ, ни усердія. Нужно ли государю оправдать передъ народомъ и передъ свѣтомъ свой поступокъ съ царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, онъ поручаетъ Оеофану написать *Правду воли монаршей*. Нужно ли оправдать отиѣну патриаршества и учрежденіе вмѣсто него коллегіальнаго синодальнаго правленія, и онъ поручаетъ Оеофану написать это оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ. Петру не нравится въ народѣ лицемѣріе, происходящее отъ непониманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Оеофанъ пишетъ по его порученію книгу противъ лицемѣровъ. Государя занимаютъ раскольничія дѣла, и Оеофанъ пишетъ одно за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ. Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставилъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной каосдры ихъ пользы и значенія. Въ послѣдніе годы жизни Петръ рѣшается преобразовать монашество русское и самъ составляетъ планъ этого преобразованія. Оеофанъ изъясняетъ законность этого преобразованія изъ самой исторіи монашества и церковныхъ правилъ» ¹⁾.

Единство въ воззрѣніяхъ Петра Великаго и Оеофана Прокоповича выразилось по всѣмъ главнымъ вопросамъ умственной и общественной жизни.

Въ сферѣ умственной на первомъ планѣ является вопросъ религіозный и по своему безотносительному значенію, и по отношенію къ судьбамъ русской образованности. Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Петра Великаго и Оеофана Прокоповича было много общаго, и возраженія противнаго лагеря устремлены въ сущности на обоихъ, хотя возраженія эти, по необходимости, имѣли видъ обвиненія одного Оеофана. Никто не оспаривалъ религіоз-

1) Оеофанъ Прокоповичъ и его время. *Н. Чистовича*, стр. 118—119.

наго чувства и даже до нѣкоторой степени богословскаго образованія у Петра Великаго. Стефанъ Яворскій, котораго нельзя отнести къ числу панегиристовъ Петра Великаго, признаетъ въ немъ живое чувство религіи и замѣчательныя для того времени свѣдѣнія: онъ удивляется начитанности Петра въ св. Писаніи, основательному знанію имъ постановленій вселенскихъ соборовъ и знакомству съ твореніями св. отцовъ. Но тамъ, гдѣ интересы церкви сталкивались съ интересами государства, Петръ неуклонно является представителемъ и проводникомъ государственнаго начала. Уничтоженіе патріаршества было самою крупною жертвой государству со стороны церкви. Въ отношеніяхъ Петра къ духовенству обнаруживается духъ реформы и противодѣйствія старинѣ. Самое учрежденіе синода или духовнаго сипедріона, какъ называется онъ въ тогдашнихъ актахъ, есть уже ударъ старинѣ, желавшей единовластія въ церковномъ управленіи. Въ понятіи Петра патріархъ сближался съ папой, да и въ русскомъ обществѣ являлись попытки учрежденія папства. Высказывались предположенія открыть патріаршія кафедры въ Новгородѣ, Ростовѣ, Казани и на Крутицахъ, а папскій престолъ предназначали сверженному Никону.

Въ противодѣйствіи всему, напоминающему католическое папство, Петръ Великій руководствовался какъ своими политическими соображеніями, такъ отчасти и знакомствомъ съ протестантскимъ міромъ и, быть можетъ, съ византійскою исторіею. Оскорбительныя выходки противъ патріаршескаго сана напоминаютъ византійскія сцены наряжанья шутовъ въ патріаршескія одежды и шутовскія процессіи съ музыкой и разгульными пѣснями ¹⁾. Король Англійскій совѣтовалъ Петру объявить себя главой церкви, подобно нѣкоторымъ протестантскимъ владѣтелямъ.

Смотря на религію сквозь призму государства, Петръ Вели-

1) Ср. *Православное Обозрѣніе*. Годъ третій, Ноябрь. 1862. Нѣмецкая богословская литература, стр. 199—200.

кій задумалъ и въ церковной средѣ произвести преобразование, совершаемое имъ въ государственной жизни. Въ книгѣ г. Чистовича подробно говорится о мѣрахъ относительно новаго устройства монашества, и приводится указъ Петра Великаго о монастыряхъ, вызвавшій сильнѣйшее раздраженіе въ извѣстной части тогдашняго общества¹⁾. Петръ Великій всею силой души ненавидѣлъ лицемѣріе и ханжество. Онъ преслѣдовалъ въ немъ опаснѣйшаго для государства врага, съ которымъ особенно трудно было справиться, ибо оно могло волновать народныя массы, подерживая и развивая въ нихъ суевѣрія и предрасудки. Опасность заключалась въ томъ видѣ, который принимало на себя лицемѣріе, прикрывая дѣйствія свои священнымъ знаменемъ церкви. Петръ Великій неоднократно высказывалъ мысль о необходимости разъяснять истинное понятіе о христіанскомъ благочестіи, оградивъ его отъ кривыхъ толковъ и суевѣрной примѣси. Онъ считалъ нужнымъ напечатать при требникахъ объясненіе заповѣдей, направленное противъ лицемѣровъ и ханжей, и самъ составилъ въ подобномъ духѣ любопытныя замѣтки о десяти заповѣдяхъ. По его мнѣнію, если нѣтъ отдѣльной заповѣди, запрещающей лицемѣріе и ханжество, то потому только, что это зло проникаетъ собою всѣ другіе грѣхи и пороки. Лицемѣры—отъявленные атеисты, не имѣющіе вѣры въ Бога, ибо разглашаютъ ложныя чудеса и вымышленныя видѣнія, какъ бы посланныя отъ Бога, а сами не вѣрятъ имъ, зная, что ихъ никогда не бывало. Лицемѣры убиваютъ множество людей, подстрекая ихъ къ неповиновенію законной власти. Они окрадываютъ не только руками, но и духомъ. Они нарушаютъ святыню супружескаго союза, втираясь къ чужимъ женамъ и нагло обманывая мужей и т. п.

Подобно Петру Великому, Теофанъ ненавидѣлъ лицемѣріе, смотрѣлъ разумнымъ образомъ на требованія вѣры и былъ совер-

1) Теофанъ Прокоповичъ и его время. И. Чистовича, стр. 514 и слѣд. и 709—718.

шенно чуждъ фанатизма, дорожа вмѣстѣ съ тѣмъ чистотой православія. По отзыву специалистовъ, богословскія сочиненія Теофана Прокоповича написаны въ духѣ православія. «Самое строгое разсмотрѣніе его сочиненій», говоритъ г. Чистовичъ, «не открываетъ въ нихъ ничего, противнаго православной церкви»¹⁾. Но его свѣтлый умъ далекъ былъ отъ піэтизма и нетерпимости. Какъ Петръ Великій и говорилъ и писалъ, что совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ, такъ у Теофана была поговорка: *uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio et patria*. Изучая Св. Писаніе и отцовъ церкви, Теофанъ отвергалъ измышленія досужихъ книжниковъ, говоря, что «книга критика вѣрить имъ не вѣлеть». Впрочемъ, не только между слѣпыми приверженцами обряда и внѣшности, но и между людьми образованными были лица, не сочувствовавшія Теофану въ его взглядѣ на взаимныя отношенія церкви и государства. Теофана обвиняли въ томъ, что религія понималась имъ, какъ орудіе для цѣлей государственныхъ: религіозныя несогласія выставлялъ онъ мятежемъ и бунтомъ, за политическія убѣжденія и даже за пасквили на политическихъ дѣятелей предавалъ церковному проклятію. Лица противоположнаго образа мыслей, защищавшія свободу и независимость церкви и ограждавшія ее отъ вмѣшательства бюрократіи, говорили, что молиться по приказу нельзя, и что «въ церкви монархіи нѣтъ и никогда не бывало»²⁾.

Противъ лицемѣровъ и ханжей Теофанъ вооружился и въ книгахъ, писанныхъ по волѣ и по программѣ Петра Великаго, и въ проповѣдяхъ, и даже въ драматическихъ произведеніяхъ. Въ Тайную канцелярію представлено было обвиненіе въ томъ, что онъ называлъ нѣкоторые лица, принадлежащія къ почетному сословію, идольскими жрецами, лицемѣрами, жериволами. Жериволь является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ драматической піесѣ Теофана: «Владиміръ», въ которой изображается по-

1) Тамъ же, стр. 574.

2) Тамъ же, стр. 162.

бѣда новаго начала надъ старымъ, христіанства надъ язычествомъ. Владиміръ принимаетъ новое ученіе и распространяетъ его въ русскомъ народѣ, а жрецы отвергнутаго культа оплакиваютъ минованіе ихъ темнаго царства. Жериволь, лицемѣрный служитель погибающихъ боговъ, дорожилъ ими ради прибытковъ, ради тучныхъ воловъ (какъ показываетъ самое названіе его) и другихъ жертвъ, приносимыхъ невѣжественными поклонниками, которыхъ онъ увѣрялъ, что безсмертные боги могутъ погибнуть только отъ голода, слѣдовательно, и главная забота вѣрующихъ должна состоять въ томъ, чтобы щедрыми дарами избавлять боговъ отъ голодной смерти¹⁾.

Осуждая и осмѣивая лицемѣріе, суевѣріе и невѣжество, Теофанъ былъ проникнутъ живымъ сочувствіемъ къ просвѣщенію, вполне понималъ значеніе науки и умѣлъ цѣнить людей, посвятившихъ жизнь научнымъ занятіямъ. Теофанъ былъ безспорно просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ своего времени въ Россіи. Одинъ изъ современныхъ Теофану ученыхъ говоритъ, что бесѣды съ Теофаномъ воскрешали передъ нимъ древнюю Грецію съ ея философскими школами, и Теофанъ казался новымъ Климентомъ, Кирилломъ или Евсеіемъ, а воспоминанія о Римѣ и Италіи, объ ея историческихъ памятникахъ, свидѣтельствовали о высокой образованности Теофана, о необыкновенной воспріимчивости его духа, и поражали художествомъ его латинской и италіанской рѣчи.

Обширность знаній свидѣлствуетъ о неутомимомъ трудолюбіи и изумительной памяти Теофана, а сила размышленія, характеръ знаній и пониманіе духа науки показываютъ, какъ высоко онъ стоялъ въ сравненіи съ окружающими его русскими и иностранными учеными. Еще въ Римѣ, на школьной скамьѣ,

1) Новикова, Опытъ историческаго словаря о руссійскихъ писателяхъ, въ Матеріалахъ для исторіи русской литературы, изд. Ефремова. Спб. 1867, стр. 91, № 52.—Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, сост. Востоковымъ, стр. 447, № CCCXVIII.—Пекарскаго, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, стр. 416—421 и друг.

онъ понялъ бесплодность схоластики и съ жаромъ юности предался изученію отцовъ греческой и римской церкви и классическихъ писателей древняго міра: Демосфена, Квинтилиана, Тацита и др. Воззрѣніе Теофана на науку превосходно выражается въ слѣдующихъ словахъ его въ Духовномъ регламентѣ:

Доброе и основательное ученіе есть корень, сѣмя и основаніе всякой пользы какъ для отечества, такъ и для церкви. Но слѣдуетъ накрѣпко наблюдать, чтобы ученіе было дѣйствительно доброе и основательное. Ибо есть ученость, которая хотя и слыветъ таковою, но въ сущности не достойна этого имени.

Обыкновенно спрашиваютъ, въ какихъ школахъ былъ такой-то, и когда услышать, что былъ онъ и въ риторикѣ, и въ философiи, и въ богословіи, то за это одно высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто и погрѣшаютъ. Ибо и у хорошихъ учителей не всѣ хорошо учатся: иные по тупости, другіе по лѣности, тѣмъ болѣе, когда и самъ учитель въ дѣлѣ своемъ знаетъ весьма мало или же и вовсе ничего не знаетъ.

Слѣдуетъ помнить, что отъ пятого до пятнадцатаго столѣтія во всей Европѣ всѣ науки находились въ великой скудости и несовершенствѣ, такъ что у самыхъ лучшихъ писателей того времени остроуміе видимъ великое, а свѣта великаго не видимъ. Только съ пятнадцатаго вѣка стали появляться любознательные и искусные учителя, и мало по малу многія академіи возымѣли великую силу; но многія училища остались въ прежней тинѣ, такъ что у нихъ только одни имена риторики, философiи и другихъ наукъ.

Люди, вкусившіе такого призрачнаго ученія, бываютъ глупѣе неученыхъ; ибо, будучи темными невѣждами, считаютъ себя совершенствомъ, и думая, что знаютъ все, что можно знать, не хотятъ и не помышляютъ читать книги и учиться. Но истинно просвѣщенный человѣкъ никогда не имѣетъ сытости въ познаніи своемъ; онъ никогда не перестанетъ учиться, хотя бы прожилъ Магусаиловъ вѣкъ; и т. д. ¹⁾

По вѣрности и глубинѣ взгляда на науку и просвѣщеніе, по дѣятельности своей для распространенія знаній въ Россіи, Теофанъ долженъ быть названъ предшественникомъ Ломоносова, какъ просвѣтителя русскаго общества. Мысль о необходимости просвѣщенія, которую такъ ревностно проводить и словомъ, и дѣломъ Теофанъ Прокоповичъ, одушевляла собою и Ломоносова. Теофанъ Прокоповичъ доказывалъ пользу знаній, настаивалъ на открытіи училищъ, составлялъ правила для нихъ и заводилъ

1) Духовный регламентъ. Глава о домахъ училищныхъ.

школы самъ, на свои собственные средства. Ломоносовъ въ многочисленныхъ трудахъ своихъ говорилъ о силѣ и благотворномъ вліяніи науки, писалъ проекты учебныхъ заведеній, содѣйствовалъ открытію училищъ. Идея науки, выражаемая Теофаномъ въ мѣткихъ чертахъ, относящихся къ области знаній вообще, получила у Ломоносова болѣе опредѣленный характеръ. Ломоносовъ высшую задачу науки полагалъ въ изученіи силъ природы, которое должно было оказать свое вліяніе на часть русскаго общества, не чуждавшуюся умственного, научнаго труда. Теофанъ дѣйствовалъ преимущественно отрицательно, упичтожая суевѣрныя, враждебныя наукѣ понятія, господствовавшія въ массахъ и даже въ кругу людей, заправлявшихъ народными массами. Ломоносовъ старался дать и положительную основу тѣмъ представленіямъ, которыя долженъ имѣть о явленіяхъ, окружающихъ человека, всякій, не лишенный любознательности и привыкшій думать и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ думахъ и выводахъ. Самыя условія той среды, въ которой дѣйствовалъ Теофанъ, и той, въ которой подвизался Ломоносовъ, не представляли рѣзкаго различія между собою, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ умственной жизни. Отъ этого много общаго между Теофаномъ и Ломоносовымъ не только въ томъ, что оба они боролись за идею науки и просвѣщенія, отстаивая ее отъ нареканій со стороны невежественной части общества, но и въ выборѣ данныхъ для подкрѣпленія своей мысли, во взглядѣ на реформу Петра Великаго и на отношеніе новаго начала къ старому, наконецъ въ самомъ тонѣ нападеній ихъ на упорныхъ сторонниковъ того, что съ такою настойчивостью стремилась истребить реформа.

Теофанъ Прокоповичъ и Ломоносовъ съ одинаковымъ восторгомъ и жаромъ говорятъ о реформѣ Петра Великаго. Подобно Теофану, Ломоносовъ восхвалялъ реформу во всѣхъ ея подробностяхъ, отъ новаго покроя платья до новыхъ знаній и искусствъ; истинное благо Россіи видитъ онъ въ заведеніи флота, въ устройствѣ войска и администраціи, въ путешествіи Петра по чужимъ странамъ, въ учрежденіи Синода, въ изданіи регламентовъ и

уставовъ. Въ великую заслугу преобразователю Ломоносовъ ставитъ то, что «математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхованіе вмѣненному, благоговѣйное почитаніе, въ освященной Петровой особѣ, приносилось»¹⁾.

Подобно Теофану, Ломоносовъ возставалъ противъ грубаго невѣжества и заносчиваго полужнанія, и въ обличительныхъ словахъ его слышится, какъ и у Теофана, то неудержимое негодованіе и протестъ, то злая и ѣдкая насмѣшка. Теофанъ Прокоповичъ любитъ распространяться о вредѣ для религіи и науки отъ неразумнаго вмѣшательства напыщенныхъ всезнаекъ, упивающихся наивнымъ сознаніемъ собственной мудрости. Ломоносовъ утверждаетъ, что наука и религія дружно стремятся къ одной цѣли, и разладъ между ними поселяютъ люди, увлекаемые тщеславнымъ желаніемъ блистать своею мнимою мудростію²⁾. Старина съ ея отжившими вѣрованіями и ихъ своекорыстными блюстителями представляется въ комическомъ свѣтѣ и у Теофана Прокоповича, и у Ломоносова. Въ драмѣ Теофана Прокоповича представлена забавная картина искалѣченныхъ боговъ: безногій Ладо, богъ плясокъ, не можетъ исполнять своего призванія; Мокошь съ отбитымъ носомъ не слышитъ запаха кадилъ; Меркьюрь и Куройдъ плачутъ надъ погибшими источниками своихъ доходовъ. Въ знаменитомъ посланіи Ломоносова изображается ужасъ суевѣрныхъ приверженцевъ стараго культа при мысли, что Плутонъ, Веста, Діана и все множество боговъ безжалостнымъ образомъ припуждено вертѣться день и ночь, напрасно отыскивая мѣстечка, гдѣ бы успокоиться отъ вѣчнаго круговращенія. Жрецы въ отчаяніи, что люди поняли наконецъ, что всѣ эти Марсы, Нептуны, Зевесы не стоятъ не только жертвоприношеній, но даже дровъ подъ жертвы, а жрецы, слѣдовательно, совершенно напрасно поѣдаютъ приносимыхъ богамъ

1) Сочиненія Ломоносова. 1847. Томъ I. Похвальное слово Петру Великому, стр. 587.

2) Прибавленіе къ мемуару о явленіи Венеры на солнцѣ. Сочиненія Ломоносова. 1850. Т. II, стр. 270.

воловъ и ягнятъ. По мнѣнію Ломоносова, свѣтъ знаній задерживается пуще всего упорнымъ противодѣйствіемъ лицемѣровъ, отъявленныхъ враговъ науки и просвѣщенія¹⁾.

«Вели всегдашнюю брань съ наукой лицемѣры», говоритъ Ломоносовъ—и въ этой мысли, какъ и во многихъ другихъ воззрѣніяхъ, онъ вполне сходится съ Теофаномъ Прокоповичемъ и Петромъ Великимъ.

При томъ общественномъ положеніи, которое занималъ Теофанъ Прокоповичъ, при его обширномъ государственномъ умѣ и политическомъ тактѣ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ событіямъ, совершавшимся въ современной ему русской общественной жизни. Какъ человѣкъ съ опредѣленнымъ и сильнымъ характеромъ, онъ не могъ оставаться въ тѣни, и дѣйствительно, въ самыя важныя минуты волненій и переворотовъ онъ является не только участникомъ, но главой и руководителемъ различныхъ политическихъ партій. Отсюда, съ одной стороны, довѣріе къ нему вліятельныхъ людей государства, съ другой—непримиримая ненависть, процессы, открытая и тайная вражда.

Какое значеніе имѣлъ Теофанъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ того времени, видно изъ того, что ему принадлежало иногда послѣднее и рѣшительное слово въ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ, при самомъ запутанномъ положеніи государственныхъ дѣлъ. Теофанъ принималъ самое дѣятельное участіе въ восшествіи на престолъ Екатерины I и въ восстановленіи самодержавія Анной Іоанновной. Онъ сообщилъ послѣдней планъ дѣйствій, составленный имъ въ виду случайностей, которыя могли быть вызваны уничтоженіемъ ограничивающаго акта.

Высшее учрежденіе имперіи, поправшее права Сената, такъ-называемый Кабинетъ, замѣнявшій собою Верховный Тайный совѣтъ, прибѣгалъ къ помощи Теофана для осуществленія своихъ

1) Письмо о пользѣ стекла. Сочиненія Ломоносова, 1847. Т. I, стр. 516—517; и друг.

цѣлей. Подъ вліяніемъ Оеофана составленъ Анной Іоанновной актъ о престолонаслѣдіи, отпечатанный въ величайшей тайнѣ на дому у Оеофана. Онъ же убѣдилъ императрицу избрать жениха для принцессы Анны Леопольдовны. Кругъ знакомства и связей Оеофана былъ чрезвычайно обширенъ; представители иностранныхъ державъ при Петербургскомъ дворѣ искали его общества; въ частыхъ бесѣдахъ и пирахъ съ ними онъ болѣе всякаго другаго имѣлъ возможность узнавать дипломатическія тайны и при своей проникаемости превосходно понималъ тогдашнія отношенія Россіи къ ея чужеземнымъ друзьямъ и недругамъ. Онъ не упускалъ изъ виду и малѣйшаго обстоятельства, могущаго имѣть прямое или косвенное вліяніе на судьбу Россіи, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ. Въ Голштиніи, у тетки императора Петра II, родился сынъ, названный Петромъ въ честь своего дѣда, Петра Великаго. Никто въ Россіи не обратилъ вниманія на это семейное событіе голштинскаго двора, тѣмъ болѣе, что молодость и цвѣтущее здоровье императора обѣщали ему долгую жизнь и удаляли всякую мысль о появленіи другаго государя на русскомъ престолѣ. Одинъ Оеофанъ привѣтствовалъ пространнымъ посланіемъ родителей новорожденнаго, котораго называлъ опорой Россійской державы. Хотя слова эти можно назвать риторическою похвалою, но ходъ событій придавъ имъ положительный смыслъ: тотъ, къ которому они относились, вступилъ въ послѣдствіи на русскій престолъ подъ именемъ Петра III.

Врагами Оеофана были Меншиковъ, Долгорукіе и многіе другіе изъ вліятельныхъ людей того времени. Нерасположеніе къ Оеофану было такъ велико, что, не смотря на всю его ученость, его не приглашали въ Верховный Тайный совѣтъ для обсужденія вопроса о воспитаніи и обученіи Петра II, хотя въ дѣлѣ этомъ онъ могъ быть наилучшимъ судьей и хотя были приглашены лица, несравненно менѣе его имѣвшія права на подобную честь. Къ партіи, во главѣ которой былъ Оеофанъ, принадлежали: князь Черкасскій, князь Трубецкой, Кантемиръ и другіе. Биронъ и Остерманъ были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Высота общественнаго положенія Теофана накликала ему много бѣдъ. Будучи душой различныхъ предпріятій, поддерживаемый верховною властію, Теофанъ вооружалъ противъ себя всѣхъ, недовольныхъ дѣйствіями правительства. Появлялись подметныя письма, въ которыхъ представлялся въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ жизнь и поступки Теофана.

Однажды полученъ былъ въ сенатъ, подъ видомъ дѣловой бумаги, пасквиль на государыню Анну Іоанновну и на Теофана. У Теофана не было достаточно мужества, чтобъ отвѣчать однимъ презрѣніемъ на доносы и подметныя письма. Онъ требовалъ отысканія виновныхъ и съ крайнею придирчивостью разбиралъ каждую фразу, каждое слово, въ которыхъ подозрѣвалъ что-либо противное его партіи или его личнымъ видамъ.

Постоянное участіе Теофана въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ, какъ ни печально отражалось оно иногда на судьбѣ его и другихъ, дало необыкновенную жизненность его произведеніямъ. Они служатъ вѣрнымъ отголоскомъ эпохи и рисуютъ ее съ такимъ искусствомъ, которое достается на долю немногихъ писателей. Живая струя современности въ произведеніяхъ Теофана сообщаетъ имъ ихъ отличительный характеръ, выражаясь какъ въ выборѣ изображаемыхъ предметовъ, такъ и въ тонѣ и способѣ изображенія.

У Теофана преобладаетъ тонъ юмористическій, вполне соответствующій складу его зоркаго и чуткаго ума, недовольнаго окружающею его средой и слящася проложить новую дорогу, разбивая преграды, созданныя лицемеріемъ, пошлостью и невѣжествомъ. Юмористическія изображенія людскихъ пороковъ и слабостей, съ рѣзкими чертами времени и мѣста, въ большомъ пзобиліи встрѣчаются въ словахъ и рѣчахъ Теофана. Не повторяя указаннаго другими¹⁾, приведемъ малозвѣстную и мастерскую характеристику іезуитовъ, написанную подъ свѣжимъ впечатлѣ-

1) Самарина, Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Стр. 148—151, 193—194 и др.

ніемъ іезуитской пропаганды, грозившей проникнуть въ русскія училища и заглушить въ нихъ зачатки новой жизни и умственного движенія:

«Поддѣльное благочестіе латинскихъ монаховъ», говоритъ Теофанъ, «служить для меня важнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженіе, поступь, положеніе лица и тѣла ихъ: что увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищницами кротости и любезности; другихъ увидишь облеченными суровостію болѣе чѣмъ катоновскою. Первые изъ нихъ, болѣею частью совершенно напрасно называющіе себя друзьями Іисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей. Они всецѣло созданы для приобрѣтенія благосклонности; являются въ общество въ черной, но изящной одеждѣ, отличаются бѣлизной кожи и съ головы до ногъ красавчики: тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно и часто улыбаются, говорятъ ломанымъ голосомъ. Во время же разговора какое помаргиваніе носомъ, какое скорое движеніе пальцевъ, какое поворачиваніе въ обѣ стороны нѣжненькой шеи! А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые Протеи, почти въ одно и то же время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній! Сейчасъ ты слышишь его веселаго и забавнаго; но если попадетъ въ рѣчи одно словечко сколько-нибудь печальнаго содержанія, вотъ ты увидишь, что онъ уже и вздыхаетъ и стонетъ, и слезки каплютъ, — и все это дѣлаетъ онъ съ такою нѣжностію и пріятностію, какую можно видѣть и въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена; и я подозреваю, что лучшіе у нихъ учителя — тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удерживаться отъ смѣха при видѣ многихъ іезуитовъ, которымъ вовсе не было къ лицу представлять собою Купидоновъ или Венеръ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу (что имъ весьма свойственно, такъ какъ они подражаютъ апостоламъ), то несутся такимъ расчитаннымъ шагомъ, что, кажется, не идутъ, а танцуютъ, такъ легко и ловко, что, повидимому, не прогуливаются, а, по выраженію поэтовъ, восходятъ на высочайшую арену. Если встрѣтятся съ кѣмъ-нибудь знакомымъ, который поддается ихъ вліянію, тотчасъ оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоемъ) самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою; затѣмъ старшій возрастомъ, то есть, главный начальникъ чужаго спасенія, склонивъ тихо голову на плечи и улыбаясь, говоритъ, пожимая руку встрѣтившагося знакомаго: «въ какомъ состояніи вашъ внутренній человекъ? я увѣренъ, что онъ здравствуетъ какъ нельзя лучше»; затѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстіе, что въ Индіи нѣкоторый могущественнѣйшій царь со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ іезуитами къ вѣрѣ во Христа, и что въ Римѣ верховный первосвященникъ за ужиномъ удивительнымъ образомъ расхвалилъ общество іезуитовъ, за питьемъ возсылалъ за него молитвы и обѣщалъ безконечныя милости (такъ называютъ индульгенціи) тѣмъ, которые станутъ часто посѣщать храмы іезуитовъ. Далѣе: всегда неожиданно, а часто и неблаговре-

менно, приходятъ въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ пріятныхъ взаимныхъ привѣтствій, забавляютъ женщину многими благочестивыми шутками, хвалятъ украшеніе дома, удивляются картинамъ, и увидѣвъ Христа, пригвожденнаго ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣніемъ и показываютъ движеніемъ рѣсницъ, что они уже готовы расплакаться; но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто бы для того, чтобы скрыть свои слезы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы видѣли, что они не желаютъ быть замѣченными. Часто, если есть маленькія дѣти, іезуиты, тихо ласкал ихъ, дарятъ имъ небольшія иконы или привѣшиваютъ къ шеѣ мѣдъ съ изображеніемъ лица Игнатія (Лойолы). Но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая-нибудь богатая женщина лежитъ въ постели; тогда уже съ величайшею поспѣшностію прилетятъ къ ней и скажутъ, что они посланы святымъ Станиславомъ Косткой, что онъ приказалъ привѣтствовать ее отъ своего имени, что онъ будетъ усерднымъ ея врачомъ и постарается о скорѣйшемъ ея выздоровленіи. Потомъ обременяютъ больную многими обѣщаніями; если она будетъ осторожна и за слова отплатитъ словами же, то поспѣшно отходятъ, опустивъ уши, и будутъ говорить на сторонѣ, что она нисколько не заботится о вѣчномъ спасеніи; если же (что случается чаще) больная, поддавшись ихъ суетнымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства, или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больноі вѣчное блаженство и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія, и присовокупляютъ, что онѣ вмѣняются верховнымъ священникомъ въ добродѣтель, такъ что кто носить ихъ въ минуту смерти, весьма легко умираетъ и улетаетъ на небо. Между тѣмъ не упускаютъ ничего, относящагося къ ихъ цѣли, и не думаю, чтобы бѣдный больной такъ мучился своею лихорадкой, какъ они невѣрнымъ ожиданіемъ его смерти. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ дома, въ которыхъ жаренымъ не пахнетъ; если же увидятъ лежащаго и тяжело страждущаго нищаго гдѣ-нибудь на дорогѣ, гдѣ много собирается народу, то останавливаются тамъ и съ величайшимъ напряженіемъ кричатъ больному (хотя бы онъ вовсе и не былъ глухъ): какой пищи ему болѣе хочется — телятинки, или курятинки, или рыбки, или лепешечекъ, или мяса, или пряженцевъ, или пирожного? Наконецъ, перечисливъ другіе роды лакомствъ и раздраживъ аппетитъ человѣка, расходятся. А бѣднякъ этотъ воздерживается отъ простаго стола, мечтаетъ объ обѣщанныхъ кушаньяхъ и въ ожиданіи ихъ томится цѣлый день; въ заключеніе всего ему не присылается даже и протухлаго мяса. Вотъ тебѣ велегласные обѣщатели! Не достанетъ имъ дня, чтобы подробно говорить о нихъ. Это — люди, всѣ слова и дѣла которыхъ проникнуты развращающимъ элементомъ подложности и фальшивости. Они изобрѣтаютъ новыя и пустыя церемоніи; они постоянно шутятъ въ священнныхъ собраніяхъ. Этими авторами выдуманы тѣ нѣжненькія басенки для дѣтей и женщинъ, будто Св. Дѣва поручила прилежному мальчику носить на рукахъ младенца Иисуса; что будто, когда была въ банѣ, отдала его вымыть одной дѣвочкѣ; будто ангелъ, когда будилъ какую-то дѣвицу къ утренней молитвѣ, тихо пощипалъ ее за ушко; и тысячи другихъ разукрашенныхъ пустяковъ. Вотъ каковы тѣ люди, которые мягкою святостію обманываютъ безразсудную толпу. Но такъ какъ не всѣмъ нравится эта

благочестивая сентиментальность, то есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ будто родившись отъ древнихъ Сабинянъ, кажутся весьма суровыми. Увидишь и другихъ, удивленныхъ и изумленныхъ, едва ступающихъ, какъ будто они вознеслись духомъ чуть не на небеса, и часто останавливающихся и какъ-бы забывшихъ себя; узнаешь также, что они днемъ и ночью лежатъ на книгахъ; не безъ удивленія замѣтишь также, что они и въ храмѣ, и на рынокъ выходить въ очкахъ. У нѣкоторыхъ рукава столь широкіе, что чело-вѣкъ не ученый и не такъ набожный весь могъ бы одѣться однимъ рукавомъ. Другіе же — совершенные циники: смѣются надъ всѣми приличіями свѣта и попираютъ ихъ, немытые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ синими зубами, съ необрѣзанными ногтями, съ пренебреженіемъ ко всякому убранству. Они заботятся о томъ, чтобы говорить, по возможности, самымъ хрипотытымъ или чрезмѣрно сильнымъ голосомъ; весьма приличнымъ считаютъ для священнаго оратора, если онъ во время проповѣди непристойно разводитъ мѣшками, пугаетъ всѣхъ суровымъ взглядомъ, кулаками и пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каедрю. Что касается одѣянія, то благодареніе Богу, если они не носятъ деревянныхъ подошвъ и не опоясываются веревкой; не имѣть чистой одежды составляетъ для нихъ религію. Поэтому увидишь весьма многихъ, которые нарочно кругомъ себя носятъ пришитые къ разодранному рубищу разноцвѣтные куски. Наконецъ, одежда, которая можетъ назваться или казаться изящною и красивою, та для нихъ смѣшна и въ высшей степени ненавистна; всякую красоту, убранство, всякую опрятность считаютъ они вредными забавами; нечистота и грубость пользуются ихъ уваженіемъ. Однако ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе этого рода людей, такъ что не безъ справедливости скажешь о нихъ, что они — изъ стада свиней спикуровыхъ. Что это, благій Боже, за новый видъ святости! Можетъ ли найтись кто-нибудь, кто бы не видѣлъ здѣсь пустой поддѣлки и не посмѣялся? Господь нашъ Иисусъ Христосъ самъ проводилъ и намъ заповѣдалъ совершенно иной образъ жизни. Онъ желалъ, чтобы мы были просты и чужды притворства; а латинскіе монахи, вопреки скромности и истинѣ, такъ возлюбили обманъ, что поставили его принципомъ своей дѣятельности. Однако меня въ высшей степени забавляетъ воспоминаніе объ этой двуличности. Всякій разъ, когда мнѣ припоминается и грязная суровость однихъ латинскихъ монаховъ, и томная и женственная нѣжность другихъ, то мнѣ представляется, что я смотрю на тѣхъ консуловъ, которыхъ превосходно изобразилъ Маркъ Туллій, — Пизона и Габинія, которымъ латинскіе монахи такъ искусно стараются подражать, что, кажется, одни ведутъ свое происхожденіе отъ Пизона, а другіе отъ Габинія ¹⁾.

1) Теофанъ Прокоповичъ преподавалъ въ Киевской академіи піитику и риторикъ. Руководство, составленное имъ по риторикѣ подъ названіемъ: «De arte rhetorica libri X», сохранилось въ рукописяхъ, находящихся въ Киевской академіи и въ библіотекѣ Києво-Михайловскаго монастыря. Извлеченія изъ нея изданы въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ: «Выдержки изъ рукописной риторики Теофана Прокоповича, содержащія въ себѣ изображеніе папистовъ и іезуитовъ», въ *Трудахъ Киевской Духовной академіи* 1865 года, апрѣль, стр. 614—637. Описаніе іезуитовъ приведено Теофаномъ въ его риторикѣ въ примѣръ характеристики.

Приведенное мѣсто, равно какъ и множество другихъ, показываетъ, съ какимъ художественнымъ чутьемъ Оеопанъ подмѣчалъ и изображалъ слабыя стороны современнаго ему общества, какъ сильна была сатирическая струя въ его блестящемъ литературномъ талантѣ. Постоянными жертвами его сатиры были люди, коимъ онъ противодействовалъ и въ жизни со всѣмъ жаромъ энергическаго борца за новое начало, идущее въ разрѣзъ съ преданіями старины.

Появившіяся доселѣ статьи, монографіи, сборники матеріаловъ, словомъ, все, что извѣстно о Оеопанѣ, приводятъ къ одному окончательному выводу, состоящему въ томъ, что Оеопанъ Прокоповичъ по всей справедливости долженъ быть названъ представителемъ своего вѣка. Во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности, въ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ онъ представляетъ типъ просвѣщеннаго государственнаго человѣка Россіи времени преобразованія.

Въ исторіи русской литературы Оеопану Прокоповичу принадлежитъ почетнѣйшее мѣсто въ ряду первостепенныхъ ея дѣятелей. Полное и критическое изданіе сочиненій Оеопана Прокоповича составляетъ существенную потребность нашей ученой литературы. Всестороннее изученіе произведеній и дѣятельности Оеопана Прокоповича необходимо для вѣрнаго пониманія литературы и внутренней жизни Россіи въ эпоху Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ.

Повѣсть о судѣ Шемяки ¹⁾.

Въ ряду произведеній нашей повѣствовательной литературы Шемякинъ Судъ заслуживаетъ вниманія какъ по своему содержанию и характеру, такъ и по тѣмъ даннымъ, которыя онъ представляетъ для разясненія состава и происхожденія литературныхъ памятниковъ нашей старины. Въ XVII столѣтіи люди книжные списывали и вносили въ сборники повѣсть о судѣ Шемяки, интересовавшую ихъ своимъ сатирическимъ складомъ, своими забавными и остроумными подробностями. Въ XVIII вѣкѣ являлись передѣлки этого памятника, которому отводили мѣсто въ ряду образцовыхъ сатирическихъ произведеній, подобно баснямъ и притчамъ Сумарокова. Въ наше время ученые, какъ русскіе, такъ и иностранные, касаются преимущественно вопроса о составѣ памятника и соотношеніи его съ однородными произведеніями восточныхъ и западныхъ литературъ. Указывая на связь его съ условіями русскаго быта и общественной жизни, относятъ его къ тому же разряду, какъ и сказку о Ершѣ Ершовичѣ и лубочную картину «Мыши кота погребаютъ».

Шемякинъ Судъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ конца XVII и начала XVIII столѣтія. Лучшимъ спискомъ называли тотъ, который находится, хотя и въ неполномъ видѣ, въ рукописи Бѣльскаго: «доселѣ — говоритъ Сахаровъ — не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто-либо другой» ²⁾. Списки, изданные

1) Сборникъ 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. X (1873 г.), и отд. Спб. 1873.

2) Русскія народныя сказки. 1841 г., стр. 269—270.

впослѣдствіи не представляютъ между собою существеннаго различія.

Шемякинъ Судъ послужилъ сюжетомъ не только для литературы, но и для народнаго искусства. Лубочныя картинки, числомъ двѣнадцать, помѣщенные на одномъ лѣстѣ, изображаютъ двѣнадцать событій мудренаго суда: бѣднякъ проситъ у богатаго лошади; бѣднякъ верхомъ на лошади, привязанной хвостомъ къ дровнямъ, бѣднякъ проситъ у богатаго прощенія, что оторвалъ хвостъ у его лошади; бѣднякъ падаетъ съ палатей; бѣднякъ падаетъ съ моста; передъ судьей Шемякой: бѣднякъ съ своимъ богатымъ братомъ, съ отцомъ задавленнаго имъ ребенка и съ сыномъ убитаго имъ старика; бѣднякъ мирится съ братомъ и съ двумя другими противниками; судья радуется избавленію отъ угрожавшей ему гибели.

Тѣ же сюжеты, только съ несравненно большимъ искусствомъ, представлены и въ одиннадцати гравюрахъ, изданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія писателемъ-художникомъ, скрывшимъ свое имя подъ буквами А. О. (быть можетъ, Алексѣй Оленинъ). Текстъ этого изданія есть переложеніе разсказа лубочной картины въ стихи, разбавленные сентенціями по тогдашнему литературному обычаю. Гравюры изображаютъ тѣ же самыя событія, что и лубочныя картинки и въ той же послѣдовательности; только три сцены пѣтцовъ и отвѣтчика передъ судьей Шемякой замѣнены двумя, изображающими подсудимыхъ передъ Шемякою и рѣшеніе судьи Шемяки. Аляповатыя фигуры лубочныхъ картинъ замѣнены довольно изящными фигурами въ русской одеждѣ и съ русскими лицами; вмѣсто ассирійскихъ и византійскихъ оруженосцевъ являются русскіе мужички. — Издатель говоритъ, что Шемякинъ Судъ «рѣдокъ стариною своею; онъ извѣстенъ былъ до временъ сочиненія Уложенія, пбо на Спасскомъ мосту еще при царѣ Михайлѣ Федоровичѣ продавался тогдашняго штиля виршами и съ картинами. Уповательно, что онъ забавнымъ своимъ происшествіемъ царскому двору былъ извѣстенъ, и въ младенчествѣ законодавцу Соборнаго Уложенія служилъ увеселеніемъ, а въ

народѣ какъ въ тѣ времена, такъ и нынѣ весьма употребительнымъ» ¹⁾. Стихи поэта-гравера въ такомъ родѣ:

Смиренно богачу бѣдняга поклонился,
Лошадки съ хомутомъ онъ просить у него,
И милости сей ждетъ отъ брата своего.
Богатый, бѣдности не чувствуя мученья,
Исполнить просьбы сей не могъ безъ огорченья,
Съ великимъ сердцемъ онъ лошадку брату далъ,
А въ хомутѣ ему и вовсе отказалъ.
Не знаетъ нашъ бѣднякъ что дѣлать и съ лошадкой;
Но способъ наконецъ сыскалъ своей догадкой,
Что къ лошади за хвостъ возъ дровъ онъ привязалъ,
И сѣвши на дрова онъ прытко погонялъ

Независимо отъ забавнаго содержанія въ пьесѣ видѣли своего рода мораль: при всей своей оригинальности судъ оказывается въ сущности справедливымъ и безобиднымъ, что и выражается въ заключительныхъ стихахъ переложенія:

Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезень:
Имъ нищій сталъ богатъ, богатый же не бѣденъ.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія вышло въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе лубочной картины Шемякина Суда, которое дало возможность иностраннымъ любителямъ народной словесности ознакомиться съ замѣчательною русскою сказкой. Въ журналѣ или точнѣе альманахѣ на 1808 годъ, изданномъ Гейдеке въ Ригѣ подъ названіемъ: Janus, въ числѣ нѣсколькихъ статей, относящихся къ исторіи русской образованности, какъ напримѣръ: о введеніи и развитіи книгопечатанія въ Россіи, исторіи русскаго театра отъ начала его до Волкова, описаніе русскаго посольства во Францію и въ Испанію въ 1667 г., и др.,

1) Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ Баснями въ лицахъ. Москва. 1794. — Въ предисловіи къ читателю: «за излишнее почитаю представить пользу сей книги, а только то могу сказать, что желаніе мое безконечно, чтобъ всякій читатель въ скучное время нашелъ свое удовольствіе какъ въ стихахъ, такъ и въ представленныхъ изображеніяхъ, кои я самъ рисовалъ и гравировалъ. А. О.».

помѣщенъ въ концѣ перваго выпуска Шемякинъ Судъ подъ заглавіемъ: *Etto Schemäkin sud* (ein russisches sprichwort ¹⁾).

Рижское изданіе Шемякина Суда не прошло незамѣченнымъ и безслѣднымъ. Иностранные ученые пользовались имъ, и, какъ видно изъ труда Бенфея, пользуются до настоящаго времени, обращая вниманіе на сходство русскаго памятника съ памятниками другихъ литературъ. Года черезъ три послѣ изданія Гейдеке извѣстный знатокъ и изслѣдователь германской старины фон-дер-Гагенъ указалъ, хотя и вскользь, на подобное сходство, именно на связь Шемякина Суда съ нѣмецкою нѣснью о Судѣ Карла Великаго ²⁾).

Гораздо ближе къ подлиннику, нежели у Гейдеке, нѣмецкій переводъ Шемякина Суда, изданный Дитрихомъ, получившимъ оригиналъ отъ И. М. Снегпрева. Къ изданію, заключающему въ себѣ семнадцать русскихъ сказокъ, приложено предисловіе Якова Гримма ³⁾).

1) *Janus oder Russische Papicre. Eine zeitschrift für das jahr 1808. Herausgegeben vom Probst Heideke. Erster heft. Riga. 1808.*—*Etto Schemäkin sud*: ein uraltes volksmärchen gab zu diesem sprichworte anlass. Es heisst auf deusch: das ist geurtheilet wie Schemäkin und wird immer gebraucht, wenn jemand deraisonnirt, schief urtheilt, albern abspricht. Eine erklärang hierüber kann ich nicht besser geben, als wenn ich die beschreibung des zerrbildes, welches Schemäkins ritterliche prozedur in 12 quadraten in kupfer gestochen vorstellt, mittheile. Dabei erhalten die leser zu gleicher zeit ein pröbchen von national-fabeln im volkstone, aber mehr dürfen sie nicht erwarten (ср. 147—151).

2) *Literarischer grundriss zur geschichte der deutschen poesie von der ältesten zeit bis in das sechszehnte jahrhundert durch F. H. von der Hagen und J. G. Büsching. Berlin. 1872. s. 172.... Karls Recht, ein meistersgesang.... Docen in uns. mus. II, 276—83, wo ein auszug und mehr von den englischen und italienischen darstellungen dieser fabel. Von einer russischen vgl. die zeitschrift Janus, st. 1.—Aehnliche erzählungen aus Karls jugend in der deutschen prosa von seinem leben. Ueberhaupt war im mittelalter, wie Artus durch seine milde, so Karl durch seine strenge rechtspflege berühmt, und häufig sind bei den minnesingern beziehungen auf Karls Recht....*

3) *Russische Volksmärchen in den urschriften gesammelt und ins deutsche übersetzt von Anton Dietrich. Leipzig. 1831. Das Urtheil des Schemjaka, ср. 187—191.*

Вольный переводъ Гейдеке перепечатанъ Бенфеемъ въ его извѣстномъ сочиненіи: «Панчатантра». Бенфей выводитъ русскую повѣсть о судѣ Шемяки изъ предполагаемаго, но пока еще не открытаго, индійскаго источника, и посредствующимъ звеномъ считаетъ сказку тибетскую. Устная передача и постепенныя примѣси, по его мнѣнію, чрезвычайно измѣнили первоначальный видъ произведенія. Бенфей приводитъ, какъ однородныя съ рус-

Приводимъ нѣсколько выдержекъ для сравненія изъ изданій Гейдеке и Дитриха.

Текстъ лубочныхъ картинъ.

Въ нѣкоторыхъ палестинахъ два брата живяше: одинъ богатый, а другій убогій. Прииде убогій братъ къ богатому лошади просити, на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить, и богатый же даде ему лошада. Убогій же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовалъ на брата, не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ....

Судья же Шемяка выслалъ слугу къ убогому просить денегъ триста рублевъ. Убогій же показавъ камень и рече: аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти. Слуга же прииде къ судѣ и сказа про убогаго; аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти. Судья же нача креститися: слава Богу, что я по немъ судилъ.

Janus, von Heideke.

Es lebten in einem lande zwei brüder. Davon war der eine reich, der andre arm. Einst kam der letzte zu dem erstern und bat ihn ihm sein pferd zu leihen um damit holz aus dem walde zu führen. Der reiche wollte anfänglich nicht dran. Endlich gab er es ihm, doch schlug er ihm das geschirr dazu ab. Dem armen blieb nichts übrig als den schlitten an den schweif des pferdes zu binden....

Er schickte seinen bedienten zu dem, den seine wohlwollende billigkeit losgesprochen hatte, und liess ihm um 300 rubel ersuchen. «Hätte mich der herr richter nicht losgesprochen, erklärte dieser, so wäre ihm der stein an den kopf geflogen». Nun so sei Gott gelobt, sagte Schemäka, dass ich mich so klug aus dem handel zog.

Russische Volksmärchen, von Dietrich.

Auf einigen grundstücken lebten zwei brüder; der eine war reich, der andere arm. Da kam der arme bruder zu dem reichen um ihn um ein pferd zu bitten, damit er holz aus dem walde holen könnte. Der reiche gab ihm das pferd und der arme fing nun auch an um ein kummet zu bitten; der reiche aber zürnte auf den bruder und gab ihm kein kummet. Der arme bruder aber kam auf den gedanken, schlitten dem pferde an den schweif zu binden....

Der richter Schemjaka schickte seinen diener zu dem armen um drei hundert rubel zu verlangen. Der arme aber zeigte ihm den stein und sprach: «wenn der richter nicht für mich entschieden hätte, so würde ich ihn getödtet haben». Der diener kam zu dem richter und sagte von dem armen, wenn er nicht für ihn entschieden hätte, so würde er ihn mit dem steine getödtet haben. Der richter flug an sich zu bekreuzen und sprach: «Gott sei dank, dass ich zu seinem besten entschieden habe».

скою повѣстью: тибетское сказаніе изъ Дзанглуна, сказку о капрскомъ купцѣ и пѣсню о судѣ Карла Великаго ¹⁾).

Русскій переводъ той же тибетской сказки Дзанглуна помѣщенъ г. Пыпинымъ въ статьѣ его о Шемякинѣ Судѣ вмѣстѣ съ текстомъ памятника, изданнаго по двумъ спискамъ: Толстовскому и Забѣлинскому ²⁾).

Въ исторической христоматіи церковно-славянскаго и древнерусскаго языковъ г. Буслаевъ помѣстилъ въ числѣ памятниковъ языка семнадцатаго вѣка и Шемякинъ Судъ по списку, принадлежащему самому г. Буслаеву. Ученый издатель говоритъ: «Эта сатира, основанная на преданіи о князѣ Шемякѣ, относится къ тѣмъ смѣхотворнымъ повѣстямъ, которыхъ большая часть была заимствована изъ польскихъ книгъ. Впрочемъ отсутствіе полонизмовъ въ Судѣ Шемякинѣ говоритъ въ пользу русскаго происхожденія этой сатиры на судей и подьячихъ. Рядъ судовъ Шемяки напоминаетъ апокрифическіе суды Соломона, встрѣчающіеся въ Палетъ и хронографахъ, и какъ-бы противопоставляетъ кривосудіе Шемяки правосудію Соломонову» ³⁾).

Г. Тихонравовъ въ статьѣ своей: «Шемякинъ Судъ» приводитъ, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, сходныя съ русскою повѣстью сказанія, собранныя въ книгѣ Бенфея, и въ свою очередь указываетъ сходныя черты въ произведеніяхъ польской литературы. Вѣскія указанія почтеннаго автора заключаются слѣдующею вполне вѣрной характеристикой памятника: «Наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и возрѣнія, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западно-европейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей сказки остается

1) *Pantschatautra: fünf bücher indischer fabeln, märchen und erzählungen. Aus dem Sanskrit übersetzt mit einleitung und anmerkungen von Theodor Benfey.* 1859. I, стр. 394—404.

2) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый *Николаемъ Калачовымъ*. 1859. Книга четвертая, стр. 1—10.

3) Историческая христоматія церковно-славянскаго и древнерусскаго языковъ. 1861, стр. 1443—1448.

убогій, пзворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ случайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, истцовъ и самого Шемяки судьи» ¹⁾).

Справедливость вывода г. Тихонравова подтверждается текстомъ сказки, записаннымъ со словъ народа и помѣщеннымъ въ замѣчательномъ изданіи покойнаго Аванасьева ²⁾. Признавая, что повѣсть о судѣ Шемяки сдѣлалась вполне народнымъ достояніемъ, ибо изъ устъ поселянъ можно слышать ее съ различными видоизмѣненіями, — Аванасьевъ находитъ одинаково возможнымъ одно изъ двухъ: или народная фантазія овладѣла книжнымъ рассказомъ и стала его варіировать по-своему, или же самая книжная редакція есть только обработка устнаго народнаго рассказа, принадлежащая перу стариннаго грамотника. Въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аванасьева приводится какъ устная, такъ и книжная редакція повѣсти.

На основаніи данныхъ, представляемыхъ какъ устною словесностью народа, такъ и старинными рукописями и лубочными картинками, повѣсть о судѣ Шемяки является въ слѣдующемъ, наиболѣе полномъ видѣ:

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата ³⁾: богатый и убогій. Нанялся убогій къ богатому, работалъ цѣлую зиму, и далъ ему богатый двѣ мѣры ржи. Приноситъ убогій домой, отдаетъ хлѣбъ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работалъ ты цѣлую зиму, а всего-навсего заработалъ двѣ мѣры ржи; коли смолоть ее да хлѣбовъ напечь — поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и поѣзжай въ поле пахать да сѣять: авось Господь Богъ уродитъ, будемъ и мы съ хлѣбомъ». — Не пойду, сказалъ убогій; все одно:

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: одинъ — какъ чортъ богатъ, другой — до того бѣденъ, что почти ѣсть нечего; у богатаго не было ни единого дѣтища, а у бѣднаго девять сыновъ. Однажды повстрѣчалъ братъ брата и говоритъ богатый убогому: «послушай, тебѣ самому ѣсть нечего, нетокма дѣтей прокормить, а я, по милости Божіей, ни въ чемъ не знаю нужды; отдай мнѣ одного сына, надѣлю тебя за то и хлѣбомъ и деньгами». — Пой! у жены спрошу: что скажетъ, такъ тому и быть! — Спросился у жены; она и слушать не хочетъ: «чортъ съ нимъ и съ его добромъ!

1) Лѣтописи русской литературы и древности. Т. III. Книжка пятая. 1861. Смѣсь и библіографія, стр. 34—38.

2) А. Н. Аванасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый. 1861, стр. 82—84. Выпускъ восьмой. 1863, стр. 325—330.

3) Въ иныхъ спискахъ: «два пустынника»; въ другихъ — «два брата земледѣльцы».

проси, не проси, не дасть онъ быковъ! — «Ступай! теперь братъ въ большой радости: родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошолъ убогій къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ на поле; распахалъ свою десятину, посѣялъ, заборонявалъ, управился и — домой. Ѣдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, добрый человѣкъ!» — «Здорово, старикъ!» — «Гдѣ былъ, что дѣлалъ?» — «Поле пахалъ, рожь засѣвалъ.» — «А быки чьи?» — «Быки братнины.» — «Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай, чтѣ знаешь: или сынъ у него помретъ, или быки подохнутъ». Подумалъ-подумалъ убогій: жалко ему и быковъ, и сына братнина, и говоритъ: «пускай лучше быки подохнутъ!» Будь потвоему, сказалъ старецъ, и пошолъ дальше. Сталъ подъѣзжать убогій братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъ же издохли. Горько онъ заплакалъ и побѣжалъ къ богатому: «прости, говоритъ, безъ вины виноватъ. Ужъ такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали.» — «Какъ пропали? нѣтъ, любезный, со мною такъ не раздѣляешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами». И повезъ его къ праведному судѣ 1).

я сына своего ни за какія деньги не продамъ». Говорить убогій богатому, что жена не согласна, не даетъ сына. «Ну хоть помолись, братъ, вмѣстѣ съ своею хозяйкою Богу, чтобы даровалъ мнѣ дѣтище; коли родится у меня сынъ али дочь, возью тебя кумомъ и щедрой рукой надѣлю и хлѣбомъ и деньгами». Пришолъ убогій къ хозяйкѣ, рассказываетъ ей про то; она въ отвѣтъ: «ну чтожъ, родить ему жена или нѣтъ, а Богу молиться не грѣхъ!» Начали они молить Бога, цѣлую ночь поклоны клали, и услышала ихъ Господь: взволновалась у богатаго жена и родила ему сына. Только богатый забылъ про свое обѣщаніе, взялъ въ кумовья къ себѣ именитаго купца, называлъ гостей, и пошолъ у нихъ пиръ горой. «Ну что? много давалъ тебѣ братъ денегъ и хлѣба, стала говорить убогому жена его; пойдй хотъ лошади попроси въ лѣсъ по дрова съѣздить». Пошолъ убогій. Увидалъ его богатый и закричалъ грубымъ голосомъ: «ты еще зачѣмъ?» — Будь милостивъ, дай лошади въ лѣсъ подрова съѣздить. — «Ишь выбралъ время; развѣ не видишь, что у меня гости?» — Поломался, поломался, и далъ ему старого мерина. Поѣхалъ убогій въ лѣсъ. Пока рубилъ онъ дрова, прибѣжалъ волкъ и съѣлъ мерина. Какъ узналъ про то богатый, напустился на брата пуще врага: «собирайся, говоритъ, поѣдемъ въ судъ судиться». — Твоя воля: чтѣ хочешь, то и дѣлаешь 2).

Бдугъ они къ праведному судѣ, и попадаетъ имъ въ встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зномоу, снѣга лежали глубокіе. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извозчика, шарахнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и заняла въ сугробѣ. «Помогите, добрые люди, выручьте изъ бѣды!» — сталъ просить извозчикъ.

Богатый же ссужая много лошади просити, можетъ его скудости исполнить, и по нѣколику времѣни приде убогій къ богатому просити лошади шадь. Убогій же нача и на чемъ бы ему изъ лѣсу хомута прошать; богатый дровъ привезти. Братъ же вознегодовалъ на брата, не хотѣя убогата, не даде ему хому-гому брату лошади дати и та. Убогій же братъ умо-рече ему: брате, ссужахъ сѣбя, что дровни при-тебя много, а наполнили вязать лошади за хвостъ; тебя не могу. И даде ему и поѣхалъ въ лѣсъ по лошади. И нача у него дрова, и насѣкъ возъ ве-просити: хомута нѣтъ, и ликъ, елико сила можетъ

1) Аванасьева: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 82—83.

2) Тамъ же, стр. 83. Варіантъ.

«Дай сто рублей», говорить богатый. — Что ты, али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублей. — «Ну, самъ и вытаскивай». — Постой, говорить убогий, я тебѣ задаромъ помогу. — Соскочилъ съ сани, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить; понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! напалъ на него извошникъ; вѣдь конь-то двѣсти рублей стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ! что я теперь стану дѣлать?» — Эхъ, братъ, сказалъ богатый извошнику, что съ нимъ долго разговаривать! садись со мной да поѣдемъ къ праведному судиѣ.

Поѣхали всѣ трое вѣстѣ, пріѣхали въ городъ и остановились на постояломъ дворѣ. Богатый съ извошникомъ пошли въ избу, а убогий стоитъ на морозѣ; смотреть — копаютъ мужикъ глубокой колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня; эхъ, пропадай моя голова!» И бросился съ горя въ колодезь, только себя не கொண்ட, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судиѣ.

оскорбился на него богатый братъ, и нача ему поносити и рече ему: како, брате, что у тебя и хомута нѣтъ! И не даде ему хомута. Убогий же поиде къ себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привязалъ дровни къ лошади за хвостъ, и поиде въ лѣсъ; и насѣкиши дровъ и наклади на дровни елико лошади возможно везть и повезе къ двору своему. И привезши дрова и отворивъ ворота, а подворотню забывъ выставить, ударивъ лошадь кнутомъ; лошадь же изъ всей мочи бросаясь съ возомъ черезъ подворотню, и хвостъ у себя оторвала. Убогий же возьмъ лошадь, приведе ко брату своему богатому. Братъ же разсмотря, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и поиде на него бити челомъ во градъ въ лошади. За нимъ же, вѣдая что будетъ по него изъ города присылка... чтобъ ему ѣзду приставать не платить.

И придоша до нѣкоего села не доходя города. Богатый поиде ночевать къ попу того села по знакомству. Убогий же братъ прииде къ тому же попу, и прииде ляже на полати, а богатый братъ нача попу сказывать про лошадь свою чего ради идеть въ городъ; потомъ нача попу зъ богатымъ ужинать и пити и ясти. Убогий же нача съ полатей смотреть что попу зъ братомъ его пьетъ и ѣстъ, а его не позовутъ, и незапу убогий урвася съ полатей на зыбку, а въ зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же видѣ сына своего смерть и совершася (соувѣшася) зъ богатымъ пошелъ въ городъ бити че-

лошади везти; и пріѣхалъ ко двору своему, и отворилъ ворота, а подворотню забывъ выставить; лошадь же бросилась чрезъ подворотню и оторвала у себя хвостъ. Братъ же убогий къ богатому приведе лошадь безъ хвоста. Богатый же видѣ лошадь безъ хвоста, не принявъ у него лошади, и поиде на убогаго бити челомъ къ Шемякѣ судѣ. Убогий, вѣдая, что пришла бѣда его — будетъ по него посылка — у голова давно смѣчено, что хоженаго дать будетъ нечего, поиде вслѣдъ брата своего.

И придоша оба брата къ богатому мужику на ночлегъ. Мужикъ же нача съ богатымъ братомъ пити и ясти и веселиться; убогаго пригласить не хотяху къ себѣ. Убогий же вниде на полати, поглядывая на нихъ и внезапно упалъ съ полатей, и задалъ ребенка въ люлькѣ до смерти; мужикъ же поиде къ Шемякѣ судѣ; на убогаго бити челомъ.

домъ на убогаго же въ убиствъ сына своего. И приидоша ко граду гдѣ живяше судія Шемяка. Убогій же иде за ними же.

И виидоша всѣ во градъ, и какъ убогій поиде мостомъ — мость же сдѣланъ надъ глубокимъ ровомъ — и нѣкій человекъ житель того града ровомъ подъ мостомъ везъ отца своего въ баню. Убогій же размышляя въ себѣ, что ему отъ брата и попа будетъ погибель, и умысая въ себѣ и хотя самъ себя смерти предати бросися съ мосту въ ровъ и упаде на стараго человека — сынъ его везъ въ баню, убогій же до смерти уби его. Тогожъ убогаго поймавъ всѣ и приведе предъ судію Шемяку.

Убогій же мысляше какъ бы ему бѣды избыти, и умысая взя камень и завертѣ въ платъ и положи въ шапку, и ста передъ судьею, и принесе братъ его исковую челобитную въ лошади и подаде судѣ. Судья же выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судія убогому отвѣщати. Убогій же не вѣдый что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченый камень и показавъ да и поклонися.

Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатоу: «убогій загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару быковъ, убей напередъ своего сына». — Нѣтъ, сказалъ богатый, пусть лучше быки пропадаютъ.

Говорить праведный судія: «пусти убогій купить тебѣ новую лошада, а ты, богатый, отдай ему сына: вѣдь онъ тебѣ сы-

Судія же надѣяся, что ему отъ дѣла сузить, и рече судія истцу богатоу брату: «когда де братъ твой у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не ели до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ выростетъ: въ то время у него лошада возьми.

Потомъ нача другій судъ быти, и подаде пощъ исковую челобитную въ мертвомъ сынѣ своемъ. Той же убогій также выня

Идущимъ же имъ ко граду купно богатый братъ и оный мужикъ, убогій же за ними идяше; прилучися имъ идти высокимъ мостомъ, убогій же иде съ ними и разумѣ, что не быть ему живому отъ судьи Шемяки, и бросися съ мосту — хотѣлъ ушибиться до смерти. Подъ мостомъ сынъ отца везетъ хвораго въ баню, и онъ попалъ къ нему въ сани и задавилъ его до смерти. Сынъ поиде битъ челомъ, что отца его ушибъ.

Богатый братъ прииде къ Шемякѣ судѣ бити челомъ на брата, како у лошади хвостъ выдернулъ. Убогій же подня камень и завяза въ платъ, и кажетъ позади брата и то помышляетъ: аще судья не по мнѣ станетъ судить, то я его ушибу до смерти.

Судья же чая, что ему сто рублевъ даетъ отъ дѣла, и приказалъ богатоу отдать убогому лошада, пока у нея хвостъ выростетъ.

Потомъ прииде мужикъ, подаде челобитну въ убивствѣ младенца и нача битъ челомъ; убогій же вынявъ тотъ же камень и показа

на вымолилъ, а ты его добра не попомнилъ» ¹⁾).

платъ съ камнемъ и та-
кожъ судѣ показаль.
Судья же видѣ и помысли,
что ему отъ другаго суда
сулилъ убогій же. Рече
судья попу: когда той убо-
гій ушибъ сына твоего,
ты, попъ, отдай тому убо-
гому свою попадюю.

Потомъ нача третій судъ
быти, что билъ челомъ
сынъ во отцевъ смерти,
что тотъ убогій же бро-
сился съ мосту, ушибъ у
него отца. Убогій же вы-
нявъ изъ шапки тотъ же
заверченый камень въ
платъ и показа судѣ.
Судья же чая, что ему
третій узелъ сулилъ и рече
истпу: изыди ты на мостъ,
а ты, убогій же, стань подъ
мостомъ, и съ мосту бро-
сись на того убогаго, яко-
же бросился на отца тво-
его. Убогій же нача Бога
хвалити, что судья по немъ
судъ судилъ.

Послѣ суда изыде истцы
со отвѣтчикомъ изъ при-
казовъ, и нача богатый
просити убогаго лошади
своей. Онъ же рече ему по
судейскому: какъ у лоша-
ди твоей хвостъ выро-
стетъ, въ ту пору и ло-
шадь тебѣ отдамъ. Бога-
тый же даде убогому бра-
ту своему 200 рублей де-
негъ, чтобы онъ лошадь
ему отдалъ и безъ (хвоста).

Потомъ же убогій нача
попады просити по судей-
скому указу, чтобы ему
взявъ попадюю ребенка у
ней добыть и съ ребенкомъ
бы попу попадюю отдать.

Попъ же нача убогому
бить челомъ, чтобы у него
попады не ималъ, а убо-
гій же нача носиться и
попадюю хотя у попа взя-
ти, и даде попъ убогому
за попадюю 50 рублей
денегъ да кобылу съ же-

судѣ позади мужика.
Судья же чая другое сто
рублевъ даеъ отъ другаго
дѣла и приказаль: мужику
отдать убогому жену по
тѣхъ мѣстъ, пока у ней
ребенка сдѣлаеъ, и ты въ
тѣ поры возьми къ себѣ
жену и съ ребенкомъ на-
задъ.

Приде сынъ обѣ отцѣ
бить челомъ, како зада-
вилъ отца его до смерти,
и подаде челобитну на убо-
гаго. Убогій же вынувъ
тотъ же камень и кажеъ
судѣ. Судья же чая сто
рублевъ даеъ отъ дѣла и
приказаль: сыну стать на
мосту, а ты, убогій, стань
подъ мостомъ, и ты, сынъ,
также скочи съ мосту на
убогаго и задави его до
смерти.

Приде убогій братъ къ
богату по судейскому
приказу лошади прошать
безъ хвоста, пока у ней
выростетъ хвостъ. Бога-
тый же не восхотѣ лоша-
ди дати, даде ему денегъ
50 рублей да три четверти
хлѣба да козу дойную, и
помирился съ нимъ вѣчно.

Приде убогій братъ къ
мужику и нача по судей-
скому приказу жену про-
шати, и хотяше изъ нея
ребенка такого же сдѣлать.

Мужикъ же нача съ
убогимъ мириться и даде
убокому 50 рублей да ко-
рову съ теленкомъ, да ко-
былу съ жеребенкомъ, да
четыре четверти хлѣба, и
помирился съ нимъ вѣчно.

1) *Аванасыя*: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 83—84.

ребенкомъ, да быка съ коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей.

Потомъ же нача убогій третьему истцу по судейскому указу говорить: я де стану подъ мостомъ, а ты взыди на мостъ, а ты съ мосту бросися на меня такоже, якоже азъ на отца твоего. Онъ же размышляя въ себѣ: аще мнѣ бросится, его будетъ не убити, а себя буде убити. И нача истецъ миритися и даде ему 30 рублей денегъ да лошадь съ коро-вою.

Судя же высла чело-вѣка своего къ отвѣтчику и велѣлъ у него взять по-казанные три узла. Чело-вѣкъ же судейскій нача у него трехъ узловъ про-сити; онъ же вынявъ изъ шапки заверченный камень въ платѣ, показа тому чело-вѣку, и челоуѣкъ нача его вопрошати, что то за камень кажешь. Онъ же рече: я де того ради сей камень судѣ казаль, ка-бы онъ не по мнѣ судилъ, и я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибти. И пришедъ челоуѣкъ и сказалъ судѣ. Судя же слыша отъ чело-вѣка своего и рече: благо-дарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ; акъ бы я не по немъ су-дилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убогій отыде въ домъ свой радуясь и хваля Бога. Аминь ¹⁾.

Прииде убогій къ сыну за отцово убивство, нача ему говорить, что по су-дейскому приказу тебѣ стать на мосту, а мнѣ подъ мостомъ, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти. Сынъ же нача по-мышляти себѣ: какъ скочу съ моста, его не задавишь, а самъ ушибуся до смерти, нача съ убогимъ миритися: даде ему денегъ 200 руб-левъ, да лошадь, да пять четвертей хлѣба.

Судя же Шемяка вы-сладъ слугу къ убогому просать денегъ 300 руб-лей. Убогій же показа ка-мень и рече: аще бы судя не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибти до смерти. Слуга же прииде къ судѣ и сказа про убо-гаго: аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибти до смерти. Судя же нача креститися: слава Богу, что я по немъ су-дилъ ²⁾.

1) Рукопись Публичной Библиотеки, конца XVII и начала XVIII вѣка. Отдѣл. XVII. Q. № 41. 42—45 об. — Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній. IV, 2—5. — Памятники старинной русской литературы, изд. *трафомъ Кушелевымъ-Безбородко*. Выпускъ второй; стр. 405—406.

2) Приведенный текстъ заимствованъ изъ превосходнаго собранія лубоч-ныхъ картинъ, составленнаго покойнымъ Далемъ. Въ отчетѣ Публичной Библиотеки за 1852 годъ сказано, что Даль принесть библиотекѣ въ даръ «мно-гочисленную, систематически расположенную коллекцію лубочныхъ картинъ. Присоединивъ ее къ полученной изъ древлехранилища г. Погодина, Публичная

Для вѣрной постановки вопроса о происхожденіи и составѣ русской повѣсти необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: необычайность, затѣйливость рѣшеній судьи; подробности дѣйствій подсудимаго и произносимыхъ надъ нимъ приговоровъ—держать у себя лошадь, пока вырастетъ у нея хвостъ, прижить ребенка, упасть съ высоты на подсудимаго и т. п.; общій характеръ судьи и подсудимаго, и связь памятника, въ цѣломъ и частностяхъ, съ однородными ему произведеніями другихъ литературъ.

Въ тибетской сказкѣ подсудимымъ является бѣднякъ браминъ, безъ крова и одежды, совершающій слѣдующія преступленія. Онъ попросилъ быка для работы, и по минованіи надобности привелъ его опять къ хозяину, но быкъ убѣжалъ съ хозяйскаго двора. На пути въ судъ бѣднякъ упалъ со стѣны и убилъ ткача. Присѣвши отдохнуть на покрытое одеждою мѣсто, бѣднякъ задалъ лежавшаго подъ одеждою ребенка. Царь-судья, къ которому сказка относится вполне сочувственно, рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ. Такъ какъ отвѣтчикъ, приведя быка, ничего не *сказалъ* объ этомъ, то отрѣзать отвѣтчику *языкъ*; а какъ истецъ *видѣлъ*, что привели быка и не привязалъ его, то истцу выколоть *глазъ*. По жалобѣ вдовы ткача царь повелѣваетъ бѣдняку - отвѣтчику жениться на вдовѣ убитаго. По иску матери задавленнаго ребенка

Библіотека имѣетъ теперь едва ли не первое въ Россіи, по богатству и разнообразію, собраніе этихъ произведеній простонароднаго искусства и русскаго затѣйливаго остроумія» (стр. 82). — Лучшіе въ своемъ родѣ, два экземпляра лубочныхъ картинъ Шемякина Суда въ коллекціи Даля за весьма, весьма немногими исключеніями дословно сходны между собою; даже ошибки одни и тѣ же, какъ напримѣръ «наслекъ» вмѣсто «ночлегъ». Почти единственный и самый крупный вариантъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ одной картинѣ: «отдать убогому жену, пока у ней ребенка сдѣлаетъ... и хотяше изъ нея робенка такого же сдѣлать». Въ другой: «пока у нея ребенокъ родится». Такая замѣна для соблюденія большаго приличія выраженія произошла, быть можетъ, вслѣдствіе цензурныхъ требованій: она встрѣчается именно въ томъ экземплярѣ, гдѣ есть дозволеніе цензора, на первомъ же экземплярѣ нѣтъ этого дозволенія. До 1822 года лубочныя картины выходили безъ цензуры; съ этого времени они подчинены полицейскому надзору, а съ 1826 года — общему цензурному уставу. (Лубочныя картинки, соч. *Снегирева*. 1861, стр. 16).

царь приказываетъ бѣдняку взять ее себѣ въ жены и прижечь съ пею другого ребенка, и т. п. ¹⁾).

Въ индійской сказкѣ о каирскомъ купцѣ подсудимый — солдатъ, взявшій у жида займы деньги подѣ страшнымъ условіемъ: оно заключалось въ томъ, что въ случаѣ неустойки жидъ имѣлъ право вырѣзать у солдата фунтъ мяса. Бѣднягѣ нечѣмъ заплатить, и онъ вынужденъ бѣжать, но во время бѣгства сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая вслѣдствіе этого выкидывается. На дальнѣйшемъ пути его постигаетъ новое несчастіе: онъ падаетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья постановляетъ: вырѣзать фунтъ мяса, но отнюдь не болѣе и не менѣе; по остальнымъ обвиненіямъ—тѣ же приговоры, что въ сказкахъ тибетской и русской ²⁾).

Идеаломъ правдиваго судьи для средневѣковой Германіи былъ Карлъ Великій. Имя его вошло въ пословицу: и «Карловъ судъ» значило то же, что правый судъ и судъ по старинѣ ³⁾). Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія напечатана пѣсня о судѣ Карла Великаго, представляющая много сходнаго съ повѣстью о судѣ Шемяки. Въ 1493 издана въ Бамбергѣ пѣсня о Карлѣ подѣ такимъ заглавіемъ: Von keiser Karls recht. Wie er ein kauffman und ein juden macht schlecht, Von eins pfunds schmerbs weden das er aus seines seit-ten. M. gl.' v'setzthet ⁴⁾). Второе изданіе вышло въ Страсбургѣ въ 1498 году. Понятно, что изданія эти составляютъ библіографическую рѣдкость. Ихъ нѣтъ и въ нашей Публичной Библіотекѣ, обладающей значительнымъ количествомъ произведеній европейской печати пятнадцатаго вѣка и между прочимъ 1493 и 1498 го-

1) *Benfey*: *Pantschantra*. I, 394—397.

2) Тамъ же, I, 402—403.

3) *Histoire poétique de Charlemagne*, par *Gaston Paris*. 1865, стр. 353—356.—*Gesammtabenteuer*, herausgegeben von *Fr. H. von der Hagen*. 1850, II, 637—641.

4) *Panzer's Annalen der ältern deutschen literatur*. Nürnberg. 1783. I, 207. (es ist dasselbe in IX gesetz abgetheilt und vermutlich von einem alten meistersänger vorfertigtet worden).

Lehrbuch einer literärgeschichte der berühmtesten völker des mittelalters, von *Grässe*. 1842. 3 abtheilung, 1-e hälfte, s. 302—303.

довъ. Не только самый текстъ, но и подробное изложеніе его въ статьѣ Доцена, вышедшей въ 1811 году, стало уже рѣдкостью, такъ что Бенфей приводитъ содержаніе пѣсни по извлеченію изъ Доцена, сдѣланному Зимрокомъ въ извѣстномъ трудѣ его объ источникахъ Шекспира. Другіе ученые также ограничиваются пересказомъ Зимрока, выражая сожалѣніе о невозможности пользоваться статьею Доцена. Поэтому приводимъ вполне важную для нашей цѣли пѣсню въ томъ видѣ, какъ изложена она у Доцена ¹⁾).

—Купецъ, которому счастье помогло нажить значительное богатство, умирая, оставилъ все состояніе своему единственному сыну. О воспитаніи его отецъ приложилъ много заботы, и пѣсня восхваляетъ цвѣтущаго и веселаго духомъ, превозносящагося надъ другими, юношу—*der jung war frisch und wohlgemut und brach sich da für andre seines gleichen*. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сынъ бросился въ шумныя удовольствія; состоянія едва хватило ему на годъ, и онъ увидѣлъ передъ собою нужду и бѣдность. Для собственнаго спасенія онъ рѣшается попытать счастья въ чужихъ земляхъ. Съ этою цѣлью онъ отправляется къ богатому жиду занять у него тысячу гульденовъ, которые скоро и получаетъ, обѣщая жиду въ случаѣ, если не возвратитъ суммы къ назначенному сроку, фунтъ своего мяса — *ein pfund schmer's aus seinem leibe*. Онъ уѣзжаетъ въ чужую сторону; тамъ ему повезло, и скопивши три или четыре тысячи гульденовъ, онъ спѣшитъ уплатить долгъ къ назначенному времени. Но жидъ не застаетъ на мѣстѣ жительства, и только на третій день находитъ его въ другомъ городѣ, пріѣхавши туда по своимъ дѣламъ. Жидъ утверждаетъ, что контрактъ нарушенъ, срокъ пропущенъ, и потому онъ имѣетъ право получить неустойку. Напрасны всѣ оправданія; купецъ вынужденъ отправиться съ жидомъ къ импе-

1) Museum für altdeutsche literatur und kunst, herausgegeben von dr. F. H. v. d. Hagen, B. J. Docen, dr. J. G. Büsching und B. Hundeshagen. 1811. Zweiter Band: Docen. Etwas über die quellen des Shakspeare'schen schauspiel. Nebst einer altdeutschen erzählung: Kaiser Karls Recht. s. 279—283.

ратору, чтобы онъ разсудилъ ихъ по справедливости. Императоръ былъ тогда Карлъ: имя его извѣстно было далеко, и бѣдныяковъ и богачей судилъ онъ одинаково правдиво¹⁾. Со страхомъ идетъ купецъ къ замку императора, боясь, что судья не допуститъ отступленія отъ буквального смысла контракта. На пути онъ заснулъ отъ утомленія и не замѣтилъ, какъ лошадь его раздавила ребенка, неосторожно бѣжавшаго на дорогѣ. Отецъ ребенка бросается за нимъ и обзываетъ его убійцею, но жидъ удерживаетъ его отъ насилія и предлагаетъ отправиться вмѣстѣ къ двору императора, чтобы получить удовлетвореніе. Когда прибыли они, встрѣе трое, императоръ былъ въ отсутствіи. Купца держали подъ строгимъ присмотромъ, но съ нимъ приключилась новая бѣда: заснувши слишкомъ близко отъ окна, онъ свалился за окно и спасся только тѣмъ, что попалъ на сидѣвшаго на скамьѣ подъ окномъ стараго рыцаря, котораго и убилъ своимъ паденіемъ. Узнавши объ этомъ, юный сынъ рыцаря бросился на купца и закололъ бы его, если бы жидъ не остановилъ его и не объяснилъ, что первую казнь несчастный долженъ вытерпѣть отъ него. — Между тѣмъ императоръ приказываетъ снарядить судъ и привести стороны. Прежде всего — жалоба жиды, которую купецъ не отрицаетъ, говоря однакоже, что онъ пришелъ въ срокъ, но не нашелъ «собаки» на мѣстѣ жительства. На это императоръ постановляетъ: купецъ подлежитъ наказанію, и жидъ долженъ самъ вырѣзать изъ его тѣла условленный фунтъ мяса, но не болѣе и не менѣе; если же онъ ошибется хотя на одинъ грань, то ему угрожаетъ смерть. Услышавъ такой приговоръ, и видя, что дѣло проиграно, жидъ объявилъ, что онъ даритъ противнику все и къ тысячѣ гульденовъ прибавляетъ еще двѣсти гульденовъ. Затѣмъ очередь пришла къ тому, чье дптѣ задавлено. Онъ обвиняетъ купца въ смертоубійствѣ; купецъ признаетъ фактъ, но утверждаетъ, что это произошло не предна-

1) Подъ именемъ Карла здѣсь надо понимать, безъ сомнѣнія, Карла Великаго, хотя происшествіе, лежащее въ основѣ, скорѣе могло бы быть отнесено ко временамъ Карла IV, ибо древнѣйшія саги не восходятъ ранѣе XIV вѣка (примѣчаніе Дюпена).

мѣренно. Императоръ уговариваетъ истца удовольствоваться денежною пенею: вѣдь новая смерть дѣлу не поможетъ и его дитяти не оживить. Но все напрасно: истецъ настаиваетъ на смерти своего противника. На это послѣдовалъ такой приговоръ императора: «положи его съ твоей женою, чтобъ онъ сдѣлалъ ей другаго ребенка». — «Ну его и съ ребенкомъ», сказалъ истецъ —

leg ihn zu deinem weibe,
dass er ein ander kind ihr mach'
nein! sprach der mann, das kind lass ich eh' fahren.

Судья утѣшаетъ его, говоря, что во имя Бога надо простить то, что случилось неумышленно. — Наконецъ является сынъ убитаго рыцаря и требуетъ у императора суда надъ убійцею. Безъ дальнихъ околичностей судья произноситъ свой приговоръ, по которому для того, чтобъ вполне отомстить за отца, предоставляется сыну броситься изъ окна на отвѣтника, котораго посадятъ внизу на скамѣ, и убить его своимъ паденіемъ. Но молодой рыцарь, боясь промахнуться, находитъ болѣе выгоднымъ отказаться отъ иска — *mir nicht, ich möcht daneben fallen*. Такимъ образомъ купецъ отдѣлался счастливо отъ всѣхъ преслѣдованій, возблагодарилъ императора, радостно отправился восвояси и сталъ тамъ весело жить да поживать. Въ заключеніе разсказа снова восхваляются судьи, соединяющіе съ милосердіемъ справедливость и укрѣпляемые Господомъ въ славѣ и чести своей — *die mit erbarmung mischen das recht*

und die das thun, der' ehre will Gott stärken. —

Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что нѣкоторыя черты русской повѣсти встрѣчаются и въ сказаніяхъ другихъ народовъ, и если сравнить эти сказанія между собою во всемъ ихъ объемѣ, то окажется, что одни черты иногда замѣняются другими. Такая замѣна объясняется постепеннымъ наслоеніемъ сказанія, въ которое вносились различныя подробности, казавшіяся въ то или другое время, въ той или другой мѣстности, болѣе важными и занимательными. При сравненіи русскаго сказанія съ иностранными

бросается въ глаза отсутствіе въ немъ одного и весьма существеннаго обстоятельства, именно—условія и приговора о вырѣзанія мяса у несостоятельнаго должника. Этотъ эпизодъ, повторяясь во многихъ легендахъ, получилъ громкую извѣстность въ европейскомъ литературномъ мірѣ благодаря Венеціанскому Купцу Шекспира.

Высказано было нѣсколько соображеній объ источникѣ преданія о такомъ возмутительномъ и безчеловѣчномъ требованіи. Одни указываютъ на законы двѣнадцати таблицъ, другіе — на буддійскія легенды и преданія, и т. д.

По свидѣтельству Авла Геллія, римскіе законы позволяли несостоятельнаго должника заковать въ желѣза, держать его въ заключенія шестьдесятъ дней и наконецъ подвергнуть смертной казни; если онъ долженъ былъ многимъ, то займодавцы имѣли право разсѣкать его на части ¹⁾. Квинтиліанъ говоритъ: есть вещи сами по себѣ предосудительныя, но тѣмъ не менѣе дозволяемыя закономъ — таково постановленіе двѣнадцати таблицъ, дозволяющее займодавцамъ дѣлить между собою разрубленное на части тѣло должника ²⁾.

Бенфей возводитъ къ буддійскому источнику всѣ преданія о кровавыхъ казняхъ—о вырѣзыванія мяса, объ искалчиванія и увѣчьи, и т. п., и объясняетъ эти жестокости господствующими въ буддійскомъ мірѣ идеями о самопожертвованіи, доведенномъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Буддійскія легенды говорятъ о принесеніи себя въ жертву подъ видомъ оленя или рыбы; объ отдачѣ своихъ глазъ слѣпому нищему; о готовности отдавать себя на съѣденіе по частямъ. Какой-то царь—гласитъ легенда—долженъ былъ спастись бѣгствомъ съ женою своею и сыномъ; онъ взялъ съ собою необходимый запасъ пищи; по несчастью путники сбиваются съ дороги, имъ приходится странствовать гораздо бо-

1) *Auli Gellii*: Noctes Atticae. Lib. XX, cap. I. 45—50.

2) *M. Fabii Quintiliani*: Oratoriae institutionis lib. III, cap. VII: . . . sunt enim quaedam non laudabilia natura, sed jure concessa, ut in XII tabulis debitoris corpus inter creditores dividi licuit, quam legem mos publicus repudiavit. . .

лѣе, нежели предполагалось, и весь взятый запасъ истощается. Тогда сынъ предлагаетъ родителямъ питаться его тѣломъ, вырѣзывая изъ него мясо кусокъ за кускомъ, потому что если бы вдругъ убить его, то мясо скоро бы испортилось отъ сильного зноя. Родители принимаютъ предложеніе сына и дѣлятъ между собою куски его мяса ¹⁾).

Въ старинной русской литературѣ извѣстна была легенда о вырѣзываніи жидомъ человѣческаго мяса; о ней упоминается у одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей семнадцатаго столѣтія—Іоаннікія Галятовскаго († 1688). Въ сочиненіи своемъ: «Мессія правдивый», въ которомъ собрано много средневѣковыхъ обвиненій, направленныхъ противъ евреевъ, Галятовскій говоритъ: «въ Константинополю жидъ христіанинови убогому певную злота сумму позичилъ, жебы назначеного часу и долгъ и мѣсто лихвы двѣ унціи тѣла своего отдалъ жидови. Христіанинъ долгъ ему отдалъ, лихвы такой не хотѣлъ дати. Довѣдавшися о томъ Солиманъ пesarъ турецкій казаль брытву принести и до жида мовиль: чини ведлугъ права твоего—з которопколвекъ части хочешъ тѣло вырѣжь, а нѣ больше, а вѣ меньше надъ двѣ унціи, бо если ся помялишь, смертью будешъ карапый. Жидъ смертю припашенный будучи, зискъ отпустилъ христіанинови» ²⁾). Нашъ авторъ определенно указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свое извѣстіе о константинопольскомъ жидѣ: «Егѣдый Коррозетъ о мовахъ и учинкахъ памяти годныхъ пишетъ». Французскій писатель Егидій Коррозетъ, Gilles Corrozet (1510—1568), парижскій типографъ, самоучка-ученый, написалъ много сочиненій, и въ числѣ ихъ *Les divers propos mémorables des nobles et illustres homes de la chrestienté*. Paris. 1556, выдержавшее нѣсколько изданій ³⁾).

Опуская нѣкоторыя черты изъ цѣкла сказаній о судахъ, русская повѣсть удерживала другія, разнообразя ихъ по своему.

1) *Benfey: Pantschatantra*. I, 389—391.

2) *Мессія правдивый* *Іоаннікія Галятовскаго*, архимандрыты Чернѣговскаго. Року 1669, л. 391.

3) *Trésor de livres rares et précieux, ou nouveau dictionnaire bibliographique*, par *Grässe*. 1861. Т. II, p. 275—276.

Занимательность сюжета способствовала его популярности. Русские читатели, переписчики и пересказчики легко усваивали себя пришедшее к ним из чужа, добавляя его новыми подробностями и давая отчасти новый колорит. Из предложенных фактов оказывается, что приговоры Шемяки—прижить ребенка с женою истца и упасть на сына убитого—встрѣчаются въ сказаніяхъ тибетскомъ, индійскомъ и нѣмецкомъ. Въ польской юмористической литературѣ извѣстенъ также рассказъ о каменщикѣ, который упалъ съ высокой башни и уплылъ сидѣвшаго внизу челоѣка, а будучи позванъ въ судъ, сказалъ истцу: взойди туда, откуда я упалъ, а я сяду тамъ, гдѣ сидѣлъ твой отецъ, — бросайся внизъ и убей меня до смерти ¹⁾. Этотъ рассказъ помещенъ въ польской передѣлкѣ похождения нѣмецкаго народнаго шута: *Eulenspiegel* — по-польски *Sowi - zgał* (зеркало)—обратился по забавной этимологіи, основанной на созвучіи, въ Совѣст-дралъ. Тотъ же рассказъ встрѣчается и въ нѣмецкихъ юмористическихкихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *vademecum* ²⁾. Эти сборники не чужды были и нашей литературѣ: въ концѣ прошлаго столѣтія переведенъ съ нѣмецкаго для увеселенія больныхъ *вадемекумъ*, въ которомъ рассказывается, какъ взятый русскими въ плѣнъ въ сраженіи при Вильнѣ въ 1658 году больной фельдмаршалъ говорилъ съ врачомъ итальянцемъ о креморъ-тартари, а стража думала, что они толкуютъ о враждебныхъ Россіи крымскихъ татарахъ, и т. п. ³⁾.

Показыванье камня судьѣ не составляетъ исключительной особенности русской сказки: г. Тихонравовъ приводитъ поразительно сходную, по тону и мотиву, черту изъ польскаго писателя шестнадцатаго вѣка Рея изъ Нагловицъ. У подсудимаго—говорить Рей — лежалъ за пазухой камень, а судья принялъ его за

1) Похождение хитраго и забавнаго шута Совѣст-драла большаго носа, переведенное съ польскаго и дополненное съ другихъ языковъ. 1793. Ч. II, стр. 173—174.—Статья г. Тихонравова: Шемякинъ Судъ, стр. 36—37.

2) *Museum für altddeutsche literatur und kunst*. II, 283.

3) Медицинскій *вадемекумъ* или собесѣдникъ, служащій забавою врачамъ и отрадою больнымъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. 1799.

мѣшокъ съ деньгами (worek) и рѣшилъ дѣло въ пользу подсудимаго, который объяснялъ ему, что этотъ камень полетѣлъ бы ему въ лобъ, если бы онъ рѣшилъ дѣло несправедливо ¹⁾. По замѣчанію Снегирева, появленіе камня въ Судѣ Шемяки напоминаетъ старинную пословицу: «съ подъячнмъ водись, а камень за пазухой держи» ²⁾. Эта пословица еще болѣе сближаетъ русскій рассказъ съ польскимъ народнымъ, переложеннымъ въ стихи Реємъ пѣзъ Нагловиць.

Подкупъ судей, ихъ корыстолюбіе и взяточничество составляютъ одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ сатирическихъ произведеній западно-европейской литературы ³⁾, откуда весьма многое

1) Лѣтописи русской литературы и древности. Книжка пятая. Г. Тихонравова: Шемякинъ Судъ, стр. 37.

2) Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Сочиненіе Ив. Снегирева. 1861, стр. 59.

3) Изъ множества подобныхъ юмористическихъ рассказовъ выбираемъ два, изъ которыхъ одинъ находится во французскихъ фавеллахъ, а другой—въ польскихъ.

De la subtile invention dont s'advisa promptement un procureur du roy aux eaux et forests pour sauver un accusé en danger l'estre pendu.

Un certain procureur du roy un jour en son auditoire crioit et s'eschauffoit fort contre un pauvre compagnon appelé Vento accusé d'avoir tué plusieurs cerfs et biches aux forestz du roy, crime lors capital, auquel temps aussi les procez criminels se jugeoient à huis ouverts et en pleine audience en presence de l'accusé et disoient les advocats leurs opinions de vive voix n'y ayant point encore de conseillers en la plus part des sieges royaux. Comme donc le juge prenoit les opinions, Vento, ayant les fers aux pieds, regardoit tantost l'un tantost l'autre à mesure qu'il opinoit, et voyant que son cas alloit de mal en pis et la plus part estoit d'avis que l'ordonnance fust gardée et luy en se faisant pendu et etranglé, qui pis est. Le procureur du roy harranguant aussi magistralement et concluant formellement à la mort s'advise de demander qu'il luy fust permis de dire un mot en l'oreille du procureur du roy; ce que luy estant permis, mit subtilement et sans qu'on s'en apperceust en la main gauche du procureur un anneau de la valeur d'environ dix escus luy disant seulement en l'oreille qu'il eust pitié de luy et ne le poursuivist si rigoureusement. Ce qui mortifia et abbatit tellement les paroles de ce criant qu'à l'instant renuerça son plaidoié et tout ce qu'il avoit dit auparavant; s'escrissant, Ha Vento! puisse tu devenir biche. Messieurs, voyez je vous prie le danger où il mettoit nos consciences; il me vient de dire qu'il est clerc et tonsuré, je ne peux empêcher qu'il ne soit renvoyé à son evesque. Le juge et les advocats furent bien esbahis d'un si soudain changement et d'une si prompte et dextrement inventée menterie et eschapatoire moyennant laquelle Vento fut renvoyé en la cour

перешло и въ польскую литературу съ различными видоизмѣненіями, зависѣвшими отчасти отъ личныхъ цѣлей писателей, отчасти отъ условій народнаго быта¹⁾. Въ польскихъ фавеляхъ судьи являются въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ выставлены они въ слѣдующемъ разсказѣ, сохранившемся какъ въ подлинникѣ, такъ и въ старинномъ русскомъ переводѣ:

O sedzim co go dway darowali.

Wiedli prawo czas niemały dway szlachciców. Jeden który sprawiedliwsza miał aby mógł mieć przedszo odprawe darował sedziem wielki rydwan. Adwersarz jego obaczywszy to, darował sedziem pare koni dobrych. Rospieraiac sie prawem wskazał sedzia za onym co mu konie darował. On co rydwan dał rzecze sedziem: p. sedzia zlescie moy rydwan nakierowali. Rzecze sedzia: nie dziwuy sie konie go nakierowały; jako konie cia-

O судіахъ и о мздопримствѣ.

Предъ судьею нѣкоимъ прилѣжаша о нѣкое право двое чесныхъ людей прѣма не мало. И единъ уповая получить себѣ яко правѣ ему бѣ, но дабы скорѣйшую отпаву возымѣти, дарова судіи великій и дивный рыдванъ. Соперникъ, иже неправо хотѣ одержати, увѣдавъ сіе, дарова судіи великихъ и дивныхъ возниковъ. По семъ предъ судьею препирающесе положеніемъ закона, судія присуди и подутверди да-

d'Eglise où depuis qu'un accusé est renvoyé il en sorte tousiours la vie sauve eust-il mangé une charrette ferrée, vray est que sa bource y demeure vide le plus souvent. (Les joyeusetz faceties et folastres imaginacions etc. 1829. Facetieux devis et plaisans contes par le *Sr. Moulinet* comedien. p. 16—18.

1) Facecyae polskie abo żartowne a trefne powiesci biesiadne tak z rozmaitych authorow, jako też y z powiesci ludzkiey zebrane.—Экземпляръ (безъ конца) Публичной Библиотеки; печат. нѣмецкимъ шрифтомъ въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка.

O raycy łakomym.

Do radziec w jednym mieście przyszedł mieszczanin prosiac abi my płac wymierzono na mieyskim gruncie. Przyzwola wszyscy. Tylko jeden, który był principał między nimi, był przeciwko temu, tak iż onego dnia nie konkludować nie mogli. Nazajutrz on mieszczanin szedł do onego rayce na pokoy, przyniosł mu dziesięć talarow, aby przeciwko temu nie był, a swoje votum dał za nim. Wziął chętnie. Gdy ta rzecz zaś przed radę przyszła, on pan rayca, co peniadze wziął, poczał od nego rzecz prawić i prosić aby iako sie onegdaj zezwoliło płac temu mieszczaninowi wymierzyć. Rayce sie dziwiua co mu se stało, a mieszczanin obrociwszy sie do sasiadow rzecze: patrzcie jako brzeczka moje talery. Dobrze on poeta napisał:

Munera crede mihi placant hominesque deosque
Placatur donis Juppiter ipse datis.

Polacy tak mówia:

Błagaia Boga słuszne ofiary;
U ludzi zasie przyiemne dary.

gnely, tak rydwan musiał iść. Pospolita przypowieść: kto lepiej nasmaruje temu nie skrzypi. Pane sedzia,

Pomni na mary, Nie sodz za dary ¹⁾.

ровавшему возники. Оный же неправедно обвиненный узрѣ ѣдуща судію на рыдванѣ своемъ на оныхъ возникъ рече: господине, како толико неправедно одержалъ еси мой сій рыдванъ. И рече судія: не вѣмъ како, точю сильные возники увезоша, посліку тянуша толико и упредиша.

Общая приповѣсть: кто больши мажетъ, тотъ не скрышитъ; но о судіи, помните на мары, не судите за дары ²⁾.

Въ одномъ изъ сборниковъ конца XVII или начала XVIII вѣка тотъ же сюжетъ передается въ стихахъ съ нѣсколько измѣненными подробностями ³⁾.

Судія нѣкто дароимецъ бѣше,
Отъ прю имущихъ дары воспріаше:
Сосудъ елей взя отъ одинаго,
А вепря тучна пріа отъ другаго,
И сего судомъ своимъ оправдалъ есть,
Онаго паки винна сотворилъ есть.
Пришедшу же въ домъ иже елей далъ есть,
Судія кривый сице отвѣщалъ есть:
Прости ми, рече, забыхъ благодати,
Яко ты елей изволи ми дати:
Вина же тому вепрь питанный бѣше,
Иже вшедъ въ домъ мой елей проліяше.
Оле судіи! ниже усрамися,
Яко отъ правды вепромъ отлучися.

Одна изъ важнѣйшихъ особенностей русской повѣсти заключается въ томъ, что судья является въ ней олицетвореніемъ кривды, между тѣмъ какъ въ подобныхъ сказаніяхъ другихъ народовъ судья дѣйствуетъ какъ представитель правды. Шемяка поступаетъ своекорыстно въ надеждѣ получить взятку, а между тѣмъ рѣшенія его въ сущности, по понятіямъ народа, вѣрны: они совпадаютъ съ рѣшеніями такихъ народныхъ пдеаловъ справедли-

1) Facsimile polskie — названный въ предыдущемъ примѣчаніи экземпляръ Публичной Библіотеки..

2) Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 12.

3) Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 41.

вости, какъ Соломонъ или Карлъ Великій. Этотъ разладъ между стремленіями и дѣйствіями одного изъ главныхъ лицъ повѣсти наводитъ на мысль о различныхъ началахъ, изъ которыхъ она постепенно слагалась. Какъ самый составъ ея, такъ и воззрѣніе на судьей, лежащее въ ея основѣ, въ значительной степени разъясняется при помощи семитическихъ легендъ. Въ нихъ же встрѣчается одна изъ выдающихся чертъ, которой еще не найдено аналогической—рѣшеніе судьи воротить лошадь только тогда, когда у нея снова вырастетъ хвостъ. Камень также является здѣсь какъ орудіе мести неправедному судѣѣ.

Въ высшей степени любопытную и разнообразную массу легендъ и преданій, переходившихъ у семитовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, представляютъ памятники еврейской литературы, отличающіеся болѣе или менѣе апокрифическимъ характеромъ. Таковы преимущественно: Вавилонскій Талмудъ ¹⁾ и Sepher Nijaschar, т.-е. Книга Праведнаго ²⁾, — романъ, составленный, по всей вѣроятности, испанскимъ евреемъ въ двѣнадцатомъ или три-

1) О Талмудѣ см. Geschichte des Juden, von E. Graetz, 1853. B. IV, s. 474—478. — Д. А. Хвольсона: О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. 1861, стр. 54—55,—и мн. др.

2) Такое названіе заимствовано изъ книги Исуса Навина для приданія произведенію большей важности. О «Книгѣ Праведнаго» упоминается въ книгѣ Исуса Навина (X, 13) въ славянскомъ и латинскомъ переводѣ, но въ греческомъ текстѣ этого мѣста нѣтъ. Въ изданіи Тишendorфа (Vetus testamentum juxta LXX interpretes. 1850. I, стр. 260): καὶ ἔσται ὁ ἥλιος καὶ ἡ σελήνη ἐν στάσει ἕως ἡμῶν αὐτοῦ ὁ θεὸς τοὺς ἐχθρούς αὐτῶν. καὶ ἔσται ὁ ἥλιος κατὰ μέσον τοῦ οὐρανοῦ, οὐ προσπορεύετο εἰς δυσμὰς εἰς τέλος ἡμέρας μιᾶς. — Въ славянской библии: И ста солнце и луна въ стояніи, дондеже отмсти Богъ врагомъ ихъ не сіе ли есть писано въ книгахъ праведнаго; и ста солнце посреде небесе, и не идыше на западъ въ совершеніе дне единого.—Въ латинской библии: Substitut ergo sol, et luna tit, donec vindicata esset gens israelitica ab hostibus suis, nonne hoc scriptum est in libro recti (по друг. изд.: in libro justorum)? stabat autem sol in medio coelo, neque festinabat ad occasum, quasi diem integrum.—По-нѣмецки переводится: das buch der redlichen.—Въ русскомъ переводѣ Библии: «И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народъ мстилъ врагамъ своимъ. Не это ли написано въ Книгѣ Праведнаго: стояло солнце среди неба, и не спѣшило къ западу почти цѣлый день» (Переводъ, изд. въ 1869 году св. Синодомъ, а равно и переводъ Павскаго).

надцатомъ вѣкѣ изъ древнихъ сагъ, перемѣшанныхъ съ историческими сказаніями ¹⁾. Въ Вавилонскомъ Талмудѣ и въ Книгѣ Праведнаго находится подробное изображеніе содомскихъ судей, раздражившихъ небо своею кривою, обратившеюся имъ же въ погибель. По свидѣтельству народныхъ легендъ характеръ, дѣйствія и приговоры судей были въ такомъ родѣ:

— Четыре судьи были въ Содомѣ: Шакрай (Обманщикъ), Шакрурай (Разобманщикъ), Зайфи (Поддѣльщикъ) и Мацли-дина (Кривосудъ). Если кто прибѣдетъ беременную женщину и она вслѣдствіе этого выкинетъ, то судьи приказывали мужу обиженной отдать ее обидчику, чтобы онъ снова сдѣлалъ ее беременною. Отсѣкалъ ли кто-нибудь ухо у чужаго осла, судьи повелѣвали отдавать осла въ распоряженіе обидчика, пока снова вырастетъ ухо у осла ²⁾.

— Когда приходилъ въ Содомъ нищій, жители не давали ему хлѣба, но каждый приносилъ ему по золотой или серебряной монетѣ, на которой выставялъ свое имя; бѣдняга умиралъ съ голода, и каждый получалъ обратно свой динаръ ³⁾. Содомляне, по повелѣнію своихъ судей, устроили на улицахъ кровати, и какъ только въ городѣ показывался чужестранецъ, они хватали его, тащили къ кровати и насильно клали его на кровать; трое становились у изголовья и трое у ногъ: если онъ былъ короче кровати, его растягивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его крикъ; если же онъ былъ длиннѣе кровати, то его стягивали, и такимъ образомъ замучивали пришельцевъ до смерти.

— Дочь Лота, исполняясь жалости къ обреченному на голодную смерть пришельцу, тайно давала ему хлѣбъ, скрывая куски

1) *Zunz*: Die gottesdienstlichen vorträge der juden, historisch entwickelt. 1832, стр. 154—156.

2) Вавилонскій Талмудъ, трактатъ Синедріонъ, л. 109. — Съ признательностью упоминаю о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ при ознакомленіи съ памятниками еврейской литературы профессоромъ Хвольсономъ, а также и гг. Саломономъ Манделькерномъ и Ионою Гурляндомъ, принявшими на себя трудъ перевести съ еврейскаго подлинника на русскій языкъ нѣкоторыя мѣста изъ Талмуда и книги *Hajaschar*.

3) Вавил. Талмудъ, л. 109.

хлѣба въ кувшинѣ, съ которымъ ходила по воду. Когда это обнаружилось, судьи сожгли ее на кострѣ.— Другая дѣвушка накармила и напоила пришельца, и за это приговорена была къ мучительной смерти: судьи приказали обмазать ее медомъ и поставить передъ ульемъ, пока пчелы не заѣдятъ ее.

— Какой-то путникъ прибылъ въ Содомъ, и одинъ изъ жителей пригласилъ его провести у него нѣсколько дней, и взялъ на сохраненіе коверъ и веревки, которыми व्यюкъ привязанъ былъ къ ослу. Передъ отъѣздомъ гость обращается съ просьбою возвратить его вещи, но содомлянинъ сталъ увѣрять, что это—сонъ; длинныя веревки означаютъ долгую жизнь, а пестрый коверъ—виноградникъ съ различными плодоносными деревьями, и требовалъ трехъ сребренниковъ за истолкованіе сна. Судья нашелъ требованіе снотолкователя вполне справедливымъ ¹⁾.

— Прибѣтъ ли одинъ другаго до крови, судьи присуждали заплатить обидчику за кровопусканіе. Переѣзжающій рѣку на паромѣ долженъ былъ платить четыре зуза (злота). Однажды прибылъ въ Содомъ прачечникъ, и содомляне стали у него требовать четыре зуза; но онъ объяснилъ, что перешелъ рѣку въ бродѣ; за это избili его до крови. Бѣдняга пошелъ жаловаться въ судъ, и судья приказалъ ему заплатить восемь зузовъ да, сверхъ того, за кровопусканье ²⁾.

— Однажды Сара послала своего вѣрнаго слугу Лазаря (Эліезера) освѣдомиться о здоровьѣ ея родственника Лота. Пришедши въ Содомъ, Лазарь увидѣлъ, какъ одинъ содомецъ боролся съ какимъ-то инородцемъ и сорвалъ съ него платье. Обиженный жаловался Лазарю, и Лазарь обратился къ содомцу съ вопросомъ: «отчего вы такъ обходитесь съ бѣднымъ пришельцемъ?» Сомодецъ на это отвѣчаетъ: «развѣ братъ онъ тебѣ или содомцы поставили тебя судьей, что ты вступился за незнакомца?» Лазарь продолжалъ спорить съ своимъ наглымъ против-

1) Книга Гайашаръ, отдѣлъ Вайера.

2) Вавил. Талмудъ, л. 109.

никомъ, и рѣшился отнять у него силою платье бѣдняка. Тогда содомецъ схватилъ камень и швырнулъ его Лазарю въ лобъ такъ, что кровь брызнула и полилась струей. Увидѣвши это, содомецъ вцѣпился съ Лазаря и сказалъ: «изволь-ка заплатить мнѣ за то, что я пустилъ тебѣ кровь—таковъ у насъ законъ!» Лазарь вскричалъ: «изранилъ меня, и требуешь еще платы!» Но содомецъ потащилъ окровавленнаго Лазаря къ судѣ Шакру (Обману) и говоритъ судѣ: «я пустилъ ему кровь, а онъ теперь отпѣкивается и не хочетъ заплатить». Судья сказалъ отвѣтчику: «правду говорить истецъ,—спѣши удовлетворить его требованіе согласно съ нашимъ закономъ». Услышавъ такой приговоръ, Лазарь взялъ камень и пустилъ его прямо въ лобъ судѣ, прибавивъ: «посмотри-ка, Шакра, вотъ и я пустилъ тебѣ кровь въ изобилии; по твоему же рѣшенію, и ты въ свою очередь долженъ вознаградить меня за трудъ: и такъ, изволь-ка заплатить мой долгъ моему истцу». Сказалъ и — былъ таковъ ¹⁾).

По семитическимъ преданіямъ, кривой судъ содомлянъ составляетъ діаметральную противоположность съ мудрыми и правдивыми рѣшеніями Соломона. Такая же противоположность является, по замѣчанію Снегирева, между распространенными у насъ апокрифическими сказаніями о судахъ Соломона и судомъ Шемяки. Снегиревъ сопоставляетъ два произведенія, изъ которыхъ въ одномъ изображенъ судъ Соломона, въ другомъ—судъ Шемяки. Къ изображенію Соломонова суда на весьма рѣдкой картинѣ, гравированной въ Москвѣ въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, присоединенъ текстъ, поясняющій, что по жалобѣ вельможи, давшего въ займы нищему во спѣ сто рублей, Соломонъ велѣлъ повѣсить эти деньги надъ колодеземъ, и тѣмъ отъ нихъ взять вельможѣ. Рѣзкую противоположность мудрому и правдивому суду Соломона составляетъ кривой судъ Шемякинъ, усвоенный нашею лубочною литературою ²⁾).

1) Книга Гайшаръ, отд. Вайера.

2) Снегирева: Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 58—59.

Подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ серьезное, обличающее повѣствованіе о жестокихъ и неправедныхъ судьяхъ отбѣняется сатирою, проглядывающею въ поступкѣ Лазаря съ судьей, такъ и въ русской повѣсти серьезное перемѣшивается съ забавнымъ. Не отрицая сатирическаго характера русской повѣсти, должно замѣтить, что насмѣшка представляется въ ней позднѣйшимъ наслоеніемъ и не на одной только заимствованной, но и на чисто-русской основѣ. Въ народной сказкѣ до самаго ея заключенія, совпадающаго съ текстомъ лубочныхъ картинъ, нѣтъ и тѣни сатиры. Судья называется обычнымъ эпитетомъ своимъ: «праведный» — ѣдутъ къ праведному судѣ, сталъ судить праведный судъ, и т. п. Въ рукописяхъ читается: «слава Богу великому, яко судихъ судъ по правдѣ», и т. д.

Главное дѣйствующее лицо въ Шемякиномъ Судѣ — честный бѣднякъ, чрезвычайно ловко избѣжавшій опасности; убогій братъ также «переключалъ» богатаго брата и всѣхъ своихъ враговъ, какъ Ерема-дуракъ и Иванушка-дурачекъ перехитрили своихъ лукавыхъ и несправедливыхъ братьевъ¹⁾

Въ составѣ русской повѣсти слышится нѣсколько мотивовъ; любимыя идеи народной словесности о побѣдѣ правды надъ кривдою, о спасеніи несчастнаго отъ злобы сильныхъ міра сливаются съ чертами изъ сказанія о судахъ, распространеннаго у индоевропейскихъ и семитическихъ народовъ. Въ наиболѣе древнемъ слоб повѣсти изображается судьба бѣдняка, въ потѣ лица работавшаго на богача брата и сохранившаго жизнь его сына. Въмѣсто благодарности жестокой богачъ требуетъ казни несчастнаго. Тотъ же бѣднякъ изъ состраданія бросается вытаскивать изъ сугроба чужую лошадь, и силясь вытащить ее, отрываетъ у нея хвостъ; за это также обвиняютъ его передъ судомъ. Что же оставалось дѣлать эпическому правдивому судѣ, какъ не спасти несчастнаго, являющагося жертвою своей доброты? Изобрѣтательный судья придумываетъ рѣшеніе, избавляющее не въ чемъ въ сущности

1) *Аванасьева*: Народныя русскія сказки. Выпускъ VI, стр. 77—87 и др.

неповиннаго бѣдняка отъ нравственно незаслуженной казни. Дѣйствія судьи въ этомъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ голосу народа: «бѣднаго убить—не спасенье нажить»; «виноватаго кровь—вода, а невиннаго—бѣда» и т. и. Всѣ рѣшенія судьи ведутъ къ тому, чтобы не дать бѣдовика въ руки людей корыстныхъ и жестокихъ. Весь смыслъ легендарныхъ приговоровъ заключается именно въ томъ, что они произносятся надъ человѣкомъ нравственно невиннымъ, ибо онъ обвиняется въ томъ, что совершено имъ не только безъ всякаго злаго умысла, а напротивъ—съ цѣлью благою и доброю, изъ любви къ ближнему. Отчасти онъ является безсознательною жертвою преслѣдующей его бѣды: бѣда шла на него и бѣдой погоняла... Пословицы говорятъ: невольный грѣхъ живетъ на всѣхъ; грѣхъ да бѣда на кого не живетъ; нужда законъ измѣняетъ; *noth hat kein gebot*; *nécessité n'a point de loi*; *unrecht ist auch recht*, и т. д. Убѣжденіе въ нравственной правдѣ суда, спасающаго несчастнаго хотя бы и вопреки юридической правильности, усвоено народною словесностью. Въ силу этого убѣжденія приговоры подобные Шемякинѣ приписываются: на востокѣ—царямъ и судьямъ «мудрымъ, святымъ, прекраснымъ», а на западѣ—Карлу Великому, слышшему въ средніе вѣка правдивѣйшимъ изъ правдивѣйшихъ судей, когда-либо существовавшихъ на бѣломъ свѣтѣ.

При дальнѣйшемъ развитіи легенды эпическій характеръ мало по малу сглаживается, уступая мѣсто чертамъ дѣйствительной жизни и неизбежному спутнику изображенія въ ея литературѣ—началу сатирическому. Съ появленіемъ этого начала послѣдовало измѣненіе мотива, и правдивый судья изъ эпического представителя доброй силы, охраняющей счастье, превратился въ судью неправеднаго—кривосуда и взяточника. Время и мѣсто измѣненія мотива такъ же трудно опредѣлить съ точностью, какъ и время и мѣсто первоначальнаго образованія сюжета. Существованіе подобныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ польской, западно-европейскихъ и семитическихъ литературъ не позволяетъ видѣть, подобно Бенфсю, въ подкупѣ судьи исключительно рус-

скій мотивъ. Гриммъ, указывая въ сказкахъ чисто-русскія особенности, какъ напримѣръ олицетвореніе кручины и т. п., не отмѣтилъ ни одной такого рода особенности въ Шемякинѣ Судѣ, извѣстномъ ему по тексту лубочныхъ картинъ. Строго говоря, въ повѣсти о судѣ Шемяки собственно русскаго—не ея характеръ, общее содержаніе и мотивъ, а многія подробности, взятыя изъ русскаго быта. Горемыка, закабалившій себя за двѣ мѣры ржи; занесенная снѣгомъ дорога съ сугробами, изъ которыхъ вытаскиваютъ проѣзжихъ; нежеланіе отдать дитя въ чужую семью ни за какія деньги; рожденіе вымоленного ребенка; зарокъ взять въ кумовья; раздумье о томъ, что хоженнаго дать нечего, что голова давно смѣчена и не быть живому при тогдашнихъ судейскихъ порядкахъ, и т. д., и т. д.—все это внесено въ повѣсть русскими книжниками и сказочниками. Самое появленіе попа въ числѣ истцовъ и приговоръ объ отнятіи у него попады находится въ связи съ тѣмъ, что потеря жены особенно чувствительна для русскаго попа, не имѣющаго права вступать во второй бракъ. Русскій обликъ повѣсти скрѣпляется чисто-русскимъ именемъ судьи—Шемяки. Нѣтъ сомнѣнія, что имя это внесено въ повѣсть уже сложившуюся, и невозможно допустить, чтобы она написана была по поводу дѣйствій Шемяки. Въ народной словесности вообще замѣтно стремленіе замѣнять безыменные лица какими-либо именами, какъ это встрѣчается во многихъ апокрифахъ и т. п. Впечатлѣніе, произведенное на москвичей Шемякою и его сподвижниками, содѣйствовало тому, что неправедный судья названъ именемъ Шемяки. По свидѣтельству хронографа, отъ временъ Шемяки «въ Велицѣй Русіи на всякого судью и восхитника во укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ*». Приводя это мѣсто, Карамзинъ говоритъ: «не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ *о судѣ Шемя-*

киномъ, донинѣ употребительной» ¹⁾. Происхожденіе этой пословицы профессоръ Соловьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Положеніе Шемяки—говоритъ онъ—«въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василя, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, промыслять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ приобрести расположеніе другихъ князей... Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ Суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его, должны были отступить отъ своихъ приобрѣтеній... Обязанный уступать требованіямъ князей союзниковъ въ ущербъ силѣ Московскаго княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ. Граждане къ нему нерасположенные или по крайней мѣрѣ равнодушные не могли найти противъ нихъ защиты на *судѣ Шемякинѣ*, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго» ²⁾.

Нѣкоторыя черты повѣсти, кажуціяся въ наше время чисто-сатирическими, представлялись въ нѣсколько иномъ свѣтѣ стариннымъ читателямъ и въ особенности слушателямъ, отдѣленнымъ отъ насъ нѣсколькими вѣками. По крайней мѣрѣ въ тогдашнихъ понятіяхъ о судѣ и въ самыхъ судебныхъ обычаяхъ было много такого, что отзывалось глубокою древностью и сближало дѣйствительную жизнь съ областью легендъ и преданій. Законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшеній Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, было во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ семнадцатаго столѣтія. По свидѣтельству Кошихина, подтверждаемому законо-

1) Исторія государства російскаго. 1842. Т. V, стр. 188, г. 1146, прим. 338.

2) Соловьева: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 1854. Т. IV, стр. 75—76.—К. Н. Бестужева-Рюмина: Русская исторія. 1872. Т. I, 414: «въ Москвѣ не любили Шемяку, и преданіе о неправильномъ судѣ Шемякѣ сохранилось до сихъ поръ; С. М. Соловьевъ очень вѣроятно объясняетъ это преданіе тѣмъ, что галицкіе бояре давили москвичей».

дательными памятниками, несостоятельный должникъ отдаваемъ былъ въ слуги займодавцу, и если «господинъ тому человѣку учинить наругательство, съ сердца переломить руку или ногу, или глазъ выколетъ, или губы или носъ или уши или иное что обрѣжетъ; и ему противъ того же будетъ указъ учинить самому—рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ того же. А будетъ тотъ его увѣщой человѣкъ отъ его наругательства умереть, и того господина самого казнить смертію», и т. д. ¹⁾. За убійство казнили смертію; за поджогъ—сожигали виновнаго; кто лилъ фальшивую монету, тому заливали горло, и т. п. По Уложенію: «а кого кто убьетъ съ умышленія, такова убійцу казнить смертію; которые денежныя мастера учнутъ дѣлать мѣдныя или оловячныя или укладныя деньги, или въ денежное дѣло въ серебро учнутъ прибавливати мѣдь или олово или свинець, за такое дѣло—залити горло; а будетъ кто иѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ, и такова зажигальщика сжечь». (Уложеніе: XXI, 75; V, 1; X, 228).—Самъ историческій Шемяка, пмя коего сдѣлалось прозвищемъ «всякаго судьи—восхитника», прибѣгнулъ къ равносильному возмездію: за ослѣпленіе отомстить тѣмъ, что ослѣпилъ виновнаго.—Въ судопроизводствѣ наблюдались нѣкоторые пріемы, напоминающіе гаданья и другія диковинныя вещи, описаніе которыхъ можно встрѣтить въ старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ. Къ числу стародавнихъ юридическихъ обычаевъ принадлежитъ судъ жребіемъ: и по Судебнику и по Уложенію въ искахъ гражданскихъ, преимущественно долговыхъ, возникавшихъ между русскими и чужеземцами, дѣло рѣшалось по жребію: «чей ся жеребей выйметъ, тотъ, поцаловавъ, свое возьметъ или откажется». Англичанинъ, бывшій въ Россіи въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, такъ описываетъ свой процессъ съ русскимъ купцомъ: «Я былъ долженъ русскому купцу шестьсотъ рублей, а онъ требовалъ съ меня вдвое. Надле-

1) Кошкина: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; гл. VII, ст. 40, стр. 95 (изд. 1840 г.).—Уложеніе царя Алексѣя Михайловича: XXII, 10.

жало прибѣгнуть къ жеребью. Въ судной палатѣ толпилось множество людей. Судьи взяли два шарика восковые—одинъ съ моимъ, другой съ его именемъ, кликнули незнакомаго человѣка изъ толпы зрителей, бросили ему шарики въ шапку, и велѣли другому зрителю вынуть голою *правою* рукою одинъ изъ нихъ: вынулся мой. Я заплатилъ шестьсотъ рублей... народъ славилъ правосудіе небесное» ¹⁾).

Хотя взгляды на ту или другую черту могъ постепенно измѣняться, тѣмъ не менѣе занимающій насъ памятникъ въ его цѣломъ составѣ причисляемъ былъ къ сатирическимъ уже въ началѣ восемнадцатаго и даже въ концѣ семнадцатаго вѣка. Такъ можно заключить изъ того, что составители сборниковъ считали его заимствованнымъ изъ польскихъ жартъ и помѣщали рядомъ съ юмористическими произведеніями. Въ сборникѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ, непосредственно передъ Судомъ Шемяки помѣщена Притча о старикѣ, ухаживающемъ за молодою жепщиною, которая говоритъ ему: а тебѣ у меня старому смерду—спать на полу на голыхъ доскахъ, а въ головы тебѣ жерновъ дресвяной камень, да пожалую тебя—велю дать соломенную рогожу, да пей болотную воду, да ѣшь сухой хлѣбъ; а сопернику старика—крупчатые калачики, сдобные пироги, сахаръ на блюдѣ, да вино въ кубцѣ—золотомъ вѣнцѣ, лебединая перина да чижевое зголовье, да соболиное одѣяло, и т. п. За Шемякинымъ Судомъ помѣщенъ разговоръ двухъ товарищей—пьющаго съ пьющимъ и затѣмъ—о чаркахъ, сколько кому пить: текстъ обоихъ статей находится и на лубочныхъ картинахъ ²⁾).

Много времени прошло до той поры, пока разбираемая нами повѣсть изъ серьезной и назидательной легенды о праведномъ судѣ превратилась въ сатиру на взяточниковъ. Постепенное наслоеніе, видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подѣ

1) Карамзина: Исторія государства російскаго. Т. IX, примѣч. 788.

2) Снегирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ. 1832. Книжка III, стр. 210—218.

вліяніемъ различныхъ источниковъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ ряду послѣднихъ видное мѣсто должно быть удѣлено семитическимъ сагамъ и сказаніямъ, которыя разносились евреями повсюду и безспорно извѣстны были и на Руси. Эти сказанія тѣмъ скорѣе могли привиться въ русскомъ обществѣ, что они находятся въ тѣсной связи съ любимыми нашей стариной апокрифическими произведеньями.

Не вдаваясь въ область догадокъ и произвольныхъ выводовъ и основываясь единственно на фактахъ, приведу въ заключение одинъ изъ нихъ, которому нельзя отказать въ значеніи при всестороннемъ изслѣдованіи памятниковъ нашей древней литературы. Весьма популярна была у насъ легенда о хромцѣ и слѣпцѣ, приставленныхъ сберегать роскошный садъ; она приводится у писателя двѣнадцатаго столѣтія, она встрѣчается во многихъ древнихъ прологахъ, она перешла даже въ народныя загадки: «слѣпецъ увидѣлъ зайца, хромой догналъ и положилъ нагому за пазуху: слѣпецъ — душа человѣка, хромой — тѣло, заяць въ полѣ — ѣда и питье, нагому за пазуху положилъ — въ ротъ вложилъ» и т. п. ¹⁾. — Смыслъ русской легенды и ея иносказаніе заключается въ томъ, что душа и тѣло (слѣпецъ и хромецъ) неразрывно соединены въ человѣкѣ, вмѣстѣ участвуютъ во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, а потому должны нести обоюдную отвѣтственность, и въ день суда подвергнутся за грѣхи совокупному наказанію. Та же мысль и въ тѣхъ же образахъ выражена въ слѣдующей легендѣ Вавилонскаго Талмуда, поразительно сходной съ русскою въ той части, гдѣ рѣчь идетъ о слѣпцѣ и хромцѣ: ²⁾.

— Однажды Антонинъ Пій (часто бесѣдовавшій съ рабби Іегудой Святымъ) сказалъ ему между прочимъ, что, по его мнѣнію, плоть и душа могутъ освободиться отъ загробнаго приговора.

1) О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго (см. выше).

2) Вавилонскій Талмудъ, гл. II, стр. 81.

— А какъ такъ? спросилъ рабби.

— А такъ, возразилъ Антонинъ, что плоть можетъ оправдываться, говоря: «душа виновата, потому что съ тѣхъ поръ, какъ она отлучилась отъ меня, я лежу въ могилѣ безмятежно, словно мертвый камень». Душа же можетъ точно также утверждать, что плоть согрѣшила, ибо «съ тѣхъ поръ, какъ она оставлена мною, я порхаю въ эфирѣ свободно какъ птичка».

— Рабби отвѣтилъ: я приведу тебѣ примѣръ, уясняющій это дѣло. Жилъ-былъ царь, у котораго находился великолѣпный садъ съ прекраснымъ виноградникомъ. Въ немъ онъ посадилъ двухъ стражей: хромого и слѣпаго. Разъ хромой говоритъ слѣпому: «я вижу въ саду прекрасный виноградъ,—возьми-ка меня на плечи, и вмѣстѣ отправимся за лакомствомъ». Слепой послушался, хромой сѣлъ на слѣпаго, и доставши виноградъ, съѣли его. Спустя нѣсколько времени явился къ нимъ хозяинъ сада. На вопросъ хозяина, куда дѣлся прекрасный виноградъ, бывший въ саду, хромой отпирался, говоря: «вѣдь я безъ ногъ, какъ же я могъ за нимъ пойти?» Слепой же, подобно ему, отрекался, сказавъ: «вѣдь я безъ глазъ, какъ же я могъ увидѣть его?»... Но что сдѣлалъ хозяинъ? Онъ посадилъ хромого на слѣпаго, и наказалъ ихъ обоихъ вмѣстѣ.

— Подобно хозяину сада поступаетъ и Господь Богъ: онъ беретъ душу, помѣщаетъ ее вторично въ плоть и наказываетъ ихъ обоихъ вмѣстѣ.

Два семитическія сказанія ¹⁾, встрѣчающіяся въ памятникахъ русской литературы ²⁾.

I.

Въ *Вѣстникъ русскихъ евреевъ* 1871 года № 41, въ отдѣлѣ иностранной лѣтописи, помѣщена не лишенная своего рода интереса статья подѣ названіемъ: «Перестановка лицъ въ трагедіи: Венеціанскій купецъ».

«Въ послѣднее время—говорится въ этой статьѣ—публика манчестерскаго театра восхищалась Шекспировскимъ Шейлокомъ. Постановка этой пьесы не обошлась безъ критическаго разбора, при чемъ еврейскіе органы печати преимущественно занимались не разборомъ исполненія драмы, а обсужденіемъ самаго факта, служившаго основою для пьесы, и правдивости его съ исторической точки зрѣнія. Нерасположеніе къ евреямъ со стороны другихъ національностей, переходящее изъ поколѣнія въ поколѣніе, еще болѣе усиливается отъ дѣйствія такихъ драматическихъ произведеній какъ Венеціанскій купецъ. Шекспиръ родился въ 1564 г., а умеръ въ 1616 году; еврей же изгнанъ окончательно изъ Англіи въ 1290 году. Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что Шекспиру никогда не приходилось видѣть въ глаза живаго еврея; слѣдовательно, онъ не могъ составить себѣ о евреѣ

1) Сборникъ 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, т. X (1873 г.), стр. LVI.

2) Замѣтка эта вызвана письмомъ ко мнѣ г. Гурлянда отъ 4 апрѣля 1873 г. Оно свидѣтельствуетъ о любознательности автора, слѣдящаго за ходомъ ученой литературы. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность г. Гурлянду за сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Онъ говоритъ между прочимъ о приведенной нами статьѣ *Вѣстника русскихъ евреевъ* и о только что вышедшей статьѣ *Пермеса*.

никакого личнаго взгляда и пзображаемый имъ еврей Шейлокъ не есть снимокъ съ натуры. Подлинное событіе, служившее Шекспиру основою для его пропзведенія, дѣйствительно имѣло мѣсто по совершенно въ другомъ видѣ.

«Историкъ Грегоріо Лети, въ XI т. своей исторіи папы Сикста V, передалъ слѣдующій фактъ, который долженъ служить примѣромъ строгой справедливости этого папы. Въ 1587 году (значить, приблизительно, за десять лѣтъ до появленія пьесы Шекспира) одинъ почтенный и богатый римскій купецъ, по имени Павелъ Секки, строгій католикъ, получилъ извѣстіе, что знаменитый англійскій адмиралъ Франсисъ Дрейкъ овладѣлъ Ст. Домингомъ и набралъ тамъ много добычи. Онъ передалъ это извѣстіе еврейскому негоціанту Самсону Ценедѣ, которому оно почему-то показалось невѣроятнымъ, или же онъ по личнымъ соображеніямъ счелъ нужнымъ показать видъ, что не вѣритъ въ возможность такого происшествія. Во всякомъ случаѣ, онъ упорно опровергалъ возможность чего-нибудь подобнаго, и когда Секки продолжалъ доказывать противное, то Ценеда какъ-то выразился: «я готовъ отдать фунтъ мяса изъ моего тѣла въ подтвержденіе того, что это сообщеніе ложно».—А я даю противъ этого двѣ тысячи скуди—возразилъ христіанинъ и настаивалъ на заключеніи формальнаго договора, подписаннаго двумя свидѣтелями, христіаниномъ и евреемъ, въ силу котораго было условлено, что въ случаѣ если сообщенная Секкіемъ новость окажется ложною, то онъ обязанъ заплатить еврею 2,000 скуди; въ противномъ же случаѣ ему предоставляется право *собственноручно, при помощи хорошо наостренного ножа, вырезать еврею Самсону Ценедѣ одинъ фунтъ мяса изъ той части тѣла, которая будетъ имъ, Секкіемъ, выбрана*. Вскорѣ извѣстіе о побѣдѣ Дрейка подтвердилось, и Секки настаивалъ на исполненіи договора. Напрасно еврей предлагалъ своему противнику сумму въ двѣ тысячи скуди, равномѣрную той, которую предстояло потерять Секкію въ случаѣ, если бы онъ проигралъ пари. Ничего не помогало: неумолимый христіанинъ ни за что не хотѣлъ измѣнить условія, и ука-

залъ даже на ту часть тѣла, которая должна была подвергнуться операциі. Въ отчаяніи еврей обратился къ мѣстному начальнику, надѣясь уговорить чрезъ его посредство своего безпощаднаго противника. Начальникъ счелъ нужнымъ донести обо всемъ самому папѣ (который, по всей вѣроятности, выставленъ Шекспиромъ на сценѣ въ образѣ благотѣльной Порціи) и послѣдній присудилъ обоихъ къ ссылкѣ на галеры. Впрочемъ имъ предоставлено было откупиться отъ этого наказанія пожертвованіемъ 2,000 скуде съ каждой стороны въ пользу Сикстинской больницы» ¹⁾.

Предположеніе о томъ, не послужило ли событіе, описанное Лети, источникомъ для драмы Шекспира, высказано еще въ прошломъ столѣтіи англійскимъ переводчикомъ жизни Сикста V (Ellis Farneworth, 1754). Но всѣ послѣдующія открытія и разысканія опровергають подобное предположеніе. На англійской сценѣ еще до Шекспира является еврей (The Jew)—первообразъ Шейлока. Несомнѣнно, ранѣе 1579 года въ Англіи давалась пьеса подъ заглавіемъ: The Jew shown of the Bull, representing the greediness of wordly choosers, and the bloody mind of usurers. Въ пьесѣ о судѣ Карла Великаго, *напечатанной въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія*, именно въ 1493 году, выводится также *еврей* ²⁾. Анекдотъ, рассказанный Лети, идетъ подъ стать къ его отзыву о Сикстѣ, который будто бы говорилъ, что христіанамъ надо пускать кровь изъ горла, а жидамъ—изъ кошелька: и дѣйствительно, въ его царствованіе казненъ только одинъ еврей, но усиленными налогами много вытянуто изъ еврейскихъ кошельковъ ³⁾.

Ссылаться на книгу Лети какъ на источникъ вполне достовѣрный рѣшительно невозможно. Несостоятельность ея давно

1) Вѣстникъ русскихъ евреевъ. Газета еженедѣльная. 1871, № 41. стр. 1289—1291.

2) Museum für altddeutsche literatur und kunst. Zweiten Bandes erstes heft. 1811. s. 279—283.

3) Vita di Sisto V, pontefice romano, nuovamente scritta da Gregorio Leti. 1693, p. III, 473.

уже показана ¹⁾). Современная историческая критика видит въ книгѣ «Лети собраніе вымысловъ и противорѣчій, и успѣхъ ея объясняетъ только ея популярною формою да запрещеніемъ, которому эта книга подверглась къ католическихъ странахъ ²⁾).

II.

Притча о хромцѣ и слѣпцѣ, встрѣчающаяся въ русскихъ памятникѣхъ, находится и въ Тысячѣ и одной ночи въ слѣдующемъ видѣ:

— Визирь спросилъ у принца: душа и тѣло одинаково ли подлежатъ наградѣ и наказанію?—Ихъ ждетъ одинаковая участь, ибо и здѣсь они дѣйствуютъ вмѣстѣ, какъ нѣкогда хромой и слѣпой.—Что это за исторія?—Хромой и слѣпой жили въ дружбѣ и вмѣстѣ просили милостыню; разъ какъ-то выразили они желаніе, чтобы какой-нибудь богатый человѣкъ приставилъ ихъ къ своему саду. Услышавши это, какой-то добрякъ сжалился надъ ними, взялъ ихъ въ свой садъ, парвалъ имъ плодовъ, и оставляя ихъ въ саду, просилъ только ничего въ немъ не портить. Но плоды до того пришились имъ по вкусу, что они едва отвѣдали ихъ, имъ захотѣлось еще болѣе; хромой и слѣпой сообщили другъ другу свое желаніе и вмѣстѣ сожалѣніе, что одинъ не видитъ плодовъ, а другой не можетъ подойти къ нимъ. Пришедшій на ту пору сторожъ спрашиваетъ ихъ о причинѣ ихъ увѣнія, и узнавши въ чемъ дѣло, вскрикиваетъ: «горе вамъ! развѣ не слышали вы, какъ хозяинъ предостерегалъ васъ ничего не портить въ саду? обуз-

1) Quellen des Shakspeare in novellen, märchen und sagen, herausgegeben von Theodor Echtermeyer, Ludwig Henschel und Karl Simrock. 1831. T. III, стр. 186—189: Wenn dem Leti überhaupt zu trauen ist, was schon Douce I, p. 276, billig bezweifelt hat, so gingen jene kaufleute, von welchen er erzählt, wohl von der sage aus und kehrten die wette absichtlich um...

2) Cp. Sixte-Quint. par m. le baron de Hübner. Paris. 1870, T. I, p. 2—3. L'ouvrage de Gregorio Lete, rempli de contes niais, de contradictions et de men songes évidents, fut publié la première fois à Lausanne en 1669... Le public lettré eut le tort de prendre pour un livre d'histoire ce qui n'est qu'un livre de fiction où le vrai se confond avec le faux, mais où le faux prédomine, et Sixte-Quint passa à la postérité dans un ignoble déguisement...

дайте свои желанія; иначе, онъ выгонитъ васъ изъ сада». Но они возразили: «мы хотимъ плодовъ во что бы то ни стало, а хозяинъ ничего не замѣтитъ; не выдай только насъ, и укажи способъ удовлетворить наше желаніе». Сторожъ, видя, что не хотятъ слѣдовать его совѣту, сказалъ слѣпому: «возьми хромаго къ себѣ на плечи, онъ будетъ руководить тебя своими глазами, а ты своими ногами донесешь его до дерева; я уйду и вы можете наслаждаться». Слепой сейчасъ же взялъ хромаго на плечи, принесъ его къ дереву, и они принялись срывать плоды, наломали вѣтвей и перепортили весь садъ. Но какъ только хозяинъ воротился домой и увидѣлъ садъ въ такомъ безпорядкѣ, онъ съ гнѣвомъ обратился къ нимъ: «что вы надѣлали? это ли награда за то, что я пустилъ васъ въ садъ свой и надѣлилъ плодами? можно ли было такъ злоупотреблять моимъ довѣріемъ?»—Они отвѣчали: «господинъ, ты вѣдь знаешь, что мы ничего не могли испортить, потому что одинъ изъ насъ слѣпъ, а другой хромъ». Но онъ возразилъ: «или вы еще думаете заператься, и полагаете, что я не знаю, какъ вы это сдѣлали? если бы вы сознались въ своей винѣ, я отпустилъ бы васъ восвояси; но такъ какъ вы запераетесь, то и заслуживаете наказанія». Онъ выгналъ ихъ изъ сада и заключилъ въ темницу, гдѣ они и погибли.—«Значеніе этой притчи, продолжалъ принцъ, слѣдующее. Слепой представляетъ тѣло, хромой—душу; садъ есть образъ этого міра; владѣлецъ сада есть Богъ и Творецъ; дерево означаетъ животныя стремленія, а сторожъ—разумъ, предохраняющій отъ дурнаго и направляющій къ хорошему. По сему душа и тѣло подлежатъ совокупной наградѣ и совокупному наказанію» ¹⁾.

Съ этимъ разсказомъ представляетъ большое сходство бѣсѣда императора Антонина съ раввиномъ, находящаяся въ Вавилонскомъ Талмудѣ. Связь между ними указана Перлессомъ въ

1) Monatschrift für geschichte und wissenschaft des judenthums, herausgegeben von *Frankel*, fortgesetzt unter mitwirkung des judisch-theologischen vereins von *Grätz*. Februar. 1873. Rabbinische Agada's in 1001 nacht. Ein beitrage zur geschichte der wanderung orientalischer märchen. Von *Perles*. s. 75—77.

статье его, относящейся къ исторіи странствованія восточныхъ сказокъ. Перлессъ замѣчаетъ, что легенда о хромцѣ и слѣпцѣ весьма распространена, и въ доказательство указываетъ на слѣдующее сказаніе въ *Gesta Romanorum*.

— Жилъ-былъ царь, который задумалъ устроить пиръ на весь міръ, и разослалъ по всему царству бирючей сзывать на пиръ всѣхъ и каждого, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ; на пиру этомъ раздавались не только роскошныя угощенія, но и драгоценныя сокровища. Въ то время какъ бирючие объѣзжали земли и замки, возвѣщая царскую волю, въ какомъ-то городѣ жили хромецъ и слѣпецъ; слѣпой былъ силенъ и крѣпокъ, а хромой слабъ и хилъ, по имѣлъ весьма хорошее зрѣніе. Слепой говоритъ хромому: другъ ты мой, бѣда намъ обоимъ! по всей странѣ объявлено, что царь въ такое-то время даетъ великолѣпный пиръ, на которомъ будутъ раздаваться не только яства, какихъ кто пожелаетъ, но и большія богатства; но ты хромъ, а я слѣпъ; значить, ни ты, ни я на пиръ не попадемъ. Хромой возразилъ на это: если ты хочешь послушаться моего совѣта, то и мы, какъ всѣ другіе, будемъ на пиру и получимъ сокровища. Слепой объявилъ, что готовъ послѣдовать всякому полезному совѣту. Тогда хромой сказалъ: ты силенъ и крѣпокъ тѣломъ, а я хилъ и хромъ; возьми меня на спину и понеси, а я буду указывать тебѣ дорогу, потому что хорошо вижу, и мы оба попадемъ на пиръ и получимъ часть свою подобно всѣмъ другимъ. На это слѣпой отвѣтилъ: аминь говорю тебѣ, совѣтъ твой хорошъ; садись сейчасъ же мнѣ на спину. И такимъ образомъ вышло, что хромой указывалъ слѣпому дорогу, а слѣпой несъ хромого, и оба пришли на пиръ и получили обѣщанныя сокровища ¹⁾.

1) Das älteste märchen- und legendenbuch des christlichen mittelalters, oder die *Gesta Romanorum*, von *Grässe*. 1850. theil I, LXXI: Von der vergeltung der ewigen heimath. s. 132—133.

I. Указатель важнѣйшихъ собственныхъ именъ.

Цифры означаютъ страницы.

- Авгарь 104.
Августъ, имп. 103.
Авлъ Геллій 654.
Авраамій Палицынъ 228, 355.
Аврамовъ М., соврем. Петра I 619.
Адамъ 260.
Аделунгъ, учен. 383.
Акиръ 537.
Аксаковъ К. 425.
Александръ кавалеръ росс. 537 сл.
Александръ Макед. 110, 173, 250, 251, 254, 358, 579.
Александръ Невскій 557.
Александръ Поповичъ, богат. 174.
Алексѣй митроп. 404.
Алексѣй Петровичъ, царев. 574, 581, 609, 615.
Алмазъ Ивановъ, дьякъ 410.
Амартоль Георгій, хроногр. 35, 58, 59, 62, 68 сл., 91 сл., 129, 169—171, 182—185, 233, 247, 250.
Амвросій (Зертисъ-Каменскій) 597.
Анастасія Роман., царица 552.
Андрей Боголюбскій 133, 342—346, 448.
Андрей Васильевичъ, братъ Іоан. III 513.
Анна Іоанновна, имп. 585, 617, 630—632.
Анна Леопольд. 631.
Аннибалъ 265.
Антонинъ Пій, имп. 670, 671, 676.
Антоній Мелисса, авт. 446, 498 сл., 507.
Аполлоній Тіанскій 104, 171, 172.
Апраксинъ, адмир. 612, 618.
Аристотель филос. 99, 354, 497, 508, 551.
Аристотель Фіоравенти 512.
Арсеній св. 108.
Арцыбашевъ, историкъ 7, 244.
Ахматъ, ханъ тат. 515—517.
Аѳанасій Никитинъ 387, 488.
Аѳанасьевъ А. Н., учен. 643.
Байеръ, акад. 242, 617.
Байковъ Ѳ., путешеств. 386.
Бальбинъ, іез. 472.
Башиловъ, истор. 25.
Беда Достопочтенный 38, 58.
Бенфей, учен. 640, 641, 651, 654, 665.
Бова Королевичъ 505.
Богумиль, пошъ 355.
Боккачіо 559.
Борисъ св. кн. 84, 181, 241.
Борисъ Васильевичъ, братъ Іоан. III 513.
Бужинскій Гавріилъ 553, 578.
Бурлей Вальтеръ 509.
Буслаевъ Василій, богат. 262.
Буслаевъ Ѳ. И., учен. 348, 642.
Бутковъ П., учен. 24, 91.
Бѣда Василій, подьяч. 526.
Бѣляевъ И. Д., учен. 91, 165, 242.

Вальтеръ Скоттъ 491.
 Варнава Неподобный 500.
 Василий, авторъ повѣсти въ Пестор.
 лѣтоп. 90.
 Василій, архим. Печерск. 344.
 Василій Велик. 448, 466, 489, 503.
 Василій Иоани., вел. кн. 512.
 Василій Васил. Темный, в. кн. 525.
 Василько Роман., кн. волынск. 402.
 Василько Ростислав., кн. 90.
 Вассіанъ Рыло, архіеп. рост. 131,
 494 сл.
 Верхуслава, дочь Всеволода III 423
 Вильгельмъ Завоеват. 190, 385.
 Владимиръ Васильковичъ кн. 401.
 Владимиръ, кн. галицк. 490.
 Владимиръ Мономахъ 115, 134, 195,
 361, 374, 393, 397, 488, 490, 518, 519.
 Владимиръ Святой 81, 105, 106, 126,
 127, 130, 131, 133, 134, 178, 179, 181,
 187, 226, 355, 362—363, 368—373, 424,
 490, 519.
 Востоковъ А. Х., учен. 89, 477, 478,
 530.
 Всеволодъ Ярослав, в. кн. 397.
 Гавріилъ Бужинскій 553, 578.
 Гавріилъ (Кременецкій), архіеп. петерб.
 597.
 фон-дер-Гагенъ, нѣм. учен. 640.
 Галатовскій Іоанник. 655.
 Гаральдъ, зять Яросл. Мудр. 266.
 Гегезіанаксъ 497.
 Гегель, филос. 602.
 Гедeonъ (Криновскій), еп. псковск. 597.
 Гейдеке, нѣм. учен. 689 сл.
 Геннадій, архим. Чудова мон. 513.
 Георгій Амартolzъ, см. Амартolzъ.
 Георгій Дашковъ, архіеп. рост. 619.
 Георгій Кедринъ, см. Кедринъ.
 Георгій Никоимидійскій 299.
 Георгій Писидіецъ 404.
 Георгій Синкеллъ 35, 112, 113.
 Герасимъ Вологодскій 390.
 Герберштейнъ 392.
 Геренъ, нѣм. учен. 497.
 Геронтій, митроп. 512—514, 518, 536.
 Гесснеръ Конрадъ 357.

Глика Михаилъ, виз. хроногр. 112—114.
 Глѣбъ св. 84, 181, 241.
 Голицынъ кн. Бор. Ал. 411.
 Голицынъ кн. Дм. Мих. 620.
 Головкинъ Гавр. Ив. 612, 613.
 Горскій А. В., учен. 78, 344, 499.
 Грибоѣдовъ, дьякъ, писат. 355.
 Григорій Акраганскій 449.
 Григорій Богословъ 337, 340, 448, 466,
 503, 506.
 Григорій Турскій 58, 105, 139 сл., 151,
 163, 164, 171, 176, 177, 181, 221, 235.
 Григорій Цамблакъ 337.
 Григоровичъ В. И., учен. 426, 428.
 Григорьевъ В. В., учен. 379.
 Гримъ Яковъ 640.
 Гурляндъ Іона 661, 672.
 Гюрия Роговичъ 173, 366.
 Даниилъ Галицкій 381, 402.
 Даниилъ Заточникъ 451, 459, 461—464,
 469, 481, 482, 500, 504.
 Дашковъ Георгій, архіеп. рост. 619.
 Демосеонъ 627, 508.
 Димитрій Донской 380, 519.
 Димитрій Ростовскій 432, 579.
 Димокритъ философъ 494 сл., 505, 506.
 Дитрихъ, нѣм. учен. 640.
 Діонисій Малай 38.
 Дмитревскій Ив., актеръ 598.
 Добровскій, І., учен. 472.
 Доценъ, нѣм. учен. 651, 652.
 Евгеній, митр. кіевск. 88, 343, 476, 515,
 521, 598, 616.
 Евлогій Александрійск. 280, 300.
 Еврипидъ 508.
 Евсевій, истор. церк. 53, 98, 406.
 Евфросинія Полоцкая 386, 423.
 Езопъ 472.
 Екатерина I, имп. 562, 617, 630.
 Екатерина II, имп. 487.
 Елизавета Петровна, имп. 617.
 Елисей, волхвъ, при Іоан. Грозн. 332.
 Епифаній Кипрскій 280, 300.
 Епифаній Славинецкій 409.
 Ермолаевъ, учен. 113.
 Ефремъ Сиринъ 498.

- Зизаній Лавр. 357.
 Зимрокъ, нѣм. уч. 651.
 Зонара, виз. хроногр. 30, 35.
- Ивановъ Алмазъ, дякъ 410.
 Ивановъ Н., проф. 242.
 Игорь, в. кн. 123, 126, 131, 134, 263, 362.
 Иларіонъ, митроп. 55, 166, 301, 360, 418.
 Иннокентій, папа римск. 337.
 Иннокентій, еп. пензенск. 113.
 Истома Малый, толмачъ 368, 407.
 Исухій пресвитеръ 500.
- Іаковъ, братъ Господ. 104.
 Іаковъ, авторъ Первоеванг. 298.
 Іаковъ Мнихъ 82, 84, 488.
 Іегуда Святой 670.
 Іоанникій Галятовскій 655.
 Іоаннъ Богословъ 504.
 Іоаннъ Дамаскинъ, 498, 506.
 Іоаннъ Златоустъ 108, 280 сл., 337, 340, 406, 432, 444, 448—450, 465, 471, 479, 491, 503.
 Іоаннъ Зонара, греч. хроногр. 30, 35.
 Іоаннъ митроп. 422.
 Іоаннъ Стовейскій 497.
 Іоаннъ экзархъ болг. 337.
 Іоаннъ III, в. кн. 131, 367, 510, 512, 514, 518 сл.
 Іоаннъ IV Грозный 382, 383, 407, 552.
 Іоасафъ, еп. рост. 512, 513.
 Іона, митр. моск. 530.
 Іосифъ Волоцкій 352, 447, 492, 499, 521.
- Казанскій П. С., учен. 241.
 Казембекъ, учен. 387.
 Калайдовичъ П., учен. 387, 343.
 Каллимахъ, греч. поэтъ 497.
 Кантемиръ Ант. 562, 595, 596, 599, 612, 615, 616, 620, 631.
 Карамзинъ Н. М. 6, 189, 207, 218, 220, 240, 242, 244, 363, 364, 369, 372, 375, 387, 394, 395, 400, 526, 530, 666.
 Карелкинъ, учен. 247.
 Карлъ Великій 650, 660, 665.
- Катковъ М. Н., учен. 426.
 Каченовскій М., учен. 287 сл., 598, 599, 616.
 Квинтиллианъ, лат. писат. 627.
 Кедринъ Георгій, греч. хроногр. 30, 35, 65, 98, 112—114.
 Кесарій св., братъ Вас. Велик. 98, 112.
 Кипріанъ, митр. моск. 337, 403.
 Кирикъ, русск. писат. XII в. 39.
 Кириллъ Александр. 280, 300, 470, 476.
 Кириллъ Бѣлозерск. 421.
 Кириллъ Гвидонскій, средневѣк. авт. 472.
 Кириллъ Іерусалимск. 470, 474, 476.
 Кириллъ мнихъ, 337, 340—342.
 Кириллъ I митроп. 399, 470, 476.
 Кириллъ II митр. 381, 390, 399, 470, 478.
 Кириллъ, первоуч. слав. 77 сл., 233, 427.
 Кириллъ, еп. рост. XIII в. 401, 470, 478.
 Кириллъ Словенскій 471, 472.
 Кириллъ Транквилліонъ 337.
 Кириллъ Туровскій 273 сл., 398, 419, 423, 426, 430, 446, 447, 451, 452, 470, 471, 477, 531.
 Кириллъ, архіеп. турскій 338.
 Кириллъ Философъ 341, 344, 466 сл., 475 сл., 489.
 Киріакъ Тимооер 395.
 Кій 174.
 Климентъ Александр. 53, 78, 497.
 Кобенцль Г., посолъ 383.
 Козма Пражск. 36, 139 сл. 151, 153 сл., 162 сл., 175 сл., 183, 187 сл., 227 сл., 238.
 Константинъ Велик. 105—108.
 Константинъ, первоуч. слав. 77 сл., 233, 427.
 Коррозетъ Эгидій, франц. уч. 655.
 Коссовъ Сильвестръ 416.
 Котошихинъ 368, 486, 667.
 Кругъ Ф., проф. 113.
 Ксенія, княг. тверск. 423.
 Ксенофонтъ, греч. писат. 508.
 Ксифилинъ, виз. хроногр. 30.
 Кубаревъ А., учен. 90, 241.
 Кукша св. 390.
 Курбскій кн. А. М. 406—408.

Лабиттъ, франц. учен. 603 сл.
 Ламбертъ Гершфельдскій, нѣм. лѣтопис.
 139 сл., 148 сл., 162, 163, 223 сл.,
 235 сл.
 Левекъ, франц. учен. 364.
 Леонидъ, царь спарт. 508.
 Лети Григ., итал. уч. 673.
 Лефорть Фр. 590.
 Ломоносовъ М. В. 207 сл., 505, 594, 595,
 604, 608, 615, 627 сл.
 Лудольфъ Г., англ. учен. 411, 433.
 Лука еванг. 104.
 Лука Жидята 55, 348.
 Лупкинъ Спиридонъ, хлысть 620.
 Любуша 229, 230.
 Магнусъ, шведск. король 381.
 Мазепа, гетм. 416.
 Макарій св. 107.
 Макарій Римскій, св. 470.
 Макарій, митр. моск. XVI в. 552.
 Макарій митр., учен. 89, 344, 345.
 Макарій, писецъ 443.
 Максимилианъ, герм. имп. 407.
 Максимовичъ М. А. 343.
 Максимъ Грекъ 367, 406, 407, 417, 427,
 445.
 Максимъ Исповѣдникъ 494, 498, 500 сл.
 506.
 Максимъ митр. 399.
 Мамеръ царь 251.
 Мамотякъ, татарск. ханъ 525.
 Мануилъ, еп. смол. 488.
 Мартинъ Галлъ 188—190, 365.
 Мароа, вел. княг. 518.
 Медвѣдевъ Сильвестръ 342.
 Мелетій Смотрицкій 357.
 Менаандръ Мудрый 461, 500, 503, 508.
 Меншиковъ А. Д. 611—613, 631.
 Метафрастъ Симеонт. 280, 296, 297.
 Мессодій Исповѣдникъ, патр. 122.
 Мессодій Патарскій 114 сл., 173, 255.
 Мессодій, первоучит. слав. 77 сл., 233.
 Миклошичъ Ф., учен. 206, 245.
 Миллеръ Г. Ф., учен. 240, 242.
 Митрофанъ, архіеп. новгор. 449.
 Михаилъ Андреевичъ, кн. 518.
 Михаилъ Глика, виз. хроногр. 112.

Михаилъ Тверской, кн. 423.
 Монсей Угринъ, св. 381.
 Мольеръ 584.
 Монтень 412, 413.
 Моргофъ Даниилъ, авт. 413, 414.
 Мстиславъ, кн. новг. 449.
 Мусинъ-Пушкинъ гр. А. И. 375, 394.
 Мусинъ-Пушкинъ гр. И. А. 612.
 Муллахъ, учен. 496.
 Несторъ лѣтописецъ 28 сл., 276, 356,
 361, 362, 366, 368—372, 392, 393, 397,
 427, 470, 488, 492. О языкѣ и слоgѣ
 196 сл., 244—246.
 Несторъ, авторъ житія преп. Θεодосія
 Печ. 354, 349.
 Никитинъ Аѳанасій 387, 488.
 Никифоръ, митроп. кievск. 123, 417, 518,
 532.
 Никонъ патр. 623.
 Нифонтъ, архіеп. новг. 39.
 Новиковъ Н. И. 378, 596.
 Оболенскій кн. М. А., учен. 104.
 Оболенскій-Лыко, кн. Ив. 513.
 Олеарій 410.
 Олегъ, в. кн. 123, 126, 130, 132, 160,
 171, 255, 261, 272, 362.
 Оленинъ А., писат.-художн. 638.
 Ольга, в. княг. 130, 165, 178, 255, 261,
 263, 266—268.
 Орвардъ Оддъ 132, 270.
 Остерманъ, госуд. канцл. 612, 613, 631.
 Павелъ ап. 422.
 Паисій, патр. констант. нач. XVII в.
 416.
 Паисій, іеромон. Серг. мон. 443.
 Паисій, игум. Серг. мон. 512, 536.
 Палацкій Ф., чешск. учен. 232.
 Палицынъ Авраамій 223, 355.
 Пафнутій Боровскій, преп. 511, 515—517.
 Пахомій, еп. рост. 422.
 Пекарскій П. П., учен. 609 сл.
 Перевошиковъ В., учен. 239.
 Перлесь, евр. учен. 672, 676.
 Петръ ап., преніе съ Симономъ волхв.
 103.

Петръ I 411, 548 сл., 558, 562 сл., 592 сл.
 Петръ II 631.
 Петръ Могила 337.
 Пивагоръ 508.
 Плано-Карпини 378, 402.
 Платонъ 99, 115, 354, 508.
 Платонъ, митр. моск. 597.
 Племянниковъ Вл., посолъ 407.
 Плутархъ 495, 497, 503, 508.
 Поганополюкъ 355.
 Погодинъ М. П. 240, 364, 369.
 Полевой 131, 244, 369, 399.
 Поликарпъ, авторъ Печ. Патер. 423.
 Принцъ Даніилъ, посолъ 383, 408.
 Проклъ, патр. конст. 280, 295.
 Прокоповичъ Теофанъ—см. Теофанъ.
 Пушкинъ А. С. 424.
 Пыпинъ А. Н. 642.

Рагдай, богат. 174.
 Рей изъ Нагловиць 656, 657.
 Роговичъ Тюрята 173, 366.
 Родышевскій, іером. 619.
 Розенкампоъ бар., учен. 242.
 Ростиславъ Мстиславичъ, смол. кн. 488.

Самаринъ Юр. Ѳ. 348, 600 сл., 616, 619.
 Сатанаилъ, творецъ міра 257.
 Сахаровъ И. П. 386, 637.
 Святополюкъ Окаяни. 355.
 Святославъ Иг., в. кн. 123, 126, 131, 196, 261, 362, 363.
 Селиванъ, монахъ, ученикъ Максима Гр. 407.
 Серапіонъ, еп. влад. 446, 447, 451, 531.
 Сильвестръ Коссовъ 416.
 Сильвестръ Медвѣдевъ 342.
 Сильвестръ, папа р. 106, 107.
 Симеонъ, царь болг. 446.
 Симеонъ Мегафрастъ 280, 296, 297.
 Симеонъ Полоцкій 435, 553, 555.
 Симонъ волхвъ 103, 173.
 Симонъ, авт. Печ. Патер. 423.
 Синкеллъ Георгій, виз. хроногр. 35, 65, 112, 113.
 Синкеллъ Михаилъ 70 сл.
 Сирахъ, евр. мудр. 451, 469, 479, 481, 500, 503.

Сисмонди, франц. учен. 364.
 Скилицій, виз. хроногр. 30.
 Скобѣевъ Фролъ 538.
 Смотрицкій Мелетій 357.
 Снегиревъ И. М., учен. 92, 114, 640, 657, 663.
 Сократъ, греч. мудр. 508.
 Соловьевъ С. М., учен. 91, 244, 347, 666, 667.
 Соломонъ 451, 461, 469, 479, 481, 500, 503, 506—507, 660.
 Софія Палеологъ, жена Іо. III 406.
 Срезневскій И. И. 426.
 Станиславъ, св. польск. 356.
 Стефанъ Пермскій, св. 390—392.
 Стефанъ Яворскій—см. Яворскій.
 Стовой, греч. писат. 535.
 Строевъ П. М., учен. 98, 100, 110, 113, 242, 387, 515.
 Сумароковъ А. П., писат. 356, 595—597, 637.
 Сѣчихинъ Ив., переводч. 505.

Татищевъ В. Н., учен. 29, 242, 363, 393, 396, 399, 400, 404, 595, 612, 620.
 Тацитъ, римск. писат. 627.
 Таціанъ, христ. писат. 53.
 Тимковскій Р., учен. 7, 76.
 Тимофей Архиповичъ, юрод. 620.
 Титъ, еп. Вострскій 280, 295, 447.
 Титъ Ливій 265.
 Тихонравовъ Н. С., учен. 656.
 Топоровскій Мих., переводч. 368.
 Тредьяковскій В., писат. 356, 434, 505, 578, 620.

Улу-Махметъ, тат. ханъ 525.

Фабри, богословъ 367, 368
 Факсардо, исп. писат. 615.
 Фердинандъ, имп. герм. 407.
 Филаретъ, архіеп. черн., учен. 344, 607.
 Филиппъ, царь макед. 508.
 Фон-Визинъ Д. 417, 487.
 Френъ, учен. оріентал. 387.
 Фридрихъ-Вильгельмъ IV, кор. пр. 497.
 Фролъ Скобѣевъ 538.
 Фуксъ А., учен. лингв. 385.

Хвольсонъ Д., учен. 661.

Христоробецъ, писат. 421, 466.

Цицеронъ 443, 495.

Чистовичъ И., учен. 593 сл.

Шафарикъ, чешск. учен. 78.

Шевыревъ С. П., учен. 244, 347.

Шекспиръ 651, 654, 672.

Шемяка Дмитрій, кн. 525, 526, 666, 667.

Шемяка, судья, герой повѣсти 637 сл.

Шлегель Фр., нѣм. писат. 403.

Шлецеръ, учен. 25, 29 сл., 98, 112, 158,

174, 206, 214, 239, 240, 242, 267, 371,

394, 395, 398, 399, 492.

Щербатовъ кн. Дмитрій 367.

Щербатовъ кн. М., писат. 575, 612, 620.

Ювеналъ, лат. писат. 558.

Юрій Васильевичъ, кн., братъ Го. III 513.

Эверсъ, учен. 242.

Яворскій Стефанъ 531, 553, 555, 561,
580 сл., 597, 600, 602, 619, 623.

Янъ, бояринъ кіевск. 138, 195, 226.

Янъ Усмошвецъ 174.

Ярополкъ Изяславичъ, кн. 137.

Ярославъ Мудрый, в. кн. 137, 138, 179,
189, 191, 398, 399, 427.

Ясинскій Варлаамъ, митр. кіевск. 416.

Ѳеодоритъ, просвѣтит. лопарей 390.

Ѳеодоръ Студитъ, преп. 337.

Ѳеодосій, митр. моск. 422.

Ѳеодосій Печерскій 30, 85, 181, 195, 241,
354, 363, 447, 449, 466, 486.

Ѳеодосій Яновскій 619.

Ѳеофанъ, виз. хрон. 32, 62, 113, 114.

Ѳеофанъ Прокоповичъ 554, 562, 569 сл.,
584, 593 сл.

Ѳеофилактъ Болгарскій, архіеп. 337.

II. Указатель важнѣйшихъ названій памятниковъ литературы и произведеній народной словесности.

Азбуковникъ 357.

Алфавитъ 357.

Антологія Антонія и Максима 498, 499,

—**Іо. Дамаскина** 498, **Стовя** 497, 535.

Анооологіонъ 1638 г. 508.

Анеропоскоіа 505.

Апологи (басни) Кирилла Филос. 472—473.

Апокрифы 65, 249 сл., 462, 642, 663.

Бесѣда трехъ святит. 462.

Былины 262, 371, 424, 490, 533.

Бытіе Малое, апокр. 65.

Венеціанскій купецъ, Шекспира 654, 672.

Вечеря духовная, Симеова Полоцк. 435.

Владимиръ, трагедо-комедія Теоф. Пр. 596, 615, 629.

Вопросо-отвѣты Аванасія Алекс. 65.

Воскресенскій сп. лѣт. 7, 8, 18 сл., 35.

Временникъ Софійск. 387, 516.

Gesta Romanorum 677.

Главы раввина Елеазара 66.

Грамматика Л. Зизанія 357,—**Лудольфа** 433,—**Мел. Смотрицкаго** 357.

Грамота кн. Ростислава Мстиславича 488.

Далимилова хроника 266.

Дзанглунъ, тибетск. сказки 642, 649.

Договоры русскихъ съ грек. 5, 123, 362.

Драгія смѣянія, Мольера 585.

Думы малорусск. 534.

О св. Духѣ книга Вас. Вел. 76.

Евангелистая пѣснь 461.

Евангеліе на «русск.» языкѣ 427,—**Іакова** 298.

Жарты 538.

Житіе Бориса и Глѣба 24, 84, 241,—**Владимира Св.** 81 сл.,—**Іо. Златоуста** 449,—**кн. Іоасафа** 20,—**Кирилла Бѣлозерск.** 421,—**Кирилла и Меодія** 77 сл., 233, **Макарія Римск.** 470,—**Пафнутія Боровск.** 511, 515—517, 521 сл.,—**Теоодосія Печерск.** 241, 363, 449.

Зеркало Мудрости, Кирилла Филос. 472. **Великое Зерцало** 538.

Златая Цѣпь 89, 352, 420, 429, 447.

Златоструй 446, 461, 465.

Златоустъ, сборн. 341, 429, 446, 471.

Изреченія 479 сл.,—**Димокрита** 494. **Объ индиктѣ** ученія 39.

- Ипатьевскій сп. лѣтоп. 6, 8, 18, 24, 27, 37, 90, 239, 396, 507.
- Исповѣданіе Кирилла Туровск. 344,— Кирилла первоучит. слав. 471,—Михаила Синкелла 71 сл.
- Исторія объ Александрѣ кавал. рос. 537 сл.
- Іоакимовская лѣтоп. 29.
- Календарь 2.
- Канонъ покаяни. Кир. Тур. 345, 346,— Симоона Логовета 296, 297.
- Кенигсбергскій сп. лѣтоп. 7, 8, 26, 239. Клежда польск. 268.
- Книга Праведнаго, евр. романъ 660, 661.
- Комедіи имп. Екат. II 487.
- Кругъ міротворный 39.
- Лаврентьевскій сп. лѣтоп. 6 сл., 18, 21, 25—27, 32, 35, 37, 54, 76, 239, 246, 396, 476.
- Легенды еврейск. 661 сл., 670.
- Леоосъ 337.
- Лѣтописецъ Переяславскій 54, 247.
- Лѣтописи западно-европ. 31 сл., 129, 139 сл., 162, 234—236, 244, 405,— Вейнгартенскія 35, 37,— Фульдскія 37, 405. См. еще Хроника.
- Лѣтопись русск. древн. 1 сл., 376, 377, 393, 492. Ея значеніе 3, 4.—Списки 6 сл.—Заемствованія 56.—Дополненія 55 сл.—Начатки 50.—Языкъ 238. См. еще Несторъ лѣтоп.
- Лѣтопись Іоакимовская 29.
- Лѣтопись Новгородская 381;—1-я 9 сл., 18, 23, 25;—2-я—16, 18, 23, 25.
- Лѣтопись Псковская 40.
- Лѣтопись Софійская 7—8, 14—18.
- Магомета біографія 62.
- Мессія Правдивый 655.
- Міротворный кругъ 39.
- Молитвы Кирилла Тур. 344, 345.
- Наказаніе отца сыну 482.
- Никоновскій сп. лѣтоп. 7, 8, 17, 23 сл., 27, 32, 62, 76, 363.
- Новгородская лѣтопись—см. Лѣтопись Новг.
- Палея Толков. 58 сл., 642.
- Патерикъ Печерск. 241, 423, 492.
- Пасхалии наука 39.
- Пасхальныя таблицы 37 сл.
- Переяславскій лѣтописецъ 54, 247.
- Св. Писаніе 57, 124, 171, 181, 182, 184, 197, 214, 224, 234, 235, 248, 276 сл., 506, 521, 530, 549, 553.
- Плачь Богородицы 299.
- Повѣсть Василя въ древн. лѣтописи 90;—объ Акирѣ 537,—оснахъ Мамера 251,—о Фролѣ Скобѣевѣ 538,—о хромцѣ и слѣпцѣ 344, 430, 670, 675,—о царѣ Казаринѣ 20,—о Мамаевомъ побоищѣ 380,—о Шемякиномъ судѣ 637 сл.
- Полемика съ латин. 75.
- Посланіе Вассіана рост. къ Іо. III на Угру 510, 515;—м-та Іоны 530; м-та Никифора къ Влад. Моном. 518;—п. Фотія къ ц. Михаилу Болг. 75.
- Пословицы народн. 199, 250, 353, 479, 665.
- Поученіе. См. Слова.
- Поученіе Влад. Моном. 374, 376, 397, 488.
- Похвала Владимиру Св. 23.
- Русская Правда 5, 18, 426.
- Преданія народн. 255 сл.;—въ древн. лѣтописи 248 сл.;—малорусск. о двухъ влюбленныхъ 146;—сербск. о судьбѣ 133, 269, 271;—чешское о Крокѣ и Любушѣ 144.
- Превіе ап. Петра съ Симон. волхв. 103.
- Притча о премудрости 345. См. еще Повѣсть.
- Псалтырь съ толков. Аванасія 351,—Оеодорита Киррск. 351.
- Псковская лѣтоп. 40.
- Пчела 277, 351, 352, 446, 458, 459, 461, 465, 469, 474 сл., 494 сл., 535.
- Пѣсни народн. 193, 200, 214;—о судѣ Карла Велик. 642, 650.
- Регламентъ Духовн. 615, 627.

- Риторика Теофана Прокон. 607, 633—635.
- Розыскъ о Брынской вѣрѣ 432.
- Ростовскій сп. лѣтоп. 7, 8, 19 сл.
- Сага Норманск. 132, 266;—о Ніалѣ 264,—объ Орварѣ Оддѣ 270,—о Стирѣ 265.
- Святослав. Сборникъ 1073 г. 71 сл.
- Книга о сивилляхъ 533.
- Сказаніе како сотвори Богъ Адама 259.
- См. еще Повѣсть.
- Сказки русск. 664.
- Слова: Димитрія Рост. 582, Евлогія Александрійскаго 300, Епифанія Кипрск. 300, м-та Иларіона 301, Кирилла Алекс. 300, Ио. Злат. 445, 452 (о женахъ 465, —озлыхъ женахъ 453), Кирилла Герус. 474, Кирилла I 476, Кирилла Туровск. 282 сл., 398, 426, 447 (инокамъ 345, о мытарствахъ 477, 478), Кирилла Философа 467, 477,—Луки Жидаты 55, Меодія Патарск. 116, Прокла Константинопольскаго 295, Серапіона Вл. 447, Стефана Яворск. 580 сл., Тита Вострск. 295, Христолюбца 421, 466, Θεодосія Печ. 30, 181 (о казняхъ Божіихъ 85, 466, о постѣ 89, о терпѣніи 466, 486), Θεοφανα Прокоповича 568 сл., 615, св. отецъ о пьянствѣ 89, 466;—о злыхъ женахъ 453, 458, 463, о исходѣ души 344, о мытарствахъ 344—346, о страхахъ Божіихъ 429, о чадахъ 482.
- Слово Даніила Заточника 451, 459, 461—464, 469, 481, 482, 500, 504.
- Слово о полку Игоревѣ 114, 353, 426, 534.
- Слово о Христѣ и Адамѣ 301.
- Словца отъ мудрости І. Сирахова 479.
- Служба пр. Пафнутію Боровскому 517.
- Сборникъ 1647 г. 299, 340.
- Совѣстдралъ 656.
- Сойфійская лѣтопись 7—8, 14—18.
- Статиръ 337 сл., 435.
- Старчество 471.
- Степенная книга 207, 208, 211, 355, 365, 403, 516, 517.
- Стихи духовные 300,—о Голубиной книгѣ 260, 461.
- Судебникъ ц. Константина 18.
- Судъ Любуши 229, 230.
- Судъ Шемякинъ 637 сл.
- Судъ Соломона 642, 663.
- Талмудъ Вавилонскій 660, 670, 676.
- Тысяча и одна ночь 675.
- Ученіе Кирика 39.
- Фацеціи польскія 658.
- Хлѣбниковскій сп. лѣтоп. 24, 76.
- Хроника Далимилова 266,—Ламберта 175, 176.
- Хроники западно-европ. См. Лѣтописи.
- Хронографъ русскій 242, 299, 642, 666.
- Хронографы визант. 17, 24, 29 сл., 32, 52, 53, 105, 249. См. еще Амартолъ, Зонара, Кедринъ, Синкеллъ, Скилицій, Θεοφанъ.
- Цѣпь. См. Златая Цѣпь.
- Ѳзда на островъ любви 434.
- Ѳдда 256.
- Ярлыки тат. хановъ 379.

